

сказки и мифы океании

сказки и мифы
ОКЕАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

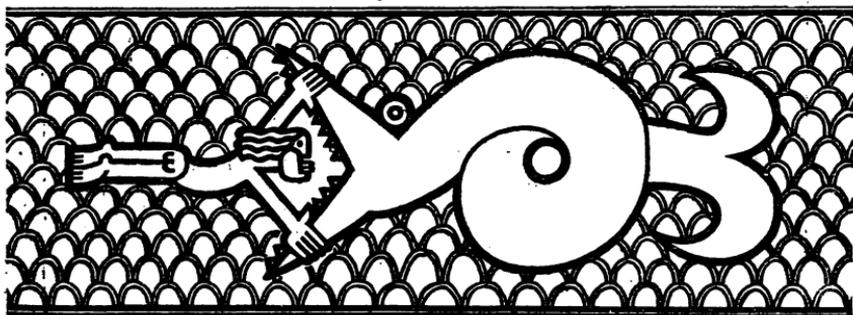

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

Издательство «Наука»

СКАЗКИ И МИФЫ ОКЕАНИИ

*Перевод с западноевропейских
и полинезийских языков*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. МОСКВА 1970

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»:

И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТинский,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Составитель Г. Л. ПЕРМЯКОВ

Предисловие Е. М. МЕЛЕТинского

Этнографические очерки А. М. КОНДРАТОВА

Ответственный редактор, автор карт и примечаний
П. И. ПУЧКОВ

С42 Сказки и мифы Океании. Перевод с западноевропейских
и полинезийских языков. Сост. Г. Л. Пермяков, пре-
дисловие Е. М. Мелетинского, под ред. П. И. Пучкова.
Главная редакция восточной литературы издательства
«Наука». М., 1970.

671 с. «Сказки и мифы народов Востока».

Первая широкая публикация повествовательного фольклора народов Океа-
нии, сопровождаемая фольклористическим предисловием, этнографическими
очерками и примечаниями.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

7-3-4

166-69

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Духовный мир Океании представляет огромный интерес для науки. Дело в том, что народы этой географической области в силу ряда причин (главным образом из-за оторванности от основных центров цивилизации) сохранили в своем общественном и культурном укладе большое число архаичных форм, знакомство с которыми может облегчить понимание многих сложных вопросов ранней истории человечества, в частности таких, как развитие религиозных верований, эволюция системы запретов (табу), становление поэтических жанров и т. п.

Особенно ценный в этом отношении материал содержит богатейший океанийский фольклор. Но как раз он практически почти неизвестен советскому читателю: за исключением двух частных сборников устного поэтического творчества аборигенов Новой Зеландии и Западного Ириана¹ да нескольких отдельных фольклорных текстов, вошедших в другие (преимущественно этнографические) издания, океанийский фольклор в нашей стране не публиковался. Крайне мало вышло у нас и соответствующих исследовательских работ.

Настоящий сборник является первой в Советском Союзе широкой публикацией народного словесного творчества Океании.

Этим, собственно, и объясняется состав и структура сборника. Раз он планировался как первый и к тому же готовился только в конце 60-х годов, когда мировая океанистика достигла известных успехов и накопила обширный и разнообразный фольклорный материал, мы были обязаны сделать наш свод как можно более разносторонним.

Прежде всего он должен был охватить все основные географические зоны Южных морей, начиная от Новой Гвинеи и Марианских островов на западе и кончая о-вом Пасхи на востоке. Далее, для него следовало отобрать наиболее характерные как в этнографическом, так и в литературно-

---

¹ Мы имеем в виду переводы книг А. Риды «Мифы и легенды страны маори» и Г. Невермана «Сыны Дехевая», изданные в Москве в 1960 г.

художественном отношении образцы, по возможности ярко отражающие все специфические особенности культуры создавших их племен и народов и при этом самые разные по своей внутренней и внешней структуре. И, наконец, в него надо было включить все более или менее значительные тексты, на которые опираются или ссылаются сторонники различных этнографических и фольклорных школ, в том числе приверженцы «азиатской» и «американской» теорий заселения Океании.

Думается, что в какой-то мере это нам удалось. В сборнике представлены почти все государственные образования Океании, как независимые, так и находящиеся под опекой или колониальным господством, и большинство основных островов и архипелагов этой части мира. В нем нашли место и самые различные типы фольклорных текстов, отличающиеся друг от друга своей жанровой принадлежностью, сложностью композиции, степенью фиксированности (устойчивости) своих элементов², практической и познавательной ценностью, временем своего создания и художественными достоинствами.

Разумеется, дать в одной книге все было невозможно. Поэтому мы ограничили сборник только повествовательными формами, заранее отказавшись от стихотворных. (Исключение составляют отдельные песни и заклинания, входящие в состав публикуемых мифов и сказок.)

Структура сборника также отвечает его основному замыслу — дать как можно более полное и всестороннее представление о предмете.

В согласии с принятой этнографической классификацией народов Океании книга делится на три большие части: «Меланезия», «Микронезия» и «Полинезия», каждой из которых предпослан соответствующий историко-этнографический очерк. Внутри этих частей фольклорный материал расположен по географическому принципу: сначала по странам, а затем по островам; в нескольких случаях, кроме того, — по отдельным этническим группам. В рамках указанного деления тексты сгруппированы по жанровым признакам: первыми идут мифы, далее — разного рода сказки, а после них — исторические предания и бытовые рассказы. Правда, последний принцип выдержан недостаточно строго.

Открывается книга статьей известного фольклориста, доктора филологических наук Е. М. Мелетинского, в которой дается анализ повествовательного океанийского фольклора и исследуется его специфика. В конце сборника помещены все необходимые комментарии, в том числе основные

---

² Ср., например, сакральные тексты, вроде мариндских преданий о демах (стр. 48—66), где незбылемо каждое слово, и какие-нибудь бытовые рассказы, наподобие кивайского повествования «О воре и его жене» (стр. 89), свободные от таких ограничений и скорее всего вообще не вошедшие в традицию.

примечания к текстам, объясняющие читателю местные реалии и обычаи, словарь океанийских географических названий, словарь зоологических и ботанических названий и справки об источниках.

Источниками фольклорных материалов, представленных в книге, послужили сборники Г. Невермана, Г. Лэндтмена, П. Клейнтитшена, Р. Кодрингтона, Б. Квейна, У. Лессы, Е. Хэнди, Е. Гиффорда, А. Метро, Д. Грея, У. Вестервельта, П. Хамбруха и ряда других собирателей и знатоков народного творчества Океании, а также отдельные монографии и журнальные публикации исследователей-океанистов, содержащие нужные нам тексты.

Всего нами было использовано около сорока источников (см. Указатель, приведенный на стр. 659). Конечно, не все они равноценны по своим качествам. Сказывается и время записи текстов (оно падает на годы начиная с 1845 и кончая 1960), и уровень специальной подготовки собирателей (среди них встречаются фольклористы-любители), и общий характер изданий. Наряду с подлинно научными публикациями, сопровождаемыми словесным переводом и широко комментированными (например, работы П. Клейнтитшена, Е. Хэнди, К. Черчворда и др.), попадаются и такие, где материал подвергнут излишней литературной правке (например, сборник П. Колума). Естественно, мы ориентировались на документальные издания, но иногда, за отсутствием выбора, обращались и к литературным.

Как указано на титульном листе, перевод океанийских текстов осуществлялся с западноевропейских и полинезийских языков. Более подробные данные — с какого именно языка и кем из переводчиков выполнен тот или иной перевод — приведены в Содержании.

Пользуясь случаем, составитель выражает признательность заведующему кафедрой этнографии МГУ доктору исторических наук профессору Сергею Александровичу Токареву, который ознакомился с рукописью настоящего сборника и высказал ряд ценных критических замечаний, а также профессору Гавайского университета Катарине Луомале, оказавшей нам серьезную помощь советами и материалами.

Г. Пермяков

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ОКЕАНИИ

Разбросанный на широких тихоокеанских просторах островной мир является сокровищницей оригинального народного творчества, почти неизвестного советскому читателю. Подавляющая часть произведений словесного искусства народов Океании сохраняется в формах живого бытования на близко родственных языках и диалектах малайско-полинезийской лингвистической семьи. Исключение составляет фольклор на папуасских языках на Новой Гвинее и некоторых других близлежащих островах Меланезии. В целом фольклор Океании весьма архаичен и в этом смысле имеет некоторые типологически сходные черты с устно-поэтическим творчеством коренных народностей Америки, Северной Азии, Африки; изучение его представляет огромный интерес для понимания особенностей ранних форм словесного искусства, взаимоотношения мифа и сказки и для истории культуры вообще.

Океанийский повествовательный фольклор, как всякий архаический фольклор, отличается своеобразным жанровым синкретизмом. Фольклорная терминология аборигенов обычно прежде всего противопоставляет повествование сакральное (содержащее «священную» информацию, связанное с ритуалами) и несакральное. Однако такое противопоставление не дает основания для четкого отделения мифа от сказки, ибо многочисленные несакральные этиологические сюжеты — также мифы, поскольку описываемые в них события являются первоосновой мироустройства, имеют космогоническое значение. Эти несакральные мифы вместе с тем легко обогащаются сказочными элементами.

Центральное явление первобытного фольклора — сказания о «культурных героях» — первопредках. Составляющие основу этих сказаний этиологические мифы обросли разнообразным сказочным материалом; сами мифические культурные герои часто проявляют себя как плуты-трикстеры, глупцы-простаки; священное, героическое и комическое сплетено в этих образах в нерасчленимом синкретическом единстве. С другой стороны, почти всякая «первобытная» сказка в известном смысле «мифична»: ее сюжет

воспринимается не как вымысел, а как достоверное событие; фигурирующие в ней мифологические существа (звери, духи) еще являются объектом актуальных верований; фантастика ее совершенно лишена условности, конкретно-«этнографична»; в ней много этиологических мотивов, хотя они порой являются лишь привеском к основному сюжету. Жанры повествовательного фольклора еще слабо дифференцированы друг от друга. Раньше приобретает самостоятельность сказка о животных, но сказок о животных в Океании как раз немного. Что же касается волшебной сказки, то ее еще очень трудно отделить от «былички», местных легенд, мифов. Специфическая для волшебной сказки «семейная» тема и идеализация обездоленного только намечается (см. ниже о меланезийских сказках о бедном сироте). Сказка совершенно не созрела морфологически, в ней не сложилась характерная для классической волшебной сказки иерархическая структура с отчетливым выделением предварительного испытания героя, которое дает ему в руки волшебное средство (или помощника), помогающее заполучить «принцессу» и «царство». В архаической сказке «свадьба» не обязательна, сказка может кончиться как приобретением, так и потерей. Различие видно очень ясно при сопоставлении, например, приведенных в этой книге гавайских традиционных преданий и явно заимствованных гавайцами евразийских сказок, соответствующих №№ 551 и 513а по указателю сказочных сюжетов Аарне — Томпсона. В архаическом фольклоре народов Океании только намечены некоторые сказочные темы — такие, как приобретение и потеря чудесной (тотемической) жены, приносящей благоденствие; приключения детей у людоеда, посещение царства духов (смерти), торжество горючего бедного сироты, чудесное рождение героев-мстителей у покинутой одинокой женщины; «курсируют» некоторые типичные сказочные мотивы, вроде чудесного рождения, превращений людей и животных друг в друга, магического бегства, соперничества старшего и младшего братьев. Разумеется, имеется множество специфических сказочно-мифологических сюжетов, стиливых «формул» и т. д., характерных только для Океании, или, еще чаще, только для Полинезии, для Микронезии, для Меланезии, или даже для отдельных архипелагов, островов, племенных групп. Известное единство повествовательного фольклора Океании составляет фон, на котором особенно ярко выделяется местный поэтический колорит. Географическая дистрибуция различных фольклорных элементов в известной мере отражает особые черточки географической среды, исторической судьбы, хозяйственного уклада многочисленных племен и народностей Океании. Но эта дистрибуция, кроме того, довольно четко увязывается со стадийной типологией повествовательного фольклора (и шире — характера общественного развития и культуры), что соответствует не только разным формам, но и разной степени его архаичности. Постепенное повышение культурного

уровня приблизительно совпадает с направлением с запада на восток, от Новой Гвинеи в сторону Полинезии. Некоторые папуасские племена на островах Торрессова пролива или в западной части Новой Гвинеи по типу культуры еще очень близки австралийцам. У них сильны пережитки тотемизма, в религиозной жизни исключительную роль играют верования, связанные посвятельными обрядами, разнообразные виды колдовства и магии. Кроме того, у них имеются примитивные формы почитания предков (культ черепов). У папуасов мало космогонических мифов, но многочисленны рассказы о разнообразных духах. В хорошо изученном фольклоре маринд-аним главное место занимают, так же как у центральноавстралийских племен, мифологические повествования о деяниях тотемических предков двойной полуживотной-получеловеческой природы (так называемые демы, аналогичные «вечным людям» австралийцев). События давно прошедших времен из жизни дем имеют решающие этиологические последствия. Например, пожар в Сендаре, вспыхнувший от «страсти» двух дем, привел к тому, что у казуара стали черными перья, а у аиста — красными ноги. Некоторые предметы на местности или звезды на небе оказываются превращенными после завершения их земной жизни демами; тем более это относится к животным: Геб по пальме взобрался на небо (его преследовали взрослые мужчины с оскорбительными намерениями) и превратился в «Лунного человека». Жены месяца — звезды; две из них — ленивая и прилежная девушки по имени Манди и Охом, также убежавшие на небо. Преследуемый рыбий вор превращается в баклана, мужчины, учившиеся летать, превратились в птиц-носорогов, девушка прижалась к стволу пальмы, как ящерица, и стала ящерицей. Превращение тотемических предков в звезды, животных (в частности, превращение преследуемых людей в животных, птиц, рыб) встречается по всей Океании, включая Австралию. Превращение одних существ в другие, возникновение или изготовление растений из животных, животных из растений и т. д. составляет характерную группу этиологических мотивов: люди произошли, по мнению маринд-аним, из бамбука, бетелевая пальма — из кожи крокодила, банан и таро — из груди женщины или банан — из раны Геба, рыба — из плодов дерева, кенгуру — из костей великана, москиты — из головы кенгуру, большие деревья — из копыя и т. д. Этиологическое превращение может происходить в любом направлении. В мифе маринд-аним в соответствии с тотемическими представлениями люди превратились в птиц-носорогов, а от птиц-носорогов произошли дигульцы. По всей Океании и вне связи с тотемизмом распространен миф как о происхождении человека из кокоса, так и кокоса из головы человека. Некоторые из этих этиологических мотивов подсказаны внешним сходством головы и кокоса, бетелевых листьев и крокодиловой кожи и т. д.

Так же как и у австралийцев, у маринд-аним и других папуасских племен этнологические мифы прежде всего объясняют особенности ландшафта в пределах местности, обитаемой данной племенной группой. Благодаря такой ограниченности своим «микрокосмом» мифы о тотемических предках неотделимы от того, что фольклористы обычно называют местными преданиями и легендами. В этих рамках тотемические предки выступают как своего рода демиурги и культурные герои: о-в Хабе был отколот палицей демы по имени Деви; плотина, выстроенная двумя другими демами — Арамембом и Упикак, связывает остров с сушей. Арамемб первый охотился при помощи копья и лука, которые сделал ему его отец. Громовник Дивахиб дает людям свою копьеметалку, которая служит им и на охоте и в культе Имо, и т. д.

У части папуасоязычных байнингов (Новая Британия) имеются сказания о братьях (Сирини и Гоаткиум), весьма сходные, а может быть, и заимствованные от соседних меланезийцев — гунантуна (папаратава). У тех же байнингов имеется и сказание об едином антропоморфном культурном герое — Ригенмухе, первосоздателе всех вещей, покровителе посвященных обрядов. Ригенмуха очень напоминает мифических героев Восточной Австралии (вроде Байаме, Дарамулуна или «предков» Мура-Мура). Ригенмуха, Сидо, Квойам и другие мифические герои папуасов теснейшим образом связаны с календарными обрядами и садовой магией. Этим мифы о культурных героях у папуасов отчетливо отличаются от собственно меланезийских. Косвенно связаны с садовой магией у папуасов и многочисленные «сказки» о духах, в частности популярный сюжет об умершем муже, который является своей вдове, уводит ее в царство мертвых, откуда ей с трудом удается вернуться. Такая «сказка», рассказываемая в начале дождливого сезона в специальных хижинах, построенных в садах, в сопровождении трапезы из свежих листьев, имеет, однако, не только магический, но в гораздо большей мере нравоучительный характер.

Фольклор меланезийцев на северо-западных островах почти столь же архаичен, как и у папуасов. На о-вах Тробрианд, по данным Малиновского, преобладают мифы (лилиу), непосредственно связанные с календарными ритуалами и земледельческой магией; даже сказки «кукванебу», рассказываемые для развлечения в дождливый сезон, оканчиваются магической формулой плодородия.

В Центральной и Южной Меланезии тотемизм сохранился лишь в виде пережитков (главным образом в обозначении экзогамных фратрий); исключительно высокого развития достигли анимистические верования, в которых отчетливо дифференцируются духи мертвых (лио'а, тиндало, тамате, табаран и т. д.) от духов природы (вигона, вуи, кайя и др.). Имеются зачатки дифференцированных представлений о посмертной судьбе, о луч-

шем положении душ людей выдающихся, обладавших силой — «мана». Последние очень часто делаются объектом специального культа.

Центральную часть повествовательного фольклора меланезийцев составляет мифологический «эпос» в виде цикла сказаний о культурных героях — братьях-близнецах. Правда, циклизация этиологических мифов вокруг этих персонажей не вполне завершена; в некоторых вариантах сказаний о добывании огня, пресной воды, о происхождении ночи и смерти фигурирует некая мифическая старуха (порой отождествляемая с матерью культурных героев). В других случаях в роли демиурга выступает могущественный дух-змея; таков, например, кайя То-Лагулагу у гуантуна на о-ве Новая Британия; в форме змей выступают демиурги и культурные герои на Сан-Кристорале (Агунуа), Фиджи (Нденгеи), о-ве Россел (Вонайо).

Мифическая старуха и змей отдаленно напоминают соответствующие образы североавстралийской мифологии (Кунапи и Радужного змея); с другой стороны, хтонически окрашенный образ старой женщины сохранился даже в полинезийских мифах (прабабка Мауи). Однако в общем и целом эти демонические образы в меланезийском фольклоре оттеснены на задний план братьями-близнецами. В отличие от папуасского фольклора сказания о культурных героях у меланезийцев, как правило, не связаны с ритуалами и не имеют священного (сакрального) значения. Если меланезийцы и определяют иногда культурных героев как «духов», то главным образом для того, чтобы отделить от обыкновенных людей «большого человека» старых времен, первоначально — устроителя мира и человеческого общества. Братьев может быть много, так же как тотемических предков, действовавших в доисторические времена, по представлениям австралийцев и папуасов. Но в Меланезии из числа этих братьев обычно выделяются двое — «умный» и «глупый», т. е. положительный и отрицательный варианты культурного героя; иногда, впрочем, противник — соперник культурного героя и не входит в число братьев. На Новой Британии у гуантуна каждая половина племени называет своим предком одного из братьев — То Кабинана и То Карвуву (вариант: То Пурго), но эти фратриальные предки полностью антропоморфны и считаются первыми людьми. Их самих сделали из сгустка крови или из рисунка кровью упомянутые выше «старуха» или кайя

Первые женщины создаются из кокосовых орехов, выросших из головы «старухи», или из тростника, и братья берут их в жены, устанавливая при этом деление на брачные классы. То Кабинана и То Карвуву создают различные этнические группы, рельеф местности, животных, птиц и рыб, строят лодку и первые занимаются рыбной ловлей, первые охотятся на диких свиней и для этой цели изготавливают копье, создают культурные расте-

ния и научаются их выращивать, а также отбирать спелые плоды и сладкие листья, варить пищу, первые очищают участок для посева, первые строят хижины и, поселившись в одной хижине, создают мужской дом, изготавливают раковинные деньги и музыкальные инструменты. Братья первые проходят посвятельные обряды: кайя То Лагулагу их убивает, высушивает, разрезает на куски, а затем снова оживляет. В одном варианте То Лагулагу совершает «операцию», заманив мальчиков в свое логово. То Лагулагу хочет убить людей, только что сотворенных братьями, и те сами его убивают при помощи отравленных листьев, а затем раздают людям его кости, имеющие магическую силу. Иногда этот миф совершенно уподобляется сказке о спасении детей от злого людоеда. Такие «сказки» популярны у гуантуна, но в них обычно в роли людоеда фигурирует не кайя То Лагулагу, а причисляемые к категории злых духов-табаранов — То Кокономлор и Татакула (женский вариант). Использование подобных сюжетов в связи с символикой обряда инициации зафиксировано также у австралийцев, американских индейцев и т. д. Инициация То Кабинана и То Карвуу как бы является прообразом этих обрядов у гуантуна, в рамках данного цикла она служит прелюдией к серии их культурных деяний. Каждый из братьев участвует в созидании по-своему. То Кабинана направляет дела творения и делает все лучшее и ценное для человека. То Карвуу, наоборот, портит благие начинания брата, порождает ряд явлений безобразных, вредных, опасных. То Кабинана создает ровный рельеф и прибрежных жителей, красивых женщин, вырезает из дерева тунца (который гонит мелкую рыбу в сети), мастерит барабан для праздничных танцев и т. п., а То Карвуу делает горы и овраги, горных жителей байнингов, акулу (пожирающую других рыб), барабан для похорои, вредные виды птиц и грызунов. То Карвуу рисуется виновником смерти (он помешал своей матери-«старухе» сменить кожу, как это делают змеи), голода, войн, кровосмешения и т. д. То Кабинана сердится на брата и иногда поправляет положение — вводит море в берега, исправляет рельеф, делает соленую воду пресной. «Демонизм» То Карвуу, как правило, ненамеренный. Он просто неловок, глуп, неправильно выполняет указания брата, неудачно ему подражает. Это видно из некоторых анекдотических эпизодов: когда братья строят жилища, То Кабинана кроет хижину снаружи, а То Карвуу — изнутри, и потому он мокнет под дождем; когда братья крадут у духов-табаранов рыбу или плоды хлебного дерева, хитрый То Кабинана успешно проделывает трюк, а глупый То Карвуу попадает впросак. Порой он проявляет черты типичного анекдотического дурачка: боится сорвать орехи, которые, как ему кажется, что-то шепчут; не может вразумительно передать людям распоряжения брата и т. п. Совершенно очевидно, что в плане формирующегося эстетического восприятия он становится но-

носителем фольклорного комизма, причем не как плут-трикстер, а как про-стак-дурачок. Синкретизм демонизма и комизма — чрезвычайно специфическая, почти универсальная черта архаического фольклора.

На о-вах Банкс культурные герои составляют группу из двенадцати братьев, главным из которых является камнерожденный Кват. Один из братьев Квата носит имя Тангаро Умного, а другой — Тангаро Глупого. Кват сделал все «вещи» мира, вырезал из драцены людей, нашел в далеких краях «ночь» и научил братьев просыпаться утром и засыпать вечером. В версии этих сказаний на о-ве Мота завистливые братья пытаются извести Квата из-за его жены и лодки, являющихся предметом их вожделения, но Кват неизменно торжествует как над братьями, так и над глупым людоедом Квасаварой с помощью верного Маравы. Впрочем, на о-ве Санта-Мария Маравы (паук) является антиподом Квата, пытается разрушить его лодку и т. п. Жители о-ва Вануа-Лава, где Кват якобы родился, считают его своим предком. На Новой Ирландии культурный герой Тагаро (Тарго) персонифицирует тотем одной из двух фратрий — ястреба. На Новых Гебридах Тагаро и его братья полностью антропоморфны и не имеют связи с тотемизмом. Антиподом Тагаро на Новых Гебридах является один из его братьев по имени Сукематуа. Они соотносятся между собой так же, как То Кабинана и То Карвуу: плоды, сделанные Тагаро, — сладкие, а плоды Сукематуа — горькие; люди, сотворенные первым, ходят на двух ногах, а сотворенные вторым — на четырех, как свиньи; Тагаро хочет, чтоб люди жили в домах, Сукематуа — чтоб они обитали в древесных стволах. На о-ве Аоба Тагаро-отец имеет десять сыновей, самый умный из которых — младший (Тагаро-мбити). Роль Сукематуа там отчасти играет Мера-мбуто. В борьбе с Мера-мбуто Тагаро-мбити проявляет черты фольклорного плута-трикстера: всячески потешаясь над глупостью Мера-мбуто, он уговаривает его мазать волосы куриным пометом и т. п., наконец, убивает его, предлагая «по очереди» сжигать жилища друг друга или уговаривая проглотить орех, который магически растет во рту у Мера-мбуто. В цикл Тагаро включен сюжет «чудесной жены», у которой герой отнял ее крылья. На Соломоновых островах аналогичную Тагаро фигуру представляет Вароунука с братьями.

Как видим, в Меланезии братья — культурные герои («умный» и «глупый») становятся центром циклизации не только собственно этиологических мифов, но и примитивных «сказок» и анекдотов. При этом ни культурные герои, ни повествование о них не сакрализовано, передается в значительной мере для развлечения. В повествовании имеются определенные стилистические клише, например обращение «умного» брата к «глупому» с предложением совершить то или иное дело, указание на этиологические последствия содеянного для грядущих поколений и т. п. Собственно героический

элемент в этих циклах сказаний о мифических героях очень невелик, в какой-то степени он проявляется в эпизодах борьбы с людоедами, хотя и здесь хитрость и магия остаются главным оружием. Таким победителем чудовищ оказывается не только Кват, но, например, его племянники, родившиеся после смерти матери, убитой людоедом Тасо. Мальчики мстят убийце. Герои чудесного происхождения, убивающие чудовищ, могут и не быть связаны с циклами Квата, Тагаро и т. п.

Обширный раздел повествовательного фольклора меланезийцев составляют очень разнообразные и плохо поддающиеся систематике рассказы о контактах людей с различными категориями духов. В отличие от циклов культурных героев здесь нет выработанного сюжетного и стилистического стереотипа, действие отнесено к недавнему прошлому, в качестве героев фигурирует либо безымянный «один человек», либо называются конкретные имена умерших или еще живущих родичей, соседей и т. п. С точки зрения жанровой типологии эти рассказы, отражающие анимистические верования меланезийцев и передающиеся как абсолютно достоверные, очень близки к тому, что фольклористы называют «быличкой», «побывальщиной». Вместе с тем надо думать, что эти первобытные былички сыграли существенную роль (наряду с мифами) в зарождении волшебных сказок, о чем косвенно свидетельствует и сам меланезийский материал.

Такие первобытные былички обычно начинаются с описания мирной хозяйственной деятельности — человек выпалывает сорняки, ставит силки, преследует диких свиней, собирает лесные орехи. Далее обнаруживается, что кто-то раскрадывает плоды, дичь и т. п. (нечто, напоминающее мотив «волшебного вора» в евразийской сказке). В поисках таинственного расхитителя человек попадает в жилище духов, что большей частью оказывается для человека неблагоприятным: дух его калечит, пугает, убивает, сводит с ума, что в отдельных случаях мотивируется нарушением табу. Однако случается, что дух покажет человеку свое жилище, обычаи и обряды, одарит его магическими знаниями или предметами; бывает и так, что человеку удастся перехитрить духа, убить его, прогнать или спастись от него бегством. Именно последние два варианта напоминают нам настоящую сказку. Как уже указывалось, рассказы о духах включают и характерный сюжет «дети у людоеда»: То Конокономлор или Татакула в фольклоре гуантуна завлекают детей, так же как То Лагулам — братьев, культурных героев. Сказания о культурных героях и рассказы о духах — как бы два полюса меланезийского фольклора, но между этими полюсами имеется ряд промежуточных звеньев (например, встречи культурных героев с духами-людоедами или получение безымянными персонажами от духов обрядовых масок).

В мифах о культурных героях и мифологических быличках жизнь людей в основном отражается как отношение людей к природе, которая в свою очередь мистифицирована в плоскости первобытнорелигиозных представлений. Значительное исключение представляют собой сказки, в которых отражается начинающийся распад родовой системы, с симпатией изображается жертва этого распада. Сочувствие к обездоленному содержится в популярных по всей Океании (имеются сходные сюжеты и у американских индейцев) сказках о покинутой племенем беременной женщине, которая рождает мальчиков, впоследствии мстящих за свою мать и убивающих чудовищ. Но в этих сказках главными героями являются не покинутая женщина, а ее дети. Подлинным воплощением социально обездоленного стал в меланезийском фольклоре образ сироты, не имеющего родичей или, еще чаще, обиженного соплеменниками, гонимого женами его дяди с материнской стороны. В Меланезии были очень сильны отношения авункулата, т. е. особая близость к дяде по матери, связанная с традициями материнского рода. Брат матери выступал покровителем юноши, вносил за него раковинные деньги при вступлении юноши в мужской союз и т. п., а в случае гибели обоих родителей брал с самого начала ребенка к себе и его адаптировал. Однако в условиях ослабления материнскородовых связей и вообще оттеснения рода малой семьей сирота практически мог оказаться в пренебрежении у семьи своего дяди и таким образом стать обездоленным. Сказка, рисуя эту ситуацию, полностью на стороне сироты, поскольку она исходит из родовой взаимопомощи как из нормы и идеала.

В сказках, распространенных на Новой Британии и о-вах Банкс, на помощь бедным сиротам, не имеющим родичей или находящимся в пренебрежении у семьи брата матери, приходят различные духи (покойный отец, таинственное женское существо Ро Сом, что буквально означает «деньги», пойманная сиротой рыба-дух, могущественный дух кайя, встреча с которым обычно губительна для человека). Эти духи берут на себя обязанности родителей или авункулуса, они не только кормят сироту, создают ему цветущую плантацию и мужской дом (гамал), но также устраивают продвижение сироты в мужском союзе (Сукве) до высших ступеней, вызывая стыд дяди, зависть его жен, удивление соплеменников. Рассматриваемый сюжет представляет исключительный интерес с точки зрения начинающегося процесса формирования волшебной сказки. В мифологических быличках помощь духов обуславливалась соблюдением табу, применением соответствующих магических приемов, родственными отношениями. Здесь же духи, если они и не имеют исконных родственных связей с сиротами, «адаптируют» (усыновляют) их только из жалости к ним, компенсируют их только потому, что они несправедливо обездолены. Подобные сказки о бедном сиротке (типологически однородные сюжеты имеются также у се-

вероамериканских индейцев и малых народов Севера) очень напоминают евразийские волшебные сказки о гонимых падчерице, младшем брате и т. п.; у малагасийцев (народа малайского происхождения на Мадагаскаре) имеются сказочные сюжеты, поразительно напоминающие меланезийские сказки о сиротах, но в малагасийском фольклоре место сироты прочно занимает младший сын (фаралахи).

Сказки о животных не столь многочисленны в Меланезии. Самый распространенный (не только в Меланезии, но в Микронезии, Западной Полинезии и Индонезии) тип — история ссоры двух животных-друзей в результате неблагодарности или алчности одного из них. В Меланезии преобладает мотив ссоры в лодке на море (ссора на суше более характерна для Индонезии): один из партнеров продалбливает дно лодки, сам спасается, а другой остается в воде; или попавший в воду просит его спасти, но затем убивает спасителя; пара животных в Океании — это часто крыса и птица (иногда также краб, черепаха, рыба). Этнологический финал: с тех пор существует ненависть между этими двумя видами животных.

Особая разновидность меланезийского фольклора — анекдоты, в частности анекдоты о «глупых» родах, племенах, селениях и т. п. (например, куакуас, маси, мородо, о'она; ср. европейские анекдоты о шильдбургерах и т. п.). О «глупцах» рассказывают, что они воспринимают зверей как своих товарищей: бросают свои лодки со скалы; ныряют за солнечным лучом, думая, что это раковинные украшения; из вареного бамбука пытаются добыть орехи; кончают с собой, не понимая, что такое смерть, и т. д. Изредка «глупцов» рисуют карликами, хотя в принципе карлики считаются мудрыми. Если дистанция (в пространстве и времени) от «народа глупцов» велика, то насмешки беспощадней. Исторически этот вид анекдотов связан с шутивно-враждебными отношениями «половин» (фратрий), иронической оценкой горцев жителями прибрежных районов и т. п. Насмешливое отношение может быть не взаимным, а «асимметричным», причем роды, считающиеся «глупцами», в действительной жизни могут быть уважаемы, даже занимать привилегированное положение. В этом и в других случаях «глупость» может иметь и положительную сторону, например «безумство храбрых». В целом эти анекдоты, давая выход чувству соперничества, враждебности к определенным категориям родственников, к политически доминирующим родам и т. п., имеют во многом социально умиротворяющий характер, так же как всякая ритуальная «карнавальная» шутивная враждебность.

В Меланезии зафиксированы и исторические предания о межплеменной борьбе и родовой мести, но предания эти малочисленны и имеют сугубо местный характер. В южной части Меланезии (Новые Гебриды, Новая

Каледония, Фиджи), где уровень общественного развития и культуры более высокий, сказывается влияние фольклора Полинезии.

Фольклор Полинезии представляет собою более сложное явление и отражает более высокую ступень культурного развития, чем фольклор Меланезии.

Мифология меланезийцев и папуасов в основном оперировала представлениями о различных категориях духов и мифических предков, часто сохранявших тотемическую окраску. Мифология полинезийцев знает не только духов (например, туреху в Новой Зеландии, менехуне — на Гавайях и тому подобные существа типа карликов или эльфов), но и целый пантеон высших богов и развитую космогонию, тотемические же образы сохраняются только как пережиток. Стадиально полинезийская мифология во многом эквивалентна древнеиндийской, древнегреческой, шумеро-аккадской, майя-ацтеков (в Америке), ее мотивы и образы весьма сходны с древнеяпонской.

Систематизация полинезийских мифов, по всей вероятности, была произведена жрецами Центральной Полинезии, откуда, по-видимому, шло расселение по другим островам. Известный полинезийский этнограф Те Ранги Хироа (Питер Бак) считал, что легендарная прародина полинезийцев — Гавайки — соответствует нынешнему о-ву Раиатеа (недалеко от Таити) и что именно на Раиатеа, в местности Опоа, был важнейший общеполнезийский жреческий центр. Влияние жреческой «теологии», в частности, сказалось в перегруженности таитянских космогонических мифов олицетворениями абстрактных понятий.

Общеполнезийский пантеон высших богов неизменно включает Тане (Кане), Тангароа (Тангалоа, Тагалоа, Таарао, Таалоа, Каналоа), Ранго (Ро'о, Лоно), Ту (Ку); другие боги имеют только местное распространение. Тангароа, как правило, «моделирует» море, морскую стихию и в силу этого, с одной стороны, рыболовство, а с другой — мореходство, включая строительство лодок, бури и ветры (дующие главным образом с моря) и защиту от бурь и ветров. Как «хозяин» моря, Тангароа иногда выступает в облике тюленя (о-в Пасхи), посылает ныряльщика за землей (о-в Самоа).

В Новой Зеландии Тангароа противостоит Тане как богу лесов, лесных зверей и птиц, дикорастущих злаков (оппозиция: вода — суша, море — лес), на Гавайских островах как хтоническое божество — богу света. В Новой Зеландии силы тьмы представлены Фиро (Хиро), который враждебен Тане. Повсеместно Тане воплощает свет, солнце, рождающую жизненную силу. В фольклоре Самоа с ним связывают «живую воду», но зато с солнцем там больше соотнесен Тангароа. На Самоа ему приписывается также создание земли и людей. Ронго — громовник, он обычно выступает как бог земледелия и мира (Новая Зеландия, юго-восточные атоллы, Гавайские

острова); в Новой Зеландии в качестве бога мира он противостоит Ту — богу войны. На о-ве Мангаиа Ронго хотя и остался «хозяином» земледелия, но сам является богом войны. Он здесь противостоит своему брату-близнецу Тангароа. Мир между ними разделен таким образом, что Тангароа принадлежит все «красное», а Ронго — все остальное. Светловолосые люди считаются потомками Тангароа, а темноволосые — Ронго. В этом, возможно архаическом, мифе Тангароа и Ронго выступают мифическими предками и культурными героями (ср. роль Тангароа как бога ремесла на о-вах Тонга). Однако в отличие от меланезийского Тангаро, который был только культурным героем, в генезисе — тотемным предком, человеком-ястребом (да еще с чертами плута-трикстера), Тангароа — демиург и «предок», превращенный в небесного бога-творца. Он не вылавливает землю из моря сам, а либо сбрасывает камни-острова с неба, либо посылает птицу-ныряльщицу в море (Самоа), он предок вождей (Самоа, Тонга), предок или создатель первых людей и даже творец всей вселенной (Центральная Полинезия).

Жрецы Центральной Полинезии трактуют Тангароа как верховного бога, главу пантеона. Культ Тангароа и затем его сына Оро неизвестен в Новой Зеландии и на Гавайях. Если на Таити (и отчасти на Самоа) на первый план выдвинут Тангароа, то в других местах главным оказывается другой из великой «четверки», например Ронго на Мангаиа или Тане — в Новой Зеландии и на о-вах Кука. В Новой Зеландии Тане имеет ярко выраженные черты демиурга и «предка» (он отделил небо от земли, развесил звезды, создал первую женщину и стал отцом первого мужчины), но в качестве верховного бога новозеландские жрецы выдвинули Ио — мифологический персонаж, неизвестный на других островах и, возможно, созданный не без влияния христианских представлений. В некоторых местах, по видимому, на относительно позднем этапе (военная демократия) выдвинулись молодые воинственные боги — Оро на Таити, Таири (Каила) — на Гавайях, Макемаке — на о-ве Пасхи (правда, Метро отождествляет Макемаке с Тангароа).

Таким образом, общеполинезийские боги сочетают в себе черты культурных героев-демиургов и хозяев стихий. Как демиурги они дублируют друг друга (отделение неба от земли, создание самой земли, людей, культурные навыки связывают то с тем, то с другим божеством), а как хозяева стихий выступают в качестве членов простейших оппозиций (свет — тьма, суша — вода, море — лес, мир — война, красный — не красный и т. п.). С оппозицией «земля — небо» связано представление о первой паре богов и о начале космогонического процесса. Мужское начало — это Ранги — небо (Новая Зеландия), Атеа (Ватеа, Фатеа, Уакеа) — пространство или Те-Туму — источник (в большей части Полинезии, кроме Самоа и Тонга).

Женское начало — Папа — земля или Фа'ахоту (Хакахоту, Хо'охоку) — начало. Представление о Папе соотносится с островами вулканического происхождения, а о Фа'ахоту — с коралловыми атоллами. Эта первоначальная пара часто фигурирует в качестве родителей других богов, создателей вселенной (кроме тех случаев, когда их оттесняет в качестве основного творца Тангароа). Начало космогонического процесса связывается (кроме западных островов Самоа и Тонга) с представлением о По — тьме (По обозначает и царство мертвых), а с другой стороны — о Коре — пустоте, хаосе. Выход из хаоса, организация мира начинается с отделения неба от земли, что приводит к появлению света и жизненного пространства, необходимого для продолжения космогонического процесса.

Подвиг отделения земли от неба, подъема небесного свода приписывается то Тангароа и Ту, то Тане, то полубогам Ру, Мауи, Тонифити и др. Борьба Тане с осьминогом Атеа в таитянском мифе напоминает борьбу Мардука (первоначально Энлиля) с Тиамат, воплощающей силы хаоса, в вавилонской мифологии, борьбу поколений богов в греческой мифологии. Те же великие боги (Тангароа или Тане, также Атеа, Ронго) делают первых людей из земли (красной глины, тыквы, мягкой раковины), или первые люди оказываются результатом браков богов между собой. Первые люди большей частью носят имена Тики (Ти'и, Ки'и) и Хина (Сина). В ряде вариантов происхождение человеческого рода связывается с кровосмешением, которое Тане, Уакеа, Ронго или Тики совершил со своей дочерью. Подобные инцестуальные мотивы вообще характерны для мифов о первопредках-родоначальниках в фольклоре различных народов.

Очень своеобразны мифы, в том числе мифы Самоа и Тонга, о происхождении человека. Они возводят происхождение людей к червям; согласно тонганскому мифу, только вожди (туи-тонга) происходят от Ахоеситу — сына Тагалоя и земной женщины. На Западном Самоа потомок Тагалоя — Пили является типичным культурным героем, завещавшим своим сыновьям мотыгу, махалку от мух и копье.

Происхождение отдельных островов не очень четко отделено от происхождения земной суши из недр океана. На западе существует миф об островках, которые в виде камней сбрасывает с неба Тагалоя (Самоа) или Хикулео (Тонга), о дочери Тагалоя, которая в виде птицы ныряет за землей на дно моря (миф о птице-ныряльщике известен многим народам). Но универсально распространены мифы о вылавливании островов культурным героем — демиургом Мауи (другие его деяния — добывание огня и злаков, замедление бега солнца, в некоторых вариантах — поднятие небесного свода и доделывание первоначально несовершенных человеческих существ). В мифах в качестве аборигенов иногда фигурируют чудесные существа типа карликов (гавайские менехуне и др.).

Представления полинезийцев об устройстве мира, местожительстве богов и судьбе душ мертвых не отличаются четкостью и сильно варьируются. Земля и жизнь людей на островах противопоставляются и небу (в свою очередь состоящему из многих слоев), и подземному миру. Функции «верхнего» и «нижнего» миров часто смешиваются. Связь между мирами большей частью осуществляется с помощью мифического древа, по которому «карабкаются» или спускаются боги, герои, души мертвых (ср. мировое древо в мифологиях народов Индии, Сибири, Северной Европы и т. д.). В темном месте под землей (По) души большинства умерших людей погибают. Согласно мифологии Мангаиа, их ловит сеть и пожирает старуха Миру (на Гавайях и в Новой Зеландии Миру — Милу — существо мужского пола). Что касается душ вождей и героев, то они возвращаются в счастливую страну на западе. В Самоа — Тонга эта страна называется Пулуту, а в большинстве других мест отождествляется с прародиной полинезийцев — Гавайки. Такое дуалистическое представление о царстве мертвых встречается в ряде развитых мифологий, особенно ярко — в скандинавской, где мрачное царство великанши Хель (ср. Миру) противостоит Вальхалле, в которой вечно пируют воины, павшие в бою.

Указанные выше мифологические представления и образы, естественно, отражены в полинезийском фольклоре и во многом определяют его своеобразный колорит.

Однако в повествовательном фольклоре (оставляя в стороне заклинания-молитвы и гимны, генеалогии, ученые «каталоги» и т. п.) боги высшего полинезийского пантеона занимают ограниченное место именно благодаря связи этих образов с ученой, жреческой сакральной традицией. Информация о высших богах сакрализована, так же как информация «географическая» и «астрономическая». Боги, как правило, фигурируют в начале генеалогических списков и генеалогических повествований (в прозе, стихах и в смешанной форме) как далекие предки местных племенных вождей, как действующие лица космогонического введения к циклу исторических преданий. Но они редко становятся героями самостоятельных, сюжетно законченных эпических рассказов. Лишь изредка можно встретить рассказ о посещении Тане, Тангароа и другими подземного мира, добывании культурных благ, поисках жены и т. п. (например, в новозеландской версии Тане добывает «корзины мудрости» у высшего небесного бога Ио; в сказании из Мангаиа Тане похищает кокосовые орехи с мифического дерева и излечивает свою слепую бабу, за что она дает ему в жены своих дочерей, и т. п.). Но эти рассказы (как правило, уже не имеющие сакрального значения) явно созданы по образцам гораздо более многочисленных повествований такого рода о Мауи, Тафаки и других популярных героях, не являющихся богами. Кроме того, высшие божества фигурируют иногда

в различных сказаниях в качестве противников, соперников или помощников главных героев, но не самих героев.

Заняв высокое место в мифологической иерархии, Тангароа потерял ту популярность в народном поэтическом творчестве, которую имеет его меланезийский вариант — Тангаро (Тагаро). А в полинезийском фольклоре эту популярность имеет во многом однотипный с Тангаро, несакрализованный, необожествленный культурный герой Мауи. Культурный герой является главным персонажем, средоточием циклизации мифов и сказок не только в Океании, но вообще в архаическом фольклоре (ср. индейцы Америки, аборигены Тропической Африки, палеазиаты Сибири и т. д.).

Мауи известен в некоторых районах Микронезии и Меланезии (Каролинские острова, Фиджи, Ротума, Новые Гебриды, Тикопия, Онтонг-Джава, Санта-Крус) и буквально по всей Полинезии. Законченные циклы сказаний о Мауи имеются в Новой Зеландии, на Туамоту, о-вах Кука, Общества, на Маркизских островах, Самоа, Тонга. Повсеместно Мауи упоминается в генеалогиях, некоторые скалы якобы хранят следы его ног. Сказания о Мауи имеются как в форме прозы, так и стихов. Эпизоды из истории Мауи часто разыгрываются во время праздников, он — один из персонажей кукольного театра и песен хула на Гавайях; на Маркизских островах он считается покровителем бродячих «актеров» каиои (ср. мужской союз ареои в Центральной Полинезии, в «представлениях» которого Мауи тоже фигурировал), сценами с Мауи были декорированы мужские дома у маори Новой Зеландии, Кук видел на Таити фигуру «Мауви». Мауи в качестве примера, элемента сравнения упоминается очень часто в панегириках, плачах, любовных песнях, в образцах местного красноречия, в любых произведениях полинезийского фольклора. Мауи, как правило, не является объектом культового почитания; как утверждает автор специальной монографии о Мауи Катарина Луомала, он стоит на грани сакрального и несакрального и рассматривается как человек, наделенный необычайными силами (мана), по ее определению «сверхчеловек». Классифицируется он обычно как тупуа (купуа) вместе с выдающимися сверхъестественными личностями, духами предков вождей, но не настоящими богами. Мауи часто называют предком или (наряду с Тики) первым человеком. (Мать его чаще всего носит имя Таранга и является хтоническим существом. На Туамоту и Раратонге он сын Тангароа.)

В Центральной Полинезии имеется жреческая версия о Мауи как благородном полубоге, действующем в сотрудничестве с богами; как младшем брате великого жреца верховного божества Та'ароа. В Западной Полинезии, на Ротуме, в Меланезии (Новые Гебриды) Мауи героичен, выступает как победитель людоедов и чудовищ. Такая деятельность приближает Мауи к типу эпического или сказочного богатыря, но вместе с тем она со-

ставляет и дополнительный аспект культурного героя, преследующего цель — очистить землю от чудовищ (ср. древнегреческий Геракл в отличие от Прометея). В большинстве мест, однако, Мауи — типичный культурный герой и одновременно трикстер — мифологический плут, достигающий своих целей ловкими, хитрыми трюками, в которых проявляется и его магическая сила, и лукавый ум, и проказливый характер. Сочетание культурного героя и трикстера в одном лице, так же как и распределение этих ролей между двумя персонажами, одинаково распространено в мировом фольклоре (например, в Северной Америке; в ее западной части преобладает первый тип, а в восточной — второй).

В качестве культурного героя типа Прометея Мауи добывает из подземного мира у своей прародительницы огонь (чуть не спалив при этом землю), таро, чудесный крючок для рыбной ловли. Этим крючком он вылавливает острова. Кроме того, Мауи (по некоторым вариантам) поднимает небесный свод, замедляет бег солнца (регулирование сезонов), умиряет ветры, имеет отношение к появлению батата и кокосовых орехов (выросших из головы мифического угря, убитого Мауи), к изобретению копья, к происхождению собак (он превратил в пса мужа своей сестры). Вылавливание островов Мауи является мифическим прообразом рыбной ловли, а поимка солнца — ловли птиц. Окраску и другие особенности птиц этиологически связывают с мифом о добывании Мауи огня. Чисто прометеевским духом пронизана неудачная попытка Мауи победить смерть. Богиня ночи убила Мауи, и с тех пор смерть осталась в нашем мире. Этот эпизод совершенно не похож на этиологию смерти в Меланезии. В цикле Мауи рассказ о происхождении смерти подчеркивает ограниченность сил Мауи. Так же как знаменитый герой сказаний древней Месопотамии Гильгамеш, Мауи не может преодолеть смерти, поскольку он герой, полубог, но все же не настоящий бог. Так же как Прометей и Гильгамеш, Мауи не лишен богоборческих тенденций. Трюки Мауи тесно связаны с его «культурными» деяниями. Он использует хитрость в общении со своей демонической прародительницей как средство для добывания огня, рыболовного крючка, ловушки для птиц и т. п., а также в отношениях с родителями и братьями. Он, например, искусственно продлевает ночь, чтобы выследить, куда уходит мать. Этим Мауи отличается от многих трикстеров в фольклоре Америки или Африки, даже Индонезии — как правило, полузооморфных, которые применяют свою хитрость главным образом для добычи, с эротическими целями и т. п. Даже как трикстер Мауи остается в пределах мифологического эпоса, не переходя в сказку о животных, анекдот и т. п.

Хотя сказания о Мауи в целом следует рассматривать как своего рода мифологический эпос, в них (и это как раз характерно для всякого мифологического эпоса, коль скоро миф развернут в некое художественное по-

вестование) имеются отчетливые черты, заслуживающие наименования сказочных. Ярким примером является выбор самого невзрачного предмета по совету чудесного помощника в эпизоде с получением рыболовного крючка у бога Тонги (в тонганской версии). Элементы сказочной идеализации проявляются в истории Мауи в том, что он недоносок, завернутый в волосы своей матери и выброшенный в море, затем воспитанный морскими духами и своим «предком» (ср. мальчика, выброшенного в источник или кустарник и ставшего затем культурным героем в фольклоре американских индейцев); а также младший брат, которому завидуют, которого третируют, но с которым не могут сравняться старшие братья (ср. сказания о Тагаро в Меланезии).

Учитывая меланезийские и микронезийские параллели, сказания о Мауи можно считать одной из древнейших частей полинезийского фольклора.

В большей части Полинезии с Мауи связаны популярные сказания о Хине, которая обычно представляется как сестра (реже — жена) Мауи. Как уже указывалось, этим именем называют в генеалогиях первую женщину. Не исключено, что связь образов Мауи и Хины определяется тем, что и Мауи иногда трактуется как первопредок, хотя в большинстве конкретных сказаний как о Мауи, так и о Хине тема первопредков отсутствует. Хина иногда рисуется, подобно Мауи, недоноском, выброшенным матерью в море. Такой образ не знающего своих родителей недоноска в генезисе может сочетаться с представлением о первопредке, во всяком случае не противоречит ему. «Воспитателем» Хины в ряде вариантов выступает ее брат Рупе (букв.: древесный голубь). Один из широко распространенных сюжетов о Хине — преследование ее мифическим угрем (Тунароа) во время купания, убийство угря каким-либо «героем», захоронение угря Хиной по указанию самого умирающего и появление кокосовой пальмы из его головы. В наиболее полной поэтической версии с Туамоту убийцей угря является Мауи. Эротический элемент в сочетании с этиологическим мотивом происхождения кокоса и с предписанием угря указывает на магию плодородия, на ритуальную основу этого мифа (ср. австралийский миф о сестрах Ваувалук и радужном змее и культ Кунапипи). Этиологические мотивы «кокос из головы» и, наоборот, «голова из кокоса», как уже отмечалось, повсеместно распространены в Океании. Заслуживает внимания и тотемическая окраска образа гигантского угря. В самоанской мифологии фигурирует мифический угорь, проглатывающий своих братьев (ритуальная черта, указывающая на обряд инициации). Этот угорь связан с хтоническими силами (Пулуту) и одновременно выступает как предок. Тотемическую окраску безусловно имеет и образ Тинирау (Синилау), возлюбленного Хины (Сины). Тинирау (известный повсюду, особенно на за-

паде и в Новой Зеландии) может принимать форму рыбы или кита и в некоторых местах (на Мангаиа, например) считается «хозяином» рыб. Существует несколько вариантов сказания о завоевании им Хины, которую родители всячески оберегали (иногда, наоборот, родители ее ругают или прогоняют и она приплывает на черепахе к Тинирау), о взаимоотношениях ее с другими женами Тинирау, о Коре — сыне Хины и Тинирау. В этом цикле известное место занимает жрец Кае, которого Тинирау призвал для «посвящения» сына. Кае затем коварно убил и съел кита, который по приказу Тинирау отвозил его на родной остров. Тинирау отомстил жрецу за нарушение запрета, погрузив его предварительно в магический сон и перенеся в свой дом.

В распространенном на Маркизских островах мифологическом сказании об острове женщин (тема амазонок) кит является братом Хины, а Кае, впоследствии погубивший старшего из китов, становится мужем Хины. Он научил Хину и других «амазонок» нормальному деторождению (до этого детей вырезывали из тела матери и мать умирала). Сын Кае и Хины ищет отца, его доставляет кит — дядя по матери; юноша находит Кае, узнает и получает посвящение в вожди. Сказание о мужчине, попадающем в общину женщин, встречается и в Меланезии. Мотив происхождения деторождения в принципе носит этиологический характер, хотя он здесь локализован на острове женщин. Поиски отца сыном — излюбленный мотив мифологического эпоса, особенно в Полинезии и Микронезии (Мауи, Иолофат, Ахоеиту).

Тонганский Ахоеиту — сын земной женщины от Тангалоа, ищущий отца на небе, убитый братьями и воскрешенный отцом, чтоб стать первым тонганским царем (туи-тонга), представляет собой местный вариант мифологического героя — родоначальника. Фрагмент аналогичного мифа о сыне Тангароа имеется и на о-ве Пасхи. В западной части Полинезии больше, чем в других местах, сохранились сказания о добывании героями культурных растений (кава, кокосовые орехи, ямс) у богов на небесах с помощью мифической «старухи» (типа прабабки Моки).

Большой общеполинезийский цикл (особенно популярный в Центральной Полинезии, на Гавайях и в Новой Зеландии) объединяет также сказания о Тафаки и его роде. Цикл охватывает несколько поколений. Родоначальниками выступают спустившаяся с неба людоедка и ее земной муж Кантангата. Их сын — Хема, который согласно некоторым вариантам имеет также брата по имени Пунга. Сыновья Хемы — Тафаки и Карики (вариант: Карики — сын Пунга). Сын Тафаки — Вахиероа, а внук (иногда сын) — Рата. У последнего жена Апакура, сын Ту Вакараро и внук Вакагау. Все эти персонажи широко представлены в островных генеалогиях, где они всегда моложе Мауи. В Новой Зеландии в качестве основного

предка выдвигают Тафаки, на Раратонге — его брата Карики и т. п. Наиболее прославленными героями являются Тафаки и Рата. Эти герои резко отличны от Мауи. Тафаки воспринимается как идеальный образец полинезийского вождя (на Тикопии даже верят, что он дает ману ныне живущим вождям). Это, впрочем, не значит, что он воин по преимуществу. Сакрализованный полинезийский вождь часто действует своей магической силой или использует магическую помощь предков, духов и т. п. Но он совершенно лишен черт трикстера, и само направление его деятельности иное, чем у Мауи. Он, так же как и Рата, по преимуществу не культурный герой (хотя Тафаки прославлен как строитель домов, а Рата — как строитель лодок), а сказочный богатырь, и сказания о Тафаки и его родичах — это своего рода архаические богатырские сказки с типичными для этого жанра темами героического детства, чудесного сватовства и в особенности родовой мести, ради осуществления которой приходится подыматься на небо и спускаться в подземный мир, одолевая злокозненных духов и чудовищ.

Мальчик Тафаки магическими средствами выходит победителем в детских играх и соревнованиях. От других детей Тафаки узнает о судьбе отца (мотив, повторяющийся в сказаниях о Рате и вообще широко распространенный в эпосе). Отца убили духи понатури, живущие на небе или в темной По. Тафаки побивает понатури, находит кости отца, добывает его глаза у дочерей Тангароа, после этого становится вождем в Гаванки. В титянской версии Тафаки выполняет трудные брачные задачи при сватовстве к королеве Терн (добыть траву-людоеда, чудовище и т. д.), а по маорийской версии — получает в жены женщину-духа, которая оставляет его из-за грубого отношения к их первенцу. Тафаки следует за ней, находит ее в небесном мире и там воссоединяется со своей семьей. Здесь к Тафаки прикреплен универсально распространенный сказочный сюжет «чудесной жены» (AaTh № 400). В поисках отца или жены Тафаки поднимается на небо или опускается в По по лозе, или паутине, или веревке, или радуге, или с помощью ястреба. В роли его советчицы и помощницы выступает слепая прабабка, которой Тафаки вернул зрение (ср. отношения Мауи с его прародительницей). Подвиги Тафаки контрастируют с неудачами его брата Карики (Карики падает с мифического дерева, ведущего на небо, похищает пищу прабабки и разоблачен) или двоюродных братьев, которые дразнили его в детстве, но терпят фиаско в попытках справиться с трудными брачными испытаниями. Соперничество с братьями временами приобретает характер открытой вражды, борьбы, из которой победителем неизменно выходит Тафаки. Этот мотив соперничества и вражды братьев имеется и в цикле Мауи, в меланезийских и микронезийских сказаниях о культурных героях и вообще в сказках самых различных народов.

Рата также выступает мстителем за отца, причем целый ряд деталей его похождения совпадает с историей Тафаки (вплоть до хвастовства перед детьми!). Однако Рата большей частью странствует не по мифическому древу, а по безбрежному океану, уничтожая морских чудовищ, в частности гигантского моллюска, проглотившего его мать, деда и других людей. Для морского странствия Рата строит ладью с помощью лесных духов или птиц, после того как он спас от змея белую цаплю (раньше дерево ему не поддавалось и, будучи срубленным, снова вставало). На своей чудесной ладье Рата достигает Гавайки. Ему в отличие от Тафаки приданы черты великого мореплавателя, что чрезвычайно специфично для местного колорита фольклора полинезийцев, этих, по выражению Те Ранги Хироа, «викингов солнечного восхода». Рассказ о внуке великого Раты Вакатау повторяет с некоторыми вариациями тот же сюжет. Воспитанный морским предком, с детства искусный пловец, непревзойденный в умении пускать воздушных змеев, знаток магии, он с помощью своей тетки также мстит за отца, убитого и съеденного врагами. Когда, по некоторым вариантам, Вакатау был убит, то за него мстила его мать — Апакура.

Следует отметить, что вообще темы и мотивы цикла Тафаки — Рата не связаны специфически с этим циклом, а встречаются в сказаниях о других полинезийских богатырях, популярность которых ограничена более узким ареалом. Таковы, например, сказания об Аукеле на Гавайях, Нгару на Мангаца, Тура или Мата-ора в Новой Зеландии, Ати на Раротонге и т. д. Подобные персонажи обычно упоминаются в генеалогиях вождей, в их древних частях. С жанровой точки зрения эти сказания также лучше всего определить как богатырские сказки с необходимой оговоркой, что богатырство здесь обычно оваяно колдовским ореолом: герои действуют не воинской, а колдовской силой. Важнейшим элементом этих повествований является посещение иных миров (подземного или подводного мира, различных небесных сфер, далекой Гавайки и т. п.), где герои проходят различные испытания, борются с чудовищами, добывают «живую воду» Кане или плоды и полезные злаки (реликт мифов о культурных героях), ищут похищенных (умерших) жен и родичей, вступают в браки с различными категориями духов, включая духов мертвых и «фей» (тип «чудесной жены») и т. п. Между такого рода богатырскими сказками и другими жанровыми разновидностями повествовательного фольклора нет резкой границы. У них, например, очень много точек соприкосновения с локальными легендами о воздвижении храмов (часто с помощью искусных карликов), происхождении мегалитических памятников, о местах на берегу островов, откуда духи отправились на небо или в подводное царство. Превращение героев в момент смерти в камни, скалы, рыб, морских животных, в звезды и т. д. заставляет вспомнить об австралийских и папуасских мифах, в которых

предки завершали свои странствия превращением в скалы и звезды, уходом под землю и на небо. Иногда богатырские сказки как бы сбиваются на легенды о соревновании двух колдунов (тип, весьма популярный в фольклоре народов Сибири). Очень часто богатырские сказки невозможно отделить от зачаточных, архаических форм волшебной сказки, особенно тогда, когда героями являются безвестные или анонимные персонажи. Отсутствию резких граней способствует отмеченный уже выше колдовской ореол у полинезийских богатырей, а также их бесконечные странствия по «иным мирам», брачные и любовные связи с небесными и хтоническими женскими духами, борьба с чудовищами-людоедами, имеющими антропоморфную или зооморфную форму. Все это открывает двери самой причудливой фантастике, отражающей существующие суеверия и традиционные мифологические представления. Полинезийские сказки, так же как и меланезийские, часто трудно отделимы от быличек, повествующих о случайных встречах людей с различными морскими и лесными духами, духами мертвых и т. п.

В большей мере особняком стоят сказки о животных. Их больше всего на Самоа и Тонга, где лучше сохранились реликты тотемизма (не случайно там популярны сказания об угре, ките, хозяине рыб как «родоначальниках», о превращении в акул и дельфинов и т. п.). Однако полинезийские сказки о животных уже не носят характер тотемических мифов и вполне заслуживают наименования именно сказки. Этиологический элемент в них встречается, но не является господствующим. Этим они отличаются от более архаических сказок о животных в Австралии и отчасти в Меланезии, где последние трудно отделимы от тотемических этиологических мифов. С другой стороны, в них не возобладала еще чисто нравоучительная тенденция, столь характерная, например, для классических сказок о животных в Африке, отчасти в Индонезии и ведущая в конечном счете к басне. Для полинезийских сказок о животных характерны темы войны рыб или птиц между собой, а также уже упоминавшийся широко распространенный в различных странах, и особенно во всей Океании, тип сказок о ссоре двух животных во время переправы по морю.

За пределами мифов и сказок в полинезийском повествовательном фольклоре остаются исторические предания, которые часто сопоставляют с исландскими сагами. Часть преданий, овеянная морской романтикой, повествует о первооткрывателях и первопоселенцах отдельных островов и условно связывается с так называемым периодом миграций, т. е. расселения полинезийцев из первоначального центра по различным островам и атоллам. Другая часть, которую практически не всегда можно четко отделить от первой, содержит исторические «воспоминания» о межплеменных войнах, расправах «королевских» родов и т. п. в период заселения и в осо-

бенности после того, как основные острова были уже заселены. Переходная фигура от древних мифических и сказочных героев типа Раты к героям исторических преданий — Хиро (Фиро, Иро); это имя носит и бог (на востоке — громовник, на юге — хтоническое существо) и легендарный мореплаватель, построивший первое судно из досок. Он родился на Гавайки, воспитывался на Таити, совершил несколько великих морских путешествий. Трудно определить степень независимости или, наоборот, синкретизма этих двух Хиро. Отчасти так же обстоит дело и с Ру (ср. бог или полубог, подпирющий небо), другим великим путешественником, покинувшим Гавайки в поисках новых земель. О Купе рассказывается, что он охотился за кальмарами и, преследуя их, покинул Центральную Полинезию, странствовал по океану и открыл Новую Зеландию. Другой мореплаватель, Тои, попал в Новую Зеландию в поисках своего пропавшего внука Уатонга. Тангаи — легендарный предок жителей о-ва Раратонга — бежал с Таити, потерпев поражение от своего сводного брата Тутапу, с которым не поделил запасы плодов, оставленных их отцом. Изгнанник во время своих странствий посетил о-ва Самоа, Уоллис, Фиджи, Рапануи (о-в Пасхи) и т. д. Распри в королевских «семьях» — типичная мотивировка переселений. Так, таитянский вождь Монкеха, согласно преданию, переселился с Таити на Гавайские острова после того, как был оклеветан перед Лу'укиа — общей женой его и брата Олопана — и отвержен ею. Он женился на дочери вождя на о-ве Кауаи. Впоследствии его сын Кила совершил путешествие на Таити за оставшимся там единокровным братом Ла'а Маи-Кахики, который ввел на Гавайях таитянский барабан и танцы хула. Последним мореплавателем на Гавайские острова предания называют жреца Паао, который привез туда вождя Пили, род которого стал господствовать на островах. Он ввел принятую на Гавайях храмовую архитектуру и некоторые особенности ритуала посвящения в королевский сан, а также культ богини вулканов Пеле.

Из гавайских исторических преданий, не связанных непосредственно с переселениями, заслуживает внимания история вождя Лилоа и его сына Уми. Лилоа сделал наследником старшего сына — Хакау, но младшему — Уми — оставил храмы и богов; т. е. он рассматривал старшего сына как будущего вождя (арики), а младшего — как жреца (тохунга). В конце концов власть захватил Уми, который в качестве классического «царя-мага» трактуется преданием как идеально мудрый правитель, принесший мир и процветание.

Мы упомянули некоторые предания, распространенные в Центральной Полинезии и на Гавайских островах. Но аналогичные предания о переселениях, племенных и «династических» распрах, с мотивами родовой мести, борьбы за женщин, с описанием военной хитрости, сражений и т. д. имеют-

ся и на других архипелагах Полинезии. В этих преданиях много фантастического, в них действуют и духи, используются разнообразные сказочные и мифологические мотивы, но в целом удельный вес фантастики, а также масштаб эпической идеализации, гиперболизм в исторических преданиях несравненно меньше, чем в арханческих богатырских сказках, топонимических легендах и т. п. Другое дело, что сам быт, отраженный в преданиях, достаточно фантастичен в глазах европейского читателя. Полинезийские исторические предания безусловно могут быть использованы как исторический источник. Историческая память полинезийцев благодаря поразительным совпадениям в генеалогиях давно уже вызывает восхищение исследователей.

Особый научный интерес вызывают предания о-ва Пасхи, так как они могут пролить свет на происхождение имеющихся на этом острове уникальной монументальной скульптуры и письменности. Наиболее существенны предания о борьбе ханау-еепе и ханау-момоко (ханау-еепе — «тучные», или «длинноухие», — противопоставляются ханау-момоко — «тощим», или «короткоухим»). Именно ханау-еепе являлись носителями монументальной скульптуры о-ва Пасхи. Их поражение и истребление имело место, по-видимому, в XVIII в. Историческое предание объясняет его тем, что одна женщина, жившая среди ханау-еепе, передала военную тайну своим родичам, ханау-момоко, — мотив, который часто встречается в преданиях о межплеменной и межродовой борьбе (например, у эскимосов и североамериканских индейцев).

Фольклор Микронезии в известной мере занимает промежуточное положение между полинезийским и меланезийским. К последнему он ближе типологически, к первому — генетически. Кроме того, полинезийский фольклор оказал непосредственное влияние на микронезийский: в Восточной Микронезии имеют хождение сказания о Тангалоа, Мауи, Тафаки, мифический комплекс, соответствующий истории Хины, Тинирау и Рупе, и т. д. Самые популярные оригинальные циклы сказаний в Микронезии связаны с мифическими героями, формально относимыми к категории небесных духов. Магический и этиологический элементы в этих сказаниях второстепенны, и они имеют главным образом поэтическое значение, так же как во многом аналогичные им циклы Мауи, Квата, Тагаро и т. п.

Излюбленный герой на Каролинских островах — Иолофат (Олофат) — сын Лугеиланга и внук верховного небесного духа Иалулепа. Иолофат имеет черты культурного героя (он послал людям огонь в клюве птицы; установил, чтоб люди умирали, ввел татуировку), но все же в нем преобладает тип трикстера. В этом он в принципе близок Мауи, Квату и Тагаро, но отличен от микронезийского варианта Мауи (Мотикитик) — всегда только «серьезного» героя. Иолофат рождается чудесным образом из

головой земной женщины, с которой вступил в связь спустившийся с неба Лугеиланг. Он от рождения умеет говорить и отличается необыкновенной сметливостью; случайно узнав о том, кто его отец, Иолофат отправляется по клубу дыма на небо искать Лугеиланга, причем по дороге с ним случаются разнообразные приключения. Иолофат благодаря магической силе и хитрости счастливо спасается от попыток его уничтожить, похищает ритуальную еду, вступает в связь с женой одного из небесных жителей, убивает своего брата, живущего на небе, и подает его голову отцу в качестве «рыбы» и т. п. Конфликт между братьями, как мы видели, чрезвычайно характерен для океанийского мифологического эпоса. Этот конфликт является пружиной действия и в истории ссоры в семье небесных духов. В результате этой ссоры один из сыновей живущего на небе Палулопа вместе с женой спускается на землю, где они, приняв имена своих родителей, воспитывают шестерых сыновей и дочь. Отец учит сыновей строительству лодок и мореплаванию, а сыновья передают эти знания людям. Из этой семьи культурных героев особенно выделяется в искусстве мореплавания и магии младший сын — Иалулус. Он совершенствует устройство лодок, устанавливает правила рыболовства, вводит различные запреты, связанные с употреблением пищи, становится покровителем мореплавания и «хозяином» морской добычи. Один из его братьев — Фурабаи — проявляет строптивость, нарушает табу, отказывается посылать Иалулусу жертвенную пищу и за это проучен. И здесь в ослабленной форме дана оппозиция «умного» и «глупого» братьев — культурных героев. Вариантом той же темы является и сказание о сыновьях Иалулуса. Старший (женатый) сын, Лонголап (Ронгелап), не может построить лодку, так как срубленное дерево снова встает, а младший, Лонгорик (Ронгерик), по совету отца обращается за помощью к «хозяину» плотников Сеиланги и подвластным ему муравьям и получает лодку (ср. ладью Раты и другие аналогичные эпизоды в полинезийском фольклоре). Старший брат отправляется по морю осматривать владения отца, но, нарушив его указания и запреты, попадает на острове в плен и чуть не погибает; младший брат исполняет предписания отца и спасает старшего. На Маршалловых островах младший, «умный», и старший, «глупый», братья — Эдао и Иемаливут, рожденные из волдыря на ноге спустившегося с неба первопредка Уаллеба, который сам родился таким же образом от демиурга Лоа (Лоуа) — создателя растений, животных и т. п. На о-вах Гилберта главный мифологический персонаж — Нареау — демиург и одновременно трикстер.

На грани мифа и сказки находятся весьма популярные в Микронезии (в большей мере, чем в Полинезии, где они тоже имеются) сюжеты кровосмешения. Кровосмешение — инцест часто фигурирует в мировом фольклоре в мифах о первых людях, родоначальниках и т. п. Кровосмешение

(ср. знаменитый греческий миф об Эдипе и европейские сказки Аа Th № 931) в архаическом фольклоре, по-видимому, является выражением нарушения экзогамии (запрета жениться в своем роде), поскольку при господствующей в первобытном обществе классификаторской системе родства к категории «родителей», «детей», «братьев» и «сестер» относятся не только настоящие родители и родные братья — сестры, но и родичи более отдаленных степеней родства. В микронезийском фольклоре изображается инцест сына с матерью, племянника с теткой, брата с сестрой. Герой, как правило, — выброшенный матерью в море недоносок, найденный в сетях и выращенный вождем, или сын, которого отец не хочет признавать и велит уничтожить. Ребенок с самого начала проявляет магические силы, необыкновенно быстро вырастает и противостоит новым попыткам отца его загубить. Сихалол убил отца и стал мужем матери. Нахн Лепениен, совершивший инцест с сестрой отца, разделяет с отцом власть (смягченный вариант). Братья, соблазняющие сестру, обычно пользуются обманом, выдавая себя за духов.

В Микронезии, так же как в других частях Океании, широко распространен сюжет чудесной жены (Аа Th № 400), явно окрашенный тотемически. Юноша похищает шкуру заглядевшейся на танцы девушки-дельфина, делает ее своей женой. Та, однако, затем находит дельфиний хвост и уплывает в море, а детям наказывает не употреблять в пищу дельфинов (алиментарное табу). К этому типу близки и сказки о женитьбе на дочери ящерицы (краба, крысы и т. п., ср. Аа Th № 401, 402 и т. д.). Ящерица сначала отвергнута своим родом, но затем, когда обнаруживаются ее магические силы, вновь принята.

В Микронезии, как и в Меланезии, много сказок о злых духах и глухых великанах-людоедах; в частности, распространены сюжеты о сватовстве духа под видом человека, о совместной рыболовной поездке с духом. Жертва людоеда в обоих случаях убегает, оставляя вместо себя отвечать «амулет-заместитель» или бросая магические предметы. Имеется и рассказ о том, как духи научили людей устраивать ловушки в благодарность за лодку, которую они перед тем угнали для своих целей. Так же как в Меланезии, здесь распространен сюжет об одинокой беременной женщине, покинутой соплеменниками, бежавшими от людоеда. Ее ребенок — богатырь — растет с магической скоростью, убивает людоедов, призывает народ вернуться, иногда становится вождем.

Для Микронезии специфичны сказки о дурном обращении соплеменников с бедной семьей до тех пор, пока сын или дочь из этой семьи не обретут контакт со сверхъестественными существами и не добьются промысловой удачи. Эти сказки можно считать микронезийским эквивалентом меланезийских сказок о бедном сироте.

Как и в Меланезии, здесь популярны анекдоты о «глупых» родах и селениях и сказки о животных, которые ссорятся во время переправы по морю. Имеются в Микронезии и исторические предания, например, на Понапе — о ниспровержении Исоколокалем тирана Сау Телур.

Повествовательный фольклор Микронезии (его стилистические особенности в последнее время изучены У. Лессой и И. Л. Фишером), подобно меланезийскому, передается в прозе, но допускает стихотворные, вернее песенные, вставки ритуально-магического происхождения. Введение в какой-то мере стилизовано (в начале повествования указываются имена действующих лиц, их число, пол, возраст, семейное положение, местонахождение); финальные формулы почти не встречаются, но в конце помещаются этиологические мотивы или кратко сообщается о том, кто куда отправился после окончания действия. Сказочное число, как и в Полинезии, — десять. Целый ряд мотивов (например, вылавливание рыб-островов, превращение в животных и птиц и обратно, «амулет-заместитель», неисчерпаемый чудесный предмет, путешествие в подземный мир, магически быстрый рост героя, чудесное рождение, вещие сны и предсказания, а также идеализация обездоленного, оппозиция младшего и старшего, умного и глупого братьев) переходит из сказки в сказку. Даже в близлежащих районах возможны существенные стилистические различия. Так, например, по данным Фишера, серии повторяющихся с вариациями эпизодов на о-ве Трук соответствует сопоставление ряда неудач и удач героя на о-ве Понапе.

Предлагаемый вниманию читателя сборник повествовательного фольклора Океании содержит наиболее характерные образцы из всех основных районов Океании в переводах с полинезийских и европейских языков.

Е. Мелетинский

меланезия

меланезия

МЕЛАНЕЗИЯ

Островной мир Океании, разбросанный по безбрежным просторам Тихого океана, принято делить на три части: Меланезию, Микронезию и Полинезию. Меланезия (от греческого «мелас» — черный, «несос» — остров; «Черные острова») занимает запад Океании и населена темнокожими курчавоволосыми людьми, относящимися к австралоидной расе. Цепь островов Меланезии начинается со второго по величине острова земного шара — Ириана, или Новой Гвинеи (вместе с прилегающими островками около 828 тыс. кв. км). К востоку от Ириана расположены о-ва Адмиралтейства (около 2 тыс. кв. км), архипелаг Бисмарка (около 48 тыс. кв. км) с большими островами Новая Британия и Новая Ирландия; к юго-востоку от них тянутся Соломоновы острова (около 40 тыс. кв. км), о-ва Санта-Крус (1 тыс. кв. км), Новые Гебриды (включая примыкающие о-ва Банкс и Торрес — около 15 тыс. кв. км). К югу от них расположен большой остров Новая Каледония (вместе с прилегающими к нему о-вами Луайоте — 18 тыс. кв. км), а к востоку — о-ва Фиджи (более 18 тыс. кв. км) и небольшой остров Ротума, который вместе с Фиджи является переходным звеном от Меланезии к Полинезии.

Открытие Меланезии европейцами началось после того, как португалец Жоржи ди Менезиш в 1526 г., случайно отклонившись от курса, открыл землю, населенную темнокожими, бородатыми и курчавыми людьми, которых малайцы называли «папуа» — курчавоволосые. Земля эта была северо-западным полуостровом Новой Гвинеи. Через два года испанский мореход Альваро Сааведра прошел вдоль берегов «Страны Папуа» — Новой Гвинеи, а затем открыл о-ва Адмиралтейства. В 1568 г. Альваро Менданья де Нейра открывает Соломоновы острова; много лет спустя тот же Менданья обнаруживает о-ва Санта-Крус. В 1606 г. мореплаватель Кирос посетил Новые Гебриды, ошибочно приняв их за часть Южного материка, который, как он полагал, «занимает четверть света». Обрадованный Кирос поспешил в Перу, а затем в Испанию, чтобы известить короля о своем открытии, а два судна из его флотилии под командованием Луиса Ваэса де

Торреса, продолжив плавание на запад, открыли пролив, разделяющий Новую Гвинею и Австралийский материк.

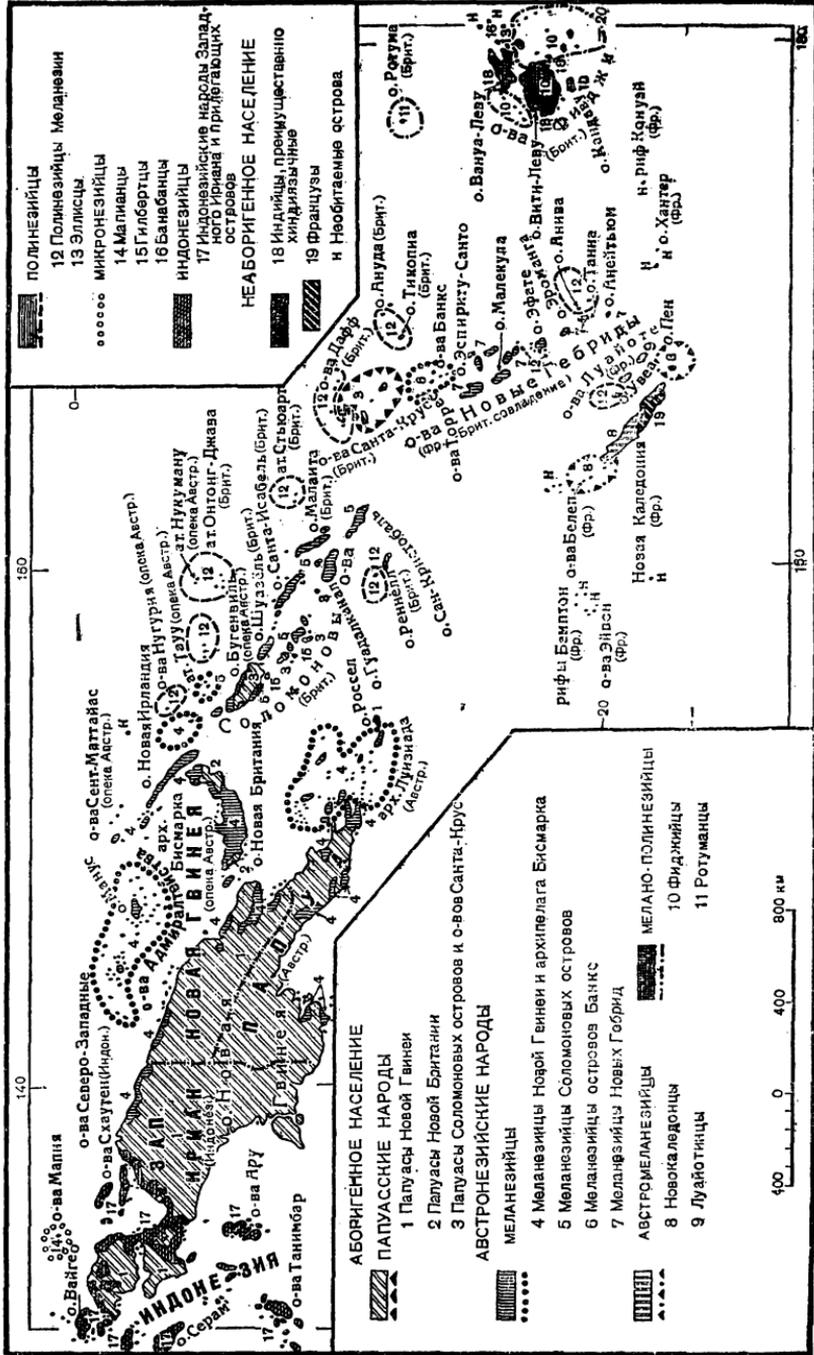
Крупнейший голландский мореплаватель Абель Тасман 6 февраля 1643 г. открывает о-ва Фиджи; на рубеже XVII и XVIII вв. английский мореплаватель Уильям Дэмпир делает важные открытия в архипелаге Бисмарка; наконец, знаменитый путешественник Джеймс Кук 5 сентября 1774 г. открывает Новую Каледонию — последний крупный остров Меланезии, неизвестный европейцам.

Но несмотря на 250 лет плавания в меланезийских водах, языки, нравы и обычаи многочисленных племен, населяющих «Черные острова», оставались европейцам почти неизвестными. И лишь в последней четверти прошлого века началось настоящее открытие Меланезии, пионером которого справедливо признан всем миром великий русский антрополог и этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888).

20 сентября 1871 г. Маклай высадился на берегу залива Астролябия в северо-восточной части Новой Гвинеи. Там он провел в общей сложности два с половиной года и фактически открыл народ Новой Гвинеи, которая, в сущности, оставалась до 1871 г. «страной в себе», населенной никому не ведомыми племенами. Маклай посетил южный и западный берега Новой Гвинеи, исследовал архипелаг Адмиралтейства и ряд других островов Меланезии, везде проявляя себя не только как вздумчивый и добросовестный ученый, но и как подлинный гуманист, враг расизма и колониализма. А колониальный раздел «Черных островов» начался как раз в годы путешествия Маклая.

В 1874 г. плодородные и богатые острова Фиджи были объявлены британской колонией; через 10 лет Англия аннексирует юго-восток Новой Гвинеи, а Германия — северо-восток; на следующий год Германия присоединяет к своим владениям архипелаг Бисмарка; в 1886—1893 гг. Англия и Германия делят между собой Соломоновы острова; еще раньше, в 1853 г., Франция захватывает Новую Каледонию и о-ва Луайоте. В 1906 г. Англия и Франция, установив совместное управление на Новых Гебридах, завершили колониальный раздел Меланезии (и всей Океании). После первой мировой войны германские владения в Меланезии были переданы Австралии.

Одновременно с колониальным захватом проходило этнографическое изучение Меланезии. Самый ценный вклад в него был внесен английским миссионером Робертом Кодрингтоном, четверть века проведшим на различных «Черных островах» и обобщившим свой опыт в нескольких монографиях. В 1874—1876 гг. немецкое судно «Газель», а в 1884—1885 гг. — судно «Самоа» провели географическое и этнографическое исследование архипелага Бисмарка. Перед первой мировой войной и в годы войны на островах

Меланезия

ПОЛИНЕЗИЙЦЫ

- 12 Полинезийцы Меланезии
- 13 Полинезийцы

МИКРОНЕЗИЙЦЫ

- 14 Малианцы
- 15 Гилбертцы
- 16 Банабанцы

ИНДОНЕЗИЙЦЫ

- 17 Индонезийские народы Западного Ириане и прилегающих островов

НЕАБОРИГЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ

- 18 Индийцы, преимущественно хиндийского происхождения
- 19 Французы и Неоритские острова

160

140

180

400

0

400

800 км

о-ва Северо-Западные

о-ва Сент-Маттеас (отлека Австр.)

о. Новая Ирландия

о-ва Нутурия (отлека Австр.)

о-ва Вануату

о-ва Тиллемуану (отлека Австр.)

о-ва Тонг-Джава (отлека Австр.)

о. Бугендиль (отлека Австр.)

о-ва Шуазель (отлека Австр.)

о-ва Санта-Изабель (отлека Австр.)

о-ва Малакка (отлека Австр.)

о-ва Вануату

Меланезии побывал ряд крупных этнографов и социологов (Турнвальд, Шпейзер, Малиновский, Лэндтмен, Риверс). Начатое во время войны (1916 г.) исследование новогвинейского племени маринд-аним — одного из самых примитивных племен мира — было завершено выпуском капитальной монографии (автор этой работы, вышедшей в 1922—1925 гг., — швейцарский этнограф Пауль Вирц). Материалы Вирца, оказавшие большое влияние не только на океанистику, но и на историю религии, психологию, фольклористику, были дополнены немецким этнографом Гансом Неверманом в 1933—1934 гг.

Несмотря на то что за последние полтора века на Новую Гвинею и в омывающие ее воды было послано более тысячи (!) экспедиций, несмотря на то что во время двух мировых войн на ее земле шли бои, великий остров и по сей день хранит много тайн и на его карте имеется много белых пятен. До сих пор почти совсем не исследованы языки жителей Новой Гвинеи: ныне их насчитывается более 750 — и кто знает, сколько еще неизвестных языков будет открыто!

В 1876 г. языковед Ф. Мюллер обнаружил, что языки Новой Гвинеи можно разделить на две большие группы: первая — меланезийская родственна языкам других островов Меланезии; вторая — папуасская встречается лишь на Новой Гвинее (позже выяснилось, что племена, говорящие на языках этой группы, имеются также на соседнем острове Новая Британия и в северной части Соломоновых островов). Однако научное обоснование подобной группировки языков Меланезии было дано лишь полвека спустя английским лингвистом С. Х. Реем; по этому чисто языковому принципу принято делить население Меланезии на «собственно меланезийцев» и папуасов.

Папуасские языки не обнаруживают родства ни с одной языковой семьей мира. Более того: сами папуасские языки делятся на большое число самостоятельных семей, родство которых между собой не доказано. Зато меланезийские языки нашли точный адрес в кругу языков мира: они родственны языкам полинезийцев, микронезийцев, индонезийцев и филиппинцев, горных племен Тайваня, жителей далекого африканского острова Мадагаскар и вместе с ними образуют единую малайско-полинезийскую (или австронезийскую) семью языков.

Носители меланезийских языков, по всей видимости, более поздние пришельцы в Океанию, чем папуасы. Однако, по мнению ряда исследователей, на Новой Гвинее имеется и «допапуасский слой». Кому он принадлежит — предкам ли австралийцев, заселившим пятый континент 12—15 тысяч лет назад? Или предкам тасманийцев, которые, как считают некоторые океанисты, были древнейшими насельниками Австралии и Океании?

Ответить на эти вопросы мы сможем лишь в будущем. Весьма важно, что эти ответы прольют новый свет на проблему происхождения австралийской расы (к которой относятся жители Австралии, Океании — австралийцы, тасманийцы, папуасы и меланезийцы, а также некоторые небольшие этнические группы Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии).

По антропологическому облику племени, говорящие на папуасских языках, делятся на три типа. Первый из них представлен людьми среднего роста с плоским носом и широким лицом, второй — людьми высокого (до 186 см) роста, с узким горбатым носом и длинным лицом; наконец, третий тип — это негритосы, рост которых 135—150 см.

Уровень развития папуасов различен, как различны и их языки и антропологический облик: наиболее отсталые племена недалеко ушли от австралийцев, а наиболее развитые занимаются земледелием, разводят свиней, знают гончарное ремесло. Из отсталых племен лучше всего изучены маринд-аним, живущие на юго-западе Новой Гвинеи. Несмотря на низкий уровень развития материальной культуры, маринд-аним, как показали исследования Вирца, обладают сложной и богатой мифологией, связанной с причудливыми обрядами.

Миф буквально является основой как всех больших празднеств, на которых фигурируют замаскированные актеры, представляющие дем, так и тайных культов, отмечает Вирц. В любой момент, даже в повседневной жизни маринд-аним, приходится на каждом шагу наталкиваться на мифы о демах, о предках, от которых все пошло, от которых все зависит и которые являются создателями всего — магии, магических формул, древних обычаев, празднеств, плясок, гимнов, церемоний размножения и тайных культов. Все покоится на мифологии и на демах. Демы обладают сверхъестественными способностями: они могут быть оборотнями, могут порождать различные предметы; демы породили растения, животных и даже людей. Все живые существа тесно связаны между собой, все они восходят к одному и тому же творцу — к деме.

Таким образом, представлению о тотемических предках, существующему у австралийцев, у маринд-аним соответствует несколько более сложное представление о творцах всего сущего — демах. Крупный советский океанист С. А. Токарев объясняет это тем, что маринд-аним очень недалеко ушли от племен Австралии: их полусобирательское-полуземледельческое хозяйство, не совсем оседлый быт создают впечатление той же австралийской бродячей родовой группы, только-только осевшей на землю. И в общественном строе много общего: полное господство общинно-родовой собственности на средства производства, на все виды угодий; родовая организация, правда, более сложная и развитая, чем у австралийцев; возрастно-половое разделение труда, как у них, но на его основе — сравни-

тельно сложная структура «возрастных классов» для мужчин и женщин. Институт возрастных посвятительных обрядов превратился у маринд-аним в более развитую систему тайных культов.

По определению С. А. Токарева, «общественный уклад и культура маринд-аним представляют собой как бы один шаг вперед по сравнению с укладом и культурой племен Центральной Австралии».

Еще один шаг вперед сделали жители горных районов Новой Гвинеи, имеющие сравнительно высокую культуру земледелия, а также папуасы и меланезийцы восточной части острова.

Главной «кормилицей» папуасов Западного Ириана является дикорастущая саговая пальма (ствол пальмы дает до 200 кг сырого саго). Папуасы Центрального нагорья и востока острова на своих земельных участках, отвоеванных у джунглей, возделывают другой вид саговой пальмы наряду с прочими культурными растениями: ямсом, таро, бататом, сахарным тростником, кокосовой пальмой, бананами. Эти культуры распространены и на других островах Меланезии (где к ним присоединяется также хлебное дерево).

Земледельческая техника в Меланезии несложна: землю вскапывают заостренными палками или кольями (работа мужчин), далее ее размельчают и разрыхляют (работа женщин), а затем производят посадку растений (также женщины). Гораздо большего труда требует расчистка земли из-под густого тропического леса (рубка деревьев каменными топорами, сжигание стволов, сучьев и кустарника), огораживание участка от диких свиней, очистка земли от корней и камней, уход за участком, зачастую требующим искусственного орошения, и, наконец, сбор урожая (чтобы выкопать большой клубень ямса, уходящий в землю на 2 м, требовался целый день работы).

Несмотря на орудия каменного века, меланезийцы достигли большого искусства в земледелии и особенно в знании растений. Так, жители северо-восточной части п-ова Газель на Новой Британии знают более 70 разных сортов банана.

Вторым основным источником пищи для жителей Новой Гвинеи, где водятся дикие свиньи, казуары, древесные кенгуру, множество видов птиц, является охота, а для жителей остальных островов Меланезии, чья фауна бедна,— рыболовство, причем меланезийцы применяют едва ли не все существующие в мире способы рыбной ловли: сети и верши, особые плетеные корзины, острогу и лук, крючки из щита черепахи или раковины, каменные или плетеные плотины, отравление водоема ядом, ночной лов с факелами. Из меланезийских судов особенно характерна длинная (до 20 м) и узкая (менее 1 м) лодка, выдолбленная из ствола дерева, к которой прикрепляется балансир — деревянный поплавок, придающий устойчивость на

плаву. Как правило, меланезийцы, выходя в океан, старались не терять из виду землю.

Меланезийцы разводили на мясо собак, кур и свиней — типичное для Океании «трио» домашних животных. Огонь добывался способом выпаживания путем энергичного трения палочки с заостренным концом о дощечку из мягкого дерева. Пищу готовили на углях, открытом огне, а чаще всего в земляной печи — яме, устланной ровным слоем камней. Камни раскалялись на костре, затем на них клали завернутую в листья пищу, покрывали ее сверху горячими камнями, прикрывали слоем свежих листьев и, наконец, засыпали яму золою и землей. Еда в земляной печи готовилась в течение 2—4 часов.

Главным оружием жителей Новой Гвинеи были боевой лук и копье; копье служило оружием почти на всех остальных островах Меланезии; кроме него употреблялись боевые палицы, пращи, очень редко — боевой топор и духовое ружье (стрелометательная трубка). С появлением европейцев, продававших меланезийцам огнестрельное оружие, столкновения между племенами стали более кровопролитными. Это повело к широкому распространению каннибализма, который и до этого не был чужд меланезийцам.

Если не считать нескольких самых отсталых племен Новой Гвинеи и племени папуасоязычных байнингов, живущих в горах Новой Британии, население Меланезии — оседлый земледельческий народ, имеющий постоянные поселения и жилища. Кроме обычных жилых домов (как правило, это хижины на столбах с высокой двускатной крышей) в каждой деревне имеется специальный «мужской дом» — своеобразный клуб, где хранятся украшения, обрядовые принадлежности и т. д.

Вопрос об общественном строе меланезийцев необычайно сложен и еще недостаточно изучен. «Сложность заключается, во-первых, в том, что уровень общественного развития обитателей отдельных островов Меланезии был и остается весьма неодинаковым; что ни остров, то свои особенности в общественном быту. Во-вторых, меланезийское общество в целом находилось на различных стадиях развитого родового строя, местами с первыми признаками его разложения, — пишут советские океанисты в монографии «Нации Австралии и Океании» — ...В Меланезии сложились весьма разнообразные порой довольно запутанные общественные формы, в которых переплетаются элементы первобытнообщинного и раннеклассового общественных укладов». Одним из характернейших признаков этого являются меланезийские «деньги» — вернее, предметы обмена.

Каменные топоры, циновки, свиные многими племенами использовались в большинстве случаев по их прямому назначению; однако для некоторых племен они служили также и мерилем стоимости, а кое-где циновки даже

нарочно портили, превращая их тем самым в знак стоимости, в «чистые деньги». Наибольшее распространение по всей Меланезии имели раковинные деньги — раковины моллюсков и улиток, нанизываемые на шнурок (стоимость скидки раковин определяется ее длиной). Кроме того, «деньгами» в Меланезии могли быть собачьи клыки, птичьи перья, панцири животных и т. д. Особенно ценятся загнутые кольцом клыки свиньи.

Однако меланезийские «деньги» служили не только средством обмена, они играли весьма важную роль в различных церемониях и обрядах. Так, за них выкупали невесту или платили штрафы и откупались от кровной мести. От количества «денег» зависел общественный престиж человека. Эти «деньги» давали в рост, чтили и уважали, копили, собирая порою значительные суммы (так, у одного из вождей было 20 000 низок раковин, каждая из которых приравнивалась европейцами в конце XIX в. к полутора германским маркам). Наконец, «деньги» играли огромную роль в деятельности тайных союзов, которые существовали на многих меланезийских островах.

Формальное предназначение этих союзов — совершение обряда посвящения и других ритуальных церемоний. На самом же деле роль тайных союзов в жизни меланезийцев была гораздо более значительной, ибо союзы эти, по словам Риверса, крупнейшего знатока их, были «тесно связаны с уважением к собственности и к поддержанию социального порядка». Члены союза делились на высшие и низшие ранги; во главе его стоял влиятельный человек; вступление в союз требовало обязательного взноса «деньгами»; чтобы подняться на более высокую ступень, необходим был новый, более высокий взнос. Вступление в союз, а также повышение в ранге сопровождались церемониями с плясками в специальных масках, символизирующих «духов-покровителей». Члены тайных союзов терроризировали остальное население, учиняли тайные суды и расправы. Главной целью союза было накопление богатства, «денег», которые поступали в качестве взносов и вымогались у непосвященных. «Отнимите у них деньги — и их тайные союзы сойдут на нет», — говорил один из очевидцев.

Тайные союзы на различных островах назывались по-разному и отличались друг от друга не только церемониями и «духами-покровителями», но и самим характером союза. Так, союзы Ингьет (архипелаг Бисмарка) и Тамате (о-ва Банкс) были закрытыми организациями, их деятельность проходила в потаенных местах, в то время как союзы Дук-дук (архипелаг Бисмарка) и Сукве (о-ва Банкс, Новые Гебриды) напоминали скорее «клубы» и были связаны общинными «мужскими домами». Но в любом случае тайный союз, как отмечал Риверс, — это организация, «посредством которой приобретает богатство, и так как продвигаться в этих союзах могут только богатые или лица, имеющие богатых друзей, эта организация яв-

ляется средством для закрепления и даже подчеркивания социального ранга, поскольку этот ранг зависит от обладания богатством».

Институт тайных союзов тесно связан с изобразительным искусством меланезийцев. На Новых Гебридах после каждой церемонии посвящения устанавливался каменный монолит; церемонии любого союза совершались в масках тончайшей работы — великолепных образцах искусства Меланезии. Из дерева вырезались скульптуры — фигуры предков, крупные массивные скульптуры и небольшие раскрашенные статуэтки. Они служили не только для ритуалов тайных союзов. Когда умирал богатый или знатный человек, для его похорон также изготовлялось изображение, вырезанное из дерева. На Новых Гебридах в виде человеческой фигуры делались высокие стоячие барабаны. Жители Новой Ирландии, особенно славящиеся искусством резьбы, создавали своеобразные покрытые резьбой статуи в рост человека, огромные колонны из дерева высотой до 4 м и даже целые скульптурные фризы. В состав этих фризов, достигавших 3 м в длину, входили изображения человеческих голов, дополненные изображениями птиц, рыб, змей. Излюбленным материалом меланезийских скульпторов было дерево. Резьбой и орнаментом покрыты самые разнообразные предметы меланезийского быта: весла, лодки, черпаки, барабаны, рукоятки топоров и т. д. Каменные статуи в Меланезии очень редки, к тому же они весьма примитивны. Еще более редка резьба по камню и еще реже встречается наскальная роспись.

Нанесением орнамента и резьбой мог заниматься любой член общества; что же касается изготовления ритуальных масок и статуй, то оно поручалось специальным мастерам, по наследству, из поколения в поколение передававшим секреты творчества. Когда художник не работал над заказом, он был таким же членом общества, как и все остальные. Не выделялись в особую касту и служители религиозных культов, жрецы. Однако образование жреческой касты уже начиналось в меланезийском обществе: там имелись специалисты по врачеванию, хранители святилищ, знатоки черной магии, гадатели, «духовидцы».

Почитание умерших предков и обычно связанный с ним культ черепов, а также вера в духов умерших и духов природы — таковы основные черты меланезийской религии, являющейся как бы следующим шагом по сравнению с религией ряда отсталых папуасских племен, вроде маринданим. Но характернейшей и самой специфичной чертой религии Меланезии является понятие «мана», впервые описанное Кодрингтоном. По его словам, мана — «это сверхъестественная сила, принадлежащая к области невидимого... Обладать ею или направлять ее есть величайшее преимущество... Вся меланезийская религия состоит, в сущности, в приобретении этой маны для себя или в использовании ее для своей выгоды». Эта сила,

хотя сама по себе безлична, всегда связана с каким-либо лицом, которое управляет ею; все духи природы имеют ее, обычно и духи умерших; а также некоторые люди, а поэтому любой значительный успех есть доказательство того, что человек имеет ману.

Другое важное понятие меланезийской религии — табу (или тапу, тамбу) — является как бы негативным аспектом маны. Буквальный его смысл — священный запрет, который налагается на то, что обладает маной, будь это духи, демоны или живые люди. Слово «табу» — полинезийское, в Полинезии наиболее четко выражено и само представление о табу (равно как и о сверхъестественной силе, мане).

Из Полинезии, по всей видимости, пришел в Меланезию и обычай пить каву, опьяняющий напиток, приготовляемый из корня перечного растения. Обычай этот распространен в юго-восточной Меланезии; в северо-западной Меланезии наркотическим веществом служит бетель, листья или плоды перечного растения, которые жуются вместе с орехом арековой пальмы и толченой известью.

Связь с Полинезией особенно видна в культуре, языке, общественном строе восточной окраины Меланезии — на о-ве Ротума, архипелаге Фиджи, о-ве Тикопия, о-вах Дафф. Темнокожие жители Фиджи в искусстве мореплавания и постройки лодок не уступали полинезийцам и с давних пор вступили в контакт и культурный обмен с населением Западной Полинезии: архипелагами Тонга и Самоа. На Фиджи и находящемся в 300 км к северу от него о-ве Ротума сложились своеобразные меланезийско-полинезийские языки и культура (так, например, в фольклоре Ротумы под именем Моеа фигурирует типично полинезийский герой Мауа, но он сталкивается, как это отмечает крупнейший знаток фольклора Океании К. Луомала, с типично меланезийским героем — Тупу-а-Роси).

Во главе различных фиджийских племен стояли вожди, получавшие власть по наследству и обладавшие неограниченной властью. Власть эта была объявлена божественной жрецами (мбете), состоявшими при вождях. Вожди владели большим числом рабов (каяс). В XIX в. после длительных войн жители маленького острова Мбау подчинили своей власти почти все население Вити-Леву, самого большого острова архипелага. В это же время на Фиджи появляются миссионеры, а в середине XIX в. возникают первые европейские поселки и плантации хлопчатника и сахарного тростника. Начались вооруженные стычки за землю, начались интриги со стороны Англии, Франции и США за гегемонию над архипелагом.

Борьба эта закончилась присоединением Фиджи к Британской империи. Междоусобные войны, ставшие особенно кровопролитными после появления огнестрельного оружия, эпидемия оспы, холеры и кори, косившие тысячи людей, бедственное положение островитян, вынужденных платить

налоги деньгами или работой на плантациях,— все это привело к вымиранию фиджийцев. Чтобы иметь рабочие руки, англичане стали привозить законтрактованных рабочих из Индии. Иммиграция продолжалась с 1879 по 1916 г., и в результате нее на Фиджи появилось более 60 000 индийцев; за истекшие полвека это число возросло более чем в два раза, и ныне число индийцев превышает число коренных жителей.

В настоящее время в Меланезии широко развернулась борьба за независимость, которая проявляется в своеобразном религиозно-политическом движении милленаристского характера. Пророки его предвещают скорую катастрофу, которая уничтожит белых поработителей, после чего наступит царство изобилия, старики станут молодыми, болезни исчезнут, земля покроется цветущими садами, прибудет корабль с духами предков и люди обретут свою прежнюю культуру. Несмотря на свою религиозную оболочку, это движение постепенно превращается в одну из мощных сил, борющихся за свержение колониализма в Океании.

ЗАПАДНЫЙ ИРИАН¹

ГРУППА МАРИНД-АНИМ²

1. Первые люди

В давние времена в краю Имас демы³ однажды справляли праздник.

В самый разгар пира вдруг хлынул ливень, и они спрятались под землей. Только псу-деме удалось отыскать среди всеобщего потопа одно сухое местечко, где он и дождался, пока не сошла вода.

Демы, сидевшие под землей, решили перебраться из Имаса в Гавир. Им пришлось идти в полной темноте, но пес-дема Нгилуй сверху указывал им дорогу. Чтобы проверить, под ним ли демы, он то и дело рыл в земле ямы. Для тех, кто был внизу, это отдавалось громом, и по его грохоту они узнавали, куда держать путь. Если же Нгилуй не слышал шагов, он догадывался, что демы уснули, и тоже ложился отдыхать.

Наконец демы добрались до Сендара на земле Кондо-Мирав. Здесь Нгилуй вырыл особенно глубокую яму, и через нее демы вышли наружу. Потом яма наполнилась водой. Так у Сендара возникло озеро, которое можно видеть еще и теперь.

По озеру плавали какие-то существа из бамбука, очень похожие на рыб. Дема-аист хотел было поймать их и съесть,

но огонь-дема не позволил ему этого сделать. Он сказал: «Это вовсе не рыбы, а люди, и принадлежат они мне». Единственное, что он разрешил аисту,— вытащить их из воды на берег.

Тем временем другие демы сложили на берегу большую кучу хвороста. Им было холодно, и, чтобы согреться, они решили развести костер. Они не подумали, что лежащие рядом бамбуковые люди могут пострадать от пламени, и зажгли огонь.

От жары бамбук потрескался, и лучины разошлись в разные стороны. Так у первых людей появились руки и ноги, а на голове — глаза, уши и ноздри. Но вот раздался особенно громкий треск: «Вааах!»⁴. Это у первых людей открылись рты, и они обрели дар речи.

Огонь-дема взял бамбуковый нож и принялся за окончательную отделку людей. Он вырезал им пальцы на руках и ногах.

Поначалу дема оставил между пальцами плавательные перепонки, но они ему не понравились. Тогда он их срезал и выбросил. Конечно, ему не следовало так делать, потому что эти обрезки впоследствии превратились в пиявок. Но уж так у него получилось.

Первым человеком, возникшим в Сендаре, был молодой мужчина по имени Ворью. Он же был самым первым, кто отправился в странствие вдоль морского побережья. За ним последовали другие люди. Постепенно они заселили все деревни в Гавире, а потом и в Имасе⁵.

Из земляной ямы в Сендаре вышли только маринд-аним. Потому они называют себя еще и аним-ха — «истинными людьми».

Все остальные племена — канум, йе-нан, куркари и многие другие — появились на свет позднее⁶, когда пес-дема вырыл вторую яму. Самые плохие из них куркари. Трое из этих людей изобрели смертельное колдовство⁷. И первым, кого они умертвили, был Ворью.

После своей гибели Ворью — теперь уже не человек, а дух — продолжал жить среди людей. Но люди стали его бояться, а исходивший от него запах тления сделался им противен. Тогда они прогнали Ворью, и он ушел дальше, за устье Дигула, где с тех пор живут все души умерших⁸.

2. *Посещение страны мертвых*

У одного человека умерла жена, и он очень горевал о ней. Целыми днями он думал о том, как бы ему снова свидеться со своей женой; но, сколько он ни думал, душа умершей не приходила к нему. Тогда он обратился к колдуну. Тот велел раскопать могилу жены, достать голову покойницы и съесть ее мозг. «Тогда,— сказал колдун,— ты тоже приобретешь свойства духа и сможешь последовать за своей женой».

Человек выполнил все, что ему было сказано. Только вместе с мозгом он съел еще саговую лепешку и потому превратился в духа лишь наполовину, а наполовину остался человеком.

Ночью к нему явилась душа жены и проводила его в страну мертвых, что лежит далеко за устьем Дигула. Обыкновенные живые люди видят там только ил да мангровы и не могут там жить, но новому пришельцу страна очень понравилась. Правда, ничего съедобного в том краю не росло, но мертвецов это ничуть не беспокоило: каждую ночь они летали по воздуху на свои старые огороды в стране людей⁹ и приносили оттуда столько еды и пьянящих стеблей вати¹⁰, сколько им было нужно.

На следующий вечер вокруг новичка собрались все духи умерших, чтобы отпраздновать его приход торжественной пляской. Они забили в большой барабан¹¹, который когда-то принес сюда Ворью, первый мертвец, и начали так лихо отплясывать, что у них загремели кости. Около молодых мертвецов, кружившихся в дикой пляске, сидели те, которые умерли старыми. Они были настолько слабы и дряхлы, что им, чтобы не рассыпаться, приходилось опираться о пальмы. Веселье продолжалось всю ночь. Человеку стало не по себе, и он еле дождался конца праздника.

Днем, когда все духи уснули, он попросил жену отвезти его обратно к живым людям. Она обещала, так как сразу поняла, что он не настоящий мертвец. Едва стемнело, она обернулась журавлем¹², посадила мужа себе на спину и с быстротой молнии отвезла его в родную деревню. Здесь она с ним простилась и снова улетела в страну духов.

В деревне видели, как человек возвратился домой на журавле, и догадались, что то был не простой журавль, а дух-

оборотень. Человека схватили и, узнав от него, что он еще при жизни чуть было не превратился в духа, начали его лечить. Для этого взяли крепкую раковину, разбили на части и острым осколком нанесли ему множество мелких ран на лбу, груди и руках, чтобы из него вышла вся дурная кровь, а вместе с ней то, что делало его духом¹³. Потом ему дали разные волшебные снадобья, и он опять целиком стал человеком, и у него пропала всякая охота еще раз пойти к жене в страну мертвых.

А духи умерших, которых он посетил, будучи живым, почувствовали себя обманутыми. Они страшно рассердились и стали кидать в него кости мертвецов, рассыпавшихся от ветости, но так ни разу и не попали.

Еще и теперь иногда можно видеть падающие с неба кости. Издали кажется, будто падают звезды, но мы знаем, что на самом деле это кости духов из страны мертвых.

3. Пожар в Сендаре

В давние времена демы жили в Сендаре на земле Кондо-Мирав. Один из них, Ваба, так горячо любил свою жену, что от его жарких объятий загорелась хижина. Было как раз время засухи, дул сильный восточный ветер, и пламя быстро распространилось по всему побережью. Деревья и трава выгорели дотла, и на берегу образовалась широкая пустынная полоса, которая существует и по сей день.

Ваба и его жена сгорели, и вместе с ними погибли в своих домах многие демы. Ведь в ту пору об огне ничего не знали и не умели от него защищаться.

Когда демы-звери впервые увидели огонь, они из любопытства подошли вплотную к нему, чтобы получше его разглядеть. При этом дема-аист Ндик по неосторожности опалил себе ноги и крылья. Оттого у аистов ноги красные, а на крыльях — черные подпалины. Еще больше досталось казуру: от жары у него почернели все перья, а на шее появился красный след от ожога. Ракам тоже не удалось уберечься, и с тех пор, стоит им только попасть в огонь, они сразу же становятся красными.

Во многих местах пожар проложил в лесу длинные просеки в глубь страны. Позднее они наполнились водой и превратились в реки.

Как и дем-зверей, людей из деревни Кумбе разобрало любопытство, и они наклонились, чтобы рассмотреть пламя. От этого у них на голове сгорели волосы. Вот почему в Кумбе так много плешивых.

4. Геб

Когда-то Геб жил в местности Домандэ, в термитнике¹⁴. Каждый день он ходил к берегу моря ловить рыбу. Из-за частого пребывания в воде все его тело покрылось морскими желудями, и он стал чудовищно безобразным. Зато те же ракушки надежно защищали его от термитов.

Геб был так уродлив, что не смог найти себе жены. Поэтому он срезал нижнюю часть бамбука и смастерил из нее вещицу, заменявшую ему женщину. Приятелю Геба Маху, у которого было две жены, стало жаль беднягу, и он подарил ему одну из своих жен — Пиакор. Но Пиакор не принесла Гебу большой радости: поначалу она производила на свет одних только рыб или птиц и лишь позднее родила ему двух сыновей и дочь.

Однажды Геб ловил рыбу неподалеку от Бути. Вдруг к берегу подошли девушки; они хотели набрать ракушек. Геб устыдился своего уродства и зарылся глубоко в песок, оставив сверху только нос. Одна из девушек приняла нос за раковину и взялась за него. Гебу стало нечем дышать, и он был вынужден вылезти из песка. Девушки ужасно перепугались и с громким криком бросились бежать.

Мужчины из Бути подумали, что безобразный малый нарочно подстерегал девушек. Они схватили свои палицы¹⁵ и луки, поспешили к берегу и поймали Геба. Пленника привели в деревню и поместили в отдельную хижину, а чтобы он не сбежал, поставили у дверей охрану. Потом мужчины палками и каменными топорами попытались очистить Геба от морских желудей. От боли он громко кричал. Но содрать с Геба ракушки так и не удалось, только на затылке у него образова-

лась большая рана. Ночью из этой раны вырос куст банана. Он рос так быстро, что уже к утру на нем созрели плоды. Мужчины вытащили его из затылка Геба и посадили в землю. С тех пор этот сорт банана и называется «бути»¹⁶ — по месту своего рождения.

Мужчины из Бути все же хотели очистить Геба от ракушек и сделать его своим мальчиком для удовольствия¹⁷. Геб очень испугался и решил бежать во что бы то ни стало. Ночью он разобрал часть листьев, покрывавших хижину¹⁸, — выйти через двери было невозможно из-за охраны — выбрался на крышу, прыгнул на кокосовую пальму и полез по ней вверх. Чем дальше он лез, тем выше вырастала пальма, и наконец ее вершина достигла луны. Геб быстро перескочил с пальмы на луну. В то же мгновение пальма съежилась и вновь приобрела свои обычные размеры.

Геб был спасен, но ему пришлось навсегда остаться жить на луне. Временами он там хорошо виден, и тогда потомки Геба приветствуют его радостным возгласом «Геб ахъ!»¹⁹.

Пока Геб взбирался вверх по шершавому стволу пальмы, с него сошли все морские желуди, и он опять превратился в красивого мужчину. Но по старой памяти его иногда все еще называют «Саманити-патур», что значит «Чесоточный юноша».

5. Утренняя женщина и вечерняя женщина

Манди была очень красивой девушкой, но она совсем не любила работать. Поэтому ни один юноша не хотел взять ее в жены, хотя многие из них были бы не прочь сходить с ней в лес.

В то время как другие девушки и женщины уходили на огороды и сажали там растения, пропалывали посевы или собирали урожай²⁰, Манди наряжалась и без дела слонялась по округе.

Поздно вечером все женщины и девушки возвращались домой и, сгрузив вязанки хвороста и съестные припасы, на-

чинали готовить ужин. И только когда приступали к еде, являлась Манди.

Самой прилежной из женщин была Охом. Она не раз звала ленивую Манди пойти вместе со всеми на огороды или в рощу саговых пальм, уговаривала ее сходить за хворостом и научиться готовить еду. Но Манди ничего не желала слушать.

Однажды красавица Манди прогуливалась в окрестностях Имо²¹ и случайно забрела в банановую рощу. Устав от долгих блужданий, девушка решила отдохнуть. Она срезала несколько банановых листьев, приготовила себе удобную постель, потом улеглась на ней и уснула.

Мужчины из Имо, проходившие через рощу, наткнулись на спящую Манди и забрали ее с собой, потому что приближался большой культовый праздник, во время которого полагалось убить какую-нибудь красивую девушку.

Перед самым праздником Манди удалось бежать. Рано утром, когда все еще спали, она поднялась на небо и превратилась в красивую звезду; и теперь каждое утро ее можно там видеть.

А прилежная Охом тоже стала звездой. Правда, по утрам у нее нет свободного времени, как у лентяйки Манди: Охом весь день трудится. Но как только стемнеет, она появляется на небе. Первая вечерняя звезда — это и есть Охом²². Как все порядочные женщины в деревне, она возвращается домой только вечером.

Вот почему молоденьким девушкам желают, когда они подрастут, больше походить на вечернюю звезду, чем на утреннюю.

Но некоторые люди говорят, будто Манди в конце концов почувствовала себя неловко перед Охом и там, на небе, принялась добывать саговую муку. И еще говорят: всю ее утварь — корыто для промывания саго, черпак для воды, кирку и колотушку — все это тоже можно разглядеть среди звезд. Свои украшения Манди сбросила, и они превратились в небесных птиц. Эти птицы в виде звезд с длинным хвостом из перьев иногда пролетают по небу²³. Только видно их очень редко.

По словам йе-аним²⁴, что живут в верховьях Маро, все звезды — такие же женщины, как Манди и Охом, и все они замужем за месяцем.

6. Сын бездны

Йолума — сын бездны. Это она произвела его на свет в одном из болот за деревней Имо. Он красивее самого нарядного юноши²⁵ и сильнее всех людей.

Жители Имо не знали, кто такой Йолума. Они приняли его за чужеземца и не пожелали иметь с ним дело. А когда Йолума знаками дал им понять, что хочет взять в жены девушку из Имо, они стали над ним смеяться и выстрелили в него из лука. Раненный в голову, сын бездны покинул Имо.

Через некоторое время рана на голове Йолумы загноилась. В глубокой печали побрел он через леса и болота к своему другу Гебу. Тот вырубил из раковины маленький острый нож и этим ножом надрезал Йолуме кожу. Гной и дурная кровь вышли, и рана Йолумы быстро зажила. Затем Геб изготовил для своего друга очень красивый наряд; такой красивый, какого еще никто и никогда не носил.

От Геба сын бездны направился к морю и сделался морским демой. Вот он ударил в свой барабан — и море зашумело, ударил сильнее — послышался гул прибоя. Йолума пошел вдоль берега. Ветер трепал его нагрудные украшения. Они раскачивались и блестели, и в лад им вздымались и пенились морские волны.

Придя в Вамал, Йолума лег отдохнуть, и оттого в бухте у этой деревни море всегда спокойно.

Потом сын бездны отправился дальше. И чем быстрее шагал он, чем громче бил в барабан, тем сильнее бушевало море. Когда он дошел до Вамби, буря так разыгралась, что валила пальмы и хижины.

Вскоре Йолума достиг мелководья у Имо и принялся жестоко мстить за обиду, что нанесли ему жители этой деревни. Его барабан грохотал, как гром, ожерелья, а с ними и пенные гребни сверкали под ветром. Йолума в гневе вырывал с корнем деревья, опустошал сады и разрушал дома. Жители Имо, даже не успев проснуться, погибали под развалинами. Потом Йолума обрушил на берег огромный морской вал. И все, что еще оставалось в живых, было смыто соленой водой.

Тогда-то и появились в море первые рыбы. Они возникли из людей деревни Имо.

После расправы над Имо Йолума прошел еще немного вдоль побережья и наконец остановился в устье Биана. Но и

пояныне гнев его не иссяк, и он ежедневно гонит из моря в реку мощную волну прилива, о чем никогда нельзя забывать при езде на лодках.

Там, где когда-то стояла деревня Имо, ныне — голое место, от нее не осталось и следа. Но в память о мести Йолумы в соседних деревнях — Сангасе, Алаку и Меве²⁶ — союз Имо и теперь еще справляет свои праздники.

Главная цель союза — заботиться о том, чтобы кокосовые пальмы были плодоносны и имели крепкие корни; и тогда Йолума, великолепный и могучий сын бездны, не повалит их снова.

Если вечером море начинает волноваться и окрашивается в красный цвет, значит Йолума и другие деми отправились на какую-то битву и предстоит большое кровопролитие.

7. Шагающее дерево

Однажды на берегу близ Онгари играл маленький мальчик. Вдруг он увидел, что к деревне медленно движется огромное дерево. Оно выглядело очень грозно. Мальчик испугался и с криком бросился в деревню.

Собрались мужчины. Они посоветовались и решили срубить дерево прежде, чем оно дойдет до Онгари и раздавит дома, убьет людей, свиней и собак²⁷. На помощь позвали мужчин из соседних деревень и все вместе, взяв каменные топоры, пошли рубить корни дерева.

Мужчины трудились изо всех сил два дня и еще один день²⁸. За это время дерево подошло почти к самой деревне. Наконец могучий ствол покачнулся и со страшным шумом повалился на землю.

Пока дерево раскачивалось туда и сюда, с него осыпались плоды. Те, что упали в море, стали первыми морскими рыбами. А те, что попали в реку, превратились в первых речных рыб.

Так была спасена деревня Онгари, и так возникли рыбы. Если бы маленький мальчик вовремя не заметил шагающего дерева, не было бы сейчас Онгари и никто не мог бы ловить и есть рыбу.

8. Остров Хабе

Когда появился огонь и пожар распространился по всему побережью, могучий дема Деви попытался его потушить. Он ударил по горящей земле своей палицей; но пламя от этого не погасло, только от берега отскочили большие куски суши и превратились в острова. В стране бурик-анім²⁹ и по сей день существует несколько таких островов. А один из них, остров Хабе, лежит сейчас против деревни Велаб.

Когда-то Хабе был частью суши близ устья старой реки Маро³⁰. Но после того как Деви отколол его от берега, Хабе не остался на месте, а поплыл. Он миновал Кондо-Мирав' и Бути и доплыл до деревни Бирок. Здесь он вдруг за что-то зацепился и стал. Оказалось, его схватил ротанг-дема.

Другие демы попробовали было освободить остров, но шипы ротанга так крепко впились в Хабе, что демы никак не могли сдвинуть его с места. Они даже поколотили ротанга палицами, но и это не помогло. И лишь после того как позвали колдунов с реки Булаки и те произнесли свои заклинания, ротанг-дема отпустил Хабе и остров поплыл дальше.

Хабе передвигался очень медленно, и жители побережья часто ездили на него собирать черепашьи яйца и охотиться на морских птиц.

Как-то раз на плавучий остров высадился один мужчина из Вамби со своей женой и дочерью по имени Упикак. Это случилось, когда Хабе проплывал мимо их деревни. Упикак сразу же полезла на пальму за птичьими яйцами. В это время подул сильный ветер. Люди испугались, что может начаться буря и они не успеют возвратиться домой. Не долго думая, они бросились в лодку и поспешили в Вамби. И верно: едва лишь они добрались до деревни, как разразилась буря.

А Упикак осталась на пальме. Чтобы не упасть, она изо всех сил уцепилась за ствол и вместе с ним раскачивалась под порывами ветра. Девушка громко кричала и звала родителей, но из-за бури никто не слышал ее голоса. Упикак прижалась к пальмовому стволу, как варан, и постепенно приобрела облик этого животного. Так возник первый варан; а оттого, что Упикак в то время охотилась за птичьими гнездами, вараны поныне преследуют птиц и крадут у них яйца.

Между тем остров Хабе проплыл Вамби и приблизился к деревне Велаб. Упикак испугалась, что никогда не сможет вер-

нутья в родные места, и решила между островом и землей соорудить плотину. Она взяла куски красного железняка и стала бросать их в воду.

Это увидел дема огня Арамеб, который как раз находился в Велабе. Арамеб захотел помочь девушке-варану и тоже принялся строить плотину. Она начиналась у деревни Велаб и шла навстречу той, что сооружала Упикак. А так как под руками у Арамеба не было ничего подходящего, а медлить было нельзя, он пустил в дело крупные клубни ямса.

Как только обе плотины сомкнулись, Упикак быстро перебежала к Арамебу. Она вышла за своего спасителя замуж, и они оба стали родителями кенгуру.

Плотина же вскоре разрушилась: ямс смыло водой, и даже красные камни от частых бурь и прибоя сильно измельчали, и их сделалось меньше. Но и теперь еще между Хабе и древней Велаб находят ее остатки. Они-то и удерживают остров.

9. Оружие громовника

Отец молний Дивахиб живет за небесным сводом, и, чтобы спуститься на землю, дема всякий раз приходится проламывать его. При этом раздается громкий гул, и тогда люди говорят, что гремит гром.

В глубине души Дивахиб вовсе не так уж зол, а иной раз бывает и совсем добрым.

Однажды Дивахиб сошел на землю. Как всегда в таких случаях, сильно гремел гром и сверкали молнии. По земле бегал мужчина и искал укрытия от дождя. Вдруг он увидел впереди себя небольшой шалаш. В шалаше у огня сидел какой-то древний старик. Он приветливо пригласил мужчину сесть рядом и даже угостил его мясом и орехом бетеля³¹. Оба приятно провели время в беседе, а когда утихла гроза и дождь прекратился, старик на прощание подарил мужчине имбасум³² — чудесное оружие, какого в те времена не было еще ни у кого из людей.

Конечно, этот старик был не кто иной, как сам Дивахиб, и он не пожалел отдать человеку свое лучшее оружие.

Но сыновья Дивахиба, молнии, остались очень недовольны его поступком. Они заявляли, что имбасум им совершенно не-

обходим для охоты на кенгуру, и всячески бранили отца за его доброту. Но Дивахиб сказал:

— Что подарено, то подарено, и потребовать имбасум обратно я уже не могу.

Рассерженные сыновья Дивахиба сами спустились на землю и разыскали там нового владельца имбасума. Он как раз возвращался с охоты с богатой добычей.

Увидев возле себя молнии, мужчина страшно перепугался и попытался спастись от них бегством. Но они были проворнее и тут же догнали его снова. Чтобы легче было бежать, мужчина бросил всю свою охотничью добычу, но молнии все равно не отставали от него ни на шаг. Тогда он выбросил свою походную сумку, потом лук и стрелы и, наконец, копьё³³. И только имбасум он по-прежнему крепко держал в руках и со всех ног бежал к деревне. Но и это не помогло. Молнии, угрожая, оцепили мужчину огненным кольцом, и ему, скрепя сердце, пришлось бросить драгоценный подарок Дивахиба.

Молнии стремглав кинулись к отцовскому оружию и, схватив его, поднялись на небо.

Сразу же вокруг стало тихо. Облегченно вздохнув, мужчина неторопливо собрал все свои брошенные ранее вещи и целым и невредимым, однако уже без имбасума, возвратился к себе в деревню.

Там он рассказал о всех своих приключениях. Люди очень сокрушались, что пропало такое прекрасное оружие. Но, оказывается, мужчина, получив у Дивахиба имбасум, успел хорошо разглядеть его, и потому теперь, правда лишь после долгого и кропотливого труда, ему удалось сделать точно такой же. С тех пор люди знают это оружие и с успехом применяют его на охоте. А так как оно пошло от самого Дивахиба, то им пользуются также и в тайном культе Имб³⁴.

10. Копье Аримемба

Между землями маринд-аним и людей яб³⁵, с одной стороны, и земель болотных людей³⁶ — с другой, лежит широкая протока Мули. Выглядит она как река, но вода в ней соленая. Принадлежит она сыну бездны Йолуме.

В Мули живет друг Йолумы — Мули-дема. Он женился на девушке из Авехимы, и та родила ему прекрасного сына, которого отец назвал Арамембом.

Когда Арамемб был еще подростком, он попросил своего отца подарить ему оружие, чтобы тоже ходить на охоту. И тогда Мули-дема дал ему копье и копьеметалку.

Арамемб очень обрадовался, но он не знал толком, на кого ему охотиться с таким большим оружием, потому что в те времена из всей дичи были известны одни лишь птицы. Диких свиней, казуаров и кенгуру тогда еще не водилось. Не было в ту пору и собак, и вместо них охотников сопровождали крысы.

Арамемб пришел со своим копьем в страну людей яб. Там встретился ему великан по имени Мингуй, который преследовал и убивал людей. Арамемб подумал, что Мингуй вполне подходящая цель для его копья, и при помощи копьеметалки изо всех сил метнул его в великана. Пронзенный насквозь, Мингуй замертво повалился на землю.

Арамемб разрезал тело великана на части, испек мясо и, так как сильно проголодался, съел его, оставив одни кости. Затем он прикрыл кости травой и лег спать.

На следующее утро под травой что-то зашуршало. Арамемб разгреб ее и увидел, что все до одной кости Мингуя превратились в маленьких кенгуру, ползавших по земле. Кенгуру еще не умели прыгать, и только после того, как Арамемб стегнул их черенком пальмового листа, они подскочили и научились передвигаться прыжками, как делают это теперь.

Вскоре кенгуру подросли и так расплодились, что Арамемб решил истребить часть из них, пока они не сожрали все растения. И тогда он начал на них охотиться.

Однажды во время охоты на кенгуру Арамемб с такой силой метнул свое копье, что оно вошло глубоко в землю и никак не вынималось обратно. Копье пустило корни и превратилось в огромное дерево, что растет возле Кумбиса на берегу Мули. Чтобы все же не упустить добычи, Арамемб в гнев швырнул в нее свою копьеметалку. Но и копьеметалка тоже воткнулась в землю, пустила корни и превратилась в бамбук.

Все это видел из воды Мули-дема. Ему стало жаль своего сына, оставшегося без оружия. Тогда он срезал кусок бамбука, сделал из него хороший лук и дал его Арамембу.

С тех пор на кенгуру охотятся не с копьем, а с луком и стрелами.

11. Деревянный крокодил

Однажды демы отправились в далекое странствие на лодке-однодеревке³⁷. Она была такая большая, что они с трудом вытаскивали ее на берег, когда останавливались где-нибудь переночевать.

Демы спустились вниз по реке Маро и достигли Гандина, что лежит чуть выше Эрмасука, называемого чужеземцами Мерауке. Там они снова заночевали. Но они не учли, что волны в том месте намного сильнее, чем в глубине страны: ведь демы никогда не бывали близ моря.

Пока они спали в Гандине, волны раскачали лодку, и она съехала на воду. От сильной качки у лодки внезапно выросли ноги, задний ее конец зашевелился и превратился в хвост, а передний, украшенный зубчатой резьбой,— в пасть с большими зубами.

Так возник первый крокодил.

Ничего этого демы не заметили. Утром они пошли к своей лодке, но не нашли ее.

И крокодила они тоже не увидели, так как он погрузился в воду. Демы подумали, что лодка затонула, и стали шарить по дну. А крокодил схватил многих из них и утащил под воду.

Демы в испуге прекратили поиски и собрались сделать себе новую лодку. Один из древесных стволов, что лежал неподалеку от берега, показался им вполне подходящим. Но едва они приблизились к нему, вода в реке заволновалась и оттуда высунулся крокодил.

Тут демы поняли, что это он и утащил под воду их друзей, и решили его убить.

Но осуществить это решение было не так-то просто, потому что, когда крокодил вынырнул еще раз и демы бросили в него свои копья, они отскочили от его твердой кожи и чудовище снова скрылось в глубине.

Прошло много времени, а крокодил все не показывался. Тогда один смелый молодой дема полез в воду, захватив для дыхания длинную бамбуковую трубку³⁸. На дне реки он увидел крокодила: тот спал среди добытых им черепов. Дема связал его крепкими стеблями ротанга и вытащил на берег.

Демы убили крокодила и съели. Но опасность не миновала, так как крокодил успел отложить множество яиц и из них вылупились новые крокодилы. Они были очень похотливы —

недаром похотливых людей называют крокодилами — и потому сильно размножились.

А когда крокодилы отдыхают на берегу, они все еще похожи на старые древесные стволы.

12. Казуар

Казуар-дема Ягил жил на острове Комолом³⁹. Он мог принимать образ юноши, правда не целиком: одна его нога оставалась такой, как у казуара, и потому он оставлял после себя необычные следы — наполовину человеческие, а наполовину казуаровые.

Ягил был озорным малым и забавлялся тем, что днем, когда женщины работали на огородах, пробирался в чужие хижины и прятал женские передники⁴⁰. Это заметила одна старуха. Она рассказала обо всем мужчинам и показала им странные следы. Мужчины выследили юношу-казуара, который как раз принял свой обычный облик, догнали его и убили своими копьями.

Комоломцы разрезали Ягила на части и решили на другой день съесть его. Но ночью мясо демы превратилось в деревья: на одном из них росли плоды аке⁴¹, а на другом — водяные яблоки⁴².

К останкам Ягила незаметно подкрались его братья и мать. Мать уложила в свою заплечную корзину⁴³ внутренности Ягила, а братья собрали его кости и бросили их в огонь. В тот же миг к небу поднялся огромный столб дыма и превратился в тучу. Под мощные раскаты грома из тучи вылетела молния и сожгла всю деревню вместе с жителями.

На обратном пути мать услышала позади себя глухой звук и почувствовала, что у нее за спиной, в корзине, что-то шевелится. Неожиданно оттуда выпрыгнул вновь возродившийся из своих внутренностей Ягил. Братья и мать пошли вместе с ним через страну людей яб к верховьям Булаки.

Там жила красавица Харау, славившаяся своим умением выделывать муку из сердцевины саговой пальмы. Каждый день она уходила в саговую рощу и трудилась не покладая рук.

Ягил не раз в образе красивого молодого человека подходил к Харау и пытался завязать с ней разговор. Но Харау

была воспитанной девушкой и потому ничего ему не отвечала и не смеялась его шуткам. Когда же он увязался за ней и проводил ее чуть ли не до самой деревни, а потом даже предложил сходить с ним в лес, она немедленно прогнала его; и Ягил в образе казуара убежал прочь.

В деревне Харау пожаловалась на эти приставания, и отец девушки попросил мужчин подстеречь незнакомого юношу-казуара. А чтобы не спутать его с другими, он поручил Харау при следующей же попытке юноши приблизиться к ней снабдить его каким-нибудь отличительным знаком.

И когда Ягил снова явился к Харау, она сделала вид, будто согласна пойти с ним в лес, как только окончит работу. А пока что повесила ему на шею красноватый кусок сушеного саго. С тех пор все казуары носят на шее красные повязки⁴⁴.

Харау тайком убежала от ожидавшего ее Ягила и сообщила родичам, как его узнать. Не долго думая, все мужчины вместе со своими собаками бросились ловить юношу-казуара. Но сильный казуар легко передал собак и со всех ног помчался к реке Биан. Там он забрался в Оанское болото, а его мать, обернувшись высоким тростником, со всех сторон прикрыла его, чтобы никто не смог найти и убить ее сына.

13. Птицы-носороги

У одной змеи родилось несколько красивых мальчиков. Она уложила их в корзинку, и там они подрастали.

Однажды в пути змея зажарила на костре немного рыбы и накормила своих сыновей. После еды она из предосторожности повесила корзину с детьми на высокое дерево.

Но мальчики тайком прихватили с собой на дерево остатки рыбного обеда, а также несколько горящих поленьев, чтобы согреться ночью.

Наверху мальчики поспорили из-за еды и стали кидать друг в друга горящие головни. В пылу ссоры они забросили головни на самое небо, где их и теперь еще можно видеть как звезды.

Невоспитанность детей так рассердила змею, что она без оглядки уползла от них. Вот и пришлось мальчикам самим

спускаться с дерева. После многих попыток это удалось всем, кроме самого младшего, который не решался соскользнуть вниз по высокому стволу. Оставшись один на дереве, малыш не растерялся: он прикрепил к своим рукам перья, превратился в птицу ржанку и улетел.

Тем временем старшие братья пришли к реке Дигул. Ночью им стало холодно, а так как их теплая корзинка осталась висеть на дереве, они забрались в большое дупло и проспали там до утра. На рассвете мимо них проходили дигульские девочки. Они услышали в стволе какое-то гудение и подумали, что там живут дикие пчелы. Но когда девочки открыли дупло, оттуда вышли красивые мальчики. Обрадованные своей находкой, девочки проводили их в деревню.

Там мальчиков усыновили, а когда они выросли, то отдали им в жены тех самых девушек, которые их нашли.

Старший из братьев первый обзавелся сыном. Мальчик любил играть с луком и стрелами⁴⁵ и однажды по ошибке угодил стрелой в ногу одной старой женщины. За это все женщины крепко его выбрали. Мальчик очень обиделся: ведь он попал в старуху нечаянно,— и потому решил отомстить.

Как-то раз, когда все женщины и девушки ушли на болото ловить ручными сетями рыбу, он отправился в лес и сделал много больших деревянных клювов и украшений из перьев. Затем он позвал своего отца и других мужчин и сказал им, что хочет научить их летать. Мужчины согласились, надели на себя украшения, а к головам привязали клювы.

Сначала они летали только вниз, причем с небольших деревьев, потом со все более и более высоких и наконец превратились в птиц-носорогов и, громко хлопая крыльями, полетели по-настоящему.

Возвратившись в деревню, женщины не нашли там ни одного мужчины. Но, увидев пролетающих носорогов, они догадались, в чем дело, и тоже захотели стать птицами. Они также раздобыли себе перья и вырезали из дерева клювы. Но женщины оказались менее искусными, чем мальчик. И потому, сделавшись самками птиц-носорогов, они вышли далеко не такими красивыми, как их мужья.

Среди женщин была одна беременная. Ей было тяжело учиться летать. Поэтому она сделала себе маленький клюв и превратилась не в носорога, а в райскую птицу, которая не может летать далеко.

От птиц-носорогов произошли дигульцы. Вот почему они до сих пор строят свои дома на высоких деревьях или на столбах, точно это гнезда⁴⁶.

14. Рыбий вор

Как-то раз мальчики из Борема пошли на рыбалку. Клев был хороший, и они наловили много рыбы. Но вечером, когда дети возвращались в деревню, их остановил дема Нгенге. Он отобрал у них весь улов и скрылся в лесу.

Дети прибежали домой в слезах и обо всем рассказали отцам. Но когда мужчины захотели узнать, кто же отнял рыбу, оказалось, что мальчики забыли имя грабителя. Делать было нечего: не зная имени врага, нельзя было рассчитывать на его поимку.

Немного погодя в деревню вернулся самый младший из рыболовов — маленький, сплошь покрытый струпьями мальчик. На своих коротких ножках он не мог поспеть за товарищами и потому пришел позже всех. Но малыш был умнее других детей. Чтобы не забыть имени вора, он всю дорогу повторял про себя: «Нгенге, Нгенге, Нгенге»⁴⁷. Придя в деревню, мальчик назвал его.

Мужчины взяли оружие и пошли ловить дему. Они нашли его неподалеку от деревни. Нгенге уже разводил огонь, чтобы зажарить украденную рыбу. Охотники схватили грабителя. Нгенге отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться. Вдруг шея у него вытянулась, вместо носа появился большой клюв, а на руках выросли перья. Нгенге превратился в баклана, взмахнул крыльями и улетел.

Мужчины и мальчики съели вновь найденную рыбу. А баклан так и остался навсегда рыбьим вором.

15. Змея на луке

Жил в деревне Урумб один мужчина. Он был хорошим охотником, но не имел жены. Однажды, возвратившись с охоты, он повесил свой лук на место, а сам стал за хужиной раз-

делывать добытого кенгуру. Когда же он снова вошел в хижину, то увидел, что вокруг его лука обвилась какая-то змея. Мужчина попытался сбросить ее оттуда, но как он ни тряс лук, змея не спадала. Тогда он оставил ее в покое, повесил лук на прежнее место и пошел к друзьям — занять у них немного золы, чтобы приправить еду⁴⁸.

Когда он вернулся обратно, площадка перед его хижинкой была так хорошо прибрана, как никогда раньше. Он не мог понять, чьих это рук дело, и опять отправился в деревню, чтобы выяснить, кто бы это мог быть. Но никто ничего не знал. Еще раз придя домой, мужчина обнаружил там уже зажаренного кенгуру. Удивленный, он сел и принялся за еду, а змея глядела на него и не двигалась.

Насытившись, мужчина встал и сделал вид, будто снова уходит в деревню. На самом же деле он никуда не пошел, а спрятался за хижинкой. Вскоре он увидел, как из хижинки вышла красивая девушка и начала печь саговые лепешки. Заметив мужчину, девушка хотела было бежать. Но он крепко схватил ее, и девушка призналась, что она-то и есть змея.

Мужчина попросил девушку-змею остаться жить у него. Она согласилась и осталась, навсегда сохранив человеческий облик. А лук, вокруг которого она обвилась, будучи змеей, еще долго служил им: мужчина часто ходил с ним на охоту и добывал пищу для себя и своей жены.

ПАПУА

ГРУППА КИВАИ¹

16. Виобари, который побывал в стране мертвых

Когда-то в Мао жила женщина по имени Иаребуру. Однажды она понюхала банан и от этого забеременела. У Иаребуру родился сын, которого она назвала Виобари. «У моего сына нет настоящего отца,— думала женщина.— Он родился потому, что я понюхала банан с зародышем».

Иаребуру была не похожа на других женщин. Она не умела говорить и со своим сыном объяснялась жестами. И спала она не так, как все,— ночью она всегда лежала в пепле костра.

Однажды ночью Виобари, возвратившись из леса, увидел ее спящей в пепле. «Бедная моя мать»,— подумал он и перенес ее на другое место. Но женщина, проснувшись, показала ему, что ее место у костра.

Виобари часто уходил в глубь леса, и мать предостерегала его от таких далеких прогулок. Ведь там с ее сыном могло случиться что-нибудь нехорошее.

— Не ходи так далеко,— предупреждала она.— Если ты повстречаешь обро²— человека или казуара,— он может околдовать тебя.

— Это все обман,— отвечал Виобари.— Я никогда не слышал ни о чем подобном.

Тем временем вождь оборо в Адири³ послал в Мао казуара и велел ему привести с собой Виобари. Казуар бежал всю дорогу от самого Адири и наконец достиг Мао.

Накануне ночью Виобари заколол свинью и попросил мать приготовить мясо. Сам же он отправился в огород. Вот тут-то, недалеко от дома, Виобари и наткнулся на казуара.

Юноша схватил лук и пустил стрелу в птицу. Казуар был совсем близко, но юноша не попал в цель: птица подпрыгнула, и стрела пролетела мимо. Тут казуар побежал в глубь леса, а за ним помчался Виобари. Они бежали так очень долго, и только в Сёпе, близ Сумай, птица остановилась. Виобари пустил другую стрелу, но птица снова подпрыгнула и осталась невредима. Потом казуар вбежал в воду и поплыл к Дуди. Виобари тоже прыгнул в реку и поплыл следом. Переплыв реку, и птица и человек совсем выбились из сил⁴ и еле-еле выбрались по илестому дну на противоположный берег. Тут Виобари снова выстрелил, но казуар опять уклонился от стрелы. Погоня возобновилась и продолжалась до Аимара-Таватата. Там казуар сбавил шаг, и Виобари подбежал совсем близко к нему. Он опять пустил стрелу, но казуар отскочил и снова пустился бежать.

Только в Вираро юноша сумел догнать птицу. Казуар дышал, и юноша еще раз выстрелил, но опять не попал в цель.

Они вновь побежали и спустя немного времени снова переплыли реку — на этот раз Вираро-Тури. В Аугудомабу, возле деревни Кататаи, Виобари выстрелил снова, и опять казуар увернулся от стрелы.

И снова птица побежала, увлекая юношу на запад, в Адири. Они миновали Старую Мавата Похи, реку Ориому, Аберемуба, Урахапую, Маубо-Эрехе, реку Бинатури, Нугугабо, пересохшее русло Кура, Аугаромуба, Мабудаване и много других мест, и еще много раз Виобари безуспешно пытался убить казуара.

Между тем в Адири вождь оборо, тот самый, что послал казуара за Виобари, стоял у своего дома⁵, ожидая возвращения птицы.

И вот он увидел бегущего казуара.

— О, мой посланец вернулся, — сказал он.

Казуар вошел в мужской дом⁶, и там вождь оборо спрятал его, завернув в маленькую циновку⁷.

Тем временем Виобари, добежав до дома вождя оборо, в бессилии опустился на землю. Тут выскочили все оборо и обступили человека, крича:

— Мы твои друзья!

Женщины-оборо тоже подошли к Виобари и привели его в чувство, потерев его глаза завязками от своих юбок⁸. Оборо дали юноше напиток и стали по очереди подходить к нему, говоря:

— Ты наш друг!

А девушки-оборо кормили и поили его, и каждая из них приговаривала:

— Ты мой муж.

Потом Виобари предложили выбрать себе жену. Девушки стали в ряд, и юноша начал выбирать.

— Мне не нравятся женщины с дряблой, отвислой грудью,— сказал он.— Я возьму себе в жены девушку с упругой грудью.— И он выбрал двух девушек, которые стали его женами. Вскоре обе они забеременели. Одна из них родила сына, а другая — дочь.

Однажды, когда обе женщины работали в огороде, Виобари решил выкупать детей и вошел с ними в воду. В это время подул восточный ветер, и Виобари воскликнул:

— О ветер! Ты прилетел из моих родных мест, прямо из Мао. Там я оставил свою бедную мать.

Тут дети спросили Виобари:

— Отец, почему ты говоришь «из моих родных мест»?

— Этот ветер прилетел оттуда, где я родился и где осталась моя мать.

Тогда дети стали плакать и кричать:

— Мы хотим в Мао, хотим в Мао!

Тут сбежались все оборо.

— Отчего эти дети плачут? — спрашивали они, но Виобари ничего не отвечал. Детям дали поесть и попить, но они ни к чему не притрагивались и продолжали плакать. Тогда Виобари сказал:

— Я разговаривал с восточным ветром. Он прилетел из моих родных мест, где осталась моя мать. Дети услышали об этом и стали плакать.

Оборо сказали:

— Отправляйся в свои края, теперь тебе нельзя оставаться у нас.

Затем оборо взяли маленькую циновку и перо пеликана и бросили их в воду. Эти вещицы тут же превратились в лодку. Потом оборо положили на воду перо ястреба и двух других птиц,— и вот уже четыре лодки появились на воде.

Виобари предложили выбрать лодку, которая ему понравится, но все они показались юноше не очень быстроходными.

Тогда оборо воткнули в землю перо казуара, и оно тут же обернулось настоящим живым казуаром.

— Хочешь отправиться на этой птице? — спросили оборо Виобари.

— Нет, моей семье не хватит здесь места,— ответил он.

Тут оборо воткнули в землю кусок бамбука — и кругом потянулись вверх бамбуковые стволы.

— Сейчас мы устроим состязание,— решили оборо.— Лодки, казуар, бамбук — пусть все состязаются в скорости. Виобари выберет то, что первым достигнет Мао.

Оборо стали жевать манабабу, хирувару⁹ и другие снадобья, обладающие магической силой, и выплевывали их на лодки, на бамбуковые стволы и на казуара.

И вот началось состязание. Лодки быстро поплыли по морю, казуар побежал, а бамбук устремился вверх. Он рос так быстро, что кругом только слышался треск «брр-брр». Потом его вершины стали гнуться книзу и вскоре достигли Мао.

— Тебе лучше воспользоваться этим бамбуком,— сказали тогда оборо.— Лодки же и казуар пусть останутся здесь.

Тут лодки и птица сделались такими маленькими, что их легко уложили в циновки. Вещи Виобари повесили на бамбуковые стволы, и сам он тоже уселся на них вместе со своими женами и детьми. Едва оборо успели выплюнуть на бамбук свое снадобье, как стволы тут же вытянулись и достигли Мао.

Ночью жители Мао услышали странный свистящий звук «у-у-у». «Что это за шум?» — подумали они. Это свистел бамбук, доставивший в Мао Виобари. Виобари сошел на землю и помог спуститься своим женам. Потом он выплюнул на бамбук магическое снадобье, и тот стал быстро-быстро уменьшаться и вновь превратился в маленький стебель. В Адири оборо закатали его в циновку и спрятали.

В Мао Виобари вновь увидел свою мать Иаребуру, которая спала в пепле от костра. «Бедная мать»,— подумал Виобари. Тут Иаребура поднялась и увидела сына.

— Мать, я погнался за казуаром, который заворожил меня, и попал туда, где живут оборо,— сказал Виобари.

Женщина затрясла головой, выражая свою радость,— ее сын был с женами и детьми.

Жители Мао — потомки Виобари и его жен из Адири.

17. Странствие Хивии, Гануми и Дуо

Однажды двое мужчин-киваи поссорились. Один говорил:
— Солнце и месяц — это два разных человека.

А другой возражал:

— Нет, солнце и месяц — один человек.

В конце концов они начали драться, полилась кровь. Побежденный почувствовал себя оскорбленным и решил узнать, где живет месяц и как он ходит по небу. Он сел в лодку и отправился в путь. Весь день и всю ночь он греб своим единственным веслом¹⁰. Он плыл по глубокому морю в ту сторону, откуда всегда поднимался месяц. И вот он достиг жилища месяца.

Был отлив, и мужчина остался сидеть в своей лодке на отмели. Вскоре к нему вышел месяц. Он был еще совсем маленьким мальчиком.

— Сойди на берег,— предложил месяц пришельцу.

— Нет,— ответил тот.— Я хочу, чтобы меня пригласил Гануми, а не мальчик.

— Я и есть Гануми,— сказал мальчик.— Меня зовут Гануми, выходи на берег!

— Нет! — твердил гость.— Мне нужен взрослый мужчина, а не ты. Ты не Гануми.— И он продолжал сидеть в лодке.

Через некоторое время Гануми стал старше. Он был теперь неженатым юношей¹¹. Когда он пригласил мужчину войти к нему, тот сказал:

— Я хотел, чтобы ко мне пришел Гануми, а не ты, юноша.

Когда у Гануми стала расти борода, он снова вышел к гостю и попросил его сойти на берег, но тот, как и прежде, сказал:

— Я хочу, чтобы пришел настоящий Гануми.

В следующий раз Гануми пришел на берег уже седым.

— Выходи! — сказал он.

— Ты Гануми? Я хочу, чтобы настоящий Гануми пригласил меня.

— Да, я Гануми.

— Нет, я думаю, ты не Гануми.

Наконец на берег пришел глубокий старик, опирающийся на палку. На этот раз гость подумал: «Это он, настоящий Гануми. Он зовет меня»,— и сошел на берег.

Гануми показал гостю свои владения.

— Все то, что принадлежит мне,— белое,— объяснял он. Дом — белый, поле — белое, земля — белая. А тем местом владеет Мрак, Дуо,— и Гануми повел рукой в другую сторону.— Там все темное, черное. Оттуда приходит ночь, мрак.

Наконец Гануми показал гостю в третью сторону.

— А это владение Солнца, Хивию. Здесь все красное — дом, поле, земля — все красное.

Гануми и гость поели, а потом Гануми сказал:

— Смотри на меня, сейчас я поднимусь на небо. Сначала приходит Дуо, за ним — я, а за нами обоими — Хивию.

Гануми взобрался на дерево хохоме, или варакару¹², и оттуда ступил на небо. Он сел на край облака, и все вокруг осветилось. Мужчина смотрел и думал: «Да, я говорил правду. Месяц — один человек, а солнце — другой. Тот, кто спорил со мной, был неправ». Всю ночь он не спал, осматривая владения Месяца. Ничего не росло там, кроме низеньких деревьев и кустов, потому что тут светил только Месяц.

Стало светлее, но Месяц все еще оставался на небе. Наконец взошло Солнце. Гануми вернулся домой и спросил гостя:

— Ты видел меня, видел настоящий Месяц?

— Да, я видел тебя и видел Солнце.

Потом трое мужчин — Месяц, Мрак и Солнце — принесли гостю пищу. Мрак сказал:

— Еда, что принес я, черного цвета. Черные бананы, черное таро, черные бататы. Ведь меня зовут Дуо.

Месяц сказал:

— Еда, которую принес я, белая.

Он принес то же, что Дуо, только все плоды были белого цвета.

— А я принес все красное. Меня зовут Хивию,— сказал третий мужчина, Солнце.

Затем Месяц сказал гостю:

— Ты подожди немного. Когда зайдет Солнце, я поднимусь наверх. Я прикреплю к твоей лодке прочный канат и поташу ее по морю. А когда ты доплывешь до дома, подергай канат. Я остановлюсь. Когда соберутся люди, покажи им канат и скажи: «Этот канат принадлежит Гануми, он помог мне возвратиться». Покажи им еду, а потом отвяжи канат.

На закате Гануми сказал гостю:

— Иди садись в лодку. Я привяжу канат.

Гануми привязал канат к лодке, и они отправились в путь.

Наконец мужчина доплыл до своей деревни, и, когда подергал за канат, Гануми остановился. Жители деревни, увидев лодку, закричали:

— Он вернулся, он ездил к Месяцу!

Тогда приехавший пригласил всех подойти и посмотреть, что он привез. Он не забыл позвать и того, с кем поссорился перед отъездом.

— Идите сюда, смотрите, что я привез. Эту еду мне дал Дуо. Потому здесь все черное. Эту подарил Месяц, потому она белая. А эта еда подарена мне Солнцем, поэтому она красная. Канат этот принадлежит Гануми, он тащил лодку, и я приплыл сюда. А теперь я должен вернуть канат,— и он отвязал его.

Канат с треском взвился — будто выстрелили из ружья¹³ — и скрылся из виду.

Всю пищу вынесли из лодки на берег, но люди боялись трогать ее.

— Наверное, от этой еды можно умереть,— говорили они.

— Нет,— уверил их приехавший.— Солнце, Месяц и Мрак сказали мне: «Это настоящая еда, от нее нельзя умереть».

И тогда все принялись за еду.

18. Сонаре и шестеро его слепых братьев

На острове Киваи жил человек по имени Сонаре, у которого было шестеро слепых братьев. Как-то Сонаре начал строить дом и хотел, чтобы братья помогли ему.

— Почему вы не можете помочь мне, почему не видите ничего вокруг? — спросил он.

— С самого рождения наши глаза ничего не видят,— отвечали братья.— Нам трудно даже войти в дом, мы без конца падаем.

Тогда Сонаре стал строить дом один.

На следующий день он сказал братьям:

— Идемте работать в поле.

— О, это хорошее дело, нам оно нравится. Срубим деревья, расчистим поле. Нам не хочется быть дома.

И они отправились в лес — Сонаре, его жена Маде и шестеро слепых братьев. Сонаре воткнул в землю колья, разделив поле на несколько участков. Затем он расставил возле кольев своих братьев и велел им рыть канавы¹⁴. Но только сам Сонаре рыл свою канаву по прямой линии; у братьев канавы выходили кривыми.

Тогда Сонаре сказал брату, что стоял ближе всех:

— Твоя канава должна быть прямой, а не опоясывать все поле.

— Ох, брат, я не смогу помочь тебе,— ответил тот, и все братья повторили то же самое:

— Мы не можем, мы не видим меток.

Когда канавы были готовы и братья засадили поле, Сонаре сказал:

— Вы больше не будете работать в поле, я справлюсь сам.

— Это хорошо,— обрадовались братья.— Мы лучше останемся дома. Мы посторожим дом, а ты добудешь еду, дрова и воду.

На следующее утро жена Сонаре, Маде, ушла купаться и сняла свою травяную юбку, надев свежую. Потом она вместе с мужем ушла в поле.

Как только они ушли, шестеро слепцов схватили юбку, что бросила Маде, и стали забавляться с нею, как с женщиной,— сначала старший, а затем остальные, в порядке старшинства.

Но вот Сонаре возвратился с поля.

— Ох, тяжело приходится нам с женой: работаем в поле, добываем пищу, воду, дрова. Почему вы не помогаете нам?

— Да ведь мы слепы,— отвечали братья.

Тем временем Маде приготовила пищу, и они поели. Затем Маде сменила юбку, надев ту, с которой позабавились братья, и все отправились спать.

И так повторялось каждый день. Братья развлекались с юбкой Маде, когда ее не было, а вечером женщина надевала ее.

Как-то Сонаре сказал жене:

— Маде, отчего у тебя так налилась грудь?

— Я не знаю, не могу сказать,— ответила та.

— Не понимаю, как получилось, что ты ждешь ребенка,— сказал Сонаре.

А шестеро братьев ни о чем не догадывались,— ведь они были слепы.

Однажды утром Сонаре сделал вид, что идет в поле, а сам вернулся домой, чтобы последить за братьями. И вот он услышал, как они кричат друг другу: «Живее, живее!». Подойдя ближе, он увидел, что они забавляются с юбкой его жены! «Теперь все понятно,— подумал он.— Женщина принадлежит мне, а сделали ей ребенка братья. Мои родные братья, от одного отца и матери, ограбили меня!»

Когда Сонаре пришел в поле, Маде спросила его, где он был.

— Я нашел одно хорошее место. Я долго стоял и смотрел, потому и задержался,— соврал он.

Вечером Маде, как обычно, приготовила еду для мужчин, а утром Сонаре попросил братьев помочь ему срубить большое дерево. Все вместе они отправились в поле. Когда дерево было срублено, Сонаре сказал:

— А теперь, братья, станьте в ряд, а я буду колоть дерево.

— Может быть, в щелях ты найдешь много личинок коне¹⁵. Тогда позови нас, мы запустим туда руки и соберем еду.

Сонаре стал раскалывать дерево и вскоре закричал:

— Эй, здесь очень много коне, идите собирайте!

Как только братья запустили руки в трещину, Сонаре вытащил из дерева свой топор, и щель сомкнулась. Дерево зажало руки братьев так сильно, что они не могли их вытащить.

— Брат, Сонаре, что случилось?!— закричали они.

— Это я нарочно прищемил вам руки,— ответил Сонаре.— Ведь я опекал вас, работал в поле, добывал еду, а вы так плохо обошлись с моей женой!

И он ушел, оставив братьев одних. Тогда они стали плакать и причитать:

— Теперь Сонаре все знает, мы уже не обманем его.

И так братья причитали всю ночь. Они пытались вытащить руки и волочили ствол по земле, но дерево крепко держало их. Ветви и колючки царапали братьев, дождь поливал их; они устали и озябли.

Прошло немного времени, и Маде родила мальчика. Как-то она послала Сонаре принести немного пищи из лесу. Когда его шаги слышали братья, они закричали:

— Сонаре, это ты?

Но он не ответил.

— Ох, брат! — продолжали они. — Мы не сделали тебе ничего плохого, мы ничего не испортили в доме, мы только позабавились с юбкой твоей жены, вот и все!

Но Сонаре молча прошел мимо и, запасшись едой, ушел домой.

А ночью шестеро братьев опять причитали и плакали, и Сонаре слышал это.

Один из братьев сказал:

— Мы доволокли дерево до дороги, я думаю, наш дом близко.

— Нет, нет, мы не добрались до дороги, — ответил другой.

— Мои ноги чувствуют дорогу! — воскликнул третий.

На заре они слышали крики птиц и поняли, что наступил рассвет.

Тем временем мальчик подрос и научился говорить. Каждую ночь он слышал крики и причитания братьев.

— Мама, это кричат голуби? — спросил он однажды.

— Нет, это не голуби. Просто в лесу задержались какие-то люди, — солгала Маде. Она не хотела, чтобы мальчик знал правду.

На следующий день Сонаре и Маде взяли сына с собой в поле. Голоса слепых братьев были там ясно слышны.

— Да, это не голуби. Какие-то люди кричат, — сказал мальчик.

— Это шестеро моих братьев, — ответил Сонаре. — Они плохо обошлись с твоей матерью. Это они сделали тебя. Я очень рассердился на них и защемял их руки в дереве, чтобы они не выбрались из лесу.

— Отец, может, лучше освободить их, — попросил мальчик, но Сонаре не стал слушать его.

Пока они были в поле, Сонаре собрал несколько пахучих плодов, а придя домой, смешал их с кокосовым маслом и при-

готовил целебное снадобье. На следующий день он взял с собой чашу со снадобьем и каменный топор и отправился в лес.

— Сонаре! — стали звать его братья. — Мы здесь! Ты пришел освободить нас!

Сонаре поднял свой топор и со словами: «Берегите руки!» — расколол ствол, освободив братьев.

Слепцы плакали. Они взялись за руки, и Сонаре, который встал первым, повел их домой. Там он вымыл братьев и натер их снадобьем. Потом он взял шесть пар красных цветов-муму и приложил их к глазам слепцов. И те прозрели. Они стали оглядывать все вокруг и кричать:

— Как называется это? А это что такое?

И Сонаре объяснял:

— Это большая вода, а по ней плывет лодка. Если вам жарко, вы можете здесь выкупаться. Но пить эту воду нельзя, она соленая. А это песчаная отмель. А вот земля; на ней стоит наш дом и на ней наше поле. А там небо. Это сторона ветра уро¹⁶, а та — хурамы¹⁷.

Так Сонаре показал им все вокруг, а когда братья пришли домой, сказал:

— Этого мальчика сделали вы.

С тех пор они живут и работают вместе.

19. Как собаки обманули кускусов

Раньше собаки и кускусы¹⁸ жили вместе. Но вот не стало хватать еды для всех, и собаки решили выгнать кускусов. Как-то раз собаки велели кускусу отвернуться и смотреть на одно из деревьев, а сами тем временем загнули свои уши. Затем они сказали кускусу:

— Теперь оглянись и посмотри на нас.

— Что это вы сделали со своими ушами? — удивился кускус.

— Мы отрезали их. И ты тоже отрежь свои.

Кускус отрезал свои уши, и, как только он сделал это, собаки закричали:

— А теперь посмотри на нас! — и они отогнули уши.

Тогда кускус очень рассердился и решил уйти от собак.

— Я заберусь на дерево, где растет много плодов, и буду жить там, а вы оставайтесь на земле,— сказал он собакам, а потом обратился к мухам:— Собаки обманули меня. Кусайте их теперь.

Собаки ответили:

— Хорошо, ты навредил нам, и мы ответим тебе тем же. Мы пойдем в деревню к людям и, когда они станут охотиться на тебя, будем помогать им. Мы были друзьями, а теперь мы враги.

— А вы не сумеете поймать меня. Ведь я буду жить на дереве. Иногда вы увидите меня и на земле, а иногда нет.

Расставаясь навсегда с собаками, кускус предсказал им:

— Временами человек будет кормить вас, а временами — нет. Вы будете есть кости, что он вам бросит, и его испражнения. Когда же вы будете голодны, вам придется красть еду. А если вы убьете кого-нибудь на охоте, то все равно не сможете съесть ни куска, если человек не позволит вам этого.

И с тех пор собаки едят испражнения человека и всякие отбросы.

Услышав слова кускуса, собаки испугались и захотели снова подружиться с ним. Но тут их постигла неудача. Тогда они попросили крысу:

— Давай с тобой дружить.

— Нет, нет, не дружи с ними, идем лучше со мной,— сказал ей кускус, и она пошла с ним. Вскоре к ним присоединился кабан.

Когда кускус, крыса и кабан решили быть вместе, у собак не осталось друзей.

— Хорошо же,— сказали они кабану и крысе.— Вы теперь на стороне кускуса, а мы будем дружить с людьми и станем убивать вас. Вот ваша участь.

— Кто-нибудь из нас отомстит вам за это,— ответил кускус.— Если не я, так кабан, или крокодил¹⁹, или змея.

Собаки ушли к людям и сказали:

— Оставьте нас у себя. Мы станем ходить с вами на охоту, и вся наша добыча будет вашей.

С тех пор собаки убивают всех зверей, которые попадают им, и не имеют друзей. И чтобы не чувствовать себя одинокими, они заводят многочисленное потомство.

20. Как осы приобрели свою окраску

Однажды рано утром охотившийся мужчина убил в лесу трех кабанов и трех кускусов. Он подвесил их на деревьях вблизи тропинки и отправился в глубь леса. Там он наткнулся на осиное гнездо. Охотник подумал, что это кабанье логово, и наступил на него. Тут же из гнезда вылетел рой ос и с жужжанием набросился на человека. Осы до того изжалили его, что он умер.

Между тем жители деревни ожидали возвращения охотившегося. Вот вернулись его собаки, и люди подумали: «Раз собаки уже здесь, значит он сейчас тоже придет».

Тем временем зашло солнце, а человек все не возвращался. «Что же задержало его?» — подумали люди и отправились на поиски. В лесу они наткнулись на кабанов и кускусов, подвешенных на деревьях. Люди унесли домой добычу охотника, кроме одного кабана и одного кускуса. Они всегда оставляли часть добычи погибшего в лесу²⁰.

Нижние челюсти кускуса и кабана, оставленных в лесу, люди, как обычно, отрезали и принесли в деревню. Там они устроили поминки по умершему и долго причитали по нему.

Ночью умерший явился во сне к своей жене и сказал ей:

— Иди в лес и разыщи кокосовую пальму со множеством плодов. Там ты увидишь меня. Только не подходи очень близко к пальме, потому что осы могут покусать тебя.

— Как же случилось, что тебя изжалили осы? — спросила женщина.

— Я принял осиное гнездо за логово кабана и наступил на него, — ответил он.

Проснувшись, женщина вскочила и начала кричать. А когда стало светать, она побежала к указанному месту и увидела там своего мужа. Она не подошла к нему, потому что он лежал как раз у осинового гнезда.

Потом женщина вернулась в деревню и позвала людей. Все пришли к тому месту, где лежал умерший, и его жена сказала:

— Нам лучше поджечь здесь траву. Если мой муж сгорит, для него будет лучше.

Тогда люди подожгли траву вокруг гнезда. Обожженное тело человека они потом унесли домой и зарыли в землю.

А осы тоже обгорели в огне и с тех пор стали черными. Только посредине их спинка и брюшко сохранили свой прежний желтый цвет.

21. Игрушечная лодка

Как-то давным-давно жители острова Дару готовились к обряду таэра²¹. Перед началом обряда они обычно проводили состязание игрушечных лодок.

Все мужчины стояли в ряд, держа в руках свои маленькие лодочки. Послышался звук раковины²², и состязания начались. Лодочки быстро скользили по воде, а мужчины бежали за ними по берегу; некоторые даже плыли в больших лодках. В этой игре участвовали и двое юношей, сыновья вождей²³, — Кенора, сын Вуитамо, и Эбогубу, сын Дагуру. Эбогубу бежал за своей лодочкой, но она плыла так быстро, что он никак не мог догнать ее. Наконец он остановился и стал пристально глядеть вслед удаляющейся лодке.

Подгоняемая восточным ветром, она плыла все дальше и дальше и наконец скрылась за большим рифом и исчезла из виду.

Эбогубу вернулся на берег, и отец спросил его:

— Где же твоя лодка?

— О, она поплыла так быстро, что я не смог поймать ее, хотя долго бежал следом.

Вскоре все стали играть в пари²⁴, и Эбогубу забыл о своей лодке.

Между тем лодка все плыла и плыла, пока не достигла острова Ям. В те времена на месте острова Тудо был лишь песчаный нанос, окруженный бурунами, поэтому все жили на Яме. Один житель с Яма, которого тоже звали Эбогубу, как и юношу с Дару, заметил маленькую лодочку, но не понял, что это такое. «Может быть, это акула? Или бревно? А может, это болотная птица с длинным клювом сидит на куске дерева?» — думал он.

Непонятный предмет плыл против течения, как живое существо. Ненадолго волны скрыли его из глаз, но вскоре он показался снова. Подобно белой птице он плыл прямо к ост-

рову. «Нет,— решил человек.— Это что-то другое. Ой! Да это игрушечная лодка плывет сюда!»

Эбогубу позвал людей взглянуть на лодочку. Многие попытались схватить ее, но лодка ускользнула от них и направилась прямо к Эбогубу. Тот поднял ее и стал вертеть в руках, но, сколько он ни поворачивал ее, лодка все время становилась носом к Дару и как бы подталкивала Эбогубу в этом направлении.

— О, лодка хочет, чтобы мы куда-то отправились,— сказал Эбогубу.— Наверное, нам лучше так и сделать.

В те времена у жителей Яма были только очень простые лодки — ствол дерева под парусом из циновки, с двумя баландирами²⁵ по бокам и маленьким настилом.

Усевшись в такую лодку, люди вышли в открытое море. Направление им указывала игрушечная лодочка, которую держал в руке Эбогубу, стоявший на носу лодки. У Тудо островитяне заметили большие буруны. Они решили, что это бихаре²⁶, и поплыли прочь от этих мест. Лодочка указывала им путь прямо на Дару. Они плыли очень долго, пока не заметили двух больших предметов, поднимающихся, как им показалось, прямо из воды. «Что это торчит из воды?» — думали они, а игрушечная лодочка влекла их как раз к тому месту.

Предметы, которые они заметили, были двумя большими оградами, которые соорудили жители Дару, чтобы прикрыть свою святыню тазра. В те времена на острове Дару еще не было больших деревьев, а рос только низкий кустарник, поэтому ограды были видны издали.

Между тем женщины и дети на берегу вдруг закричали:

— Эй, Вуитамо, Дагуру, бегите сюда! К нам плывет какая-то лодка!

Мужчины тоже спустились к берегу, чтобы взглянуть на лодку. В это время островитяне с Яма выбрались из лодки и ступили на сушу. Впереди шел Эбогубу с игрушечной лодкой в руках.

Тут Дагуру, отец Эбогубу — юноши с Дару, подумал: «О, да это та самая лодочка, которую я сделал для Эбогубу», — а его сын закричал:

— Вот она, та самая лодочка, которую я упустил!

Потом жители Дару спросили своих гостей:

— Откуда вы?

И Эбогубу с острова Ям ответил:

— Меня зовут Эбогубу, я приплыл с острова Ям.

Эбогубу с Дару сказал:

— Меня тоже зовут Эбогубу, а эта лодочка — моя.

— Я нашел ее возле нашего острова,— ответил Эбогубу с Яма.

Жители Дару хорошо приняли своих гостей, и Эбогубу с Яма проводил время со своим тезкой. Вскоре гостей повели к святилищу таэра, ограды которого были украшены маленькими лодочками.

— Ой, что это такое! — закричали гости.— Смотрите, сколько маленьких лодочек на этих оградах! А эти ограды, для чего они? Посмотрите, за ними есть помещение и по бокам тоже!

Жители острова Ям попросили разрешения присутствовать на таэра — ведь обряд был им совсем незнаком.

И вот через некоторое время начались танцы оборо²⁷ в масках.

— Они прячут свои лица под листьями и ветками! — удивлялись гости.— А какое множество украшений! Мы обязательно устроим такой же праздник!

Когда обряд кончился, Дагури спросил гостей:

— Вы собираетесь ехать назад сегодня?

— Нет, сегодня мы не поедем. Нам хочется как следует узнать все то, что вы нам показали. Мы хотим хорошо запомнить ваши танцы.

Жители Яма остались на Дару и опять присутствовали на таэра, стараясь запомнить как можно больше. Обряд устраивали обычно после полудня, а по утрам жители Дару делали для своих гостей лодки — настоящие однодеревки, выдолбленные из цельного ствола дерева.

— Ваши лодки очень тихоходны,— говорили они гостям.— Мы сделаем для вас настоящие, хорошие лодки.

Наконец две лодки были готовы, обряд окончен и гости отбыли с острова Дару на своих новых лодках.

Между тем женщины острова Ям ожидали возвращения своих мужей и братьев. И вот однажды, взглядываясь с гор острова в море, они заметили лодки.

— О, сюда приближаются две лодки с людьми! — закричали женщины.— Они летят как два голубя!

Лодки подошли ближе, и люди смогли получше рассмотреть их.

— А ведь обе лодки одинаковые,— решили они.— Наверное, свою старую лодку мужчины оставили там и приплыли на двух новых лодках.

Женщины и дети вошли по грудь в воду и, когда лодки подплыли к ним, схватились за балансиры. Но тут же им пришлось отпустить их, потому что лодки двигались очень быстро.

— Ой, какие хорошие лодки! — закричали женщины. Они бросились к своим мужьям и принялись обнимать их.

Лодки вытащили на берег, а потом мужчины сказали тем, кто оставался дома:

— Мы увидели там и еще что-то интересное. Люди, которые умерли, танцуют там перед живыми.

Потом жители острова Ям устроили такие же ограды для святилища и втайне от женщин провели праздник таэра.

Так с Дару обряд таэра проник на Ям, а оттуда — на Нагири, Моа, Баду и Мабуяг.

22. Как двое мужчин превратились в животных

Жители деревни Гирибуру, что возле реки Ориому, охотились в лесу на кабана и кенгуру. Каждый что-нибудь подстрелил, и только два брата, Саи и Утшае, не добыли ничего.

Вечером мужчины вернулись в деревню и разделили добычу, но братьям ничего не досталось. Тогда старший брат, Саи, сказал младшему:

— Я пойду поищу какой-нибудь дичи, ведь нам ничего не дали.

Ночью, когда Утшае спал, Саи отправился в лес. Утром он возвратился с пустыми руками.

— Я бродил всю ночь, но ничего не нашел,— сказал он брату.

На следующую ночь на охоту отправился Утшае, младший брат. И вот на дереве дани он заметил этерари²⁸. Он не знал, кто это, и подумал: «Что это за животное, похожее на крокодила, спит на верхушке дерева?» Он воткнул в зем-

лю стрелу, чтобы заметить место, вернулся домой и сказал брату:

— В зарослях на верхушке дерева я заметил какое-то животное.

— Не говори никому об этом,— ответил Саи.— Мы пойдем туда сами.

Но младший брат возразил:

— Не стоит идти одним, ведь животное может убить нас. Лучше позовем с собой всех.

Они созвали жителей деревни и отправились в лес.

Утшае нашел воткнутую в землю стрелу и сказал:

— Взгляните на верхушку дерева, кто это там сидит?

Все стали смотреть туда, крича:

— Кто это? Наверное, он пришел убить нас.

Они стали пускать в этерари стрелы, и наконец зверь упал на землю.

Братья разрубили тушу и разделили мясо. Старший взял себе голову, младший — хвост, а остальное поделили другие охотники. Все вернулись в деревню, изжарили мясо и стали есть.

Когда Саи уже доедал свою долю, его голова вдруг превратилась в голову этерари. То же самое случилось с Утшае. Как только он принялся за остатки хвоста этерари, у него вдруг вырос такой же длинный хвост.

Не подозревая об этом, братья продолжали сидеть среди других мужчин, но те сказали:

— Нехорошо, что вы сидите рядом с нами.

— Почему? — удивились братья.

И мужчины сказали:

— У тебя, Саи, голова этерари. Мы не хотим, чтобы ты сидел рядом с нами.

— А у тебя, Утшае, хвост этерари. Нехорошо, что ты подошел к нам.

Пристыженные братья ушли в свою хижину. Там старший сказал:

— Куда нам деваться? Люди не хотят нас видеть.

Он подумал и решил:

— Давай поселимся в камне.

Они нашли большой камень с отверстием внизу и сделали там две лежанки. Саи принес туда кусок ствола пальмы эа, и они стали есть смолу. И тут их кожа обрела щетиной, и

спустя немного времени они перестали быть людьми и превратились в кабанов. Саи спросил младшего брата:

— Посмотри на меня, на кого я похож?

— Ой! — воскликнул Утшае. — Ты очень похож на кабана! Ты настоящий кабан! А я, я тоже похож на кабана?

— Да, ты тоже стал кабаном.

Тогда братья ушли в лес и стали жить там.

Однажды один брат сказал другому:

— Люди с собаками идут охотиться на кабанов, давай поубиваем их всех!

Жители Гирибуру выпили гамоды²⁹ и совершили обряд кавеа³⁰, говоря друг другу:

— Завтра мы пойдем охотиться на кабанов.

Утром они отправились в заросли, но ни кабан, ни кенгуру им не попались. Наконец охотники заметили двух кабанов. Это были братья, которые превратились в кабанов. Охотники пустили в них стрелы, но кабаны увернулись и погнались за людьми. Кое-кто из охотников успел взобраться на деревья, а остальные были убиты. Оставшиеся в живых вернулись домой и рассказали обо всем жителям деревни.

И люди решили:

— Стыдно работать в поле, когда столько людей погибло. Мы пойдем и убьем этих кабанов.

Люди взяли оружие и пошли в лес. Заметив кабанов, они стали стрелять из луков, но кабаны снова увернулись от стрел и убили всех, кто не успел взобраться на дерево.

Уцелевшие охотники вернулись в деревню и сказали:

— наших людей осталось совсем немного, всех поубивали кабаны.

Тогда мужчины снова выпили гамоды и совершили обряд кавеа, обещая друг другу:

— Завтра мы убьем их.

На следующий день в зарослях они увидели кабанов и пустили в них стрелы. И снова кабаны сумели увернуться от стрел. На этот раз кабаны убили всех охотников. Уцелел только один мужчина. Он сказал тем, кто оставался в деревне:

— Люди не вернутся, потому что кабаны убили всех.

Тогда все оставшиеся бежали из Гирибуру и поселились в Джибу.

Так была покинута деревня Гирибуру³¹.

23. О змее с двумя головами

Однажды волны смыли с берега лодку и унесли ее в море. Через некоторое время ее прибило к маленькому острову, на котором жила двухголовая змея. Змея нашла лодку и устроила в ней логово.

Тем временем хозяин лодки по имени Маубере увидел, что лодка пропала, и отправился в море на поиски. Он достиг острова, где жила змея, и разглядел у берега свою лодку. Но когда Маубере подошел, то с ужасом увидел в ней двухголовую змею.

В страхе Маубере вернулся домой и рассказал всем о том, что видел. Тогда несколько мужчин, взяв с собой оружие, отправились вместе с Маубере на остров. Они пытались напасть на змею, но ее головы, грозно повернутые против них, останавливали охотников. Наконец Маубере удалось поразить змею издали. Люди разрубили змеиную тушу на куски и сожгли их.

Между тем стало уже темно, и люди остались ночевать на острове.

Ночью змея ожила и решила наказать пришельцев. Она свернулась кольцом вокруг острова и обрушила на остров две огромные волны. Волны смыли остров, как будто его и не было, а люди утонули. Друзья умерших отправились на их поиски, но ни от людей, ни от острова не осталось и следа ³².

24. Похищение огня у Ику

На Мури жил человек по имени Ику. Он был единственным владельцем огня на всех островах. В любое время Ику мог извлечь огонь из огненного пальца, который рос между большим и указательным пальцами его правой руки.

А на других островах в проливе ³³ жили Нага и Ваяти. Нага жил на острове Нагир в большом камне. Когда он обращался к камню, тот открывался, и Нага входил внутрь. Потом камень снова закрывался. Нага бил острой рыбу, а потом вялил ее на солнце и ел.

Ваяти со своей женой и дочерью Патагаму жил на острове Мабуяг.

Однажды Нага отправился на Мабуяг проведать Ваяти и сказал ему:

— У одного человека по имени Ику всегда есть огонь. Хорошо бы хоть взглянуть на этот огонь. Ведь нам всегда приходится готовить еду на солнце.

Нага и Ваяти уселись на ястреба и полетели на Мури. Там ястреб опустился на большое дерево, и Нага с Ваяти сошли на землю.

В это время Ику трудился на берегу над своей лодкой. Нага и Ваяти спрятались в кустах и стали наблюдать за Ику. Ику положил свой топор и подошел к куче хвороста, чтобы поджечь ее. И тут мужчины увидели, как между пальцев его правой руки блеснул огонь.

— Смотри, смотри,— зашептали Нага с Ваяти,— своим огнем он разжег костер.

Мужчины вышли из своего укрытия и побежали к берегу. Ику заметил их.

— Откуда вы взялись? — удивился он.— Здесь еще никогда не бывали люди.

— Мы пришли посмотреть на огонь. Ведь у нас нет огня, и мы всегда готовим еду на солнце.

Ику мгновенно отдернул руку и спрятал свой огненный палец, так что он стал невидим.

— Кто вам сказал, что у меня есть огонь? У меня его нет.

Но Нага с Ваяти твердили свое. Нага, который однажды уже пролетал над Мури на ястребе и видел огонь Ику, сказал:

— Я уже видел твой огонь и рассказал о нем другу.

Тогда Ику насмешливо воскликнул:

— Ну, раз ты знаешь и про мой остров, и про мой огонь, ты, наверное, дух, а не человек! Потому у тебя и нет огня и ты ешь сырую пищу. А вот я — человек, и у меня есть огонь. Сейчас я покажу его тебе. Смотри, вот он, огонь! — и Ику разжал руку.

В тот же миг Нага подскочил к Ику, вырвал огненный палец из его руки и бросился бежать.

— Нет! Ты не смеешь брать его! Это мой огонь, отдай! — закричал Ику и погнался за Нагой. Но не смог догнать его.

Нага и Ваяти добежали до дерева, где ожидал их ястреб, уселись на спину птицы и улетели.

Ику вернулся домой, горько оплакивая свою потерю. Ведь теперь, для того чтобы поддерживать огонь, ему придется все время собирать хворост. Ранка на его правой руке, где рос огненный палец, закрылась. Но до сих пор у людей между большим и указательным пальцами, там, где рос огненный палец Ику, осталось пустое место.

Между тем Нага и Ваяти вернулись на остров Нагир. Они разожгли большой костер, и Ваяти сказал:

— Береги этот огонь. Помни, с каким трудом он нам достался.

Ваяти взял огненный палец Ику и отправился на Мабуяг. Дома он зажег огонь, и его жена в страхе закричала:

— Ой, что это!

— Это огонь,— ответил Ваяти.— Теперь тебе не надо будет есть сырую пищу. Ты сможешь приготовить ее на этом огне.

Ваяти созвал всех жителей и разжег костер. Когда пламя взметнулось вверх, люди в страхе отступили. Но Ваяти успокоил их, сказав:

— Подождите, я сейчас покажу вам, как готовить рыбу.

Когда рыба испеклась, он дал всем попробовать, и люди стали есть, приговаривая:

— Как вкусно! Мы всегда будем готовить рыбу на огне.

Потом Ваяти и Нага сели на ястреба и отвезли огонь на остров Ям. Ваяти вскоре вернулся домой, а Нага вместе с семьей остался жить на Яме. Он был первым человеком, поселившимся на этом острове.

Когса на Даване и мереве на Саибаи получили огонь от Ику. А на Новую Гвинею огонь попал уже с Саибаи.

25. О человеке, который хотел стать светлокосим

На Домори возле Гаима жил светлокосий мужчина. Однажды его увидел житель Пагана. «Как хорошо быть светлокосим! Светлая кожа гораздо красивее, чем обычная, темная»,— подумал он и спросил жителя Домори:

— Скажи, как тебе удалось осветлить кожу? Ты выжигал ее огнем?

— Нет, она у меня всегда была такая,— ответил тот.

— Не может быть! — настаивал темнокожий. — Если бы не огонь, она бы не стала такой. Сейчас я пойду домой и до тех пор буду выжигать свою кожу, пока она не станет совсем светлой.

Житель Пагана побежал домой и велел жене разжечь большой костер. Потом он содрал большой кусок коры с пальмы те и завернулся в него, а снаружи жена обвязала его веревками.

Когда все было готово, женщина положила мужа в костер. Огонь сразу охватил его, и он извивался и корчился в языках пламени, призывая на помощь. Но из-под коры его криков не было слышно. Наконец он перестал дергаться и затих.

Через некоторое время жена вытащила мужа из огня, перенесла его в воду и развязала кору. И тут женщина увидела, что он мертв.

Женщина долго плакала, а потом послала на Домори светлоккожему мужчине человека с печальной вестью.

Вскоре светлоккожий знакомый умершего пришел к его жене.

— Зачем же он сделал это? Ведь я сказал ему, что никогда не жег свою кожу! — удивлялся он.

Сгоревшего похоронили и справили по нему поминки. А его вдова вышла замуж за человека со светлой кожей.

26. О воре и его жене

На острове Кубира жил мужчина, у которого не было ни одного брата. Он с трудом вел свое хозяйство, никто из соседей не желал помочь ему. Тогда он решил уйти от людей и поселился с женой в лесу, в маленькой хижине. Чтобы не умереть с голоду, он по ночам пробирался на чужие огороды и потихоньку крал там еду.

«Кто же обирает наши огороды?» — сердились жители селения, но никак не могли поймать вора.

Однажды ночью один житель Кубиры отправился на охоту и увидел, что кто-то крадет овощи на его огороде. Он подошел поближе и узнал вора. Тот стал просить:

— Не рассказывай об этом людям. Я отблагодарю тебя.

— А что ты мне дашь?

— Что хочешь. Идем ко мне домой.

— А где твоя жена?

— Она осталась дома.

Они пришли в хижину вора, и там он предложил мужчине связку собачьих клыков³⁴.

— Нет, деньги мне не нужны,— сказал тот.— Лучше дай мне на один раз твою жену.

Тогда вор разбудил жену и сказал ей:

— Видишь этого человека? Иди с ним.

Женщина сначала не соглашалась, но потом пошла. Она завернула за хижину и легла там на землю, не заметив, что совсем близко притаилась змея. Когда к женщине подошел мужчина и лег рядом с нею, змея укусила его в член, и он тут же умер.

Женщина в ужасе вскочила и бросилась домой. Вместе с мужем они подожгли траву вокруг хижины, чтобы найти и убить змею. Потом вор посмотрел на умершего и подумал: «Что же я теперь скажу людям?»

Когда рассвело, он сказал жене:

— Ты оставайся здесь, а я пойду в селение и расскажу всем о том, что произошло.

Вор пришел в селение и стал причитать по мертвому. Когда вокруг него собрался народ, он рассказал, что охотившийся человек зашел к нему и его укусила змея. Но обо всем остальном вор не сказал ни слова.

Люди стали оплакивать покойника, но кое-кто из мужчин не поверил вору. «Почему же мужчина не заметил змеи? — думали они.— Ведь ночь была лунной?»

Когда тело умершего принесли в селение, мужчины снова подумали, что тут что-то не так.

— Да, он и вправду умер от укуса змеи. Но почему она укусила его в член? Ведь змея не могла подняться так высоко! — говорили они между собой.

Ночью четверо мужчин пришли в лес и спрятались за хижиной вора. Через некоторое время они услышали, как тот сказал жене:

— Ты никому не рассказывай, что змея укусила того человека, когда он хотел лечь с тобой. Я сказал всем, что это произошло по дороге к дому. И ты говори всем то же самое.

Так мужчины узнали правду. Они побежали в селение и рассказали обо всем жителям. Тогда люди решили убить вора.

Вечером они пошли в лес и окружили хижину вора. Тесть вора пытался остановить их, но они не послушались его. Тогда он вошел в хижину и велел дочери рассказать, как все было на самом деле. Женщина поведала ему обо всем, и он сказал:

— Люди хотят убить твоего мужа.

— За что? — закричала женщина. — Ведь он не убивал человека, его убила змея!

Но люди ворвались в хижину и убили ее мужа, а потом отрезали ему голову. Хижину сожгли, а женщину взял в жены другой мужчина.

27. О юноше, менявшем свою кожу

В деревне Яза жили девушки-сестры и один юноша. Юноша был очень красивым, но не хотел, чтобы девушки знали об этом. Чтобы скрыть свое прекрасное тело, юноша надевал на себя кожу, обсыпанную золой. Девушки думали, что его тело покрыто язвами, считали его больным и боялись даже подойти к нему. Поэтому юноша всегда сидел дома один, а девушки каждое утро уходили работать. Одни шли в лес делать саговую муку³⁵, а другие отправлялись ловить рыбу и крабов.

Вечером сестры собирались дома и садились есть. Никто из них не заботился о больном юноше и не оставлял ему хотя бы кусочка саговой лепешки или рыбы. Лишь самая младшая из сестер относилась к юноше иначе. Внимательно присматриваясь к нему, эта девушка заметила, что кожа юноши под болячками совсем здоровая. Глаза юноши были всегда ясными, а не мутными, как у больного. «Он просто притворяется больным, — думала девушка. — А на самом деле он совер-

шенно здоров». Девушка привязалась к юноше и никогда не забывала припрятать для него кусочек саговой лепешки или маленькую рыбку.

Однажды юноша тихонько подозвал добрую девушку и сказал ей:

— Когда вы пойдете завтра в лес делать саговую муку, ты незаметно отрежь небольшой кусок ствола пальмы паруу и спрячь его. Потом срежь молодой бамбук, расщепи его пополам и половину тоже спрячь. А вечером передай все это мне.

Утром, когда все отправились в лес, девушка сделала все так, как велел ей юноша, и вечером отдала ему кусок ствола пальмы и бамбук.

На следующее утро, как только сестры ушли из дому, юноша принялся за работу. Из куса ствола пальмы паруу он сделал наконечники для стрел, а из бамбука — тугой лук. Потом он спрятал все это и спустился к морю. Он долго плавал и плескался в воде, промывая свои «язывы». Когда юноша вышел из воды, он заметил красивую белую цаплю. Юноша долго разглядывал ее, а потом отправился домой. Там он лег на свое обычное место возле очага, снова обсыпал себя с ног до головы золой, чтобы никто не увидел его красивого гладкого тела, и притворился спящим.

Вскоре вернулись домой девушки. Они принесли с собой много рыбы и саговой муки, но никто из них не дал юноше поесть. Лишь девушка, догадывавшаяся о его тайне, принесла ему немного рыбы и кусок лепешки. Тут юноша шепнул ей:

— Завтра принеси из лесу побег молодого бамбука и наломай для меня немного тростника.

Утром девушки поднялись и сразу принялись за работу. Те, что были вчера на рыбной ловле, пошли в лес, а те, что работали в лесу, отправились ловить крабов. В полдень они вернулись и поделили улов между собой. Добрая девушка разделила свою еду с юношей и отдала ему потихоньку бамбук и тростник. Потом все улеглись спать.

На следующий день девушки опять ушли работать. Тогда юноша тихонько поднялся со своей циновки и огляделся. Убедившись, что поблизости никого нет, он спустился к морю и стал купаться. Когда кожа его стала совсем чистой и гладкой, он вылез из воды и принялся за работу. Из молодого побега, который принесла ему девушка, он сделал тетиву для лука, а из тростника — стрелу. Потом он не спеша отправился

к месту, где несколько дней назад видел белую цаплю, уселся на берегу и стал ждать. Вскоре появилась птица. Юноша пустил стрелу и прострелил птице обе ноги. Затем он схватил цаплю и стал выдергивать из нее перья. Часть из них он прикрепил к своей спине — и у него получился хвост, другие повесил на руки — и у него получились крылья. Потом он потерял свое тело, и оно все покрылось перьями. Юноша заменил свои глаза птичьими и прицепил к носу клюв цапли. Теперь юноша уже не был человеком. Он стал птицей. Он побежал по тропе, размахивая крыльями и приговаривая:

— Да, я теперь как настоящая цапля!

Когда юноша в облике птицы добежал до дома, он сбросил с себя оперение цапли и снова стал человеком. Он надежно спрятал перья, а потом обсыпал себя золой и улегся на циновку. Когда девушки вернулись домой, он лежал на своем обычном месте возле огня, притворяясь спящим.

На другой день, дождавшись ухода девушек, юноша вскочил и побежал купаться. Он сбросил свою плохую кожу и взглянул на свое отражение в воде. «Да, я по-настоящему красив,— подумал он.— Моя кожа гладкая и блестящая, а волосы светлые». Потом юноша достал перья цапли, накинул на себя и стал птицей. Он полетел к тому месту, где девушки ловили рыбу.

Его подруга ловила крабов в лужицах на берегу. Юноша в облике птицы стал расхаживать недалеко от девушки, потихоньку наблюдая за ней. Потом он вытащил из лужицы рыбешку, и тут девушка заметила его. «Какая красивая цапля,— подумала она.— Я еще никогда такой не видала». Девушка забыла про крабов и побежала за цаплей, пытаясь поймать ее.

— Зачем ты бежишь за этой птицей! — закричали ей подруги.— Ведь ты все равно не поймаешь ее! Лучше смотри за крабами!

Одна за другой они уходили домой, а девушка все гналась за цаплей, пока та не исчезла из виду.

Прилетев домой, юноша-цапля сбросил перья и снова стал человеком. Он приготовил и съел рыбу, которую схватил, когда был птицей, а потом лег и притворился спящим.

Вскоре вернулись девушки, а через некоторое время пришла домой и подруга юноши. Ее корзина была пуста — ведь вместо того, чтобы ловить крабов, она гонялась за птицей!

Девушки рассердились на нее, но все-таки дали ей немного рыбы. Она поделила ее с юношей и сказала ему:

— Сегодня я была в таком плохом месте! Там нет ни одного краба. Остальные принесли много крабов, потому что ловили в хорошем месте.

«Ну уж это ты выдумала,— сказал про себя юноша.— Ведь ты и не пыталась ловить крабов, а все время бегала за мной».

Между тем наступил вечер, и старшая из сестер сказала:

— У нас накопилось достаточно саговой муки, а корзины полны рыбы. Завтра нам не надо идти на рыбную ловлю или готовить муку. Мы будем делать лодку.

Наутро сестры взяли острый топор и отправились в лес. Они выбрали подходящее дерево, и старшая сестра несколько раз ударила по нему топором. Потом она положила топор на землю, отошла в сторону и принялась наблюдать за работой сестер, которые стали рубить дерево, сменяя друг друга. Они рубили и пели: «Вот мы срубим дерево и сделаем из него хорошую лодку».

Пока девушки работали, юноша в облике цапли все время находился поблизости. «Опять та же самая птица,— думала младшая сестра.— Когда я ловила крабов, она все время вертелась возле, а сейчас опять бегаёт здесь».

Между тем девушки срубили дерево, обтесали ствол и выжгли его середину. Когда лодка³⁶ была готова, они приделали к ней балансир и спустили ее на воду в ближайшем заливе. С этого дня они всегда отправлялись на рыбную ловлю на лодке и каждый день по дороге к морю встречали цаплю.

Однажды, когда девушки спускались к морю, младшая сестра незаметно отстала от других и спряталась в лесу недалеко от дома. «Я должна разгадать тайну этой птицы,— думала она.— Наверное, под этим оперением скрывается тот юноша»,— и девушка потихоньку подошла к дому.

В это время юноша как раз стащил с себя кожу, покрытую золой, и достал из укромного места перья цапли. И тут его увидела девушка. «Я так и знала,— подумала она.— Он скрывает свою красоту под этой мерзкой кожей, покрытой болячками. Никто, кроме меня, не разгадал его тайны. Он должен стать моим мужем». В это мгновение юноша накинул на себя перья цапли и, став птицей, полетел вслед за девушками к морю.

— О! Он улетел! Что же мне делать? — закричала девушка.

Она вошла в дом и увидела тут брошенную кожу юноши, покрытую язвами.

— Так вот она, его больная кожа! Я сожгу ее, и тогда он не сможет обманывать нас! — и девушка бросила кожу в огонь. Потом она принесла свою циновку, положила ее рядом с циновкой юноши, развела огонь и стала ждать. «Хорошо, что я заняла это место раньше всех, — думала она. — А если кто-нибудь попытается силой занять место рядом с моим мужем, я сумею отстоять его», — и она на всякий случай придвинула поближе свою копалку³⁷.

Между тем юноша в облике цапли долетел до лодки и увидел, что младшей сестры там нет. Он услышал, как девушки говорили между собой:

— А где наша младшая сестра? Наверное, она опять гоняется за своей цаплей!

Тогда юноша полетел обратно, сбросил у дома перья и вошел в дом. Юноша был очень красив. Девушка, ожидавшая его, подбежала к нему и выхватила у него из рук перья цапли.

— Зачем ты все время скрываешься под больной кожей?! — закричала она. — Ведь мы, сестры, живем без мужины, и это очень плохо.

Юноша молча сел на землю и подумал: «Ну вот, теперь она все узнала». Потом он огляделся и не увидел своей кожи с болячками. «Она, наверное, сожгла мою кожу, а теперь испортит мои перья».

А девушка быстро свернула перья в маленький комочек и спрятала его под юбку. С тех пор у женщин ее рода на этом месте растут волосы. То же самое произошло и с мужчинами. А волосы на голове у людей из рода девушки с тех пор стали белыми, как перья цапли.

Между тем вернулись домой сестры.

— Смотрите-ка, наша младшая сестра устроилась рядом с юношей! — воскликнула старшая из сестер. Она мельком взглянула на юношу и вдруг увидела, что он очень красив.

— Он будет моим мужем! — крикнула старшая сестра и, быстро подхватив свою циновку, уселась бок-о-бок с юношей. Тут остальные сестры бросились занимать места возле юноши, и каждая из них кричала:

— Теперь он мой муж!

Юноша сидел опустив голову и молчал: ему было стыдно, что все знают о его тайне. Младшая сестра тоже молчала. Она ждала, когда девушки вдоволь накричатся, и думала: «Раньше вы не сажались с ним рядом. Вы не хотели даже подойти к нему или дать ему немного еды. Каждая из вас видела только его болячки, и никто не подумал, почему у юноши глаза здорового человека». Младшая сестра знала, что юноша должен стать ее мужем, к тому же она была красива.

В это время одна из девушек предложила:

— Пусть юноша будет мужем сначала старшей сестры, а потом всех нас, по старшинству.

Тогда младшая наконец сказала:

— Нет, нет! Вы забывали о нем, когда его тело было покрыто язвами. Вы не кормили его и не следили за ним. Он будет только моим мужем и больше ничьим!

С этими словами девушка бросила юноше птичьи перья. Он накинул их на себя и тут же обернулся цаплей. Младшая сестра спрятала птицу под юбку и бросилась бежать, а сестры пустились за нею в погоню. Они добежали до местности Дуди, оттуда берегом побежали на Буджи, а потом вернулись на Боигу. Сестры стали духами и могут теперь жить не только на земле, но и на воде.

ПОДОПЕЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ НОВАЯ ГВИНЕЯ

Остров Новая Британия

ПЛЕМЯ ПАПАРАТАВА ¹

28. Создание земли

Однажды То Кабинана сказал своему брату То Пурго²:
— То Пурго, пойдй вон в ту сторону и создай там селения. А я пойду в эту.

То Пурго спросил:

— Куда именно ты пойдешь?

— Вон туда.

— Как называется эта местность?

— У нее пока нет названия. Но я создам там деревни и каждому месту дам имя.

То Пурго пришел сюда. Он создал эту землю и назвал ее Папаратава.

Потом он направился в Таманаирики, создал ее и назвал этим именем. И другим созданным им местностям он тоже дал имена: Рапитоко, Рабанги, Таванамабу, Таулил, Вивирен, Ваирики.

Он воздвиг эту каменистую гору и ту тоже. На горах он насадил большие деревья. А между горами в местности Набуаик разлил море. Кроме того, он создал много глубоких пропастей.

То Кабинана пришел к нему и спросил:

— То Пурго, что это такое? Это озеро?

— Нет,— отвечал То Пурго,— это не озеро, это — море.

То Кабинана призвал черного муравья и велел ему уничтожить море.

Муравей прогрыз в земле большую дыру и спустил туда всю воду.

Тогда То Пурго разлил море в местности Ваирики. Но к нему опять явился То Кабинана.

— Что это такое, То Пурго? — спросил он.

— Море.

— Глупец. Я же не велел тебе делать морей!

И он снова приказал черному муравью спустить воду.

То Пурго бежал в местность Сулунгтераи и разлил море там.

Но То Кабинана спросил его:

— Что это?

— Море.

— Здесь его не должно быть!

И он приказал муравью спустить это море тоже.

29. То Пурго — солнце³

Один мужчина увидел на панданусе белого какаду, от которого исходило тепло. По утрам, когда какаду сидел на ветвях, мужчина усаживался вблизи пандануса, и птица согревала его.

Но однажды тот мужчина подумал: «Надо бы поймать этого какаду». Рано утром он взобрался на панданус и приладил там свой силок⁴.

Какаду ждал, когда человек сойдет с дерева, а пока что пристроился в стороне.

Мужчина подумал: «День давно уже начался, а солнца все нет, и я не могу согреться». Он спустился с дерева и уселся под ним.

Какаду сразу же прилетел на панданус. Он сел прямо в петлю. Мужчина потянул за конец и поймал птицу.

И тогда солнце спалило его.

Оно сказала:

— Я не просто солнце, которое в небе. Я — То Моро⁵.

30. Люди из кокосовой пальмы

Одна старуха, желая досадить людям, произвела на свет смерть.

Вскоре умер какой-то мужчина. Его похоронили, и на его могиле — с той стороны, где покосилась голова, — выросла первая кокосовая пальма. Раньше таких пальм нигде не было.

Люди заметили незнакомое растение и сохранили его. Постепенно пальма стала большой, даже очень большой, а потом принесла плоды.

Люди увидели плоды и, когда те поспели, сорвали один зрелый орех. Сняв с него верхнюю кожуру, они разглядели на орехе лицо человека, его рот и нос⁶.

Люди вскрыли орех и поскребли мякоть. Они сказали:

— Давайте попробуем его на вкус!

Они взяли таро и приготовили его с кокосовым молоком⁷. Получилось очень вкусное блюдо. И тогда люди решили:

— Не будем трогать больше ни одного ореха. Пусть лежат под пальмой и прорастают. А когда прорастут, мы их рассадим.

Орехи дали ростки. Люди посадили их в землю, и со временем появилось великое множество кокосовых орехов.

Из самых крупных орехов вышли большие и богатые люди⁸.

Из орехов со светлой кожурой вышли светлокожие люди⁹.

Из красноватых орехов вышли красивые мужчины со смуглой кожей.

Из мелких кокосовых орехов вышли люди низкого роста,

А из широких и плоских орехов вышли женщины.

31. Мужчина у женщин, которые не знали мужчин

Один мужчина и его брат шли по дороге. И тут их проглотила огромная черепаха. Проглотила вместе с шестом из бамбука, на котором они что-то несли. Потом эта черепаха с мужчинами в животе ушла в другие места.

Братья расщепили бамбуковый шест и щепками стали резать живот черепахи. Но он оказался очень крепким, а их щепки — тупыми. Тогда один из мужчин вспомнил, что у него есть маленькая флейта¹⁰ из бамбука тилатило¹¹ всего с одной дыркой. Он разгрыз флейту и разрезал черепахе живот.

Выйдя наружу, братья увидели, что находятся в совсем незнакомом месте, далеко от дома. Они пошли наугад и попали в какую-то населенную область. Правда, никого из людей не было видно. Но братья нашли перья попугая малипо¹², убитого местными жителями. Они завернули их в листья и взяли с собой.

Мужчины все время смотрели по сторонам, стараясь отыскать какую-нибудь дорогу. Но дороги нигде не было.

Неожиданно младший из братьев заболел и умер. Тогда старший сделал для него головное украшение из перьев¹³ и похоронил умершего.

После этого мужчина пошел дальше и набрел на чьи-то сады. Он поел бананов и начал искать дорогу, которая вела бы от садов к дому. Но дороги не было и здесь.

Вдруг к нему подошла какая-то женщина. Она спросила:

— Кто ты такой?

— Я мужчина.

— Какой такой мужчина?

— Обыкновенный мужчина, из людей.

— А ты откуда пришел? Где твой дом?

— Не знаю.

— Ты явился один или еще с кем-нибудь?

— Со мной был мой брат.

— Где же он?

— Он умер.

— О горе!

Затем женщина спросила:

— А это что такое?

— Что?

— Вот это.

— Это мужской уд.

— А для чего он?

— Для телесного общения¹⁴.

После этого мужчина спросил:

— С кем же общаешься ты?

— С черепахой.

— Разве здесь нет мужчин?

— Ни одного.

— А кто здесь живет?

— Только женщины.

Потом женщина сказала:

— Мы оба пойдем в мой дом.

— Но ведь здесь нет дороги!

— А мы полетим. Видишь большое дерево? Вот к нему ты и направляйся.

Она полетела по воздуху, а мужчина стал пробираться через густой кустарник. Когда он подошел к дереву, женщина спросила его:

— Это ты?

— Да, я.

— Теперь иди вон к той ирине¹⁵. Она растет как раз возле моего дома. Посиди у ее подножия. А во двор не входи. Оставайся в кустах, чтоб тебя никто не увидел.

Мужчина добрался до дерева и уселся в кустах. Потом пришла женщина. Она приготовила еду, завернула ее и принесла ему. Она бросила сверток к подножию дерева. Мужчина поел. А когда наступила ночь, женщина провела его в свой дом и сказала ему:

— Давай пожую бетель¹⁶.

— Но у меня нет извести.

— Возьми мою,— предложила женщина и дала ему семенную жидкость.

Мужчина сказал:

— Нет, это не известь. Мне такую не надо.

— Так, у тебя есть другая?

— Нет, здесь нету.

— Так, может быть, ты хочешь жевать без извести?

— Зачем же! Я сейчас ее сделаю.

— Как же ты сделаешь ее?

— Выжгу.

— Из чего?

— Из кораллов¹⁷. Пойди принеси мне кораллы!

Женщина принесла кораллы. Мужчина сжег их, и они стали жевать бетель с известью. Это было очень вкусно. И женщине очень понравилось.

Спустя какое-то время другие женщины спросили ее:

— Что с твоим животом?

- А что такое?
- Ты же беременна.
- Нет, я просто наелась.

Мужчина ни разу не выходил из дому, и никто не видел его. Но вот женщина родила. Она родила мальчика. И другие женщины спросили ее:

- С кем ты общалась?
- С мужчиной.

Все женщины пошли к ней в дом. Они познакомились с ее гостем¹⁸. Затем они одарили мужчину раковинными деньгами¹⁹. Женщины дарили ему деньги и за известь и за то, что он научил их добывать огонь²⁰. А потом все они забеременели, и все родили мальчиков. Женщины предназначили своих сыновей для себя. Но мужчина сказал:

— Так не годится. Я разделю вас на два брачных рода²¹. Потому что нельзя, чтобы женщина брала в мужа человека, которого сама родила. Это кровосмешительство. Не поступайте так никогда²².

Он разделил их на два рода. И каждая женщина изготовила для него три снизки раковинных денег.

После этого мужчина покинул женщин. На прощанье они дали ему два молодых кокосовых ореха и лодку. На ней-то он и ушел в море. И еще женщины сварили ему в дорогу много еды.

Вскоре он прибыл в свою деревню. А лодка возвратилась обратно к женщинам. И молодые кокосовые орехи тоже вернулись к ним.

Мужчина пришел к жене. Но она осталась им недовольна. Ей не нравилось, что он болен²³. И она сказала:

- Я не хочу жить с таким мужем.

Она взяла бамбуковый нож и отрезала мужу большое место. И он умер²⁴.

32. То Конокономлор и дети

Однажды дети остались сторожить дом²⁵. Вдруг к ним пришел То Конокономлор и говорит:

- Поищите у меня в голове!

Дети послушались. Но едва они прикоснулись к голове табарана²⁶, как тут же прилипли к ней.

То Конокономлор спросил:

— Вы все приклеились?

— Да,— ответили дети.

— Тогда идемте!

Он встал и пошел. А дети на его голове громко плакали. Подойдя к своему жилищу, То Конокономлор сказал:

— Камень, откройся!²⁷

Камень открылся, и табаран с детьми вошел внутрь.

Затем То Конокономлор стал бить в большой барабан²⁸. Сразу сбежались какие-то люди.

Он сказал им:

— Снимите с меня этих детей!

Они сняли с него детей.

— А теперь,— сказал То Конокономлор,— несите сюда приправу²⁹, а также листья³⁰, камни³¹ и хворост — мы приготовим хорошую еду!

То Конокономлор и его люди вышли наружу. То Конокономлор сказал:

— Камень, закройся!

Табараны разошлись по своим делам, оставив детей без присмотра. И тогда старший мальчик сказал:

— Что он говорил перед тем, как войти сюда?

— Он сказал: «Приоткройся!» — ответил ему другой.

Но самый младший поправил брата:

— Нет, не так. Он сказал: «Камень, откройся!»

И как только малыш произнес эти слова, камень отворился. Дети вышли из жилища То Конокономлора и убежали.

Но один из мальчиков не мог идти быстро: у него болела нога. И дети спрятали его в яму.

— Сиди здесь и не шевелись! — сказали они ему и побежали дальше.

Тем временем люди То Конокономлора вернулись к своему камню. Они стали искать детей, но тех нигде не было. Тогда они бросились догонять их.

Дети услышали погоню и взобрались на кокосовую пальму, что склонилась над морем. Табараны промчались мимо. Но один из них плелся сзади, и он заметил детей.

— Да вот же они! — закричал он.

Табараны вернулись к пальме. Они полезли наверх, желая схватить детей. Но дети умели хорошо плавать и прыгнули в воду. Табараны — за ними.

Однако у табаранов были дырявые животы. И когда кто-нибудь из них попадал в море, его живот наполнялся морской водой. Табаран становился тяжелым и шел ко дну. Поэтому все табараны, которые прыгнули за детьми, утонули.

То Конокономлор вернулся домой, схватил курицу и заткнул ею живот. Затем он веревкой привязал курицу к своему телу — чтобы она не выпала — и пошел ловить беглецов.

Один из мальчиков, сидевших в воде, заметил плывущего То Конокономлора. Он осторожно подкрался к нему сзади и развязал веревку. Вода проникла табарану в живот, и он утонул.

Так погибли все табараны.

А дети отыскивали спрятанного мальчика и все вместе благополучно добрались до дому.

Родители спросили их:

— Где вы были?

И они рассказали о То Конокономлоре.

33. Две женщины и табаран

У одного мужчины было две жены³². Однажды он сказал им:

— Я пойду погуляю. Оставьте дома и сварите овощи. Если придет кто-нибудь из мужчин, попросите его нарвать кокосовых орехов. А если он начнет приставать к вам, скажите мне. Я вернусь ночью.

Мужчина ушел, и женщины остались одни. Немного погодя к ним подошел табаран.

Он спросил:

— Где ваш муж?

— Он пошел погулять.

И еще женщины сказали:

— Нарви нам орехов!

Табаран полез на кокосовую пальму. Причем он взбирался на нее вниз головой, а ногами вверх. Добравшись до орехов,

он сорвал их пальцами ног и спустился на землю. Женщины раскололи орехи. Табаран предложил:

— Давайте я наскоблю их³³.

Когда он кончил скоблить, женщины сказали ему:

— А теперь уходи, а то придет муж и убьет тебя.

Но табаран сказал:

— Я сам слышал, как он говорил, что вернется ночью.

Женщины сварили еду. Табаран снова взобрался на пальму и посмотрел, не возвращается ли хозяин дома. Не увидав его, он спустился вниз и сел с женщинами за еду. После еды женщины сказали:

— Теперь иди. Уже ночь.

— Не хочу,— ответил табаран.— Давайте посидим.

Но женщины не остались сидеть с ним, а пошли в дом.

Ему же они сказали еще раз:

— Уходи же.

— Нет, не уйду!

— Тогда заходи в дом.

— Вот это другое дело!

— Ложись там, в ногах³⁴.

— Не хочу: боюсь крыс.

— Тогда ложись в головах, там повыше.

— Не хочу: боюсь змей.

— Ну, ложись в заднем углу.

— Не хочу: там мыши.

— Тогда ложись между нами.

— Вот хорошо, тут я согреюсь!

Все трое легли. Но женщины боялись, что вернется муж и застанет их с мужчиной. Ведь он их убьет!

Когда табаран уснул, женщины встали, срезали два банановых стебля и уложили их вместо себя. Затем они срезали перья, взяли оружие и корзины³⁵ и осторожно вышли из дома. Лыком дерева маль³⁶ женщины крепко-накрепко привязали дверную циновку³⁷ и подожгли дом.

Табаран проснулся.

— Эй вы, вставайте! Пожар! — закричал он.— Надо бежать отсюда, иначе мы сгорим!

Но, увидев, что перед ним стебли, а двери дома закрыты, он сказал:

— Перестаньте шутить. Отвяжите циновку, ведь я могу стать калеккой.

Но женщины не открыли двери, и табаран сгорел.

Между тем от огня стал с треском раскалываться бамбук³⁸. Мужчина услышал треск и поспешил домой.

— Почему вы подожгли дом? — спросил он у своих жен.

И те ответили:

— Там в доме — чужой мужчина. Он вошел к нам, а мы его заперли и сожгли.

Тогда муж сказал:

— Сейчас же бегите к То Нгарангаралоко³⁹! Не то вас убьют табараны.

Женщины побежали к нему. То Нгарангаралоко спросил их:

— Что вам нужно?

— Мы заперли в доме мужчину и сожгли его. И муж послал нас к тебе. Иначе, сказал он, табараны отомстят нам.

То Нгарангаралоко взял двадцать снизок раковинных денег и уплатил отступное⁴⁰. Женщины были спасены.

34. Ребенок

и его родители-табараны

Умерла одна женщина, и ее муж тоже умер. Их ребенок остался сиротой. Его взяли на воспитание другие люди⁴¹.

Как-то рано утром мальчик вышел из хижины. Вдруг к нему подошла его умершая мать. Женщина-табаран перекинула через плечи лубяной платок⁴², взяла ребенка и направилась с ним в жилище духов.

Муж этой женщины и отец ребенка очень рассердился, когда увидел ее с мальчиком.

— Ты зачем принесла ребенка сюда? — закричал он. — Сейчас же неси его обратно!

Женщина отнесла мальчика на грядку ямса. Она хотела разжевать для него кусок клубня⁴³, но у нее ничего не получилось. Тогда она оставила сына на дороге и ушла.

Между тем люди уже разыскивали пропавшего мальчика. Один мужчина увидел его на дороге и закричал:

— Эй, люди! Этот ребенок здесь!

Мужчины отнесли малыша домой. Они дали ему еды. Но мальчик ничего не брал в рот и молчал.

Тогда они взяли известь, куркуму и карогон и начали колдовать. Мальчик заговорил. Мужчины спросили его:

— Где ты был?

И мальчик рассказал:

— Моя мать отнесла меня к отцу. А он рассердился на нее и велел унести меня обратно.

35. О мужчине, проглоченном крокодилом

Один мужчина сидел на дереве ирото⁴⁴ и играл на бамбуковой флейте. Наигравшись, он спустился вниз, и тут его проглотил крокодил. Потом крокодил поплыл в море.

Но тот мужчина не умер. И крокодил поплыл в море с живым мужчиной в животе. Спустя какое-то время мужчина услышал под собой шуршание песка. «Значит, здесь берег»,— подумал он. Он разгрыз свою флейту и острой лучиной разрезал крокодилу живот. Затем мужчина вылез на свежий воздух и лег на солнце сушиться. Обсохнув, мужчина решил немного пройтись. Но едва он сделал несколько шагов, как наткнулся на табаранов. Те спросили его:

— Ты откуда идешь?

«Ну, теперь я погиб»,— подумал мужчина и сказал вслух:

— Я нездешний.

— Ничего, садись с нами,— предложили духи.— А дорогу ты знаешь?

— Нет, не знаю.

Тогда табараны взяли два зеленых ореха и пустили их в море. И орехи поплыли, напевая песню союза Иниет⁴⁵:

Табаран выковыривает черных муравьев,
Острой палочкой выковыривает муравьев.
Он хлопает в ладоши — и тут же на свет
Появляются большие черные муравьи.

Они нашли дом мужчины и вернулись обратно. Табараны еще издали услышали, как они поют песни союза, и спросили у них:

— Вы нашли его дом?

— Да, мы нашли его.

Табараны сварили еду⁴⁶ и дали ее мужчине. И еще они дали ему раковинные деньги и зубы коалы для нашего ожерелья. И они сказали орехам:

— Проводите мужчину до его дома!

И орехи проводили его. И всю дорогу они пели песни союза Иниет.

36. Как возникли союз Иниет, союз Тубуан и разные виды колдовства

Женщины из селения Ваирики убирали урожай таро на поле бутамцев⁴⁷. Вместе с ними были и женщины из дружеского селения Кунакунаи. На обратном пути все женщины без особого труда перешли через реку Карават. И только одна старуха не пошла в воду со всеми. Она испугалась, что ее унесет течением.

Женщины давно скрылись из виду, а старуха все сидела на берегу. Наступила ночь. Вдруг старая женщина услышала звуки бамбуковых дудок⁴⁸. То шли тутанавуракиты⁴⁹, играя на своих дудках, сделанных из разных сортов бамбука⁵⁰. Женщина испугалась. Но вот тутанавуракиты подошли к ней — оказывается, она сидела прямо на их пути — и спросили:

— Кто ты такая?

— Я женщина.

— Откуда?

— Из Кунакунаи.

— А что ты здесь делаешь?

— Сижу. Мне надо перейти на ту сторону Каравата. Но он такой быстрый, что я боюсь войти в воду.

— Ты пришла одна?

— Нет, вместе с людьми из Ваирики.

— Где же они?

— Они давно перебрались на тот берег.

— А откуда вы идете?

- Из Бутама, мы там собирали таро.
- Ты узнаешь нас?
- Нет.
- Мы тутанавуракиты, и мы жалеем тебя.
- Я вас боюсь.
- А ты не бойся,— сказали тутанавуракиты.— Мы расскажем тебе о союзе Иниет⁵¹.
- Нет, не надо: ведь я — женщина.
- И все же мы расскажем тебе о нем.
- Не хочу.
- Ты передашь наши слова сыну, и он сразу разбогатеет. Духи рассказали ей все, что следует, а потом спросили:
- Ты запомнила это?
- Да.
- Тогда мы расскажем тебе о союзе Тубуан⁵².
- Не надо: я — женщина.
- Ты научишь своего сына!
- Они рассказали ей все о Тубуане и спросили:
- Теперь ты знаешь это?
- Да.

Затем тутанавуракиты научили старуху всем священным песням союза Тубуан и начали учить колдовству. Сначала они спели ей разные любовные заклинания. Но женщина сказала:

— Любовные заклинания мне не нужны: я не собираюсь распутничать.

— Ты передашь их сыну.

И духи научили ее любовному колдовству. Потом они познакомили ее с колдовством кабангкеаке⁵³, позволяющим становиться невидимым и безнаказанно воровать среди бела дня.

Старуха сказала:

— Но ведь я — женщина и не пойду воровать.

— Ты научишь сына. С таким колдовством он сможет добыть для вас обоих сколько угодно денег.

После этого духи научили старуху колдовству кинаки-нау⁵⁴.

— Это ночное колдовство,— сказали они.— Пользуясь им, твой сын сможет успешно воровать по ночам.

Затем тутанавуракиты научили ее вызывать дождь⁵⁵. Наконец они спросили ее:

- Ты все хорошо запомнила?
- Да.
- Тогда иди домой!
- Не пойду. Я не хочу, чтоб меня унесла вода.
- Не унесет: мы проводим тебя на тот берег.

Они пошли и перешли через Карават. Русло реки было сухим: никакой воды там не было. На другом берегу тутанавуракиты сказали старухе:

— Здесь мы расстанемся.

И они ушли. А женщина направилась к себе домой в Кунакунаи. Она обо всем рассказала своему сыну и научила его всем видам колдовства.

Она рассказала ему все о союзе Иниет; он передал это людям и получил от них много денег ⁵⁶.

Она рассказала ему о Тубуане и научила его всем священным песням союза; и за это люди тоже хорошо заплатили ему.

Потом старуха научила сына колдовству кабангкеаке, колдовству кинакинау и колдовству вызывания дождя ⁵⁷.

Мать и сын сразу разбогатели. К тому же сын, пользуясь кабангкеаке и кинакинау, успешно воровал все, что ему было нужно.

37. Тутанавуракит отводит мужчину к его умершей жене

Некий мужчина оплакивал свою жену. Вдруг к нему явился тутанавуракит и сказал:

— То Каиен, успокойся. Не стоит так горевать о ней: ведь она уже мертвая.

Он поворожил над бетелевым орехом и протянул его То Каиену:

— Брось этот орех вон в того голубя ⁵⁸.

То Каиен бросил орех в птицу. Земля, на которой они сидели, перевернулась, и они очутились в саду тутанавуракита. «Что это за место? — подумал То Каиен.— Я здесь никогда не был».

Мужчины вошли в дом. Тутанавуракит накормил гостя вкусной едой, и они легли. Неожиданно за кустами послышались чьи-то голоса.

То Каиен сказал:

— Там кто-то разговаривает.

— А ты посмотри! — ответил ему тутанавуракиит.

То Каиен взглянул за кусты и увидел свою жену. Волосы ее были раскрашены, на шее висело ожерелье. Тутанавуракиит спросил:

— Ну как? Ты узнал женщину?

— Да, это моя жена.

— Не плачь. Все будет хорошо.

Когда наступил вечер, тутанавуракиит предложил То Каиену:

— Пойдем к ним. Но ни в коем случае не жуй бетель, который они предложат. Жуй только наш.

Мужчины пришли к табаранам, и те угостили их бетелем. То Каиен начал жевать. Табараны думали, что он жует их бетель, но он жевал тот, что принес с собой. Потом мужчины возвратились в дом тутанавуракиита и сели отдохнуть.

Наступила ночь. Тутанавуракиит сказал:

— Давай сходим к ним еще раз.

Когда они снова пришли к табаранам, те уже спали. И То Каиен увидел: это были одни скелеты, которые светились подобно гнилому пню. Тутанавуракиит взял бетелевый орех, поворожил над ним и дал его То Каиену.

— Разгрызи его пополам,— сказал он.

То Каиен разгрыз орех. Табараны проснулись и стали упрекать тутанавуракиита:

— Зачем ты привел сюда человека? Ведь теперь он узнал нашу тайну⁵⁹. Больше никогда никого не приводи к нам, если мы спим.

Мужчины ушли. И тутанавуракиит проводил То Каиена домой.

38. Как два тутанавуракиита воровали бананы

Один мужчина зарыл в землю бананы, чтобы они там дозрели⁶⁰. Когда же он за ними пришел, то увидел, что его обокрали. Кто-то разорвал листья и вытащил несколько бананов.

«Кто бы это мог быть? — подумал мужчина. — Вокруг нет ни одного следа от ноги». Он еще раз внимательно осмотрел все место, но следов так и не обнаружил. Тогда он выкопал глубокую яму и прорыл от нее подземный ход к бананам.

Весь день мужчина подстерегал вора: он пролез по своему ходу к яме с бананами, протянул к ним руку и ждал. Наконец он услышал воронье карканье: к нему приближались две какие-то вороны. Они сели на землю и тут же превратились в людей.

Один из этих людей просунул руку в сверток с бананами. И тут настоящий мужчина — хозяин бананов — крепко схватил ее. Он вышел из своего укрытия и закричал:

— Эй, как вас там ⁶¹! Вы думаете, я закопал бананы для вас? Сейчас я вам покажу. Как стукну этого головой о землю, он сразу подойдет!

Второй из прилетевших сказал ему:

— Не сердись из-за нескольких бананов. Ведь они принадлежат всем нам ⁶².

— Я, я вас не знаю, — ответил настоящий мужчина. — Я никогда вас не видел.

Тогда второй из прилетевших признался:

— Мы — тутанавуракиты. Отпусти моего друга, и мы научим тебя одному хорошему колдовству.

Потом тутанавуракиты сказали мужчине:

— Давай завтра встретимся. Мы приготовим таро, и ты тоже приготовь что-нибудь ⁶³.

На другой день все трое встретились снова. Они сварили на камнях таро с кокосовым молоком и принялись за еду. Тутанавуракиты быстро наелись ⁶⁴, а настоящий мужчина все ел и ел. Когда он кончил, духи отошли в сторону. Один из них отломил какую-то веточку. Послышался треск, и в тот же миг настоящий мужчина умер. Тогда второй тутанавуракит отломил другую веточку. Тоже раздался треск, и мужчина ожил.

Оба тутанавуракита подошли к нему и сказали:

— Эти веточки мы дарим тебе!

Затем они спросили его:

— Когда у вас в селении будут танцы?

— Скоро.

— К этому дню мы пришлем тебе хорошее головное украшение из перьев. Ты будешь в нем танцевать.

Тутанавуракиты ушли. А когда наступил день танцев и тот мужчина собрался танцевать, откуда-то прилетело великолепное головное украшение и само наделось прямо ему на голову.

В этом уборе мужчина был так красив, что все женщины сразу полюбили его. Но другим мужчинам это не понравилось, и они убили его и съели.

39. Старуха и кайя **То Нгарангаралоко**

Одна старая женщина сторожила дом. Вдруг туда пришел кайя⁶⁵ То Нгарангаралоко и незаметно съел таро и кокосовые орехи. После этого кайя вернулся в свой омут⁶⁶ на реке Карават. На другой день он снова явился к людям и съел их еду.

Кайя приходил часто и каждый раз воровал кокосовые орехи и клубни таро. А люди думали, что их обкрадывает старуха, которая оставалась дома. И они все время говорили об этом.

В конце концов одному мужчине, сыну старухи, надоели эти разговоры, и он сказал:

— Мать, пойди сегодня со всеми на огороды, а я останусь здесь.

И он сам стал сторожить дом.

Спустя какое-то время мужчина увидел огромную змею вальвалир⁶⁷. Она вползла в дом и проглотила кокосовые орехи и таро. Затем змея забралась в другой дом и съела там все бананы, клубни таро и кокосовые орехи. Напоследок она вползла еще в один дом и там тоже проглотила все запасы еды. Наевшись до отвала, змея ушла в реку Карават.

Мужчина взял немного древесной золы и посыпал ею весь путь змеи от своего дома до омута, где она скрылась. Затем он пошел к людям на огороды и сказал:

— Вы думаете, что ворует еду моя мать. Пойдемте со мной, и я покажу вам настоящего вора. Только приготовьте головные уборы из перьев и сварите масло, чтобы раскрасить лица⁶⁸.

Люди раскрасили свои лица, надели на головы украшения из перьев, взяли копья и палицы и пошли по пути, отмеченному золой. Они подошли к яме с водой и полезли в нее.

Вскоре они вытащили оттуда небольшую змею.

— Эта? — спросили они.

Но мужчина ответил:

— Нет, не эта.

Потом они вытащили из ямы змею побольше и спросили:

— Эта?

— Нет, и не эта, — ответил мужчина.

Потом люди достали из ямы кокосовые орехи и таро и сложили их на берегу. После этого они вытащили из ямы большую змею вальвалир.

— Может быть, эта?

— Нет.

Люди бросили змею в костер из сухих кокосовых листьев, и она сгорела.

Наконец они вытащили из ямы ту самую змею, что приходила к ним воровать. Они спросили мужчину:

— Это она?

— Да, она.

Люди разрезали змею на куски и тоже бросили в костер. Мужчина сказал:

— Теперь вы видите, что моя мать не виновата и вы зря обвиняли ее!

Чтобы загладить свою вину, люди отнесли старой женщине самый лучший кусок — голову змеи. И сказали, чтобы впредь она всегда оставалась дома.

На другой день перед уходом люди сказали старухе:

— Поджарь змею на камнях.

Старуха так и сделала. Когда жаркое было готово, женщина села отдохнуть. Но тут начали гореть листья, которыми оно было прикрыто. Старуха вылила на них воду. Вода попала на голову змеи, и То Нгарангаралоко ожил.

— О! — воскликнул он. — Теперь я спасен!

Старая женщина задрожала от страха. Но кайя То Нгарангаралоко сказал ей:

— Не бойся. Ты спасла меня от смерти, и я помню это. Передай всем своим сыновьям и дочерям, которых ты родила, что они должны сегодня же покинуть эти места. И твои братья и сестры, твои племянники и племянницы, и все родичи со сто-

роны матери пусть сегодня тоже уйдут отсюда. Не оставляйте здесь ничего, даже самой малой вещи!

Эти люди ушли. А ночью туда явился То Нгарангаралоко и привел с собой высокую воду.

Те, что ушли, поднялись наверх, в Бутам. А всех остальных То Нгарангаралоко убил ⁶⁹.

40. Кайя и двое сирот

Эти дети, брат и сестра, были сиротами. Их отец и мать умерли, и о малышах некому было позаботиться. Правда, у них был дядя. Но когда он посылал им какую-нибудь еду, его жена съедала ее, а детям оставляла лишь кожуру от бананов, жесткие овощные стебли да несъедобные нижние корешки таро. И дети все время вспоминали родителей и плакали.

Однажды брат и сестра пошли во двор, где были похоронены их родители ⁷⁰. Они сели там и начали плакать.

Дядя послал им с женой еду — курицу и таро с густой подливкой из кокосовой мякоти. Женщина должна была отнести это детям. Но она все съела сама.

Спустя какое-то время дядя зашел к сиротам.

— Вы поели все, что я вам послал? — спросил он.

— То Леи ⁷¹, не смейся над нами, — ответил ему мальчик. — Мы ничего от тебя не получали. Когда были живы наши родители, нам было хорошо. А теперь мы никому не нужны.

Дяде стало жаль малышей. Он побил жену за то, что она так плохо обошлась с ними, и принес детям таро. Четыре дня они были сыты. Когда кончилось таро, дядя принес им бананов. Их хватило еще на два дня.

А потом к детям явился кайя.

— Вы, бедняги, что вы едите? — спросил он.

Мальчик ответил:

— Не спрашивай. Что придется, то и едим. Ведь мы никому не нужны.

Тогда кайя сказал:

— Ну, не горюйте: я помогу вам. Сейчас мы все вместе разобьем для вас огород ⁷².

Но мальчик заметил:

— Чтобы разбить огород, нужен бамбуковый тесак⁷³ для расчистки участка. А у меня его нет.

— Я его тебе дам.

Кайя дал мальчику тесак и сказал:

— Можешь начинать.

И он сам помог детям расчистить участок. Когда все кусты и трава были уже срезаны, они с мальчиком срубили оставшиеся деревца и сожгли хворост.

Мальчик спросил:

— А что мы будем сажать: ведь у нас нет рассады?

— Я дам вам черенки таро, — ответил кайя.

— А кто будет носить их⁷⁴?

— Твоя сестра сможет: они совсем маленькие.

Кайя дал детям много черенков, и девочка разнесла их по лункам.

Со временем дети стали большими. Они трудились на своем огороде, и у них всегда была пища. А ели они ее только втроем — вместе с кайей.

41. То Билим и кайя Титиморо

В огород То Билима повадилась какая-то свинья. То Билим поставил забор. Но это не помогло: свинья перелезала через него и воровала таро. Тогда То Билим взял копье, чтобы убить свинью. Однако он не смог увидеть ее: то была не простая свинья, то был Титиморо⁷⁵.

Когда стало совсем светло, То Билим пошел к кайе. Он застал Титиморо на древовидном папоротнике. Тот крепко спал после ночных походов.

То Билим отломил стебель онгаонга и бросил его в спящего. Стебель попал в кайю, и мужчина подумал: «Раз я попал в него стеблем, значит, попаду и копьем».

Он вернулся домой и стал готовиться к поединку с кайей.

Он зарезал кур и сварил густую кокосовую подливку. Женщины поджарили таро.

То Билим угостил жену и детей, угостил своих братьев и своего дядю. Потом крепко обнял детей и начал одеваться.

Он повесил на шею праздничное ожерелье, повязался поя-

сом, на руки надел браслеты, а на голову — украшение из перьев⁷⁶. Затем взял два копья и сказал:

— Я ухожу.

Он пошел и пришел к Титиморо. И он бросил в него копье и попал в кайю. Титиморо воскликнул:

— То Билим бросил в меня! То Билим бросил в меня! То Билим бросил в меня копье!

И сразу же хлынул ливень, засверкали молнии, загредел гром и земля закачалась.

То Билим испугался и побежал. Он успел добежать до своего огорода. Но тут кайя догнал его и убил.

Когда люди уложили убитого на пень, Титиморо сказал:

— То Билим бросил в меня копье.

И тут кайя стал быстро пухнуть. Он сделался очень толстым и очень высоким.

Тогда остальные кайи испугались. То Лангулангу позвал к себе То Линголингоро⁷⁷ и сказал ему, что надо сделать. То Линголингоро взял маленькое копье, спустился под землю и пещерой прошел к Титиморо.

То Линголингоро помнил, что говорил ему То Лангулангу. Он говорил: «Пойди и проткни его тело: пусть из него вытечет вся жидкость. Но проткни его не сверху, а снизу. Иначе он зальет всех нас».

И То Линголингоро проткнул Титиморо снизу. И жидкость из того потекла на землю. И То Линголингоро стал на Титиморо. Он стал на него сверху, и из Титиморо вышла вся жидкость. Потом То Линголингоро спустился к То Миримиру⁷⁸. А жидкость из тела Титиморо потекла в Карават. Она потекла туда ручьем.

42. О мужчине, побывавшем в гостях у кайев

Шел один мужчина. Он шел сквозь кустарник и искал панданус. Ему надо было наломать воздушных корней⁷⁹. Наконец мужчина нашел нужное дерево. Он взобрался наверх, отломил воздушные корни и сбросил их на землю. Но когда корни упали, послышался всплеск. Мужчина посмотрел вниз и увидел воду.

Он испугался. Когда он взбирался на дерево, здесь не было никакой воды. Теперь же она окружала его со всех сторон. Он посмотрел наверх и тоже увидел воду. Вода подхватила его и принесла к кайе ⁸⁰.

Мужчина испугался еще сильнее. Он подумал, что сейчас будет убит. Но кайя сказал:

— Не бойся. И скажи, зачем ты взобрался на мой панданус. Разве ты не видел, что это дерево поставлено для украшения моего дома?

— Я думал, это обыкновенный панданус,— ответил мужчина.

— Ладно. Посиди здесь, пока я схожу на обрядовую площадку.

Перед уходом кайя сказал жене:

— Свари какую-нибудь еду и накорми этого человека.

Жена кайи поймала курицу, нарвала зелени и кокосовых орехов и испекла таро. Она приготовила еду и покормила мужчину. А тем временем кайи приступили к обрядовым пляскам, от которых закачалась земля ⁸¹. Мужчина испугался. И жена кайи спросила его:

— Разве ты непосвященный?

— Непосвященный? Во что?

— В Иниет.

— Нет, я посвящен.

— Так почему же ты испугался? Это они там пляшут.

— У нас так не бывает. Когда мы исполняем обрядовые танцы, земля не трясется.

В это время водяной кайя сказал другим кайям:

— Завтра оденьтесь. Я приведу сюда моего гостя. Пусть посмотрит на наши пляски. Ведь он — тоже человек ⁸².

Вернувшись к себе домой, кайя спросил мужчину:

— Ты посвящен в Иниет?

— Да.

— Тогда пойдешь завтра со мной?

— Куда?

— На маравот — обрядовую площадку союза. Посмотришь, как мы совершаем обряд.

Они пошли и пришли на маравот к кайям. Кругом было полно змей вальвалир. Некоторые кайи обвязали змеями свои головы. Другие надели змей на ноги. У третьих они заменяли руки. Иные кайи обмотали змей вокруг своей шеи. Некоторые

сами выглядели как змеи, но с лицом человека. Другие же были змеями только посередине: их туловище было змеиным, а руки и ноги — человеческими. При этом они отливали всевозможными цветами.

Кайи исполняли обрядовый танец. Земля качалась. С треском валились деревья. Водяной кайя повел гостя обратно. Он сказал ему:

— Ты не бойся. Мы, кайи,— настоящие люди, точно такие же, как и вы. И пусть эти змеи не смущают тебя. Они служат нам вместо одежды. Когда мы куда-нибудь идем, мы повязываем их вокруг шеи. И когда встречаемся с вами, то одеваемся змеями.

Они вошли во двор. Кайя поймал курицу. Потом испекли таро, нарвали кокосов, сварили густую кокосовую подливку.

После прощальной еды кайя поймал огромную курицу, величиной с казуара, и сказал мужчине:

— Возьми ее с собой в свой дом ⁸³.

— Но как мне туда вернуться?

— Вода проводит тебя.

В тот же миг все вокруг изменилось, и мужчина увидел, что он сидит на воде. Вода подняла его. Она отнесла его к подножию пандануса и тут же исчезла.

Мужчина пошел домой. Когда он вернулся в свое жилище, туда сбежались люди. Они увидели курицу кайи и спросили:

— Откуда она у тебя?

— Оттуда, от кайи.

— От какого кайи?

— От самого настоящего.

— И он тебе ее подарил?

— Да. А вы не заметили землетрясения?

— Вчера и позавчера здесь трясло.

— Это было не простое землетрясение. Это кайи справляли обряд Иниет. А деревья здесь падали?

— Да, да.

Люди с удивлением смотрели на курицу величиной с казуара. Вдруг она стала уменьшаться и превратилась в самую обыкновенную курицу. Потом сделалась еще меньше — как молодая курочка. Немного погодя она была уже совсем маленькой — с только что вылупившегося цыпленка. Затем уменьшилась еще — и стала величиной с муху. И наконец сделалась такой крошечной, что люди не могли ее видеть.

Полуостров Газель

43—45. То Кабинана и То Карвуву

43. Рыба

То Кабинана вырезал из дерева тунца и пустил его в море. Тунец в море ожил. В благодарность он пригнал к берегу сардин, так что То Кабинана мог без труда их выловить и отнести домой. Когда То Карвуву увидел множество рыбы, ему тоже захотелось поймать столько. Он спросил брата:

— Скажи-ка, откуда эта рыба? Мне очень хочется такой.

— Ладно, вырежь себе рыбу, какую я вырезал. Но это должен быть тунец.

То Карвуву вырезал рыбу; однако он сделал не так, как велел ему брат, и у него получилась акула. Он пустил ее к сардинам. Она съела всех сардин, и То Карвуву ничего не досталось. Плача, он снова отправился к брату и сказал:

— Я не могу сделать такой рыбы, как у тебя. Моя сама съела других.

То Кабинана спросил:

— А какую же рыбу ты сделал?

— Я сделал акулу.

— Ты дурак из дураков и можешь навлечь на нас беду. Твоя рыба съест всех остальных, да и нас с тобой не пощадит.

Так и случилось: с тех пор акула не только пожирает других рыб, но и нападает на людей.

44. Кожа

Однажды То Карвуву поджаривал плоды хлебного дерева. Пришел То Кабинана и спросил его:

— Жаришь?

— Да.

— А почему ты делаешь это тайком? Разве мать не должна знать об этом? Отнеси ей половину.

То Карвуву пошел к хижине матери, но мать сменила кожу и превратилась в молодую девушку. Поэтому сын не узнал ее.

— Где ты, мать?

— Я здесь.

— Нет,— возразил сын,— ты не моя мать.

— Ты ошибаешься, это я.

— Но ты не похожа на мою мать.

— Нет, это я; посмотри, я сбросила старую кожу.

То Карвуву ответил:

— Такая ты мне не нравишься. Скажи, где твоя старая кожа?

— Я ее бросила в море, чтоб ее унесло.

То Карвуву подумал: «Мне не нравится ее новая кожа, пойду разыщу старую».

Он встал и пошел прочь. Долго искал он старую кожу матери. И наконец нашел. Она висела в кустах на берегу, ее выбросило туда волной. То Карвуву взял ее, вернулся к матери и надел на нее.

Вечером вернулся домой То Кабинана. Он спросил брата:

— Зачем ты надел матери старую кожу? Ведь она сбросила ее! Ты настоящий дурак, теперь наши потомки всегда будут стареть и умирать. Только змеи будут менять кожу.

То Кабинана был страшно зол на То Карвуву, потому что тот лишил людей возможности менять кожу. С досады он наступил змее на голову, так что она расплющилась.

— Ты забрала нашу новую кожу! — сказал То Кабинана.

Вот почему мы не можем менять кожу, и только змеи сбрасывают старую. Если бы мы это делали, мы бы каждый раз снова молодели.

45. Плоды хлебного дерева

Однажды То Кабинана отправился в путь и нашел шесть живых змей. Он связал их веревкой и забрал с собой. Затем он пошел в лес к тому месту, где росли хлебные деревья. Их охранял злой дух. То Кабинана влез на дерево, чтоб нарвать плодов. Но злой дух тщательно их оберегал, чтобы никто не украл ни единого плода. То Кабинана сорвал плод, отвязал

одну змею и швырнул ее вместе с плодом вниз. Они с силой ударились о землю. Злой дух услышал шум и подумал, не забрался ли кто на хлебное дерево. Но когда он увидел змею, он погнался за ней и больше уже не следил за деревом.

То Кабинана сорвал второй плод и бросил его вниз, как и первый, вместе со змеей. Злой дух снова бросился ловить змею.

Так То Кабинана срывал и бросал плоды, пока не кончились у него змеи. Затем он слез с дерева.

Тем временем злой дух гонялся за змеями. То Кабинана собрал плоды и отправился домой к своему брату То Каруву.

Тот спросил его:

— Что это у тебя за плоды, брат?

— Это плоды хлебного дерева.

— Где ты их взял?

— Там, внизу.

— Я тоже хочу нарвать их, я залезу на дерево.

— Ты снова окажешься в дураках.

— Ха-ха! Еще и тебе принесу!

— Ладно, иди! Только захвати с собой живых змей!

То Каруву пошел. Но он убил змей перед тем, как полезть на дерево. Он сорвал один плод и бросил его вместе с убитой змеей вниз.

Злой дух бросился к змее, но она не убегала, а осталась лежать на месте.

Тогда злой дух заметил плод и крикнул:

— Это кто там срывает мои плоды да еще и обмануть меня хочет? Я его отделаю как следует!

Он схватил То Каруву и поколотил.

То Каруву стал звать на помощь:

— О То Кабинана, брат мой! Приди помоги мне, протруби в раковину, бей в барабан!

И когда То Кабинана протрубил в раковину и ударил в барабан, злой дух убежал. То Каруву слез с дерева и отправился к своему брату.

— Что же с тобой случилось на дереве? — спросил его брат.

— Я убил змей. А когда бросил вниз плод вместе с мертвой змеей, злой дух не бросился за ней.

— О, такого дурака, как ты, свет не видел. Я же тебе сказал, что змеи должны быть живые, иначе зачем ему бегать?

Вот теперь наши дети будут бояться злого духа, а он их будет преследовать. А потому, что ты сбросил с дерева мертвую змею, все, кто будет падать с дерева, будут разбиваться насмерть.

Так все и случилось: тот, кто падает с дерева, умирает.

46. Почему у казуара нет крыльев

Прежде казуар, как и другие птицы, мог летать. А теперь он только бегаёт. Вот почему это произошло.

Однажды лил сильный дождь. Казуар сидел на ветке и стряхивал с себя капли. Прилетела маленькая птичка и сказала:

— Дедушка, приподними крыло, пусти меня к себе, чтоб я не промокла.

Добрый казуар пустил ее, и птичка юркнула к нему под крыло. Но это была злая птичка. Она взяла нитку и крепко пришила крыло казуару. Затем она снова попросила:

— Дедушка, пусти меня под другое крыло, здесь уже мокро.

Казуар пустил ее, и птичка спряталась под другим крылом. Она крепко пришила казуару и второе крыло.

Когда дождь прошел, снова выглянуло солнце.

— Ну, а теперь полетим дальше, погода прояснилась,— сказала птичка, выпорхнула из-под крыла казуара и улетила. Казуар хотел полететь вслед. Но тут, к своему ужасу, он заметил, что крылья его пришиты. Сколько он ни старался расправить их, ему это не удавалось. Он упал на землю и с того дня должен был неизменно оставаться на земле.

Казуар страшно рассердился и крикнул птичке:

— Ну подожди, я заколдую твой помет — и ты умрешь.

С тех пор птичка, когда ей нужно, садится на верхушке дерева так, чтобы помет ее не падал на землю. Он остается висеть на ветках, и казуар не может его заколдовать. Иногда он свисает с сучьев длинными нитями. Нити превращаются во вьющиеся растения с пышными красными цветами.

БРИТАНСКИЕ СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА

Остров Санта-Исабель

ГРУППА БУГОТУ¹

47. Камакаджаку

Камакаджаку жил на холме Гаджи. Однажды, когда Камакаджаку чинил свои сети, он взглянул вниз, на море. С холма вода показалась ему совершенно черной. Тогда он позвал внуков, собиравшихся ловить рыбу с рифов, и сказал им:

— Видите то место в море? Зачерпните там воды и принесите ее сюда.

Внуки Камакаджаку спустились на отмель и наловили рыбы в свои сети. А потом они набрали полную чашку морской воды и вернулись в деревню.

Камакаджаку уже поджидал их:

— Давайте сюда чашку. Сейчас мы посмотрим, так ли черна эта вода.

Он стал понемногу выливать воду и увидел, что на самом деле она вовсе не такая, какой казалась ему с холма.

Было утро, и Камакаджаку решил проверить все сам. Он спрятал в ухо кусочек обсидиана², взял свою сумку, палицу и щит³ и спустился к морю. Прихватив чашку, он вошел в воду и отошел от берега.

Камакаджаку взглянул вверх, на холм, где он жил, но вершина холма еще не была видна. Тогда он не спеша поплыл в открытое море и плыл все дальше до тех пор, пока не уви-

дел весь холм Гаджи. Тут он зачерпнул воды в чашку, но море вдруг забурлило, зашумело, и из воды показался Комбили⁴. Он подплыл к Камакаджаку и проглотил его, а потом поплыл на Восток, туда, где восходит Солнце. Комбили все плыл и плыл, и Камакаджаку лежал у него в брюхе. Но вдруг Комбили заметался на земле, и Камакаджаку понял, что они где-то на мели — может быть, вблизи берега. Тут Камакаджаку вспомнил про обсидиан, спрятанный у него в ухе. Он нащупал и вынул его, а потом распорол им брюхо Комбили.

Выбравшись наружу, Камакаджаку увидел ослепительный свет. «Где это я?» — подумал он. В это время раздался сильный треск и в небо выкатилось Солнце. Перекатываясь с боку на бок, оно поднималось все выше.

— Эй! Не стой на моем пути! — закричало Солнце. — Ведь ты погибнешь. Держись справа от меня!

Камакаджаку стоял в стороне, пока Солнце катилось мимо него, а потом побежал за ним.

Вскоре они добрались до деревни, где жили дети и внуки Солнца.

— Ты подожди меня здесь, — сказала Солнце и покатилося дальше.

И Камакаджаку остался в деревне ждать возвращения Солнца.

— Откуда ты пришел к нам? — спросили его жители деревни.

— С земли. Я там живу. Когда я набирал морскую воду, меня проглотила большая рыба. Я распорол ей брюхо и очутился у вас.

Камакаджаку увидел, что эти жители неба едят только сырую пищу. Тогда он показал им, как разжечь огонь и приготовить пищу.

Дети Солнца собрались уходить и сказали ему:

— Ты не ходи в задний конец дома. Это табу⁵.

Они ушли, а он остался сторожить дом. Но их слова не давали ему покоя. «Почему они не велели мне ходить туда?» — думал он. И Камакаджаку не выдержал и отправился в дальний конец дома. Там он приподнял камень, который прикрывал дыру в небе, и увидел родной холм Гаджи и свое жилище.

В это время вернулись люди и принесли ему поесть. Но Камакаджаку не притрагивался к еде, а только плакал.

Тогда они сказали:

— Ты ходил в задний конец дома? Мы же не велели тебе делать этого. Теперь ты хочешь вернуться обратно на землю.

— Да! — ответил он.

Тогда люди неба построили маленькую хижину и посадили в нее Камакаджаку. Они дали ему с собой банан и семечко пау⁶ и сказали:

— Если ты услышишь крик птиц и других жителей неба, — не оглядывайся. Когда же затрещат цикады, — можешь оглянуться.

Потом они привязали к хижине, где сидел Камакаджаку, тростник и стали осторожно опускать хижину на землю. А когда стебель тростника кончился, они привязали к нему другой и так постепенно спускали Камакаджаку до самого холма.

А в это время друзья Камакаджаку искали его повсюду и думали, что он уже мертв.

И когда он живой и невредимый вернулся домой, они на радостях устроили праздник и долго веселились.

Камакаджаку прожил долгую жизнь и умер на своем родном холме Гаджи.

Остров Флорида

48. Цапля и черепаха

Однажды во время отлива цапля ходила по коралловому рифу, и ее нога застряла в трещине. Начался прилив, и вода поднялась цапле до шеи.

Птица увидела акулу и попросила ее:

— Спаси меня!

— погоди немного, — сказала акула в ответ и уплыла.

Потом к цапле подплыл сарган, и она его попросила:

— Спаси меня, братец!

— погоди немного, — ответил сарган и уплыл.

Затем поблизости от птицы показалась треска⁷.

— Спаси меня, — попросила ее цапля.

— погоди немного, — ответила треска и уплыла.

Никто из рыб не помог цапле. Наконец она увидела черепаху.

— Сестрица,— позвала ее цапля,— подплыви сюда и освободи меня!

— Ты должна будешь мне заплатить,— отозвалась черепаха.

— Я заплачу тебе деньгами,— предложила цапля.

— Нет, они мне не нужны.

— Я заплачу тебе собачьими и дельфиньими зубами!

— Нет, они мне тоже не нужны.

Тогда цапля схватила морского ежа, который оказался около нее, и отдала его черепахе. Та с удовольствием съела морского ежа и сказала:

— Ты мне заплатила, и я тебя спасу.

Черепаша расколола коралл, в котором застряла нога цапли, и птица взлетела в воздух.

— Ты спасла мне жизнь,— сказала она.— Если ты будешь в опасности, позови меня, и я тебя выручу!

Вскоре жители селения Хагелонга пошли ловить рыбу. Они спустили в воду сеть, закрепили ее углы на подпорках и стали ждать.

Сначала в сеть заплыла акула.

— Попалась! Тащи сеть! — закричали одни, но другие им возразили:

— Нет, не эту рыбу мы ждем.

Потом в сеть заплыла треска.

— Попалась! Тащи сеть! — опять закричали некоторые, но другие сказали:

— Нет, не эту рыбу мы ждем.

В сети перебивали все рыбы, но рыбаки не трогали их. Наконец в сеть заплыла черепаха.

— Вот кто нам нужен! — закричали рыбаки и вытащили черепаху на берег. Они связали ее, положили на песок, а вокруг поставили ограду. Вождь селения сказал:

— Завтра мы приготовим дров, наберем листьев, накопаем ямса и изжарим черепаху.

Утром люди приготовили дров, набрали листьев, накопили ямса. Потом они ушли, а сторожить черепаху оставили двух мальчиков.

Прилетела цапля, и мальчики ее спросили:

— Что ты здесь делаешь?

— Да так, гуляю,— ответила птица. И она предложила мальчишкам:

— Хотите, я для вас станцую?

— Да, да,— ответили мальчишки,— нам хочется посмотреть, как ты танцуешь!

Цапля сказала:

— У ваших родителей есть украшения из собачьих и дельфиновых зубов. Принесите их, мне нужно украсить для танца.

Мальчишки принесли украшения, цапля надела их и начала танцевать. Танцуя, она приблизилась к ограде, за которой лежала черепаха.

Та увидела цаплю и воскликнула:

— Сестрица! Меня хотят убить!

— Я помогу тебе,— сказала цапля.— Ведь ты меня спасла.

Цапля вернулась в дом, где сидели мальчишки. Она танцевала и пела:

— Керембаебае! Керембаебае! А ноги развязаны!

(В это время черепаха развязала ноги.)

— Керембаебае! Просунула голову за ограду!

(А черепаха просунула голову за ограду.)

— Керембаебае! Наполовину вылезла! Керембаебае! Вся уже вылезла!

(А черепаха и на самом деле уже вылезла.)

— Керембаебае! Ползи к берегу! Керембаебае! Нырять в воду! Керембаебае! Уплывай в глубину!

Так черепаха была спасена.

А люди вернулись на берег, подошли к ограде и видят: черепахи нет.

— Ее кто-то украл,— сказали люди. И они спросили мальчишек:

— Здесь кто-нибудь был?

— Никого, кроме цапли,— ответили мальчишки.— Она танцевала перед нами. Мы отдали ей ваши украшения. Она нас обманула. Мы не следили за черепахой.

Все люди очень огорчились. Они осмотрели песок, увидели следы черепахи, ведущие к берегу, и сказали:

— Никто ее не крал, она спаслась сама.

Другие острова архипелага

49. Близнецы

В далекой деревне был только один житель. Это была девушка. Больше никто там не жил. Однажды эта девушка забеременела. Вскоре пришло время родить, и она родила двух мальчиков-близнецов. Сыновья быстро выросли и стали большими и сильными. Мать научила их владеть копьем и метать его в цель. Мальчики оказались очень способными. Однажды мать им сказала:

— Видите вон то дерево? Попробуйте попасть в него.

Они метнули копья, и дерево раскололось.

— Значит, быть вам такими сильными, что никого не испугаетесь,— гордо сказала мать.

— А с кем же нам драться? — спросили мальчики. Они хотели поскорее испытать свою силу и ловкость.

— Здесь поблизости никого нет, но там, за лесом, есть деревня, в ней вы кого-нибудь найдете.

Мальчики взяли оружие и отправились в путь. Когда они шли густым лесом, то увидели на дереве двух людей. Близнецы подбежали к дереву и свалили его ударами плеча. В следующее мгновение оба человека уже лежали на земле, пронзенные копьями мальчиков. Близнецы взяли их за ноги и приволокли к матери. Там они их сварили и съели.

Мать велела сыновьям сделать огромный барабан⁸ из ствола дерева. Когда барабан был готов, мальчики так заколотили в него, что грохот был слышен за морем и лесом. На грохот барабана сбежалось много людей. Мать велела детям спрятаться и унести барабан. Люди вбежали в дом и спросили женщину:

— Кто здесь бил в барабан?

— Я не знаю, в деревне никого нет.

Люди ушли. Вскоре мальчики опять забили в барабан что было силы.

На этот раз собралось много людей и из-за моря.

— Кто здесь бил в барабан? — спросили они мать.

— Я не знаю, здесь никого нет.

Тогда один из чужеземцев предложил:

— Разрешите нам пойти в лес, я думаю, они спрятались там.

Люди нашли близнецов. Все любовались сильными юношами, их красивыми и решительными лицами. С чужеземцами были и женщины. И каждая из них была не прочь выйти замуж за одного из юношей. Но мать не хотела отпускать своих детей. Она заколола всех своих свиней, нажарила мяса и устроила чужеземцам пир. Мальчики сами рассаживали гостей.

Все девушки смотрели только на юношей.

— Настоящие воины, — говорили они.

— Кто их отец? — спросили мужчины.

— У них нет отца, я их родила без мужа.

— Ты лжешь! — закричали одни, другие удивленно думали: «Она родила прекрасных мужчин, в бою каждый из них победит двух сильных врагов; они будут великими воинами!»

Между тем мать нечаянно разбила сосуды для хранения извести⁹, которые принадлежали братьям. Близнецы в ярости вскочили и подняли руку на мать. Но в то же мгновение оба потеряли человеческий облик и превратились в птиц. Мать стала громко плакать. Она плакала и плакала, пока не сделалась жабой, и уже больше никогда не переставала плакать и причитать. Она и поныне живет в болотистом лесу и плачет.

50. Рыбак и тамбуран

Как-то вечером один человек позвал своего друга ловить рыбу. Но его услышал тамбуран¹⁰ и ответил вместо друга. Он принял его облик и пошел вместе с рыбаком к рифам. Рыбак забросил сеть и выловил немного рыбы.

— Вот рыба, лови, — сказал он своему спутнику, не видя его, и бросил ему добычу. Тамбуран поймал ее и тут же съел за спиной рыбака.

Они прошли немного дальше по воде. Рыбак снова забросил сеть и отдал улов тамбурану. Тот опять проглотил рыбу. Они продолжали рыбачить, и каждый раз повторялось то же самое.

Наконец рыбак поймал двух лангустов¹¹ и бросил их тамбурану. Тамбуран и их съел, но, прежде чем проглотить, ему пришлось разгрызть зубами их панцирь. Рыбак услышал

хруст, и страх сковал ему ноги. Он понял, что это тамбуран принял образ его друга и ему грозит беда. Но вскоре он пришел в себя, забросил еще раз сеть и нарочно разорвал ее о кораллы.

— Подожди немного! — сказал он своему помощнику. — Я только схожу в лес, затяну сеть лианой.

Не спеша выбрался он на берег и пошел в лес. Но тут он что было силы бросился бежать по узкой тропинке.

На пути ему встретилась огромная каменная глыба. Не останавливаясь, рыбак крикнул ей:

— Если меня кто-нибудь окликнет, ответь за меня!

Он побежал дальше и споткнулся о ствол упавшего дерева:

— Сделай так, чтоб он упал, мой преследователь!

Он бросился дальше.

— Обвейся вокруг его ног и крепко держи его, того, кто придет после меня! — крикнул он колючей лиане, что свисала поперек дороги.

Запахавшись, он прокладывал дорогу через густую поросль и вдруг заметил высокое дерево. Ветви его поднимались очень высоко. Рыбак быстро вскарабкался на дерево. Он содрал с него длинную полосу коры, и на обнаженном стволе выступил липкий сок. Сок должен был помешать тамбурану взобраться на дерево.

Но вот появился и преследователь. Он заметил человека на верхушке дерева и как ни в чем не бывало позвал его:

— Иди сюда! Почему ты перестал ловить рыбу? Ведь еще глубокая ночь!

— Лжешь, уже светает. Теперь я узнал тебя, а днем, когда ты будешь бессильным, я отомщу тебе за то, что ты обманул меня.

Тамбуран ушел, и рыбак видел, как он скрылся в небольшой яме.

Когда рассвело, рыбак слез с дерева и позвал людей из соседней деревни. Они наломали палок и стали рыть ими яму, в которой спрятался тамбуран. Наконец из глубины выполз муравей:

— Тамбуран спрятался глубоко в земле, — сказал он.

Люди продолжали рыть. Вскоре появился другой муравей и сказал:

— Вы еще долго не доберетесь до тамбурана, он спрятался очень глубоко.

Люди с еще большим усердием стали рыть яму, пока не показался еще один муравей. Он сказал людям то же самое. Когда на свет выполз следующий, люди спросили у него:

— Сколько муравьев нужно ждать после тебя?

— После меня будет еще четыре.

Следующий за ним сообщил, что до тамбурана еще далеко. То же сказали второй и третий. Наконец выполз четвертый и сообщил, что он последний, но тамбуран все еще далеко.

Обливаясь потом, люди работали из последних сил. И вдруг из ямы показался тамбуран. Люди с криком бросились на него и стали колотить дубинками. Они порвали ему шкуру и били его, пока он не свалился на землю.

Тогда рыбак вышел вперед и сказал:

— Ну вот, теперь ты знаешь, как воровать у людей рыбу.

Люди снова набросились на тамбурана и добились его. Потом они привязали его к крепкому шесту, чтоб отнести в деревню. Но как только шест подняли, он переломился. Нашли шест покрепче, но, как ни странно, он тоже сломался. И ни один не мог выдержать тяжести тамбурана.

Тогда вышел из толпы совсем маленький мальчик и сказал, что тамбуран не мог заколдовать дерево дингарин¹². Несколько человек отправились в лес и принесли ветку дингарина. К ней крепко привязали тамбурана и доставили его в деревню. Когда ему вспороли брюхо, из него вывалилось много-много рыбы, а потом и оба лангуста. Люди закололи свиной, зажарили рыбу и отпраздновали смерть тамбурана.

НОВЫЕ ГЕБРИДЫ

ОСТРОВ МАЭВО

51. Как Тагаро сделал море

В давние времена море было совсем маленькое, как обычный пруд. И лежал этот пруд позади дома Тагаро. В пруду водилась рыба, и Тагаро огородил его большими камнями.

Как-то раз Тагаро отправился осмотреть утварь, которую он сделал, жена его ушла в деревню, а двое сыновей остались дома. Ходить за дом, туда, где был пруд, им не разрешалось, и они проводили время в охоте за ящерицами и крысами.

«Почему отец запрещает нам ходить за дом?» — думали они.

И вот один предложил другому:

— Давай пойдем и посмотрим, что там такое и почему отец не подпускает нас близко к этому месту.

Они обошли дом и увидели пруд. Вода в пруду была соленая и кишела рыбой. Один из братьев влез на камень и выстрелил в большую рыбину. Он попал в нее и постарался вытащить из воды. Но камень, на котором он стоял, сдвинулся с места, и в ограде открылась щель. Вода с шумом хлынула через дыру наружу.

Тогда старая женщина, что проходила мимо, попыталась остановить поток. Она легла на землю, чтобы преградить путь воде, но было уже поздно.

Сыновья Тагаро тем временем взяли копалки и вырыли две канавки, по обеим сторонам пруда. Вода устремилась по ним, и там, куда она устремилась, разливалось море.

А старая женщина превратилась в камень. Он и теперь лежит на Маэво возле Рага.

52. Уход Тагаро

На жену Тагаро поглядывал один мужчина. Однажды, когда Тагаро не было дома, он пришел в деревню. Тут он увидел свинью Тагаро и захотел украсть ее. Он схватил свинью и связал ее стеблями батата. Тагаро был в это время в лесу. Он услышал визг свиньи и побежал домой. Тут он увидел оторванные стебли и очень рассердился. Он вырезал из дерева лодку и перенес туда все, что было на земле. Огонь же он погасил, но одну головешку отбросил в сторону. Все-все, что было хорошего на земле, Тагаро взял с собой. Вот что рассказывают о нем.

53. Тасо

Тасо был людоедом. Обычно он ел мужчин, но однажды Тасо убил женщину, сестру Квату. А она вот-вот должна была родить. Тасо заметил ее в чаще леса и убил. Но есть беременную женщину он не стал, и ее труп остался в лесу. Дети же ее, которых она носила под сердцем, не умерли. Когда труп женщины разложился, они оказались на свободе.

Мальчики лежали на земле в чаще леса. С каждым днем они становились все сильнее и сильнее. Ползая по земле, они наткнулись на высохшие листья, в которых скопилась вода, и стали ее пить. Потом им попался корень гена¹, разбухший от воды, и они начали его сосать. Они сосали его много дней, пока не стали достаточно сильными, чтобы выбраться из зарослей.

Блуждая по берегу, дети увидели свинью с поросятами. Эта свинья принадлежала Квату, их дяде по матери. Маль-

чики уселись и стали смотреть, как свинья поедает кокосовый жмых. Через некоторое время свинью позвал Квату, и она подошла к нему со своими поросятами. Квату накрошил им корму и ушел. Тогда голодные дети отогнали свинью и сами принялись есть жмых. А свинья с визгом помчалась в деревню к своему хозяину.

На следующее утро повторилось то же самое. Квату дал свинье корму и ушел, а дети отогнали ее и, схватив жмых, убежали. Свинья снова побежала в деревню и подняла визг. Так было много раз подряд.

Квату видел, что его свинья очень отошала, и удивлялся: «Почему это свинья стала такая тощая, как будто я не кормлю ее? И зачем она всякий раз прибегает ко мне? Придется посмотреть, в чем тут дело».

На следующий день Квату дал корм свинье и сделал вид, что уходит, а сам потихоньку возвратился обратно. И тут он увидел, как к свинье подкралось двое маленьких ребят с совершенно белыми волосами. Они прогнали свинью и забрали ее пищу. Квату вскочил и закричал:

— Так это вы каждый раз прогоняете свинью?

Близнецы в испуге выронили пищу и стыдливо опустили головы.

— Кто вы такие? — спросил Квату.

И мальчики рассказали ему, как они ползали по земле, пили воду из сухих листьев и сосали корень гена, как они потом стали сильными и выбрались из леса и как увидели свинью и наелись кокосового жмыха. И тут Квату понял, что это дети его сестры, убитой когда-то Тасо. Тогда Квату пошел с мальчиками в деревню и спрятал их в дальнем конце своего дома. Потом он велел своей жене, Ро Мотари, накопать ямса и нарвать нежных листьев гибиска, а потом приготовить локо². И женщина сделала все, как он сказал, — накопала ямса, нарвала листьев и приготовила локо. Потом Квату велел ей срезать листья с кокосовой пальмы и сплести циновки. Ро Мотари сплела циновки и разостлала их на полу, а потом пошла в дальний конец дома. Тут она увидела двух маленьких близнецов, скорчившихся в загоне для свиней. Женщина побежала обратно и крикнула Квату:

— Кто эти двое малышей — мои дети, или братья, или мои внуки?

— Да, да, это твои внуки, — ответил ей Квату. Тогда счастливая Мотари забрала малышей и накормила их. Так близнецы остались жить в доме Квату.

Вот они подросли, и Квату сделал им луки, чтобы они могли охотиться за ящерицами. А когда мальчики научились стрелять гекко, он сделал для них другие луки. Когда же они стали охотиться на маленьких птичек, Квату забрал у них старые луки и дал им другие, гораздо лучше прежних, и настоящие стрелы с наконечниками. Теперь они могли стрелять даже голубей. А потом Квату сделал для них палицы, и они убивали ими крыс.

Но вот мальчики превратились в юношей, и Квату сделал им новые палицы, теперь уже настоящие, — одному четырехугольную, а другому простую, с ободком и заостренным концом.

Квату опекал юношей до тех пор, пока они не стали совсем взрослыми. Однажды он рассказал им о Тасо и попросил их не гулять там, где он мог появиться. Квату сказал им, что Тасо людоед и убил их мать. Узнав об этом, близнецы решили отомстить Тасо. Они наложили запрет на бананы, принадлежащие им, и сказали своему дяде:

— Если ты увидишь, что кисть наших бананов стала созревать сверху, — значит Тасо убил нас. Если же она будет созревать снизу, — значит мы убили его.

И братья отправились в путь, чтобы застать Тасо врасплох. Они пришли в лес, где жил Тасо, но не застали его. Он спустился на берег, чтобы наточить зубы. Тогда братья спросили его мать:

— Куда ушел Тасо? Мы пришли навестить его.

Мать Тасо велела им подождать в гамале³, и они прошли туда. В это время жители деревни копали ямс, и в гамале разожгли очаги, чтобы испечь его. Очагов было два — по одному в обоих концах гамала. Братья разобрали очаги, и камни, которыми они были обложены, положили на огонь.

В это время в гамал пришла мать Тасо. Она легла на землю и запела, чтобы Тасо услышал ее на берегу.

— Тасо, посмотри хорошенько, увидишь добычу. Одного съем я, а другого — ты. Эй, Тасо!

Тасо услышал песню матери. Он поднялся и пошел домой. И когда он шел, то вертел головой вправо и влево, ломая деревья по краям тропинки, и они падали с треском. Но братья

уже поджидали Тасо. Готовые к бою, они стояли в разных концах гамала, и возле каждого возвышалась груда докрасна раскаленных камней. Они услышали, как Тасо подошел к матери и спросил:

— Что случилось?

— Что случилось? Только то, что в гамале нас поджидает добыча.

Тогда Тасо направился к гамалу, но, как только он показался в дверях, один из братьев запустил в него раскаленным камнем. Тасо бросился в другой конец гамала, но тут его ударил второй брат. Тасо закричал:

— Эй, вы, сколько ни кидайтесь, все равно я сегодня же съем вас обоих!

Но раскаленные камни по-прежнему обрушивались на него с обоих концов гамала. Братья бросали в него камни до тех пор, пока не перебили ему все кости. Теперь он лежал на земле и стонал. Тогда братья уселись на него и стали бить его палками, пока не забили до смерти.

Затем они пошли в дом к матери Тасо. Они выволокли ее наружу и тоже убили. Потом братья подожгли ее дом и пошли в свою деревню.

Когда Квату и Мотари услышали треск горящего бамбука, они не поняли, что это горит дом Тасо, и решили:

— Наверное, близнецы наткнулись на Тасо, и он убил их.

Квату пошел к дому Тасо, чтобы узнать, что там произошло, и встретил по дороге братьев. Они рассказали ему, что убили Тасо.

— Я же запретил вам ходить туда, а вы не послушались! — воскликнул Квату. — Ведь Тасо мог съесть вас! Хорошо, что все кончилось благополучно.

Так братья убили Тасо и отомстили за смерть матери.

54. Крылатая жена

Однажды крылатые женщины, которые жили на небе и летали как птицы, захотели искупаться и спустились на землю. Они оставили крылья на берегу и вошли в воду. Все это видел Квату, который как раз шел мимо. Он схватил одну пару крыльев и вернулся в деревню. Здесь он зарыл крылья у опор-

ного столба своего дома. Потом Квату вернулся на берег и стал подглядывать за купающимися женщинами.

Вот женщины кончили купаться и вышли на берег. Они подняли свои крылья и взлетели в небо. И только одна женщина не могла найти своих крыльев,— ведь Квату спрятал их. Женщина стала плакать, и тут Квату вышел из укрытия.

— О чем ты плачешь? — с притворным участием спросил он.

— Кто-то унес мои крылья,— ответила женщина.

Тогда Квату привел женщину к себе домой и сделал ее своей женой.

Вместе с матерью Квату женщина пошла работать в поле. И стоило ей прикоснуться к листу батата, как все бататы оказывались выкопанными. А когда она протягивала руку к бананам, все бананы тут же созревали.

Мать Квату увидела это и стала бранить женщину. Тогда жена Квату вернулась в деревню. Она села возле опорного столба дома Квату и стала плакать. Ее слезы капали на землю и постепенно сделали глубокую дыру в земле. И тут женщина увидела свои крылья — ведь Квату зарыл их как раз в этом месте. Она разгребла руками землю, вытащила свои крылья и улетела в небо.

Квату в это время был на охоте — он стрелял птиц. Когда он вернулся домой и увидел, что жена его исчезла, он стал ругать мать. А потом он заколол всех своих свиней и сделал себе длинные-предлинные стрелы. Для этого Квату скрепил по нескольку стрел одну за другой. Потом он поднялся на крышу дома и пустил одну из своих длинных стрел в небо. Когда он убедился, что стрела не упала на землю, а попала в небо, он пустил вторую стрелу и попал в первую.

Квату стрелял очень долго, и вот уже последняя стрела дотянулась до земли. И тут корень смоковницы⁴ обвил цепочку из стрел и дотянулся до самого неба.

Квату взял корзину, полную свиного мяса, и отправился на небо, к своей жене. Там он нашел жену, а потом увидел человека с копалкой⁵ и сказал ему:

— Если увидишь корень смоковницы, не трогай его.

Квату забрал жену и по корню стал спускаться с нею на землю. Они еще не достигли земли, когда тот человек вдруг отрубил корень. Квату упал и разбился насмерть, а его жена улетела обратно на небо.

55. Женщина и угорь

Однажды вечером женщина пошла замочить листья пандануса, чтобы потом сплести из них циновки⁶. Она положила их в воду и ушла домой. Утром она вернулась, чтобы вынуть листья, смотрит — они превратились в угря⁷. Тогда она возвратилась в деревню и рассказала мужчинам — членам союза Сукве⁸ — о том, что случилось. Мужчины побежали к реке, и только один из них остался в гамале, — он был хромой и не мог бежать со всеми. Угря связали веревкой и поволокли в деревню. Когда мужчины тащили угря, он обвился хвостом вокруг кротона, что рос возле гамала. Но они продолжали тянуть угря, и кротон чуть не сломался. Тогда угорь отпустил дерево.

Мужчины приволокли его к гамалу и бросили у входа, а сами побежали за хворостом и банановыми листьями, чтобы испечь угря. Хромой, лежавший в гамале, видел все это, и угорь сказал ему:

— Когда они будут есть меня, ты не ешь.

Вернувшись, мужчины положили угря в очаг, а когда мясо испеклось, каждый взял по куску. Их вождь сказал: «Приготовьтесь», — и все приготовились.

«А теперь давайте есть», — снова сказал он, и все сразу принялись за еду. Только хромой не стал есть. Но когда мужчины откусили по куску, ноги каждого из них вдруг превратились в хвост угря. Они откусили еще раз, и их туловища стали как у угрей. А с третьим куском они полностью превратились в угрей. Их вождь первым выскользнул из гамала и скрылся под водой, а за ним последовали все остальные.

56. Рассказ о Дейтари

Как-то раз Тари работал в поле и чем-то порезался. Потекла кровь, и он собрал ее в бамбуковую чашку, а потом вернулся домой и поставил чашку возле очага. Там она и осталась стоять. Прошло много времени, и однажды, собираясь в поле, Тари велел жене приготовить еду. Женщина вышла из дому, чтобы принести немного плодов, а когда верну-

лась, пища была уже готова! С тех пор так бывало часто, и женщина не могла понять, кто же готовит вместо нее. Она рассказала обо всем мужу, и он велел ей спрятаться и подсмотреть, кто это делает.

Женщина притаилась за боковой стеной дома и увидела мальчика. Это был Дейтари⁹. Он осторожно вылез из бамбуковой чашки, про которую Тари уже успел забыть. Дейтари был очень красив, и женщина решила спрятать его. Но вот вернулся с поля Тари и спросил жену:

— Ну как, заметила ты кого-нибудь?

Тогда она сказала:

— Что это такое ты поставил возле очага?

— Я ничего там не ставил.

— А что же было в бамбуковой чашке? — спросила она.

— Моя кровь, — вспомнил он.

— Из этой чашки вылез мальчик.

Тут женщина показала мужу Дейтари, и он очень обрадовался. С тех пор они жили вместе.

Однажды Дейтари с другими мальчиками из деревни пошел купаться. А в это время один мужчина по имени Таепупулити обернулся рыбой и проглотил Дейтари, а потом уплыл в другие края. Тари разослал на поиски Дейтари по одной рыбе от каждой породы рыб и по одной птице от каждой породы птиц. И одна маленькая тоненькая рыбка помогла ему найти мальчика — он был спрятан в дальнем конце дома Таепупулити.

Тари пошел к Таепупулити и стал пить с ним каву¹⁰. Но Тари не выпивал каву, а только брал в рот и потихоньку выплевывал ее, и поэтому кава на него не подействовала. Зато Таепупулити так напился, что Тари сумел незаметно забрать у него своего мальчика.

57. Бази и Доваовари

Девочка Бази была из Дама, а ее мать — змея — жила там же в пещере. Юноша Доваовари жил в Танорики.

Однажды Бази и еще одна девочка, вероятно ее сестра, пришли на отмель набрать морской воды. А в это время До-

ваовари решил искупаться и тоже спустился на отмель, только в другом месте.

Девочки стояли, оглядывая берег, и заметили юношу. Он купался и мыл свои волосы, пока они не стали совсем белыми¹¹. Девочки решили посмотреть, кто это купается. Они подошли и увидели Доваовари.

— Что вы ищете? — спросил он.

— Мы стояли и смотрели вокруг. Увидели тебя и пришли, — отвечали они.

Тут Бази сказала сестре:

— Иди домой и скажи матери, что я выхожу замуж за Доваовари.

Напрасно Доваовари убеждал ее не делать этого, говоря, что он беден и у него нет ни денег, ни имущества, ни поля¹².

Она не слушала юношу и во что бы то ни стало хотела идти с ним.

Тогда он сказал:

— Хорошо, мы пойдем вместе.

Бази уговорила Доваовари взять ее в жены, и они поженились.

Бази часто ходила к своей матери далеко в Дама, и Доваовари, обеспокоенный этим, предложил ей:

— Пойди и скажи матери, чтобы она переезжала в Танорики. Будем жить вместе.

Но Бази ответила:

— Мать не может жить с нами.

И все-таки Бази пошла к матери и упросила ее переехать.

Больше всего мать-змею пугало, что она не поместится в доме, если он не будет достаточно большим. Пораздумав, она сказала Бази:

— Скажи моему зятю, чтобы он построил мне дом из десяти комнат.

Доваовари не знал правды и, услышав о доме из десяти комнат, удивился и подумал: «Зачем же это?»

Когда дом был готов, Бази сказала об этом матери.

— Я приду ночью, — ответила змея. — Если мой зять услышит шум, пусть не пугается.

Среди ночи Бази с Доваовари услышали гром и очень сильный грохот, как будто наступил конец света¹³. Змея подползла к своему новому жилищу и просунула хвост в самую

дальнюю комнату. Свернувшись кольцами, она заполнила все десять комнат, а голову положила снаружи у самой двери.

Утром люди пришли посмотреть на мать Бази и увидели, что это змея с головой женщины.

Бази и Доваовари часто уходили из дому и всякий раз, возвращаясь, Бази убегала от мужа к матери и подолгу засиживалась у нее.

Но мужу не нравилось это. Кроме того, змея пожирала свиней и домашнюю птицу, разгуливавшую возле двери. Поэтому однажды он сказал своим приятелям:

— Сегодня мы с женой уйдем на праздник в дальнюю деревню. А вы в это время подожгите дом, чтобы змея сгорела.

Но змея знала, что этой ночью люди придут поджигать дом. Она позвала Бази и сказала ей:

— Если во время праздника увидишь искры, беги скорее сюда.

Когда Бази танцевала на празднике, она действительно увидела летящие искры и быстро побежала домой. Она бросилась в горящий дом и сгорела вместе с матерью. Но еще долго дух Бази и ее матери витал в тех местах.

ОСТРОВ АОБА

58. Как коротышка Тагаро нашел рыбу

Однажды Тагаро спустил на воду лодку и поплыл искать рыбу. В море он увидел большую скалу. Тогда он перестал грести и поплыл тихо-тихо, чтобы посмотреть, водится ли у скалы рыба. И вот Тагаро увидел, что из-под его лодки выплывает множество рыбы. У Тагаро с собой была еда, и он стал бросать ее рыбам. Тут он заметил, что им уже знакома пища людей.

Тогда он сказал:

— Сейчас я поплыву назад, а послезавтра привезу вам локо¹⁴ с кокосовым соусом.

Затем он вернулся в деревню и пробыл день дома. А когда настал следующий день, Тагаро взял локо, приправил его соусом из кокосовых орехов и сел в лодку. Он приплыл к той скале и запел:

— Рыбки мои, рыбки, где вы, мои красивые рыбки? Вот ваша еда с кокосовым соусом, рыбки мои.

Эту песню Тагаро подслушал другой человек, по имени Мера-мбуто. Он стоял на отмели и слышал, как Тагаро звал рыбу. Ночью Мера-мбуто тайком приготовил еду для рыб и, лишь только рассвело, в лодке Тагаро поплыл к скале.

— Рыбки мои, рыбки, где вы? — запел он песню Тагаро.

Но голос у Мера-мбуто был громкий и грубый. Рыбы поняли, что это не Тагаро, и не выплыли к нему.

Тогда Мера-мбуто изменил свой голос. Он запел тихо-тихо, как Тагаро:

— Рыбки мои, рыбки, где вы? — и рыбы доверчиво приплыли к нему. Тут Мера-мбуто принялся ловить их на крючок и выловил всех до единой. Потом он торопливо поплыл назад к берегу и вернулся в свою деревню. Он разжег огонь в очаге и принялся жарить рыбу.

Но вот наступил ясный день, и Тагаро поплыл к своей скале. Рыбы не откликнулись на его песню, и он понял, что их всех выловил Мера-мбуто. Тагаро быстро вернулся на берег и стал искать следы Мера-мбуто. Он хотел узнать, какой дорогой тот шел. Вот он заметил следы вора и пошел по ним, пока не пришел к хижине Мера-мбуто. Он вошел туда как ни в чем не бывало и уселся рядом с Мера-мбуто. Потом он спросил:

— Что это жарится у тебя в очаге? Мне хочется есть.

— Это моя еда. Только она не вкусная, тебе не понравится, — ответил Мера-мбуто.

— Вот удивительно! Неужели твоя еда такая плохая? Но ведь это же моя рыба — ты выловил ее возле скалы.

Тагаро ударил Мера-мбуто и убил его. Потом он поджег его хижину, и она сгорела. Рыб же он вынул из очага и бросил в пруд с соленой водой. Там рыбы ожили, только одна сторона у них — та, которая прикасалась к раскаленным камням, осталась мертвой. Этих рыб называют полурыбы Тагаро или морские языки,

59. О Мера-мбуто и Тагаро

Мера-мбуто приготовил себе еду, а потом пригласил Тагаро, чтобы поесть вместе с ним. Тагаро пришел к нему, но еда Мера-мбуто ему совсем не понравилась; он не мог ее есть и тайком спрятал, а потом вышел из дома и выбросил. Затем он вернулся к Мера-мбуто.

Вскоре после этого Тагаро пригласил Мера-мбуто к себе.

Мера-мбуто пришел, и они вдвоем стали есть. Еда была вкусной и очень понравилась Мера-мбуто — сам он не умел так готовить.

«Что это за пища?» — подумал Мера-мбуто и спросил об этом Тагаро.

— Я зарезал свою свинью, — ответил Тагаро.

Тогда Мера-мбуто тоже зарезал свинью, и они вместе съели ее.

После этого Тагаро снова пригласил Мера-мбуто к себе. И Мера-мбуто опять стал спрашивать:

— Что это мы едим?

Тагаро надоели расспросы Мера-мбуто, и он обманул его, сказав:

— Это моя мать. Я изжарил ее в очаге.

Мера-мбуто отправился домой и изжарил свою мать.

Вскоре после этого Тагаро попросил Мера-мбуто:

— Разожги у меня огонь.

Мера-мбуто очень крепко привязал снаружи дверь¹⁵ дома Тагаро, так что тот не мог выйти, и поджег дом.

Тагаро стал кричать.

— Не кричи, — сказал ему Мера-мбуто. — Ты первый обманул меня, и теперь ты умрешь.

Мера-мбуто думал, что Тагаро сгорит, а тот вырыл яму в полу и укрылся там от огня.

Утром, думая, что Тагаро мертв, Мера-мбуто пришел взглянуть на него и увидел, что Тагаро жив! Он уже давно поджидал Мера-мбуто.

— Это ты? — воскликнул Мера-мбуто.

— Я, — ответил Тагаро.

— Ну что ж, теперь моя очередь, — сказал Мера-мбуто. — Ночью ты подожжешь мой дом.

Тагаро поджег дом Мера-мбуто, и тот сгорел.

60. *Рассказ о коротышке Тагаро и его раковине*

Рассказывают, что однажды Тагаро пошел в Вагинбангга заплатить за свинью. Когда он возвращался лесом, зашло солнце. Тагаро очень рассердился, потому что ему нечего было есть.

Возле тропинки, по которой он шел, росло одно-единственное дерево. Это была гавига¹⁶ — со множеством ветвей, усыпанных спелыми плодами. Тагаро залез на дерево, чтобы поесть и поспать там немного. Он наелся и взобрался повыше — устроиться на ночлег. Среди ночи Тагаро сквозь сон услышал голоса внизу, возле самого дерева. «Наверное, братья ищут меня», — подумал он. Но это было не так. Под деревом стоял Мера-мбуто со своими братьями. И вот они уже сами полезли на гавигу.

Тагаро сидел очень тихо, чтобы они не заметили его, и услышал, как один из них сказал:

— Эта ветка моя.

— А эта — моя! — воскликнул другой.

И так говорил каждый из них. А потом Тагаро услышал голос Мера-мбуто:

— Моя ветка на вершине, — и Мера-мбуто полез прямо на вершину. Тут он заметил Тагаро.

— Кто ты? — спросил Мера-мбуто.

— Я коротышка Тагаро.

— Мы живем в пещере возле дерева, — сказали Мера-мбуто и его братья. А потом Мера-мбуто снова спросил:

— А что это у тебя в руке?

В руке Тагаро держал раковину, в которую дул¹⁷, когда шел по тропинке.

— Это голос — твой и мой, — ответил Тагаро.

Мера-мбуто очень захотелось услышать голос раковины, но он побаивался и поэтому предложил Тагаро:

— Подожди немного. Я сейчас залезу в свою пещеру и свистну тебе оттуда. Тогда ты будешь говорить в раковину за двоих, чтобы я мог послушать наши голоса, — и Мера-мбуто стал спускаться с дерева.

— Нам тоже идти с тобой? — спросили его братья.

— Нет, я только сбегаю за нуждой и сразу вернусь, — обманул он братьев.

Спрятавшись в пещере, Мера-мбуто свистнул, чтобы Тагаро услышал сигнал. И Тагаро изо всей силы стал дуть в раковину. От этого мощного звука все братья Мера-мбуто свалились с дерева. А Мера-мбуто, укрывшись в своей пещере, тоже слушал голос раковины и прыгал от восторга. И тут он сильно ударился головой о камень, свисавший с потолка пещеры¹⁸, и умер. А его братья, свалившись с дерева, разбились и тоже умерли. И на том месте потом выросли кусты. А коротышка Тагаро, когда рассвело, вернулся домой.

61. Как старуха сделала море

Люди не знали имени этой старой женщины. С ней в доме жили двое мальчиков, но никто не знал, как звали их отца и мать. Говорили, что мать этих мальчиков была дочерью старухи.

Дом старухи окружала тростниковая изгородь, а позади дома был отгорожен еще небольшой участок земли, где старуха могла оставаться совсем одна,— мальчикам туда ходить не разрешалось. На этом участке позади дома старая женщина бережно хранила огромный лист таро. Дети говорили, что из этого листа она всегда достает воду, но строго следит, чтобы они не видели, как это делается.

Однажды старуха собралась в поле, чтобы принести немного пищи для них троих.

— Не ходите за дом! — предупредила она детей, и они ответили:

— Хорошо, не пойдем.

Старуха вышла из дома и пошла в поле, а братья, играя, стреляли ящериц из своих луков.

Немного погодя один из мальчиков сказал:

— Хорошо бы пойти туда, куда старуха запрещает нам ходить, посмотреть, что там такое.

— Пойдем,— согласился его брат.

Они пошли за дом и увидели там большой лист таро. На листе они заметили ящерицу, и один из них пустил стрелу, но промахнулся и попал в лист. Вода, что хранилась в нем, тут же прорвалась наружу. Старуха услышала это и поняла, что дети продырявили лист.

Она поднялась и громко крикнула:

— Разливайся вокруг земли! Разливайся шире!

Вот тогда-то море впервые окружило землю, а до тех пор моря не было.

Так старуха сделала море.

62. Акула и змея

Однажды акула и змея поссорились. Акула решила съесть змею и велела ей погрузиться в море.

Но змея ответила:

— Лучше я сама съем кусок твоего мяса, когда люди убьют тебя.

С тех пор, когда убивают акулу, змея всегда приползает к морю и пожирает акулье мясо.

63. Курица и цыплята

У одной курицы было десять цыплят. Однажды они бродили в поисках корма и случайно наткнулись на клубень батата. Тут клубень приподнялся и съел одного цыпленка. Курица позвала на помощь коршуна, и он сказал ей:

— Спрячь цыплят мне под крылья.

Потом коршун подошел к клубню и остановился.

— А где же цыплята? — спросил клубень.

— Не знаю, — ответил коршун.

Клубень стал бранить коршуна, а тот ринулся на него и выдернул из земли.

Держа клубень в клюве, коршун взмыл в небо и оттуда бросил его на землю. Здесь клубень подхватил другой коршун и тоже взлетел с ним в небо, а потом бросил его вниз. Клубень упал и разломился на две части, и коршуны поделили его между собой.

С тех пор среди клубней батата попадаются и плохие и хорошие. Хороший клубень называют иггереманггеггени.

64. Отражение в воде

Как-то женщина пошла в лес за питьевой водой¹⁹. Там на дне источника она вдруг увидела вкусный красный плод. Ей очень захотелось достать его. Но каждый раз, когда она пыталась его вытащить, он тонул и исчезал, и появлялся снова, как только женщина вытаскивала руки из воды. Тогда она решила сделать по-другому. Она стала горстями вычерпывать воду. Плод все время был виден в воде, но когда воды на дне не осталось, исчез и плод. Женщина была очень огорчена и уже хотела вернуться домой, как вдруг откуда-то сверху услышала:

— Что ты ищешь меня где-то внизу? Вот я!

Она подняла голову и с удивлением увидела на ветке лакомый плод. То, что она заметила раньше, было его отражением в источнике.

65. Змея

Однажды две женщины спускались с гор к морю за морской водой. Вдруг около воды они увидели маленькую змею, свернувшуюся кольцом.

— Мне жалко ее, давай возьмем ее к себе,— сказала одна из женщин.

Они взяли ее с собой и вернулись домой в горы. Дома они посадили маленькую змею в кокосовую скорлупу. Женщины заботились о ней. Змея росла, и кокосовая скорлупа скоро раскололась. Тогда женщины посадили ее в круглую корзину. Но змея росла все больше и больше и наконец разорвала и корзину. Женщины посадили змею в корзину, в каких носят свиней. Но они кормили ее так, что змея стала еще больше и порвала и эту корзину.

Женщины сказали одна другой:

— Она рвет наши корзины, пойдем принесем доски и построим ей загон.

Они пустили змею в загон, но та все росла и росла, и загон вскоре треснул. Когда она его совсем расшатала, женщины уже не знали, что делать, и им стало страшно. И неспроста: скоро змея съела их обеих. После этого она устроилась в таком месте, откуда можно было видеть и море и дорогу.

Когда мимо кто-нибудь проходил, она его съедала. Так постепенно она съела всех людей. Осталось только десять человек, но они жили далеко отсюда.

Змея послала туда лодку и сказала:

— Пришлите мне вождя, я его съем.

Когда дочь вождя узнала об этом, она заявила:

— Я поеду туда, пусть она меня съест. А вы оставайтесь здесь, защищайте страну.

Отец преподнес ей дорогие подарки: прекрасный пояс, браслеты из кабаньих клыков, ножные браслеты из раковины²⁰, душистое масло²¹ — и отпустил ее.

Долго шла она, и наконец встретился ей на пути человек. Он стоял со своей женой перед хижинкой. На огне варилась еда, но еще не была готова, и горшки были закрыты листьями.

Они спросили:

— Откуда ты? Куда ты идешь?

— Я иду к змее вместо отца, я хочу, чтобы он остался жив.

— Только не ходи сейчас, отдохни немного, поешь с нами, а потом пойдешь.

Когда они поели, мужчина взял пояс жены и протянул его девушке. Она надела его. Он подарил ей и другие украшения жены, а девушка отдала ей свои.

— Ну, а теперь иди, посмотрим, съест ли она тебя, — сказал мужчина.

Девушка пошла дальше. А он послал вслед за ней собаку. Когда девушка пришла к змее, та открыла пасть и поползла к ней.

— Ну что ж, ешь меня! — сказала девушка.

Змея хотела ее проглотить, но собака тотчас подбежала к змее сзади, лягнула зубами и оторвала ей хвост. Змея свернулась кольцом, дрожь пробежала по ее телу, и она подохла.

Девушка была спасена и вернулась к отцу.

Об этой истории узнал один человек. Он отправился к отцу девушки и сказал:

— Твоя дочь спасена. Мне было жаль ее, и я послал вслед за ней собаку, чтобы она разорвала змею и освободила твою дочь. Теперь ты исполни мою просьбу: пусть она будет моей женой.

— Ты прав, она должна быть твоей женой, и вы оба будете жить здесь, в моем доме,— ответил отец. Он уступил им свой дом, а сам поселился рядом.

Человек, который действительно спас девушку, послав ей вслед собаку, тоже пришел сюда вместе со своей женой.

— Кто этот человек, которому ты отдал дочь? — спросил он у отца девушки.

— Он рассказал, что его собака разорвала змею и спасла мою дочь.

— Это неправда, он лжет. Это я и моя жена, которая стоит там, послали собаку, и та разорвала змею. Подожди, ты сейчас сам убедишься. Позови-ка этого человека.

Вождь позвал его, и настоящий спаситель девушки сказал:

— Позови свою собаку и прикажи ей, чтобы она села вон на то место,— и добавил:— А теперь, пусть она отрыгнет змею.

Лжец приказал собаке. Но она ничего не отрыгнула, так как не ела змеи.

Тогда человек, спасший девушку, приказал своей собаке отрыгнуть змею. Собака отрыгнула кусок змеи.

— Ну, суди сам! — сказал он вождю.

Вождь рассердился и сказал лжецу:

— Ты обманул меня, оставь нас, моя дочь тебе больше не жена!

Лжец ушел. Отец отдал дочь тому, кто ее спас. И с тех пор все они зажили вместе.

Острова Банке

ОСТРОВ МОТА

66. Кват

Отца у Квата²² не было. Его мать звали Кватгоро или Иро Ул. Она была камнем на дороге. Камень раскололся, и из него вышел Кват. Он был уже большой и умел говорить.

— Как меня зовут? — спросил он у матери. — Если у меня есть отец или дядя, твой брат, пусть он даст мне имя.

Он сам дал себе имя — Кват.

У Квата были братья. Они тоже родились из камня. Первый брат — это Тангаро Гилагила, Тангаро Мудрый. Он знал все и мог учить других. Второй брат — это Тангаро Лолоконг, Тангаро Глупый. Он не знал ничего и делал одни лишь глупости. Остальных братьев звали Тангаро Сириа, Тангаро Нолас, Тангаро Нокалато, Тангаро Ноав, Тангаро Нопатау, Тангаро Номатиг, Тангаро Новунуэ, Тангаро Новлог²³. Было одиннадцать братьев, все Тангаро, а двенадцатым был Кват.

Кват начал создавать людей, свиней, деревья, скалы и все, что ему вздумается. Он создал все вещи, но не знал, как сделать ночь. Тогда еще не было ночи и все время было светло.

Братья сказали Квату.

— Послушай, не очень-то приятно, что все время день. Не можешь ли ты сотворить для нас что-нибудь еще?

Кват стал узнавать, что можно сделать с дневным светом, и услышал, что на острове Вава²⁴ бывает ночь. Тогда Кват взял свинью, связал ее, положил в лодку и отплыл на остров Вава.

Там жил некий И Конг, и Кват купил у него ночь.

Рассказывают еще, что Кват подплыл к подножию неба и купил там темноту. И ночь научила его, как засыпать вечером, а утром делать рассвет.

Кват вернулся к своим братьям. Теперь он знал, что такое ночь.

И у него был петух и другие птицы, для того, чтобы узнавать, когда наступает время рассвета.

Кват велел братьям приготовить место для сна, и они настлали в доме листьев кокосовой пальмы. И вот братья впервые увидели, как солнце двинулось и стало склоняться к западу.

— Оно уползает! — вскричали братья.

— Оно скроется, — сказал Кват, — и вы увидите, как все на земле изменит вид, и это будет ночь.

И Кват пустил ночь.

Братья закричали:

— Что это выходит из моря и покрывает небо?

— Это ночь, — ответил Кват. — Войдите в дом и сядьте, а когда вы почувствуете, что у вас глаза слипаются, лягте и спокойно лежите.

Стало темно, и глаза у братьев начали слипаться.

— Кват! Кват! — закричали братья. — Что это? Мы умираем?

— Это сон, — сказал Кват. — Закрывайте глаза и спите.

Но вот прошло время ночи, и петух закукарекал, а другие птицы защебетали. Кват взял кусок красного обсидиана²⁵ и разрезал ночь. И свет, который был покрыт темнотой, снова ярко засиял. Братья проснулись.

А Кват продолжал создавать разные вещи.

67. Кват и Квасавара

На том же острове²⁶, что и Кват, жил Квасавара. Это был вуи²⁷, могучий воин и людоед.

Однажды Квасавара пригласил Квата и его братьев к себе в деревню. Он хотел убить их и съесть. Вечером Квасавара послал гостей спать в гамал. Братья знали, что Квасавара собирается их убить, и очень боялись. Наступила ночь, и они захотели спать. Кват костяшками пальцев разломал одно из стропил. Братья влезли внутрь балки, легли там и заснули.

В полночь люди Квасавары схватили луки и палицы и бросились в гамал. Но на спальных местах гостей не оказалось, и люди Квасавары ушли ни с чем.

Перед рассветом прокричал петух. Кват разбудил братьев и велел им вылезти из балки, чтобы никто не узнал, где они спали. Утром Квасавара и его люди снова пришли в гамал и видят: гости сидят и разговаривают. Люди Квасавары спросили:

— Где же вы спали?

— Где вы нам велели, там мы и спали,— отвечали гости. Только Тангаро Глупый, один из братьев Квата, сказал:

— Мы спали вон в той балке.

Остальные братья были очень недовольны тем, что он проболтался.

Квасавара сговорился со своими людьми убить гостей в балке. Но в этот вечер Кват разломал один из боковых столбов и вместе с братьями лег спать в нем. Ночью люди Квасавары ворвались в дом и стали рубить ту балку, где гости спали в прошлый раз, только никого в ней не оказалось. Люди Квасавары опять ушли ни с чем. Утром они снова пришли в гамал и увидели, что Кват и его братья целы и невредимы.

— Где же вы спали? — спросили их люди Квасавары.

— Там, где вы нам велели,— отвечали гости. Но и на этот раз Тангаро Глупый сказал:

— Мы спали вон в том столбе.

Братья еще больше рассердились на него. А Квасавара договорился со своими людьми убить гостей в столбе. Но вечером Кват разломал не этот столб, а другой, и опять Квасавара и его люди не смогли убить братьев. Утром Кват и все остальные вылезли из столба и предупредили Тангаро Глупого, чтобы он не говорил, где они спали. Но когда люди Квасавары пришли, глупец снова проболтался.

А Квасавара решил расправиться с гостями иначе и убить их во время пира. Кват знал это и придумал, как спастись.

Он посадил казуарину, а братьям сказал:

— Когда еда будет готова, начинайте мыть руки соленой водой и мойте до тех пор, пока вода не кончится. Люди Квасавары увидят, что воды нет, и попросят кого-нибудь сходить за ней. Вызывайтесь вы, берите посуду и уходите по двое. А когда отойдете, бросайте сосуды и лезьте на ту казуарину, что я посадил.

Братья сделали так, как велел им Кват. Люди Квасавары увидели, что бамбуки²⁸ пусты, и сказали:

— Соленой воды нет! Кто сходит за ней?

— Давайте мы сходим! — вызвались двое братьев. Они отошли, разбили сосуды и влезли на казуарину. Люди Квасавары долго их ждали, а потом попросили принести воду еще кого-нибудь. Пошли другие два брата и тоже не вернулись. Так все они ушли по двое, и у костра с Квасаварой и его людьми остался один Кват.

Раскрыли печь²⁹. Кват сидел рядом и держал в руках несколько мешочков, чтобы забрать доли своих братьев. Когда еду стали вынимать из печи, Квасавара попытался ударить Квата палицей, но промахнулся. Кват перескочил к другой стороне печи, схватил одну долю еды и воскликнул:

— Это моему брату! И он положил еду в один мешочек.

Квасавара бросился за Кватом, ударил палицей, но опять мимо. А Кват снова перепрыгнул через печь, схватил вторую долю еды и крикнул:

— Это другому брату!

Так и гонялся Квасавара за Кватом, пока тот не забрал всю еду и не сложил ее в мешочки. Затем Кват бросился бежать, а Квасавара — за ним. На бегу Квасавара пытался ударить Квата палицей и снова промахнулся. Кват добежал до своего дерева и стал взбираться на него. Квасавара полез вслед за Кватом. Братья уже сидели на самой макушке казуарины. Дальше лезть было некуда. Квасавара почти настиг беглецов и хотел уже достать их своей палицей, но тут Кват воскликнул:

— Расти, моя казуарина!

Ствол дерева удлинился, и Квасавара оказался намного ниже Квата и его братьев. Но он продолжал лезть вверх и снова чуть не достиг вершины. Кват опять крикнул:

— Расти, моя казуарина!

Ствол вытянулся еще, и Квасавара оказался далеко внизу. А дерево выросло до самого неба. Тогда Кват воскликнул:

— Согнись, моя казуарина!

Дерево согнулось, и его вершина опустилась в Татган — ту деревню, где жил Кват. И беглецы сошли на землю — сначала братья, а потом Кват.

Но макушку дерева Кват не отпустил, а крепко ее держал, так что казуарина оставалась согнутой. Когда же Квасавара добрался до макушки дерева, Кват сказал:

— Теперь я тебе отомщу!

— Ох, Кват! — воскликнул Квасавара. — Сжался надо

мной, возьми меня себе в услужение, я буду работать на тебя!

— Нет,— ответил Кват,— я отомщу за все зло, которое ты мне сделал.

И Кват отпустил макушку казуарины. Дерево распрямилось и отбросило Квасавару. Он ударился головой о небо, а потом упал на землю плашмя, лицом вниз и превратился в камень³⁰.

Теперь это жертвенный камень. Тот, кто хочет быть храбрым и могучим в бою, совершает на нем жертвоприношения. Ведь этот камень — Квасавара.

68. Кват и Марав

У Квата была жена по имени Ро Леи, а у его братьев жен не было. Они очень завидовали Квату — ведь он обладал прекрасной женой и замечательной лодкой. И они все время думали, как бы захватить у него и то и другое.

Как-то раз Кват предложил братьям выдолбить себе лодки³¹. Братья выбрали деревья разной породы и начали работать. А сам Кват свалил большое дерево и втайне от братьев тоже принялся делать лодку. Он трудился каждый день, но дело не двигалось. Утром, когда Кват приходил в лес, оказывалось, что срубленное им дерево стоит на месте и что оно снова совсем целое.

Однажды вечером Кват кончил работать и решил устроить засаду. Он отнес в сторону одну щепку и, сделавшись маленьким, спрятался под ней. Вскоре Кват увидел, как из-под земли вылез маленький старичок с длинными белыми волосами и начал приставлять к срубленному дереву щепки, каждую на свое место. И вот ствол дерева стал уже почти целым, на нем оставалась лишь одна щербина — на месте той щепки, под которой спрятался Кват. Старичок начал искать эту щепку, а Кват ждал. Наконец старичок заметил щепку, но едва он собрался взять ее, как из-под щепки выскочил Кват и поднял свой раковинный топор³². Тогда старичок — а это был Марав-паук — воскликнул:

— Друг, не убивай меня! Я сделаю тебе лодку!

И он принялся за работу и вскоре с помощью ногтей сделал лодку.

Когда же и у братьев лодки были готовы, Кват велел спускать их на воду. Но когда лодки братьев оказались на воде, Кват поднял руку и все лодки затонули. А Кват и Марава выплыли на своей лодке. Братья очень удивились — они и не знали, что Кват тоже делает лодку. Посмеявшись над братьями, Кват поправил их лодки.

Братья еще много раз пытались погубить Квата и завладеть его женой и лодкой.

Однажды они позвали его охотиться на земляного краба³³. Перед этим они подрыли тяжелый камень, закрывавший нору, так, чтобы можно было придавить им Квата. И вот Кват залез в нору и стал рыть землю, чтобы добыть краба. А братья стали сверху на камень, и он провалился. Полагая, что Квата раздавило, братья побежали, чтобы схватить Ро Леи и лодку. Но Кват позвал своего друга Мараву:

— Марава! Перенеси меня к Ро Леи!

И когда братья добежали до деревни, они с изумлением увидели, что Кват сидит рядом с женой.

В другой раз они подрубили ветку каштана³⁴ и подговорили Квата залезть на нее. Ветка сломалась, и Кват упал, но Марава снова спас его. И когда братья прибежали к Ро Леи, Кват уже лежал у нее на коленях.

Кват и сам всегда был готов подшутить над братьями, только он не делал им зла.

Как-то лунной ночью он подговорил братьев пойти охотиться на летучих лисиц³⁵. Братья пошли на охоту, а Кват со всех сторон привязал к себе доски, взлетел на панданус и повис так, как висят летучие лисицы. Один из братьев выстрелил в него и попал. Кват сплюнул кровью на землю. Думая, что лисица ранена, братья полезли на дерево, а Кват слетел с ветки. Братья спустились на землю, а Кват снова повис. Так он делал, пока в него не выстрелили все братья. Тогда Кват полетел домой, вытащил из досок стрелы и развесил их в гамале. Когда же братья вернулись, Кват спросил их:

— Ну, как вы охотились?

— Мы стреляли в необыкновенную летучую лисицу и ранили ее,— отвечали братья.

Тогда Кват показал им стрелы и сказал:

— Вот ваши стрелы,

Иногда Кват устраивал свои проделки вместе с Ро Леи.

Однажды Кват и его братья плыли на лодках и на вершине скалы увидели какую-то женщину. Каждому из них она предложила подплыть поближе и взять у нее еды. Один за другим братья подплывали к ней, но, увидев перед собой старуху, отказывались. Только Кват подплыл и посадил ее к себе в лодку. А это была Ро Леи, которой так помогали братья Квата! Только она изменила свою внешность.

И снова братья стали думать, как бы погубить Квата, и решили сделать это во время охоты на птиц. Братья приготовили себе места на деревьях, на которых растут мускатные орехи. Квату они отвели дерево, которое было дальше всех от деревни. Кват залез на него и стал готовить силки. В это время брат, который был неподалеку, соскочил со своего дерева, подбежал к дереву Квата и закричал:

— Дерево, дерево, разбухни!

И дерево начало раздуваться. Его ствол стал таким толстым, что Кват не мог обхватить его руками. Все ветви и сучья тоже стали очень толстыми. Кват не сразу заметил, что дерево разбухает,— он был занят своими силками. А братья бросились в деревню. Там они схватили Ро Леи, взяли лодку Квата и вместе с Ро Леи отплыли в море. Когда берег скрылся из вида, они протрубили в раковину, давая знать Квату, что они убежали.

Кват услышал звук раковины и понял, что произошло. Он хотел было погнаться за братьями, но не мог спуститься с заколдованного дерева. И тогда Кват заплакал. Марави-паук услышал плач своего друга, немедленно прибежал туда и спросил:

— Что случилось?

— Я не могу спуститься,— отвечал Кват,— мои братья заколдовали дерево.

— Я помогу тебе,— сказал Марави, у которого были длинные волосы. Он протянул один волос Квату, и тот спустился по нему на землю. Кват побежал в деревню, но не нашел ни жены, ни лодки.

Тогда Кват взял перо из петушиного хвоста, снизу мелких раковинных денег, красной земли³⁶ и раковинный топор.

— А где моя кисть бананов? — спросил он у матери.

— Братья оборвали все бананы, остались только самые мелкие на конце кисти,— ответила мать.

— Оборви их,— велел ей Кват. Затем он сложил все в пустую кокосовую скорлупу, сделался маленьким и сам залез туда же.

— Отсчитай три волны,— сказал он матери,— а когда придет четвертая, брось орех в море.

Мать сделала так, как он велел. Кват в скорлупе поплыл по морю и догнал лодку, в которой сидели его братья. Он поплыл перед лодкой и с помощью колдовства заставил ее следовать за собой.

Затем Кват съел один банан и бросил кожуру в море — туда, где должна была проплыть лодка. Братья увидели кожуру и заметили, что она точно такая, как у бананов, похищенных у Квата. Братья стали спрашивать друг друга, кто ел бананы. Когда оказалось, что никто не ел, Тангаро Мудрый сказал:

— Друзья, это ел Кват. Он бросает кожуру, давая нам знать, что он поблизости.

Но остальные не стали его слушать.

— Кват умер,— сказали они уверенно.

То же самое произошло, когда Кват бросил кожуру второй раз. А потом братья заметили и сам кокосовый орех, в котором плыл Кват. Один из них подобрал орех, думая, что он вполне хороший, но почувствовал, как он скверно пахнет, и выбросил в воду. То же случилось и со всеми другими братьями, за исключением Тангаро Мудрого, который не заметил кокосового ореха.

Потом Кват подплыл к острову Маэво и выбрался из скорлупы. Он покрасил волосы красной землей, обвязал голову низкой раковин, воткнул в волосы петушиное перо и забрался на панданус поджидать братьев, которые еще плыли в море.

Вскоре они прошли риф, приблизились к берегу и заметили, что на панданусе кто-то сидит.

— Кто это там сидит? — стали они спрашивать друг друга.

— Это Кват,— сказал Тангаро Мудрый. Но другие братья начали с ним спорить.

— Кват не мог попасть сюда,— говорили они,— он мертв.

— Нет, я не ошибаюсь, это Кват,— настаивал Тангаро Мудрый. Он лучше своих братьев знал и это и все остальное.

Наконец братья подвели лодку к берегу, но им не пришлось ее вытаскивать: Кват поднял морское дно, и лодка оказалась на высоком и сухом месте. Потом Кват спустился с пан-

дануса и стал рубить лодку топором. При этом он пел такую песню:

Рубись, рубись, лодка!
Чья это лодка?
Это лодка Маравы.
Мои братья подшутили надо мной,
Они скрутили веревочку,
Раздули дерево,
Натянули снасть ³⁷.
У меня была одна лодка,
Моя лодка ускользнула от меня.

И Кват на виду у братьев изрубил лодку в щепки. А после этого он подружился с братьями и зажил с ними в добром согласии.

69. Жена-тамате

В одной деревне жила женщина с сыном, и были они очень злые. Был голод, и женщина пошла накопать диких бататов ³⁸, чтобы поесть. Наполнив корзинку бататами, женщина отправилась обратно в деревню. По дороге она увидела в заброшенном саду гавигу со спелыми плодами. Женщина поставила корзинку на землю, взяла палку с загнутым концом и пригнула к земле ветви дерева. Она с жадностью набросилась на вкусные плоды, а семечки клала в корзинку. Потом она пошла домой, по дороге обламывая и бросая на тропинку маленькие веточки, чтобы заметить путь.

Вернувшись в деревню, женщина сказала сыну:

— Вынь все из корзинки.

Юноша стал доставать бататы и заметил семечки гавиги, про которые мать забыла.

— Что это ты ела, откуда эти семечки? — спросил он.

— Где?

— Да вот, — и юноша показал матери семечки гавиги.

— Я не знаю, как они здесь очутились. Наверное, кто-нибудь другой бросил их в корзинку.

— Нет, это ты что-то ела сегодня. Ведь семечки еще влажные.

И он так пристал к матери, что она не могла больше отпираться и рассказала ему обо всем.

— Когда ты пойдешь,— сказала она,— увидишь тропинку, на которой лежат маленькие веточки. Иди по этому пути и найдешь дерево с вкусными плодами.

Юноша запомнил наставления матери и вышел из дому. Солнце уже садилось, но он все-таки успел добраться до гавиги и залезть на нее. Когда он принялся за еду, было уже совсем темно. И тут юноша увидел, как кто-то подлетел к дереву и пристроился рядом с ним. Это был тамате³⁹.

— Как ты очутился здесь? — спросил он у юноши.

— Да уж не так, как ты,— пошутил юноша.— Это дерево заметила моя мать, когда копала здесь бататы. Потом она вернулась домой и рассказала мне про это дерево, и тогда я пришел сюда.

— Это была, конечно, моя сестра! — воскликнул тамате.— А ты — мой племянник. Давай я спрячу тебя, а то сейчас сюда прилетят другие тамате,— и тамате спрятал юношу в дупло гавиги.

Сидя в дупле, юноша услышал шум, как будто множество птиц хлопало крыльями.

— Что это? — спросил он.

— Это тамате, они прилетели сюда полакомиться плодами. Когда услышишь их голоса,— не пугайся и не трясись от страха. Я буду здесь, с тобой.

Юноша притаился в дупле, а его дядя-тамате сидел на верхушке дерева и смотрел по сторонам. Вот он увидел две большие ветви с плодами и сказал тамате, что сидел рядом:

— Сорви те две ветви для меня.

Плоды с одной ветви дядя съел сам, а другую сунул племяннику в дупло. И так он кормил его, пока не рассвело.

Наступило утро, и тамате собрались улетать. Дядя-тамате сказал одной девушке-тамате:

— Не спеши, полетим вместе.

— Хорошо,— согласилась та.

Но вот все тамате, кроме этих двоих, улетели, настал ясный день, и тогда дядя сказал племяннику:

— Теперь вылезай.

Юноша выбрался из дупла.

— Вот тебе жена,— сказал дядя и указал на девушку-тамате⁴⁰.

— А она согласится?

— Да,— ответил дядя.

Девушка действительно согласилась и пошла с юношей к нему в деревню.

Когда они вдвоем пришли в дом к юноше, его мать спросила:

— Откуда взялась эта женщина?

— Это моя жена. Ее дал мне дядя.

— Какой еще дядя?

— Твой брат, который давно умер.— И юноша рассказал матери, как все произошло:

— Когда я забрался на гавигу, стало уже темно. Тут я увидел, как ко мне подлетел тамате. Это и был мой дядя. Потом он спрятал меня от других тамате в дупле дерева.

Тогда мать сказала:

— Ну что ж, пусть она останется с тобой. Будем жить втроем.

Так девушка-тамате осталась жить в доме юноши.

Женщины собирали бататы, таро, тамаго⁴¹, гибиск, а мужчина получал очередной ранг в Сукве⁴² и должен был оставаться там пять дней.

Женщины считали дни, ожидая его возвращения, и на пятый день он вернулся домой и сказал жене:

— Ты с ребенком не подходи ко мне, а отправляйся в поле. Прополи там таро, а потом иди в другой конец поля. Таро там уже созрело. Набери его и возвращайся домой.

Женщина так и сделала. Закончив прополку, она посадила ребенка за спину и отправилась собирать таро. Но лишь только она наклонилась и протянула руку, чтобы вытащить таро, как клубень таро оказался у нее в руке.

Стоило ей подойти к гибиску, чтобы нарвать листьев, как охапка листьев оказывалась у нее в руках. А когда она собралась набрать сучьев для костра, вязанка хвороста тут же была готова.

Женщина с ребенком вернулась в деревню, разожгла очаг и все приготовила.

В это время вернулся ее муж.

— Где вы были? — спросил он.

— В поле.

— А кто вам дал таро? Я видел, что наши посадки совсем не тронуты.

— Нет,— возразила она.— Мы собрали таро на нашем поле.

— Ну что ж, может быть, я не разглядел как следует,— согласился он.

Потом женщины снова ждали пять дней,— в эти дни мужчина получал в Сукве ранг кворокворолава⁴³. А на пятый день он снова велел жене идти в поле. И она с ребенком пошла туда, где рос батат.

Женщина прополоча батат, а когда собралась накопать овощей для еды, все повторилось сначала. Собиралась ли она вытащить из земли батат или нарвать листьев гибиска или кокосовых орехов,— все тут же оказывалось у нее в руках.

Наступил вечер, и женщина с ребенком вернулась домой. Вскоре пришел ее муж и спросил:

— Что вы ели без меня?

— Мы собрали кокосовых орехов и листьев гибиска и накопали батата. А перед этим мы пололи батат.

— Неправда! — закричал муж. — Я был в поле и видел, что батат прополот, но я не заметил ни одного выкопанного куста. И все кокосовые орехи целы.

Но женщина настаивала:

— Нет, мы принесли все это с нашего поля.

— Наверное, вам дал все это кто-нибудь другой,— сказал муж.

— Да кто же станет заботиться о нас? Разве только татате.

Но муж продолжал приставать к жене:

— Отвечай, кто дал вам это?

— Да кто же может дать нам это? — удивлялась она.

— Нет, говори правду! — настаивал он.

Тогда женщина сказала:

— Ну что ж, раз ты сердишься на нас, можешь убедиться во всем сам. Смотри! — и женщина притронулась к таро, и все произошло так, как в прошлый раз. А потом она протянула руку к батату, и все повторилось снова.

Но муж ее упрямо твердил:

— Нет, не может быть. Кто-то дал тебе эту пищу.

И он схватил женщину и стал ее бить.

— Ты жительница неба, а не земли! — кричал он. — Тебе нечего здесь делать, возвращайся к себе домой!

— Хорошо,— ответила она. — Скоро я уйду к себе.

На следующий день муж снова избил жену и выгнал ее из дому.

Женщина подождала, пока муж ушел из дому, а потом сгребла в кучу банановые листья и разожгла большой костер.

Потом она сказала ребенку:

— Сиди здесь, а я буду по ту сторону костра,— и она перешла на другую сторону костра.

Дым от костра поднялся до самых облаков. Женщина вошла в дымовой столб и поднялась с ним на небо. А ее ребенок плакал по другую сторону костра⁴⁴.

70. Ганвивирис

Все, что здесь рассказывается про Ро Сом⁴⁵ и Ганвивириса, случилось не так давно. Ганвивириса видели еще дед моего отца и его друзья.

Ганвивирис был сиротой, родители его умерли, и он жил с братом матери. Дядя Ганвивириса совершенно не заботился о нем⁴⁶, и тот все еще оставался авлава⁴⁷ в союзе Сукве.

Ганвивирис проводил время без забот, и, когда его звали работать, он постоянно отказывался. Все уходило в глубь острова на свои поля, а Ганвивирис отправлялся на берег и ловил рыбу. Так повторялось изо дня в день.

Однажды, когда все ушли работать, Ганвивирис взял свой лук и спустился к Нгерену. Там с берега Ганвивирис заметил совсем близко от себя саума. Рыба медленно плыла, поворачиваясь из стороны в сторону. Ганвивирис достал стрелу с наконечником из казуарины и схватился за лук. Он натянул тетиву и тут услышал чей-то голос:

— Пусти стрелу, пусти стрелу!

Ганвивирис подумал, что это кричит человек. Он опустил лук и стал осматриваться, но никого не увидел.

Тогда он снова приготовился выстрелить и опять услышал тот же голос. Ганвивирис вновь оглянулся,— ведь он все еще думал, что это человек. Он смотрел по сторонам снова и снова, но никого не видел.

В третий раз Ганвивирис натянул тетиву и опять услышал:

— Пусти стрелу, пусти!

На этот раз он выстрелил и попал в саума.

Ганвивирис прыгнул в воду, схватил рыбу за хвост и крепко прижал к себе. Но рыба забилась у него в руках и потащила его за собой. Потом рыба метнулась в сторону и оказалась вместе с Ганвивирисом в какой-то пещере. Ганвивирис закричал от страха, но в это время рыба обернулась женщиной и сказала:

— Не кричи! Я — Ро Сом, а это мое жилище. Изю дня в день я следила за тобой, когда ты приходил ловить рыбу. А сейчас я хочу оказать тебе услугу. Возвращайся домой и скажи дяде: «Вели своим женам сплести для меня десять мешков». Потом попроси, чтобы тебе сделали отдельное жилище, и вывеси возле него все мешки. И не забудь, что сегодня ты не должен ничего есть.

Ганвивирис выбрался из пещеры, вернулся в деревню и сказал дяде:

— Пусть все три твои жены сплетут для меня десять мешков.

— Тому, кто ничего не сажал, нечего собирать. А денег⁴⁸ у тебя тоже нет. Так зачем же тебе мешки? — удивился дядя, но все-таки сказал своим женам:

— Сплетите десять мешков для Ганвивириса.

— Да стоит ли слушать его, авлава, у которого ничего нет! — откликнулись женщины.

Но муж велел им:

— Сплетите, потом узнаем, что все это значит и для чего ему мешки.

И женщины сплели мешки.

Ночью к Ганвивирису пришла Ро Сом и напомнила ему:

— Не забудь оставить мешки возле дома.

На следующий день Ганвивирис развесил мешки на стропилах. Поздно ночью он услышал скрип. Это скрипели стропила, гнущиеся под тяжестью мешков, наполненных деньгами. Ганвивирис поднялся и в темноте ощупал мешки — все они были полны доверху.

Тут к нему подошла Ро Сом и сказала:

— Попроси у дяди одну жену для себя.

Наутро Ганвивирис попросил у дяди жену, и тот дал ему одну из своих трех жен.

Ганвивирис захотел получить очередной ранг в союзе Сукве и предложил своему дяде:

— Давай приготовим дров на послезавтра, чтобы сделать угощение в Сукве⁴⁹.

— Да у тебя же нет ни имущества, ни денег, чтобы сделать первый взнос в Сукве.

Тут Ганвивирис решил испытать дядю и сказал:

— А ты дай мне свинью и немного денег для начала.

— Ну нет,— ответил дядя.— Почему это я должен тебе отдать часть своего имущества? Ты же лентяй и никогда не сможешь вернуть мне его.

Но племянник настаивал:

— Давай приготовим дрова на послезавтра, а потом пойдем и подыщем для меня подходящее поле таро.

На следующий день они отправились в глубь острова, и, увидев большое поле, племянник сказал:

— Воткни в землю палако⁵⁰, пусть все видят, что поле занято. Тогда его никто не захватит.

— Ты хочешь забрать себе очень много земли. Чем же ты заплатишь за такое большое поле? — удивился дядя.

— Придется тебе дать мне денег,— ответил юноша.

— Нет, нет, я ничего не дам! — воскликнул дядя.

Когда дядя с племянником вернулись в деревню, там уже прослышали о затее Ганвивириса. Люди смеялись над юношей и говорили, что ему не по зубам получить ранг в Сукве.

Но на следующий день дядя с племянником нарубили дров, чтобы готовить угощение в Сукве, и Ганвивирис купил поле таро. Он заплатил за него очень большую цену — по десять низок за каждый участок.

Дядя сказал ему:

— Таро обошлось тебе очень дорого, но все-таки ты настоял на своем. Теперь угощение людям обеспечено. Но ведь еще нужны деньги для взноса в Сукве. Где же ты возьмешь столько?

— Но ведь ты же дашь их мне,— ответил юноша. Но дядя вовсе не хотел давать ему свои деньги.

Потом юноша сказал:

— Надо будет принести завтра таро и наколоть миндаля⁵¹ для праздника. А твои дети пусть сучат веревки.

Жена и дети дяди сучили веревки, а жители деревни удивлялись:

— Веревки-то готовы, а где же свинья? Кого же Ганвивирис будет привязывать?

— Да, он бедняк. Я никогда не видел его имущества,— отвечал дядя.

Но вечером Ганвивирис привел четырех свиней и привязал их у деревни.

После этого Ганвивирис сразу получил два ранга в Сукве — авирик и кватагиав⁵².

Ночью Ро Сом сказала Ганвивирису:

— Все свои ранги в Сукве ты можешь получить только здесь, в Квакеа. На Мота же ты не должен вступать в Сукве. Если ты не слушаешься меня, то умрешь.

В день, когда Ганвивирис получил очередной ранг в Сукве, он спросил у членов союза:

— Вы сможете возратить мне все мои деньги?

— Мы все вернем тебе, когда ты раздашь нам имущество. Ведь иначе мы можем обеднеть,— ответили они.

Тогда Ганвивирис отвязал своих свиней-раве⁵³ и двух кабанов, а потом вынес из дому мешки с деньгами. Все это он раздал жителям деревни. Увидев свиней-раве с их закрученными спиралью и сходящимися клыками, жители деревни очень удивились. Ведь они не знали, что их дала Ганвивирису Ро Сом.

Через пять дней люди снова нарубили дров, а на десятый день Ганвивирис купил ранги автагатага и луванаив⁵⁴. А еще через пять дней снова были приготовлены дрова, и на десятый Ганвивирис купил очередные ранги — тамасуриа и таваисукве⁵⁵.

А еще через пять дней он опять сказал:

— Давайте нарубим дров.

На десятый день Ганвивирис купил уже ранги тавасукве-лава и керепуэ⁵⁶.

Каждый раз Ганвивирису приходилось покупать угощение для Сукве. И он плыл для этого на Вануа-Лава и оставлял там много денег, а потом добирался до Мота и там тоже покупал все необходимое по высокой цене.

Так он все время продвигался в Сукве, пока не стал веметелоа⁵⁷.

Потом Ганвивирис захотел вступить в Сукве и на Мота. Он отправился туда и построил дом в Тасмате, и люди снова рубили дрова и танцевали таквесара⁵⁸.

Ганвивирис назначил через десять дней саваэ⁵⁹ и на деся-

тый день приготовил растертый ямс. А во время саваэ он назначил через десять дней колеколе⁶⁰.

И на колеколе, когда звуки саваэ гремели подобно грому и пир был в разгаре, люди заметили женщину, идущую по склону, спускавшемуся от скалы. Она опиралась на копье, ее руки до локтей украшали браслеты из раковин, а на правой руке висел еще клык кабана. Лицо женщины было разрисовано красной глиной, а в волосах виднелись свиные хвосты. Люди решили, что это высадились из лодки запоздавшие гости.

Но женщина была совсем одна. Она направилась прямо к дому Ганвивириса и скрылась из виду. Люди пошли узнать, кто это, но никого не нашли. Тогда они сказали Ганвивирису:

— Мы видели, как в твой дом вошла женщина с браслетами и клыками кабана на руках.

— Не рассказывайте об этом в деревне,— попросил Ганвивирис. Он поднялся и пошел домой, чтобы принести мешки с деньгами. Но дома он увидел, что все мешки пусты. Тогда он вышел к свиньям— все свиньи были мертвы. Теперь ему нечего было раздавать людям⁶¹.

Когда стемнело, Ганвивирис уснул в своем доме. А ночью люди услышали его крик.

— Что с тобой? — спросили они.

— Что-то беспокоит меня, но я не понимаю, что это.

С этой ночи Ганвивирис стал чахнуть и на пятый день умер.

71. Маленький сирота

В одной деревне жили муж с женой и сыновьями. Мальчики были уже большие, и однажды родители сказали им:

— Спуститесь на берег и наловите рыбы. А мы пойдем на огород и соберем овощей к рыбе.

И вот мальчики пошли на берег. По дороге им встретился маленький сирота.

— Возьмите меня с собой,— попросил он.

— Нет, сирота,— ответили они.— С нами идут только те, у кого есть отцы. Если ты пойдешь с нами и наловишь рыбы, с чем ты будешь есть ее? У тебя нет ни отца, ни матери, и некому дать тебе овощей.

И мальчики пошли вперед, а маленький сирота поплелся сзади. Дети спустились к берегу, и сирота тоже спустился, только восточнее, в Санвава. Там он забросил удочку и наловил рыбы. Когда же он увидел, что дети поднимаются по тропинке обратно в деревню, он взял связку рыбы и тоже пошел за ними.

На тропинке сирота нагнал остальных мальчиков, но они закричали:

— Не подходи к нам! У тебя нет ни отца, ни матери, кто дал бы тебе овощи к рыбе.

Так они и шли: мальчики впереди, а он чуть поодаль. Но мальчики направились к деревне, а маленький сирота вскоре остановился и вошел в пещеру, где он жил. Там он испек рыбу, а потом, взяв ее с собой, снова отправился на берег. Сирота сел возле лужицы соленой воды и, макая рыбу в воду, съел ее без приправы.

На следующий день дети снова пошли ловить рыбу, и опять маленький сирота стал просить:

— Я тоже пойду с вами.

— Нет! — ответили они. — Мы уже говорили тебе, что ты, сирота, не будешь ходить с нами. С чем ты будешь есть рыбу? У тебя же ничего нет!

И дети одни пошли к берегу, а маленький сирота шел вслед за ними. Они пришли на свое прежнее место, а он — на свое. Он ловил рыбу и все время следил за мальчиками. Как только они стали уходить, он тоже пошел за ними.

Опять дети стали говорить сироте:

— Зачем же ты идешь с нами? Кто даст тебе овощи, раз у тебя нет родителей?

Мальчики ушли в деревню, а сирота снова забрался в свою пещеру, испек рыбу и съел ее без приправы.

На третий день все повторилось снова.

Мальчики пошли на рыбалку, а сирота шел сзади и просил их взять его с собой.

Но они пошли одни и пришли на свое старое место, а он спустился к берегу там же, где всегда. И тут на его единственный крючок попалась рыба. На этот раз ему попалась тапанау. Он снял рыбу с крючка и бросил в лужицу морской воды. Снова он забросил удочку и поймал нонгпитпит⁶². Он собирался закинуть удочку еще раз, как вдруг из моря вышла женщина с ребенком. Это была Ро Сом.

Сирота усадил женщину с ребенком на риф, и тогда она сказала ему:

— Давай пойдем втроем.

— Нет, я пойду один, без вас,— ответил он.

Но женщина снова сказала:

— Мы пойдем втроем.

— Нет, вы не должны идти со мной. Ведь мне нечем даже накормить вас.

— Ничего,— успокоила она сироту.— Бери свою рыбу и идем.

Они пошли втроем и подошли к тому месту, где была пещера сироты.

Но тут сирота увидел дом и гамал, которых не было раньше, и очень удивился:

— Чей это дом?

— Это дом для нас троих, а гамал — для тебя,— ответила

Ро Сом.

Они втроем вошли в дом, и Ро Сом сказала:

— А теперь иди и приготовь рыбу для нас троих.

— С чем же мы будем есть рыбу? Я же предупреждал вас, что у меня нет никакой приправы.

Но женщина настаивала:

— Готовь рыбу, мы будем есть ее с овощами.

Сирота разжег костер и раскалил на нем камни. Потом он вложил горячие камни в брюхо рыбам и, завернув рыб в листья, положил на огонь.

Когда рыба была готова, Ро Сом сказала:

— Давай ее сюда.

— С чем же мы будем ее есть? — спросил сирота.

И тут Ро Сом сказала:

— Смотри, сколько здесь еды. С ней мы и будем есть рыбу.

Сирота вынул рыбу из огня, и они втроем съели ее.

Потом сирота вышел из дому и пошел в деревню. По дороге он увидел множество полей — банановое поле, виноградник⁶³, бататовое поле, поле ввоза, поле весвес⁶⁴, поле сахарного тростника. Бананы уже совсем спели, а виноград давал новые ростки. Сахарный тростник зацвел, а таро уже загнивало.

Удивленный сирота спросил у Ро Сом:

— Мать! Чьи это поля?

— Наши, только нас троих,— отвечала она.

Потом Ро Сом сказала:

— Завтра мы разожжем все очаги в гамале и будем готовить еду жителям деревни и чистить кокосовые орехи для свиней.

И завтра они наготовили очень много пищи на очаге рядом с домом и еще больше на очагах в гамале. А потом они приготовили корм для свиней — сто корзин в доме и столько же в гамале.

А потом они отнесли еду в деревню. Маленький сирота поставил свою ношу на камень, а Ро Сом и ее ребенок сложили свой груз у двери дома.

После этого Ро Сом сказала:

— Теперь будем кормить свиней.

Маленький сирота поднялся и тут услышал визг и увидел множество кабанов, раве с закрученными спиралью клыками и маток. Все свиньи бросились к ним и стали есть то, что им приготовили. И когда они ели, Ро Сом спросила у сироты:

— Есть ли у тебя хоть один дядя со стороны матери?

— Есть,— ответил сирота.— Только он не смотрит за мной и не кормит меня.

Тогда Ро Сом сказала:

— Беги и скажи ему: «Сделай за меня взнос в Сукве»⁶⁵.

Сирота побежал к своему дяде.

Когда жена его дяди увидела сироту, она крикнула людям:

— Прогоните этого бездомного мальчишку. Кому он здесь нужен?!

Маленький сирота позвал:

— Дядя!

— Это еще что такое? — удивился тот.— А ну-ка уходи отсюда!

Но сирота сказал:

— Прошу тебя, заплати за меня в Сукве.

— Да чем же ты будешь отдавать мне, если я внесу за тебя деньги?

Тогда племянник сказал дяде:

— Идем со мной.

Они пошли и наконец поравнялись с домом маленького сироты. Тут дядя увидел свиней, рывшихся в земле, и спросил:

— Это чьи же свиньи?

— Мои, конечно,— ответил сирота.

— Как бы не так! — ухмыльнулся дядя.— Где же ты раздобыл свиней без денег?

Потом они пошли мимо полей.

— Чье это бататовое поле? — удивился дядя.

— Мое.

— Если ты будешь и дальше врать, я изобью тебя, — рассердился дядя.

Они пошли дальше, и дядя увидел поле с перезревшими бананами, и поле таро, и виноградник со свежими лозами. А потом он увидел дом и спросил:

— А чьи это дом и гамал?

— И дом и гамал мои, — отвечал сирота.

— Но откуда у тебя все это? Кто помог тебе покрыть тростником крышу?

Тут племянник сказал:

— Пусть люди внесут первый взнос за ранг авирик.

И дядя попросил жителей деревни:

— Внесите деньги в Сукве, а я верну их вам.

— А чем же расплатится с тобой племянник? — удивились люди. — Ведь у него же ничего нет.

Но дядя вернул людям деньги, которые они внесли в Сукве, и племянник расплатился с ним.

Потом юноша снова попросил:

— Дядя, я хочу стать кватагиав⁶⁶. Сделайте еще один взнос.

Люди дали деньги, и дядя сполна вернул им все. А сирота тоже не остался в долгу у дяди — отдал ему свиней и деньги.

Спустя немного времени племянник опять пришел к дяде:

— Пусть люди снова сделают взнос за ранг автагатага⁶⁷.

И опять были собраны деньги, а сирота отдал дяде все, что полагалось.

Потом сирота захотел стать луваиаав⁶⁸. И снова люди дали деньги, и дядя отдал им весь долг. А потом племянник взвалил на спину мешок с деньгами и расплатился с дядей.

Угощение в Сукве не переводилось. Люди только и делали, что ели. Они ели и становились покладистыми. И по мере того, как они поглощали одно блюдо за другим, сирота поднимался со ступени на ступень в Сукве.

Через некоторое время сирота снова обратился к дяде:

— Пусть они заплатят за ранг тамасуриа⁶⁹.

Дядя вновь расплатился с людьми, а племянник опять сбегал и притащил на спине мешок с деньгами и вернул дяде долг.

А люди все ели и ели.

И он снова попросил дядю заплатить за ранг таваи-сукве⁷⁰. И дядя уплатил вновь. И когда дядя сделал весь взнос, его племянник сбегал домой и принес на спине мешки с деньгами и отдал дяде свиней, и в их числе раве.

Потом он сказал дяде:

— Дай им еще выкуп за керепуэ⁷¹.

Дядя дал выкуп, а племянник принес деньги и свиней, и среди них раве, и отдал дяде.

И снова он попросил:

— Дай им выкуп за меле⁷²,— и дядя сделал это. А племянник, сходяв домой, принес деньги и отдал дяде свиней, и в числе их раве.

Деньги у сироты не переводились,— ведь его матерью стала Ро Сом. Она сидела дома и умножала богатства сироты.

И вот он уже снова стал просить дядю:

— Сделай взнос за ранг тетуг.

Дядя уплатил, а племянник сбегал домой, принес деньги, дал свиней, и среди них раве, вернув таким образом дяде все сполна, а потом вновь сказал:

— Дядя, заплати им еще за ранг лано.

И дядя уплатил, а племянник вновь ему все возвратил.

И он опять попросил дядю сделать взнос за ранг кворкво-ролава⁷³.

И дядя дал выкуп, а племянник вернул ему долг, принес свиней, и среди них раве.

И так продолжалось до тех пор, пока он не достиг вершины союза Сукве.

Когда сирота получил высший ранг в Сукве, он сказал дяде:

— Давай устроим колеколе.

— Хорошо,— согласился дядя.

И они устроили для всех много разных праздников: праздник камня, праздник изображения, праздник гамала, праздник свиного хвоста и праздник пера цыпленка, праздник головного убора и праздник изображения духа.

Племянник без конца возмещал дяде его имущество, пока не возместил все до конца. А дядя резал свиней для него — и для праздника камня, и для праздника изображения, и для праздника гамала, и для праздника свиного хвоста, и для праздника пера цыпленка, и для праздника головного убора, и

для праздника изображения духа. А когда он прирезал всех свиней, то велел всем жителям деревни отдавать своих свиней, и всех раве тоже, и свои деньги. И своим женам дядя тоже сказал:

— Собирайтесь, идемте домой. Пусть одна из вас выведет на веревке свинью, а другая вынесет мешок с деньгами.

Но жены ответили ему:

— Нет, иди домой сам. А мы останемся здесь и выйдем замуж за твоего племянника, сироту.

Тогда дядя сказал им:

— Вы не можете стать его женами. Вы же сами раньше презирали и бранили его. Отчего же теперь он стал для вас хорош? Раньше, когда мне хотелось накормить сироту, вы не позволяли мне этого, и он был голодным. Я хотел присматривать за ним, но и это вам не нравилось, и сирота оставался без присмотра. При виде его у вас всегда пропадало желание есть. Вы не сможете жить с ним!

Но женщины твердили:

— Нет, нет, иди домой один. Мы останемся с сиротой.

Снова он стал уговаривать своих жен:

— Да ну же, идемте втроем.

Но женщины упорствовали, и тогда он сказал:

— Да что же вы за люди, если хотите стать женами человека, которого сами же презирали!

И тогда женщины пошли домой со своим мужем.

Между тем маленький сирота отправился домой, разжег очаг и положил туда жариться свиное мясо.

В тот день прошел слух о том, что люди Моталава и Лосалава собираются в плавание вокруг Гауа. Тогда сирота сказал матери:

— Завтра люди Моталава и Лосалава выходят в плавание вокруг Гауа. Можно и мне отправиться с ними?

— Нет,— ответила Ро Сом,— оставайся и присматривай за мясом.

Но маленький сирота возразил:

— И все-таки я выйду вместе с ними. Да, я буду с ними, а ты с ребенком приготовишь мясо для меня.

Прошла ночь, и наступило утро. Сирота поднялся и сказал Ро Сом:

— Я ухожу, а вы оставайтесь. Вот здесь для вас целая гора еды.

Когда сирота подошел к месту сбора, лодки были уже спущены на воду. Он побежал, прыгнул в воду, забрался в лодку, и они поплыли. Все люди взяли с собой свиней, а сирота не захватил для себя ни одной. У него с собой не было ничего, кроме закрытой раковины с моллюском.

Когда они достигли Гауа, тамошние жители вышли встречать их на берег. Один из людей Гауа подбежал к кому-то из приехавших и с криком «друг!» протянул ему руку. Они вдвоем поднялись на берег. Другие жители Гауа тоже находили друзей среди прибывших и выходили с ними на берег.

— Вон мой друг! — говорили люди и уходили вместе со своими друзьями один за другим.

И только для сироты не находилось друга.

Люди долго находились на Гауа, а потом поднялся ветер, и они снова поплыли к Лосалава. А когда они подошли к Мота и вытащили лодки на берег, сирота убежал. Он бежал и бежал, пока не достиг дома, где жил с Ро Сом и ее ребенком.

Он вошел в дом и увидел, что груда ямса, которую он оставил для них, осталась такой же, какой была.

— Что же вы ели без меня? — спросил он. — Ведь эта еда не тронута.

— Мы ели то, что ты нам оставил, — ответили они.

— Нет, — возразил он. — Наверное, какой-нибудь другой мужчина принес вам из лесу дикого ямса.

Ро Сом горько заплакала — ведь сирота так обидел ее! И ее ребенок тоже заплакал. И так они плакали, пока не зашло солнце. Тогда сирота лег, положив голову им на колени, и принялся утешать их, но безуспешно. Они плакали и плакали. Наконец сирота уснул. Они услышали, как он храпит во сне, и перестали плакать. Потихоньку они убрали голову сироты со своих колен и высвободились.

Потом они забрали мешки с деньгами и свинью и ушли из дома. И когда они ушли, их хозяйство превратилось в покинутое поле.

Между тем беглецы добрались до берега, и тут Ро Сом пришлось сесть. Она была уже старой, и мешки с деньгами были тяжелы для нее. Один из мешков упал, да так и продолжал лежать, а клыкастая свинья осталась привязанной возле Санвава.

Когда сирота проснулся, он вскочил и увидел вокруг брошенное поле. Он побежал и стал искать Ро Сом и ребенка. На-

конец он добежал до берега и заметил сидевшую там старуху. Это была Ро Сом, но он не узнал ее издали:

— Эй! — крикнул он. — Ты никого не видела здесь только что?

Тогда старуха запела:

— Посмотри, посмотри вокруг!

И тут они вдвоем, Ро Сом и ее ребенок, погрузились в море, как раз в том месте, где маленький сирота нашел их.

72. Странствие птиц

Вот как это было. У себя на острове жили птицы. Когда на острове Квакеа созрели плоды таван, птицы сказали:

— Хорошо! Плоды созрели. Поплывем и полакомимся ими!

Из большого листа птицы сделали лодку и стали собираться в путь.

Зеленый попугай сказал:

— Я поеду с вами!

— Нет, нет, уходи, — сказали птицы, — как бы из-за тебя твой отец на нас не рассердился!

Тогда зеленый попугай запел:

— А я пойду и скажу отцу! Ветер будет неблагоприятным! Плохой ветер! Плохой ветер!

— Ну, ладно, садись, — сказали ему птицы, и зеленый попугай уселся в лодку.

Потом птица уасиа спросила:

— Друзья, куда это вы собрались?

— На остров Квакеа, есть таваны!

— Я поеду с вами.

— Нет, нет, оставайся, а не то твой отец и мать будут нас ругать.

Тогда уасиа запела:

— А я пойду и скажу отцу! Ветер будет неблагоприятным! Плохой ветер! Плохой ветер!

— Ну, ладно, садись, — сказали птицы, и уасиа уселась в лодку.

Потом спросил голубь:

— Можно я поеду с вами?
— Нельзя, твои родители будут нас бранить.
— А я скажу своему отцу,— запел голубь.— Ветер будет неблагоприятным! Плохой ветер! Плохой ветер!

И птицы пустили голубя в лодку.

Когда все они уселись в лодку, пришел рак-отшельник и сказал:

— Друзья, возьмите и меня!

-- Нет, останься и присмотри за нашим островом!

— Не обижайте меня, возьмите!

— Нет, нет, поплывут только те, которые могут забираться на деревья, а ведь ты ползаешь по земле.

— Возьмите меня,— упрасивал их рак.— Вы могли бы сбрасывать плоды на землю, а я сидел бы под деревом и ел их.

— Ну, ладно,— сказали птицы,— садись!

И рак забрался в лодку.

— Иди сюда и сядь рядом со мной,— позвала его птица уэру⁷⁴. Рак подполз к ней, и птица сказала:

— Осторожней двигай клешнями, чтобы не продырявить лодку.

— Ладно, ладно,— ответил рак.

Уэру следила за раком, но он все-таки vorочал клешнями, и птица снова его предупредила:

— Друг, будь осторожней, так ты проткнешь лодку.

— Ладно, ладно,— отвечал рак.

Ветер надул парус, и лодка вышла в открытое море. Рак зашевелился и клешней проткнул днище⁷⁵. Лодка стала быстро наполняться водой.

— Скорей, скорей! — закричали птицы.— Рак проткнул дно! Скорей выбирайтесь из лодки!

Птицы выпрыгнули из лодки и поплыли. А рак перелез через борт, погрузился в воду и пополз по морскому дну. Птицы выплыли на берег и стали спрашивать друг друга:

— Друзья, все спаслись?

Тут кто-то из них сказал:

— Нет, не все. Бедняга рак потерялся.

Птицы закричали:

— Кто нырнет, чтобы спасти его?

Одна птица предлагала другой нырять, но все отказывались, и наконец уэру сказала:

— Я попробую найти рака.

Птица нырнула в воду, но не нашла рака. Еще и еще раз ныряла уэру, и от морской воды ее перья стали черными, а глаза — красными.

А рак раньше их всех выбрался на берег и спокойно отдыхал.

Между тем уэру все ныряла, а другие птицы ее спрашивали:

— Ну как, нашла рака?

— Нет, я его не нашла,— отвечала уэру.— Посмотрите, от морской воды мои перья стали черными и синими, а глаза — красными. Я выхожу на берег.

Уэру вышла на берег, и тут все птицы увидели рака.

— Как же ты выбрался из моря? — спросили они его.— Когда лодка затонула, ты же пошел ко дну!

— Да, да,— отвечал рак,— я опустился на дно и по дну вышел на берег.

— Ну и хорошо,— сказали птицы.— Мы думали, ты утонул, а вот, оказывается, ты тоже жив. А теперь давайте почистим друг другу перья.

Птица тасис позвала тетере ⁷⁶:

— Друг, пойди сюда и почисти мне перья!

Куатман ⁷⁷ сказал зеленому попугаю ⁷⁸:

— Я почишу твои перья.

Татагорас ⁷⁹ сказал уасиа:

— А я тебя почишу.

Все расселись парами и начали чистить друг друга. А крыса сказала сове:

— Иди сюда, я тебя почишу.

Крыса стала расчесывать перья на голове у совы. Она расчесывала и приговаривала:

— Чешу, чешу, чешу, кладу, кладу, кладу.

Крыса нагадила сове на голову и сказала:

— Мои лапки устали. Пусть кто-нибудь другой причесывает тебя.

— Давай я причешу тебя, сова,— предложил попугай. Крыса убежала, и он занял ее место. Попугай стал причесывать сову и увидел, что наделала крыса.

— Крыса на тебя нагадила,— сказал он сове.

Сова погналась за крысой, но та спряталась в норе. Сова села возле норы. Она хотела выманить крысу наружу. Сова

расколола кокосовый орех и положила возле норы, но крыса не высовывалась.

— Как же мне ее выманить? — сказала сова.— Попробую изжарить корень каладиума.

Сова нашла корень, изжарила его и положила у входа в норку. Крыса почувствовала вкусный запах и высунулась. Но сова зорко за ней следила. Она схватила крысу когтями, убила ее и съела.

ОСТРОВ ВАНУА-ЛАВА

73. Рассказ об угре

В одной деревне жили муж с женой и сыном. Родители работали в поле, а мальчик оставался дома один.

Однажды, когда они собрались в поле, сын сказал:

— Завтра, когда вы будете уходить, отложите для меня батат.

На следующее утро отец и мать оставили сыну батат и ушли в поле. Мальчик испек батат и съел его, а потом пошел к другим детям и стал просить еще. Но дети рассердились на попрошайку и сказали:

— Разве отец не оставил тебе еды?

— Родители оставили мне немного, но я съел все сразу.

— Так зачем же ты просишь еду у нас? — сердито спросили они.

Тогда он крикнул:

— Хорошо же, я расскажу отцу с матерью, что вы ругали меня!

Его родители вернулись, и он стал им жаловаться:

— Когда вы ушли, я съел батат и попросил еще немного у детей. Они очень рассердились на меня за это. Поэтому завтра оставьте мне два батата.

Наутро родители снова ушли в поле, оставив мальчику два батата. Он испек их и побрел по берегу реки. Там он нашел хорошее местечко и сел поесть.

Когда он ел, крошки батата упали в воду, и их съел угорь⁸⁰. Угорь превратился в юношу, поднялся на поверхность

и подошел к мальчику. Они вдвоем доели батат, и юноша сказал мальчику:

— Завтра ты снова испечешь два батата, принесешь сюда, и мы съедем их вместе.

После этого юноша-угорь вернулся в воду, а мальчик пошел домой и сказал родителям:

— Завтра снова оставьте мне два батата.

Наутро он испек отложенные для него бататы и отправился на берег на то место. И опять перед ним появился юноша. Они вдвоем съели бататы, и юноша предложил:

— Давай украсим свои головы.

Они красиво убрали головы, отправились в поле и стали помогать работающим. Когда юноша начал копать землю, все столпились, чтобы посмотреть на его работу. Потом некоторые вернулись к своему занятию, но женщины не хотели отойти от юноши. Их мужья очень рассердились и бросились к юноше, чтобы убить его, но мальчик, который пришел с ним, облил его водой, и тот снова стал угрем.

Мужчины погнались за ним, но он ускользнул от них. Еще немного, и они бы схватили его, но тут он прыгнул в воду.

Тогда они закричали:

— Хорошо же, мы найдем на него дождь ⁸¹!

Они вызвали большой дождь, река вышла из берегов и выбросила угря на отмель.

Когда вода спала, люди спустились к берегу и увидели угря. Они разрубили его на мелкие куски и ушли.

Тогда мальчик сбежал вниз, увидел, что люди сделали с угрем, и заплакал. Его слезы упали на угря, и тот снова превратился в человека.

Он поднялся и сказал мальчику:

— Иди домой и скажи родителям, чтобы они с тобой уехали и поселились на другом острове.

Мальчик пришел домой и сказал отцу с матерью:

— Мы втроем переедем на другой остров.

После их отъезда одна старуха услышала как-то песню угря.

— Послушайте, похоже, что это поет угорь,— сказала она людям.

— Этого не может быть, угорь мертв,— ответили они. Но голос угря слышался очень ясно, и тогда люди сказали:

— Да, это правда песня угря.

Но вот он кончил петь, и все услышали страшный шум. Не успели они опомниться, как огромная волна накатилась на остров и смыла их всех. Все люди погибли, а остров поглотила вода.

74. Молгон и Молвор ⁸²

В Гауа жили двое братьев с родителями. Однажды отец с матерью сказали старшему, Молгону:

— Хорошенько смотри за своим младшим братом и как следует корми его.

— Хорошо,— ответил он.

Вскоре отец с матерью умерли, и братья остались одни.

Однажды они спустили на воду лодку и поплыли вверх по течению реки. Вскоре они поравнялись с плодом палако, плывшим навстречу им. Мальчики разломали его пополам и съели. Потом они поплыли дальше и увидели два палако. И один брат съел первый плод, а другой — второй. Они поплыли дальше и увидели три плода. Один мальчик съел первый, другой — второй, а третий они съели пополам. Поплыли дальше и увидели четыре палако — два для одного и два для другого. Поплыли дальше и увидели пять плодов — два для одного, два для другого, а один пополам. Поплыли дальше и увидели шесть палако — три для одного и три для другого. Поплыли дальше и увидели семь плодов — три для одного, три для другого, а один пополам. Поплыли дальше и увидели восемь палако — четыре для одного и четыре для другого. Поплыли дальше и увидели девять плодов — четыре для одного, четыре для другого, и один пополам. Поплыли дальше и увидели десять палако — пять для одного, пять для другого. Мальчики поплыли дальше и тут увидели на берегу место, откуда плыли плоды.

Тогда старший брат сказал младшему:

— Ты оставайся в лодке, а я пойду и наберу плодов для нас обоих,— и он вышел на берег и стал собирать палако.

В это время из своего дома вышла женщина по имени Роприалал и, увидев мальчика, позвала его. Он подошел, и женщина сказала ему:

— Сейчас мы с тобой приготовим еду.

Они испекли таро и стали есть. Молгон не мог съесть столько таро и сказал женщине:

— Я отнесу это брату, пусть он поест.

Но Роприалал сказала:

— Раз ты не можешь съесть все сам — брось свиньям.

Мальчик заплакал. Потом они приготовили из таро кашу и Молгон не смог съесть ее и попросил:

— Я возьму кашу для брата.

Но женщина крикнула:

— Брось свиньям! — и мальчик опять заплакал.

Потом она спросила:

— Как тебя зовут?

— Молгон, — ответил он.

— А как зовут твоего брата?

— Молвор.

— Правильно. Тебя зовут Молгон, — и ты останешься здесь, и у тебя будут свиньи, дом и гамал, вдоволь еды и денег. А твой брат — его имя Молвор — будет лишен всего этого.

Молгон все плакал и плакал.

Вскоре женщина сказала:

— Идем посмотрим на твоего брата.

Они подошли к лодке и увидели, что Молвор лежит мертвый — солнце убило его своими лучами.

Молгон все время плакал. Слезы упали на тело брата, и тот снова ожил.

И тут Молвор сказал брату:

— Когда наш отец умер, он велел тебе заботиться обо мне. А ты бросил меня и не думал обо мне.

Женщина стала убеждать Молгона вернуться к ней, но он не соглашался. Но вот Молвор запел. Он свесил ноги в воду и стал превращаться в угря. А когда он кончил петь, то стал угрем и соскользнул в воду. Его брат тоже прыгнул в воду, а женщина стояла и смотрела вниз. Потом она увидела на воде кровь и горько заплакала.

А братья превратились в камни, что лежат в русле реки.

ОСТРОВ ГАУА

75. Как появилась смерть

Кват и Марави жили в местности Матан возле горы Гат, где еще тлеют подземные огни.

Однажды они решили сделать людей. Кват вырезал из драцены руки, ноги, туловища, потом уши и глаза, а после приладил одну часть к другой. Этим он занимался шесть дней. Затем он припрятал своих людей на три дня, а потом три дня оживлял их. Он поставил людей перед собой, стал танцевать перед ними и увидел, что они понемногу начали двигаться. Он стал бить для них в барабан и увидел, что они стали двигаться быстрее. Так он сделал их живыми, и они могли уже стоять сами.

Затем он разделил людей на мужчин и женщин и каждому мужчине дал женщину и назвал их мужем и женой. Кват сделал трех мужчин и трех женщин.

А Марави сделал людей из другого дерева, из тависивисо. Он тоже делал их шесть дней, и поставил их перед собой, и бил для них в барабан, и дал им жизнь, как и Кват.

Но когда Марави увидел, что его люди двигаются, он выкопал яму, устлал ее дно листьями кокосовой пальмы и закопал своих мужчин и женщин на три дня. Когда же он разгреб руками землю, чтобы посмотреть на людей, оказалось, что они сгнили и воняют.

Так среди людей появилась смерть.

76. Отъезд Квата

Сейчас посреди острова Гауа расположено большое озеро Тас, но прежде на том месте была равнина, поросшая лесом.

Однажды в этом лесу Кват начал делать себе лодку из огромного дерева. Пока он ее делал, братья подсмеивались над ним. Они спрашивали Квата:

— Как же ты дотащишь такую большую лодку до моря?
И каждый раз Кват отвечал:

— Придет время — узнаете.

Когда лодка была готова, Кват посадил в нее свою жену, своих братьев, нагрузил ее всеми живыми существами, даже такими маленькими, как муравьи, и сел сам. На лодке он сделал настил.

Затем начался очень сильный дождь. Вся средняя часть острова заполнилась водой, которая хлынула через холмы там, где теперь низвергается великий водопад Гауа. Лодка нашла выход в море и уплыла.

Говорят, что Кват, уезжая, забрал с собой с островов все самое лучшее. Но Кват еще вернется, и люди ждут его возвращения ⁸³.

Острова Торрес

77. Дилинговув

Жители одной деревни расчистили участок и посадили бананы. А когда поспели плоды, туда повадился ходить Дилинговув ⁸⁴. Он влезал на ствол банана и поедал их.

И вот однажды Дилинговув сидел на банане, и его заметил кто-то из жителей деревни. Этот человек побежал и сказал остальным:

— Я только что видел того, кто ворует и ест наши бананы!

Мараухихи воскликнул:

— Берите луки, пойдем и убьем его!

Но люди сказали:

— Нет, никто не сможет его убить!

— А я смогу! — воскликнул Мараухихи.

— Нет, это невозможно, — стали спорить с ним другие.

Но все же они взяли луки и на стрелы надели наконечники ⁸⁵.

— Пойдем по одному, — сказал Мараухихи.

Первый пошел вперед, увидел Дилинговува и начал подкрадываться к нему, чтобы пустить стрелу. Но Дилинговув взмахнул руками, как летучая мышь крыльями, Человек испугался, убежал и рассказал об этом остальным.

— Его невозможно застрелить,— сказали люди. Но Мараухихи велел идти второму. Тот двинулся вперед, но с ним случилось то же, что и с первым.

Так по одному все люди выходили вперед, возвращались и говорили:

— Его невозможно убить!

Тогда Мараухихи сказал:

— Я сам пойду, пушу в него стрелу и убью.

Мараухихи был умнее всех остальных.

Он пошел и увидел Дилинговува, сидящего на банане. Мараухихи осторожно приблизился, но тут Дилинговув заметил его и простер над ним свои руки. Мараухихи не испугался. Он взял стрелу для охоты на птиц, вырезанную из казуарины, и выстрелил. Стрела оторвала Дилинговува одно ухо, и он свалился на землю вниз головой. Мараухихи побежал к своим людям и рассказал, что он подстрелил Дилинговува.

А тот поднялся и пошел домой, к матери. Дилинговув окликнул мать, и она спросила:

— Что тебе, сын?

— Дай мне топор.

— А зачем он тебе?

Но Дилинговув не стал рассказывать матери, что Мараухихи отстрелил ему ухо. Дилинговув пошел и вырубил себе ухо из корня дерева рау. Он рубил корень и приговаривал:

— Рубись на куски! Разрубайся!

Мараухихи подослал одного из своих людей, и тот подсмотрел, что делает Дилинговув, и подслушал, что он говорит. Посланный вернулся к Мараухихи и рассказал, что Дилинговув из корня дерева рау сделал себе новое ухо взамен оторванного.

Потом Мараухихи и его люди устроили пир. Они ели и танцевали, они танцевали каждый день. Дилинговув услышал об этом и сказал:

— Теперь я пойду и отомщу им!

Он взял много каштанов⁸⁶, взял камни⁸⁷, взял огонь, взял плащ из листьев, который надевают на танцах, и пошел к деревне, где жил Мараухихи. В деревню Дилинговув не вошел, а остановился поблизости. Он разжег костер, изжарил каштаны и раскалил камни. Потом Дилинговув выкопал очень глубокую яму и прикрыл ее плащом. Он сел рядом с ямой, стал есть каштаны и смотреть на танцующих. Люди танцева-

ли долго. Но вот один из них отошел в сторону отдышаться и видит: сидит Дилинговув и ест каштаны.

— Дай мне один каштан,— попросил этот человек.

— Возьми,— только подойди сюда,— ответил Дилинговув.

Человек подошел к нему, сел на плащ и провалился в яму. То же самое Дилинговув проделал и со всеми остальными танцорами. Последним в яму свалился Мараухихи.

Тогда Дилинговув стал швырять в яму раскаленные камни. А Мараухихи сказал своим людям:

— Становитесь ближе вот к этому краю!

И все они остались живы.

А Дилинговув решил, что все они погибли, и ушел домой.

Мараухихи спросил своих товарищей:

— Как вы думаете, как нам спастись?

— Да ведь мы уже мертвые,— отвечали люди.

— Вовсе нет! — воскликнул Мараухихи.— Я очень хорошо знаю, что мы еще не мертвые!

Мараухихи посмотрел вверх и увидел, что над ямой нависает ветка смоковницы⁸⁸. Он сказал:

— Давайте сделаем так. Пустим стрелу в эту ветку. Потом выстрелим еще раз, так чтобы вторая стрела воткнулась в первую. Пустим еще стрелы, и получится цепочка. Она свесится сюда, и мы выберемся по ней из ямы.

Так они и сделали. Цепочка из стрел свесилась в яму.

— Полезайте наверх,— сказал Мараухихи.

— Давай ты первый, а мы за тобой,— ответили ему.

По цепочке из стрел они выбрались из ямы и спаслись.

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ

78. Вождь Туо и вождь Тендо

Вождь Туо расчищал валежник вокруг своего дома, отбрасывал сор в одну сторону, отбрасывал в другую. Он подумал: «Что бы мне сделать, чтобы поесть мяса? Сделаю-ка я силок для птиц».

Он лег спать, а утром начал плести веревку. К вечеру он сделал силок, пошел и поставил его на большом фикусе. Потом вернулся домой, покурил и лег спать. Он спал, спал до света, а утром встал и пошел проверять силок. Там он увидел двух крыланов. Туо взобрался на фикус, распутал их, отрезал им лапы и крылья и сбросил крыланов вниз. Потом он спустился, поднял их и отнес своей матери. Мать взяла копалку¹ и вырыла два клубня ямса и два клубня таро, завернула крыланов в листья и сунула все это в горшок². Она стала готовить на печи и нюхала пар, чтобы узнать, когда еда будет готова. Потом она достала еду: вот один крылан для вождя Туо, вот один для нее — его матери, вот один клубень ямса и один клубень таро для вождя Туо, один клубень ямса и один клубень таро для матери. Так они ели, пока не съели все. Они покурили и пошли спать. Утром вождь Туо встал и пошел проверять силок.

И что же он там увидел? О чем пойдет наш рассказ?

Наш рассказ пойдет о вожде Тендо, о духе, который попал в силок.

Туо собрался взлезть на дерево, но увидел, кто сидел в силке, испугался и спрятался.

— О-о,— сказал Туо.— Кто это там наверху? Не злой ли это дух?

А тот из ловушки говорит ему:

— Иди, иди сюда!

— Я не могу,— отвечает Туо,— я боюсь.

— Не бойся, иди и освободи меня.

Туо залез и освободил вождя Тендо из силка. Тот, как только почувствовал себя свободным, вскочил вождю Туо на шею.

— О мой отец! О мой отец! — закричал вождь Туо, взывая к духу своего предка³.— Мне страшно! Что теперь со мной будет? — и он заплакал.

— Перестань плакать,— сказал Тендо,— спускайся и пойдем в деревню.

Туо слез с дерева, а тот все сидел у него на шее. У подножия дерева Туо тяжело вздохнул и сказал:

— Слезай и иди, как я.

— Нет, я не слезу, я буду сидеть на тебе, ты ведь устроил мне ловушку.

Туо пошел в деревню, мать издали заметила его, так как ждала сына, и увидела, что он кого-то несет на себе.

— Кого это ты несешь на себе? — спросила старуха.

— А я и сам не знаю, он был в моем силке.

— Что же теперь будет?

— Не знаю, он не хочет слезать.

— Как же так? А что я буду готовить есть?

— Ну о чем ты спрашиваешь,— отвечал Туо,— мне совсем не до еды, мне страшно.

Тут вождь Тендо сказал:

— Я хочу есть, приготовь мне еду, старуха.

Старуха заторопилась, приготовила ямс и таро и подала Тендо. Он принялся есть, и из его рта капало на голову Туо.

Туо не мог ни есть, ни курить, и тогда он пошел спать, но и тут Тендо его не отпускал.

— О горе! Отпусти же меня! — взмолился Туо.

— Нет, мы будем спать так, ложись,— отвечал ему Тендо.

Они легли и уснули, а в полночь дух во сне отпустил вождя Туо. Тот почувствовал свободу и тихонько вышел из дому. Он взобрался на кокосовую пальму и спрятался в ее листьях. Пришел день, вождь Тендо в доме проснулся, огляделся во круг:

— Где же вождь Туо? Где он? Куда он мог уйти ночью? Ну, я сейчас его отыщу!

С этими словами он вышел, искал вверху, искал внизу, но не нашел Туо. А тот сидел на пальме. Тогда дух решил напиться и полез за кокосовыми орехами. Он лез, лез, лез, остановился передохнуть, полез выше, наконец добрался доверху. Он сорвал слева орех, справа орех, хотел уже спускаться и тут увидел вождя Туо за листьями.

— Вот ты где! Хорошо, что я тебя нашел. Ты хотел сбежать от меня?

С этими словами дух снова вскочил на вождя Туо.

— Спускайся, надо собрать орехи,— приказал дух.

Вождь Туо спустился, подобрал орехи и очистил их.

— Мой сын,— спросила его старуха мать,— почему ты сам не хочешь съесть орех?

— О мать! — отвечал Туо.— Мне совсем не до еды, когда он сидит на мне. О горе мне, горе!

— Да он не хочет есть,— сказал дух,— а я проголодался, принеси мне поесть, старуха!

Потом опять наступила ночь, и вождь Туо пошел домой спать вместе с вождем Тендо, и они легли и уснули. В полночь дух опять отпустил свою жертву.

Туо почувствовал свободу, проснулся, встал, достал свой пояс из кожи крылана, натянул на голову шапку, натерся сажей, привязал к ногам красивые раковины, надел на руки браслеты, повязал белую набедренную повязку, на плечи набросил накидку из луба, вооружился копьем⁴ и дротиком⁵ и вышел из дома.

Вождь Туо спустился к морю и побежал вдоль берега. Он оставил позади свою землю, переплыл реку Пуананду и прибыл наконец к вождю Уагапа.

— Вождь Туо, твое ли я вижу лицо? — спросил вождь Уагапа.

— Да, это я,— отвечал вождь Туо.

— Что случилось с тобой?

— Я спасаюсь.

— От кого ты спасаешься?

— Я не знаю его, может быть, он злой дух!

— Где ты его встретил?

— Он попался в мою ловушку для птиц. Я пришел и выручил его, а он вскочил мне на шею, и как я ни тряс его, и влево, и вправо, и вперед, и назад,— он меня так и не отпустил. Я лег спать, в полночь он меня выпустил, и я убежал и спрятался на кокосовой пальме. Тогда он меня быстро нашел на пальме, а сейчас я уже убежал к тебе.

— Входи,— сказал вождь Уагапа,— садись здесь и ничего не бойся. Если он придет к нам, мы его уьем.

Не успели они присесть, как увидели вдали духа. Головой он доставал до неба, а ногами упирался в морское дно.

— Ты видишь, кто там идет? — спросил вождь Туо. Смелость вождя Уагапа сразу исчезла.

— Вождь Туо, беги скорее отсюда, не то он и меня прихватит с тобой.

Вождь Туо бросился бежать и прибежал к вождю Баи.

— Вождь Туо, твое ли я вижу лицо? Что с тобой случилось?

— Да, это я. Я спасаюсь.

— Кто за тобой гонится? Он такой же, как мы?

— Я его не знаю, может быть, он злой дух.

— Входи, входи сюда; он найдет у нас свою смерть.

Едва присели они, как вдали показался дух. Трудно описать его рост: верхняя часть его тела терялась в облаках, а нижняя в глубине моря.

— Вождь Туо,— сказал вождь Баи,— подумай, куда ты сейчас побежишь, я боюсь, как бы он и меня не прихватил вместе с тобой.

Вождь Туо бросился бежать, он бежал, бежал и прибежал к вождю Каналы.

— Вождь Туо, твое ли я вижу лицо?

— Да, это я,— отвечал Туо.

— Что с тобой? — спросил вождь Каналы.

— Я спасаюсь, за мной гонятся от самого моего дома.

— Кто же это?

— Я не знаю, быть может, злой дух.

— А где он?

— Смотри, он скоро будет здесь.

— Садись,— сказал вождь Каналы,— мы его уьем.

И только сказал он эти слова, как показался дух. Голова его уходила далеко в небо, а ноги ступали по земле.

— Вождь Туо, поищи себе другое убежище,— воскликнул вождь Каналы,— а то я очень боюсь, как бы он и меня не прихватил вместе с тобой.

Туо вышел и побежал дальше. Так бежал он, бежал от вождя к вождю, пока не достиг Мааламоа, самого края страны. Он посмотрел вокруг, куда бежать дальше, но дальше земли не было. Он увидел лишь двух детей, которые купались в море.

И они тоже увидели его.

— Вы кто такие? — спросил их Туо.

— Мы — это мы,— ответили дети.

— Что вы здесь делаете?

— Мы купаемся.

И дети перестали на него смотреть. Они купались. Вождь Туо закричал им:

— Скажите мне, куда я могу бежать, чтобы спрятаться?

— А от кого тебе прятаться?

— От того, кто за мной гонится.

— Он такой же, как мы?

— Я не знаю, посмотрите туда, вон он идет.

— Ну, хорошо, оставайся здесь. Когда он будет совсем близко, мы нырнем в воду, и ты ныряй с нами.

Дух был уже близко. Дети нырнули, и вождь Туо нырнул вместе с ними. И они вошли в дом на дне моря.

Дух остался на берегу один. Он не мог спуститься на дно моря за своей жертвой. И тогда он вырвал два пучка травы, призвал двух птиц и велел им созвать всех остальных птиц.

Одна полетела вдоль западного берега, другая вдоль восточного, и они слетелись на острове Поот.

Вскоре все птицы, все до одной, собрались перед вождем Тендо, и он сказал им:

— Я созвал вас, чтобы вы выпили всю воду из моря.

И птицы ответили:

— Мы повинемся!

Первыми начали пить цапли. Они пили, пили, пили, и вода стала убывать, как при малом отливе.

Потом стали пить кулики. Они пили, пили, пили, и из воды показались кораллы.

Потом стали пить чайки. Они пили, пили, пили, и вода стала убывать, как при большом отливе.

Потом стали пить другие птицы. Показалась крыша, потом и стены дома; наконец все стало сухо.

— Дело сделано,— сказал вождь Тендо,— вы свободны, а я пойду и найду вождя Туо, чтобы он меня накормил.

Он подошел к дому, и вождь Туо начал опять причитать:

— О, я несчастный, вот он идет за мной.

— Что же ты будешь делать? — спросили дети.

— То, что вы скажете.

— Хорошо,— сказали дети,— слушай нас: когда он тебя позовет, ты не выходи, скажи ему, пусть он сам войдет в дом.

Вождь Тендо стал звать вождя Туо:

— Выходи!

— Не выйду,— отвечал Туо.— Если я тебе нужен, войди за мной.

Тем временем дети взяли по топору и встали с двух сторон у входа.

Вождь Тендо нагнулся, чтобы войти, и тогда дети отрубили ему голову, она покатилась внутрь дома, а тело осталось лежать снаружи⁶.

79. Дед и внук Дере

Дед и внук пошли в горы за подпорками для ямса⁷. А в лесу, в горах нельзя было говорить громко. Они рубили подпорки. Внук взял одну очень ровную и длинную и стал ею размахивать и кричать. Ему было очень хорошо.

— Замолчи, здесь нельзя шуметь,— сказал ему старик.

Но внук не послушал его, он все кричал.

Они складывали свои подпорки на тропинку, по которой шли, чтобы на обратном пути собрать их все. Но когда настала пора возвращаться, они не нашли той тропинки. Дед и внук заблудились в лесу. Им стало страшно, они не знали, где они теперь. И они не нашли своих подпорок. И все это произошло потому, что мальчик шумел, где шуметь было нельзя, и, как дед ни уговаривал его вести себя тихо, он его не слушал⁸.

80. Сова, паже и вавиви

Птица паже сказала птице вавиви⁹:

— Пойдем в гости к сове.

Сова встретила их радушно:

— Это вы, мои юные братья!

— Это мы!

— Ну, хорошо. Входите же в дом.

Сова сделала вид, будто разыскивает еду. А у нее было уже все готово, но сова не собиралась угощать своих юных братьев. Она попросила их пройти в другую комнату, поменьше, и там обождать, пока она поест. Ведь она живет одна и всей пищи только ей и хватит.

Когда сова принялась за еду, ее юные гости рассердились и стали бросать в нее камни. Сова вылетела из дома, но паже и вавиви погнались за ней. Тогда сова забилась в щель в скале. Два юных брата попытались ее оттуда выкурить, но сова выдувала дым обратно. Они ждали, ждали и улетели. Тут сова вылетела из убежища и сама полетела за ними.

— Ага,— закричала она,— видите, я летаю быстрее.

Паже и вавиви снова погнались за ней. Она опять забилась в щель, и те улетели ни с чем. Они зашли к сове в дом и взяли там динамит¹⁰. Потом вернулись к скале, где пряталась сова.

Паже сказал вавиви:

— Зажигай ты.

— Я боюсь,— отвечал вавиви.

Так они долго препирались друг с другом, наконец вавиви сказал:

— Ладно, отложим до завтра.

Они спрятали динамит в ветвях дерева, на котором сидели, и ушли.

А сова все видела. И когда братья скрылись из виду, она забрала динамит. Ночью братья легли спать, а сова пришла и бросила динамит к ним в дом. И два молодых человека разлетелись на мелкие кусочки и погибли¹¹. А сова так и жила одна.

Остров Янде

81. Первая супружеская чета

Паиму Пюрехевази и Берангаат были первой супружеской четой в то время, когда еще не было людей.

Муж сказал жене:

— Было бы хорошо, если бы мы сменили кожу и навсегда остались жить здесь, на Янде.

Жена отвечала:

— А зачем так делать, чтобы мы здесь жили одни? Это не хорошо. Будет лучше, если мы вдвоем сделаем нового человека, который продолжит наш род.

Но муж не хотел этого. Он отправился в дом, а жене наказывал, чтобы она туда не входила. Там он лег и собрался менять кожу. Но жена пробралась в дом и спряталась в углу. Муж заметил ее и рассердился. Он сказал:

— Ты не хочешь, чтобы мы сменили кожу и жили вечно! Что ж, пусть будет по-твоему. Будем делать то, о чем ты говорила.

Так мужу не удалось сменить старую кожу, потому что его жена хотела иметь детей. Она родила их, и тогда появились люди, которые и заселили землю¹².

ФИДЖИ

Остров Вануа-Леву

82. Происхождение кокосовых орехов

Люди из племени съетура¹ отправились однажды на остров Моала обмениваться дарами. Они высадились на острове. По пути к деревне вождь племени съетура по имени На-Улу-Матуа² заблудился. Он встретил женщину по имени Ди Моала³.

— Доле ни сала⁴,— приветствовала женщина вождя.

На-Улу-Матуа подарил Ди Моале свой наконечник для копья с отравленным острием. А потом спросил женщину, что она подарит ему взамен⁵. Ди Моала ответила, что он может получить орехи кокосовой пальмы, которая называется Кокос-Что-Наклонился-Над-Морем. Она сказала так:

— Если ты не сможешь залезть на дерево, позволь называть тебя тогда Человек-Из-Лодки-Который-Не-Может-Добиться-Своей-Цели. А если ты залезешь на дерево успешно, я стану твоей женой, второй после Ди Сере-Тонга⁶.

На-Улу-Матуа уперся ногами в ствол дерева, откинул голову назад и забрался по стволу так же легко и быстро, как будто он шел по земле. В то время как он забирался на дерево, Ди Моала держала край его пояса, сделанного из шкуры животного. Но ветер вырвал пояс из рук и унес его на острова Тонга.

Когда На-Улу-Матуа достиг верхушки дерева, он сорвал молодой кокосовый орех и выпил его сок. Потом он потрянул пальму. Один орех упал на острова Ясава, другой — на остров Вануа-Леву, третий — на Самоа, четвертый — на Тонга⁷, пятый — на Тавеуни, остальные — на острова Лау. А сухой лист с пальмы упал на северный берег острова Вити-Леву. Вот почему кокосовые пальмы, которые растут в этой местности, не приносят хороших плодов. Их орехи пусты и сухи внутри⁸.

83. Друзья из Ндрекети

Вот что рассказывают о двух предках из местности Ндрекети. Одного из них звали Кау⁹, а второго — вождь Нукути. Эти предки были друзьями. Однажды они сговорились, что Кау приедет в Нукути поговорить с другом. Когда назначенный срок настал, вождь Нукути приготовил много еды, а для приправы пошел наловить рыбы¹⁰.

А Кау тем временем прибыл в Нукути. Он высадился из лодки на берег и пошел к дому своего друга. Вождь Нукути в это время ловил рыбу, и в доме оставалась лишь его жена. Кау поговорил с ней немного, а потом вышел из дому. Он побежал к берегу моря, вырыл яму в песке и лег в нее. В это время на берег вышла жена вождя Нукути. Кау окликнул ее, спросив:

— Где Кау?

— Не знаю,— отвечала жена,— он куда-то вышел. А куда — не знаю.

— Я теворо¹¹,— сказал Кау,— ты должна меня слушаться. Вождя Нукути нет и Кау нет. Отдайся мне, иначе я тебя съем!

Жена вождя Нукути сильно испугалась. Она ведь не узнала Кау и думала, что он и в самом деле теворо. И она подчинилась его приказу. А потом отправилась домой.

В это время вернулся вождь Нукути. Он спросил:

— А где мой друг?

— Не знаю,— ответила жена.— Он куда-то вышел.

Через некоторое время появился Кау. Друзья приветствовали друг друга. Но вождь Нукути знал, что сделал его друг

с женой. Он догадался, что Кау наслаждался ею на песке на берегу. И тогда он сказал сам себе:

— Хорошо же, я с ним поквитаюсь. Пусть он получит то же самое, что сделал с моей женой!

Друзья поели и легли спать. Утром они опять поели, и Кау сказал, что ему надо вернуться в свою деревню.

— Хорошо,— ответил вождь Нукути,— послезавтра я тоже буду там.

Кау сел в лодку и вернулся домой. Прошел день. Вождь Нукути отправился в деревню, где жил Кау. А тот ушел на огород, чтобы заготовить еду для угощения. Жена Кау осталась в доме одна. Вождь Нукути заставил ее отдаться ему: он хотел поквитаться с другом. Жена подчинилась его угрозам. А потом умерла.

Тогда вождь Нукути положил ее тело в корзину и повесил на балку дома. Вскоре вернулся Кау. Он увидел подвешенную корзину и решил, что там рыба, которую привез его друг. Кау сунул руку в корзину и нащупал там...¹²

Тогда Кау понюхал руки и воскликнул:

— Друг прибыл ко мне из Нукути и принес в дар ската ¹³!

Кау не знал, что в корзине лежала его мертвая жена. Так он поплатился за то, что сделал с женой вождя Нукути.

84. Охота на черепаху

Вождь местности Валили однажды увидел огромную черепаху. Она плыла близ островов Ясава, что лежат к северо-западу от Вануа-Леву. Черепаха нырнула под воду.

Тогда вождь Валили принес в дар каву ¹⁴ Вусо-ни-Лаве ¹⁵ и рассказал ему о черепахе. Люди племени съетура стали состязаться: кто сможет дольше задержать дыхание. Большинство из них могло не дышать два дня. Вождь Валили — половину месяца. А Вусо-ни-Лаве задержал дыхание на целый месяц. И когда он выдохнул воздух, ураган пронесся вдоль наветренного берега Вануа-Леву!

Все сели в лодки и отправились к островам Ясава. Но как только люди племени съетура приблизились к черепахе, она нырнула под воду. Все люди нырнули вслед за ней. Однако

никто не смог отыскать черепаху на дне. Воздуха не хватило, и охотникам пришлось выныривать. Только Вусо-ни-Лаве остался под водою.

Дно было илистым. Там росло много водорослей. Черепаха ела водоросли, и Вусо-ни-Лаве вскочил ей на спину, потом пробежал по спине от головы до хвоста и вновь вернулся к голове. Он попробовал схватить черепаху за голову и поднять ее. Но это ему не удалось. Тогда Вусо-ни-Лаве привязал к передней ноге черепахи веревку и потащил ее наверх, на поверхность. Нога оторвалась. И когда Вусо-ни-Лаве вытащил ногу на поверхность, она оказалась длиннее дома вождя! От раны черепаха сохла и всплыла. Спина ее была шире деревенской площади перед домом вождя¹⁶.

На лодку черепаху погрузить не смогли. Тогда ее хвост привязали к лодкам и потащили к берегу. Вождь Валили сказал, что каждый может брать черепашьего мяса сколько хочет. Черепаха была так велика, что мясо получили люди всех окрестных деревень Вануа-Леву и Тавеуни. А взамен они принесли вождю Валили всякие дары¹⁷.

85. Глупый вождь

Вождь Нау-Сами-Леву, предок из Ндрекети, был известен своею глупостью¹⁸. Однажды его люди строили дом и спросили вождя: делать дом высоким или низким? Вождь Нау-Сами-Леву отвечал:

— Поднимите его повыше, опустите его пониже. Пусть он будет высокий и низкий!

Однажды он велел принести с огорода таро. И сказал при этом:

— Стебли не приносите. Несите только свежие клубни, без стеблей и без кожуры¹⁹.

У вождя Нау-Сами-Леву было два кабана. Он решил приготовить из них угощение для пира. А перед тем, как кабанов стали резать, велел их охолостить!

Однажды вождь был в лесу вместе со своими людьми. Он подошел к пропасти и на дне ее увидел лягушку. Вождь решил, что тут озеро. И велел своим людям прыгать в пропасть

и купаться там. Крики попугаев на деревьях на дне пропасти показались ему людскими голосами. Он думал, что его люди купаются и весело кричат!

86. Хитрый теворо

В деревне Вари жил теворо. Однажды он решил отправиться на остров Тавеуни. Теворо высадился на берег у Ваинуну, проследовал через Ваилеву и Насавусаву и прямо прошел к Нангинги. Потом он пошел вдоль берега, пересек Татилеву и достиг Навоидо, где была лодка. Теворо сел в нее и приплыл к Тавеуни. Он пристал к берегу в Населеселе, а потом отправился в глубь острова, в деревню Ваиникели. Там он остановился в доме вождя Ваиникели.

Вождь спросил его:

— Ты откуда?

— Я? Может быть, из Мбуа²⁰.

Вождь опять спросил:

— Из какой деревни?

— Из Тавалеву,— отвечал теворо.

— А куда ты держишь путь? — спросил вождь в третий раз.

— Просто странствую. А сейчас пришел к вам в гости.

Вождь решил:

— Хорошо. Оставайся у нас.

У вождя была красавица дочь. И теворо возжелал ее. Вечером, после того как все поели, девушка отправилась в свою хижину²¹ плести циновки. Теворо из Вари стал ходить вокруг хижины, а потом заглянул в нее.

— Что тебе надо? — спросила девушка.

— Ничего,— ответил теворо.— Я просто гуляю.

— Хорошо, заходи в хижину,— сказала дочь вождя.— Давай поговорим.

Теворо стал рассказывать ей разные истории. А потом спел «сере кали» — «песню подушки» о своей родной земле. Он пел:

Волны мягко плещут на песчаный берег Вари.
Они плещут, а над ними зеленеют рощи,

Красный таро растет возле дверей хижин ²²,
Но еще вкуснее рыба, пойманная к ужину.
И мать спит. Я возвращаюсь в Вари.

- Какая хорошая песня! Пой дальше!
- Нет, песня окончена, — ответил теворо.
- Тогда спой ее еще раз! — попросила девушка.

И теворо повторил свою песню. Когда же он кончил петь, девушка сказала:

- Я пойду с тобой.

Они быстро вышли, пошли к берегу моря и сели в лодку. Когда взошло солнце, они достигли уже Тасилеву. И они поплыли вдоль берега, прямо к Кумбулау. Когда солнце село, они добрались до Ваинуну. Девушка уснула. Около моста они причалили. Теворо вышел из лодки, завернул девушку в циновку и вынес ее на берег. Бросив лодку, он поспешил в лес. Они поднялись к Источнику Чистой Воды и прошли к Натангисара. Затем они спустились в Съетура и вновь поднялись к Лиликанаува. А оттуда прямо пошли в Вари. Теворо положил девушку спать в своем доме. Утром девушка проснулась и стала глядеть вокруг. И она нигде не увидела берега моря. Девушка стала плакать, но напрасно. Ведь ее родная деревня была далеко. Теворо сказал:

— Пропала твоя надежда. Мы не будем жить на берегу моря.

Девушка ответила:

- Я думала, что твоя песня была правдой.

Предок из Вари сказал:

— У меня не было жены. А моя песня привела тебя сюда. В деревню Вари нельзя приплыть морем. Здесь лесная страна, море далеко отсюда.

87. Человек-змея

В Ндрекети когда-то жила женщина, у которой вместо сына родился змей. Змей рос и рос. Своим родителям он был противен. Но все же они заботились о нем, ведь это был их ребенок. Когда он вырос, ему построили отдельную хижину. А потом родители решили его женить.

Долго они искали невесту. Наконец после долгих трудов нашлась девушка, что согласилась выйти замуж за змея. Родители предложили ей жить вместе с ними и только на ночь отправляться к мужу. Но девушка ответила — раз она вышла замуж, хозяйство нужно вести отдельно.

Однажды она отправилась ловить рыбу. Змей сбросил шкуру и превратился в юного вождя. Когда жена вернулась, она не узнала своего мужа. А тот притворился, будто ищет человека-змея.

Прошло три дня. Жена снова пошла ловить рыбу к рифу. И тут она начала догадываться: незнакомый юноша — это ее муж!

На четвертый день она сказала, что опять пойдет ловить рыбу. А сама осталась дома, нашла змеиную шкуру и сожгла ее. Вечером опять пришел юный вождь. Он спросил, где змей, назвав его по имени.

— Он здесь,— отвечала жена.— Он — это ты!

Все люди узнали об этом. Девушки, что когда-то не хотели выходить замуж за змея, горько пожалели о своем поступке.

88. Кто кого?

Однажды древесная ящерица и морская черепаха устроили состязание. Каждый из них хотел захватить раковину. Ящерица хотела, чтобы раковина жила на суше, а черепаха хотела, чтобы раковина жила в море. Они ухватились за створки раковины с разных концов и стали тянуть их в разные стороны. Черепаха постепенно уступала ящерице. И тут она сказала:

— Ящерица, ну-ка посмотри на раковину!

Ящерица ослабила хватку, на мгновение отпустила раковину, и черепаха нырнула с нею в море. Вот почему раковины находят в море, а не в лесу. И теперь всякий, кто убьет древесную ящерицу или морскую черепаху, должен трубить в раковину. На одной из ее створок пять полос — это следы когтей древесной ящерицы. А на другой — извилины. Это следы морской черепахи.

89. Попугай и летучая собака

Попугай и летучая собака были друзьями. Однажды летучая собака сказала:

— Друг, на острове Коро созрели чудные плоды давы²³.

Попугай отвечал:

— Если мы полетим туда, позволь мне есть их мякоты!

— Хорошо, друг,— ответила летучая собака,— летим!

Они полетели к острову Коро. Летучая собака летела очень низко, над самыми гребнями волн. А попугай летел высоко-высоко. И вскоре его крылья устали. Тогда он окликнул летучую собаку:

— Я устал и могу упасть в воду.

Летучая собака отвечала:

— Спускайся вниз, друг. Я поддержу тебя своими крыльями над гребнями волн.

Попугай очень устал и с трудом спустился вниз. Летучая собака сказала:

— Садись ко мне на крылья, иначе ты умрешь.

Когда попугай приблизился и захотел сесть, летучая собака натянула перепонки своих крыльев. Попугай соскользнул с них и упал прямо в море. И тотчас его съела рыба-попугай²⁴.

Вот почему ее морда так похожа на клюв попугая. С той поры все попугаи стали бояться летучих собак — они уже больше не друзья.

90. Утка и цыпленок

Однажды утка²⁵ и цыпленок плавали в лодке. Лодка была сделана из листьев дикого таро. Цыпленок был голоден и захотел поискать на дне лодки какой-нибудь еды. Утка просила цыпленка потерпеть — ведь он может своими когтями проколоть дно лодки. Но цыпленок отвечал: земля недалеко, и, если что случится, до берега нетрудно долететь.

Утка снова стала уговаривать цыпленка: ведь утки могут плавать, а цыплята — нет. Но тут вдалеке показался остров, и цыпленок не стал больше ждать. Он начал разгребать сво-

ими лапками дно лодки и продырявил его. Лодка потонула. Утка поплыла, а цыпленок быстро полетел к острову.

Вскоре он устал и полетел назад, к утке. Он хотел отдохнуть на ее спине. Как только цыпленок захотел это сделать, утка нырнула. И она ныряла всякий раз, когда он пытался сесть ей на спину. Цыпленок выбился из сил и утонул. А утка доплыла до берега.

91. Как был наказан журавль

Однажды журавль и водяной пастушок отправились к берегу моря пить воду. По дороге водяной пастушок заметил ямку, где была пресная вода. Он крикнул:

— Чур моя!

Журавль ответил:

— Нет, вода моя. Это я увидел ее первым.

И журавль выпил всю воду.

Затем они продолжили путь. Водяной пастушок увидел спелые бананы и крикнул:

— Чур мои!

Журавль ответил:

— Нет, бананы будут мои, я их увидел первым.

И съел все бананы.

Вскоре они увидели плод хлебного дерева. Водяной пастушок крикнул:

— Чур мой!

Журавль ответил:

— Нет, он будет мой, я увидел его первым.

И съел плод хлебного дерева.

Наконец они пришли к берегу моря. Журавль шел впереди и увидел большого моллюска. Он сказал:

— Водяной пастушок, ты видишь, здесь еда для нас. Но как добратся до нее?

Водяной пастушок ответил:

— Ты засунь свои ноги в створки раковины. И разорви тело моллюска когтями.

Журавль сунул ноги в створки моллюска. И они тотчас захлопнулись, зажав журавлю ноги. Журавль закричал:

— Водяной пастушок, водяной пастушок, принеси скорее большой камень! Разбей им раковину. Поднимается прилив, я могу утонуть!

Тогда водяной пастушок пропел, танцуя:

Ты выпил воду,
Ты съел бананы,
Ты съел хлеб
И делал меня глупым.
Ие-е-е!

Поднялись большие волны. Журавль был невелик — и утонул.

92. Почему на Тонга плохо готовят таро

Однажды вождь с островов Тонга отправил посланца в деревню Намбоувалу, что в местности Вуйя. Он должен был научиться у ее жителей готовить клубни таро²⁶. Посланец прибыл в Намбоувалу. И все время, пока жил в отведенном для него доме²⁷, спал. Ему приготавливали клубни таро самыми разными способами. Посланец с Тонга просыпался и пробовал их. Еда ему очень понравилась. Когда он вернулся на острова Тонга, он попробовал сделать такую же вкусную еду для своего вождя.

Соус из кокосового ореха нужно готовить отдельно. А он растолок кокосовый орех вместе с клубнями таро! Вождь попробовал его стряпню и сказал, что она очень невкусная и сырая. Тогда люди догадались, что посланец все время спал в доме для гостей. А просыпался лишь затем, чтобы поесть. Он так и не научился готовить клубни таро. И по сей день жители островов Тонга не умеют вкусно готовить таро.

3. Взятие крепости Ватулака

Однажды Ра Ингоинго-а-Вануа²⁸ сказал вождю Вусо-ни-Лаве²⁹:

— Подойди ко мне. Вот что я хочу сказать тебе. Ты покорил множество земель. Но остается непокоренной одна де-

ревня по имени Ватулака³⁰. На острове, где она стоит, нет песчаного берега, и лодкам невозможно причалить к нему.

— Да будет так! — ответил ему Вусо-ни-Лаве. — Утром мы отправимся туда. Сейчас же я отправлюсь в свою деревню.

Вождь Вусо-ни-Лаве вернулся в свою деревню, вошел в дом и протрубил в раковину. Люди племени съетура тотчас же пришли на зов. Тогда Вусо-ни-Лаве сказал им:

— Я вернулся из На-Вуни-Вануа³¹. Ра Ингоинго-а-Вануа сказал мне так: «Много земель завоевали вы. Непокоренной осталась только одна деревня. Она находится за полуостровом Наивака и лежит в открытом море. Ее название Ватулака». Ра Ингоинго-а-Вануа сказал мне: «Там нет песчаного берега». Я ответил ему: «Люди племени съетура высадутся там утром».

Тогда люди племени съетура ответили своему вождю:

— Мы согласны. Мы быстро соберем еду, воду, дрова и приготовим все, что нужно для битвы.

За ночь все было подготовлено. Утром люди племени съетура сели в лодки и отправились в путь. Они плыли до тех пор, пока не достигли Ватулаки. Лодки не могли причалить к ней и стали плавать вокруг острова. Этот остров был одинокой скалой. Она поднималась из морских глубин и возвышалась до половины неба. И там, на вершине, находилась деревня.

Шли дни и ночи. И вот вождь Ватулаки сказал своему человеку:

— Отправляйся, узнай, откуда прибыли люди на лодках. Если их суда торговые, открой ворота³². А если они военные, то плотней закрой их.

Посланец отправился к лодкам. Он спросил людей племени съетура, кто они такие. Вусо-ни-Лаве ответил:

— Люди племени съетура.

— Ваши суда торговые или военные?

Вусо-ни-Лаве отвечал:

— Если бы наши суда были торговыми, мы заранее предупредили бы о своем приезде вашего вождя³³.

— Суда военные! — закричал посланец и плотнее затворил ворота.

Тогда Вусо-ни-Лаве сказал:

— А-Кело-ни-Табуа³⁴, будь готов! Вместе со своими одногодками ты будешь брать деревню.

А-Кело-ни-Табуа и его одногодки стали подниматься наверх, к деревне. Прошел день и настала ночь. Но они не достигли своей цели, и им пришлось вернуться в лодку. Все легли спать.

Наутро Вусо-ни-Лаве сказал:

— Ра Лива-ни-Вула³⁵, скажи своим одногодкам, что вы будете брать деревню.

Но и Ра Лива-ни-Вула с одногодками постигла та же участь, что и А-Кело-ни-Табуа. На следующее утро Вусо-ни-Лаве сказал:

— Племянник Моалы³⁶, готовься со своими одногодками взять деревню.

Племянник Моалы и его одногодки стали подниматься наверх, к деревне. Прошел день, и наступила ночь, но они так и не добрались до цели. Им тоже пришлось вернуться назад в лодку и лечь спать.

Тогда наутро Вусо-ни-Лаве сказал:

— Хорошо, я сам пойду брать деревню.

Он встал и обратился к Ра Ингоинго-а-Вануа:

— Ра Ингоинго-а-Вануа, приди на помощь ко мне! Все люди племени съетура устали. Сегодня я пойду брать Ватулаку.

И Вусо-ни-Лаве прыгнул вверх. Он опустил на самом краю деревни. Своей головой Вусо-ни-Лаве вышиб камень, который закрывал ворота. Теперь они были открыты. Вусо-ни-Лаве вернулся к лодкам и крикнул:

— В бой, люди племени съетура!

Воины устремились в проход. Ра Лива-ни-Вула первым ворвался в деревню и сразу же побежал к вождю Ватулаки, которого звали Месяц Цветка Кокоса. Ра Лива-ни-Вула схватил его за руку и рванул так, что вывихнул ее.

— Отправляйся к лодкам,— сказал Ра Лива-ни-Вула вождю Ватулаки.

Они спустились вниз, к лодкам. Вусо-ни-Лаве схватил вождя по имени Месяц Цветка Кокоса за руку, вырвал ее и с силой швырнул прямо в небо! Потом он крикнул:

— Для Ра Ингоинго-а-Вануа разрушим Ватулаку! Пусть будет она бесплодным местом!

Люди племени съетура бросились в бой. Они разрушили деревню Ватулака. И когда в деревне никто не остался в жи-

вых, люди племени съетура вернулись к лодкам, сели в них и поплыли назад, на родину. Они пели песню победы.

Люди племени съетура отправились в На-Вуни-Вануа и там совершили жертвоприношения. Ра Ингоннго-а-Вануа распределил угощение между вождями, и люди племени съетура вернулись в свою деревню.

Остров Мбенгга

94. Как возник обычай ходить по огню

В старину наши люди собирались каждый вечер в одной из хижин послушать сказочников. По обычаю, каждый мужчина обязан был принести сказочнику на следующий день подарок — намбу. Однажды вечером молодой вождь по имени Туи³⁷ Нкуалита пообещал принести в качестве намбу угря. На следующее утро он отправился за угрем и пошел вдоль ручья, который струился невдалеке от деревни. Вскоре он добрался до илистого пруда, где могут водиться угри, и принялся копать землю. Через некоторое время ему показалось, что на дне выкопанной ямы кто-то шевелится. Он сунул туда руку, нащупал что-то скользкое и начал вытаскивать это существо. Вдруг из ямы раздался крик:

— Отпусти меня!

— Нет! — ответил Туи Нкуалита. — Я поймаю тебя и отнесу в деревню как намбу.

— Если ты меня отпустишь, ты станешь самым лучшим мореплавателем в мире.

Туи Нкуалита потянул сильнее и сказал:

— Я и так самый лучший мореплаватель³⁸ в мире!

— Если ты меня отпустишь, я сделаю тебя самым лучшим метателем копья, — умолял голос.

— Я и так самый лучший в мире метатель копья. Никто не может бросить копье дальше меня!

— Отпусти меня, и я превращу тебя в самого красивого мужчину в мире.

— Я и так самый красивый мужчина в мире. Ни одна женщина не может устоять передо мной.

— Отпусти меня,— вновь повторил голос,— и я наделю тебя способностью ходить по огню³⁹, не обжигаясь.

— Хорошо,— согласился Туи Нкуалита,— вот это совсем другое дело! Вылезай из своей норы и выполни свое обещание.

Но из ямы появился не угорь, а маленький человечек по имени Туи-на-Моливаи⁴⁰. Туи-на-Моливаи начал сооружать земляную печь — лово. Он выкопал глубокую яму, заполнил ее большими камнями, а сверху навалил дров и поджег их. Огонь горел долго, и камни сильно раскались. Тогда человек взял Туи Нкуалиту за руку, и они, ступая босыми ногами по камням, четыре раза прошли через лово. Раскаленные камни не причинили им никакого вреда.

— А теперь,— объявил Туи-на-Моливаи,— мы с тобой должны закопаться в камни лово на четыре дня.

— На это я не согласен,— возразил Туи Нкуалита.— Ты еще сыграешь со мной какую-нибудь злую шутку. Да мне и так уже пора возвращаться в деревню.

— Ну, хорошо,— согласился Туи-на-Моливаи.— Тогда нам нужно закопать вместо нас лианы масаве⁴¹.

— Спасибо,— поблагодарил его Туи Нкуалита.— Теперь я отпущу тебя и пойду поищу что-нибудь другое для моего намбу.

— Спасибо и тебе,— сказал Туи-на-Моливаи.— Отныне ты и все твои потомки смогут ходить по огню.

И с тех пор жители Мбенгги наделены способностью ходить по огню без вреда для себя.

Остров Ротума

95. Мафи и Лу

Жили две сестры. Старшую из них звали Лу. Место, где они жили, было на поверхности земли. А внизу, под землей, находилась страна Тонга⁴². Там обитала супружеская пара, и

у них был сын по имени Мафи. Этот юноша все свое время старался проводить наверху, на земле. Он говорил, что его родина — забытая страна, а наверху много неизвестного и любопытного.

Прошло какое-то время. Мафи и Лу поженились. У них родился сын, которого назвали Моеа Мотуа. Позже появился и второй сын, которому дали имя Моеа Лангон⁴³. Через некоторое время Лу в третий раз забеременела. И однажды, когда она пошла к очагу, у нее преждевременно родился ребенок. Он упал наземь, перепачканный кровью.

В те времена на небе жила женщина по имени Мари-ки-Ланги. Увидев кровь, которая вытекла из Лу, женщина спустилась с небес похитить ее. Она позвала на помощь птицу веа⁴⁴, та зачирикала и стала кивать головой. Пошел ливень и смыл кровь. Похитив кровь, женщина Мари-ки-Ланги и птица веа увидели, что ребенок жив. Они унесли его на небо и назвали Моеа Тиктик.

Когда мальчик вырос, Мари-ки-Ланги сказала ему:

— Отправляйся в дом к своей матери и жди, когда она откроет печь. Как только она сделает это и покажется пища, подбеги и схвати ее, отщипни кусок для себя. А потом возвращайся ко мне.

Моеа Тиктик отправился на землю и стал ждать. Вскоре к очагу пришла Лу, чтобы достать пищу. Моеа Тиктик выждал момент и, как только появилась пища, подбежал, внезапно схватил ее, отщипнул кусок, а затем убежал домой.

Прошло некоторое время. Однажды приемная мать рассказала Моеа Тиктику, что его отец устроил засаду и хочет его поймать. Она сказала:

— Отправляйся туда, где ты был в первый раз. Твоя мать идет открывать печь, а твой отец затаился в кустах, чтобы поймать тебя.

Моеа Тиктик отправился к дому родителей. Мать открыла печь. Как только появилась пища, он подбежал, схватил и отщипнул кусок для себя. Но в этот миг из кустов выскочил его отец. Он схватил Моеа Тиктика. Мальчик испугался.

— Ты чей ребенок? — спросил отец.

— Твой, — ответил мальчик.

— Как это так? — спросил мужчина.

— Давным-давно, — ответил мальчик, — моя мать пошла, чтобы открыть очаг. И тут я преждевременно родился. Моя

приемная мать увидела сверху, с неба, что я жив. Она спустилась вниз, забрала меня и унесла.

Услышав слова мальчика, Мафи и Лу закричали от радости и взяли ребенка в свой дом. Они собрали народ, приготовили еду, зарезали свиней и отпраздновали возвращение сына.

Прошло некоторое время. Однажды Моеа Тиктик спросил своих старших братьев, знают ли они, где сад их отца. Братья ответили, что не знают. Тогда ночью Моеа Тиктик привязал к себе одежду своего отца.

Все уснули. Приближался рассвет. Отец встал, чтобы идти в свой сад. Но как только он поднялся, пробудился и младший сын.

— Мальчик, ты непослушен! — сказал Мафи.

Он освободился от ребенка и вышел из дома, а Моеа Тиктик притворился спящим, и его отец думал, что тот и в самом деле спит. На самом же деле Моеа Тиктик не сводил глаз с отца. Он увидел, как Мафи подошел к огромному камню, приподнял его и затем подполз под него. Мальчик пометил камень, а затем вернулся.

Моеа Тиктик дождался рассвета. Затем по своим отметкам он добрался до огромного камня. Приподняв камень, Моеа Тиктик увидел внизу отца, который работал в саду. Спуститься вниз можно было по стволу дерева хахиа⁴⁵. Мальчик спустился вниз по дереву. Затем он подобрал плод хахиа и сделал на нем отметку, похожую на след клюва птицы. Потом он с силою швырнул его в своего отца и попал. Отец упал. Немного погодя он поднялся и увидел, что его ударил плод хахиа. Мафи поднял плод, разглядел его и заметил, что на нем след клюва птицы. Тогда он вновь принялся за работу.

А Моеа Тиктик следил за отцом. Вскоре он поднял второй плод хахиа, пометил его и швырнул в отца. Плод сбил Мафи, он снова упал и долго не мог подняться. Наконец Мафи почувствовал себя лучше. Тогда он встал и подобрал плод хахиа. Осмотрев его, Мафи заметил, что плод помечен человеком. Он посмотрел вверх и увидел своего сына: Моеа Тиктик сидел в развилке дерева.

— Мальчик, — сказал Мафи, — ты очень непослушный! Спускайся сейчас же вниз!

Моеа Тиктик спустился вниз и подошел к отцу. Он заметил, что неподалеку стоит копалка. Пока отец был занят

прополкою, Моеа Тиктик все ближе и ближе подбирался к копалке. Вскоре она была у мальчика. Теперь отец, рассердившись, не смог бы побить мальчика копалкой. Увидев это, Мафи послал сына сорвать кисть бананов и приготовить ее для еды.

Моеа Тиктик отправился рвать бананы. Но тут он увидел, что их охраняет огромная птица калае. Мальчик подумал: если не действовать быстро и не покалечить калае, птица его убьет. Он схватил толстую палку и швырнул ее в калае. Палка попала в птицу и сломала одно крыло. Калае упала на землю. Мальчик взял вторую тяжелую палку, швырнул ее в птицу и поломал ей другое крыло. Затем он подошел к бананам, отломал кисть, сбив ее концом палки. Палку он положил на плечо, повесив спереди птицу, а сзади — кисть бананов.

Отец ждал прихода сына. Когда Моеа Тиктик появился, неся бананы и калае, Мафи воскликнул:

— Мальчик, кто тебе велел калечить стража моего сада? Ты очень непослушный. Ступай и приготовь еду.

— Увы, у нас нет огня, — сказал Моеа Тиктик.

Тогда отец ответил:

— Отправляйся к моим старикам и принеси головню.

Мальчик отправился в дом своего деда и попросил дать ему головню. Старик отломал кусок от горящей палки и дал его Моеа Тиктику. По дороге к отцу мальчик окунул палку в воду и затем вернулся к деду и бабке.

— В чем дело? — спросили старые супруги.

— Палка пропала, — ответил Моеа Тиктик, — пожалуйста, дайте мне другую.

Старики дали ему другую головню. Мальчик понес ее и вскоре погасил огонь. Затем он снова вернулся и попросил новую головню. Тогда старик сказал:

— Пойдем со мной. Я вызываю тебя на состязание. Если победишь, можешь забирать огонь. Если нет — ты никогда его не получишь.

Мальчик ответил:

— Хорошо.

Дед схватил Моеа Тиктика и швырнул его вверх так высоко, что мальчика с трудом можно было разглядеть. Но когда Моеа Тиктик вернулся, он не упал, а твердо встал на ноги. Затем схватил своего деда и так швырнул его вверх, что тот

совсем скрылся из глаз. Когда же старик вернулся, он упал вниз плашмя.

Старик сказал:

— Пойдем, возьмешь целое горящее бревно.

Мальчик вошел в дом, положил целое бревно на плечо и вернулся к своему отцу. Мафи ждал его. Увидев сына, который нес горящее бревно, он сказал:

— Прекрасно, мой мальчик! Я догадываюсь: ты наделал неприятностей моим старым родителям, не так ли?

— Вовсе нет,— ответил Моеа Тиктик.

— Тогда готовь еду,— сказал отец.

Они приготовили еду, положили ее в печь⁴⁶ и закрыли. Затем Мафи сказал сыну:

— Иди теперь, мой мальчик, вытащи корень кавы и принеси сюда.

А корни кавы охранялись двумя огромными муравьями. Когда Моеа Тиктик подошел к месту, где росла кава, он увидел муравьев, стоящих возле растений. Мальчик придумал, как ему выполнить поручение отца. Он стал бегать вокруг растений без остановки. И два муравья забегали вокруг, вслед за ним. Моеа Тиктик кружил до тех пор, пока муравьи не устали. Тогда он подбежал к каве, рванул стебель, выдернул его и унес. А два муравья остались без сил, еле живые от усталости.

Отец ждал возвращения сына. И когда мальчик появился с корнем кавы, Мафи сказал:

— Прекрасно, мой мальчик! Я догадываюсь: ты наделал неприятностей моим любимым животным, не так ли?

— Вовсе нет,— отвечал Моеа Тиктик.

Они раскрыли печь, достали и съели пищу, приготовили из корня каву и выпили ее. Затем Мафи сказал сыну:

— Теперь пойдем домой, а вечером вернемся снова.

Они встали и собрались идти. Но тут Моеа Тиктик подбежал к дому, где жили родители Мафи, и сказал старикам:

— В день, когда вы услышите крик птицы калае, будьте начеку. Я спущу к вам вниз рыболовный крючок. Зацепите его за банан перед вашим домом. Тогда я вытащу вас наверх, на поверхность земли.

— Хорошо,— сказали старики,— до свиданья! Мы будем ждать, когда ты спустишь вниз свой крючок.

Мафи и Моеа Тиктик поднялись на поверхность земли, к своему дому. Вскоре все три брата — Моеа Тиктик, Моеа Лангон и Моеа Мотуа — отправились ловить акул. Когда они рыбачили, один из них поймал на крючок рыбу и принялся тянуть ее. Прежде чем она показалась на поверхности, он спросил своих братьев:

— Что за рыба попалась на мой крючок?

Тогда один из них ответил:

— Акула. Ведь мы отправились ловить акул.

Так они стали делать всегда. Как только одному из братьев попадалась рыба на крючок, он спрашивал, какую рыбу он тащит.

Моеа Тиктик спрятал птицу калае, ту самую, которой он поломал крылья, когда ходил с отцом в подземную страну. И когда Моеа Тиктик с братьями вышел в море на ловлю акул, он спрятал птицу в лодке. Моеа Лангон и Моеа Мотуа не заметили, как их младший брат привязал калае к своему рыболовному крючку и спустил в море. Птица опускалась все ниже и ниже. Наконец она опустилась прямо перед домом стариков в подземной стране.

Как только крючок приблизился к дому, птица стала кричать. Услышав крик калае, старики вспомнили слова своего внука. Они сразу же вышли из своего жилища и увидели крючок, свисавший перед их домом. Они зацепили его за банан.

Моеа Тиктик потянул лесу и почувствовал, что крючок зацепился. Тогда он сказал своим братьям:

— Угадайте, что за рыба?

— Акула, — ответили они, — ведь мы ловим акул.

Моеа Тиктик плотнее сел в лодке и сказал братьям:

— Будьте начеку, крепче держитесь. Это большая рыба.

Моеа Тиктик потащил лесу; при этом он пел. Услышав его песню, братья решили, что младший брат тащит не рыбу, а что-то другое. Тем временем их лодка закружилась, и старшие братья увидели: она вот-вот пойдет ко дну. А Моеа Тиктик по-прежнему тянул лесу.

Тогда братья стали просить, чтобы он не тянул лесу. Они говорили, что, если тянуть ее, лодка потонет и они погибнут. Но младший брат только сказал им:

— Не тревожьтесь! Крепче держитесь. Я и в самом деле тащу наверх рыбу.

Моеа Тиктик продолжал тянуть лесу, и вскоре юноши увидели: их лодка уже на мели. Потом со дна моря появилась земля, и вот уже лодка стояла на суше, перед самым дедовским домом. Братья вылезли из лодки. Моеа Тиктик отправился в дом искать деда и бабу. Но стариков унесло течением, когда их дом поднимался на поверхность. И мальчик не нашел своих стариков. Тогда братья стали искать других людей. Но нашли они только одного человека — это был мужчина по имени Тупу-а-Роси. Земля же, которую подняли на поверхность, была не чем иным, как страной Тонга.

Три брата стали говорить с Тупу-а-Роси. Но тот не знал их имен⁴⁷ и поэтому сказал юношам:

— Отправляйтесь в ваш дом. А утром приходите, будем веселиться. Я приготовлю еду.

С этими словами Тупу-а-Роси ушел, а потом превратился в паука. Он заполз под конек крыши и стал спускаться вниз по паутине прямо к голове Моеа Мотуа. Заметив паука, братья Моеа Мотуа крикнули:

— Моеа Мотуа! Смотри, кто собирается напасть на твою голову!

Так Тупу-а-Роси узнал, что имя старшего из братьев Моеа Мотуа. Он поднялся вверх, на крышу. А затем снова спустился, только на этот раз к голове Моеа Лангона. Двое братьев воскликнули:

— Моеа Лангон! Смотри, кто собирается напасть на твою голову!

Так Тупу-а-Роси узнал, что имя среднего брата Моеа Лангон. Затем он спустился вновь, к голове оставшегося мальчика. Старшие братья воскликнули:

— Моеа Тиктик! Смотри, кто собирается напасть на твою голову!

Так Тупу-а-Роси узнал, что имя младшего из братьев — Моеа Тиктик. Он вновь поднялся вверх на крышу, потом спустился наземь и обратился в человека. Теперь Тупу-а-Роси знал имена всех трех братьев. Он отправился на кухню, разжег печь и приготовил еду. Потом он принес ее братьям, и они все вместе поели. Как только еда была окончена, Тупу-а-Роси сказал трем юношам:

— Сейчас вы уйдете. Возвращайтесь завтра днем, и мы снова повеселимся.

— Спасибо,— сказали юноши.— Мы придем.

Но когда юноши ушли, Тупу-а-Роси отправился на берег. Он сказал стае птиц фуифуи:

— Останьтесь здесь и стерегите. Когда вы увидите трех юношей, окликните их по именам, чтобы я мог узнать, что они идут. Окликните их так: «Моеа Мотуа! Моеа Лангон! Моеа Тиктик!» Услышав это, я буду знать, что они близко.

Наступил следующий день. Три брата отправились к Тупу-а-Роси. Когда они были вблизи его дома, юношей увидели фуифуи. Они взлетели вверх и окликнули: «Моеа Мотуа! Моеа Лангон! Моеа Тиктик!».

Тупу-а-Роси услышал шум крыльев птиц, услышал имена и побежал прятаться.

Юноши вошли в его дом, но там никого не было. Тупу-а-Роси превратился в огромного петуха и с важным видом ходил перед домом. Юноши стали ждать. Но никто не появлялся. Наконец они отправились к себе домой.

Настало утро следующего дня. Внезапно в доме юношей появился Тупу-а-Роси и сказал:

— Я вчера ждал вас, но вы не пришли. Почему?

Юноши ответили:

— Мы приходили, но тебя не было дома.

— Тогда приходите ко мне завтра,— сказал Тупу-а-Роси.

— Ладно,— согласились юноши.

На следующее утро они отправились к Тупу-а-Роси. Заметив их, стая фуифуи взлетела и принялась выкрикивать имена трех братьев. Услышав это, Тупу-а-Роси спрятался. Юноши вошли в дом, но хозяина там не было. Братья ждали, но Тупу-а-Роси не приходил. Наконец они снова вернулись к себе домой.

Когда братья шли по берегу, в воздух взлетела стая фуифуи и принялась выкрикивать имена юношей. Заметив это, Моеа Мотуа сказал птицам:

— Отныне вы не должны выкрикивать наши имена. В будущем, когда взлетите, кричите свои имена, а не наши!

И братья продолжали свой путь. Они достигли своего дома. Вскоре появился Тупу-а-Роси и сказал:

— Вы не пришли ко мне. Чем это вы были так заняты?

Юноши отвечали:

— Мы только что вернулись от тебя. Но мы тебя там не видели.

Тупу-а-Роси сказал:

— Не сердитесь. Приходите завтра. Я в самом деле буду ждать вас. Мы вместе поедим.

— Хорошо,— ответили юноши.

Когда настало утро, Моеа Тиктик сказал своим братьям:

— Пойдем к Тупу-а-Роси и хорошенько его проучим. Сколько раз можно нас обманывать.

Трое братьев отправились в путь и пришли к дому Тупу-а-Роси. Стая фуифуи увидела юношей и взлетела в воздух. Но вместо того, чтобы окликать братьев по именам, птицы стали выкрикивать свои собственные имена. И Тупу-а-Роси не узнал, что юноши близко. Когда в дом вошли юноши, он беззаботно сидел в своем доме.

Тупу-а-Роси очень испугался. Потом он встал и отправился готовить пищу. Приготовив еду, Тупу-а-Роси принес ее в дом, все сели и поели.

Когда еда была окончена, Тупу-а-Роси предложил юношам отправиться вместе на рыбную ловлю.

— Очень хорошо,— ответили братья.

Они вернулись домой, переночевали и на следующий день пришли к Тупу-а-Роси. Они увидели, что Тупу-а-Роси подготавливает сеть для ловли. Братья беседовали с ним до тех пор, пока не начался прилив. Тупу-а-Роси сказал:

— Теперь пора! Самое время забрасывать сеть.

И тут же Тупу-а-Роси добавил:

— Вы отправляйтесь вперед, а я останусь и положу в печь еду, пусть она готовится. А потом приду к вам.

Трое юношей взяли сеть и отправились на ловлю. А Тупу-а-Роси положил еду в печь и тут же побежал к берегу моря. Он превратился в большую рыбу и поплыл прямо в сеть, заброшенную братьями. Трое юношей увидели большую рыбу, плывущую к ним, и разом закричали:

— О! Какая большая рыба! — и тотчас погнались к ней в середину сети. Но рыба рванула сеть, порвала ее и уплыла.

Размышляя о происшедшем, три брата отправились на берег. А Тупу-а-Роси, порвав сеть, поплыл к отдаленному месту. Там он вновь стал человеком. Заметив, что три брата уже вышли на берег, он пошел к ним. Встретив юношей, Тупу-а-Роси приветствовал их. Братья рассказали ему о рыбе, порвавшей сеть.

— Ничего,— сказал Тупу-а-Роси.— Несите сеть домой. Мы ее починим и завтра снова будем ловить рыбу.

Юноши принесли сеть домой, положили ее, затем умылись пресной водой. Тупу-а-Роси достал из печи еду. Поев, все легли спать. Наутро братья принялись чинить сеть, а Тупу-а-Роси готовил пищу. Начался прилив. Три брата взяли сеть и пошли на прежнее место ловить рыбу. А Тупу-а-Роси остался на кухне. Братья забросили сеть в море и стали ждать.

Но Тупу-а-Роси снова решил сыграть свою шутку. Он поспешно положил пищу в печь, спустился к берегу, превратился в большую рыбу и поплыл в сеть. Братья испугались, когда увидели большую рыбу. Она забралась в середину сети. Здесь рыба рванулась, порвала сеть и уплыла. Пришлось братьям снова выбираться на берег. Они повесили сеть на палку и отправились в обратный путь. Навстречу им появился Тупу-а-Роси, вновь превратившийся в человека. Он сказал:

— Приветствую рыбаков, идущих с ловли! Какую рыбу вы поймали к нашим овощам?

— Мы ничего не поймали,— ответили юноши.— Только мы забросили сеть, появилась вчерашняя рыба и порвала ее.

— Ну, ничего,— сказал Тупу-а-Роси.— Идите и смойте с себя соленую воду. А я пойду возьму пищу из печи и покормлю вас. Ведь вы, должно быть, устали.

Юноши умылись и поели. Потом они принялись чинить сеть, а Тупу-а-Роси пошел за едой.

Когда братья чинили сеть, Моеа Тиктик сказал:

— Вы, двое! Я думаю завтра сделать так: вы будете держать сеть за концы, а я стану в середине. Большая рыба появится вновь, чтобы помешать нашей ловле, я в этом уверен.

Братья ответили ему:

— Да, мы согласны. Дважды мы выходили ловить рыбу, но оба раза большая рыба рвала нашу сеть. Она мешает нам рыбачить и всякий раз уходит прочь.

Братья решили во что бы то ни стало поймать большую рыбу и съесть ее с овощами. Ведь им надоело каждый раз возвращаться с пустыми руками.

Вскоре вернулся Тупу-а-Роси. Они развлекались до сумерек, а затем легли спать. Утром, за завтраком, Тупу-а-Роси сказал юношам:

— Подождите, пока начнется прилив, и отправляйтесь рыбачить. А я положу нашу еду в печь, а затем и сам приду к вам.

Три брата дождались, когда начался прилив. Они отпра-

вились на берег, забросили свои сети и принялись ждать. А Тупу-а-Роси закрыл печь, потом снова пошел на берег моря, превратился в рыбу и поплыл к сети.

Увидев рыбу, Моеа Мотуа и Моеа Лангон стали по краям сети. Как только рыба заплывла в сеть, они крикнули Моеа Тиктику. Мальчик сразу же нырнул. Когда рыба была в середине сети, он обхватил ее руками. Двое других братьев пришли на помощь Моеа Тиктику и тоже схватили рыбу так, что она не могла двигаться.

Братья убили рыбу. Когда она была мертва, ее перевернули на спину. И тут юноши увидели следы татуировки, такой же, какая была у Тупу-а-Роси. Юноши поняли, что не кто иной, как Тупу-а-Роси мешал их рыбной ловле.

Братья выбрались на берег. В борьбе с большой рыбой никто из них не пострадал. Они принялись искать Тупу-а-Роси. Но его нигде не было. Юноши нашли лишь печь, в которой готовилась еда, — а человека не было.

Они поселились в доме Тупу-а-Роси и вступили во владение страной. И здесь конец сказки.

96. Лала и Лили, девушки-птицы

В одной местности жили муж с женой, у которых было две дочери. Старшую звали Лала Таваке, а младшую — Лили Таваке. После смерти родителей девушки остались совсем одни.

Однажды вечером, когда они собирались лечь спать, старшая сестра вдруг горько заплакала и сказала младшей:

— Сестра, мне очень жаль тебя.

— Почему ты меня жалеешь? — спросила Лили.

— Потому, — отвечала Лала, — что я принесу тебе много тревог.

Девушки легли спать. А на следующее утро Лили проснулась и увидела, что ее сестра превратилась в птицу кура⁴⁸ и вылетела в окно. Лили села и заплакала. Затем она увидела, как птица кура полетела и уселась на тоа ху, железное дерево⁴⁹, под которым были похоронены родители сестер.

А потом старшая сестра отправилась соблазнять Тинрау, сына сау⁵⁰. Превратившись в чудесную красную птицу кура, она полетела и показалась на глаза сыну сау. Заметив птицу, Тинрау вспугнул ее и начал охотиться. Погоня продолжалась до тех пор, пока Тинрау не достиг дома, в котором жили девушки. Лили, младшая сестра, плела циновки, когда Тинрау появился с черного хода.

Девушка повернулась к юноше лицом и сказала:

— Доброе утро, почтенный! Раньше никто не посещал этот дом. Как же ты сумел прийти сюда?

— Прости меня,— сказал Тинрау,— я пришел сюда вслед за птицей кура, что сидит на дереве тоа ху.

Лили поклонилась, но не сказала гостю, что эта птица — ее старшая сестра. Тинрау не стал охотиться на птицу. Вместо этого он сел и предложил Лили выйти за него замуж.

— О почтенный! — ответила девушка. — Ты пойми, что я живу в одиночестве. Если мы поженимся, как ты предлагаешь, кто же будет заботиться о тебе?

Но Тинрау тотчас отправил своего слугу к отцу, чтобы тот сообщил ему о женитьбе. Сау сказал слуге:

— Иди и вели Тинрау, чтобы он привел свою невесту. Пусть поженятся здесь.

Тинрау передал девушке волю отца. Она ответила ему:

— Хорошо, пойдем в твой дом, если так хочет сау.

Невеста и жених отправились в дом Тинрау и поженились там. Когда празднества кончились, сау подумал: неплохо бы съездить Лили. Он позвал сына и сказал ему:

— Ты знаешь, парень, я хочу съездить твою жену.

Тинрау отправился к жене.

— Лили,— сказал он ей,— мой отец хочет тебя съездить.

— Не печалься, Тинрау,— ответила девушка. — Сау просто шутит.

— Ты будешь убита послезавтра,— сказал Тинрау.

Вечером, накануне назначенного дня, когда девушка должна была быть убита и приготовлена для еды, появилась старшая сестра, Лала Таваке. Муж Лили в это время пил каву в своем доме. Лала влетела в дом, сбросила свои перья и положила их в маленькую корзинку — атфару⁵¹. Затем она вошла в спальню сестры, накрыла Лили циновкой и повесила над ней корзинку с перьями. А потом принялась расхаживать по дому.

Когда питье кавы в доме закончилось, Тинрау вернулся в свой дом.

Он позвал:

— Лили Таваке!

— Что? — ответила ему старшая сестра Лала Таваке.

— Почему ты не хочешь ужинать? — спросил Тинрау.

Девушка ответила, что она не голодна. Они отправились в спальню и легли. Тинрау стал плакать. Но девушка рассмеялась в ответ.

— Не плачь,— говорила она ему.— Конечно, твой отец не станет есть меня!

Но Тинрау не переставал плакать: он не знал, что с ним говорит другая девушка, а его жена в это время находится в спальне, накрытая циновкой апеи⁵²,

Все уснули. Наутро была зажжена печь, в которой должны были зажарить Лили. Лала Таваке встала, собрала вместе циновки апеи и епа⁵³ и вытащила их наружу. Когда печь раскалилась докрасна, Тинрау спросил у девушки:

— Ты готова?

— Да,— отвечала девушка.

Сразу же Тинрау крикнул своим людям, что его жена готова. Люди окружили дом и преградили выход из дверей и окон. Один из людей Тинрау бросился к девушке, но она убежала в спальню. Там она сняла корзинку с перьями и сбросила их. Тотчас все перья покрыли ее тело. Лала Таваке вновь стала птицей. Она принялась летать по спальне и клевать циновки апеи, которыми была покрыта Лили. Лала клевала их до тех пор, пока ее младшая сестра не превратилась в птицу таваке.

Тинрау и его люди пытались поймать девушек-птиц, но не смогли сделать это. Сестры улетели из дому и спаслись от гибели.

97. Дети и великан

У одной супружеской четы было двое детей — мальчик и девочка. Мальчик был старшим. Его звали Матаи Тиу. Девочку звали Матаи Куар. Днем их родители отправлялись на небо.

Однажды, собираясь на небо, они сказали своим детям:
— Дети, когда мы уйдем, не открывайте заднюю дверь.

Но едва родители удалились, мальчик сказал девочке:

— Давай попробуем открыть заднюю дверь — узнаем, почему нам не разрешают делать это.

— Давай! Если там что-то хорошее, мы узнаем это; если что-то плохое — тоже узнаем, — ответила сестра.

Дети открыли дверь и прямо перед собою увидели сад. Они пошли туда, и мальчик сказал девочке:

— Ты только посмотри! Сколько здесь бананов и сахарного тростника! Наши родители запрещали нам открывать дверь просто потому, что не хотели, чтобы мы знали об этом саде.

Мальчик нарвал бананов и наломал сахарного тростника. Затем вместе с сестрой он отправился в середину сада. Они сели и принялись есть.

А между тем их мать сказала отцу:

— Я чувствую, что-то случилось там, внизу. Мой большой палец дрожит.

— Ты лучше спустись и посмотри, что с детьми, — ответил отец.

Женщина появилась в своем доме и увидела открытую заднюю дверь. Тогда она схватила метлу, выбежала в сад и заметила там сидящих детей, которые ели бананы. Дети увидели, что попались. Они вскочили и бросились бежать.

Дети бежали и бежали, пока не добежали до развилки дороги. Там они свернули в сторону. Вскоре они увидели великана, который сметал сор. Великан повернулся к ним и сказал:

— Аруру метет, чтобы было чисто.

Дети присели на корточки и ответили:

— Матаи Тиу и Матаи Куар убежали из сада, и теперь они здесь.

Великан ответил:

— Я сообщу это Туре Кае Фоно Руа.

Эту дорогу охраняло десять великанов. И у одного из них, Туре Кае Фоно Руа, было две головы. Остальные девять великанов хорошо отнеслись к детям и хотели отпустить их. Но двухголовый великан решил их съесть. Он велел детям войти в его дом и поискать вшей у него в голове.

— Хорошо, — сказали дети.

Они вошли в дом великана, сели, и он положил свои головы им на колени: одну голову на колено мальчику, другую — на колено девочке. Мальчик стал рыться в волосах великана, искать вшей и приговаривать:

— Спи, спи!

Великан уснул. Тогда дети тихонько встали, связали великана и убежали из дому. Они прибежали к берегу моря и там увидели лодку. Дети положили в нее четыре куска пемзы и два тяжелых камня таптуени⁵⁴. Потом они оттолкнули лодку от берега, сели в нее и принялись грести.

Долго-долго гребли дети. И вот девочка сказала своему брату:

— Посмотри в сторону солнца: видишь там крохотное пятнышко наподобие мухи?

Она не знала, что на самом деле это был двухголовый великан, который отправился в погоню за ними. Но когда великан достиг лодки, дети поняли, что это было за пятнышко. Великан опустил в лодку. Девочка сильно испугалась. Но мальчик сказал великану:

— Садись, почтенный, отдохни. Посмотри-ка на меня!

Он взял куски пемзы и привязал по куску к каждой ноге и руке. А затем шагнул в воду и стал плясать по поверхности моря. Великан развлекался, смотря на ужимки мальчика.

Мальчик снова забрался в лодку. Развеселившийся великан сказал ему:

— Дай мне свои игрушки. Я тоже хочу попробовать.

— Хорошо,— ответил мальчик.— Вытяни свои ноги.

Великан вытянул ноги, и Матаи Тиу привязал к ним два тяжелых камня таптуени. Потом он толкнул великана в грудь. Тот плюхнулся в море и тотчас пошел ко дну.

А мальчик и девочка высадились на берег, пришли во владения великана, взяли себе все его добро и стали мирно жить.

МИКРОНЕЗИЯ

МИКРОНЕЗИЯ

МИКРОНЕЗИЯ

Микронезия (от греческого «микрос» — малый, «несос» — остров; «Мелкие острова») занимает северо-западную часть Океании. Это Маррианские острова (площадь 952 кв. км), о-ва Палау (494 кв. км), Каролинские острова (701 кв. км), Маршалловы острова (181 кв. км), которые тянутся двумя параллельными цепями (западная — Ралик, восточная — Ратак), и, наконец, о-ва Гилберта (284 кв. км), граничащие с Полинезией.

Острова Микронезии простираются более чем на 5000 км с запада на восток и почти на 3000 км с севера на юг.

Исследование островов Микронезии началось после беспримерного перехода судов Магеллана через Тихий океан от берегов Америки до Марианских островов: первый остров, Гуам, был открыт 6 марта 1521 г. Спутник Магеллана, Антонио Пигафетта, оставил краткое описание нравов и образа жизни жителей Гуама — первое этнографическое описание океанийцев. В 1526 г. ди Менезиги открыл о-ва Яп (Каролинский архипелаг). В 1528 г. экспедицией Альваро Сааведры были обнаружены первые атоллы из многочисленных Маршалловых островов. В XVI в. был открыт и ряд других островов этих архипелагов. В 1665 г. испанцы официально вступили во владение всеми Марианскими островами, а несколько позже начали войну, приведшую к почти полному истреблению местных жителей — чаморро. До нас дошли лишь сочинения миссионеров-испанцев и объемистая книга патера Гобьена (1700 г.), в которых описываются культура и быт этого народа.

Исследование архипелагов Микронезии продолжается и в XVI—XVIII вв. Большие заслуги в изучении этих островов имеют и русские ученые. Так, русский мореплаватель О. Е. Коцебу открыл в 1816 г. две группы атоллов, названные им о-вами Суворова и Кутузова, в Маршалловом архипелаге, а на следующий год — о-ва Румянцева, Чигагова, Аракчеева, Крузенштерна в том же архипелаге. Коцебу и его спутник, Адальберт Шамиссо, дали первое подробное описание жителей Маршалловых островов, а Шамиссо, кроме того, положил начало изучению микронезий-

ских языков, доказав их родство с языками Полинезии и Индонезии. Несколько лет спустя, во время своего второго кругосветного плавания, Кочубу открыл новые острова в Маршалловом архипелаге (в том числе и атолл Бикини).

Последние крупные открытия в Микронезии были сделаны экспедицией Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин», открывшей и описавшей многие острова Каролинского архипелага, в том числе о-в Понапе. Спутник Литке, ботаник и зоолог К. Г. Мертенс, заложил основы этноботаники — науки, которая ныне играет важную роль в решении проблем заселения Океании.

Значительный вклад в изучение Микронезии внесен во второй половине XIX в. венгром Яном Кубари, многие годы прожившим на о-вах Палау и Каролинских островах, а также немецким врачом К. Земпером и русским антропологом и этнографом Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Перед первой мировой войной в Микронезии побывал ряд немецких исследователей, после второй мировой войны — американских, а в промежутке между войнами — японских.

Микронезия является своеобразным связующим звеном между Полинезией, Меланезией и северной частью Индонезии. Полинезийские, меланезийские и индонезийские элементы имеются в антропологическом облике микронезийцев, в их материальной культуре и социальном укладе.

Существует несколько гипотез относительно заселения Микронезии. Польский ученый Годлевский предлагает следующую схему формирования населения Микронезии. Первая волна поселенцев, негроидов, пришла, по его мнению, с юга, из Меланезии. Вторая волна появилась со стороны Филиппин — это был народ с коричневой кожей, родственные тагалам. Вторая группа переселенцев частично смешалась с темнокожими элементами из первой группы, образовав, таким образом, главное ядро населения Микронезии. Третья волна мигрантов появилась позже, из Полинезии. Схема Годлевского подтверждается микронезийскими преданиями: так, на о-вах Гилберта есть легенда о том, что острова были первоначально заселены темнокожими людьми с низкой культурой; на о-ве Понапе жители рассказывали, что остров прежде населяли темнокожие карлики (чоколан), которых затем сменили светлокожие гиганты (кона).

Культура Микронезии, как и расовый облик ее населения, складывалась под воздействием других культур Океании и Юго-Восточной Азии. Культура западной части (Марианские острова, о-ва Яп, о-ва Палау) тяготеет к Индонезии и Филиппинам; культура восточной части (Маршалловы острова и о-ва Гилберта) — к Полинезии. Жители центральной части — Каролинских островов — наиболее специфичны как по своей культуре, так и по расовому типу.

Юго-западную окраину Микронезии составляет архипелаг Палау, где

имелось развитое палочно-мотыжное земледелие (выращивание таро, бананов, некоторых плодовых деревьев); рыболовство, однако, преобладало над земледелием. Имелось гончарное производство. На о-вах Палау сохранялись важнейшие черты матриархата: культ женских предков, особые женские союзы, матрилинейный род, особые женские советы во главе с «большой женщиной» и т. д. По мнению Н. Н. Миклухо-Маклая, современную ему религию жителей Палау можно назвать шаманизмом. Население делилось на три социальных слоя: вождей (рупак), свободных общинников (кикери-рупак) и зависимых (армеау). Власть вождей передавалась по наследству, однако единого правителя на Палау еще не было. Маклай описал зачатки письменности на о-вах Палау: на стенах мужских домов носились знаки рисунчатого, пиктографического письма.

Культура о-вов Яп, относящихся к западной части Каролинских островов, во многом близка культуре Палау. Здесь также было известно гончарство, строительство домов на каменных столбах, сохранялись многие черты матриархата. Мировую известность о-вам Яп составили их гигантские «деньги», описанные Маклаем, которые «...лежат на берегу моря, покрываются ежедневно приливом, валяются на улицах и дорогах, несмотря на то, что каждый экземпляр может иметь ценность многих сотен долларов, они могут даже служить материалом для мостовых и других построек и не быть ни украдены, ни испорчены...». Это — огромные, достигавшие веса в 5 т и диаметра в 3,5 м каменные диски, наподобие жерновов с про сверленными отверстиями.

Первое этнографическое описание микронезийцев, данное Пигафеттой, относится к жителям о-ва Гуам, принадлежащего Марианским островам: «...каждый из этих туземцев живет согласно своей воле, так как нет у них властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят, подобно албанцам, небольшие шляпы из малых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены...»

Культура жителей Марианских островов, называвшихся чаморро (от слова «чамори» — вождь), была относительно высокой. Чаморро знали гончарное производство, возделывали рис, ямс, бананы, сахарный тростник, хлебное дерево, вели обмен с соседними архипелагами — Каролинским и Палау. На одном из Марианских островов (о-ве Тиниан) найдены уникальные археологические памятники: монументальные колонны высотой до 4 м с шириной основания до 2 м. Вероятнее всего, это — каменные свай домов знати (простой народ жил в хижинах из листьев).

Еще более величественные руины были обнаружены Яном Кубари на о-ве Понапе (в группе о-вов Сенявина в Каролинском архипелаге). Это — находящееся на западном берегу острова древнее селение Нан Мадол, представлявшее собой комплекс 90 искусственных островков с каналами

между ними (на островках встречаются гробницы, стены, площадки, туннели), а также большой храм со стенами высотой до 9 м и толщиной до 1,5 м и развалины других построек. Следы каменных сооружений, правда не столь величественных, имеются и на некоторых других островах Каролинского архипелага.

После того как английский этнограф Макмиллан Браун обнаружил на о-ве Волеаи своеобразную письменность, им была выдвинута гипотеза о том, что архипелаги Микронезии — остатки огромного континента, на котором процветала высокая культура. Центром великого государства был Нан Мадол на о-ве Понапе. Однако большинство археологов и этнографов решительно отвергают гипотезу Брауна, оставляя, однако, открытым вопрос о времени сооружения циклопических построек Микронезии, равно как и об этнической принадлежности строителей каменного века.

На восток от Понапе, который, так же как и Марианские острова, о-ва Палау и Яп, имеет вулканическое происхождение, тянутся цепи коралловых атоллов с очень скудным растительным и животным миром: это восточная часть Каролинских островов, Маршалловы острова и о-ва Гилберта. Рыбная ловля является главным занятием жителей этих атоллов. Естественно, что здесь большого развития достигло искусство мореплавания.

Микронезийские путешественники пользовались лодками с балансиrom. Основным ориентиром для мореплавателей служили звезды. Однако на Маршалловых островах имелись своеобразные мореходные карты, где были обозначены острова, зыби, течения. Микронезийцы достигали берегов Восточной Азии на западе, островов Полинезии — на востоке, Новой Гвинеи — на юге и были наряду с полинезийцами прекрасными мореходами.

Материальная культура в Восточной Микронезии была менее развита, чем в Западной: это объясняется как скудостью природы атоллов (где нет даже камня и орудия приходилось делать из раковин), так и тем, что на нее не оказывала влияния более развитая культура Индонезии. Однако здесь, как и в Западной Микронезии, существовали примитивные деньги (в виде раковин), разделение общества на знатных и рядовых общинников, бедных и богатых. Наблюдались здесь и сильные пережитки матриархата.

Нет никаких исторических свидетельств того, что где-либо в Микронезии существовало централизованное государство, хотя известны вожди, сумевшие подчинить себе ряд соседних островов (так, жители о-вов Улити, Понапе и других платили дань жителям о-вов Яп; в первой четверти XIX в. вся группа Ратак в Маршалловом архипелаге подчинялась одному вождю). Разложение родового строя в Микронезии только начиналось. Большую роль в жизни общества играли общинные дома. Население делилось на тотемистические кланы.

Изучение религиозных представлений микронезийцев — дело будущих исследований. В Микронезии, по всей видимости, не было такой разработанной космогонии и пanteона богов, как у полинезийцев. Микронезийцы поклонялись целому сонму духов, покровителей лодок, мореплавателей, строителей домов, а также душам умерших и т. д. Наибольшую известность имел мифический культурный герой Олофат (Елофад, Иолофат, Уолофат), образ которого во многом родствен образам полинезийского Мауи и меланезийского Квата.

В середине XVII в. на Марианских островах жило около 100 тыс. чаморро; к концу XVIII в. чистокровных чаморро уже не было. Число жителей Палау с 50 тыс. сократилось до нескольких тысяч. В конце XIX — первой половине XX в. острова Микронезии несколько раз переходят от одних колонизаторов к другим (от испанских — к германским, затем к японским, американским). В ходе второй мировой войны острова Микронезии, кроме архипелага Гилберта, принадлежащего англичанам, были захвачены американцами, которые и поныне продолжают «опекать» их, отнимая землю у населения для строительства военно-воздушных и военно-морских баз.

ПОДОПЕЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ТИХООКЕАНСКИЕ ОСТРОВА

Марианские острова

98. Хайфи

Глубоко внизу, в Сасалагуане¹, Хайфи стоял перед очагом и ковал души². Он хотел, чтобы у него было много рабов. Он раздул огонь, чтоб приготовить еду. Раскаленные камни³ и огненный поток хлынули на землю, и одна душа вылетела из Сасалагуана. Она упала на землю Гуахан у Фуниа и превратилась в камень. Солнце согрело ее, дождь размягчил, а море придало человеческий облик. И этот человек увидел, что на земле прекрасно. Он сам стал делать людей из земли и воды и ковал им души на огне солнца. Этому он научился у Хайфи. Он назвал их сыновьями земли.

Когда Хайфи заметил, что одна душа улетела, он искал ее всюду, чтоб убить. Однажды он встретил сына земли у моря и решил, что это улетевшая от него душа. Хайфи наслал на него огромную волну, потому что вода, огонь и ветер были ему подвластны. Волна проглотила сына земли, но не смогла его убить, потому что его душа была от солнца. Душа превратилась в рыбу. Хайфи стал преследовать рыбу и загнал ее в озеро. Он наслал на озеро огонь, и озеро высохло. Но рыба не погибла, а превратилась в игуану и стала жить в лесу. Тогда Хайфи сжег лес. Но игуана превратилась в птицу и

улетела. Хайфи наслал бурю, бросил птицу на скалу, так что у нее сломались крылья. И тогда она снова превратилась в человека. Человек с солнечной душой сказал Хайфи:

— Ты не можешь меня убить, потому что у меня душа от солнца.

Хайфи удивился и ответил:

— Нет, твоя душа из Сасалагуана, я сам ее выковал.

— Душа, которая улетела от тебя, живет в Фуниа на земле Гуахан и сама кует души на солнечном огне. Ты хорошо обучил ее. Но посмотри, она сотворила мою солнечную душу, и душа моя уже не подвластна тебе, учителю.

Когда Хайфи услышал об этом, он пришел в ярость и умчался словно ураган. Там, где он пронесся, море затопило землю, горы извергли огонь. Многие острова исчезли. А в Фуниа разверзлась земля и проглотила отца людей. Но потомство его нельзя было уничтожить.

Сын земли, которого преследовал Хайфи, стал сильным и могущественным. Но он не был счастлив, потому что тосковал по родине своей души. Однажды коварный Хайфи сказал ему:

— Я видел твоих братьев в Гуахане в Стране счастливых. Их души счастливы, потому что они всегда сыты. Ты же тоскуешь по родине. Приготовь лодку и возвращайся в Страну счастливых!

Сын земли снарядил лодку, и ветер пригнал его в Гуахан. Он увидел своих братьев. Они же не знали его и не понимали, что он говорит. Но они были добры к нему, готовы были делить с ним свой достаток и счастье. Их счастье, их целомудрие были ему неприятны. Он указал им на их наготу, и они познали стыд. Он роздал им все, что у него было, так что они стеснялись пользоваться даже плодами своих садов. Они узнали от него, что такое добродетель и что такое грех. И тогда они позавидовали его чистоте и его добродетели. Они возненавидели его и возненавидели друг друга. И каждый стал врагом другого. Хайфи радовался и смеялся. Он призвал Ненависть и Зависть — своих любимых сыновей. Они хватали человеческие сердца и низвергали их в глубины Сасалагуана.

В Стране счастливых остались лишь те, кто решил жить в мире. Настоящее счастье там приносили хлебное дерево и кокосовая пальма, а море дарило самую вкусную рыбу⁴.

ОСТРОВА ПАЛАУ

99. Клубуд Сингал

В деревне Нгараберуг, что в местности Имелик, жила однажды женщина по имени Магас. Как-то раз работала она в поле, где росло таро, и вдруг увидела в воде младенца. Женщина бросила срезанные ею стебли, подняла малыша и отнесла к себе в дом. Магас усыновила ребенка и воспитывала его как родного.

Мальчик рос быстро и вскоре мог уже сам, без посторонней помощи добираться до речки. Однажды он увидел, как мужчины на плотках из бамбука отправляются на рыбную ловлю. Он тотчас схватил острый прут, которым пробуют, не сварилось ли таро, воткнул его в бамбуковую тростину, так что получилось копьё, тоже вскочил на плот и поплыл с ними.

Мужчины высадились на рифе, мальчик же остался на плоту и, когда мимо проплывал косяк морских попугаев, своим копьём проткнул одного из них.

Люди наловили на рифе одну только мелочь. Они позавидовали мальчику и на обратном пути пытались выманить у него рыбу. Но тот не отдал ее и принес добычу приемной матери. Магас очень обрадовалась и с тех пор стала называть сына Клубуд Сингал. А мужчины сердились на мальчика и больше не брали его с собой.

Но прошло какое-то время, и Клубуд Сингал настолько подрос, что сам смог водить плот. В первую же поездку он взял три самодельных копьё из прутков для таро. И когда мимо него снова проплывал косяк морских попугаев, юноша убил копьёми трех рыбин и вытащил их на плот.

Другие рыбаки были очень удивлены, когда по пути на свой риф увидели, каких рыб поймал Клубуд Сингал. Но юноша даже не удостоил их взглядом. Пристав к берегу, он

одну рыбу преподнес сыну Реблюэда, верховного вождя острова, другую разрезал на куски и роздал мальчишкам, сидевшим на берегу, а третью отнес матери.

На следующий день Клубуд Сингал отправился в Галегуи знакомиться с верховным вождем. Его хорошо приняли. Вождю очень понравился смысленый юноша. Он даже подумал, что неплохо было бы приблизить его к себе. Реблюэд предложил гостю остаться и обещал выдать за него свою дочь Туранг. Прошло совсем мало времени, и Клубуд Сингал стал зятем верховного вождя острова, хотя и был еще очень молод.

Однажды Клубуд Сингал снова отправился на рыбную ловлю. И так как на этот раз он взял с собой десять копий, то и рыб выловил тоже десять. Его друзья откровенно восхищались удачливым рыболовом. Отныне они хотели рыбачить только с ним и не желали ездить на риф за какой-то там мелочью.

Все десять рыб были доставлены в дом вождя. Две из них Реблюэд отослал приемной матери зятя, а остальные велел разделить между жителями деревни.

Вскоре после этого Клубуд Сингал попросил своего тестя дать ему бамбук, лианы и луб, чтобы он мог сделать большую вершу⁵. И когда ему принесли все это, взвалил вещи на спину и вместе с женой и другом пошел к морю.

Он наловил много рыбы и с другом отправил ее домой. Затем взял бамбук, лианы и луб и, опустившись глубоко под воду, соорудил там вершу. Пока Туранг дожидалась его на плоту, Клубуд Сингал поймал много хороших рыб. За час до захода солнца супруги возвратились домой с богатым уловом.

Они рыбачили так каждый день — то в одном, то в другом месте. Однажды они приплыли в большую лагуну⁶ на риф Нгаремау. И там случилась беда.

В то время как Клубуд Сингал был под водой, а жена ждала его на плоту, мимо проезжали рыбаки с острова Нгарекляу. По поручению своего вождя Угелкекляу они должны были заготовить рыбу для предстоящего праздника. Заметив одинокую женщину, они схватили ее и повезли на свой остров. В знак удачи рыбаки прикрепили к бамбуковому шесту лист арековой пальмы и высоко подняли его над головой.

Жена Угелкекляу увидела из окна дома — дом вождя стоял на вершине холма, — что к острову приближаются ры-

баки. Разглядела она и победный знак, поднятый ими. Женщина немедленно позвала мужа и посоветовала спуститься к берегу — узнать, что за улов взяли их люди.

Угелкекляу направился к рыбакам. Каково же было его удивление, когда он увидел в лодке красивую молодую женщину! Красавица ему так понравилась, что он тут же повел ее к себе. А когда навстречу ему выбежала жена, Угелкекляу крикнул:

— Собирай свои вещи и уходи в другой дом! Со мной останется эта женщина!

Тем временем Клубуд Сингал снова поднялся на поверхность. Но он нашел там лишь пустой плот. Глубоко опечаленный, пошел он к приемной матери и поделился с ней своим горем. Магас тоже очень встревожилась: что теперь скажет Реблюэд?

Превозмогая страх, повязалась она лубяной тесьмой, как обычно делают в таких случаях местные женщины, и собралась идти к вождю сообщить ему скорбную весть. Но Клубуд Сингал подумал, что с его престарелой матерью могут обойтись грубо. Он собрался с духом, сам пошел к Реблюэду и обо всем ему рассказал. Старик разгневался, прогнал зятя и, так как думал, что его дочь погибла, начал готовиться к поминкам.

Клубуд Сингал вернулся к приемной матери. Они долго думали, как бы что-нибудь разузнать о пропавшей. Прикидывали и так и этак. Наконец старуха сказала:

— Пойди и разыщи дерево гадепсунгель⁷. Когда найдешь, ударь по нему. И если на стволе покажется кровь, сруби его и вырежь из него птицу.

Юноша отправился на поиски. Но нужного дерева нигде не было. Тогда Магас сказала:

— Не огорчайся. Рано утром пойдешь за наш дом. Там лежит ствол гадепсунгеля. Попробуй ударить по нему.

Клубуд Сингал сделал, как ему было сказано. И только ударил он по стволу, из дерева потекла кровь. Тогда он вырезал из него птицу. Это был фрегат.

Затем приемная мать сказала, что делать дальше:

— Положи своего фрегата в большую корзину и накрой его листьями таро. Потом пойдешь на лужайку и жди. И когда мимо будет пролетать какая-нибудь птица, ты должен ей крикнуть: «Брось мне одно перо!»

Юноша последовал совету; и все пролетавшие птицы в ответ на его оклик бросали ему свои перья. Он сложил перья в корзину и отнес домой. Теперь мать велела ему утыкать деревянную птицу перьями и вырезать в ней полость, в которую он мог бы свободно влезть.

Когда все было готово, Магас взяла опахало из листа кокосовой пальмы, произнесла заклинания и ударила опахалом о землю. В тот же миг птица поднялась ввысь, а затем плавно опустилась на свое место.

После этого Клубуд Сингал накопил на дорогу рыбы, а мать сварила для него таро. Собрав все припасы, старуха сказала сыну:

— Положи в птицу циновки, возьми эту еду и лети на розыски Туранг!

Вот она снова ударила по земле своим опахалом; птица поднялась и полетела над островами Палау.

Долго летал Клубуд Сингал туда и сюда, пока наконец не увидел на острове Нгареккляу свою жену. Она сидела возле Угелкекляу и искала у него в голове. Чтобы проверить, не обознался ли он, Клубуд Сингал направил свою птицу вниз, поближе к сидящей паре. Да, это была Туранг!

Между тем поглядеть на невиданную птицу сбежалось много народу; и юноша снова поднялся выше, чтобы люди не забросали его камнями. Но при этом он услышал, как один мужчина сказал Угелкекляу, что рыбаки должны взять сегодня большой улов, и тот ответил ему:

— Хорошо. Тогда мы завтра же начнем праздник.

Клубуд Сингал сразу же полетел туда, где люди ловили рыбу, и опустился на лодку самого старшего рыбака — Тегодо из Голеи. Мужчина протянул птице рыбу. Юноша быстро схватил ее рукой и втащил внутрь, так что никто не заметил, что птица не настоящая.

Рыбаки наловили много рыбы. На обратном пути Тегодо приказал тащить его лодку другим, а сам со своими людьми связал птицу. Как и в прошлый раз, когда они похитили женщину, рыбаки подняли победный знак. Увидев их, Угелкекляу сказал Туранг:

— Смотри, они везут что-то очень большое! Что бы это могло быть?

Как только рыбаки высадились на берег, они известили своего вождя, что привезли много рыбы и большую птицу,

которую они поймали и привязали к лодке. Из-за этой птицы им пришлось даже выбросить часть улова. И они спрашивали, что теперь делать. Угелкекляу ответил:

— Прежде всего выгрузите всю рыбу, а потом принесите сюда птицу и привяжите ее к этому хлебному дереву.

Рыбаки так и сделали, и Угелкекляу и Туранг смогли вдоволь налюбоваться птицей. Когда стали раздавать угощение, Клубуд Сингал начал негромко попискивать. Тогда птице тоже дали несколько вкусных блюд. Но и на этот раз Угелкекляу не заметил обмана.

На другой день рыбаки должны были получить свою плату. До самого вечера никто не расходился. И только когда роздали деньги⁸, все разошлись по домам. На следующее утро люди прибрали двор. Но лишь после обеда, когда Угелкекляу ушел купаться, Туранг осталась одна. Тут Клубуд Сингал открыл дверцу в птице и сделал жене знак рукой. Туранг сразу его узнала. Она бросилась к мужу, но тот крикнул:

— Прихвати с собой корзину с деньгами и чего-нибудь вкусного на дорогу!

Женщина взяла деньги, еду и со всем этим забралась к мужу. Клубуд Сингал развязал канат, которым была привязана птица, и стал ждать возвращения людей.

Вскоре вернулся Угелкекляу. Не застав Туранг дома, он решил, что она вышла, и даже не подумал искать ее. Но вот к дому подошло несколько молодых людей. Они принесли хвост и теперь с шумом сбрасывали его в кучу. Птица встрепнулась и, когда шум повторился еще раз, вдруг взмыла вверх и улетела с острова. А Угелкекляу и все остальные растерянно смотрели ей вслед.

Клубуд Сингал направил своего фрегата прямо в Галегуи, к дому Реблюзада. Там как раз справляли поминки, и дом был полон народу. Клубуд Сингал отворил свою дверцу и, когда к птице сбежались люди, вышел к ним с женой.

— О, да это же Туранг, наша любимица! — закричали люди.

Затем Клубуд Сингал достал из птицы корзину с деньгами, и все вместе направились в дом вождя, откуда все еще доносился поминальный плач. Но стоило людям увидеть вошедших, как их боль превратилась в радость, а та сделалась

еще больше, когда Клубуд Сингал роздал всем деньги Угелкекляу.

Тем временем дети из Галегуи с любопытством разглядывали диковинную птицу. А так как дверца в нее оказалась открыта — Клубуд Сингал не убрал подпиравшую ее палку, — дети забрались внутрь. Случайно кто-то из них толкнул палку; дверца захлопнулась, и птица с шумом поднялась вверх и исчезла в северном направлении. Позднее птица опустилась в том месте, где сейчас расположен остров Нгардмау. Она превратилась в землю, на которой и стали жить дети. Так возник Нгардмау⁹.

100. Происхождение денег

Однажды люди с острова Голеи отправились на рыбную ловлю на островок Нгарегур. В одной из лодок осталась одна рыбка. К берегу прилетела маленькая черная птица. Она схватила рыбку и проглотила ее, а затем полетела на остров Нгарекекляу, что неподалеку от острова Нгарегур. Там перед домом вождя А-Угелкекляу росло дерево с большим дуплом. В дупле было немного воды. Птица напилась из дупла и уронила несколько икринок проглоченной рыбки в воду.

Скоро в дупле появилась рыба. Как-то вождь послал своего сына за листьями бетеля. Высокий куст бетеля обвивался вокруг дерева. Сверху мальчик заметил рыбку. Он взял ее с собой, посадил в скорлупу кокосового ореха и заботливо ухаживал за ней. Но скоро скорлупа стала тесной, и мальчик пересадил рыбу в деревянный чан. Когда и здесь ей стало тесно, он пустил ее в деревенский пруд. Рыба росла все больше и больше. Люди стали побаиваться ее. Мальчику пришлось пустить ее в лагуну. Там она так выросла, что жители Нгарекекляу стали ее бояться. Тогда мальчик пустил ее в открытое море. Она не спеша поплыла к восточным окраинам Палау и в конце концов добралась до пролива между Пелеллиу и Нгеауром: все другие проходы были для нее слишком узки. На Нгеауре около Макиапа рыба родила дочь. Девочка выросла и однажды увидела, как девочки и мальчики Нгеаура играют в воде. Она попросила мать разрешить ей поиграть

с детьми. Но дети не захотели с ней играть. И только дочь вождя А-Угелабуяка играла с ней.

Дочь вождя вернулась домой и рассказала родителям о своей новой подруге.

Родители велели ей пригласить девочку к себе. На следующий вечер, когда дети снова купались в море, пришла и дочь рыбы. Дочь вождя пригласила ее к себе. Та нырнула и спросила мать, можно ли ей туда пойти.

— Иди,— сказала мать,— но если тебе будет плохо, сразу же вернись ко мне.

Дочь рыбы стала жить в доме вождя. Вдруг она почувствовала, что с ней что-то случилось. Она очень пополнила, будто была беременна. Вождь очень рассердился на нее, он думал, что она заболела проказой¹⁰, и поэтому поместил ее отдельно от всех. Никому нельзя было ходить к ней, даже ее подруге. Еду ей подавали на длинном бамбуковом шесте. Несмотря на это, дочь вождя пробралась к своей подруге. Она была верна ей, а дочь рыбы из любви к подруге не вернулась к своей матери, а осталась в доме вождя.

Однажды, когда старшие ушли из дому, дочь рыбы сказала своей подруге:

— Мне пора. Проводи меня к морю, к тому месту, где мы встретились с тобой в первый раз.

Они отправились на берег. Когда они расставались, дочь рыбы сказала:

— Достань-ка свой кошелек!

Дочь вождя достала кошелек, а дочь рыбы смахнула его в воду. Когда кошелек упал, девочка заплакала и вернулась домой. Родители рассердились на нее, им было жаль денег. А дочь рыбы отправилась к матери. Она села матери на спину, и они уплыли. Мать плыла так, чтобы дочь все время была над водой и могла бы собирать плавуны — все то, что плыло на поверхности. Из того, что она собрала, получился небольшой остров Нгорот. На этом острове дочь рыбы и родила сначала кулика, а потом так много денег, что они покрыли весь остров.

— Теперь,— сказала мать,— пора подумать о сыне вождя Нгарекекляу, который так заботился обо мне. Нагрузи кулика деньгами и пошли ему.

Птица с деньгами полетела на Нгарекекляу. Она дождалась, пока собрались вожди, и тогда стала раздавать деньги.

Сперва она наполнила деньгами карманы Угелкекляу, а потом всех остальных, кто был с ним. Один человек в это время ловил рыбу и не успел на совет к вождю. Вечером он услышал о чудесной птице. Он бросился в дом, чтобы поймать ее. Птица попросила у него воды, она хотела набраться сил и отдать ему последнюю монету. Но человек этот был очень жадным. Он схватил птицу и стал сжимать и давить ее, чтобы выжать из нее все деньги. Тогда птица дунула, и жители Палау потеряли все сокровища с острова Нгорот.

101. Чудесная птица

В Нгариапе на Пелелиу жили два брата. Они усердно трудились. Старший собирал пальмовый сок¹¹, а младший приносил из леса дрова. Однажды рано утром он, как всегда, отправился в лес за дровами. В полдень он вернулся, но не принес ничего. Старший брат очень рассердился.

— Я не смог набрать дров,— объяснил младший,— мне пришлось бороться в лесу с огромной птицей. Она сидела на мангрове и кидала в меня плоды, а я отбивался от нее палицей.

— Иди и принеси наконец дрова! — сердито прикрикнул старший брат.

Младший брат ушел и скоро принес немного дров. Они приготовили еду и поели.

Когда после обеда младший брат снова отправился в лес к зарослям мангровника, птица уже сидела там. Он срубил длинную палку и швырнул ее в птицу. Та даже не шелохнулась. Тогда он метнул в птицу топор. Птица схватила топор и унесла с собой. А она жила на юге Нгариапа у волшебного дерева Барс ра Кесау. Топор она повесила на стену.

Когда юноша вернулся домой без топора, брат его еще больше рассердился и велел ему разыскать топор. Он был так зол, что юноша, несмотря на голод, снова отправился к зарослям мангровника. Но на этот раз там никого не было. Он увидел только следы птицы. Они привели его как раз к дому у чудесного дерева. Юноша сел у порога и стал плакать.

— Почему ты плачешь? — спросила птица.

И он рассказал, что старший брат выгнал его и велел найти топор. Без топора у них не будет дров, чтобы разжечь огонь. Птица пригласила его в дом и предложила поесть. Она положила кусочек рыбы и немного таро на деревянное блюдо и поставила его перед юношей.

— Что мне эти крохи, я голоден! — сердито сказал он.

— Ешь, — отвечала птица.

Как только он брал кусочек, на блюде появлялся новый. Когда он насытился, то со страхом посмотрел на птицу, потому что больше не мог есть (а по обычаям Палау нужно съедать все или брать остатки с собой). Но птица крикнула:

— Готово! — и остатки исчезли.

— Что ты хотел мне сказать? — спросила она затем.

— Мы с братом живем вдвоем. Он собирает пальмовый сок, а я хожу в лес за дровами. Мы варим из сока патоку. А я потерял топор, и теперь наши дела плохи.

— Не печалься, — отвечала птица. — Иди вон в тот конец дома. Там много всяких топоров, один лучше другого. Поищи себе.

Юноша очень скоро нашел свой топор и обрадовался. Он вернулся к птице.

— Я знаю, что ты беден, — сказала птица. — Но ты трудолюбив, и ты мне нравишься. Я вызвала тебя на бой и унесла твой топор, чтобы ты сам пришел ко мне. Я хочу сделать тебе добро. Возвращайся к брату и запомни, что я тебе скажу. Когда ты будешь проходить по местности Гатаулук и услышишь щелканье и хлопанье в ладоши, иди, не останавливаясь. Но если ты услышишь что-нибудь в местности Галеулук, то подойди поближе и посмотри.

Юноша все запомнил и поступил как велела птица. Когда он проходил через Гатаулук, то услышал щелканье и хлопанье в ладоши. Он пошел мимо, не оглядываясь. А в местности Галеулук он остановился и увидел на дороге красивую женщину. Она подошла к нему и сказала, что хочет стать его женой. Там было еще много красивых девушек, и все они были не прочь выйти за него замуж, но он взял первую и вернулся домой. Юноша рассказал старшему брату, где он был и как нашел жену. Через несколько дней старший брат сказал ему:

— Сегодня ты собирай пальмовый сок, а я пойду за дровами.

Он взял топор и ушел. Но он неточно запомнил слова брата и остановился в местности Гатаулук. Вместо красивой девушки он встретил страшную больную старуху, которая бежала за ним до самого дома. Братья встретили ее неприветливо, но она не уходила. Тогда старший брат спросил:

— Что нам сделать, чтобы избавиться от этой ведьмы?

Младший посоветовался со своей женой и сказал:

— Дай нам один из горшков¹², мы будем мочиться в него.

Когда горшок был наполнен наполовину, он обвязал его трижды и оставил. Вскоре после этого старший брат сказал:

— Я не могу больше оставаться с этой женщиной. Содержи дом и вари патоку сам.— И он ушел.

Младший стал собирать пальмовый сок и варить патоку. Когда она была готова, они с женой попробовали ее, а старухе показали на завязанный горшок и сказали:

— Вот твоя доля.

Когда старуха отпила из горшка, от которого исходило зловоние, она бросилась бежать и исчезла навсегда.

Юноша и его жена вернулись в дом. Жена выращивала таро, а он собирал пальмовый сок. Больше они не голодали. Старший брат домой не вернулся. Он бежал в Нгардололок и стал там злым духом А-Имоком. А его жена превратилась в уродливого лесного духа Тенгамгон ле Галид, которому приносят в жертву тухлую рыбу.

102. Сверток с горы Нгераод

На юге большого острова Бабельтуап, севернее А-Ираи, возвышается покрытая лесом гора с двумя вершинами. Это Нгераод. Люди говорят, что это небесная гора, потому что на ней в высоком красивом доме жило неземное существо. При нем был злой дух — людоед Текил малап. Он жил на горе в лесу и причинял людям много беспокойства. С давних пор девять таких духов каждую ночь спускались с горы и появлялись на западном побережье острова у реки.

Чтобы их не узнали, они надевали на себя совиные головы. Они шли к домику на реке, брали лодку и плыли в лагуну ловить рыбу. Перед восходом солнца они пригоняли лодку

обратно. Хозяин лодки часто замечал, что рано утром его лодка была уже мокрой и в рыбьей чешуе. Он спрашивал у всех в деревне, кто по ночам берет его лодку, но никто не мог ему ответить. Тогда он подумал: «Не Галид¹³ ли это?» — и решил подстеречь его и поймать. Вечером отправился он к реке и лег в лодку. Он не боялся духов, а чтобы человеческий запах не выдал его и чтобы духи не сбежали, он обжарил два кусочка кокосового ореха на огне и воткнул их в уши. Ждал он недолго. Вскоре послышался шум: это пришли духи. Человек лежал, притаившись, как мышь. Текил малап сразу почувствовал запах жареного ореха. Он понюхал воздух и, пойдя на запах, нашел в лодке человека. Когда человек заметил духа, он испугался, но не подал вида. Он предложил духу кусочки ореха, и тот очень обрадовался. Ничего вкуснее он не ел. Человек и Текил малап стали друзьями и отправились вместе на рыбную ловлю. Они наловили много рыбы и на обратном пути поделили улов. Прежде чем расстаться, дух спросил своего друга, угостит ли тот его еще когда-нибудь орехами. Хозяин лодки пригласил его вместе с друзьями к себе домой, где у него было несколько орехов. Он бросил их в огонь и, когда скорлупа обгорела, вынул из огня хорошо поджаренные ядра и угостил духов. Они быстро сожрали лакомство и в свою очередь пригласили человека к себе отведать их пищу. Человек согласился, и они отправились все вместе.

— Иди прямо за нами! — крикнули духи, потому что они двигались не по земле, а по воздуху. Он шел, как ему велели, и вскоре они пришли в Нгераод. Перед ними стояло большое дерево. Когда они подошли к нему, оно расколосось, пропустило их и снова сомкнулось за ними.

Текил малап сказал человеку:

— Когда мы придем в дом к нашей старой матери, мы будем просить ее подарить тебе что-нибудь. Откажись от всего, кроме того, что лежит вместе с таро. Только это возьми.

Вскоре они пришли в дом матери. Через два дня Текил малап решил сделать другу подарок. Старуха протянула ему чашу из черепашьего панциря, которая оставалась всегда полной, даже если ее опрокинуть, но он отказался.

Тогда старуха спросила, не хочет ли он петуха, который высидивает деньги, — знаменитого Мальк ра Нгераода с человеческой головой. Но человек и от этого отказался. Тогда она спросила, что же он хочет, чтобы ему подарили.

— Дай мне то, что лежит вместе с таро,— ответил он.

— Ладно, возьми,— сказала женщина.

Когда он собрался домой, Текил малап дал ему сверток и велел крепко держать его в руках. Это был сверток Тур ре Нгераод — факел из липы¹⁴ — священного дерева Гарамаль, завернутый в лист арековой пальмы. Затем дух проводил его к большому дереву и там исчез. Дерево снова расколосось и сомкнулось за человеком. Он делал все, как ему велели. И едва он закрыл глаза, как в мгновение ока прилетел на остров к своему дому. Дома он бережно спрятал сверток и корзину с таро.

Через несколько дней тяжело заболел сын главного вождя. Никто не мог ему помочь, и он должен был умереть. Человек сидел перед домом вождя Сага ра Имула, и мимо него проходили женщины с сосудами на голове. Он спросил их, куда они идут.

— Мы идем за водой,— отвечали женщины,— чтобы обмыть тело ребенка, который к утру умрет.

Человек только воскликнул: «Аудогул ма геуид!»¹⁵.

Когда женщины пришли в дом вождя, они рассказали, что слышали, и повторили эти слова. Вождь тотчас послал за этим человеком и попросил помочь ему. Человек сначала пошел домой, вынул драгоценный сверток и отправился к вождю. А пока он готовил себе бетель¹⁶, ребенок умер. В доме поднялся плач, и Сага ра Имул сказал:

— Ребенок умер. Если ты мне вернешь сына, я дам тебе много денег.

— Ладно,— отвечал гость, вынул сверток и положил его на грудь ребенка.

Глаза мальчика тотчас раскрылись, и он ожил.

Счастливый отец дал гостю много денег, и тот вернулся домой и снова спрятал сверток.

Об этом случае скоро всюду заговорили. Люди завидовали этому человеку, его богатству и чудесному свертку. Они думали, как бы отнять это сокровище у незнакомца.

Однажды хозяин свертка отправился на рыбную ловлю, но вскоре увидел в стороне А-Имула густой черный дым. Он почувствовал недоброе и подумал, может быть, это горит его дом. Когда он вернулся на остров, то увидел, что его дом охвачен ярким пламенем. Но сверток был невредим, и человек услышал, как он говорил ему:

— Не печалься, не плачь, я здесь!

Человек быстро вытащил из пламени сверток и сказал людям:

— Вот мой сверток! Оставьте нас в покое, или я выброшу его и никто из вас не найдет его!

Но люди не слушали его и не оставляли в покое. И тогда он исполнил свою угрозу. Вот почему люди умирают, а дерево Гарамаль — вечно.

103. Сборщица миндаля

В Блиссанге, у Мелекеиока, жила женщина по имени Типетепак. Каждое утро она уходила собирать миндаль¹⁷, чтобы прокормить себя и мать. Они были очень бедны, у них не было даже таро. Однажды утром она отправилась по соседству в Нгарабогу, где рос миндаль. Деревья принадлежали женщине по имени Комул Канам. Типетепак уже была на дереве, когда пришла хозяйка. Та удивилась, что кто-то забрался на ее дерево, и сама стала взбираться, чтобы узнать, кто это. Типетепак решила убежать. Она знала заклинание встречи.

И как только Комул Канам поднялась наверх, Типетепак произнесла заклинание и быстро перебралась на соседнее дерево. Так повторялось много раз, пока Комул Канам не предложила ей обменяться заклинаниями. Комул Канам владела тайной кокоса Улокоук.

Типетепак согласилась. Она слезла с дерева, и женщины обменялись заклинаниями. Но Типетепак при этом не произнесла последнего слова, и, когда Комул Канам решила воспользоваться новым заклинанием, она упала с дерева и разбилась. Так Типетепак стала обладательницей двух заклинаний.

Кокос Улокоук был с одной стороны опален огнем. Стоило бросить его в воду, как появлялось бесчисленное множество рыбы и можно было хватать ее руками.

Однажды вождь Блиссанга попросил женщин сходить в деревню Нгарамесганг на собрание женщин¹⁸. Типетепак тоже отправилась с ними. Она была членом собрания женщин

Блиссанга. В Нгарамесганге их приветливо встретили и 'угостили. Там предстояло большое празднество. Верховный вождь Гобакерай Бедагал пригласил всех остальных вождей и предложил им прийти в большой дом собраний¹⁹, где соберутся женщины Блиссанга. Самая знатная женщина должна была ждать его у входа. Утром следующего дня самая знатная женщина села у входа в дом и стала ждать верховного вождя. Вдруг появилось огромное чудовище с туловищем змеи и человеческой головой. Женщина так испугалась, что бросилась к другой двери дома, а за ней побежали и все остальные. Только Типетепак осталась на месте. Она не испугалась. Она сидела в дверях, расстелив платок на пороге. Вот голова чудовища коснулась порога. Постепенно оно целиком вползло в дом и свернулось кольцом у входа. Это и был верховный вождь Гобакерай Бедагал. Весь день он провел с Типетепак и только вечером вернулся домой.

Пока женщины из Блиссанга были в доме, он там не показывался. Ему было неприятно, что они пугались его. Но он уже знал, что нужно делать.

Наступил день, когда женщины должны были покинуть вождя. Гобакерай Бедагал снова пригласил в дом других вождей и появился сам. Он спросил, нужно ли по древнему обычаю одаривать женщин деньгами. После этого он увел Типетепак с собой и велел ей готовиться к отъезду. Он попросил ее приготовить горячей воды и искупаться в ней, а сам ненадолго ушел, сказав, что хочет набрать орехов. И действительно, он забрался на пальму, но не стал срывать орехи. Он снял с себя змеиную кожу, оставил ее наверху и спустился вниз красивым мужчиной. А Типетепак тем временем смыла с себя свою отвратительную внешность. Они стали прекрасной парой.

Гобакерай Бедагал предложил вождям, которые провожали женщин, выехать раньше, сказав, что они с Типетепак их догонят.

Прошло очень немного времени, Типетепак произнесла заклинание встречи, и они очутились в пути впереди всех. Вожди удивились этому, но никто не осмелился спросить, как это произошло. Это случалось еще не раз, пока они добивались до Блиссанга. Там вожди Нгарамесганга пировали три дня. Затем они одарили своих спутниц и отправились в обратный путь. А Гобакерай Бедагал женился на Типетепак.

Вскоре Типетепак родила дочь. До двенадцати лет мать кормила ее грудью. Однажды, как обычно, мать взяла дочь с собой в поле. Пока Типетепак работала, выпрыгнула из болота лягушка и села около девочки. Затем она набрала в рот воды и выпустила струю на девочку. Девочка сперва не обратила на это внимание, но когда лягушка стала появляться каждый день, она сказала об этом матери. Та не придавала значения словам дочери. Игра повторялась снова и снова. Девочка уже превратилась в девушку, ей исполнилось пятнадцать лет. Лягушка просила девушку подождать ее вечером, она должна была ей что-то сказать. Девушка давно привыкла к лягушке и полюбила ее, и на этот раз она радостно согласилась и постелила постель поближе к двери. Лягушка явилась. Она сняла с себя кожу и предстала перед девушкой красивым юношей. Они спали до утра. Затем юноша натянул на себя свою лягушачью кожу и скрылся. Перед уходом он сказал девушке, чтобы та попросила у матери разрешения выйти за него замуж. Мать согласилась. После полудня во время работы на поле девушка сообщила об этом юноше-лягушке. В тот же вечер в доме Гобакерая и Типетепак сыграли свадьбу.

Вскоре лягушка-юноша отправился к Нгераод, к священному месту, рассказать своей матери о свадьбе. Мать была рада и подарила сыну дорогую красную монету, чтобы его молодая жена носила ее на шее.

В благодарность Гобакерай Бедагал послал матери зятя вкусной еды. Та сшила много мешочков, наполнила их деньгами и дала их молодым, которые отправлялись в Нгарамесганг. Молодую женщину украшала драгоценная монета. Гобакерай Бедагал обрадовался деньгам и разделил их между всеми вождями Нгарамесганга. Ожерелье его дочери и сейчас находится на Палау.

104. Бедный и богатый петухи

Неподалеку от Гоикула стоит гора Роис ра Безек. На этой горе жил один бедный петух²⁰. Однажды услышал он пение другого петуха и ответил ему. А тот петух был богатым. У не-

го была человечья голова, и он умел высиживать деньги. Он жил на горе духов Нгераод неподалеку от Гоикула.

Петуху с горы Нгераод очень не понравилось, что кто-то ответил на его пение. Он рассердился и решил наказать нахала.

И вот приказал он своим слугам приготовить вкусной еды и собраться в дорогу. Когда все было готово, они отправились в путь. Петух шел впереди и сам нес длинный шест, на переднем конце которого висел панцирь черепахи, а сзади — корзина с деньгами. Им пришлось долго кружить, но наконец они добрались до горы ра Безек. Там они снова услышали пение бедного петуха.

— Он опять поет, — сказал петух с горы Нгераод и, когда увидел бедного петуха, крикнул ему:

— Что ты все поешь? Хочешь разозлить меня?

— Нет, — отвечал другой, — я хотел только, чтоб ты пожалел меня. Я очень беден. Посмотри сам, у меня ничего нет, я вынужден бедствовать и голодать.

Богатый петух забыл о мести. Он простил бедняка и подарил ему все деньги, что были с ним, и вкусную еду, которую несли слуги, и вернулся к себе на гору Нгераод. Оба зажили весело и были довольны до конца своих дней.

105. Яйцо белой ласточки

Вождем А-Юанга, что в Гоикуле, у себя на родине, в Нгуркдапеле, случалось иногда отправляться к отвесной скале Марак ра Нгалалс за яйцами белых ласточек. Однажды они нашли гнездо с яйцом внизу на скале, у самого моря. У них не было веревки, чтобы спуститься, и, если бы кто-нибудь сорвался, он упал бы прямо к акулам. Но и оставлять яйцо им не хотелось. Тогда они решили сделать живую цепь, взявшись за руки. Верхний должен был привязать себя к дереву, а самый нижний — достать яйцо. Ренгул, который был тогда третьим вождем, привязал себя к дереву и велел остальным спускаться. Он был хитер и, когда первый вождь, Ренгаис, спустился вниз, подумал, что сейчас самое время запросить что-нибудь с него. И Ренгул крикнул вниз:

— Я сейчас отпущу, если ты мне ничего не пообещаешь!
Ренгаис все понял:

— Не отпускай, я отдам тебе яйцо, а кроме того, ты будешь считаться старше меня!

Ренгул согласился. Когда Ренгаис показал добычу, оказалось, что это не яйцо, а дорогая монета. Ее стали называть Нгизасогосог. Никто не мог понять, как она туда попала.

Ренгаис, как и обещал, отказался от места первого вождя и стал следующим после Ренгула. Так остается и до сих пор, и, когда делят пищу или деньги, Ренгул получает большую долю.

ОСТРОВА ЯП

106. Небесный дух Елофад

Однажды в селении Анод у девушки по имени Наманин все тело покрылось красноватой сыпью, и земляки, чтобы не класть ее вместе с другими больными, отвезли ее на южный мыс острова²¹. Там к ней явился небесный дух Елофад, дал ей лекарство от болезни и стал с ней спать.

К Наманин приехала мать и увидела, что дочь выздоровела.

Мать сказала:

— Теперь я увезу тебя назад в наше селение!

Но дочь ответила:

— Я с тобой не поеду, меня навещает здесь один мужчина.

— А нельзя ли его оставить здесь? — сказала мать.

— Нет, я его не брошу, — возразила дочь. — Я уже говорила ему, что могу вернуться к своим, но он не согласен.

— Тогда пусть он поедет с нами, — сказала мать. И она дала дочери траву, из которой попросила сделать юбку.

Когда пришел Елофад, Наманин сказала ему:

— Давай сделаем из этой травы юбку!

Они стали делать юбку и просидели за работой всю ночь. На рассвете Елофад сказал:

— А теперь мы с тобой ляжем спать!

Но тут пришла мать и подняла их. Тогда Елофад заплакал.

— Чего же ты плачешь? — спросили женщины.

— Как же мне не плакать, ведь я не сказал своим родичам на небе, что задержусь до утра. Теперь я уже никогда не спущусь на землю, а у Наманин будет ребенок!

И в самом деле, Наманин родила сына, но никакого имени ему не дала.

А когда сын подрос, к нему подошли люди, родичи его матери, и спросили:

— Как тебя зовут?

И он ответил:

— Меня зовут Елофад!

Как-то раз дети играли в какую-то игру, и Елофад увидел, как с кокосовой пальмы упал орех. Он послал за орехом, но никто не захотел пойти. Тогда Елофад достал его сам, стал пить из него молоко и, запрокинув голову, увидел в небе своего отца.

Елофад-сын заплакал и весь в слезах побежал домой.

Так он все плакал и плакал, и Наманин спросила его, в своем ли он уме.

— Да, я в своем уме, — ответил Елофад.

Тогда Наманин велела ему собирать скорлупу кокосовых орехов. Семь дней собирал Елофад скорлупу и немало насобирал. На восьмой день он пошел купаться, потом поел и залез, как велела мать, на кокосовую пальму, а под пальмой из скорлупы, которую он собрал, Наманин развела костер.

Елофад нырнул в густые клубы дыма, и дым понес его в небо. Потом клубы дыма стали спускаться к земле, но Елофад произнес заклинание, и клубы дыма снова понесли его ввысь.

Елофад поднялся к дверям неба, оттолкнул ногой дым, и дым рассеялся. Потом через двери он проник на небо. На небе Елофад подошел к большому красивому дому и ударил ногой о коньковую балку крыши. Раздался треск, и тогда Елофад-отец велел узнать, что случилось. Кто-то спросил Елофада-сына, как его зовут. Елофад-сын ответил. Но когда тот вернулся к Елофаду-отцу, то никак не мог вспомнить, как зовут пришельца. И тогда он снова спросил Елофада-сына,

как его зовут, и опять никак не мог вспомнить имя пришельца, когда пришел к Елофаду-отцу. В конце концов к Елофаду-сыну подошел сам Елофад-отец. Он сразу узнал сына и сказал своим остальным детям, чтобы они никогда не спорили с пришельцем, если будут играть с ним.

Однажды дети Елофада стали состязаться в том, кто нацедит больше пальмового сока, и Елофад-сын набрал соку больше всех. Потом дети стали строить лодки, и Елофад-сын построил самую лучшую лодку. Тогда Елофад-отец и Елофад-сын раздобыли бревно, чтобы сделать из него балансир²² для лодки, обтесали его и приволокли к берегу, а потом лодку доделывала акула. Она соорудила из бревна балансир, приладила его к лодке и сказала Елофаду-сыну, чтобы он больше к лодке не подходил.

Через пять дней Елофад-сын подошел к лодке и увидел, как из нее вылез паук. Елофад-сын пошел сказать об этом отцу, и тогда Елофад-отец доделал лодку до конца. А потом мальчики отнесли лодку к морю и сказали:

— Послезавтра состязание.

Елофад-сын сообщил об этом отцу, и отец сказал ему:

— Завтра ты пойдешь со своим парусом к Лигаг. Пусть она покажет тебе, как надо его шить.

Когда Елофад-сын явился к Лигаг, она спросила его:

— Что это у тебя такое?

— Это парус. Ты должна помочь мне его шить.

Лигаг растопырила ноги и стала отмерять по своему срамному месту длину парусных рей. Затем они вместе сшили парус.

На следующий день мальчики сели в свои лодки и поплыли наперегонки. И конечно, Елофад-сын обогнал всех. Затем все вернулись в селение и выкупались в реке. Но в этой реке оказалась акула, которая принадлежала Елофаду-сыну и у которой, как у всех акул в давние времена, не было зубов. Елофад-сын разломил несколько раковин и бросил их в воду. Акула съела их, и у нее выросли зубы. С тех пор акул никто не разводит.

Потом дети сказали:

— Давайте построим дом!

Они вырыли яму, поставили около нее большой столб и сказали Елофаду-сыну:

— Достань из этой ямы камень.

Елофад-сын полез в яму, и дети столкнули в нее столб. Но Елофад-сын пролез через столб и уселся на его вершине.

Тогда братья сказали ему:

— Мы до тебя еще доберемся, но сейчас мы хотим есть.

И они принялись за еду, а ему ничего не дали. Тогда Елофад-сын послал за едой черного муравья. Тот отказался. Тогда Елофад-сын послал за едой коричневого муравья, и этот муравей принес ему мякоть спелого кокосового ореха. Елофад-сын произнес заклинание, и из этой мякоти возникло два кокосовых ореха. Кто-то из мальчиков спросил, откуда у него появилась еда, но он ничего не ответил. Тогда братья решили погубить его иным способом. Они наловили рыбы и попросили Елофада-сына отнести часть улова к Нудучу и Нарар.

В воротах забора, окружавшего дом этой супружеской четы, торчало заколдованное копьё²³, но Елофад-сын произнес заклинание и беспрепятственно вошел в калитку. Жена Нудуча, Нарар, была совершенно голой, а самого Нудуча дома не было. Елофад-сын обошелся с ней как мужчина и ушел. А потом вернулся домой Нудуч, и Нарра сказала ему:

— Здесь был человек, и он обошелся со мной как мужчиной и оставил мне рыбу.

— Откуда он появился? — спросил Нудуч.

— Из ворот забора, — ответила Нарар.

Тогда Нудуч подошел к воротам и велел камню Физин и копьё Дилаг догнать того мужчину, который был у Нарар. И пошли камень и копьё, один — по одной стороне дороги, другой — по другой. И когда они догнали Елофада-сына, то камень ударил ему в одно ухо, а копьё в другое, и юноша замертво упал наземь. Затем камень и копьё вернулись к Нудучу, мужу Нарар, и обо всем ему рассказали.

Семь дней ждал своего сына Елофад-отец, а на восьмой понял, что сын погиб, и пошел искать его труп. Он направил ветер к востоку и запаха сына не почувствовал, затем направил ветер к северу и западу и также ничего не почувствовал и, наконец, направил ветер к югу. И тогда он почувствовал запах своего сына. Елофад-отец нашел тело сына, напоил его семью волшебными снадобьями и обмахал семью волшебными опахалами. И сын ожил. Тогда отец сказал ему:

— Теперь я с тобой расстанусь, и мы больше никогда не увидимся.

Он повел сына в свой дом, один из домов небесного селения, обучил его колдовству и показал, как вызывать гром. После этого Елофад-сын спустился на землю, где в это самое время люди селений Окау, Анод и Гурор, что на острове Яп, справляли какое-то празднество. Елофад-сын вызвал гром, потом произнес заклинание над двумя веточками гибиска и передал их людям Окау и Гурора.

На этом рассказ об Елофаде кончается.

107. Ёуль

Однажды человек по имени Ёуль сел с женой в лодку и поплыл к своей верше. Он сказал жене:

— Когда будешь есть рыбу, не бросай потроха в воду, оставь их в лодке.

Жена так все время и делала, но потом забыла о наказе мужа и что-то из рыбьих потрохов бросила в воду.

И тогда появилось существо, полукан²⁴-получеловек по имени Соуп. Оно похитило женщину и принесло ее на остров Меригирик, который находится в подземном мире.

Когда Ёуль вернулся домой, он соорудил из дерева огромную птицу, назвал ее Сутуа, одел в перья, влез в нее и полетел. И летел он, пока не очутился над Меригириком. Он поймал летучую рыбу, разрезал ее на кусочки и выбросил их на остров.

Кан Соуп почуял запах рыбы и послал за ней похищенную женщину. Но только она хотела собрать упавшие кусочки рыбы, как муж схватил ее и втянул в птицу. Затем он разрезал на кусочки еще одну рыбу и тоже бросил на остров. Кан почуял запах рыбы, но на этот раз сам отправился за ней. И тут кан увидел птицу и женщину, которая находилась в ней. Тогда кан поплыл за птицей по морю.

Когда Ёуль и его жена прилетели в Нулу, они пошли в селение, а кан остался у берега. Ёуль созвал людей, и те убили кана и кинули его в море. Когда труп чудовища сгнил, его кости превратились в восемь длинных змееподобных рыб.

108. Сказка о Мороле, который ел детей

Жил некогда кан по имени Морол со ртом величиной с хорошую рыбу. И тогда же жила одна женщина — звали ее У, у которой было много детей. Их было у нее более двадцати (в старину ведь люди жили подолгу!).

Возле дома У росло дерево рауал, приносившее большие серые плоды. Когда зрелый плод падал на землю, дети подбирали его и относили домой. Узнав об этом, Морол спрятался за деревом и, как только появился какой-то малыш, съел его. Так одного за другим кан сожрал нескольких детей.

Когда же на дереве не осталось ни одного плода, Морол стал ударять по земле палкой. «Бум!» — разносилось вокруг, будто с дерева снова свалился плод. На звук являлся кто-нибудь из детей, и Морол тут же его съедал.

Но вот с поля вернулась мать. Увидела она, что нет многих ее детей, и спросила:

— Куда делись дети?

Один из оставшихся ответил:

— Недостает десяти человек. Каждый, кто выходил подбирать плод, больше уже не возвращался.

Тогда мать, которая слышала о Мороле, сказала:

— Завтра я в поле не пойду и построю жилище на высоком гуморе²⁵.

Это дерево совсем не имело сучьев и было таким же ровным, как кокосовая пальма. У взобралась наверх, соорудила там хижину и канатом подняла туда всех своих детей.

Когда кан Морол пришел вновь и ударил о землю палкой, никто из детей не прибежал за плодом. Много раз ударял по земле Морол, но все было напрасно. Тогда кан разозлился и пошел к дому, где дети жили. Но там никого не оказалось.

Между тем мать, перетащив детей на гумор, натерла ствол сверху донизу маслом. И когда кан наконец увидел детей и попытался взобраться на дерево, у него ничего не вышло. Ствол от масла сделался таким скользким, что залезть по нему было невозможно. Тут дети крикнули кану с дерева:

— Вот канат, держись за него! Мы поднимем тебя наверх.

Они подтянули Морола на полвысоты и отпустили канат. Кан упал и сломал себе ногу. Второй раз схватился он за канат, но дети снова сбросили его вниз, и Морол поломал вто-

рую ногу. Падая в третий и четвертый раз, кан сломал себе обе руки. Тем временем с поля вернулась У. Она сняла с дерева детей и вместе с ними прикончила людоеда.

Дети были очень довольны. Они разрезали тело Морола на куски и сделали из них игрушечные лодки. Эти лодки мчались по воде с быстротой ветра. А самый младший вырезал себе лодку из легких кана, и, когда надувал ее, она обгоняла все остальные.

Однажды во время купания лодка младшего мальчика вырвалась у него из рук и поплыла к деревне Морола. А надо сказать, что там кан никогда не ел людей. Чтобы утолить голод, он всегда уходил в другие деревни.

Увидев лодку из легких, жители деревни спросили:

— Это легкие какой-нибудь рыбы?

Лодка не шелохнулась. И они сказали себе: «Нет!»

Затем они спросили:

— Может, это свиные легкие?

Лодка по-прежнему не сдвинулась с места, и они снова сказали себе: «Нет!»

Потом жители деревни спросили:

— Может, это легкие человека?

И опять лодка не шевельнулась. Когда же ее спросили, не у кана ли взяты легкие, она стала подпрыгивать, как живая. И жители деревни узнали, что это легкие их Морола.

Они обошли все деревни, но не нашли виновных в убийстве кана. Наконец кто-то указал им на деревню, где жила У. Тогда они возвратились к себе домой, заявив:

— Завтра же пойдем туда воевать!

Дети У очень испугались, а старшие сестры сказали своему младшему брату, который все время плакал:

— Смотри в оба. Если сюда придут воины, нас всех убьют.

Но младший брат, тот, что плакал, был самым умным, и он сказал:

— Я хочу потопить все лодки наших врагов!

И когда он увидел, что к берегу приближается много лодок, он начал распевать заклинание. И от его пения все до одной лодки — а их было полторы тысячи — разломилась и пошла ко дну.

Деревня Морола называлась Сивинемаль. Она была расположена на одном из восточных островов. А деревня, где жила У, тоже находилась на востоке и носила название Гиеу.

109. Иолофат и Лугеиланг

Жила на земле женщина по имени Филпелап. Из Ланга, верхнего мира, к ней спустился небесный житель²⁶ Лугеиланг и сделал ее своей возлюбленной. Трижды приходил Лугеиланг к женщине. Когда же он отправился к Филпелап в четвертый раз, его небесная жена Иламамлал решила узнать, что делает на земле ее муж.

Несколько женщин из Ланга взяли Иламамлал на руки и начали спускаться на землю. Пока они летели, женщины раскачивали Иламамлал и пели такую песню:

Мерзкий запах наполняет ноздри людей земли,
А мы, люди Ланга, вдыхаем лишь благоуханья.

Эту песню услышала Хит — мать Филпелап. Едва небесные женщины кончили песню, Хит запела свою. Пропев песню, Хит сделала танцевальное движение «пун» — повернула согнутые колени в одну сторону, а зад — в другую²⁷. От этого Иламамлал сразу же умерла²⁸. Небесные женщины подняли ее обратно в Ланг, и там Иламамлал снова ожила.

На следующий день она опять попыталась спуститься на землю, но так же, как и накануне, Хит заставила ее вернуться в Ланг. На третий день случилось то же самое, и небесная жена Лугеиланга оставила попытки попасть на землю. А Лугеиланг все это время был на земле со своей возлюбленной. Узнав, что она беременна, он решил не спешить с возвращением в небесный мир, а побыть с Филпелап на земле.

Но тут из верхнего мира спустился на землю один из духов и сказал, что Лугеилангу пора возвращаться на небо. Жители Ланга собрались строить для Иалулепа, своего правителя, Фармал — дом духов. Лугеиланг был сыном Иалулепа, и ему, конечно, следовало вернуться в небесный мир.

Перед тем как покинуть свою земную возлюбленную, Лугеиланг сказал ей:

— Некоторое время я не смогу приходить к тебе — мне надо строить дом духов. А ты, перед тем как родить, сделай вот что. Возьми стебелек кокосовой пальмы и обмотай его кокосовым волокном²⁹ и волокном халифои³⁰. Потом прядью

своих волос обвяжи этот стебелек, дерни за него, и у тебя из головы родится ребенок. Он будет полудухом. Дай ему имя Иолофат. И еще об одном хочу я предупредить тебя. Когда будешь поить сына кокосовым соком, не делай в орехе маленькую дырку, а делай большую.

И Лугеиланг поднялся в небесный мир, а Филпелап осталась на земле и сделала все так, как он ей велел. Ребенок родился у нее из головы. Но не только это было необыкновенным. Сразу после рождения Иолофат мог говорить, ходить и имел во рту все зубы. И рожала его Филпелап не там, где рожают все женщины. Обычно это делают в имол-имол — хижине для родов и месячных очищений. Маленькие мальчики живут там со своими матерями, но Иолофат сказал, что ходить в имол-имол для него табу³¹. И когда Филпелап проводила там нечистые дни, она никогда не брала с собой сына.

Однажды Иолофат помог мужчинам вытащить на берег лодку, и они дали ему за это кокосовый орех. Иолофат принес орех домой и попросил мать вскрыть его. Филпелап в это время ткала³² и велела сыну подождать — ей надо было распутать пряжу, накрученную у нее вокруг пояса. Но пока Иолофат ждал, он сам проколол орех и сделал в нем маленькую дырочку. Струя сока брызнула из нее и поднялась высоко в воздух. Иолофат поднял глаза вслед за струей и увидел на небе своего отца. Он увидел отца впервые, но сразу же узнал его и сказал:

— Это мой отец.

— Нет, нет, это не он, — возразила Филпелап. Она потому так сказала, что Лугеиланг не желал, чтобы сын увидел его и захотел подняться на небо.

Но Иолофат был очень упрям и требовал, чтобы его подняли к отцу в Ланг. Он долго плакал, и Филпелап наконец уступила. Она зажгла несколько кусочков кокосового ореха, а сверху положила продырявленные куски скорлупы. Через дырки в скорлупе дым уходил вверх. Иолофат сел на струю дыма и поднялся в Ланг.

Небесный мир состоит из четырех уровней, и сначала Иолофат попал в самый нижний, на первое небо. Он пришел в селение и увидел там нескольких мальчиков, которые играли с рыбами леу. В те времена эти рыбы еще не были покрыты иглами. Иолофат подошел к мальчикам и спросил одного из них:

— Можно я с тобой поиграю?

— Нельзя! — ответил небесный мальчик и ударил Иолофата.

Тогда Иолофат подошел к другому мальчику и спросил:

— Можно мне поиграть с тобой и с твоей рыбой?

— Нельзя! — ответил мальчик и тоже ударил пришельца.

Иолофат подошел к третьему мальчику, но и тот его отогнал. И лишь четвертый мальчик стал играть с чужаком.

— Посмотри на тех трех, — сказал этому мальчику Иолофат, — скоро они заплачут, потому что на рыбах появятся иглы и станут колоть им руки.

Точно так и случилось. Мальчики заплакали, и их родители выбежали из домов узнать, что случилось.

— Сюда пришел мальчик, — стали жаловаться им сыновья. — Он сделал так, что на рыбах выросли иглы, и мы укололись. Этот мальчик пришел с земли.

Они подслушали разговор чужака с четвертым мальчиком и знали, откуда появился Иолофат.

Разгневанные родители начали бить Иолофата, но он убежал от них на второе небо.

Там он увидел мальчиков, которые играли с акулами. В те времена у акул еще не было зубов. Иолофат подошел к одному из мальчиков и спросил:

— Можно я поиграю с тобой и с твоей акулой?

— Нельзя, — ответил небесный мальчик и ударил пришельца.

Иолофат подошел ко второму, к третьему мальчику, но и они его отогнали. А четвертый мальчик стал с ним играть.

— Смотри, сейчас те трое начнут плакать, — сказал Иолофат, — потому что у акул появятся зубы и они будут кусаться.

Так и случилось. Мальчики заплакали, и сразу же прибежали их родители. Сыновья рассказали им, что произошло, и родители стали бить Иолофата. А он убежал на третье небо.

Там Иолофат увидел мальчиков, которые играли со скатами. В те времена скаты еще не стрекали. И здесь точно так же трое мальчиков отогнали Иолофата, а четвертый стал с ним играть.

— Сейчас те трое заплачут, — сказал Иолофат, — потому что скаты начнут стрекать.

Так оно и вышло. На крики сыновей сбежались их родители и начали бить Иолофата. А он убежал на четвертое небо, где жил его отец.

Все обитатели четвертого, самого верхнего, уровня Ланга были рыбы, но с человеческими чертами. Они строили Фармал, дом духов. Иолофат стал помогать мужчинам, которые рыли ямы для столбов. Лугеиланг тоже был здесь, но он притворился, что не узнал сына, и не заговорил с ним. А другие мужчины не знали, что Иолофат — сын Лугеиланга. И они решили убить чужака.

Иолофат знал, что они замышляют, и сделал вот что. Из ямы он прорыл отход в сторону, а себе в рот запихал лист дерева харафат³³ и красной глины. Между тем мужчины подтащили столб к яме, где сидел Иолофат. Они с силой вогнули столб в яму, но Иолофат укрылся в боковом отходе, который он прокопал. А изо рта Иолофат выплюнул красную глину и разжеванный лист. Мужчины увидели между столбом и краем ямы что-то красное и что-то зеленое и подумали, что это кровь и желчь Иолофата. Полагая, что он убит, они засыпали яму землей и продолжали работать.

Некоторое время Иолофат отсиживался в яме. Вокруг него кишели термиты. Иолофат велел им прогрызть внутри столба дыру до самого верха. Термиты прогрызли дыру, и Иолофат вылез на крышу дома. Там он увидел черного муравья и сказал ему:

— В доме у Лугеиланга, моего отца, лежит кокосовый орех. Принеси мне маленький кусочек ядра этого ореха, я очень голоден.

— Не могу, — сказал черный муравей, — это для меня слишком большая тяжесть.

Тогда Иолофат обратился к желтому муравью, и тот принес ему крошечный кусочек ореха. Иолофат положил эту крошку на ладонь и занялся колдовством. Он произнес заклинание и покачал ладонью вверх-вниз. Едва он это сделал, как кусочек стал расти и превратился в большой спелый орех.

Потом Иолофат послал желтого муравья в дом Лугеиланга за таро³⁴. Желтый муравей принес крошку таро, а Иолофат колдовством увеличил ее до размеров клубня.

Наконец Иолофат велел желтому муравью принести песчинку. Желтый муравей принес песчинку, Иолофат положил

ее на ладонь и колдовством превратил в большой-большой камень. Иолофат воскликнул: «Соро!»³⁵ — и разбил кокос об этот камень.

Все это он проделал, сидя на крыше дома. Но когда он воскликнул: «Соро!» — мужчины услышали его голос, посмотрели на крышу и увидели Иолофата. Лугеиланг тоже его увидел и закричал:

— Спускайся немедленно! Влезать на крышу — табу, потому что это дом небесного вождя!

Только теперь остальные мужчины поняли, что они пытались убить сына Лугеиланга. И они очень испугались. А Иолофат слез с крыши и сел рядом с отцом.

Дом был закончен, и мужчины решили устроить пир. Завтра они должны были поймать черепах, каждый по одной. Иолофату тоже сказали, чтобы он поймал черепаху. На следующий день все мужчины принесли по черепахе, а Иолофат принес одну маленькую креветку. Мужчины решили, что жарить и есть черепах они будут завтра.

Ночью Иолофат пошел туда, где держали пойманных черепах, вынул из них все мясо и переложил в свою креветку. Утром мужчины собрались убить черепах, но увидели, что мяса в них нет — остались одни панцири. Тогда Иолофат предложил им убить свою креветку. Мужчины убили ее, и все черепашее мясо оказалось в маленькой креветке.

Затем мясо разделили между всеми. Делил его Иолофат. Он надел ожерелье из листьев куркумы и пошел по домам жителей Ланга. Сперва Иолофат пришел в дом, где жил тус, колючая рыба³⁶, и сказал ему:

— Я принес тебе черепашеего мяса. Но ты — плохой, потому что ты весь покрыт иглами.

Затем Иолофат пришел в дом, где жил сукпа, тощая рыба³⁷, и сказал:

— Я принес тебе твою долю. Но ты — плохой, потому что на тебе нет мяса.

Потом Иолофат пришел в дом, где жил лох, пузатая рыба³⁸, и сказал ему:

— Я принес тебе черепашеего мяса. Но ты — плохой, потому что у тебя толстое брюхо.

Наконец Иолофат пришел в дом, где жил фала, рыба с длинным рылом³⁹, но хозяина не оказалось дома. Однако дома была его жена, и с ней Иолофат затеял любовную

игру. Но вскоре вернулся муж, застал Иолофата в объятиях своей жены и убил его. Затем фала выкопал возле своего дома яму и зарыл там Иолофата.

А Лугеиланг ждал, когда вернется его сын. Иолофат не появлялся, и тогда Лугеиланг с несколькими мужчинами пошел его искать. Сначала Лугеиланг пришел к тусу и спросил его о своем сыне.

— Он был у меня,— ответил тус,— дал мне черепашьего мяса и ушел, а куда — не знаю.

Затем Лугеиланг зашел к сукпе.

— Иолофат принес мне черепашьего мяса,— сказал сукпа,— и ушел, а куда — не знаю.

То же самое сказал Лугеилангу и лох.

Наконец Лугеиланг пришел к фале и спросил:

— Ты видел моего сына?

— Да, он недавно был здесь,— ответил фала.— Он принес мне черепашьего мяса, а потом ушел, куда — не знаю.

Тем временем ожерелье из листьев куркумы, которое носил Иолофат, проросло и поднялось над могилой. Лугеиланг случайно взглянул на него и увидел, что листья куркумы дрожат. Так Лугеиланг узнал, что это ожерелье его сына и что Иолофата убил фала. Лугеиланг подошел к растению и потянул за него.

— Не тяни,— пробормотал из могилы Иолофат,— я сплю.

Отец выругал его за то, что он оказался таким слабым и позволил себя убить. Лугеиланг раскопал могилу, ухватил сына за руку и вытащил. Иолофат ожил.

Лугеиланг был сердит на фалу. Он отломил ветку дерева набвуш⁴⁰, ударил фалу и оторвал ему верхнюю челюсть. С тех пор у всех этих рыб есть только нижняя челюсть.

А потом Лугеиланг вместе с Иолофатом вернулся в Фармал, дом духов.

110. Иолофат и Хиоу

У Лугеиланга и его небесной жены, Иламамлал, был сын по имени Хиоу, который жил на третьем небе. Конечно, Хиоу считался очень знатным человеком — ведь его отцом был Лу-

геиланг. Жители третьего неба старались во всем угодить Хиоу. Он никогда не работал, а только ел, спал и жил в свое удовольствие. Иолофату не было известно о Хиоу, а тот знал, что его брат Иолофат живет с отцом на четвертом небе.

Однажды рано утром Иолофат проснулся и увидел, что к его отцу пришли несколько жителей третьего неба и принесли рыбу. Эти люди каждый день ловили рыбу для Хиоу, а тот отсылал часть улова отцу. У Лугеиланга всегда было вдоволь рыбы, но Иолофат не знал, откуда она берется. Много раз он спрашивал отца:

— Может быть, у тебя есть сын, который присылает тебе рыбу?

— Нет, нет,— каждый раз отвечал Лугеиланг.

И теперь Иолофат решил узнать, кто же эти люди, которые приносят рыбу Лугеилангу. На следующий вечер Иолофат превратился в ящерицу и спрятался в доме под стеной. Он увидел, как пришел рыбак и сказал Лугеилангу:

— Я принес рыбу от твоего сына Хиоу.

— Повесь рыбу и скорей уходи,— ответил Лугеиланг,— чтобы тебя не заметил мой сын Иолофат.

Но Иолофат все видел и слышал. Он последовал за рыбаком и оказался у жилища Хиоу. Иолофат увидел, какой хороший дом у его брата и как он хорошо живет. Он увидел, как люди работают на Хиоу и прислуживают ему. Иолофат вернулся к себе на четвертое небо. Он злился на своего брата и завидовал ему.

На следующую ночь Иолофат снова отправился на третье небо. Он дождался, пока все заснули, проник в дом своего брата и отрезал ему голову. А потом, еще до рассвета, Иолофат вернулся к себе на четвертое небо в Фармал. Дома он окликнул отца и сказал ему:

— Я принес тебе рыбу от твоего сына Хиоу.

— Повесь ее и уходи, чтоб тебя не заметил Иолофат,— ответил Лугеиланг, не зная, что это и был Иолофат.

Затем Лугеиланг снова заснул, а Иолофат вместо рыбы повесил под крышу голову Хиоу. Сам Иолофат не стал ночевать в Фармале, а ушел и спрятался.

Утром Лугеиланг проснулся и увидел голову Хиоу. Он сразу обо всем догадался и послал людей на поиски Иолофата. Вскоре Иолофата привели, и отец спросил его:

— Зачем ты убил своего брата?

— Я не знал, что это мой брат,— ответил Иолофат.— Я же спрашивал тебя, есть ли у меня брат, а ты говорил, что нет.

Лугеиланг выругал сына и велел ему впредь вести себя лучше. После этого Иолофат взял голову Хиоу и отнес на третье небо. Там он приставил ее к туловищу и оживил брата.

Однажды Иолофат и Хиоу собрались погулять на соседнем острове. Им пришлось переплывать пролив, где было сильное течение. Хиоу первый добрался до другого острова и велел течению усилиться. Иолофат плыл-плыл, но никак не мог доплыть до берега. Когда Хиоу увидел, что брат вот-вот утонет, он велел течению ослабнуть. Иолофат почти добрался до суши, но тут Хиоу опять усилил течение, и Иолофата отнесло от берега. Когда он опять стал тонуть, Хиоу сделал течение слабее, и брат благополучно вышел на берег.

— Я потому так долго плыл,— сказал Иолофат,— что течение было очень сильным.

— Нет, это я делал течение то быстрым, то медленным,— сказал Хиоу в ответ.— Ты хитер, но я могу тебя перехитрить!

III. Халаф и Хололуеч

В Ланге, небесном мире, жили юноша Халаф и девушка Хололуеч.

Халаф никогда не работал. Целыми днями он валялся в постели — родители не разрешали ему напрягаться. Он был очень красив, и они боялись, как бы работа не повредила его красоте. И так они о нем заботились, что, когда Халаф шел купаться, с ним шли его братья. Они должны были оберегать красавца от всяких случайностей.

И девушка Хололуеч тоже была необыкновенно красивой.

Когда Халаф и Хололуеч еще были детьми, родители их поженили⁴¹. Но муж с женой еще ни разу не видели друг друга — Халаф ночевал в мужском доме⁴², а Хололуеч — у своих родителей.

Однажды Хололуеч приготовила для мужа еду и отнесла ее к мужскому дому. Халаф в это время спал, и Хололуеч

вернулась домой. На следующий день красавица снова приготовила для мужа еду и отнесла ее к мужскому дому. И опять, не увидев Халафа, она вернулась домой. Так было десять раз.

А Халаф как-то задумался о своей женитьбе и решил, что его жена, наверное, уродлива. Он знал, как ее зовут, и ему показалось, что девушка с таким именем должна быть некрасивой. И когда в десятый раз Хололуеч оставила ему возле мужского дома еду, Халаф разбил посудину о землю.

На следующий день Хололуеч пришла за пустой посудой и увидела, что она разбита. Девушка заплакала, побежала к своим родителям и сказала:

— Я хочу развестись с мужем, потому что он разбил блюдо!

И она стала жить со своими родителями.

О том, что красавица Хололуеч развелась с мужем⁴³, узнал Фира, юноша с острова Олметау. И он попросил мать девушки отдать Хололуеч за него. Мать согласилась, Хололуеч стала женой Фиры и уехала к нему на Олметау.

Фира тоже был красивым юношей, но не таким, как Халаф.

Как-то раз братья купали Халафа неподалеку от мужского дома, и он случайно взглянул себе на грудь. Кожа у Халафа была такая гладкая, что все в ней отражалось. И Халаф увидел у себя на груди отражение какой-то девушки. Он не знал, что это жена одного из его братьев, и сказал:

— Какая красивая девушка!

— Это моя жена,— ответил ему его брат.— Она красива, но ты бы лучше посмотрел на свою бывшую жену, вот она действительно красавица!

Халаф понял, как глупо он сделал, что развелся, и страшно рассердился. И он начал крушить в мужском доме все подряд. Братья Халафа и другие мужчины, которые там были, тщетно пытались его успокоить. И тогда они послали одного из братьев за Иолофатом, чтобы тот пришел и утихомирил Халафа.

Посланный подошел к дому Иолофата и крикнул:

— Иолофат!

Сразу же два пустых кокоса, висевшие перед входом в дом, стукнулись один о другой. Брат Халафа никого не увидел, вернулся в мужской дом и сказал, что Иолофата нет

дома. Однако мужчины сказали ему, что Иолофат должен быть дома. Брат Халафа еще раз отправился к Иолофату и крикнул: «Иолофат!» Снова никто не отозвался, но висевшая в доме терка для кокосовых орехов дернулась вверх-вниз. Посланный вернулся в мужской дом и сказал, что Иолофата нет дома. Но мужчины говорили, что он все-таки дома, и брат Халафа пошел в третий раз. И снова никто не откликнулся на зов, лишь птица колунг, сидевшая возле дома, кивнула три или четыре раза. Брат Халафа опять вернулся в мужской дом и сказал, что Иолофата нет.

— Тогда расскажи, что ты видел,— предложили ему.

— Я видел птицу колунг,— сказал брат Халафа,— она несколько раз кивнула, когда я крикнул: «Иолофат!»

— Возьми ружье⁴⁴,— сказали мужчины,— и выстрели в то, что двинется, когда ты позовешь Иолофата.

Брат Халафа взял ружье, пошел к дому Иолофата и крикнул:

— Иолофат!

Шевельнулся лист кокосовой пальмы. Второй раз посланный крикнул:

— Иолофат! — и лист снова шевельнулся.

— Иолофат! — крикнул посланный в третий раз, и, когда лист опять шевельнулся, брат Халафа выстрелил в него. Сразу же из этого листа кокосовой пальмы вышел Иолофат и спросил:

— Что тебе надо?

— Приходи в мужской дом и успокой Халафа, он там буянит.

— Ладно, я приду потом,— сказал Иолофат, и брат Халафа ушел.

Иолофат придумал, что нужно делать. Сначала он пошел к женщине, которую звали Илимес. Перед этим он превратился в маленького мальчика. Когда Иолофат подошел к дому Илимес, он притворился, будто дрожит от холода. Женщина вышла, взяла мальчика и привела его в дом. Илимес хотела утешить несчастного мальчика и стала натирать его куркумой. Но мальчик заплакал и сказал:

— Не хочу этой куркумы, хочу той, что висит под крышей, та лучше!

Под крышей висел также сосуд с кокосовым маслом, и мальчик стал требовать, чтоб ему дали и масла. Илимес доста-

ла то и другое, собралась натереть мальчика куркумой и помазать ему волосы маслом, но мальчик сказал:

— Дай сюда, я сам все сделаю!

Он схватил куркуму и масло и бросился бежать. При этом Иолофат принял свой обычный облик.

— Верни мне масло и куркуму! — кричала Илимес.

— Потом верну, — ответил Иолофат, убегая.

Затем Иолофат перебрался с острова Уориол, где он жил, на соседний остров. Там в это время мужчины танцевали вао⁴⁵ — танец с бамбуковыми палочками. И они научили Иолофата танцевать вао.

А Иолофат отправился на другой остров. Тамошние мужчины танцевали хапангах⁴⁶. Здесь Иолофат научился танцевать хапангах.

Наконец Иолофат побывал еще на одном острове и выучил там танец хаселеу⁴⁷.

Потом Иолофат вернулся к себе на остров Уориол и научил мужчин танцевать хаселеу. Халафу он тоже велел танцевать вместе с другими, а сам следил за ним. Иолофат заметил, что Халаф танцует не очень хорошо. Затем Иолофат научил всех танцевать хапангах. И этот танец у Халафа получался не очень хорошо. Наконец Иолофат научил мужчин танцевать вао — танец с бамбуковыми палочками. Халафу он тоже велел танцевать и заметил, что вао юноша танцует очень хорошо.

Тогда Иолофат послал гонца к Фире — тому человеку, который женился на красавице Хололуеч, бывшей жене Халафа, и жил с ней на острове Олметау. Гонец передал Фире слова Иолофата о том, что мужчины с острова Уориол придут на Олметау состязаться в танцах.

Мужчины с Олметау стали готовиться к состязаниям — еще и еще раз танцевали вао.

Через три дня мужчины с Уориола, среди которых был Иолофат, приехали на Олметау. Здешние женщины тоже пришли — они хотели посмотреть на состязание.

А Халаф, его братья и Масиохуранг, жена его брата, которого звали Пиоч, задержались. Они сидели под навесом на своей лодке. У Масиохуранг была с собой куркума и кокосовое масло. Ей дал это перед отъездом Иолофат, а он утащил и то и другое у Илимес, когда приходил к ней под видом трясущегося мальчика. Иолофат дал эти вещи жене Пиоча,

чтобы она отдала их красавице Хололуеч. Если та натрется этой куркумой и помажется этим маслом, она полюбит Халафа.

Халаф со своими братьями и Масиохуранг добрались до Олметау, спустили парус и причалили к рифу. Масиохуранг оставила мужчин в лодке, а сама сошла на берег. Куркуму и кокосовое масло она взяла с собой. Масиохуранг пришла к Хололуеч, а та предложила ей пойти и выкупаться. Они отправились туда, где купаются женщины. Хололуеч искупалась первая, вышла на берег и натерлась куркумой. Затем искупалась Масиохуранг, вышла на берег, натерлась куркумой и помазала волосы кокосовым маслом. И то и другое ей дал Иолофат, а он утащил масло и куркуму у Илимес. Эта куркума и это масло так понравились Хололуеч, что она воскликнула:

— Я хочу еще раз выкупаться, смыть свою куркуму и натереться твоей!

Масиохуранг согласилась, и красавица выкупалась еще раз, а выйдя на берег, натерлась куркумой и помазала волосы маслом. Масиохуранг сказала:

— Пойдем посмотрим на Халафа. Он еще в лодке.

Тем временем Халаф и его братья натерлись куркумой, украсились молодыми пальмовыми листьями, гребнями и пестушиными перьями.

А обе женщины остановились напротив лодки, и Масиохуранг сказала:

— Давай посмотрим, как мужчины будут выходить на берег.

И вот с лодки прыгнул один мужчина и пошел к берегу по мелководью.

— Это Халаф? — спросила Хололуеч.

— Нет, — ответила Масиохуранг.

Второй мужчина сошел с лодки, и Хололуеч опять спросила:

— Это Халаф?

— Нет, нет, — ответила Масиохуранг.

Тут с лодки прыгнул третий мужчина, и красавица спросила:

— Это и есть Халаф?

— Да, это он, — ответила Масиохуранг.

Хололуеч не отрываясь смотрела на Халафа и шла за ним к площадке для танцев.

Все, кто там был, разделились на две части — здесь сидели люди с одного острова, там — с другого. Хололуеч сидела среди жителей Олметау, а сама все время смотрела на Халафа, который сидел вместе с другими, приехавшими с Уориола.

Состязание началось. Халаф танцевал вместе с другими мужчинами со своего острова. А Хололуеч пересела так, чтобы Халаф, двигаясь в танце, оказался возле нее. И когда Халаф приблизился к Хололуеч, он протянул ей свою бамбуковую палочку. Хололуеч ухватила ее за нее, а Халаф закинул на плечо палку с уцепившейся девушкой и бросился бежать к своей лодке. Братья Халафа и Масиюхуранг побежали вслед за ним. А все остальные пришли в замешательство, и танцы прекратились.

Халаф и Хололуеч приплыли на Уориол и поселились в мужском доме, в отгороженном помещении. Долго они там жили, причем оба никогда не работали. Хололуеч забеременела, и в положенное время у нее родилась девочка, которую назвали Маролхарара. Хололуеч вырастила ее и через пять лет родила еще и сына. Ему дали имя Малапача.

Хололуеч растила обоих детей. Со временем оба стали очень красивыми.

Однажды Хололуеч сказала мужу:

— Во всем Ланге нет никого красивей наших детей. Никому из них не найти подходящей пары. Лучше всего поженить их друг на друге ⁴⁸.

Малапача подслушал этот разговор.

Однажды все дети селения играли на берегу в прятки. Маролхарара и Малапача тоже были там. Сначала мальчики прятались, а девочки их искали, а потом наоборот. Когда мальчики искали девочек, Малапача каждый раз старался найти свою сестру. А она каждый раз говорила ему:

— Ты ищешь только меня. Ищи и других девочек!

Но Малапача ловил только сестру, и она наконец сказала ему сердито:

— Ну почему ты ловишь только меня?

Тогда брат рассказал сестре, какой разговор родителей он подслушал. В ужасе Маролхарара бросилась бежать, но брат погнался за ней. На бегу Маролхарара кричала:

— Отстань от меня, я хочу себя убить!

Но Малапача не отставал и на самом краю острова догнал ее.

— Иди домой,— молила его Маролхарара,— а я себя убью.

— Я тоже хочу умереть,— ответил брат.

Тогда девушка сказала:

— Раз мы оба собираемся умереть, мы можем сейчас стать мужем и женой.

И они легли вдвоем.

Некоторое время они прожили там. Это был голый песчаный берег.

Маролхарара забеременела, и у нее родился мальчик. Неподалеку от них стояла харвар, большая белая птица с черными пятнышками. Отец с матерью сказали ей:

— Возьми наше дитя, а мы хотим убить себя.

Птица взяла ребенка и улетела. Потом она созвала других птиц, и они вместе заботились о новорожденном. Днем одни защищали его крыльями от солнца, а другие в это время ловили для него рыбу. Когда мальчик подрос и начал ползать, птицы перенесли его к Халафу и Хололуеч, его дедушке и бабушке. Те посмотрели на малыша, увидели, что он похож и на сына и на дочь, и поняли, что это их внук.

Тем временем Малапача и Маролхарара заплыли далеко в море. Они плыли уже целый месяц и думали, что их съедят акулы. Но акулы их не тронули. А потом течение отнесло брата и сестру к родному острову, но они не знали, что это та земля, на которой они жили. Волны вынесли их на берег ночью. На обоих не было набедренных повязок — они потерялись в море. На берегу Малапача и Маролхарара легли под дерево иуф⁴⁹ и заснули.

Перед рассветом их родители, Халаф и Хололуеч, вышли на берег искупаться и нарвать цветов с дерева иуф. Они увидели, что под деревом спят дети, но не стали их будить. Хололуеч сбегала домой, принесла набедренную повязку для сына и юбку для дочери и положила одежду возле спящих. Затем она сорвала с дерева цветок и осыпала лепестками грудь своей дочери. И Хололуеч с Халафом вернулись к себе домой.

На рассвете брат и сестра проснулись. Они увидели лепестки сорванного цветка, одежду и поняли, что здесь была их мать и что они попали на свой остров. Малапача и Маролхарара встали, оделись и пошли в дом своих родителей. Там они увидели своего ребенка и узнали его.

Малапача и Маролхарара по всем правилам стали мужем и женой. Они жили как все и растили своего ребенка. Все пятеро жили вместе.

112. Лже-Палулоп и его семья⁵⁰

В Ланге, небесном мире, жил Палулоп⁵¹. Его жену звали Лисабуоклел. У них было семь сыновей. Вот пятеро из них: Фурабуаи, Соланг, Ронгочик, Ронголап и Фибуоч.

Однажды все братья за исключением Фибуоча, самого младшего, начали строить лодку. А Фибуоч собирал для отца пальмовый сок и был на побегушках у братьев. Как-то раз братья послали Фибуоча к его шурина — за точильным камнем. Фибуоч принес камень, братья наточили топоры, а камень разбили. Фибуоч рассердился. Потом братья поели, а Фибуочу оставили одни объедки. Фибуоч рассердился еще больше, пошел к отцу и пожаловался ему на старших братьев.

И Палулоп научил сына, как отомстить обидчикам. Он посоветовал изготовить зелье из таких-то и таких-то трав и намазать им топоры старших братьев. Фибуоч так и сделал. На следующий день братья возобновили работу, но из-за того, что их топоры были смазаны колдовским зельем, сломали лодку. Братья догадались, в чем дело, и решили избить Фибуоча. А тот побежал к отцу и спросил, что делать.

— Спускайся в земной мир, — ответил Палулоп, — и живи на острове Умал. Там я выделю тебе место. Когда люди спросят, как тебя зовут, не говори правду, а скажи, что тебя зовут Палулоп. Когда они спросят, как зовут твою жену, опять же не говори правду, а скажи, что ее зовут Лисабуоклел.

И Фибуоч спустился в земной мир, на остров Умал. Там он выдал себя и жену за своих родителей. Островитяне приняли их хорошо — ведь они знали, что в небесном мире есть дух Палулоп. Они думали, что наконец увидели небесного духа, которого знали только понаслышке. Люди почитали пришельца, построили для него святилище и каждое полнолуние приносили туда пищу.

Лже-Палулоп и лже-Лисабуоклел обосновались на острове. У них родилось шесть сыновей. Пятерым они дали такие

имена: Фурабуаи, Фибуоч, Соланг, Ронгочик и Ронголап. Это были чужие имена, имена живших в Ланге сыновей настоящего Палулопа и настоящей Лисабуоклел.

Самым младшим из детей лже-Палулопа и лже-Лисабуоклел был сын Иалулуе. В Ланге такого не было. И еще была у них дочь Лигафас.

Еще до рождения Иалулуе лже-Палулоп стал учить своих старших сыновей двум важным наукам. Своего сына Соланга он научил строить лодки, а остальных, особенно Фурабуаи и Фибуоча, обучил мореплаванию. Именно от них умение строить лодки и водить их по морю стало известно на земле. Небожители, спустившиеся в земной мир, научили этому смертных людей.

Иалулуе изучил науки мореплавания необыкновенным образом. Когда мать еще носила его в чреве, она часто сидела там, где отец обучал старших сыновей. Еще не рожденный Иалулуе слушал их разговоры и так стал мореходом.

Когда же Иалулуе родился (из материнского чрева он выскочил уже большим мальчиком), он сразу убежал в лес. Родители знали, что он уже большой, и не пытались его удержать.

И тогда лже-Палулоп велел своему сыну Солангу-строителю построить лодку чукпель⁵². Соланг построил лодку, опробовал ее, причалил к рифу и вернулся домой. Иалулуе увидел лодку, вышел из лесу и сел в нее. Однако Иалулуе решил, что эта лодка ему не подходит, и вернулся в лес.

А лже-Палулоп велел Солангу построить лодку хавел⁵³. Соланг построил лодку и ушел. Иалулуе испытал лодку, нашел, что она ему не годится, и опять вернулся в лес.

Но лже-Палулоп, который исподтишка следил за младшим сыном, знал, что надо делать. И он велел Солангу построить третью лодку, лодку попо⁵⁴. Соланг построил лодку, а Иалулуе испытал ее. Он сажился в ней так и этак, и лодка ему понравилась. Затем Иалулуе побежал к отцу, сказал, что в лодке надо поставить две маленькие хижины, и снова скрылся в лесу. Лже-Палулоп и Соланг построили в лодке две хижины. Одну из них, называемую хамвемвел паронг, они поставили на верхнем настиле, вторую, хамвемвел нгис,— на нижнем⁵⁵. Закончив работу, отец и сын спустили лодку на воду. Иалулуе пришел, осмотрел лодку, и она ему понравилась.

Больше Иалулуе в лес не уходил. Десять дней он прожил в хижине на лодке. Затем он сошел на берег и скорлупой кокосового ореха стал загребать песок и грузить его в лодку. Потом Иалулуе отплыл от острова Умал. В открытом море он бросил песок в воду и создал остров. На нем не было деревьев, остров состоял из одного песка. Его так и называют — Отдаленный песок, Песок Иалулуе. Затем Иалулуе снял с лодки хижину, хамвемвел паронг, и поставил ее на острове. Там он поселился, а лодку бросил и пустил в море.

Тем временем лже-Палулоп призвал своих сыновей-мореходов и велел им почитать Иалулуе, приносить ему в жертву еду. А сыновья сами обучали людей науке мореплавания и получали за это приношения. И вот один из сыновей, Фурабуаи, очень обиделся на отца и воскликнул:

— Иалулуе ничуть не лучший мореход, чем мы! Не еду я ему буду отдавать, а отбросы!

Но вскоре Фурабуаи в сопровождении нескольких мужчин с Умала поплыл на другой остров. В море на них налетел ураган, и лодка разбилась. Все утонули, остался один Фурабуаи. Он долго плыл, высматривая землю, где можно было бы спастись. Фурабуаи очень устал. И вдруг из моря появился Иалулуе. Правда, Фурабуаи его не видел. Иалулуе создал риф, чтобы брат мог стать на него и отдохнуть. Совершенно измученный, Фурабуаи стал ногами на риф и отдышался. Но тут Иалулуе опустил риф, и Фурабуаи снова пришлось плыть. Наконец Фурабуаи увидел остров. Это был остров его брата. Фурабуаи хотел выбраться на берег, но не мог, — Иалулуе сделал песок таким зыбким, что нога в нем тонула. Пять или шесть раз Фурабуаи пытался выбраться на сушу, а Иалулуе наблюдал за ним. Наконец он сделал песок плотным, и Фурабуаи поднялся на берег.

На острове Фурабуаи заметил дом и направился туда. Он увидел какого-то мужчину, но не узнал своего брата. Зато Иалулуе сразу же узнал пришельца. Фурабуаи вошел в дом и увидел две кучи еды. В одной была хорошая еда — приношения братьев, в другой — одни отбросы — приношения самого Фурабуаи. И когда гость потянулся к хорошей еде, хозяин отвел его руку. Фурабуаи обиделся и спросил:

— Почему ты так плохо со мной обходишься?

Иалулуе ответил:

— Ешь те отбросы, которые ты мне отдавал.

Только теперь Фурабуаи понял, кто перед ним, и вспомнил, сколько зла он причинил брату. Но Иалулуе пожалел брата и дал ему хорошей еды. Он положил на раковину маленький кусочек таро и протянул Фурабуаи. Тот обиделся и сказал:

— Мне этого не хватит.

— А ты все же съешь его,— ответил Иалулуе.

Фурабуаи съел кусочек таро, но на его месте возник другой. Фурабуаи съел и его, но появился еще один. Так продолжалось несколько раз.

— Не бросай остаток,— предупредил Иалулуе брата, когда тот наелся. Но Фурабуаи не послушался и бросил таро на землю. Затем он сказал, что хочет пить, и брат дал ему немного воды в раковине.

— Мне этого мало! — с обидой воскликнул Фурабуаи.

— А ты все-таки выпей,— настаивал Иалулуе.

Фурабуаи выпил воду, но раковина не опустела. Фурабуаи продолжал пить, а раковина все наполнялась. Когда он напился, Иалулуе попросил его не выливать остаток. Но Фурабуаи опять не послушался и выплеснул воду.

Потом Фурабуаи сказал, что ему хочется рыбы.

— Иди на берег и лови,— сказал Иалулуе,— только не лови рыбу лангун, фак, хафек, икфалфал, иур, хамачувок, рел, ликх, бупх и лулу⁵⁶.

Но Фурабуаи нарушил и этот запрет, поймал рыбу лангуи и принес ее в дом.

— Не ешь ее сырой, а изжарь,— предупредил его брат.

Фурабуаи не послушался его и стал резать рыбу, чтобы съесть ее сырой. Но тут он случайно взглянул на брата и увидел, что тот изрезан точно так же, как рыба.

— Почему ты так изрезан? — воскликнул Фурабуаи.

— Потому что ты изрезал рыбу,— ответил Иалулуе,— тебе надо было не резать ее, а положить в огонь, как я тебя просил.

Тогда Фурабуаи бросил рыбу обратно в море, и его брат стал таким, как и был раньше.

Затем Фурабуаи выловил рыбу фак, но Иалулуе заставил его отпустить ее в море. Точно так же было и с рыбами хафек, икфалфал, иур и всеми другими, которых Иалулуе запретил ловить. Всех их Фурабуаи, не тронув, пустил обратно в море. Иалулуе еще раз перечислил, каких рыб ловить нельзя. На-

конец Фурабуаи поймал рыбу, на которую запрет не распространялся, изжарил ее и съел.

И Фурабуаи стал жить в согласии со своим младшим братом, слушаясь его во всем. Однажды Иалулуе попросил брата взять гребень и вычесать у него вшей. Фурабуаи стал расчесывать волосы Иалулуе и заметил, что у него вся голова покрыта какими-то блестящими кружочками, похожими на звезды. Это были глаза, которые осыпали всю голову Иалулуе.

— Что это?— спросил Фурабуаи.

— Это насекомые,— ответил брат.— Раздави-ка одно из них.

Фурабуаи раздавил один кружочек, в лицо ему брызнула жидкость, и глаза его слиплись. Тогда Иалулуе начал обучать брата науке мореплавания, и Фурабуаи стал гораздо лучшим мореходом, чем был до того.

Прошло некоторое время, Фурабуаи соскучился по дому и захотел вернуться на остров Умал, где жили его родители.

— Подожди до следующего полнолуния,— сказал ему Иалулуе.— С востока придет лодка, и ты поедешь домой.

И вот пришла лодка, а в ней сидели духи. Иалулуе поговорил с ними, а брату сказал:

— Садись рядом с кормчим.

Потом Иалулуе договорился с тем духом, который указывал путь, чтобы тот следил за островом Умал и посадил брата на рифе.

И Фурабуаи уехал вместе с духами. Когда они достигли рифа возле Умала, Фурабуаи спрыгнул с лодки и доплыл до острова.

Выбравшись на берег, Фурабуаи, как учил его Иалулуе, свалил большое дерево фотои⁵⁷ и начал делать лодку. Утром несколько мужчин, которые собирались в плавание, вышли на берег. Они хотели посмотреть на небо и рассудить, какая будет погода. Эти люди увидели Фурабуаи, но не узнали его — ведь все думали, что он умер. Люди пришли к лже-Палулопу и сказали:

— На берегу какой-то человек строит лодку.

Лже-Палулоп знал, что там — его сын, но умолчал об этом.

— Вы собираетесь в плавание,— сказал он.— Идите на берег и спросите незнакомца, будет ли погода вам благоприятствовать.

Люди вернулись на берег и спросили об этом Фурабуаи. Тот ответил, что погода будет неблагоприятной для плавания. Люди передали его слова лже-Палулопу, а тот велел им на следующий день снова спросить незнакомца. На следующий день Фурабуаи опять предсказал плохую погоду. Так было несколько дней подряд. А потом лже-Палулоп велел спросить незнакомца, как его зовут. Люди спросили, а тот ответил, что его зовут Фурабуаи. Только теперь люди поняли, что перед ними давно пропавший сын Палулопа. Они, конечно, не могли его узнать,— он был слепой и внешность его изменилась.

Однажды люди спросили Фурабуаи, какая ожидается погода, и тот ответил, что через семь дней налетит ураган. Люди рассердились — им надоело, что Фурабуаи все время предсказывает плохую погоду. Они хотели уйти в плавание. И они посмеялись над Фурабуаи.

— Ты слепой,— сказали они,— у тебя крошечные глазки, совсем как у рыбы липарнгаранг.

Потом они пошли к лже-Палулопу.

— Что сказал мой сын? — спросил тот.

— Нечего его слушать,— отвечали люди.— Он все время предсказывает плохую погоду. А мы все равно уйдем в плавание! Мы не верим его предсказаниям!

— Я тоже поплыву с вами,— сказал лже-Палулоп,— хотя знаю, что будет ураган, как и предсказал мой сын. Я возьму с собой Фибуоча, Ронгочика, Ронголапа и Лигафас, а Соланга-строителя не возьму.

И они пустились в плавание. Погода была хорошая. Как велел отец, Лигафас находилась в хижине на нижнем настиле.

— Если ты услышишь внизу, в воде, голоса,— предупредил лже-Палулоп свою дочь,— не смотри туда.

И вот девушка услышала голос из воды. Это говорил дух. Лигафас не послушалась отца, взглянула вниз сквозь щели в бамбуковом настиле, и у нее начались месячные. Отец выругал ее за непослушание и сказал, что теперь она стала нечистой. Он посадил девушку в ящик, дал ей две раковины, которыми выскребают кокосовые орехи, и два плода дерева фотои.

— Я выброшу тебя в море⁵⁸,— сказал он.— Ветры пригонят твой ящик к острову, но все остальные в нашей лодке погибнут.

И Палулоп выбросил в море ящик, в котором сидела его дочь.

А на седьмой день плавания, как и предсказывал Фурабуаи, налетел ураган. Палулоп и все остальные утонули. Остался лишь один человек, который забрался на верхушку мачты.

Тем временем Фурабуаи закончил строить свою лодку. Налетел ураган. Когда он кончился, Фурабуаи сказал своей матери, лже-Лисабуоклел:

— Я хочу сесть в лодку и плыть на поиски отца и его спутников.

— Я поеду с тобой,— сказала лже-Лисабуоклел.

Сын с матерью сели в лодку и поплыли. Они прибыли на место крушения и увидели там человека, уцепившегося за мачту. Лисабуоклел сказала сыну:

— Помоги ему влезть в лодку.

— Нет, это запрещается,— ответил Фурабуаи.

Мать заплакала, стала умолять его спасти человека, и сын в конце концов согласился. Человек полез в лодку с подветренной стороны, но Фурабуаи стукнул его веслом по рукам и сказал:

— Табу! Влезать в лодку с этой стороны нельзя!⁵⁹ Нужно влезать с наветренной стороны! Уцепись там за балансир!

Фурабуаи произнес заклинания, чтобы предотвратить беду,— ведь они выбрали потерпевшего крушение. После этого он пустил человека в лодку. Затем они втроем возвратились на Умал, полагая, что все остальные погибли и искать их бесполезно.

Между тем ящик, в котором была Лигафас, пригнало к какой-то земле. Это был берег острова Яп, возле селения Хурор в местности Сульмекел. Вечером ящик с девушкой попался в каменную ловушку для рыбы. По камням Лигафас перешла на берег. Там она выкопала две ямки и посадила в них плоды фотои, которые дал ей отец. Затем девушка вернулась к своему ящику и легла в нем спать, потому что уже стемнело.

Утром хозяин ловушки пришел проверить улов. Он увидел ящик и подумал, что его случайно выбросило на камни. Человек подошел к ящику, собрался его поднять, но услышал изнутри чей-то голос. Это говорила Лигафас, чтобы показать, что в ящике кто-то есть.

— Можно я отнесу тебя на берег? — спросил хозяин ловушки.

— Неси, если хочешь, — ответила Лигафас.

И человек отнес находку к себе домой. Там он открыл ящик и увидел девушку.

— Ты согласна стать моей женой? — спросил он.

— Согласна, — ответила Лигафас.

И они стали жить вместе.

Прошло некоторое время, и Лигафас родила двух сыновей. Когда они выросли, мать им сказала:

— На берегу растут два дерева фотои. Это мои деревья. Свалите их и сделайте лодки.

Мальчики стали рубить деревья, но тут к ним подошел один человек и сказал:

— Остановитесь! Я сажал эти деревья, они мои!

Братья перестали рубить, пошли домой и рассказали матери о том, что произошло. Но Лигафас научила их, что сказать этому человеку, и послала обратно. Братья пришли к нему и спросили:

— Когда ты сажал эти деревья, что, кроме плодов, ты положил в ямки?

— Ничего, — ответил тот человек.

— Эти деревья не твои, — сказали тогда братья. — Когда наша мать их сажала, она положила в ямки раковины.

Мальчики подкопали деревья, и они упали. А под их корнями лежало по раковине. Тогда тот человек признался в обмане.

И братья построили себе лодки.

113. Лороп и Мотикитик

На острове Лоснеп жила женщина по имени Лороп. У нее было три сына. Старшего звали Сонгсонгмал, среднего — Чимахор, а младшего — Мотикитик. Сыновья выросли и стали ездить на рыбную ловлю. Каждый раз к их возвращению Лороп готовила много еды, но сыновья не знали, откуда мать ее берет. Однажды старший брат сказал младшему:

— Остайся дома и узнай, где мать достает еду.

И старшие братья уехали ловить рыбу, а Мотикитик спрятался в доме. Не зная этого, Лороп вышла на берег моря. За ней крадучись вышел Мотикитик и стал ждать, что будет.

На берегу женщина произнесла заклинание. Она сказала: «Раз, два, три!» После этого она вошла в воду и спустилась на морское дно. Мотикитик сделал то же самое. А чтобы мать его не узнала, он превратился в птицу моли. На дне Мотикитик сел на дерево лал⁶⁰. Мать стала собирать еду и увидела птицу.

— Кто ты? — спросила Лороп.

— Я — Мотикитик.

— Из-за того, что ты увидел меня здесь, — сказала женщина, — я умру. Похорони меня под деревом хулио⁶¹. Потом возьми еду и отнеси ее домой. Когда вернутся старшие братья, они тебя спросят, где я, но ты скажи, что не знаешь.

Лороп умерла, и Мотикитик похоронил ее под деревом хулио. Затем он взял еду и отнес домой.

Когда старшие братья вернулись с рыбной ловли, они спросили его:

— А где мать?

— Она принесла еду, — ответил Мотикитик, — и ушла, а куда — не знаю.

Братья приготовили еду и поели, а потом сказали Мотикитику:

— Говори, где наша мать, а не то мы тебя уьем!

— Не знаю, где она, — отвечал младший брат.

— Пока не скажешь, не будем брать тебя на рыбную ловлю.

— Я боюсь оставаться дома один, возьмите меня, — стал просить Мотикитик.

И на следующее утро все три брата поехали рыбачить. Мотикитик попросил у старших братьев снасть, и они дали ему очень плохую леску и крючок из скорлупы кокосового ореха. А сами стали ловить черепаховыми крючками⁶².

Этими крючками Сонгсонгмал и Чимахор наловили рыбы, а Мотикитик кокосовым крючком выудил полную корзинку с едой.

Так было три дня подряд.

На четвертый день старшие братья опять наловили рыбы. А Мотикитик забросил в море крючок и через некоторое время сказал братьям:

— Мой крючок зацепился за скалу.

— Тяни сильнее,— посоветовали ему Сонгсонгмал и Чимахор.

Мотикитик потянул сильнее и вытащил из моря остров. Это был остров Фаис. Лодка трех братьев оказалась в самой его середине, там, где теперь местность Лау. Братья вышли из лодки, и Мотикитик сказал:

— Середина острова принадлежит мне, а вы можете поселиться на берегах, один — на одном, другой — на другом.

— Нет, это не твой остров! — закричали Сонгсонгмал и Чимахор.

Братья начали спорить, и Мотикитик сказал:

— Если вы говорите, что остров не мой, а ваш, скажите, где наша мать.

Старшие братья, конечно, не знали, где она, и в свою очередь спросили об этом Мотикитика.

— Я похоронил ее вон под тем деревом хулио,— ответил младший брат.

Старшие братья не поверили ему, но все-таки подошли к тому дереву.

Сонгсонгмал взял кокосовый черенок, ударил им по земле под деревом хулио и позвал мать по имени. Но она не откликнулась. Затем то же самое проделал Чимахор, но и он не получил ответа. Тогда старшие братья сказали младшему:

— А теперь ты позови мать, и, если она не ответит, мы тебя уьем.

Мотикитик стукнул по земле кокосовым черенком и позвал мать:

— Лороп, Лороп!

— Мммммм,— отозвалась Лороп.

— Чей это остров? — спросил Мотикитик.

— Твой,— ответила мать.

Когда старшие братья услышали это, им пришлось подчиниться младшему. И братья разошлись — Сонгсонгмал поселился на одном берегу, Чимахор — на другом, а Мотикитик стал жить в середине острова.

Теперь на западном берегу острова Фаис находится деревня Илто, на восточном — Фалиау, а в середине — Личоичои. С южной стороны острова эти деревни близко подходят одна к другой.

Говорят, что крючок, которым Мотикитик выудил из моря остров Фаис, находится сейчас на острове Яп, в его главном селении Гатчепар.

Это место называется Ламруи и принадлежит великому духу Ионголапу. А за могилой Лороп следит верховный вождь местности Гагил.

114. Девушка-дельфин

Жили два бурых дельфина⁶³. Играя, они часто выпрыгивали из воды неподалеку от берега и видели, как на острове танцуют мужчины.

Как-то раз одна рыба⁶⁴ сказала другой:

— Когда стемнеет, давай сходим на берег и посмотрим на танцы.

Вторая согласилась.

Когда стемнело, дельфины вышли на берег, сбросили хвосты и превратились в девушек. Они спрятали хвосты на берегу и пошли смотреть, как танцуют мужчины. Но близко к танцующим не подходили — возле площадки горел костер, и дельфины боялись, что люди их заметят. Когда танцы кончились, девушки-дельфины побежали на берег, прицепили свои хвосты и вернулись в море.

Но возле того места, где они прятали хвосты, росла пальма, а на ней один из жителей острова сделал надрез и собирал сок. Утром этот человек заметил следы на песке, но не знал, чьи они.

На следующую ночь дельфины снова выходили на берег, а утром их следы опять увидел тот человек, который собирал пальмовый сок.

Так повторялось четыре дня подряд. Каждое утро человек видел возле пальмы чьи-то следы. Он догадался, что на остров кто-то приходит, и решил узнать, кто это. Когда наступила пятая ночь, этот человек спрятался на берегу возле пальмы. Он увидел, как из моря вышли два дельфина, сбросили хвосты и превратились в девушек. Затем они спрятали хвосты и пошли смотреть на танцы. Тогда человек вышел из укрытия, взял один дельфиний хвост, отнес к себе домой и

спрятал. А потом он тоже пошел туда, где танцевали мужчины, и стал следить за девушками. Когда танцы кончились, девушки пошли на берег, а этот человек — за ними.

На берегу одна девушка-дельфин нашла свой хвост и надела его, а вторая никак не могла найти. Первая девушка превратилась в дельфина и уплыла в море, а вторая все искала свой хвост. Когда рассвело, человек перестал прятаться и подошел к ней.

Девушка-дельфин испугалась и заплакала, а человек сказал:

— Не плачь, я не собираюсь тебя обижать. Я только хочу спросить тебя — согласна ли ты стать моей женой?

— Согласна, — ответила девушка, — ведь я потеряла свой хвост и не могу вернуться домой в море.

Человек увел девушку к себе домой, и они стали жить вместе. Вскоре женщина забеременела и в положенное время родила сына. Через несколько лет она снова забеременела, и у нее родилась дочь.

А дельфиний хвост муж завернул и повесил под самой крышей дома. Жене он с самого начала сказал, чтобы она никогда не трогала этот сверток.

Как-то раз муж взял сына и поехал с ним на рыбную ловлю, а жена и дочь остались дома. И вдруг на женщину упало несколько червей. Она заметила, что они упали из запретного свертка. Несмотря на запрет, женщина достала сверток и решила посмотреть, что там такое. И она увидела свой хвост, который когда-то потеряла на берегу. Он весь загнил и зачервивел.

Женщина отнесла хвост на берег и положила в миску с морской водой. В воду она добавила кое-какие зелья, и хвост стал совсем как новый. Тогда женщина искупала свою дочь, натерла ее куркумой и сказала ей:

— На самом деле я рыба, бурый дельфин. Поэтому я возвращаюсь в море, но ты за мной не ходи. И помни, что, если кто-либо из жителей острова поймает бурого дельфина, ни ты, ни твой брат не должны его есть.

Мать и дочь поплакали, попрощались, а потом женщина вошла в воду и поплыла. В море ей встретилась лодка, с которой рыбачили ее муж и сын. Жалобно крича, рыба долго кружилась вокруг лодки. Муж догадался, что это его жена, что она достала спрятанный хвост.

— Ну что ж, если ты хочешь, возвращайся в море,— сказал он жене,— о детях я позабочусь.

Рыба уплыла в море, а отец с сыном забрали свой улов и направились домой. Девочка и мальчик долго плакали, потому что мать их покинула.

115. Как жители Улити научились делать верши

На острове Потангерас жили трое мужчин. Один из них, по имени Либуангонго, был человек, а двое других — полулюди-полуиалусы⁶⁵. Либуангонго не знал, что кроме него на острове еще кто-то есть. Он жил на берегу, обращенном к лагуне, а те двое — на берегу, обращенном к морю.

У Либуангонго была лодка. Однажды полуиалусы сделали верши. Ночью они подкрались к лодке человека и утащили ее. Затем взяли свои верши, сели в лодку, поплыли в море и опустили верши в воду. Еще затемно они вернулись и поставили лодку на место.

На следующую ночь полуиалусы опять стащили лодку и отправились проверять свои верши. Они выбрали из них улов и опять забросили снасть в море. Затем они отвели лодку на место и оставили в ней часть пойманной рыбы для Либуангонго — хозяйина лодки⁶⁶. А потом вернулись к себе домой.

Утром Либуангонго проснулся и отправился на рыбную ловлю. Подойдя к лодке, он увидел в ней рыбу. Либуангонго взял ее домой, съел и в этот день рыбачить не ездил.

На третью ночь полуиалусы снова взяли лодку и опять оставили часть улова для Либуангонго. То же они сделали и на следующую, четвертую ночь.

Либуангонго решил узнать, кто же берет его лодку. Ночью он спрятался на берегу и увидел, как пришли два полуиалуса, взяли его лодку и отплыли в море. Либуангонго вернулся домой и лег спать. А полуиалусы и на этот раз вернули лодку, оставив в ней часть улова. Остальное они забрали и пошли домой.

Днем Либуангонго проснулся, сходил к лодке, забрал рыбу и съел ее. Потом он взял сеть и подвесил ее в лодке под

настилом. А затем Либуангонго пошел домой и стал дожидаться темноты.

Ночью, до прихода полуиалусов, он спрятался в сети под настилом лодки.

Как обычно, пришли те двое, сели в лодку и поплыли в море. Полуиалусы забрали улов, забросили пустые верши в море и вернулись на Потангерас. Они вытащили лодку на берег и стали делить улов на три части. В это время Либуангонго громко постучал по борту лодки, вылез из сети и предстал перед рыбаками. Они испугались и бросились бежать.

— Стойте! — крикнул человек. — Вернитесь!

Полуиалусы вернулись, и он их спросил:

— Это вы каждую ночь брали лодку?

— Да, мы, — отвечали полуиалусы.

— Спасибо вам за рыбу, которую вы мне оставляли, — сказал Либуангонго, — но я бы хотел ездить вместе с вами и научиться ловить рыбу так, как это делаете вы.

И Либуангонго стал ездить на рыбную ловлю с полуиалусами. А потом он сказал им:

— Сделайте и мне верши. Я не умею их делать, но хочу научиться.

Втроем они заготовили дерева, и полуиалусы научили человека делать верши. Ночью все трое поехали в море и наловили рыбы. Когда же они вернулись на остров, они вместе приготовили рыбу и съели ее, потому что стали друзьями.

А через некоторое время полуиалусы сказали, что покидают Потангерас и переселяются в другое место. Либуангонго остался один на острове и продолжал ловить рыбу вершами.

Однажды он поехал на соседний остров Могмог, чтобы встретиться с людьми из селения.

— Приезжайте на Потангерас, — предложил он, — и я научу вас делать верши.

Люди приехали к нему и десять дней учились делать верши. Затем они вернулись на свой остров и научили всех остальных. А потом на Могмог стали приезжать люди с других островов, и так на всем атолле стали ловить рыбу вершами.

Поэтому каждый рыбак, который пользуется вершами, обязательно берет две рыбины из каждого улова и посылает их на Потангерас в дар Либуангонго.

116. Одинокая женщина и ее сын, перебивший легаселепов

У одной женщины было десять сыновей: Сангаф, Рунгаф, Солнгаф, Фангаф, Лимнгаф, Олгаф, Фисингаф, Уангаф, Тенгаф и Секх. Первый сын, Сангаф, был ростом в пядь, второй — в две пяди, третий — в три и так все по порядку. Десятый сын, Секх, был десяти пядей росту. И мать и все ее сыновья были иалусами⁶⁷, но только сыновья были легаселепами⁶⁸, а мать — нет.

За короткое время десять братьев съели на острове очень много людей, и оставшиеся в живых решили перебраться на другой остров.

Среди них была несчастная, совершенно одинокая женщина, у которой умерли все родичи. Когда эта женщина увидела, что люди садятся в лодки и покидают остров, она попросила взять и ее.

— Принеси для себя пресной воды,— сказали ей,— и мы тебя возьмем.

Женщина пошла, набрала воды, но, когда вернулась на берег, лодка уже отплыла. Тогда женщина подошла к другой лодке и попросила отъезжающих взять ее с собой.

— Принеси для себя пресной воды,— сказали ей,— и мы тебя возьмем.

Но пока женщина снова ходила за водой, и эта лодка уплыла.

Несчастливая женщина просилась еще в восемь лодок, но все они уплыли, не дождавшись ее. И женщина осталась одна на острове. На берегу она увидела толстое поваленное дерево и вырыла под ним яму, где могла прятаться от легаселепов.

На следующий день десять братьев-иалусов стали гадать на листьях кокосовой пальмы. Они хотели узнать, найдут ли они людей, чтобы их съесть. Иалусы не знали, что все жители, кроме одинокой женщины, уже покинули остров. Они погадали, и ответ был, как они решили, благоприятным. Братья пошли искать людей, но никого не нашли. На следующий день они снова отправились на поиски и опять вернулись ни с чем.

А несчастная женщина, которая скрывалась в яме под поваленным деревом, забеременела. И вот у нее родился ребен-

нок, мальчик, у которого была только одна нога. Он рос очень быстро и скоро был уже ростом с тринадцатилетнего. Мать постоянно советовала ему остерегаться легаселепов и не отходить далеко от ямы, в которой они жили.

Однажды мальчик собрался на рыбную ловлю.

— Не ходи,— сказала ему мать,— легаселепы увидят тебя и схватят.

— Я ничего не боюсь,— ответил сын,— и буду ходить, где захочу.

Он сделал себе острогу из ствола кокосовой пальмы и отправился к морю. Домой он принес много рыбы, и они с матерью хорошо поели.

На другой день мальчик сказал:

— Опять пойду ловить рыбу.

— Не надо, тебя могут поймать легаселепы!

— А я их не боюсь! — ответил сын. Но он не сказал, что хочет сам встретиться с ними.

И мальчик направился в ту часть острова, где жили иалусы. Когда он туда пришел, все легаселепы были на рыбной ловле, а дома оставалась только их мать. Мальчик спросил ее:

— Для кого ты стряпаешь?

— Для моих сыновей, не для твоей матери!

Услышав это, мальчик рассердился, перевернул острогой горшок и съел все, что в нем было. Затем он увидел, что возле дома вялится рыба. Часть этой рыбы мальчик съел сам, а часть отнес своей матери. Увидев вяленую рыбу, мать спросила:

— Где ты был?

— В доме легаселепов,— ответил сын.— Вот забрал у них рыбу.

— Не ходи туда больше,— сказала мать,— они тебя убьют!

А десять братьев-легаселепов вернулись домой и узнали от матери о случившемся. Они посоветовались друг с другом и решили, что Сангаф — самый старший и самый низкорослый из них — завтра на рыбную ловлю не пойдет, а останется дома.

А мать сказала сыновьям:

— У этого мальчика только одна нога. Сангаф без труда с ним справится.

На следующий день девять братьев пошли ловить рыбу, а Сангаф спрятался в доме.

Как и накануне, пришел мальчик и спросил у матери легаселепов:

— Что ты делаешь?

— Готовлю еду, но не для твоей матери!

Мальчик опрокинул горшок, но тут из дома вышел легаселеп ростом в пядь.

— Это ты приходил вчера, — спросил он, — и сожрал нашу еду?

— Да, это был я, — ответил мальчик.

— Я тебя убью! — крикнул Сангаф и бросился на человека.

Но на пальцах у мальчика были длинные ногти. Ногтем большого пальца он надавил на шею легаселепу и оторвал ему голову. Затем он отнес тело Сангафа на берег и усадил на то место, где обычно проходили братья-легаселепы, возвращаясь с рыбной ловли. А к телу Сангафа мальчик приставил оторванную голову. Потом он зашел в дом иалусов, забрал всю еду и отнес ее своей матери.

Мать рассердилась и сказала:

— Ходить к легаселепам опасно, они могут тебя убить!

Но сын не сказал матери, что он сам уже убил одного из них.

Тем временем девять братьев вернулись с рыбной ловли. На берегу они увидели Сангафа, но не знали еще, что он мертв. Как подобает, братья спросили его, что нового на острове. И еще они спросили, убил ли он мальчика. Но Сангаф молчал. Удивленные братья подошли поближе и увидели, что он мертв. Легаселепы обругали мертвого за то, что он оказался слабосильным и позволил мальчику убить себя. Потом они похоронили Сангафа.

Затем легаселепы отнесли матери дневной улов. Они съели немного рыбы, а остальную отложили, чтобы съесть позже. Посоветовавшись между собой, легаселепы решили на следующий день оставить дома Рунгафа, который был ростом в две пяди. Он должен был убить мальчика, если тот появится.

Утром восемь братьев пошли на рыбную ловлю, а Рунгаф остался дома. И опять пришел мальчик и спросил у матери легаселепов:

— Что делаешь?

— Готовлю еду, но не для твоей матери!

Мальчик опрокинул горшок, но тут из дома вышел легаселеп двух пядей росту и спросил:

— Это ты приходил вчера?

— Да!

— Тогда держись! — крикнул Рунгаф и бросился на человека, но тот, как и накануне, ногтем большого пальца отсек легаселепу голову. Затем он посадил мертвого Рунгафа на берегу, а оторванную голову приставил к телу. Потом мальчик зашел в дом иалусов, забрал всю еду и отнес своей матери.

И снова мать стала бранить сына за неосторожность, но тот и теперь не сказал, что убил еще одного легаселепа.

Так повторялось еще семь дней, и наконец в живых остался только один легаселеп. Это был Секх, самый младший из братьев, десяти пядей росту. Он решил не ходить на рыбную ловлю, остаться дома и отомстить за смерть братьев.

Когда мальчик пришел, Секх бросился на него, но был убит так же, как и остальные братья,— мальчик оторвал ему голову ногтем большого пальца. Потом мальчик убил мать легаселепов и вернулся домой.

На этот раз он рассказал матери, как перебил всех иалусов.

— Теперь мы можем перебраться из нашей ямы в деревню,— сказал мальчик. И они вернулись в деревню.

Однажды мать с сыном вышли на берег. Они надеялись, что люди, перебравшиеся на соседний остров, заметят их и догадаются, что легаселепов уже нет. Так и случилось. Их заметили с лодки, и мать с сыном сказали людям, что можно возвращаться на родной остров, потому что одноногий мальчик перебил всех легаселепов и жить на острове стало безопасно.

Вскоре все жители вернулись домой. А в благодарность за избавление от легаселепов они сделали одноногого мальчика и его мать вождями острова.

117. Как легаселеп упустил добычу

Легаселеп по имени Лимачавалчавал жил на острове Соренланг. Вместе с ним жила его мать, которая тоже была иалусом. И вот Лимачавалчавал задумал найти себе девушку-человека и жениться на ней. Легаселеп изменил внешность и принял облик обычного мужчины. Кроме того, он сделал себе татуировку⁶⁹ и всячески украсился, чтобы стать как можно привлекательнее. Затем Лимачавалчавал сел в лодку и отправился искать девушку. Сначала он приплыл на остров Лем, но не нашел там подходящей девушки. Потом легаселеп побывал на островах Элемат, Потангерас, Могмог, Сорлен, Азор и наконец добрался до острова Фалалоп.

Когда он туда приплыл, была ночь и девушки танцевали. Легаселеп пошел посмотреть на танцы. Мужчины в это время раскладывали костры, чтобы осветить площадку, и Лимачавалчавал стал им помогать. Наконец он заметил одну девушку, которая была красивее всех остальных, и она пришлась ему по вкусу. И красавица посмотрела на незнакомца — он ей тоже понравился.

После танцев Лимачавалчавал подошел к девушке и предложил ей стать его женой. Та согласилась — она ведь не знала, что это легаселеп.

— Поедем ко мне на Соренленг, — сказал легаселеп, и они вдвоем отправились в путь.

На Соренленге Лимачавалчавал оставил девушку у себя дома и пошел приглашать остальных легаселепов, живших на острове, чтобы сообща съесть ее.

Когда Лимачавалчавал ушел, его мать спросила гостью:

— Кто ты?

— Я с острова Фалалоп, — отвечала девушка. — Сюда меня привез мужчина, который только что ушел.

— Это мой сын, — сказала мать Лимачавалчавала. — Он тебя съест, ведь он легаселеп. Я тоже не человек, а иалус, но я не легаселеп и хочу тебя спасти.

Она дала девушке скорлупу кокосового ореха, выдернула у себя из головы и из лобка несколько волосков, добавила слюны и всё это положила в скорлупу.

— А теперь беги к себе на Фалалоп, — сказала мать Лимачавалчавала. — Мой сын погонится за тобой. Если он ста-

нет тебя настигать, вынь из скорлупы несколько волосков со слюной и брось ему под ноги.

И девушка побежала на Фалалоп.

Вернувшись домой, Лимачавалчавал не нашел ее и кинулся в погоню. Он почти настиг девушку, и тогда она выбросила несколько волосков со слюной. Легаселеп остановился, подобрал их и понес домой — он узнал волосы своей матери⁷⁰. Затем Лимачавалчавал снова погнался за девушкой и чуть не схватил ее, но она снова бросила несколько волосков. Легаселеп подобрал их, отнес домой и опять побежал за девушкой. В третий раз он чуть не догнал ее, и в третий раз девушка так же заставила его вернуться на Соренленг. А сама она тем временем добежала до Фалалопы.

Там девушка сразу же созвала всех жителей и рассказала им о случившемся. Люди схватили палки и духовые раковины. И когда Лимачавалчавал добрался до острова, все стали трубить в раковины⁷¹ и стучать палками. Легаселеп испугался шума и убежал к себе на Соренленг.

А в его доме уже собрались легаселепы, которых он пригласил, чтобы есть девушку. Но никакой девушки не было. Тогда легаселепы набросились на Лимачавалчавала, убили его самого и съели.

118. Таутау и скорлупа кокосового ореха

На острове Фалалоп жило несколько легаселепов. Они убили почти всех людей, а уцелевшие попрятались и не смели никуда выйти. Только один храбрый человек по имени Таутау из селения Фалемаи ничего не боялся.

Однажды ночью Таутау набрал сухих листьев кокосовой пальмы, сделал факел и отправился ловить рыбу⁷². Он начал с восточного края рифа и постепенно передвигался на его западный край. Улов был хороший. Но огонек факела заметил легаселеп Ратеу. Он увидел, что Таутау несет много рыбы, и крикнул:

— Таутау!

— Что? — откликнулся тот.

Легаселеп решил одурачить человека, приветливо поговорить с ним, а потом убить. И Ратеу сказал:

— Я один на всем острове. Пойдем ко мне, поедим.

— А где твой дом? — спросил Таутау.

— Да тут недалеко, — ответил легаселеп. — У меня много еды, есть сладкий кокосовый сок.

И Таутау, прихватив свою рыбу, пошел к легаселепу. В доме Ратеу они приготовили рыбу.

— Ты съешь все сам, — предложил легаселеп, — а мне оставь одни кости. (Людоед хотел, чтобы Таутау стал жирнее.)

После еды легаселеп послал гостя собирать пальмовый сок. У Ратеу было десять кокосовых пальм. Таутау сказал, что вернется, но на самом деле он решил удрать от легаселепа. Однако сначала он слазил на каждую пальму и выпил сок из всех подставленных под надрезы скорлупок. Каждой скорлупке он говорил:

— Если Ратеу окликнет, ответь за меня.

Затем Таутау бросился бежать, добрался до своего селения, пришел в мужской дом и лег спать.

А легаселеп все ждал Таутау. Наконец он вышел из дому и крикнул:

— Таутау!

— У-уу, — отозвалась кокосовая скорлупа.

Ратеу залез на пальму, но никого не нашел и спустился обратно. Затем он подошел к другой пальме и крикнул:

— Таутау!

— У-уу, — откликнулась кокосовая скорлупа.

Легаселеп слазил и на эту пальму, но опять не нашел Таутау. Ратеу пришлось залезать по очереди на все десять пальм. Таутау не было. Тогда легаселеп направился в селение Фалемаи, к мужскому дому.

Укрывшись листьями, Таутау спал в лодке, которую еще не успели доделать. Легаселеп не видел его, но услышал храп. Тогда он взял лодку вместе со спящим Таутау, взвалил на плечо и понес к себе домой. Ноги Таутау торчали из лодки, он зацепился ими за ветку дерева иабвуш и проснулся. Таутау сразу понял, что происходит, схватился за ветку и повис на ней. Легаселеп ничего не заметил и продолжал тащить пустую лодку. А Таутау слез с дерева и вернулся в мужской дом.

Когда Ратеу добрался до своего жилища, он поставил лодку на землю и увидел, что она пуста. Легаселеп страшно рассердился и бросился обратно в Фалеман.

Тем временем Таутау набрал молодых листьев кокосовой пальмы и особым образом связал их⁷³. Эти связки он развесил вокруг мужского дома. Затем Таутау взял духовую раковину и стал поджидать легаселепа.

Вскоре тот появился и крикнул:

— Таутау!

— Иди сюда,— откликнулся человек.

— Не пойду,— сказал легаселеп.— Я боюсь этих связок, которые развешены вокруг дома.

— Я их уберу,— пообещал Таутау.

Легаселеп вошел в дом и сел, а Таутау начал трубить в раковину. Перепуганный легаселеп заметался в доме. Тогда Таутау взял две палочки и добыл огонь. Он подкинул сухих пальмовых листьев и кокосового волокна и разжег большой костер. Затем Таутау выскочил наружу, закрыл все выходы и поджег дом. Дом сгорел, и легаселеп Ратеу погиб в огне.

119. Как сумасшедший победил иалуслепа

В давние времена единственным жителем острова Потангерас был иалуслеп, людоед-великан. У него было четыре головы, четыре рта, восемь глаз и восемь рук, но только одно туловище и две ноги. На Потангерасе водилось множество птиц хангау, и поэтому люди с острова Могмог часто ездили туда — охотиться на птиц и собирать их яйца. Иалуслеп убивал охотников, пек их в земляной печи и съедал. Он был очень прожорлив, и многие охотники не вернулись домой. Великан перебил почти всех жителей острова Могмог.

В то время там жил один сумасшедший. Он тоже слышал рассказы о страшном иалуслепе и однажды сказал:

— Я поеду на Потангерас охотиться. А если встречу иалуслепа, поймаю его и убью.

Все люди отговаривали безумца от поездки.

— Ты сумасшедший,— говорили они ему,— ты не сможешь убить великана и погибнешь сам!

Но сумасшедший сказал:

— Нет, я поеду и докажу, на что я способен!

Сумасшедший пригласил своего друга поехать с ним, и тот согласился. Вдвоем они сели в лодку и отплыли на Потангерас. Добравшись до острова, они благополучно высадились на берег.

— Смотри не шуми,— предупредил сумасшедшего его друг,— а то иалуслеп услышит, придет и убьет нас.

Охотники вытащили лодку на берег, сделали себе шалаш из листьев кокосовой пальмы и легли спать. Утром они пошли на охоту. Когда они забрались в заросли, где водилось множество птиц, друг сказал сумасшедшему:

— Стой здесь, а я пойду и срежу прут.

Он пошел, срезал прут из дерева хурувел⁷⁴ и вернулся. Затем из средней прожилки кокосового листа он сделал петлю и привязал ее к пруту. Так у него получился силок для ловли птиц.

— Я залезу на дерево,— сказал друг,— а ты стой здесь. Я буду ловить птиц и бросать их вниз, а ты подбирай. Только, что бы ни случилось, не шуми, а то нас заметит иалуслеп.

Сумасшедший остался внизу, а его друг залез на дерево. Вскоре он поймал двух птиц, задавил их и сбросил на землю. Но сумасшедший нашел только одну— вторая затерялась в густых кустах.

— Эй, послушай!— крикнул сумасшедший.— Я нашел только одну, вторая куда-то задевалась!

— Не надо кричать,— негромко сказал его друг,— не то иалуслеп услышит нас.

Он поймал еще двух птиц и сбросил их на землю. И теперь сумасшедший нашел только одну и заорал:

— Опять вторая потерялась!

— Тише, тише,— снова предупредил его друг.

Но тут сумасшедший заметил нескольких птиц и завопил:

— Вон птицы! Лови их! Лови!

И опять осторожный друг попросил его не шуметь. Несмотря на это, сумасшедший еще несколько раз принимался кричать.

Вдруг до охотников донесся какой-то шум. Это были шаги людоеда-великана, который улышал людей и направился к ним. Оба замерли на месте— сумасшедший на земле, а его

друг на дереве. Великан подошел шагов на триста и вытянул свою длинную шею до самого дерева.

— Вас обоих я съем! — сказал он.

Тот охотник, который сидел на дереве, молчал — от страха он ничего не соображал. А сумасшедший сказал чудовищу:

— Прежде чем ты нас убьешь, мне надо с тобой поговорить.

— Говори, — ответил иалуслеп.

— Раз уж нам придется умереть, — продолжал сумасшедший, — позволь мне и моему другу съесть тех птиц, которых мы поймали.

— Хорошо, — ответил людоед, — вы станете жирнее, я согласен.

Два друга набрали хвороста и сухого кокосового волокна, разожгли костер и испекли птиц. Затем они сложили все мясо вместе, и сумасшедший сказал:

— Делить еду буду я.

И он отдал великану тощих птиц, а себе и своему другу оставил жирных.

— Почему ты даешь мне тощих птиц, а себе берешь жирных? — спросил иалуслеп.

— Если мы съедем жирных птиц, — ответил сумасшедший, — мы станем жирнее. А ты ведь все равно съешь нас самих.

Иалуслепу ответ понравился, и он согласился с такой дележкой. Они поели — иалуслеп тощих птиц, а люди — жирных. Когда они все съели, великан сказал:

— А теперь пришло время вас убить.

— погоди, — возразил сумасшедший, — нам же надо запить мясо!

Иалуслеп согласился и разрешил им сорвать несколько кокосовых орехов. Люди напились соку из орехов, и великан воскликнул:

— Пора, пора вас убить! Я сделал все, что вы просили!

Но сумасшедший сказал:

— Нет, сначала сыграем в прятки, а уж потом ты нас убьешь!

Иалуслеп согласился и на это.

— Оставайся здесь, — предложил ему сумасшедший, — а мы с другом спрячемся. Как только ты нас найдешь, так и убьешь.

— Ладно,— сказал великан.

Он закрыл глаза, а люди пошли прятаться. Но прятаться они не стали. Вместо этого они выбрали кокосовую пальму и согнули ее. Затем сумасшедший велел своему другу сбежать к лодке и принести веревку. Один конец веревки они привязали к верхушке пальмы, а на другом конце сделали петлю. В это время иалуслеп крикнул:

— Ну, я иду!

— Нет, нет, мы еще не готовы! — откликнулся сумасшедший.

Два друга быстро сделали ловушку из веревочной петли и укрыли ее в траве. Затем сумасшедший спрятался возле ловушки, а его друг отошел подальше.

— Можешь идти! — крикнул сумасшедший.

Иалуслеп пошел на его голос, и, когда он приблизился к ловушке, сумасшедший крикнул: «Ха!» Великан повернулся в его сторону и попал ногой в петлю. Ловушка сработала, пальма распрямилась, и иалуслеп повис вниз головой.

— Ой, что ты делаешь! — завопил иалуслеп.

— Ничего, ничего,— ответил сумасшедший. Он позвал своего друга и сказал ему:

— Давай сожжем этого иалуслепа.

Они сложили под висящим великаном кучу хвороста и сухих листьев и подожгли ее.

— Не жгите меня! — вопил иалуслеп.— Помогите мне! Обрежьте веревку! Я вас не трону!

— Мы тебе не верим,— сказал сумасшедший.— Ты уже убил многих людей с нашего острова, теперь настал твой черед умереть.

Но иалуслеп снова и снова просил пощадить его.

Между тем сумасшедшему было известно, что иалуслеп знает одно сильное заклинание. Стоит пропеть его, назвав какую-нибудь еду, и она сразу появится в большом количестве. Поэтому сумасшедший сказал чудовищу:

— Спой свое заклинание, пусть появится много-много еды, и тогда я обрежу веревку.

И великан пропел такое заклинание:

Ямс!
Белый ямс!
Красный ямс!
Бух! Бух! Бух!

Едва он кончил петь, как сверху на землю упало много ямса сортов тукх, тал и фаравач. Но люди не освободили иалуслепа, а еще подкинули хвороста в костер. Затем они собрали весь ямс и отнесли его на берег. А чудовище оставили умирать над огнем. Нагрузив лодку ямсом, два друга отплыли к себе на Могмог.

Там они сразу же пришли в мужской дом. Сумасшедший взял духовую раковину и протрубил в нее, чтобы созвать жителей селения. Все они прятались в зарослях, боясь, что на остров явится страшный великан. И вот люди собрались возле мужского дома. У некоторых был чудной вид — из волос и ушей у них торчали веточки и листья. Ведь жителям острова уже давно приходилось прятаться в зарослях.

Сумасшедший рассказал, как они с другом убили на Понтангерасе людоеда-великана. Люди были очень рады услышать это и благодарили своего спасителя.

Затем все зажили спокойно и счастливо, больше не боясь кровожадного иалуслепа.

120. Как легаселеп гнался за двумя сестрами

Иол и его жена Иаф жили на острове Сорлен. У них были две маленькие дочери — Илачуамач и Мармарлибуонг. Родители частенько им говорили:

— Никогда не ходите играть к острову Ианголпалап, потому что там живет большой легаселеп.

Однажды девочки пошли на берег и нашли там несколько клубней ямса, которые прибило к берегу волной. Девочки съели ямс и решили, что его пригнало с острова Ианголпалап.

— Наверное, — сказали девочки, — родители рассказывали нам про легаселепа, потому что не хотели, чтобы мы ходили туда и ели ямс.

Девочки не знали, что эти клубни бросил в море тот самый легаселеп, о котором им говорили отец с матерью.

На следующий день сестры задумали отправиться на Ианголпалап и поискать там ямс. По песчаной косе девочки перешли на этот островок и увидели легаселепа. Он сидел в

своем доме и следил за ними. Когда девочки приблизились, легаселеп позвал их:

— Идите, идите сюда, мои доченьки!

Он, конечно, врал, называя их дочерьми. Сестры подошли поближе, и легаселеп сказал:

— Вы покинули меня, когда стали подрастать, и ни разу не навестили. Заходите же в дом, я вас угощу.

Девочки зашли в дом, и легаселеп накормил их. Когда они кончили есть, легаселеп сказал:

— Ложитесь спать, а я пойду и наловлю рыбы.

Сестры легли спать, но легаселеп не пошел за рыбой. Вместо этого он начал готовить земляную печь⁷⁵.

В это время на остров прилетела черная птичка хангау. Она жила у этих девочек, и они ее очень любили. Птичка увидела, как легаселеп разжигает печь, и сразу поняла, что он задумал. Тогда она села на дерево около дома и запела, чтобы разбудить девочек. Птичка пела такую песню:

Ила-чу-а-мач!
Ила-чу-а-мач!
Мармарлибуонг!
Он костер для вас разводит,
Он для вас готовит печь!
Ила-чу-а-мач!

Но сестры Илачуамач и Мармарлибуонг не просыпались. Птичка подлетела поближе и опять спела свою песню. Девочки продолжали спать. Тогда птичка уселась прямо над ними и в третий раз спела песню. Наконец сестры проснулись, и птичка им сказала:

— Это не ваш отец, это легаселеп! Он уже приготовил печь, чтобы испечь вас и съесть. Бегите скорее!

Сестры вскочили и бросились бежать на свой остров, Сорлен. Тем временем легаселеп приготовил печь и отправился в дом за девочками. Но их там не было! Легаселеп осмотрелся, увидел, что сестры бегут по песчаной косе на Сорлен, и бросился в погоню. Вскоре он почти настиг младшую сестру, Мармарлибуонг.

— Он сейчас меня схватит! — закричала она.

— Пой заклинение! — крикнула сестра ей в ответ.

И Мармарлибуонг на бегу запела:

Тер тер танголонголо
Тер тер танголонголо

Чингил пои чикчик
Чингил пои лаплап
Нга и бворо илало 761

Как только она спела эту песню, обе девочки ушли с головой под землю и там продолжали бежать к своему дому.

А легаселеп бросился к тому месту и стал рыть песок, чтобы поймать девочек. Но они были уже далеко и снова вышли на поверхность. А чтобы подразнить легаселепа, они пропели ему:

Поздно роешь, поздно роешь,
Мы уж обе наверху!

Легаселеп увидел их и снова бросился в погоню. И опять он чуть не схватил младшую сестру. Но тут девочки заметили валявшийся на земле ствол бамбука и спрятались в нем. Легаселеп тоже пытался туда втиснуться, но не мог. Тогда он спросил сестер:

— Как мне влезть в бамбук?

Девочки ответили:

— Вытяни свою кишку из заднего прохода и сунь ее сюда, а мы втащим всего тебя.

Легаселеп так и сделал. А у одной из сестер к ноге была привязана веревочка. Этой веревочкой они крепко обвязали кишку легаселепа и стали втягивать ее внутрь ствола. Сестры тянули и пели:

Ие, мы тянем!
Ие, что ж ты ел?!
Ах, ну и вонь!
Ох, ну и вонь!

Девочки вытянули у легаселепа все кишки, и он издох. А сестры выбрались из бамбука, вернулись к отцу с матерью и рассказали им, как они убили легаселепа с острова Иангол-палап.

121. Сикхалол и его мать

Лизор, очень красивая молодая женщина, стала женой пождя по имени Соксурум. Она забеременела, и роды у нее случились преждевременные, через семь месяцев. Плод был

еще покрыт оболочкой, и мать не знала, есть ли внутри ребенок. Она положила плод в кокосовый околоцветник и пустила в море.

Но на восточном берегу острова, в стороне от главного селения, жило несколько человек. Один из них, по имени Разим, построил из камней большую ловушку для рыбы. И околоцветник с ребенком попался в нее. В тот день Разим вышел посмотреть, нет ли рыбы в его ловушке, и увидел там мальчика, лежащего в кокосовом околоцветнике. Разим взял ребенка и принес к себе домой.

Для того, чтобы мальчик рос быстрее, Разим применил колдовской прием. Каждый раз, в то самое время, когда он кормил ребенка, Разим повторял заклинания. Прошел месяц, и новорожденный превратился во взрослого юношу.

С самого начала Разим знал, чей это ребенок. В то время в селении только одна женщина была беременна. Разим знал, что он нашел мальчика как раз в тот день, когда у нее случились преждевременные роды.

Своему приемному сыну Разим дал имя Сикхалол.

Когда приемыш подрос, Разим сделал ему небольшую парусную лодку. Однажды Сикхалол с несколькими юношами поехал кататься на лодке. Юноши стали купаться, и в лодке остался один Сикхалол. Лодка стояла у берега, недалеко от хижины, где женщины живут во время месячных. В это время там находилась Лизор. Она увидела Сикхалоло и подумала: «Кто же этот красивый юноша?» Лизор вошла в воду и ухватилась за лодку.

— Отпусти лодку,— попросил Сикхалол.

— Иди ко мне,— позвала его женщина,— мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я не могу сойти на берег,— отвечал юноша,— я без набедренной повязки.

Лизор придвинулась к нему поближе и сказала:

— Приходи ко мне вечером, и мы поласкаем друг друга.

— Но я не знаю, где ты спишь.

— Сейчас я живу вот в той хижине. Приходи туда.

— Ладно, приду,— сказал юноша и отплыл от берега.

Дождавшись темноты, Сикхалол отправился к Лизор, и они провели вместе всю ночь. А перед рассветом юноша вернулся домой. И так они стали делать каждую ночь.

Прошло десять дней, и вождь Соксурум пришел за женой.

Он удивлялся, почему Лизор так долго остается в хижине. Но женщине не хотелось возвращаться домой. Она обманула мужа, сказав, что ее нечистое состояние еще не кончилось. На самом деле она собиралась по-прежнему принимать юношу.

Между тем Разим догадался, почему его приемный сын не ночует дома, и спросил его:

— Ты ходишь к женщине?

— Да.

— Где она живет?

— В хижине для месячных очищений. Муж этой женщины — вождь.

И тогда Разим рассказал Сикхалолу все: как он нашел его в море, как вырастил и какую ошибку совершил юноша — ведь Лизор была его родной матерью.

Когда наступил вечер и Сикхалол пришел к Лизор, он рассказал ей, что он ее сын, которого она пустила в море.

— Лучше бы мне больше не приходиться к тебе ночевать, — сказал Сикхалол.

Но Лизор предложила сыну оставить все по-прежнему. И они продолжали свои забавы. Утром Сикхалол вернулся домой и обо всем рассказал своему приемному отцу.

— Тогда и мне не о чем беспокоиться, — ответил Разим.

Каждую ночь Сикхалол продолжал ходить к своей матери. Прошло много времени — больше трех месяцев. Однажды во время любовной игры Сикхалол случайно расцарапал ногтями щеку Лизор.

А вождь Соксурум с нетерпением ожидал жену. Наконец он пришел за ней в хижину.

— Ты меня обманываешь! — воскликнул вождь. — Ты живешь здесь уже почти четыре месяца!

Сначала женщина отказалась уходить домой, но муж разгневался, и ей пришлось покориться.

На щеке у Лизор все еще были видны царапины, оставленные Сикхалолом. Чтобы муж не увидел их и не догадался, откуда они взялись, женщина стала начесывать на щеки свои длинные волосы. Но Соксурум уже заметил царапины и думал, откуда они могли взяться. Однажды он откинул волосы жены с ее щек и потребовал:

— Расскажи-ка, отчего у тебя царапины!

— Не знаю.

— Ты с кем-нибудь путалась?

— Нет! — воскликнула Лизор, но муж ей не поверил.

Он взял духовую раковину и протрубил. Сразу же все мужчины селения собрались у дома вождя. Соксурум велел им по очереди подходить и прикладывать руку к лицу жены. Он хотел найти того, кто оставил царапины. И пока мужчины один за другим подходили к Лизор, вождь стоял рядом. В руке он держал топор и был готов снести голову виновному.

Но вот все мужчины прошли испытание, и оказалось, что виновного среди них нет.

Тогда вождь велел на завтра прийти тем, которые жили в стороне от селения. Среди этих людей были Разим и Сикхалол.

На следующий день Разим велел всем мужчинам пойти в селение и подвергнуться испытанию. Когда они ушли, он сказал приемному сыну:

— Я научу тебя защищаться от ударов.

И Разим научил Сикхалола, как защитить себя при нападении.

Когда мужчины вернулись из селения, туда отправился Разим и тоже прошел испытание. Теперь на подозрении оставался один Сикхалол. Думая, что его могут убить, юноша натерся куркумой, привязал к запястьям и лодыжкам пучки молодых пальмовых листьев, повесил на шею ожерелье из цветов и надел новую набедренную повязку. В сопровождении других мужчин Сикхалол отправился в селение.

Когда они приблизились к дому вождя, Лизор взглянула на Сикхалола и заплакала. Возле дома все сели на землю. Соксурум велел юноше подойти и приложить руку к щеке Лизор.

— Если ты виновен, я тебя убью! — воскликнул вождь и сжал топор.

Сикхалол приложил пальцы к щеке женщины, и стало ясно, что это он оставил царапины. Разгневанный вождь замахнулся топором, но Сикхалол был уже обучен защищаться. Он выхватил топор из рук Соксурума и отрубил ему голову.

Так Сикхалол убил своего родного отца.

А затем Сикхалол взял Лизор к себе и стал не таясь жить с ней.

122. Холваронг и пять сестер

Когда-то на острове Потангерас жил очень красивый юноша, которого звали Холваронг. А на маленьком островке Фелатеуп, расположенном между островами Потангерас и Могмог, жил юноша по имени Мvei, получеловек-полуиалус. Насколько Холваронг был красив, настолько Мvei был безобразен. Его кожи не было видно из-за болячек, лишая и нарывов, и к тому же он был плешив.

В то же самое время на острове Могмог жили пять сестер. Их звали Иетельсуфанг, Иетелиуф, Иетельхочоль, Иетельваронг и Иетельхоп⁷⁷. Все эти девушки были красавицы. Жили они вместе со своими родителями, которых звали Иол и Иаф⁷⁸. Обычно ранним утром сестры ходили на западный берег купаться. И в это время со своего острова красавец Холваронг видел какое-то сияние на Могмоге. Безобразный Мvei тоже видел его, но ни тот, ни другой юноша не знали, что это купаются девушки.

Однажды Мvei сказал Холваронгу:

— Тебе надо съездить на Могмог и узнать, что это там блестит по утрам.

Холваронг поехал на Могмог и встретил там пятерых сестер. Все они были необыкновенно красивы и понравились ему с первого взгляда. Холваронг спросил девушек, можно ли ему приехать к ним на ночь погулять⁷⁹, и они с радостью согласились: красавец юноша им тоже понравился.

— Пока я вернусь к себе на Потангерас, а к ночи приеду, — сказал Холваронг и отправился домой.

Наступила ночь, Холваронг сел в лодку и поплыл на Могмог. Когда лодка проходила мимо Фелатеупа, до нее вплавь добрался Мvei и спросил:

— Куда это ты собрался?

— На Могмог, погулять с девушками.

— Я поеду с тобой и постерегу лодку.

— Ну что ж, садись.

И вот оба юноши добрались до Могмога, сошли на берег и привязали лодку. Затем Холваронг пошел к девушкам, а Мvei остался на берегу.

У сестер Холваронг пробыл почти до самого утра, а потом вернулся к лодке, где его ждал Мvei. Урод весь дрожал, потому что ночь выдалась холодная, а ему нечем было укрыться.

— Поедем домой,— сказал Холваронг, и они сели в лодку и поплыли.

Сначала Мvei высадился у себя на Фелатеупе, а потом и Холваронг добрался до своего острова.

Прошел день, настала ночь, и Холваронг опять собрался навестить красавиц сестер. И снова по дороге к его лодке подплыл Мvei:

— Ты куда, Холваронг?

— На Могмог, погулять с девушками.

— Поедем вместе, и я постерегу твою лодку.

— Поедем.

Высидевшись на Могмоге, Холваронг отправился к сестрам, а Мvei остался присматривать за лодкой.

Так они ездили девять ночей подряд, а на десятую ночь Мvei подумал: «Почему это мой товарищ ни разу не пригласил меня пойти к девушкам вдвоем?»

И он очень рассердился. Как раз в это время юноши приплыли на Могмог.

— Оставайся здесь и береги лодку,— сказал Холваронг и пошел к девушкам.

Тогда Мvei привязал лодку, поднялся в воздух и прилетел к дому пяти сестер задолго до прихода Холваронга. Мvei вошел в дом, и в темноте красавицы спросили его:

— Кто это?

— Холваронг,— ответил урод.

И Мvei начал забавляться с девушками. Вскоре сестры нащупали болячки у него на теле, почувствовали их противный запах и стали спрашивать:

— Что это у тебя?

— Это свежая татуировка,— ответил Мvei, и девушки ему поверили. Но вот появился настоящий Холваронг и окликнул сестер.

— Кто там? — спросили они.

— Холваронг.

— Уходи, ты врешь, Холваронг уже здесь!

Но Холваронг не ушел, а улегся спать у входа в дом. Он сообразил, что это Мvei опередил его.

А пятеро сестер продолжали забавляться со своим гостем. Перед рассветом все они устали и заснули.

Утром поднялись родители девушек, Иол и Иаф, и видят: их дочери лежат с безобразным Мvei, а возле дома спит в

одинокости красавец Холваронг. Родители разбудили своих дочерей, и те увидели, с каким страшилищем провели они ночь. От отвращения сестер стошнило. А родители показали на Холваронга, который делал вид, что спит. Мвеи тоже притворялся спящим и даже храпел. Иол, отец девушек, очень рассердился: противный запах от болячек уроды пристал ко всем сестрам, и красавиц мутило от одного вида Мвеи. Разгневанный Иол схватил копье и хотел убить Мвеи, пока тот еще спит. Но едва Иол поднял руку для удара, Мвеи вскочил и прыгнул на балку под крышей. При этом его набедренная повязка, сделанная из кокосового луба, свалилась и осталась лежать на циновке, где он спал. Иол снова поднял копье, но голый Мвеи прыгнул к выходу. И в третий раз попытался Иол пронзить его копьем, но урод взлетел в воздух. Сверху Мвеи обгадил весь дом, а затем улетел на свой остров.

Иол бранил дочерей за то, что они провели ночь с таким уродом, тем более что у дома спал красивый юноша. Девушки плакали.

А Холваронг поднялся, закурил, взял свою корзинку и пошел к лодке. Сестры бежали за ним, умоляя забрать их с собой, но Холваронг отказался:

— Как я могу ласкать девушек, которых трогал безобразный Мвеи!

И Холваронг сел в лодку и вернулся к себе на остров Потангерас.

123. Сисиер и черепаший панцирь

На северном берегу острова Фаис в местности Уолмеи жила женщина по имени Лемеичул. У нее было двое детей — сын и дочь. Семья была очень бедная. Дочь Лемеичул уже была замужем за одним человеком с северного побережья.

Однажды на остров налетел ураган⁸⁰, и с кокосовых пальм осыпались почти все орехи — и спелые и неспелые. Наступил голод. И тогда мужчины решили разделить собранные кокосы между всеми жителями острова.

Орехи собрали и разделили между семьями. Лемеичул и ее детям досталось десять орехов, но только очень плохих.

Мужчины отдали орехи Сисиеру, сыну Лемеичул, и сказали ему:

— Ваша семья очень бедная. Вам нечем заплатить за орехи, и поэтому ничего лучшего вы не заслуживаете.

Сисиер отнес орехи матери и передал ей эти слова. Лемеичул рассердилась и придумала, что надо делать. Она положила в деревянную чашу колдовское зелье и добавила туда воды. Затем она сказала сыну:

— Опусть в чашу нос и сиди до тех пор, пока сможешь удерживать дыхание.

Сисиер опустил нос в чашу и просидел до полудня. На следующее утро Лемеичул опять велела ему опустить нос в чашу. На этот раз Сисиер просидел так почти до вечера. Когда он поднял голову, мать его спросила:

— Почему ты вытащил нос из воды — потому что захотел есть или потому что задохнулся?

— Потому что захотел есть, — ответил Сисиер. — Я могу целый месяц держать нос в воде и не задохнуться.

Лемеичул осталась очень довольна таким ответом. И она сказала сыну:

— Завтра ты отправишься к острову Фараулеп, который лежит далеко к востоку, у атолла Волеаи. Ты поплывешь под водой, как рыба. Найди большую подводную пещеру в рифе. Там черепахи сбрасывают панцири. Набери панцирей⁸¹ и возвращайся домой.

И Лемеичул произнесла заклинания, чтобы подводное плавание ее сына прошло благополучно.

На следующий день Сисиер поплыл к острову Фараулеп. Он добрался до рифа и нашел ту подводную пещеру, о которой говорила мать. Там Сисиер увидел большую черепаху и схватил ее. Но тут появилась огромная акула — она хотела посмотреть, что он делает. Сисиер открыл рыбе пасть и засунул туда черепаху, так что акула не могла сомкнуть челюсти. Потом Сисиер набрал черепаших панцирей и тоже положил их в акулью пасть, а потом и сам забрался туда. Затем Сисиер повернул рыбу головой на запад и поплыл к родному острову.

Когда они приблизились к острову Фаис, Сисиер вывел акулу на поверхность. Сначала жители острова подумали, что это идет лодка с Волеаи, но, когда акула подплыла поближе, люди увидели, что это рыба с разинутой пастью. Акула приблизилась к берегу, и люди собрались посмотреть на нее. Лемеи-

чул тоже вышла из дому. Она взяла с собой масла для умащения волос и палочку из дерева иар⁸². Когда Лемеичул подошла к людям, некоторые из них стали ее отгонять.

— Кто ты такая! — говорили они. — Всего-навсего бедная женщина!

Но другие говорили:

— Пусть она тоже стоит здесь и смотрит на акулу!

А Лемеичул пробралась сквозь толпу и подошла к рыбе. Женщина стала шептать заклинания и описывать палочкой круги у себя над головой. Затем она плеснула масла на голову акулы, и из пасти рыбы вышел Сисиер. Сын и мать вытащили из акульей пасти черепаший панцири и попросили людей помочь им отнести их в мужской дом. Когда панцири принесли туда, Сисиер обратился к вождям острова. Он сказал:

— Эти панцири — плата за те десять кокосов, которые вы дали мне и всей нашей семье.

Затем Сисиер вернулся на берег, вытащил изо рта акулы ту черепаху, которая держала пасть рыбы открытой, и отнес ее домой.

Все жители острова получили свою долю черепаших панцирей. Но люди хотели узнать, как Сисиер сумел добыть столько добра. Все говорили об этом между собой. Сестра Сисиера слышала эти разговоры, пришла домой и передала их матери и брату.

— Мы не должны открывать тайну! — воскликнула Лемеичул. — Если люди придут к нам и станут требовать, чтоб мы им все рассказали, мы подожжем дом и бросимся в огонь!

На следующий день к их дому пришли жители острова. Они принесли подарки, чтобы выпытать, как это Сисиер мог так долго плыть под водой.

Когда люди подошли ближе, Лемеичул подожгла свой дом. И она и ее дети бросились в огонь и погибли.

124. Девушка-ящерица

У одной женщины было одиннадцать дочерей. Десять из них родились обыкновенными девочками, а одиннадцатая, самая младшая, — черной ящерицей. Каждый день, когда семья

садилась есть, ящерице тоже давали немного еды. Но ящерица всех раздражала, и родители говорили ей:

— Шла бы ты жить куда-нибудь в другое место!

После того как ящерице сказали это в десятый раз, она рассердилась, ушла из дому и поселилась в лесу, в маленькой хижине. Потом ящерица забеременела и родила обыкновенного человеческого ребенка, девочку. Мать заботилась о дочери и растила ее. Однажды ящерица ей сказала:

— Если ты хочешь пойти погулять, не отходи далеко от дома. Люди могут заметить тебя и обидеть.

На следующий день дочь ящерицы пошла погулять и оказалась очень далеко от дома. Один юноша увидел ее и попытался схватить. Девочка бросилась бежать к своему дому, но юноша догнал ее. Девочка заплакала.

— Не плачь! — воскликнул юноша. — Я не собираюсь тебя обижать. Скажи, ты согласна стать моей женой ⁸³?

— Нет, — ответила девочка, — я не могу стать твоей женой, потому что моя семья очень бедная.

— Поговори со своей матерью, — сказал юноша, — и попроси у нее согласия.

Дочь ящерицы пошла домой и рассказала матери обо всем, что произошло.

— Я боялась, что так и случится, если ты отойдешь далеко от дома, — сказала ящерица. — Но раз уж случилось — выходи замуж за этого юношу.

На следующий день девочке снова встретился тот юноша.

— Что сказала твоя мать? — спросил он.

— Она согласна.

— Иди домой, — сказал юноша, — я за тобой приду.

Дочь ящерицы пошла к себе домой, а юноша — к себе. Он велел матери сделать для своей невесты юбку ⁸⁴, и мать ее сделала. Вечером юноша взял юбку и пошел к невесте. Она встретила его возле дома.

— Скажи своей матери, что ты уходишь со мной, — сказал юноша.

Дочь ящерицы вошла в дом, сказала матери, что уходит, и ушла. И юноша с женой стал жить у своих родителей. Девочка достигла половой зрелости и начала ходить в хижину для месячных очищений. Другие девушки из селения невзлюбили молодую жену потому, что ее муж был сыном вождя и они сами были не прочь выйти за него замуж.

Однажды все мужчины селения собрались наловить рыбы в подарок семье молодой жены. Услышав об этом, дочь ящерицы побежала к матери и спросила, куда лучше принести рыбу.

— Пусть принесут сюда,— сказала ящерица.

Мужчины наловили рыбы и спросили девушку, куда отнести подарок.

— В дом моей матери,— ответила дочь ящерицы.

Вместе с ней мужчины пошли в лес, положили рыбу возле хижины и вернулись в селение. Ящерицы никто из них не видел.

А та дождалась темноты, пробралась в селение к дому своей матери и окликнула ее.

— Кто там? — отозвалась мать.

— Это твоя дочь-ящерица!

Мать открыла дверь и впустила свою дочь в дом. Ящерица рассказала родичам, что у нее есть дочь, которая недавно вышла замуж.

— Люди из селения моего зятя,— сказала ящерица,— принесли мне в подарок много рыбы. Иди со мной, мать, и забери эту рыбу для всей нашей семьи.

Мать и десять ее дочерей очень обрадовались. Теперь они сожалели, что так плохо обращались с ящерицей. Все вместе они пошли в лес и отнесли рыбу к себе домой. Там они приготовили ее и съели.

— Мы должны сделать родичам твоего зятя ответный подарок,— сказала мать ящерицы.— Завтра ночью я и мои дочери принесем к твоему дому таро. Родичи твоего зятя смогут прийти и забрать подарок⁸⁵.

Ящерица вернулась в свой дом. Ее дочь была там, и ящерица сказала ей:

— В такое-то время пусть родители твоего мужа приходят за подарком.

Назавтра мать ящерицы и десять ее дочерей принесли обещанное таро. А потом пришли родители юноши, забрали таро и разделили его между всеми жителями селения. Другие женщины дивились, откуда эта еда. Ведь они никогда не видели родителей девушки и не могли понять, как это они сумели набрать так много таро.

В положенное время девушка забеременела. Когда у нее родилась дочь, мужчины селения снова наловили рыбы и от-

несли ее в дар семье девушки⁸⁶. А ящерица опять сходила к своим родичам и велела им прийти за рыбой. Мать и сестры ящерицы забрали рыбу и принесли таро для ответного подарка. Родичи юноши пришли за таро, но и в этот раз не увидели ящерицы. Они забрали таро и разделили его между всеми жителями селения.

А на следующий вечер, когда стемнело, мать ящерицы вместе со своими десятью дочерьми пришла в лес. Они забрали ящерицу, и отныне она стала жить с родичами в селении.

Перед уходом из лесу ящерица сказала своей дочери:

— Если твой муж захочет меня увидеть, не веди его сюда, а веди в селение. Теперь я буду жить там со своей матерью и сестрами.

Через некоторое время дочь ящерицы вместе с мужем и ребенком пришла погостить к матери. Юноша впервые увидел свою тещу и узнал, что она — ящерица. И он и все люди из его селения испытывали к ней жалость. Но они были рады тому, что ящерица родила такую красивую дочь.

Муж, жена и ребенок месяц гостили у ящерицы, а потом вернулись в свое селение.

125. Краб и крыса

На островке Иалел Палинг, расположенном к западу от острова Могмог, жили большой древесный краб и крыса. На этом островке было мало корма, и поэтому краб и крыса большую часть времени рыскали в поисках съестного.

Однажды они подошли к панданусу и увидели на нем плоды.

— Ты стой здесь,— предложила крыса,— а я заберусь на дерево и достану их.

Она забралась на панданус и стала есть хорошие плоды, а крабу сбросила плохие. Но краб, чтоб и ему перепало хороших плодов, запел такую песню:

У тебя объедки и плохая еда!
У тебя объедки и плохая еда!
А не хочешь ли ты такой, как у меня?

Любопытная крыса спросила:

— Что ты там ешь?

— Таро,— ответил краб.

— Я не люблю таро,— сказала крыса.

Краб еще раз пропел свою песню, и крыса опять спросила его:

— Что ты там ешь?

— Кокос,— ответил краб.

— Кокос я люблю,— сказала крыса.

Она сбросила на землю несколько хороших плодов и слезла сама. И они вдвоем с крабом съели плоды.

А потом краб предложил крысе:

— Давай покатаемся по морю!

— Но у нас нет лодки!

— Я сделаю маленькую лодочку из кокосового околоцветника,— сказал краб.

Крыса согласилась, они нашли околоцветник, и краб сделал из него лодку. Затем из листа фоле⁸⁷ они изготовили парус, а потом сделали весла, веревки, черпак и все остальное.

Когда лодка была готова, краб и крыса сели в нее и поплыли. Крыса управляла парусом, а краб правил и вычерпывал воду. Но краб был все еще зол на крысу за то, что она съела хорошие плоды пандануса и не хотела делиться с ним. И краб потихоньку прогрыз дыру в днище. Лодка наполнилась водой и затонула.

Краб по морскому дну вернулся на берег, а крыса забралась на верхушку мачты. Оттуда она заметила, что под водой плывет черепаха.

— Помоги мне! — крикнула ей крыса.

Черепаха подплыла ближе, и крыса уселась ей на спину. Черепаха довезла крысу до берега и сказала:

— А теперь слезай.

— Подвези меня еще чуть-чуть,— попросила крыса. И черепаха вылезла на берег.

— Задержишься немного,— предложила крыса,— и я поищу у тебя вшей.

Крыса начала собирать вшей с головы черепахи, и той стало так приятно, что она заснула. А крыса только этого и ждала. Она взяла тяжелую раковину тридакны, ударила черепаху по голове и убила. Потом крыса развела огонь, изжарила черепаху, расколола ей панцирь и досыта наелась

черепашьемяса. Кончив есть, крыса нагадила внутри панциря. Затем крыса пошла к крабу и сказала:

— Пойдем полакомимся черепашьямясом.

Краб пришел и увидел, что крыса все загадила. Он очень рассердился, позвал кошку⁸⁸ и сказал ей:

— Кошка, поймай и задави крысу!

Вот почему кошки ловят крыс.

126. Птицы и угорь

В проливе Фовалу возле острова Сонг жил угорь. Он был очень, очень большой, и, когда становился хвостом на дно, его голова поднималась над поверхностью моря. Угорь был злой, и, когда над морем, высматривая рыбу, летали птицы, он разевал пасть, хватал их и съедал.

Однажды все птицы собрались вместе. Здесь были птицы хатаф, вовул, хорельфои, сепал, хархар, хангау, хихи, липу-пульфач, хорои, моли⁸⁹. Они стали думать, как бы им избавиться от злого угря. И птицы решили сделать веревки и связать чудовище.

Птицы каждого вида свили по одной веревке. Хатафы сделали одну веревку, вовулы сделали одну веревку, хорельфои — тоже одну, и так все птицы, кроме хорои и моли, которые вместе сделали только одну веревку. При этом хорон и моли взяли для своей веревки самые тонкие кокосовые волокна, тогда как все остальные птицы брали волокна потолка. Конечно, все они смеялись над хорои и моли и говорили, что их веревка будет самой непрочной.

Когда веревки были готовы, хатафы сказали:

— Мы первые полетим взять угря, потому что из всех птиц мы самые большие!

Они разделились на две стаи — первая должна была держать один конец веревки, а вторая — другим ее концом связать угря. И хатафы полетели к проливу Фовалу, где жил угорь. Одна стая держала веревку, вторая связала угря, а потом первая стая начала тянуть за веревку. При этом птицы пели: «Вай икаму! Вай икаму!»⁹⁰. Но веревка, сплетенная из плохих волокон, лопнула.

Тогда закричали вовулы:

— Уходите! Дайте нам вытащить угря!

Они сделали все так же, как и хатафы, но и у них веревка тоже оказалась непрочной и лопнула.

Потом угря пытались вытащить другие птицы — хорель-фои, сепалы, хархары, хангау, хихи и липупульфачи, но и они не смогли этого сделать, потому что веревки, сплетенные из толстых волокон, лопались.

Только хорои и моли еще не пробовали вытащить угря. Другие птицы говорили им:

— И не пытайтесь, это бесполезно! Наши веревки были лучше, и то они не выдержали.

Но хорои и моли сказали, что они все-таки попробуют. Хорои подхватили один конец веревки, а моли — другой.

— Держите веревку,— сказали хорои,— а мы свяжем угря. Когда мы закричим, тяните веревку.

И обе стаи полетели к проливу Фовалу. Хорои ловко обвязали веревку вокруг чудовища и подняли крик. Сразу же моли начали тянуть. При этом они пели такую песню:

Эй, вы, птицы хорои!
Вы поймали его!
А-бва! а-бва!

Они потащили угря на северо-запад и выволокли его на берег острова Соренленг. Слетелись все остальные птицы и стали благодарить хорои и моли за то, что они так ловко это проделали.

Потом птицы разорвали угря на несколько кусков. И они отнесли по одному куску на каждый из островов атоллы.

127. Как люди заселили острова Нгулу

На острове Могмог жил человек по имени Халенглои. Однажды на Могмог налетел ураган. Поэтому Халенглои пересел на остров Яп. Он поселился в местности Гагил, в селеции Гатчепар, у одного из людей рода Пебинау. Этот род был

старшим, савей⁹¹, по отношению к роду Ламруи на Могмоге, откуда происходил Халенглои.

Некоторое время Халенглои жил в Гатчепаре, но однажды туда прибыл вождь селения Гурор из местности Галимен.

Вождь спросил человека, приютившего Халенглои, не захочет ли Халенглои перебраться к нему. Халенглои согласился и вместе с вождем ушел в Гурор.

Там Халенглои работал на вождя — рыбачил, собирал пальмовый сок и делал многое другое⁹². Через некоторое время вождь решил, что Халенглои хорошо на него поработал, и в благодарность нашел ему жену — женщину из селения Хачлау. Халенглои и эта женщина стали мужем и женой.

Вечером, взяв еду, они пошли в мужской дом. За едой Халенглои сказал:

— Мне бы хотелось отведать рыбы ликх⁹³.

Больше Халенглои ничего не сказал, а после еды он и его жена пошли домой.

На следующий вечер, когда они сидели в мужском доме и ели, Халенглои опять сказал жене:

— Мне бы хотелось отведать рыбы ликх.

Так он говорил четыре вечера подряд, и после этого жена пошла к вождю и сказала:

— Вечером, когда мы сидим в мужском доме за едой, мой муж каждый раз говорит, что ему хочется отведать рыбы ликх.

Вождь отправился в селение Гатчепар к бывшему хозяину Халенглои и сказал:

— Я собираюсь послать Халенглои в море за рыбой ликх. Он хочет поесть этой рыбы.

Халенглои не знал, что вождь ходил к его хозяину. А вождь вернулся в Гурор и сказал жене Халенглои:

— Скажи своему мужу, что скоро он сможет поехать и наловить рыбы ликх, которой ему так хочется.

Женщина передала эти слова мужу, а тот воскликнул:

— Но у меня нет лодки!

Жена пошла к вождю и сказала, что у ее мужа нет лодки.

— Я достану ему лодку, — ответил вождь.

И он достал для Халенглои лодку. Она была старая и поломанная, и Халенглои пришлось ее чинить. Он сменил верев-

ки и поставил новые доски. Наконец все было готово, и вождь велел нескольким своим людям плыть с Халенглои и его женой.

Халенглои был хорошим мореходом. Он никогда не бывал на островах Нгулу, но знал о них. Между тем на Япе об этих островах и не слыхали. Халенглои собрался съездить на Нгулу и повел лодку на юг. Однако он не сказал другим, куда направляется.

И вот все люди в лодке закричали — они увидели незнакомую землю. Халенглои объяснил им, что это — атолл Нгулу.

И тогда люди с Япа решили, что Халенглои и не собирался ловить рыбу, а хотел побывать на этих островах. Они высадились на Лофо, самом северном острове атолла, и Халенглои сказал своим спутникам, что дальше к югу есть еще большие острова.

— Ловите рыбу, ловите птиц, собирайте раковины сар⁹⁴, — сказал он. — Мы привезем все это на Яп.

Люди наловили много рыбы ликх, птиц хатаф⁹⁵, от которых они сохранили одни крылья, набрали у рифа много раковин сар. Потом они подняли парус и отплыли обратно на остров Яп.

Там они рассказали вождю:

— Мы думали, что просто едем рыбачить. Но мы побывали на неведомом острове, расположенном к югу.

Люди отдали вождю раковины сар, крылья птиц хатаф и рыбу ликх.

На следующий день вождь пошел в Гатчепар к тому человеку, у которого жил Халенглои, и сказал:

— Халенглои нашел остров, лежащий к югу. Отдай его мне⁹⁶.

Хозяин Халенглои согласился, и вождь вернулся в Гурор. А Халенглои и его жена сказали вождю, что они хотели бы поселиться на атолле Нгулу.

И они вдвоем уехали туда. У них родились дети, а потом внуки. А постепенно заселились и все острова этого атолла.

Вот почему острова Нгулу принадлежат вождю селения Гурор с острова Яп. И вот почему жители Нгулу придерживаются обычаев и Япа и Улити и говорят на этих двух языках. Ведь их предки происходят с Улити и Япа.

**128. Как Уолфат научил мужчин
делать татуировку**

Первым стал делать татуировку⁹⁷ Уолфат, который жил в своем доме на небе. Уолфат был небесным духом и поэтому мог покрывать себя татуировкой и снимать ее, когда хотел.

Однажды Уолфат взглянул на землю и увидел там женщину по имени Илоумулигерииоу. Она понравилась Уолфату, и он спустился на землю*. Когда Уолфат вошел в дом к Илоумулигерииоу, она поднялась и спросила:

— Кто ты?

— Я — житель неба.

Женщина зажгла огонь, чтобы разглядеть пришельца, и увидела, что он весь покрыт черными узорами. Они ей понравились, и она охотно согласилась лечь с Уолфатом.

В одном доме с Илоумулигерииоу жили еще три женщины со своими мужьями. Когда Илоумулигерииоу зажгла огонь, женщины увидели Уолфата, и им тоже очень понравились черные узоры на его коже.

— Какой красивый мужчина! — восклицали женщины. — Как нам нравятся его узоры!

Женщины разбудили своих мужей и стали говорить им:

— Видите этого мужчину? Что это за узоры на нем? Мы хотим, чтобы и на вас были такие же!

Утром Уолфат вернулся на небо, а мужчины взяли обугленные куски кокосовой скорлупы и стали себя разрисовывать. Они хотели сделать точно такие узоры, какие были на небесном пришельце. Мужчины спросили Илоумулигерииоу:

— Твой возлюбленный сказал, когда он еще придет?

— Да, он придет ночью, — ответила женщина.

Ночью Уолфат опять пришел к Илоумулигерииоу. Женщина зажгла огонь и увидела, что на нем нет татуировки! Другие женщины тоже проснулись и стали говорить Илоумулигерииоу:

— Прогони его! На нем нет узоров!

---

* Это был не Ифалик. Это была другая земля. Люди Ифалика не знают, где это было (замечание сказителя).

— Уходи,— сказала Уолфату его возлюбленная,— без татуировки ты мне не нравишься!

Уолфат вышел из дому, покрыл себя татуировкой и вернул. Илоумулигерноу сделала огонь поярче и увидела, что ее возлюбленный снова украшен прекрасными черными узорами. Проснулись мужчины и тоже увидели Уолфата.

— Почему бы тебе не взять его в мужья? — стали они спрашивать Илоумулигерноу.

Та предложила Уолфату стать ее мужем, и небесный дух согласился.

Мужчины сказали Уолфату, что им нравится его татуировка.

— А у нас такая же? — спрашивали они.

— Да, да,— отвечал Уолфат,— она у вас очень красивая.

А утром он научил их делать настоящую татуировку. Он показал, как изготовить из птичьей кости иглы, а из сажи от горячей смолы хлебного дерева — краску. Уолфат рассказал мужчинам, какие узоры надо делать. И до сих пор мужчины украшают себя так, как велел Уолфат⁹⁸. А потом эти трое мужчин показали свои узоры другим. Татуировка всем очень понравилась, и многие спрашивали, как ее сделать. Но Уолфат сказал:

— Не делайте татуировку никому, пока вам не подарят много хороших вещей — ткани, веревки, кокосовые пальмы и все, что вы пожелаете.

129. Лонгорик и Лонголап

У великого морехода Алулуеи было два сына. Старшего звали Лонголап, а младшего — Лонгорик. Алулуеи начал обучать сыновей искусству мореплавания, но тут Лонголап вздумал жениться. Отец отговаривал его:

— Если ты возьмешь себе жену, то будешь все время проводить с ней и не сможешь учиться.

Но Лонголап настоял на своем и женился. Как говорил ему отец, так и вышло: Лонголап все время проводил с женой и перестал ходить на занятия. Правда, заглянул он разок к отцу, но чуть-чуть послушал и опять пошел к жене.

А Лонгорик, младший брат, жениться не собирался. Оставшись с отцом, он изучил все, что нужно знать мореходу. Наконец Лонгорик сказал отцу:

— Я хочу срубить хлебное дерево и сделать себе лодку.

Он взял тесло и отправился в рощу около Бвеннапа. По дороге встретился ему Лонголап и спросил:

— Куда ты идешь?

— Иду в рощу срубить дерево и сделать себе лодку.

— Я тоже пойду и помогу тебе,— сказал Лонголап, и они пошли вместе.

Братья выбрали отличное хлебное дерево, свалили его и целый день трудились, выдалбливая лодку. До вечера они успели сделать очень много, и Лонгорик пошел домой к отцу, а Лонголап — к своей жене.

Утром братья снова пришли в рощу,— и что же? — дерево растет на своем месте, все щепки приросли к стволу и не осталось никаких следов от вчерашней работы. Снова братья срубили это дерево и принялись выдалбливать лодку. А вечером Лонгорик пошел домой к отцу, а Лонголап — к своей жене.

Дома Алулуеи спросил сына:

— Ты скоро кончишь свою лодку?

— Скоро,— ответил Лонгорик.

На третье утро Лонгорик снова пошел в рощу, но Лонголап уже не пошел с ним. И опять оказалось, что дерево растет на своем месте и никаких следов работы не видно. На этот раз Лонгорик не стал валить дерево, а вернулся к отцу и спросил:

— Отец, есть ли что-нибудь в науке мореплавания, о чем ты мне еще не рассказал?

— А почему ты это спрашиваешь?

— Каждый день мы валим дерево и выдалбливаем лодку. Но утром оказывается, что дерево растет на своем месте, как будто тесло к нему и не прикасалось!

— А, вот в чем дело! Скажи-ка, вы там во время работы не видели птицу?

— Видели.

— Хорошо. Иди и работай, а когда увидишь птицу, заговори с ней.

И Алулуеи рассказал сыну, как надо приветствовать эту птицу. Лонгорик вернулся в рощу, снова свалил дерево, обру-

бил ствол на нужную длину и начал его обтесывать. Тут появилась птица и засвистела так, как это делают небесные духи. Вспомнив наставления отца, Лонгорик приветствовал птицу протяжным криком «Ваа ирроу!» И птица сразу же приняла человеческий облик. Это был Сеиланги, дух — покровитель плотников. Он сказал:

— Вот так-то лучше! Видно, раньше ты не знал, кто я такой. Ну, а кто же рассказал тебе про меня?

— Мой отец, Алулуеи.

— Очень хорошо. Теперь ступай и скажи своим родичам, что лодка уже готова.

Лонгорик пошел и сказал об этом своим родичам.

— Так быстро готова? — спросил Алулуеи.

— Да, уже, — ответил Лонгорик.

Тогда Алулуеи велел женщинам сделать для лодки парус из пандануса. А Сеиланги тем временем созвал муравьев, и они за один день сделали к лодке мачту и все другие снасти, за исключением паруса. Когда Лонгорик пришел и увидел великолепно новую лодку, Сеиланги спросил его:

— Парус готов?

— Готов.

— Тогда носи его.

Лонгорик принес парус, и они быстро поставили его на место. Затем Лонгорик велел женщинам приготовить припасы на дорогу и сказал отцу:

— Я хочу посмотреть на твои владения, на отмель Алулуеи.

— Хорошо, но будь осторожен. Точно соблюдай мои указания. По дороге на отмель ты будешь проплывать близко от берега незнакомой тебе земли, и некий мужчина спросит тебя: «Можно я причалю твою лодку?» Не разрешай, причаливай сам. Тамошние воины предложат тебе искупаться в пресной воде, и ты увидишь два водоема — один с чистой, другой с грязной водой. Запомни, что купаться ты должен в грязной воде. Дальше. Перед тем как заснуть, положи на веки кусочки ядра кокосового ореха. Ночью воины войдут, увидят белое у тебя под бровями и подумают, что это блестят твои открытые глаза. Наконец, ты должен потребовать у жителей той земли большой камень, который принадлежит мне.

И вот когда Лонгорик был уже совсем готов к отплытию, появился Лонголап и стал просить:

— Разреши сначала съездить мне! А ты съездишь потом.

Лонгорик уступил старшему брату, и тот собрал своих людей и отправился в путь. Лонголап очень плохо знал мореходную науку, но все же добрался до отмели Алулуеи. Лонголап пропел заклинание о благополучном возвращении лодки, которое успел выучить, и отправился в обратный путь. Ему пришлось плыть мимо того берега, о котором Алулуеи говорил Лонгорик. Некий мужчина окликнул Лонголапа:

— Что ты здесь делаешь?

— Осматриваю владения Алулуеи.

— Кто твой отец?

— Алулуеи.

— Прекрасно! Брось мне веревку, и я причалю твою лодку!

Лонголап не слышал отцовских предостережений и бросил незнакомцу веревку. А тот прикрепил ее к большой раковине, лежащей под водой у берега. Лонголап и его спутники сошли на берег и отправились в мужской дом. Один из воинов спросил:

— Не хотите ли с дороги искупаться в пресной воде? Я могу вас проводить.

Он повел Лонголапа и его людей и показал им два водоема — один с прозрачной, чистой, другой — с грязной водой. Лонголап мало чему научился у отца и не слышал его предостережений и поэтому искупался в чистой воде.

Затем Лонголап и его спутники вернулись в мужской дом. Усталые с дороги, они скоро уснули. Тогда местные воины набросились на них, схватили и бросили в дальнюю часть дома, где под низко нависающей крышей была отгорожена отдельная комната. Воины не убили гостей, но тот человек, который причалил лодку, пошел на берег, отвязал ее и оттолкнул от берега.

А дома, в Бвеннапе, Лонгорик начал беспокоиться о своем брате и решил поехать искать его. Для этого ему нужна была другая лодка. Он отправился в лес и встретил там Сеиланги. Тот спросил:

— Тебе нужна другая лодка?

— Да, нужна.

— Хорошо, ступай и вели своим родичам сделать парус.

Лонгорик велел родичам сделать парус, а Сеиланги со своими муравьями изготовил для него лодку и спустил ее на воду. Когда парус был поставлен, Лонгорик велел родичам

приготовить ему припасов на дорогу. Наконец Лонгорик отправился в путь и приплыл на отмель Алулуеи, где неожиданно увидел отца. Лонгорик и его люди вышли из лодки усталые и голодные. Лонгорик сказал отцу:

— Мы хотим есть.

Алулуеи ответил:

— Взгляни на эту отмель. Здесь нет ни кокосов, ни таро. Что ты будешь есть?

— Найди чего-нибудь,— попросил Лонгорик.

Тогда Алулуеи сказал что-то сквозь землю своим людям, и там, внизу, женщины начали готовить пищу, а мужчины забрались на кокосовые пальмы и нарвали орехов. Они устроили роскошный пир для Лонгорика, а потом ушли обратно под землю.

Лонгорик сказал отцу:

— Я хочу поехать и найти своего брата Лонголапа.

— Поезжай, только не забудь того, что я тебе говорил.

— Хорошо, не забуду.

Лонгорик поднял парус и поплыл к той земле, о которой говорил ему отец. Он прошел в лагуну и был уже близко от берега, когда человек, обманувший Лонголапа, окликнул его:

— Брось мне веревку, и я причаю твою лодку.

— Нет, уходи отсюда, я сам о себе позабочусь!

И Лонгорик привязал лодку к кокосовой пальме. Затем он со своими людьми отправился в мужской дом, и местные воины стали его расспрашивать:

— Зачем ты сюда приехал?

— Я приехал забрать большой камень, который принадлежит моему отцу Алулуеи. Камень здесь?

— Здесь.

— А сначала мы бы хотели искупаться в пресной воде.

— Мы вас проводим,— сказали воины и показали гостям два водоема.

— Купайтесь в чистой воде,— настойчиво предлагали воины, но Лонгорик отказался и вместе со своими спутниками выкупался в грязной воде.

Затем все вместе вернулись в мужской дом. Лонгорик сказал своим людям:

— Погодите спать. Сначала приготовьте кусочки кокосового ореха и положите себе на веки. Ночью будет казаться, что это блестят наши глаза.

И верно, ночью, когда местные воины пробрались в комнату, им показалось, что у пришельцев блестят открытые глаза. И воины ушли. А утром Лонгорик сказал:

— Я хотел бы отплыть домой. Можете ли вы доставить мне камень моего отца?

— Да, но нам всем — мужчинам, женщинам и детям — придется тащить его, такой он тяжелый.

— Если я сегодня получу камень, то завтра уеду.

И тогда все местные жители отправились в глубь острова за камнем. Они с трудом могли обхватить его и медленно, шаг за шагом, потащили к берегу. А Лонгорик пошел в мужской дом. Он разломал стену и увидел Лонголапа и его людей.

Лонголап сонно пробормотал:

— Что ты здесь делаешь? Я хочу спать.

— Ты спишь или ты мертвый?

— Только сплю.

— А будешь мертвым, если удержишься здесь еще!

Лонгорик взял брата и его людей в свою лодку и отплыл в море, оставив жителей острова возиться с тяжелым камнем.

Когда они подплыли к отмели Алулуеи, Лонгорик вышел из лодки и поговорил с отцом.

— Ну как, привез своего брата?

— Привез.

— Видишь, все было так, как я тебе говорил. А Лонголап не знает мореходной науки. Он почти ничего не знает.

— Давай вернемся домой.

И Лонгорик вернулся домой и привез брата в своей лодке. А великий мореход Алулуеи встретил сыновей на берегу. Братья причалили лодку, и Лонголап пошел к своей жене, а Лонгорик, у которого не было жены, пошел к отцу.

130. Как жители острова научились мореходству

Однажды рано утром к острову Бвеннап подошла лодка. Это была большая лодка, но без паруса, только с веслами. В лодке плыли трое духов — Валур, покровитель рыб, Вариенг, покровитель птиц, и Сегур, покровитель мореходов.

Дочь Алулуеи в это время купалась. Она заметила лодку, побежала к отцу и попросила его приготовить угощение для путников. Между тем лодка не остановилась и плыла мимо острова. Тогда девушка сорвала маленький кокосовый орех, размером не больше ее кулака, и стала звать сидящих в лодке.

— Что тебе надо? — откликнулись духи.

— Я хочу уплыть вместе с вами. Я дам вам кокос напитокся.

— Это хорошо, давай его сюда!

Девушка по мелководью подошла к лодке и протянула духам орех. Увидев, какой он маленький, они сказали:

— Нам этого не хватит!

— А вы попейте, — ответила девушка.

Один из духов взял кокосовый орех и начал пить. Он пил, пил, пока не напился, а в орехе еще оставалось много соку. Потом орех взял второй дух. Он тоже напился, но в кокосе все еще было много соку. Напился и третий дух, а орех был еще почти полон. Все три духа смеялись от восхищения — орех маленький, а соку в нем так много!

— Залезай в лодку, — сказали они девушке. Дочь Алулуеи забралась в лодку, и духи развернули перед ней свою морскую карту⁹⁹.

— Видишь эту карту? — сказали духи. — Мы оставим ее тебе в благодарность за то, что ты нас напоила. Смотри сюда, видишь — вот это все острова, вот это — все птицы, а вот это — все рыбы. Возьми карту и отнеси ее своему отцу.

Духи поплыли дальше, а девушка вернулась домой. Она отдала карту Алулуеи и спросила:

— Отец, что это такое? Я тут ничего не понимаю!

Великий мореход Алулуеи был очень рад получить эту карту. На ней было много такого, чего даже он не знал. Алулуеи призвал Палуелапа¹⁰⁰ и сказал ему:

— Возьми эту карту и покажи людям все, что на ней нанесено. Обучи людей мореходству.

Палуелап взял карту и начал учить людей. Некоторые не понимали, но другие поняли, и так мореходство стало известным на острове Бвеннап. Оттуда знания перешли на острова Пулуват и Соук, а там их изучили люди с острова Сатаван. С Сатавана их передали на Ламотрек, а уж оттуда — на Ифалик, Волеан и Фараулеп.

Вот как мореходные знания пришли на атолл Ифалик.

131. Завоевание острова Ламотрек

В очень давние времена жители острова Ламотрек всегда убивали жителей острова Ифалик.

Однажды к Ламотреку подошла лодка с Ифалика. В ней кроме людей был один тунга¹⁰¹. Тунга ё виду человек, но это больше чем человек. Местные жители перебили всех людей из лодки, но тунгу не тронули.

А на Ифалике люди все ждали, когда же вернется лодка, ушедшая на Ламотрек. Наконец верховный вождь Маур созвал всех мужчин в мужской дом и велел приготовить лодку, чтобы идти на поиски пропавшей.

— Кто из нас поплывет? — спрашивали мужчины.

— Если среди вас есть искусный мореход, — отвечал Маур, — то поплывет он.

И тогда Ветиен, очень искусный мореход, сам построил лодку, набрал людей и приплыл на остров Ламотрек.

— Куда девалась лодка с нашего острова? — спросил он.

— Она ушла на остров Трук, — отвечали местные жители.

Ветиен поплыл на Трук. А жители Ламотрека решили скрыть свой обман. Они тоже послали на Трук лодку и повезли в ней пленного тунгу. Когда Ветиен добрался до Трука, ламотрекская лодка была уже там. Она стояла на воде, а люди с Ламотрека были на берегу.

Ветиен спросил их:

— Где тут лодка с Ифалика?

— Мы не знаем, — отвечали ему.

Между тем один из людей с Ламотрека понес в свою лодку какую-то еду. Он должен был накормить пленного тунгу, который оставался в лодке. Один из людей Ветиен заметил это. Он сказал, что хочет искупаться, и подплыл к ламотрекской лодке.

— Есть здесь кто-нибудь с Ифалика? — спросил он.

— Есть, я! — откликнулся тунга.

Тогда этот человек с Ифалика подплыл поближе и сказал:

— Никому ничего не говори. Завтра ночью наша лодка подплывет сюда, тогда ты прыгай в воду и плыви к нам.

Так они и сделали. На следующую ночь Ветиен подвел свою лодку поближе к ламотрекской, и тунга перебрался к людям с Ифалика.

— Что случилось с теми, кто вместе с тобой уплыл на Ламотрек? — спросили его.

И тунга рассказал, что всех его спутников перебили жители Ламотрека. Ветиеи повел свою лодку домой, на Ифалик. Там тунга рассказал обо всем Мауру, верховному вождю.

Маур созвал всех мужчин в мужской дом и велел готовиться к войне с Ламотреком. Мужчины начали собираться в поход, стали делать копья. Один сделал двадцать копий, второй — тридцать, третий — сорок. Они сложили оружие в лодки и отплыли на Ламотрек. По дороге они подошли к острову Элато. Жители этого острова увидели, что приближается много лодок с Ифалика, испугались и сбежали на Ламотрек. И тогда ифаликские воины высадились на Элато, там никого не оказалось. Три дня воины пировали на Элато, а потом поплыли дальше, на Ламотрек.

Атолл Ламотрек состоит из трех островов. Все население живет на одном большом острове, а два других, маленьких острова безлюдны. Сначала ифаликские воины заняли два этих маленьких острова. Потом они напали на большой остров, но местные воины отбили их нападение. Дважды воины с Ифалика пытались высадиться на острове, но их отбрасывали назад. Ламотрекские воины были очень сильны.

А в это время на Ифалик вернулся известный воин Маилиас, который ездил на остров Волеан.

— Где же все наши мужчины? — спросил он. И ему рассказали, что случилось в его отсутствие.

Тогда Маилиас сел в лодку и тоже поплыл на Ламотрек. Там он присоединился к своим. Воины рассказали ему, что они уже два раза пытались высадиться на главном острове, но неудачно.

— Я знаю, что надо делать, — сказал Маилиас.

Он велел воинам нагрузить лодки связками сухих пальмовых листьев. Воины сделали так, как он велел. И вот перед вечером ифаликские воины снова сели в лодки и поплыли к главному острову атолла. Ветер был западный, он дул им в спину. Маилиас разделил воинов на два отряда. Один отряд, как и прежде, поплыл прямо к острову. На берегу его ждали ламотрекские воины. Но на этот раз нападающие не начали бой, а подожгли привезенные ими сухие листья. Поднялась огромная туча дыма. Ветер дул с моря, дым пошел на берег и застлал глаза ламотрекам воинам. А второй ифаликский

отряд обогнул остров и высадился на другом его берегу. Воины этого отряда устроили засаду в зарослях. Между тем и первый отряд нападающих под прикрытием дыма высадился на берег. Ламотрекские воины сражались храбро, но дым разъедал им глаза. Вскоре они обратились в бегство и попытались укрыться в зарослях. Но оттуда навстречу им поднялся второй ифаликский отряд. Ламотрекские воины растерялись и были перебиты все до одного. А потом ифаликские воины бросились в дома жителей Ламотрека и убивали, убивали, убивали, пока в живых не осталось ни одного человека.

Затем воины вернулись домой, на Ифалик, и рассказали вождю Мауру, что они отомстили за убийство людей с той лодки и перебили всех жителей острова Ламотрек.

Сначала победителей как следует накормили, а потом Маур собрал всех жителей острова в мужском доме. Вождь сказал:

— Нехорошо оставлять Ламотрек безлюдным. Надо, чтобы каждый род послал туда одного мужчину и его сестру. Если они хотят, пусть едут со своими семьями.

Так Ламотрек был заново заселен жителями Ифалика. И ныне оба эти острова — как будто один. Люди с Ифалика на Ламотреке совсем свои. И на Ифалике приехавшим с Ламотрека не надо просить еды — ее им дадут и так. Ведь все они принадлежат к одним и тем же родам.

ОСТРОВ ПОНАПЕ

132. Толоела и его дочь

Однажды в Толоньере на Понапе жил мужчина по имени Толоела. Он был совсем одинок. Ему приходилось все делать самому: и в поле работать, и еду готовить, и в доме убирать. Как-то он порезал тростником палец. Чтоб остановить кровь, Толоела обмотал палец листом таро. В листе скопилась кровь. Когда рана затянулась, Толоела снял повязку, повесил лист на дерево и ушел. Лист упал на землю. Когда в следующий раз

Толоела проходил мимо этого места, листа уже не было, а у дерева он увидел красивую девочку. Толоела обрадовался ей. Теперь он не был одинок, у него была дочь. Он назвал ее Лимашеймалуг. Она помогала ему дома.

Однажды девочка сказала отцу, что хочет идти купаться.

— Купайся в стоячей воде, но не ходи к реке или ручью.

Девочка не послушалась и искупалась в ручье. Вода смыла с ее кожи масло и унесла в море к земле Матоленим, где жил верховный вождь Шаутелур.

Когда вождь увидел масляные пятна на воде, ему захотелось узнать, откуда они. Он велел своему слуге Шаукампулу выяснить, откуда течет эта вода. Слуга отправился вверх по течению и дошел до Толоньера. Тут он увидел, что в ручье купается Лимашеймалуг.

Когда Шаутелур услышал о красавице из Толоньера, он отправил Шаукампула к отцу девушки просить ее ему в жены.

Толоела повиновался с тяжелым сердцем. А Шаутелур радовался, что женится на девушке, не рожденной женщиной, а появившейся из крови мужчины. Шаутелур женился, и вскоре жена его забеременела. Однажды ей очень захотелось рыбьей печени. Ей принесли. Печень так понравилась ей, что она требовала еще и еще. Когда печени больше нигде не могли достать, Шаутелур послал за колдуном. Тот посоветовал вождю накормить Лимашеймалуг печенью ее отца. Шаутелур не знал, что делать, а жена все требовала и требовала печени. Тогда он послал человека в Толоньер. Человек убил Толоелу и привез его печень. Дочь понюхала печень, но не догадалась, чья она.

— Приготовьте мне ее, я не буду есть сырую,— сказала Лимашеймалуг.

Женщины принялись готовить и запели:

Лимашеймалуг, вот жарят Толоелу!

Лимашеймалуг не стала есть печень. Когда зашло солнце, она села в лодку и отправилась к отцу, чтобы узнать у него, что означают слова песни. Она приплыла в Толоньер и вошла в дом. Отец ее был мертв. Лимашеймалуг очень опечалилась. Плача, завернула она отца в дорогую циновку и подожгла дом со всех сторон. Потом она легла рядом, обняв отца, чтобы сгореть вместе с ним.

Между тем Шаутелур начал беспокоиться, что жена его долго не возвращается. Вождь спросил у прислуги, куда она могла уехать. Люди рассказали ему, и он поехал за Лимашей-малуг.

Когда Шаутелур добрался до Толоньера, то увидел густое черное облако. Он бросился к дому Толоелы. Там он увидел свою жену, охваченную пламенем, и ему не захотелось больше жить. Шаутелур прыгнул в огонь, и все они втроем сгорели. О, уэ!

133. Тайле

Высоко в горах Ошокаш на Понапе¹⁰² жил злой колдун Тайле. Ему было уже очень много лет. Он жил в маленьком домике рядом с огромной пещерой. Однажды люди рассказали ему, что в Матолениме живет красавица, какой никто никогда не видывал. Все восхищались ее красотой. Красавица из Тамана (так звали ее) была дочерью верховного вождя Шаутелура.

Когда Тайле услышал о красавице, он вспылал к ней любовью и решил жениться на девушке. Через горы он пешком пошел в Матоленим.

По пути встретил он мужчин, которые заготавливали плоды хлебного дерева для Шаутелура. Он пригляделся к ним, а затем расспросил их о дороге и рассказал о своем желании. Мужчины посмеялись над стариком и сказали, что вряд ли дочь верховного вождя мечтает о том, чтобы выйти замуж за такого уродливого, высохшего старика.

Тайле ничего не ответил и отправился дальше. Но он задумался над словами этих людей и решил сделать себя снова молодым, чтобы добиться красавицы из Тамана.

Прежде всего он нарвал цветов и сплел себе венок. С венком он стал выглядеть лучше. После этого Тайле отправился дальше и пришел в уединенное место. Там он сбросил свои толстые отекавшие ноги и прицепил себе молодые, стройные. В другом месте Тайле снял свои седые волосы и заменил их красивыми, черными. С каждым разом он выглядел все моложе. Наконец он вынул свои старые, слезящиеся глаза и

вставил ясные, блестящие, стер с лица морщины и складки и стал снова совсем молодым.

Таким он явился в Панкатру ко двору верховного вождя. Вождь с дочерью пригласили его к столу. Красавице из Тамана юноша понравился, и она просила его подарить ей свой венок. (А Тайле успел его заколдовать.)

Она надела венок, и ее охватила любовь к нему. Когда колдун спросил, хочет ли она стать его женой, она с радостью согласилась.

Тайле и красавица из Тамана поженились и стали жить в Панкатре.

Через некоторое время Тайле захотелось вернуться в Ошокаш. Верховный вождь Шаутелур отпустил их. Они пошли пешком. Когда они дошли до того места, где Тайле оставил свои старые, слезящиеся глаза, он взял их и вставил опять. И везде, где он что-либо оставил, он брал это снова: и седые волосы и толстые ноги. Красавица из Тамана с ужасом заметила, что ее молодой муж вдруг стал старым и уродливым. Она хотела бежать, но не могла: она не знала дороги в чужом лесу, и ей поневоле пришлось держаться Тайле.

Они пришли к тому месту, где колдун спрятал лодку. Он уложил в нее вместе со своими вещами и жену, поднял лодку на плечи и направился домой. Когда он добрался до дома, то толкнул лодку в дом, закрыл дверь и радовался, что ему хитростью удалось завладеть девушкой и теперь ему и его друзьям есть чем полакомиться. Тайле был людоедом. Он отправился на гору, чтоб пригласить на пир друзей.

— Что у тебя на обед? — спросили друзья.

— Красавица из Тамана, — отвечал Тайле.

Тем временем к Тайле пришла его сестра. Когда она подошла к дому, она услышала чей-то голос.

— Кто там? — спросила она.

— Это я, красавица из Тамана, дочь Шаутелура!

— Глупая, зачем ты пошла за злым колдуном? Он тебя съест!

— Что же мне делать, — плакала красавица, — я не могу выйти, дверь заперта.

— Я помогу тебе, — отвечала сестра Тайле. — Колоти изнутри, а я буду бить снаружи, мы быстро пробьем стену, и ты сможешь выбраться.

Так они и сделали. Скоро девушка была на свободе.

Она бросилась бежать что было силы. По пути она просила все деревья и все кусты помочь ей найти дорогу и не выдать ее колдуну. Деревьям и кустам было жаль красавицу; они показали ей дорогу и не выдали колдуну. Только низенький крохотный куст отказался помочь ей. Тогда она помочилась на него и побежала дальше.

Когда Тайле вернулся, он не нашел дома жены. Он спросил у сестры, не видела ли она кого-нибудь. Сестра сказала, что ничего не знает. Тогда он стал искать ее повсюду. Он спрашивал деревья и кусты, не проходила ли здесь красавица из Тамана. Все они отвечали — нет. И только низенький крохотный куст сказал:

— Она только что прошла здесь.

Колдун бросился бежать, но не догнал ее, так как она бежала быстрее. Ему пришлось отказаться от преследования и вернуться домой.

По пути он встретил двух старух. Они несли свежие кокосовые орехи. Ему захотелось освежиться после бега, и он попросил один орех. Женщины дали ему орех.

— Не видели ли вы здесь девушки? — спросил он.

— Оттяни нижние веки, и тогда мы скажем, — отвечали старухи.

Тайле оттянул веки, и старухи бросили ему в глаза полные горсти пыли.

— Теперь иди промой глаза, а потом увидишь красавицу! — сказали они и убежали.

Тайле ослеп. Он ничего не видел. Долго блуждал он по лесу, но не нашел дороги домой и погиб.

А красавица из Тамана благополучно вернулась в Панкатру и рассказала отцу обо всем, что с ней случилось. О, уэ!

134. Обманутая людоедка

Жила одна женщина. У нее было четверо детей: три мальчика и одна девочка. Однажды дети пошли в лес. Вскоре они подошли к дому, в котором жила людоедка. Та услышала, что к дому подошли дети, и сказала:

— Заходите, я ваша бабушка.

Дети вошли. Они расположились на полу и стали искать друг у друга в голове, пока не заснули. Тогда людоедка завернула их в циновку, а младшего уложила в печь и накрыла листьями¹⁰³. Сама она вышла из дому, притащила большие камни и подперла ими дверь, чтобы никто не мог выйти. Затем людоедка взяла перламутровую раковину и отправилась к скале, чтобы наточить ее¹⁰⁴. При этом она поглядывала на солнце и пела:

— Солнце, зайди! Мне хочется есть. Я съем Ширенпуэ и Мауэнпуэ!

Ее песню услышал младший мальчик. И он разбудил всех. Дети долго пытались выйти, но дверь была крепко закрыта. Наконец они нашли щель в углу дома, где гулял ветер. Дети расковыряли стену и убежали.

Людоедка вернулась домой, пощупала циновку, надрезала ее и сказала:

— Еще немного придется мне подождать, и я вкусно поем!

В это время мимо пробежала ящерица и сказала:

— А их там уже нет! Они еще утром убежали!

— Лжешь! И поэтому тебе ничего не достанется!

Потом людоедка разрешила циновку и увидела, что там никого нет. Она разозлилась, выскочила из дому и стала искать, не спрятались ли дети где-нибудь поблизости. Долго искала она повсюду, пока не заметила их на одной из дорог. Она бросилась за ними. Как только людоедка показалась на дороге, дети забрались на дерево, что росло у пруда. Людоедка приняла за них их отражение и прыгнула в воду. Она думала, что дети спрятались от нее в воде. Она искала их под водой и чуть не утонула. С трудом удалось ей выбраться на берег. Когда дети увидели, как людоедка ищет их в воде, они громко рассмеялись.

Тут людоедка заметила их и крикнула:

— Спускайтесь!

— Нет, лучше ты поднимись к нам! — ответили дети.

Людоедка стала карабкаться на дерево и уже почти коснулась ноги младшего мальчика. Но тут дети произнесли заклинание:

— Выступай, подступай, вылезай, перелезай! Чтоб тебе поскользнуться и содрать всю кожу!

Людоедка оступилась, сползла с дерева и содрала себе кожу.

— Что мне делать, как мне взобраться на дерево? — завопила она.

— Попробуй подняться на спине! — посоветовали дети.

Она снова стала взбираться и почти добралась до них. Но дети повторили свое заклинание:

— Выступай, подступай, вылезай, перелезай! Чтоб тебе поскользнуться и содрать всю кожу.

Людоедка упала и на этот раз содрала себе всю кожу.

— Что же мне теперь делать? — снова завопила она.

— Натри себя золой и прыгни в море, — посоветовали ей дети.

Она побежала домой, натерла себя золой и бросилась в соленую морскую воду. Она умерла, и дети были спасены. Они слезли с дерева и побежали домой.

135. Битва рыб и птиц

Однажды между рыбами и птицами разгорелась битва из-за того, что рыбы украли у птиц кокосовые орехи.

Птицы поймали рыбу-кузовка и волочили его по земле так долго, что он стал похожим на короб. Схватили они и камбалу и так ожесточенно терли ее на рифе, что та стала совсем плоской, а глаза ее оказались на одной стороне. Наконец птицы поймали еще одну большую рыбу — акулу. Они колотили ее камнями так долго и усердно, что морда ее стала кривой.

Птицы были сильнее рыб: они могли летать, а рыбы летать не умели. Поэтому рыбы не могли одолеть птиц.

Самым храбрым из рыб был морской еж. Когда все рыбы убегали, он не побежал с ними. И птицы вонзили в него свои копыя. Они и теперь еще торчат у него в теле.

В горах жила большая и сильная птица — орел. Когда он пролетал над морем, он обычно разговаривал с ликаматантаром, который казался ему огромным и необыкновенно сильным. (Он не знал, что в действительности это очень маленький моллюск, который живет, прикрепившись к камням.) Орел летел к птицам и уже издали кричал:

— Эй, вы, смотрите, сегодня я поймаю ликаматантара!

Он влетел в самую гущу сражения, стал осматриваться и

искать внизу ликаматантара. При этом он не заметил, что моллюск сидел на камне совсем рядом. С шумом подлетел орел к камню, опустился на него и одной лапой угодил в раскрытые створки моллюска. Створки захлопнулись и защемили лапу хвостуна. И только что храбрый, орел вдруг стал жалким, он кричал истощенным голосом и наконец попросил:

— Отпусти меня, ликаматантар!

Когда он закричал, его соратники перепугались и стали проигрывать битву. Орел кричал все громче, но моллюск не отпускал его. Тогда орел решил прибегнуть к хитрости и стал думать, как бы ему обмануть ликаматантара. Он распластал крылья и притворился мертвым. Когда он застыл и больше не шевелился, моллюск медленно раскрыл створки, чтобы убедиться, что орел действительно мертв. Орел понял это, быстро взлетел и засмеялся:

— Ха-ха! Ликаматантара провели!

Когда битва закончилась, рыбы собрались, чтобы обсудить положение. Оказалось, что одна рыба не принимала участия в битве. Она целый день проспала, спрятавшись под камнем. Значит, она и была во всем виновата.

— Почему ты не сражалась вместе с нами? — спросили ее. — Ты и орехов не крада с нами у птиц!

— Почему же вы мне ничего не сказали? Я спала и даже не слышала о вашей ссоре, — ответила рыба.

Но она лгала, ей было стыдно. Рыбы изгнали ее из своего общества. С тех пор она одиноко живет в зарослях мангровника. Это была форель ¹⁰⁵.

Птицы тоже собрались, чтобы выяснить, кто из них уклонился от битвы. Наконец они нашли такую, выволокли ее и спросили:

— Скажи-ка, где ты была? Тебя никто не видел во время битвы!

— Чего вы от меня хотите? Я не птица. Разве вы не видите, что морда у меня — как у крысы, а тело — как у четвероногих? — возразила она.

Птицы высмеяли ее и прогнали от себя. Ее называют летучей мышью. Она отличается от птиц. Живет она в уединенных темных местах. И если птицы сидят на ветках, то летучие мыши висят на них.

ОСТРОВА ГИЛБЕРТА

АТОЛЛ ТАРАВА

136. Рассказ о предусмотрительных женщинах Неи Таинг и Неи Териб'а

В деревне Еита на Тараве жили некогда две родные сестры Неи Таинг и Неи Териб'а. Неи Таинг была старшей, а Неи Териб'а — младшей. И был у них маленький брат, но как его звали — никто не помнит. Сестры владели небольшим участком земли в урочище Маунгатабу.

Обе женщины славились своей бережливостью. Их родители рано умерли, но сестры смогли жить и без них. Видимо, они были уже достаточно взрослыми и хорошо заботились друг о друге.

В то время на острове не было такого изобилия и разнообразия плодовых деревьев, как теперь. И на участке сестер росли всего две кокосовые пальмы и один панданус с двумя или тремя гроздьями плодов.

Неи Таинг и Неи Териб'а работали не покладая рук. Старшая сестра делала лунки и высаживала в них бабаи¹. Клубни этого растения совсем маленькие, и, чтобы вырастить их, надо приложить много сил. Младшая возделывала всю остальную землю. Она расчищала участок, высаживала проросшие кокосовые орехи и ухаживала за ними. И это также требовало

большого труда. А брат ловил рыбу и готовил пальмовое вино — тодди².

Ели они помалу. Два кокосовых ореха сестры и брат растягивали на пять дней. Неи Териб'а собирала кокосовые орехи, пересчитывала их и брала два для еды. Неи Таинг спрашивала:

— Ну, как орехи? Сколько их там?

И Неи Териб'а отвечала:

— Всего пятнадцать. Два я сейчас взяла, осталось тринадцать.

Они разбивали свои два ореха, и каждый брал себе по половинке. А оставшуюся — четвертую — половинку сестры откладывали про запас. Мякоть из кокоса они выскребали раковиной коикой, которую предварительно точили о скалу. Ту скалу и теперь еще можно видеть на острове. На одной ее стороне — углубление: здесь сестры точили края своих раковин.

Ели они два раза в день — утром и вечером. А после пяти дней еды — два дня постились. И так они поступали всю свою жизнь, до самой смерти ни разу не изменив своим правилам.

Чтобы не распускать животы и поменьше есть, Неи Таинг и Неи Териб'а туго подпоясывались плетеными поясами и листьями пандануса. Тодди они не пили. Свежего пальмового сока хватало только для брата. Обычно он нацеживал неполную кокосовую скорлупу сока. В редкий день удавалось набрать больше: ведь у них были всего две кокосовые пальмы, и лишь на одной из них они могли срезать молодые соцветия, другая же должна была плодоносить. В тот день, когда брат не выпивал всего тодди, сестры выпаривали сок на огне и полученную черную гущу сохранили впрок.

После многих урожаев их большое хранилище оказалось переполнено зрелыми кокосовыми орехами. Говорят, там считывалось их более десяти или даже ста тысяч. Помосты возле их дома ломились от черной гущи из выпаренного сока. Их многочисленные ямы были полны клубней бабаи, а калемасы — муки из плодов пандануса.

И в той же деревне жило немало людей, которые владели небольшими участками земли, но не имели совсем никаких запасов. «К чему, — думали они, — запасать еду? Ведь ее так легко добыть!»

Спустя какое-то время пришла страшная засуха, и люди начали умирать с голоду. Даже такие травы, как вава и мтеа³,

стали казаться вкусными. Но скоро и они кончились. Дети плакали и просили есть. А что могли поделать отцы и матери? Все кокосы были давно съедены, и ни одно дерево не плодоносило.

Оставался только один выход — пойти к Неи Таинг и Неи Териб'а и просить у них в долг спелых орехов. А когда минует засуха и созреют новые орехи, вернуть их сестрам. Но Неи Таинг сказала, что она не согласна. У нее так мало земли, а у них — так много! Однако она может кормить всех до нового урожая, если каждый род подарит ей участок земли.

Пришедшие очень обрадовались предложению Неи Таинг. Они отдали сестрам все земли, что лежали вблизи их участка. Они дали им даже те участки, которые принадлежали другим людям. Но хозяева не спорили, так как не верили, что когда-нибудь вернется хорошая жизнь и деревья снова начнут плодоносить.

Постепенно все земли в Маунгатабу перешли к сестрам Неи Таинг и Неи Териб'а. Люди, которые подарили им свои участки во время засухи, больше не вернулись туда. И теперь Маунгатабу известно всем как земля предусмотрительных женщин.

Все это — чистая правда. Недаром в Маунгатабу ныне так мало жителей, и к тому же все они — потомки Неи Таинг.

Вот и весь рассказ о Неи Таинг и ее сестре Неи Териб'а.

АТОЛЛ ТАБИТЕУЭА

137. Прodelки Тарети

Тарети был расчетливым человеком и всегда заблаговременно заботился о еде. Когда надо было идти в дом собраний⁴ для распределения пищи⁵, он хорошую еду клал снизу, а сверху прикрывал ее обрезками кокосового ореха. И хорошая еда оставалась ему.

Когда созрел панданус, Тарети везде подбирал негодные, испачканные испражнениями птиц плоды, относил их до-

мой и откладывал для гостей. Он держал эти плоды на особых циновках, отдельно от хороших, чистил их особыми скребками и пек на отдельном огне. И хранил он их тоже отдельно от своих.

Как-то к Тарети пришли родичи — мужья его сестер. Так он и их накормил этими плодами. Такую же пищу готовил он и для угощения в доме собраний.

А вот как Тарети обманывал рыбаков, которые ловили угрей. Он следил, когда мужчины отправятся в море, и ожидал их возвращения. Увидев приближающиеся рыбацьи лодки, Тарети лез в воду; можно было подумать, что он просто купается. Когда лодки подплывали к берегу, Тарети спрашивал рыбаков:

— Вы уже вернулись?

— Как видишь, — отвечали мужчины.

— Ну, а поймали что-нибудь или нет?

— Поймали, — говорили ему.

Тогда Тарети подходил к рыбакам, хватался за край лодки и кричал жене:

— Неи Рике! Принеси трубку и свежего тодди!

Рыбаки курили и пили пальмовое вино. Потом каждый из них давал Тарети угря. А он снова кричал жене, чтобы она принесла тодди, на этот раз пятидневный.

Мужчины пили вино и хмелели. И снова дарили ему угрей. Некоторые отдавали Тарети весь свой улов. Он благодарил рыбаков и спешил домой. Хитрец был очень доволен: ловко он провел этих людей — дал им немного курева и кислого тодди, а получил столько хорошей пищи!

И ведь Тарети брал рыбу совсем не для того, чтобы угощать других. Нет, он съедал ее сам со своей женой.

Как-то раз жители Табитеуза договорились, что очередное состязание на лучший урожай бабаи они проведут в деревне Нгурибенуа. Вскоре туда стал собираться народ со всех деревень. И каждый принес с собой отборные корни, чтобы победить соперников.

Тарети не хотел участвовать в состязании: ему было жаль делиться такой вкусной едой с другими людьми. Поэтому он решил спрятать свой бабаи, а людям сказать, будто его урожай украли. Вечером накануне состязания Тарети велел трем своим сыновьям тайно выкопать бабаи из ямы и спрятать так, чтобы никто не мог его отыскать.

На следующее утро стало известно, что бабаи Тарети украден. Весть о краже возмутила людей. Но больше всех возмущался сам пострадавший. Он громко кричал и плакался, что теперь не сможет принять участия в состязании. Затем Тарети начал разыскивать вора. Разумеется, безуспешно. Тогда ему посоветовали обратиться к одному опытному гадалщику. Люди уверяли, что он по гальке может узнать, кто совершил кражу. Тарети испугался и сказал гадалщику:

— Ты только назови вора, но не говори, чтобы он умер. Бабаи не стоит того, чтоб из-за него пропадал человек.

Конечно, он сказал так из хитрости, потому что не желал смерти своим детям.

После состязания люди дали Тарети много корней бабаи. Ведь они думали, что бедняга остался совсем без лакомства!

Так Тарети принес домой целую кучу хорошей еды — больше, чем кто-либо другой. А ведь у него был еще и свой бабаи, тот самый, который все считали украденным.

ОСТРОВ НАУРУ

138. Девушка и месяц

Жила одна девушка. Ее мать звали Эгигу¹, а отца — Гадиа. У нее были еще две сестры. Всех их звали по матери Эгигу.

Однажды они втроем играли у высокого дерева. Старшая вдруг почувствовала себя плохо. Она взобралась на дерево и стала петь:

Эгигу, Эгигу, я нездорова,
Идите к отцу Гадиа,
Он даст вам и ожерелье из раковин и пояс!

Отец понял, что это значит, и велел ей идти в женский дом². Он обещал ей прислать вкусной еды и украшения. Старшая дочь послушалась отца.

На следующий день то же самое случилось со второй дочерью. Она тоже взобралась на дерево и спела ту же песню. Ее также поместили в женский дом и вручили много подарков.

На третий день то же случилось с младшей дочерью. Она взобралась на дерево и запела ту же песню.

— Тебе отец не подарит ничего,— сказала ей мать,— нам тебя не жаль. Иди куда хочешь, в лес или к морю.

Опечаленная девушка пошла к морю. Там она нашла про-росший орех; она посадила его глубоко в землю и полила его, приговаривая: «Расти, деревцо, расти! Ты не погибнешь ни от зноя, ни от бури. Расти, расти!»

Дерево быстро росло и становилось все выше. Наконец оно достигло неба.

Девушка поднималась по дереву все выше и выше и на-конец очутилась на небе. Там она добралась до хижины старой женщины Энибарары. Старуха была слепа. Она варила сироп из пальмового вина. Эгигу очень хотелось пить, и она забрала одну раковину с вином, выпила, а потом снова поставила ее на место. Там стояло тридцать таких раковин с вином.

Старуха не сразу заметила, что не хватает одной ракови-ны, но, когда девушка хотела взять еще одну, старуха пой-мала ее за руку.

— Отпусти меня,— просила Эгигу,— я буду тебя слушать-ся, буду помогать и служить тебе!

— Нет, я не отпущу тебя! Ты выпила мое вино и теперь умрешь!

— Пусти меня, я исцелю тебя, и ты будешь снова видеть!

— Ну, что ж! Если ты сможешь это сделать, я отпущу тебя.

Эгигу подумала и произнесла:

— Твои глаза, Энибарара!

И вдруг муравьи, мошки, черви вылезли из глаз Энибара-ры! Глаза стали ясными, и она снова стала видеть.

Радостная, ждала она возвращения трех своих сыновей. Но старуха боялась за девушку, потому что ее сыновья были людоедами. Она спрятала Эгигу под огромную раковину.

Вскоре пришли сыновья. Первым появился Экуан — Солн-це. Он потянул носом и сказал:

— Мать, здесь как будто кто-то есть!

Мать не отвечала и не поднимала глаз, чтобы сын не за-метил, что она снова видит. Экуан ушел, за ним появился вто-рой сын Тебау — Гром. Он тоже потянул носом, как его брат, и сказал матери:

— Мать, здесь пахнет человеком!

Мать не отвечала и не поднимала глаз, она ничего не хо-тела слышать. Тебау ушел.

И вот появился третий сын, кроткий, приветливый Мара-мэн — Месяц.

— Мать,— воскликнул он,— здесь как будто кто-то есть!

Мать подняла глаза и сказала:

— Иди сюда, посмотри мне в глаза!

Марамэн подошел к матери, заглянул ей в глаза и сказал:

— Кто же тебя исцелил? С каких пор ты видишь?

И Энибарара рассказала сыну, как это случилось.

— Где же эта девушка? — обрадованно спросил сын.

— Там, под раковиной-жемчужницей, сидит Эгигу. Это она исцелила меня, и ты должен теперь жениться на ней.

Марамэн еще больше обрадовался. Он женился на Эгигу. И сейчас еще каждый может увидеть на месяце девушку.

139. Арере и чудовище

Жила одна женщина по имени Эрауараун, а мужа ее звали Арере. Они жили в Аиуо, в местечке Году. У них было тридцать детей³, и всех их звали по имени матери — Эрауараун.

Однажды отец пошел на рыбную ловлю. Как только он ушел, к жене явилось чудовище Эанго⁴ и спросило:

— Эрауараун, где Арере?

— Его нет, он пошел за едой для детей!

— Дай мне одного ребенка, я его съем,— сказало чудовище.

— Нет, я не отдам. Я боюсь мужа.

— Ладно,— отвечало чудовище,— не надо мне ребенка, я съем тебя!

Тогда женщина отдала старшего. Чудовище съело его и исчезло.

Вскоре вернулся отец. Он заметил, что одного ребенка нет, и спросил у жены, где тот. Она рассказала ему обо всем.

На следующий день отец снова отправился на рыбную ловлю. И снова появилось чудовище и стало требовать ребенка, а затем съело его.

Так повторялось изо дня в день. Как только отец уходил за рыбой, дома появлялось чудовище, требовало ребенка и съедало его. Наконец остался один-единственный ребенок. Тогда отец сказал жене:

— Сегодня ты иди ловить рыбу. Ты отдала всех детей. Я хочу сберечь хоть последнего.

Жена ушла. Вскоре появилось чудовище и потребовало ребенка. Но оно не заметило, что дома остался мужчина. И когда тот отказался отдать ребенка, чудовище сказало:

— Если ты не отдашь, я съем тебя!

— Ладно,— ответил Арере,— зайди и съешь меня!

Чудовище бросилось на него, но Арере проткнул его копьем.

Вскоре вернулась жена. Когда она увидела на земле мертвое чудовище, она обрадовалась. С тех пор она и Арере стали жить спокойно.

ПОЛИНЕЗИЯ

ПОЛИНЕЗИЯ

ПОЛИНЕЗИЯ

Острова Полинезии (от греческого «поли» — много, «незос» — остров; «Многочисленные острова») — одной из историко-культурных областей Океании — находятся как бы внутри гигантского треугольника. Северная окраина Полинезии — и всей Океании — Гавайские острова. Общая площадь этого архипелага равна 16,6 тыс. кв. км, причем две трети площади приходится на долю главного острова — Гавайи. На нем находится гора Мауна-Лоа («Великая гора») — самый крупный из всех действующих на земле вулканов, высота которого превышает 4 тыс. м.

Южная окраина Полинезии — двойной остров Новая Зеландия (полинезийское название Аотеароа — «Длинное Белое Облако»), протянувшийся на 1500 км. Общая площадь Новой Зеландии (268,7 тыс. кв. км) в десять раз превышает площадь всей остальной Полинезии. Самый дальний, восточный, остров Полинезии — маленький остров Пасхи (площадь 165 кв. км).

Западную часть Полинезии образуют архипелаги: Самоа (3 тыс. кв. км), Тонга (0,7 тыс. кв. км), о-ва Хорн и Уоллис (0,3 тыс. кв. км), о-в Ниуэ (0,3 тыс. кв. км), о-ва Токелау (10 кв. км), Эллис (25 кв. км), Феникс (28 кв. км).

На востоке Полинезии находятся о-ва Общества (большая часть их площади — 1 тыс. кв. км из 1,6 тыс. — приходится на о-в Таити), о-ва Тубуан (164 кв. км), коралловый архипелаг Туамоту (вместе с Гамбье — 0,9 тыс. кв. км), Маркизские острова (1,3 тыс. кв. км), а также о-ва Кука (0,2 тыс. кв. км), Лайн (0,7 тыс. кв. км), о-в Питкэрн и ряд других.

24 января 1521 г. на 16° южной широты экспедицией Ф. Магеллана был открыт маленький необитаемый островок, названный Сан-Пабло (вероятно, о-в Пукаруха в архипелаге Туамоту), — первая земля Полинезии, увиденная европейцами. Но настоящее исследование «многочисленных островов» началось с 1595 г., когда экспедиция Альваро Менданы обнару-

жила заселенный архипелаг, названный в честь маркизы Каньете, жены вице-короля Перу, Маркизскими островами.

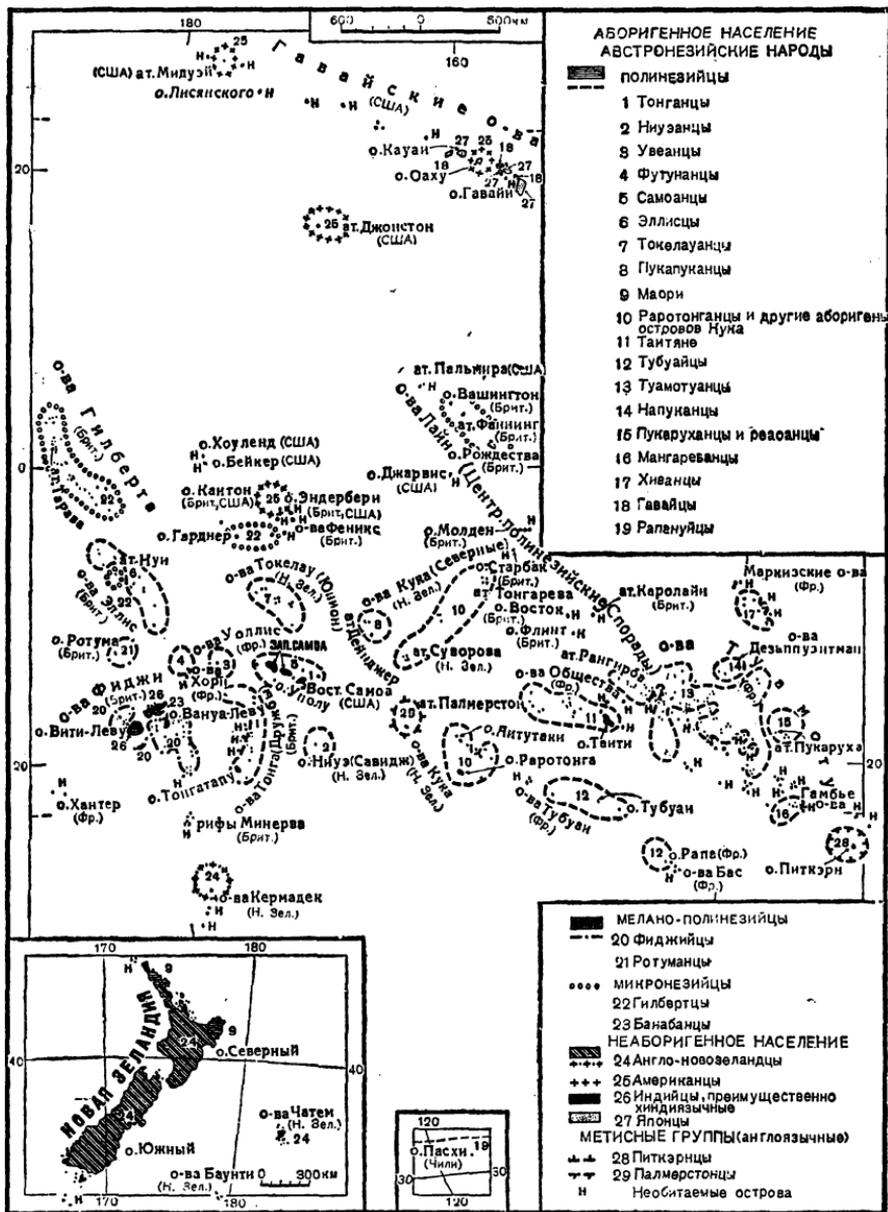
Вновь открытые земли показались испанцам настоящим раем. Великолепная природа, чудесный климат, приветливые, общительные жители. Однако с первых же дней пребывания в этом земном раю испанцы стали проливать кровь местных жителей. Три креста, двести человек убитых островитян и сифилис — вот что оставили испанские мореплаватели после себя, когда отправились на дальнейшие поиски сказочных Соломоновых островов, богатых золотом и драгоценными камнями.

В начале XVII в. в водах Полинезии появляются суда Педро Фернандеса де Кироса, мечтой которого было открытие таинственного Южного материка, равного по размерам и богатству Новому Свету. Мечте Кироса не удалось сбыться, но он открыл несколько островов, входящих в состав архипелага Кука, а также ряд атоллов архипелага Туамоту.

Кирос был последним великим мореплавателем Испании. На смену испанцам в воды Великого океана приходят голландские суда. Экспедиция под командованием Виллема Схоутена и Якоба Лемера открывает северную часть Туамоту и о-ва Тонга, а точнее — два самых северных острова этого архипелага (о-ва Ниуатопутану). Абель Тасман в полдень 13 декабря 1642 г. первым из европейцев увидел большой двойной остров Новую Зеландию, который он принял за часть Австралийского материка. В начале следующего года Тасман открывает главные острова архипелага Тонга. В пасхальное воскресенье 1722 г. голландский адмирал Якоб Роггевен обнаружил таинственный остров с циклопическими каменными платформами и гигантскими статуями и назвал его о-вом Пасхи. В том же году Роггевен открыл о-ва Самоа.

Экспедиция Роггевена была последней океанской экспедицией голландских мореплавателей. Начиная со второй трети XVIII в. на просторах Тихого океана господствуют, соревнуясь друг с другом, две великие державы — Англия и Франция. Коммодор Джон Байрон (дед поэта Байрона) открывает ряд островов в архипелагах Туамоту и Кука. Капитан С. Уоллис в 1767 г. обнаружил большой остров Таити. Еще один английский мореплаватель, Филипп Картерит, открыл в том же году маленький одинокий остров Питкэрн.

Экспедиция Л.-А. де Бугенвиля была первым кругосветным плаванием, совершенным французскими мореходами. Этой экспедицией были открыты несколько островов в архипелаге Туамоту. За плаванием Бугенвиля последовали три кругосветных плавания крупнейшего путешественника XVIII в. — английского капитана Джемса Кука, совершенные в период 1768—1779 гг. Кук установил, что Новая Зеландия является двойным островом, а не ча-

Полинезия

стью мифического Южного материка; он открыл ряд мелких островов в архипелагах Туамогу, Тонга, Кука и Тубуан; наконец, он первым из европейцев сообщил о густонаселенных Гавайских островах.

Гавайские острова были последним архипелагом Полинезии, открытым европейцами. Дальнейшие открытия касались лишь отдельных островов и островков, а также уточнения координат уже известных земель. Большой вклад здесь внесли русские мореходы: И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский, В. М. Головин, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, Ф. П. Литке.

На рубеже XVIII и XIX вв. начинается европейская экспансия в Полинезию. Первой формой этого вторжения было проникновение на острова миссионеров. В 1797 г. на Таити Лондонское миссионерское общество учреждает свою миссию. Миссионеры сочетали проповедь христианства с делами вполне мирскими: они развили на островах кипучую торговую деятельность. Сложившийся веками старый уклад Полинезии начал расшатываться, началось уничтожение памятников самобытной полинезийской культуры, забвение древних верований, преданий, легенд.

Вслед за разведчиками-миссионерами в Полинезию устремляются колонизаторы. Французский адмирал Дюпети-Туар захватывает в 1842 г. Маркизские острова, а через некоторое время после упорной борьбы Франция подчиняет себе Таити. Еще раньше Англия аннексирует о-в Питкэрн и Новую Зеландию (окончательное подчинение Новой Зеландии англичанам произошло лишь в 1872 г., после упорной, но безуспешной борьбы маорийского народа). В течение конца XIX — начала XX в. Англия, Франция, Германия, США постепенно захватывают все острова Полинезии (за исключением о-ва Пасхи, который был присоединен к владениям Чили в 1888 г.).

Европейская экспансия привела к резкому уменьшению населения Полинезии: если до начала колонизации в этой историко-культурной области жило примерно 1,1 млн. человек, то уже к 1890 г. полинезийцев остается всего лишь 180 тыс. Особенно катастрофическая депопуляция произошла на Маркизском архипелаге, где из 50-тысячного населения к 30-м годам XX в. выжило лишь 2 тыс. Сильно сократилось и население о-ва Пасхи, где к 1877 г. осталось только 111 жителей. К концу XIX в. «американизация» Гавайев привела к тому, что исконное население этих островов уменьшилось в 10 раз, ныне же «чистые» аборигены составляют на Гавайских островах лишь немногим более 1% населения.

Однако европейская экспансия принесла с собой не только депопуляцию, но вызвала также и кризис основной культуры полинезийских народов. На ряде островов европейские языки стали вытеснять местные языки. Миссионеры уничтожили большинство табличек кохау ронгоронго на о-ве Пасхи, которые были единственными памятниками полинезийского письма.

Сохранились лишь жалкие обломки самобытной и сравнительно высокой культуры Полинезии. И лишь в наши дни, спустя много лет после фактической гибели полинезийской культуры, ученые различных стран и различных специальностей — историки, археологи, этнографы, лингвисты, фольклористы — начинают шаг за шагом восстанавливать славное прошлое полинезийцев, реконструировать погибшую культуру «многочисленных островов».

Основания для этой реконструкции дают прежде всего свидетельства очевидцев, еще заставших расцвет полинезийской культуры,— капитанов Дж. Кука, Ж.-Ф. Лаперуза, Ю. Ф. Лисянского, Я. Роггевена и других мореплавателей, а также сообщения первых белых поселенцев в Полинезии — миссионеров, беглых каторжников, дезертиров с торговых и военных судов, торговцев, китобоев. Со второй половины XIX в. энтузиасты-одиночки начинают записывать полинезийские легенды и предания. В 1889 г. в Гонолулу был основан Музей Бернис Пауахи Бишоп, который начал систематическую публикацию материалов исследований по культуре Полинезии. Через три года в Новой Зеландии основывается «Полинезийское общество», создатель которого Перси Смит положил начало научному изучению полинезийских преданий. Издаваемый этой организацией «*Journal of the Polynesian Society*» является самым крупным периодическим изданием по археологии, этнографии и фольклору Полинезии. (К настоящему времени вышло более 70 томов этого журнала.)

Начиная с 20-х годов нашего века Музей Бишоп начинает организовывать комплексные экспедиции на различные острова Полинезии и выпускать монографические «бишопские бюллетени» (к настоящему времени их выпущено более 200). Так, Линтоном была выпущена книга по археологии Маркизских островов, а Хэнди — сборник маркизанских легенд; Гиффорд собрал тонганские мифы и предания; Стимсон — туамотуанские; Метро выпустил объемистую монографию по этнографии о-ва Пасхи, где приведено большое число преданий и сказок о-ва Пасхи. Но самый большой вклад в изучение Полинезии внесли работы Те Ранги Хироа (П. Бак), бесменного директора Музея Бишоп с 1936 по 1950 г. Полинезец по матери, Хироа хорошо знал языки и предания народов Полинезии; его перу принадлежит ряд монографий, посвященных о-вам Кука, Самоа, Мангаревы. Свои многолетние исследования Хироа обобщил в книге «Мореплаватели солнечного восхода», вышедшей в русском переводе в двух изданиях.

После второй мировой войны началось серьезное археологическое исследование Полинезии: его начали экспедиция на о-в Пасхи под руководством Хейердала и Фердона (1955—1956 гг.) и экспедиция Саггса на Маркизские острова. Материалы раскопок заставили пересмотреть ряд прежних гипотез и отнести дату заселения Восточной Полинезии на несколько сто-

летий назад по сравнению с тем, как это предполагалось по данным геологий.

Большую работу по анализу полинезийского фольклора проделала Катарина Луомала, президент Гавайского антропологического общества.

В нашей стране изучением Полинезии занимается ряд исследователей: П. И. Пучков (проблемы современного этнического развития), Д. Д. Тумаркин (Гавайские острова в XVIII—XIX вв.), Ю. М. Лихтенберг (этнографические коллекции в музеях СССР). Большой вклад в изучение письменности о-ва Пасхи внес ряд советских ученых: безвременно скончавшийся Б. Г. Кудрявцев, Д. А. Ольдерогге, Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов; в настоящее время изучением письма о-ва Пасхи занимается группа исследователей (Ю. В. Кнорозов, И. К. Федорова, А. М. Кондратов), опубликовавшая в советской и зарубежной печати ряд работ, посвященных этой теме.

Уже первых открывателей Полинезии интересовал вопрос: каким образом на острова, отделенные тысячами километров океана, попали люди, имеющие родственную культуру, сходные обычаи, близкие языки? Даже сейчас, спустя много десятилетий, наука не может окончательно ответить на этот вопрос — а ведь к нему добавилось еще и множество других. Полинезийцы являются загадкой для антропологов, так как в них сочетаются признаки трех «больших» рас человечества: монголоидной, европеоидной и австралоидной. Большая часть островов Полинезии является «белым пятном» для археологов, которые лишь сравнительно недавно начали раскопки на «многочисленных островах». Ждут глубокого исследования также легенды, предания, сказки народов Полинезии, религиозные верования полинезийцев. Историкам географических открытий предстоит кропотливая работа по анализу полинезийских преданий, повествующих о славных и от важных предках-мореходах; дешифровщикам древних писем предстоит не меньшая работа по разгадке иероглифических текстов о-ва Пасхи. И все-таки и поныне важнейшей проблемой остается вопрос о том, откуда, когда и как попали полинезийцы на острова?

Еще П. Ф. де Кирос в начале XVII в. пытался объяснить загадку заселения Океании гипотезой о затонувшем материке. Эту гипотезу в XIX в. развил знаменитый французский мореплаватель и ученый Ж.-С.-С. Дюмон-Дюрвиль, а в нашем веке с ней вновь выступили английский этнограф-океанист Макмиллан Браун и русский биолог М. А. Мензбир. По их мысли, полинезийцы и их культура — это лишь остатки великой культуры, существовавшей на материке Пацифида (от «Пацифик» — «Тихий океан»), который погиб в результате геологической катастрофы.

Действительно, данные геологов, а также географов растений и животных говорят в пользу того, что когда-то в Тихом океане существовал

огромный массив суши, остатками которой и являются вулканические острова. Однако эти же данные убедительно свидетельствуют и о том, что опускание больших массивов суши происходило в Тихом океане до появления человека на нашей планете: реальная геологическая Пасифида не имеет никакого отношения к гипотетической Пасифиде, прародине полинезийцев.

В начале нынешнего века была популярна теория, согласно которой полинезийская культура — потомок культуры древних египтян, «детей солнца», достигших на кораблях финикийцев островов Полинезии и принесших туда высокую культуру (равно как и во все другие части света). Но ныне подобная точка зрения отвергнута как египтологами, так и специалистами по Полинезии. Мало приверженцев имеет и теория, согласно которой предки полинезийцев вышли из древней Индии — будь это Индия времен правления царя Ашоки, Южная Индия, населенная дравидами, или Индия III—II тысячелетий до н. э. с ее цивилизацией Мохенджо-Даро и Харатпы.

В начале прошлого века миссионер И. Суньига предположил, что заселение Полинезии шло не с запада, из Азии, а с востока, из Америки. Другой миссионер, этнограф У. Эллис, поддержал «американскую» гипотезу, ссылаясь на черты сходства культуры Америки и Океании. Однако подавляющее большинство океанистов не поддержали «американскую» гипотезу. Эта гипотеза стала несколько более популярной после того, как норвежский исследователь Тур Хейердал, стремясь доказать возможность «западного пути», совершил в 1947 г. путешествие на плоту «Кон-Тики» от южноамериканского побережья до одного из полинезийских островов.

Тем не менее большая часть специалистов по Океании и в настоящее время относится скептически к «американской» гипотезе, хотя и допускает возможность американско-полинезийских контактов (поскольку ряд элементов материальной культуры в Полинезии — несомненно американского происхождения).

Гораздо более широкое признание получила «азиатская» гипотеза происхождения полинезийцев. Большинство сторонников гипотезы считают, что наиболее вероятная родина современных жителей Полинезии — это южный берег Китая или Индокитай. Археологи нашли в этих районах орудия каменного века, сходные с каменной индустрией полинезийцев. Полинезийские языки относятся к малайско-полинезийской, или австронезийской, семье языков, родиной которых, судя по всему, также является Юго-Восточная Азия. Отсюда-то, по всей вероятности, и двинулись в свой далекий путь предки полинезийцев.

Но каким был путь полинезийцев к своей новой родине? Прошли ли они через Индонезию и Меланезию? Или они проследовали через Филиппины и Микронезию? Южным или северным путем шли они к островам

Восточной Океании? Этот спор и по сей день нельзя считать решенным. Возможно, что в своем движении на восток предки полинезийцев использовали и южный и северный путь. Мы говорим именно «предки», а не сами полинезийцы, так как последние сформировались как обособленная культурная, расовая и языковая общность уже в самой Полинезии.

Предания называют в качестве полинезийской родины некую страну Гавайки. Гавайки отождествляли с Гавайями, Новой Зеландией, Самоа. Те Ранги Хироа, крупнейший специалист по этнографии и древней культуре Полинезии, отождествлял Гавайки с о-вом Раиатеа в архипелаге Общества. Именно здесь, в Центральной Полинезии, по мнению Те Ранги Хироа, и образовалось «ядро полинезийского мира» и из этого «сердца» Полинезии новая культура начала распространяться на самые отдаленные острова. «Ее переносили смелые мореплаватели, по звездам направлявшие свои корабли к тихим гаваиям»,— писал Те Ранги Хироа. Схему расселения из Центральной Полинезии он образно представил в виде гигантского спрута, головой которого является архипелаг Общества, а щупальцами — линии, соединяющие его с Гавайями, Маркизскими островами, архипелагом Туамоту, о-вом Пасхи, о-вами Тубуаи и Новой Зеландией, Самоа и Тонга, о-вами Кука и Феникс.

Гипотеза Хироа была почти безоговорочно принята исследователями Полинезии, однако последние данные археологии, применение метода глоттохронологии в лингвистике, да и более тщательный анализ полинезийских преданий заставляют пересмотреть заново эту схему, ставшую почти классической.

Сложение полинезийского языка и культуры, вероятно, произошло в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Центральная Полинезия в это время не была заселена. Самые древние археологические находки относятся не к Таити, а к о-вам Самоа — II тысячелетие до н. э. (датировка произведена с помощью радиоуглеродного метода). К этому же времени относятся и древнейшие поселения на Маркизских островах, причем, вероятнее всего, они были заселены не с о-вов Общества, а из Западной Полинезии. Судя по всему, Западная, а не Центральная Полинезия была центром, откуда распространились полинезийские языки.

Полинезийские языки очень мелодичны; это объясняется тем, что в любом из них пять гласных (а, е, и, о, у) и от семи (в гавайском) до десяти (в маорийском) согласных, причем правила полинезийской фонетики запрещают «стык» двух согласных. Обычная схема морфемы: согласный — гласный — согласный — гласный (СГСГ). Современные полинезийские языки имеют тенденцию к утрате первого или второго корневого согласного, что ведет к образованию большого количества омонимов, особенно в гавайском и маркизанском языках.

Лингвисты насчитывают несколько десятков различных языков, диалектов и говоров, распространенных на архипелагах и островах Полинезии. Среди наиболее значительных из них отметим тонганский язык (о-ва Тонга), ниуэанский (о-в Ниуэ), самоанский (о-ва Самоа), токеलाунский (о-ва Токелау), футуанский (о-ва Хорн), увеанский (о-ва Уоллис), элиский (о-ва Эллис), маорийский (Новая Зеландия), раротонганский (о-ва Кука), таитянский (о-ва Общества), туамотуанский (архипелаг Туамоту), мангареванский (о-ва Гамбье), маркизанский (Маркизские о-ва), рапануйский (о-в Пасхи), гавайский (Гавайские о-ва). Кроме того, на полинезийских языках говорит население целого ряда небольших островов и атоллов Микронезии и Меланезии: Нукуоро, Капингамаранги (Каролинские о-ва), Нугуриа, Тауу, Нукуману, Онтонг-Джава, Стьюарт, Риф, Дафф, Ануда, Тикопиа, Реннелл, Беллона (расположены к северу, востоку и югу от Соломоновых о-вов), Маз, Филя, Анива, Эрронан (архипелаг Новые Гебриды), Увеа (о-ва Луайоте).

Изучение полинезийских языков было начато Дж. Куком, отметившим родство языков таитян, гавайцев, маори и жителей о-ва Пасхи, и А. Шамиссо, указывавшим на сходство полинезийских языков с малайскими; научное исследование языков Полинезии началось с выхода книги В. Гумбольдта о языке кави (о-в Ява), в которой было обосновано существование особой малайско-полинезийской семьи языков, отличной от других языковых семей мира. Большой вклад в изучение полинезийских языков внесли лингвисты У. Черчилль, О. Демпвольф, А. Кэпелл, М. Черчворд.

Полинезийцы не знали обработки металлов и гончарного производства (есть основание считать, что их предкам металлы и керамика были известны). Но это компенсировалось очень высокой техникой обработки камня, дерева, кости, раковин. Главным орудием труда был топор из камня или раковины: им рубили и обтесывали деревья, делали каменные статуи и т. д. Основным орудием земледелия, ведущей отрасли полинезийского хозяйства, была деревянная заостренная палка («о» или «ко»), которой взрыхляли землю. Ямс, таро, батат, тыква, сахарный тростник, бананы — вот главные растения, возделывавшиеся полинезийцами. Кроме того, они выращивали хлебное дерево и кокосовую пальму — единственную «кормилицу» жителей маленьких коралловых атоллов.

Животный мир Полинезии очень беден. Только на Новой Зеландии, где водились крупные птицы, могла существовать настоящая охота. На прочих островах крупных животных не было. Домашних животных также было крайне мало — это собака (разводимая для мяса), курица и свинья, причем на многих островах, например Новой Зеландии, Аитутаки, Мангаиа, Мангареве, не было свиней; на Маркизских островах отсутствовала соба-

ка, на о-ве Пасхи единственным домашним животным была курица, а на о-ве Рапа-Ити не было даже кур.

Зато фауна Тихого океана предоставляла полинезийским морским охотникам и рыболовам самый богатый выбор — от кашалотов и спрутов (которые также шли в пищу) до крохотных рыбешек. Рыбная ловля велась сетями, сачками, копьями (а на Самоа — и при помощи лука).

Преобладала растительная пища, однако ее дополняла мясная и особенно рыбная пища. И мясная и рыбная пища готовились в сосудах из тыквы, кокосового ореха, бамбука или дерева. Любимым лакомством было мясо черепахи. Из муки, полученной из клубней таро после их длительной промывки и подсушивания, готовилось любимое кушанье полинезийцев — пои. Продукты хранили в ямах, выложенных листьями и прикрытых сверху камнями. Огонь добывался при помощи трения.

На многих островах Полинезии существовало людоедство, вызванное не только ритуальными причинами, но и скудостью пищевого рациона. Главным оружием были боевые палцы (уа или уу), копьа, дротики, пращи; на Танти и Самоа применялись деревянные мечи. Хотя лук был известен полинезийцам, он никогда не применялся как боевое оружие, а использовался лишь для лучения рыбы, охоты на птиц или как детская игрушка.

Основным материалом для одежды полинезийцев служила тапа — материя из луба фикуса, на которую наносилась художественная роспись. Тапа применялась также при изготовлении ковриков, покрывал, украшений, фитилей для факелов и т. п. Тапу нельзя стирать, поэтому изделия из нее берегли; как правило, обычная одежда — юбка, передник, набедренная повязка — изготовлялась при помощи плетения растительных волокон. Плетеные циновки использовались полинезийцами как подстилки для сидения и сна, а на Самоа, вероятно под влиянием соседней Меланезии, служили своеобразным всеобщим эквивалентом.

Скудость одежды компенсировалась богатством украшений: их делали из живых цветов, раковин, птичьих перьев, плодов, когтей и зубов животных, рыбьих костей. Но главным украшением полинезийцев была татуировка (это слово, вошедшее во все языки мира, имеет полинезийское происхождение). Татуировка являлась своеобразной «летописью» жизни человека: инициация, брак, убийство врага — все это отмечалось особой татуировкой. У наиболее знатных и заслуженных полинезийцев она покрывала буквально все тело.

Искусство татуировки может быть смело отнесено к одному из видов полинезийского искусства. В Полинезии были также очень популярны танцы, музыка, пение, игры, спортивные состязания, имевшие как ритуальный (например, испытание «короля» на Гавайях или выборы «человека-птицы» на о-ве Пасхи), так и чисто спортивный характер (например, состязание

в метании копья на дальность или повсеместно распространенное катание на волнах). Блестящего мастерства добились полинезийские резчики по камню: каменные статуи Раиваваэ, Маркизских островов и в особенности о-ва Пасхи, достигающие 10 и даже 20 м высоты, получили мировую известность. Не менее известны и произведения деревянной пластики — резные человеческие фигуры Маркизских островов, Мангаревы, Новой Зеландии, о-ва Пасхи. На Новой Зеландии великолепной резьбой украшались общинные дома.

Общинные дома существовали (и существуют поныне) в каждой полинезийской деревне. Иногда их длина достигала 100 м (например, на о-ве Пасхи). Длина обычного дома также значительна: 12—20, а порой и 30 м. Особыми памятниками полинезийской архитектуры являются святилища — мараэ и аху, как правило являвшиеся и местом погребения вождей (на о-ве Пасхи каменные платформы — аху, в которых хоронили умерших, достигают 60 м длины и 3 м высоты). На Таити, Тонга и других островах имеются святилища, построенные в виде пирамиды.

Необычайного искусства достигли полинезийские судостроители. «Каждый мастер,— пишет Те Ранги Хироа,— имел собственный набор инструментов, состоящий из тщательно отбитых и прекрасно отшлифованных тесел и резцов... Полинезийцы рубили деревья как в долинах, так и на возвышенностях; облегчая свой труд песнями и заклинаниями, они тащили отесанные стволы деревьев под плотничий навес. Они раскалывали бревна и придавали им различную форму; одни виды древесины шли на изготовление килей, другие — на доски для корпуса и настила».

Полинезийские мастера строили плоты, одиночные долбленые лодки, лодки с балансиrom и двойным балансиrom (по обеим сторонам лодки). Но главным средством передвижения были катамараны, которые достигали нескольких десятков метров в длину и вмещали несколько сот человек! Суда полинезийцев, проходившие более 200 км в сутки, по скорости почти в два раза превосходили суда древних египтян, греков, финикийцев. И отважные полинезийские мореплаватели пересекали, ориентируясь лишь по звездам, воды величайшего океана планеты, в то время как плавания финикийцев, древних греков и римлян происходили преимущественно в водах Средиземного моря.

Культура и формы хозяйства полинезийцев очень специфичны; столь же специфичны и общественные отношения на островах Полинезии. Л. Г. Морган считал, что полинезийцы находятся на еще более низкой стадии развития, чем австралийцы. Однако позже выяснилось, что отсутствие у полинезийцев некоторых элементов материальной культуры объясняется спецификой их географической среды (в Полинезии нет металлов, гончарной глины) и восполняется высоким развитием других элементов.

В целом производительные силы в Полинезии были сравнительно развиты, и им, как и следовало ожидать, соответствовали довольно сложные формы общественного устройства.

Несмотря на относительно высокое положение женщин в некоторых частях Полинезии (например, на о-вах Тонга), полинезийское общество нельзя, конечно, назвать матриархальным. Однако патриархальный род здесь также не сложился, и основным элементом общественного строя была сельская община.

Сельская община состояла из нескольких больших семей, объединявших, как правило, три-четыре поколения, которые вели свое происхождение от одного общего предка (по мужской линии). Большая семья сообща владела землей, жилищем, лодкой, орудиями труда, вела единое хозяйство.

В полинезийском обществе наблюдалась значительная имущественная и социальная дифференциация. На верхней ступени социальной лестницы стояли вожди и их родственники. Эта группа называлась «арики» или «алии», т. е. «благородные». Простые общинники именовались «раатира» (Таити), «рангатира» (Новая Зеландия), «макааинана» (Гавайи). И внутри правящей верхушки и внутри общинников существовало более дробное деление, в зависимости от степени знатности или богатства. В полинезийском обществе существовали особые сословно-кастовые группы жрецов, земледельцев, ремесленников разной специализации (резчиков по дереву, плотников, строителей лодок, татуировщиков и др.).

На Маркизских островах, архипелаге Туамоту, о-вах Кука и в Новой Зеландии традиции первобытнообщинного строя были еще сильны. Там не существовал институт верховных вождей и власть вождя была невелика.

В противоположность этому на Гавайях, Тонга, Таити еще до появления европейцев начался процесс становления государства. Островами правили верховные вожди, чья власть обожествлялась. Обычно верховный вождь был одновременно и верховным жрецом.

Неравномерно был развит на отдельных островах и институт жречества. Жрецы разделялись на две категории: «тухунга» (или «тохунга», «тохуна», «тахуга», «кахуна») и «таура» (или «таула», «тауа», «каула»). Тухунга служили в мараэ, а кроме того, выполняли функции врачей, астрономов, знатоков преданий и легенд. Они освящали постройку лодки, начало обработки земли, сев и т. д. Функции таура во многом совпадают с функциями сибирских шаманов; так же как и шаманы, они для общения с богами прибегали к экзотическим пляскам, камланию.

На Таити был создан любопытный союз ареон, целью которого было обеспечение власти господствующей верхушки над обществом. Этот союз

распространился позже на Маркизские острова, о-ва Кука и другие архипелаги. Ареон проводили время, переезжая с острова на остров и устраивая там пантомимы, театральные представления и пляски. Вступивший в союз ареоев давал клятву умерщвлять всех детей, которые будут у него рождаться. Ареон поклонялись великому богу плодородия и войны Оро (или Ксро), покровителю урожая. Весьма вероятно, что Оро идентичен богу Ронго (см. ниже).

Против ареоев вели борьбу как жрецы, служители древних богов, так и земледельцы, которых разоряли оргии, устраиваемые ареоями за счет местного населения. Особенно упорную борьбу повели с союзом ареоев первые христианские миссионеры, и к середине прошлого века институт ареоев в Полинезии исчез.

Полинезийская космология и космогония весьма сложна. Согласно ее положениям, первоначально мир был подобен яйцу, в котором находились Туму и Папа, Творец и Основание земли (таитянские жрецы впоследствии переосмыслили этот миф и стали утверждать, что мир был порожден богом Таароа — Тангароа, находившимся в раковинах, внутренняя из которых была Туму, а внешняя — Папа). Вселенная состояла из 10 «верхних» и 10 «нижних» миров. Люди живут на Факахоту-Хенуа, Плодообильной Земле, над которой раскинулось Атеа, Пространство. На «второй земле» — Гавайки — обитают души предков.

Первоначально полинезийские боги были простым олицетворением стихии. Но затем появился целый сонм богов, главными из которых являлись Ту, Тане, Тангароа и Ронго (имена этих богов звучат на различных языках Полинезии по-разному в соответствии с правилами фонетических переходов).

Приведем сравнительную таблицу, где указаны функции этих богов на различных полинезийских островах:

Острова	Тане	Ту	Тангароа	Ронго
Гавайи	бог света, жизни	бог войны	бог тьмы, смерти	бог мира, сельского хозяйства
Новая Зеландия	бог солнца, лесов	бог войны	бог моря, рыбаков	бог мира, сельского хозяйства
о-в Пасхи	отсутствует	отсутствует	бог моря	сын Тангароа
Таити	бог сельского хозяйства	бог искусства	верховный бог-творец	бог войны
Маркизские острова	покровитель ремесел	бог войны	бог моря	легендарная личность
Тонга	отсутствует	отсутствует	бог ремесел	отсутствует

Помимо этих великих богов у полинезийцев имелось огромное количество местных богов, к которым относились и умершие вожди, великие мореплаватели и т. д. Стоит особо отметить первых людей — Тики и Хину, полинезийских «Адама» и «Еву». Мифология полинезийцев, по словам известного советского океаниста С. А. Токарева, «была разработана не менее тщательно, чем древнегреческая, и по типу на нее весьма походила. Культ великих небесных богов тоже напоминал религию культурных народов античного мира». Народное мифотворчество перерабатывалось кастой жрецов, которые зачастую выступали и как авторы мифов.

Кроме богов большое место в полинезийской мифологии занимали культурные герои и герои-мореплаватели. Наиболее популярен из них Мауитикики-о-Таранга, имя которого известно на островах, разбросанных по площади океана, превышающей 20 млн. кв. км. Мауи — шутник, Мауи — культурный герой, Мауи — чудесный ловец островов из водных пучин, Мауи — полубог, Мауи — сверхчеловек, Мауи — «герой полинезийского пролетариата и нонконформистов», как называет его гавайская исследовательница К. Луомала, посвятившая мифам о Мауи великолепную монографию.

Образ Мауи, младшего, т. е. «низшего», сына в семье, нарушителя табу и воли богов, полинезийского Прометей, добывшего огонь людям, противопоставлен образу благородного Тафаки, идеалу вождя и вообще члена общины, которого маорийцы называют «самым счастливым человеком в мире».

Из героев-мореплавателей — открывателей новых земель — самую широкую известность получили Хиро, чье имя известно даже на далеком острове Пасхи, и Рата с его чудесной лодкой, построенной птицами или лесными демонами. Из других персонажей полинезийского фольклора стоит отметить Тинирау и его ручного кита, колдуна Кае, этого кита погубившего, а также культурного героя о-ва Пасхи — Туу-ко-иху.

Кроме великих богов, местных богов и героев большое место в мифологии и фольклоре полинезийцев занимают демоны. На о-ве Пасхи их называют аку-аку (каждая местность острова имеет своего охранителя аку-аку); в Новой Зеландии — понатури (днем эти демоны живут в океане, так как свет солнца убивает их, и только по ночам они выходят на сушу), хакатури (слуги Тане, охранители лесов) и пату (невидимки, живущие в лесах и горах); на Гавайях — менехуне, му, ва (или вао), эпа — крохотные человечки, подобие европейских гномов и троллей, жители лесов и глубоких долин, неутомимые ночные строители святилищ и каменных водоемов.

По распространенным среди гавайцев поверьям, до прибытия их предков на острова Гавайи были заселены народом менехуне. В Центральной Полинезии словом «манахуне» обозначалось простонародье (в отличие от,

арики — вождей, знати и раатира — землевладельцев). Это побудило ряд исследователей, в том числе Те Ранги Хироа, считать гавайских менехуне «простыми смертными людьми, полинезийцами», которых более поздний фольклор превратил в гномов и фей или называл расой карликов. Однако другие ученые, в том числе К. Луомала, возражают против такого отождествления и считают гавайских менехуне просто сказочными персонажами, родственными «другим странным, мифическим сонмам чудесных работников, маленьким человечкам, распространенным в Полинезии, Микронезии и Меланезии».

Заселение Гавайских островов началось в первых веках нашей эры и происходило, судя по данным языка, этнографии, археологии и исторических преданий, с архипелага Общества. К началу II тысячелетия основные острова Гавайев были заселены, в том числе и удаленные островки Ниhoa и Неккер, впоследствии покинутые полинезийцами. В XIV в. плавания с Таити на Гавайи и обратно прекратились. Примерно в это же время на Гавайях начался процесс разложения общины и зарождения классового общества. Постепенно власть начинает сосредоточиваться в руках верховных вождей островов («королей»), должность которых передается по наследству. В конце XVIII — начале XIX в. «король» самого большого острова архипелага — Гавай — Камеамеа (Камехамеха) I, умный и дальновидный политик, подчиняет своей власти все Гавайские острова. В 1893 г. власть династии Камеамеа была свергнута и на Гавайях образовалась республика «под протекторатом» США, которые через пять лет аннексировали ее, а впоследствии сделали одним из американских штатов. В настоящее время, как уже отмечалось, чистокровных гавайцев осталось очень мало.

Несколько по-другому сложилась участь другого полинезийского народа — маори. Заселив Новую Зеландию в начале II тысячелетия нашей эры маори создали самобытную культуру, отличавшуюся от общеполинезийской целым рядом особенностей: так, они изменили тип жилищ, приспособив его к прохладному климату своей страны, стали употреблять для изготовления одежды вместо тапы новозеландский лен (харакеке), создали особые жреческие школы — vareкура и стали почитать в качестве верховного бога Ио, или Ии, неизвестного другим полинезийцам; необычайного искусства достигли маорийские резчики по дереву.

По словам современного новозеландского историка Синклера, «Европа пришла в Новую Зеландию как чума». С 1843 по 1872 г. длились войны маори против английских колонизаторов, в итоге которых Новая Зеландия превратилась в английскую колонию, хотя маори и добились формального равноправия с «пакеха» — белыми новозеландцами. В настоящее время в Новой Зеландии живет свыше 200 тыс. маори, во многом сохранивших черты прежнего быта.

Западное Самоа — единственное независимое государство Полинезии. Независимости самоанцы добились лишь в 1962 г., после долгой и упорной борьбы, продолжавшейся шесть десятилетий. Если Западное Самоа получило независимость, то Восточное Самоа, захваченное американцами, до сих пор остается их колонией. Патриоты в обеих частях Самоа ведут борьбу за воссоединение всего самоанского народа в рамках единого суверенного государства.

Ряд современных исследователей считает, что именно о-ва Самоа были центром распространения полинезийской культуры. Название крупнейшего острова архипелага — Савайи является диалектальной формой общеполинезийского Гавайки, прародины полинезийцев. Второй по величине остров, Уполу, также совпадает по своему наименованию с землей предков полинезийцев — Уполу, или Куполу. Самоанские легенды и мифы не рассказывают о переселении предков с других островов и утверждают, что самоанцы — автохтоны (согласно традиционным верованиям самоанцев, души умерших отправляются у них не в «страну предков» — Гавайки, а в «страну мертвых» — Пулоту). Самоанский язык сохранил наибольшее число черт гипотетического протополинезийского языка. Сотворение о-вов Самоа приписывается не культурному герою Мауи, вылавливавшему их из пучин океана чудесным крючком, как это имеет место в восточнополинезийской мифологии, а непосредственно верховному богу Тагалoa Лаги (Тангароа Небесный), который сбросил с небес камни и превратил их в о-ва Самоа. Самоанцы были самыми искусными мореходами из всех полинезийцев — недаром Бугенвиль назвал Самоа «архипелагом Мореплавателей».

Культура Самоа имеет много общих черт с культурой Тонга. Это не удивительно. Между обоими архипелагами с давних пор существовали культурные и политические связи. Тонганская мифология во многом сходна с самоанской — например, здесь первыми людьми, как и у самоанцев, считаются не Тики и Хина, а потомки червя.

Интересно отметить, что на Тонга в течение длительного времени наблюдалось своеобразное разделение сакральной и светской власти. Формально наиболее высокое положение в стране занимал духовный правитель Туи Тонга, родословная которого возводилась к первому человеку в мире. Однако реальная власть на Тонга принадлежала военному вождю Туи-Канокуполу, который опирался прежде всего на военную силу. Когда-то в древности Туи Тонга был единовластным правителем; но со временем династия Туи Тонга начала постепенно утрачивать светскую власть, и к XIX в. решающее слово стало принадлежать военному вождю. В 1845 г. военный вождь Тауфа Ахау, принявший христианство, провозгласил себя единоличным правителем — королем Тонга, приняв имя Георга Тупоу I.⁴

Династия Тупоу правит на островах и поныне, хотя фактическая власть принадлежит британскому комиссару.

Что касается Таити, то в начале XIX в. под властью верховного вождя этого острова оказался весь архипелаг Общества. Подчинились таитянам и жители западных островов архипелага Туамоту, а также население о-вов Тубуаи. Однако независимое существование таитянского государства продолжалось недолго. Уже в 40-х годах XIX в. стране навязывается протекторат Франции, а в 1880 г. Таити становится французской колонией. Колониальный произвол быстро привел к упадку культуры, нравов и обычаев, о чем с грустью поведал великий художник Поль Гоген, проживший на Таити более восьми лет, в своем автобиографическом романе «Ноа-Ноа».

В настоящее время таитяне ведут энергичную борьбу за освобождение, которую не могут остановить никакие репрессии со стороны колониальных властей. Таитянский язык постепенно становится «языком-посредником» для всей Французской Полинезии, на нем ведутся радиопередачи, издаются два ежемесячных журнала.

На таитянский язык почти целиком перешло население архипелага Туамоту, где более чем в каком-либо другом месте Полинезии сохранились прежние полинезийские традиции и отчасти прежний быт (например, лодки с балансиром, постройки из пальмовых листьев). В фольклоре Туамоту долго сохранялись наиболее архаичные черты древней полинезийской мифологии, однако сейчас и здесь прежние верования проявляются лишь в форме пережитков.

Почти целиком исчезла древняя культура на Маркизских островах, хотя на этом архипелаге до появления европейцев находился один из крупнейших центров мореплавания, резьбы по дереву, ваiania из камня и художественной татуировки, в искусстве которой жители Маркизских островов не имели равных не только по всей Полинезии, но и во всем мире. «В страну, которая действительно некогда была царством света по состоянию здоровья ее обитателей, корабли европейцев занесли венерические болезни, туберкулез и различные эпидемии. Жители Маркизских островов особенно сильно пострадали за доброту и гостеприимство, оказанное европейцам», — пишет Те Ранги Хироа.

Археологические раскопки показали, что о-в Пасхи был населен уже в первые века нашей эры. Строительство знаменитых гигантских статуй началось в XI в. Позднее на острове получила распространение иероглифическая письменность. Верховная власть на о-ве Пасхи принадлежала «арикенуа» (вождю земли), возводящему свой род к Хоту Матуа, первому поселенцу, хотя в годы, предшествовавшие европейской колонизации, эта власть была лишь номинальной. В 1862 г. перуанские пираты вывезли поч-

ти все работоспособное население острова в Южную Америку; большинство из увезенных погибло, а вернувшиеся на остров занесли эпидемию оспы, от которой сильно пострадало оставшееся население.

Несмотря на то что культура о-ва Пасхи претерпела серьезные испытания, среди островитян вплоть до наших дней жив интерес к древним традициям. Тетради, обнаруженные на о-ве Пасхи Хейердалом, содержат обрывки мифов, исторических преданий, легенд, записанные латинскими буквами.

Особый интерес в фольклоре о-ва Пасхи представляет предание о войне между «ханау-еепе» и «ханау-момоко», причем реальность этой войны подтверждается археологическим материалом. В войне ханау-еепе и ханау-момоко исследователи о-ва Пасхи видели борьбу меланезийцев и полинезийцев (Энглерт, Раутледж) или перуанцев и полинезийцев (Хейердал), однако ни антропологический материал, ни анализ самого текста не дают повода предполагать, что это была война двух различных рас. В последнее время советские исследователи выдвинули гипотезу, согласно которой ханау-еепе были ареоями, осевшими на о-ве Пасхи.

Тексты кохау ронгоронго, над расшифровкой которых трудились и продолжают трудиться многие ученые, возможно, могут пролить новый свет на загадки о-ва Пасхи. Прочтение этих текстов дало бы фольклористике уникальные образцы полинезийской литературы, записанной оригинальным полинезийским письмом.

140. Родословная Тангалоа

Слепилась водоросль с прибрежным илом и, гонимая ветром, уплыла в морскую даль. Там ил и водоросль произвели на свет огромную каменную глыбу, и стала называться она Тоуиафутуна. Однажды Тоуиафутуна зашевелилась, и раздался гул, подобный небесному грому. Тоуиафутуна разрешалась от бремени. Она родила близнецов, мальчика и девочку, и назвала мальчика Пики (Клей), а девочку — Келе (Глина).

Через много-много лет глыба опять загремела и в судорогах разрешилась. Родились близнецы, мальчик и девочка, и назвались они: мальчик — Атунгаки (Метающий Копье)¹, а девочка — Маимоа (Тщетное Старание).

Прошло еще какое-то время, и глыба опять загрохотала и рассклась. И снова родила она близнецов: мальчика Фонуута (Черепеха Сухопутная) и девочку Фонутахи (Черепеха Морская). Через много лет глыба вновь задрожала и с невероятным треском разрешилась близнецами, на этот раз Голубем и Морской Змеей. И стали они называться: Голубь — Лупе, а Морская Змея — Тукусали. Это были последние близнецы каменной глыбы Тоуиафутуны.

Первые близнецы — Пики и Келе — поженились, и Келе родила мальчика Тауфулифонуа (Опрокидывающий Страны).

Вскоре Пики и Келе произвели на свет девочку и назвали ее Хавеалолофонуа (Рассекающая Землю). Потом поженились вторые близнецы Тоуиафутуны — Атунгаки и Маимоа, и Маимоа родила девочку Велелахи (Великое Искушение). Затем поженились третьи близнецы — Фонуута и Фонутахи, и Фонутахи родила девочку Велесии (Малое Искушение). Четвертые близнецы — Голубь и Морская Змея — жениться не пожелали.

Итак, дитя Атунгаки и Маимоа была девочка по имени Велелахи, а детьми первых близнецов, которых звали Пики и Келе, были мальчик Тауфулифонуа и девочка Хавеалолофонуа. А потом подросли и поженились брат и сестра — Тауфулифонуа и Хавеалолофонуа, и родился у них мальчик и назван был Хикулео (Оберегающий Хвост) ².

А произошло все это так.

Хавеалолофонуа часто навещала Велелахи, дочь Атунгаки и Маимоа, и Велесии, дочь Фонуута и Фонутахи, своих двоюродных сестер. Они были моложе Хавеалолофонуа, ведь Хавеалолофонуа, как и брат ее Тауфулифонуа, — дитя первых близнецов, Велелахи же — дочь вторых близнецов, а уж Велесии — третьих. И вот Хавеалолофонуа сказала своим двоюродным сестрам:

— Велелахи и Велесии, послушайте меня, сестру свою. Давайте будем все вместе женами Тауфулифонуа, ведь нам другого мужа себе не найти. Будем же благоразумны, станем женами нашего брата ³.

Велелахи и Велесии послушались своей старшей двоюродной сестры Хавеалолофонуа, и все трое стали женами Тауфулифонуа. И родился у Хавеалолофонуа от Тауфулифонуа мальчик и назван был Хикулео, или по-другому — Хавеа. У Хикулео не было ни братьев, ни сестер, и Хавеалолофонуа и муж ее, он же и брат, Тауфулифонуа чересчур избаловали единственного своего ребенка. Поэтому Хавеалолофонуа и Тауфулифонуа решили: «Пусть теперь Хикулео живет не с нами, поищем ему другую землю, пусть поселится там без нас». И Хикулео поселился в стране, получившей название Тонга мамао, что означает Тонга дальняя ⁴.

Дети, родившиеся от Тауфулифонуа у Велелахи, были великанами Тангалоа, а дети, родившиеся от Тауфулифонуа у Велесии, были Мауи. И вот Тангалоа и Мауи решили, что нужно поделить мир. И делить стал Хикулео. Он обратился к

своим родичам с такими словами: «Вы, Тангалoa, вместе с матерью своей Велелахи возьмите себе небо⁵. Вы будете властителями неба. А вы, Мауи, вместе с матерью своей Велесии, отправитесь в Лолофонуа⁶ и будете властителями подземного мира. Я же оставляю себе страну Пулоту⁷, она будет моим владением, но вместе с тем я и впредь буду следить за всеми вами. Итак, отправляйтесь вы — на небо, а вы — в Лолофонуа!»

Так Хикулео разделил мир. С тех пор люди нашей земли уходят после смерти в страну Пулоту. Там со времени раздела мира властвует Хикулео. Не Тангалoa, стало быть, и не Мауи владеют страной Пулоту, а Хикулео.

Последним же близнецам Тоуиафутуны велено было поселиться: Голубю — Лупе — в лесу на дереве по названию «той», а Морской Змее — Тукусали — в море. Лес и море достались им при разделе мира. Настоящее имя Хикулео — Хаваеа, но его все же зовут Хикулео за длинный хвост. Хвост его покоится на земле страны Пулоту, тогда как сам он витает над всем остальным миром. Хикулео не может выбраться из страны Пулоту, — настоящее ее название — Тонга дальняя, — не может покинуть ее всем своим телом, потому что привязан к ней особой нитью. Один ее конец — на небе, у Тангалoa, другой — в Лолофонуа, у Мауи. Так поддерживается нерушимость и равновесие мира⁸.

Вот как появились божества. Немало детей породили они и те разбрелись по вселенной. Они завладели и небом и землей, завладели и всем, что есть в этом мире. Но все это началось с того, что слепились водоросль и прибрежный ил и произвели на свет каменную глыбу Тоуиафутуну, прародительницу Хикулео и великанов Тангалoa и Мауи.

141. Возникновение мира и его обитателей

На небе правил Тамапоули Аламафоа. Он правил не один, а вместе с Тангалoa-Вождем, или, как его еще называли, с Тангалoa-высокородным, вместе с Тангалoa-Строителем, тем самым, что придумал топор для сооружения лодок, и с Тангалoa-Аутолонголонго⁹.

Однажды повелитель неба Тамапоули Аламафоа, Тангалда-Вождь и Тангалда-Строитель велели Тангалда-Аутолонголонго спуститься с неба и найти землю. Аутолонголонго обернулся чайкой и полетел. Долго искал он землю и наконец увидел, что над поверхностью моря мелькает нечто вроде широкой белесой ткани. Он возвратился на небо и возвестил о том, что не нашел никакой земли. Тангалда-Аутолонголонго сказал это повелителю неба Тамапоули Аламафоа, Тангалда-Вождю и Тангалда-Строителю. Рассказал Аутолонголонго и о том, что он видел, как над поверхностью моря мелькало нечто вроде широкой белесой ткани, но что он так и не понял, земля это или рифы. Тогда вожди разрешили Аутолонголонго семь дней отдохнуть, а затем снова заставили его спуститься с неба, чтобы он выяснил, земля ли то, о чем он рассказал, или еще что-нибудь.

Прошло семь дней, и Тангалда-Аутолонголонго снова отправился вниз. Море утихло, и вся поверхность его была хорошо видна Аутолонголонго. Он снова увидел ту самую белесую полосу, похожую на ткань, и подумал, что это, пожалуй, земля. Аутолонголонго возвратился на небо и рассказал об этом. И тогда вожди сказали ему:

— Спускайся снова вниз; конечно, это земля!

А Тангалда-Аутолонголонго ответил:

— Но там еще пусто и голо и отдохнуть негде.

Тогда правитель неба Тамапоули Аламафоа и Тангалда-Вождь велели ему обратиться к Тангалда-Строителю, чтобы тот пустил с неба в море лавину пористых камней¹⁰. Тангалда-Строитель так и сделал, и из лавины пористых камней возникла земля Эуа. И Аутолонголонго спустился вниз и увидел, как с неба в море низвергаются камни. Он опять поднялся на небо и объявил, что из тех камней возникла новая земля. Тогда остальные вожди велели ему спуститься вниз еще раз, немного отдохнуть на новой земле и отправиться к старой, похожей на белесую ткань.

Долго искал Аутолонголонго старую землю и наконец увидел, как над волнами моря показалась песчаная полоска. Когда он приблизился к ней, песчаная полоска превратилась в большую широкую землю. Это была Ата, великая мать-земля.

Когда Тангалда-Аутолонголонго снова вернулся на небо, он воскликнул:

— Земля, которую я нашел, велика, но на ней нет ни единого дерева!

— Видишь вот этот плод,— сказал ему Тангалоа-Вождь.— Сорви его и посади в землю, которую ты открыл.

И Тангалоа-Аутолонголонго сорвал этот плод, спустился на землю и посадил его. И выросли из него лианы, покрывшие вскоре всю землю. Потом Аутолонголонго поднялся в небесную высь и воскликнул:

— Деревья на моей земле уже разрослись, а вот обитателей на ней нет.

И Тангалоа-Вождь и все остальные вожди неба сказали:

— Разломи стемель лианы и из отломанной части, когда она начнет гнить, возникнет червь.

Аутолонголонго разломил стемель, и из его отломанной части в самом деле возник червь. Когда Аутолонголонго возвратился на небо и сообщил об этом, вожди сказали ему:

— Отправляйся снова вниз и раздели червя пополам.

Затем вожди велели ему назвать головную часть червя Ко хаи (Кто это), а хвостовую Ко ау (Это я).

Аутолонголонго спустился вниз и своим клювом разорвал червя на две половинки. Каждая половинка превратилась в человека, а из прилипших к клюву Аутолонголонго остатков разорванного червяка возник третий человек.

Аутолонголонго опять поднялся на небо и возвестил, что из червяка возникли три человека.

— Ну что ж,— услышал он в ответ,— пусть третьего называют Момо (Остатки раздавленного).

Так появились существа, которых на островах Тонга называют невидимками или духами.

142. Крючок бога Тонги

Однажды из Лолофонуа отплыла лодка. На этой лодке ехали Мауи, которых послал Мауи Мотуа, то есть Мауи Старший, на ловлю земель. Это были Мауи Лоа, то есть Мауи Высокий, Мауи Пуку, то есть Мауи Низкий, Мауи Аталанга, то есть Мауи Строитель, и Мауи Кисикиси, то есть Мауи Маленький, сын Мауи Аталанга, то есть Мауи Строителя.

Мауи Маленький был такой сильный, как остальные три Мауи вместе. Мать этих Мауи звали Веле, что значит Искушение.

Итак, четверо Мауи плыли в лодке. Сначала они поплыли за крючком в Мануку, древнюю страну самоанцев¹¹, что далеко на востоке. Там жил со своей женой бог по имени Тонга. Бог Тонга ловил земли удочкой. Лодка пристала к берегу страны Манука. И сразу же Кисикиси выскочил на берег и побежал. Ему повстречалась женщина. Это была жена бога Тонги, того самого Тонги, что ловит земли удочкой. Кисикиси соблазнил ее. А потом она спросила его:

— С кем ты здесь?

И Кисикиси ответил:

— С Мауи, они там у лодки, на берегу.

И женщина, жена Тонги, спросила:

— А что вам здесь нужно?

И Кисикиси ответил:

— Мы хотим попросить у Тонги крючок, которым он ловит земли.

И женщина сказала:

— Тонга сейчас как раз на ловле земель; подождите, пока он вернется, а тогда уж и просите его дать вам крючок.

Женщина сразу влюбилась в Кисикиси и открыла ему то, что Тонга держал в тайне.

— Когда Тонга вернется,— сказала она,— попросите его дать вам крючок, а когда он вам предложит выбрать крючок из тех, что у него на стене, снимите самый невзрачный, старый, который висит ниже всех остальных. Не берите тот крючок, что блестит, такой ничего не стоит, им ничего не поймаешь. Поймать землю можно только старым крючком.

Мауи Кисикиси подошел к своим родичам и сказал:

— Тот крючок, что блестит, брать не надо. Надо взять старый крючок, который висит в самом низу. Так мне объяснила жена Тонги.

И вот Мауи пришли к Тонге и попросили крючок.

— Выбирайте,— сказал Тонга,— хорошие крючки висят вот здесь!

А Мауи сказали:

— Дай нам вон тот крючок.

Тонга спросил:

— Кто же это вас научил?

Он не знал, что эту тайну выдала его жена, после того как Кйсикиси соблазнил ее.

Тогда Тонга сказал Мауи:

— Ну, что ж, берите, только, когда поймаете землю, назовите ее в мою честь Тонга.

Мауи подняли паруса и поплыли дальше. Потом один из них сказал:

— Давайте закинем удочку вот здесь. Если это и вправду тот самый крючок, которым Тонга ловит земли, то мы поймаем землю; если же это не тот крючок, то мы ничего не поймаем. Тогда мы вернемся в Мануку и скажем Тонге: мы возвратились, потому что ничего не поймали.

И Мауи закинули удочки и вытащили землю и назвали ее Токелау. Когда эта земля показалась над поверхностью воды, радости Мауи не было конца. Один из них воскликнул:

— А крючок-то и вправду тот самый!

Потом Мауи переселились на эту землю. Эта земля и земля Ата тогда уже существовали, а земли Тонга еще не было. Затем Мауи отправились в страну Ата и спросили у первых трех жителей этой страны — Ко хаи, Ко ау и Момо:

— Есть ли в вашей стране женщины?

И те ответили:

— Нет, женщин у нас нет.

И Мауи снова спросили:

— А вы сами откуда появились?

И услышали в ответ:

— Нас создали боги.

И Мауи в третий раз спросили:

— А что это за боги?

И Ко хаи, Ко ау и Момо ответили:

— Это — Тангалоа.

И Мауи сказали:

— Вот вернемся мы с ловли земель в Лолофонуа и подыщем там для вас женщин, каждому по одной.

И снова Мауи отправились на ловлю земель. Они поймали землю и назвали ее Тонга, потому что они помнили, как бог Тонга сказал им: «Когда поймаете землю, назовите ее моим именем».

Затем они отправились в Лолофонуа, чтобы найти там для жителей страны Ата — Ко хаи, Ко ау и Момо — трех женщин. От них и пошел человеческий род.

А потом Мауи поймали еще много других земель: Хаапаи, Вавау, Ниуа¹², Ниума и Самоа.

143. Тангалoa и плотники

Однажды бог Тангалoa вместе со своим сыном опустился на землю. Некоторое время боги побыли на Тонга, а затем отправились на Фиджи. Там они построили себе крепость. Она оказалась необыкновенно прочной, и никто чужой не мог проникнуть в нее. Фиджийцы очень завидовали Тангалoa, что у него такие искусные плотники, и напали на крепость. Несколько раз они пытались ее захватить, но безуспешно.

Тогда один из фиджийских богов спустился с неба, чтобы тоже сразиться с Тангалoa. Этот фиджийский бог обрушил на крепость ужасный ливень, но деревянные стены не пропускали ни капли воды. А дождь лил и лил, затопляя все вокруг. В конце концов крепость сдвинулась с места и уплыла, а тех, кто ее строил, разбросало по всем странам света.

Вот почему вы повсюду можете встретить искусных плотников.

144. Происхождение кавы и сахарного тростника

На острове Эуэики жили муж и жена, которых звали Феванга и Фефафа. Их дочь Каванауа¹³ была больна проказой. Однажды Феванга пригласил к себе в гости вождя Лоау¹⁴.

Когда Лоау прибыл на Эуэики, на острове было голодно. Лишь один куст капе¹⁵ рос на участке Феванги. Чтобы накормить гостя, хозяева выкопали этот куст, разожгли земляную печь¹⁶ и положили в нее корень. А так как у них не было ничего мясного, они испекли свою дочь, прокаженную Каванауа.

Наконец угощение было готово, его вынули из печи и поставили перед Лоау. Вождь поблагодарил хозяев, но не стал есть человеческое мясо.

— Зачем вы убили свое дитя? — спросил он.

И Лоау велел похоронить Каванауа — туловище в одном месте, а голову и внутренности — в другом¹⁷. Кроме того, Лоау сказал Феванге, что над могилой поднимутся два растения, за которыми нужно будет ухаживать, а когда они созреют — привезти ему. Затем вождь попрощался и уехал к себе на Тонгатабу.

И вот из головы девочки выросла кава¹⁸, а из внутренностей — сахарный тростник. Но Феванга и Фефафа еще не знали, что это такое. Феванга присматривал за новыми растениями и однажды заметил, что возле них появилась крыса. Сначала она погрызла каву и настолько ослабела, что еле могла переставлять лапки. Но потом крыса принялась за сахарный тростник, и силы вернулись к ней. После этого крыса убежала.

Но она приходила еще несколько раз и показывала, что каву надо заедать сахарным тростником.

Когда оба растения созрели, Феванга и Фефафа выкопали их и повезли Лоау. Вождь взглянул на приношение, засмеялся и воскликнул:

— Жуйте каву, прокаженную дочь Феванги и Фефафы! Принесите ткань из кокосового волокна¹⁹, чтобы процедить каву! Принесите чашу! Приведите того, кто знает, как подбавляет пить каву, и того, кто будет прислуживать!

Так Феванга и Фефафа узнали, что это за растение.

Вот как возникла кава. Когда ее побеги вырастают, они трескаются и становятся серыми, будто кожа прокаженного. А у тех людей, которые пьют слишком много кавы, кожа покрывается чешуйками, как при проказе. Это потому, что кава появилась из тела прокаженной девочки.

145. Откуда взялась скала возле острова Тунгуа

Случилось так, что одна девушка с острова Тунгуа забеременела. Родители стали спрашивать ее, кто отец ребенка, но девушка отвечала, что не знала мужчин и сама ничего не понимает.

Когда же у нее родился мальчик, люди решили, что его отец — житель Пулоту, страны мертвых. А мальчик рос злым и жестоким и с каждым днем становился все хуже. Жители острова встревожились и начали думать, как бы им избавиться от этого мальчика.

В конце концов они посадили его в лодку и пустили в сильный прибой. Лодка зачерпнула воды, перевернулась, и мальчик утонул.

А на следующий день люди пришли на берег и увидели: на том месте, где утонул мальчик, в море появилась высокая скала.

146. Как возникли скалы Теухие и Калоафу

Рассказывают, что когда-то на горе Тапухиа жил громадный угорь²⁰. Оттуда он переселился в озеро Туфутакеле, а потом отправился в Тефиси, где жил Туи Има с дочерью.

Увидев угря, женщины разбежались, а две из них спрятались на чердаке своего дома. Угорь обвился вокруг ствола пальмы и тоже полез на чердак. Тогда женщины спрыгнули на землю и бросились бежать. Угорь погнался за ними и настиг обеих около Хаатафу, на самом берегу. Женщины бросились в море и превратились в скалы, которые теперь называются Теухие и Калоафу.

Угорь исчез тоже. Говорят, он поселился в море. А две скалы стоят до сих пор, и когда о них разбивается прибой, шум его слышен от Хихифо до Нукуалофа.

147. осьминог и крыса

Однажды птицы собрались в путешествие и позвали с собой крысу и рака-отшельника, который в те времена жил на суше. Уселись они в лодке, подняли парус и отплыли от берега. Все шло хорошо, но вдруг зимородок нечаянно проткнул дно лодки своим длинным клювом. Лодка стала тонуть, и все

птицы разлетелись. Рак-отшельник еле-еле добрался до ближайшего рифа²¹, да так и остался жить в море. И пришлось крысе одной плыть к берегу. Увидел ее осьминог, удивился и спрашивает:

— Откуда ты, крыса?

— Плыли мы под парусом,— отвечает крыса,— да зимородок продырявил клювом лодку, и она потонула.

— Садись на меня,— предложил осьминог,— я тебя доведу до берега.

Забралась крыса на голову осьминогу, и он поплыл. Вскоре они достигли острова, и крыса соскочила на землю.

— Эй, осьминог! — закричала крыса на прощание.— Посмотри-ка, что у тебя на голове.

Осьминог пощупал голову и понял, что крыса нагадила на него. Рассердился осьминог, погнался за крысой, но та спряталась в норке.

Вы, конечно, знаете, что у осьминога на голове бугорки — это и есть крысиный помет. С тех пор осьминог стал злейшим врагом крыс. Вот почему, собираясь ловить осьминога, вы делаете приманку, похожую на крысу. И осьминог бросается на нее.

148. Туи Тофуа

Туи Тофуа²² был сыном вождя Вакафуху с острова Тофуа и его жены Лангитаэтаа. Кроме нее у Вакафуху было несколько наложниц²³, но Лангитаэтаа он любил больше других.

Туи Тофуа любил играть в сика, то есть метать тростниковые копья²⁴, на кладбище, где хоронили людей Вакафуху. Это место так и называлось — «Кладбище, где мечут копья».

Когда в какой-нибудь семье, о которой заботился вождь, подрастал старший сын, Вакафуху посылал его к Туи Тофуа. Сын вождя отделился от отца, отгородил себе участок и жил там со всеми этими юношами.

Однажды Туи Тофуа и его товарищи играли в сика возле дома Вакафуху. Случилось так, что копье Туи Тофуа перелетело через изгородь и упало во двор. Наложницы вождя схватили копье, сломали его, а сами стали совращать Туи Тофуа

бесстыдными разговорами. Вакафуху в это время спал, но, услышав необычное оживление среди своих женщин, проснулся и закричал на сына:

— Ты что, не можешь играть подальше отсюда? Чего ты сюда лезешь?

Туш Тофуа глубоко оскорбили эти слова. Он удалился и немедленно начал делать лодку²⁵.

Когда лодка была готова, Туи Тофуа сел в нее вместе со своими товарищами и отплыл в море. Затем он обратился к ним с такими словами:

— Если кто-нибудь из вас хочет остаться и жить на суше, пусть вернется на берег.

Юноши ответили:

— Нет, мы все прыгнем в море и докажем, что на нашем острове еще есть мужчины!

Только один из них, самоанец, воскликнул:

— Я не прыгну за борт! Я не хочу становиться акулой. А то поймают меня рыбаки, оглушат ударом большого рулевого весла, а потом разрежут на куски, и люди будут меня есть, хлопая в ладоши от удовольствия.

И самоанцу разрешили остаться, только отрезали у него мизинец и бросили в море. И палец сразу же превратился в бурого дельфина.

А Туи Тофуа сказал самоанцу:

— Пойди к нашим родичам и скажи, чтобы они приготовили по куску тапы и сплели ожерелья из цветов. Скажи им, чтобы послезавтра они пришли на берег Сиуатама. Мы устроим там празднество.

Затем Туи Тофуа и его спутники прыгнули в море. Сам Туи Тофуа превратился в акулу-людоеда, а все остальные — в обыкновенных акул. В лодке остался один самоанец, который вернулся на остров и рассказал о случившемся.

В назначенный день родичи юношей, превратившихся в акул, пришли на берег Сиуатама с кусками тапы и ожерельями из цветов. Вскоре они увидели, что цвет моря изменился — это плыл Туи Тофуа со своими акулами. Когда они подплыли к самой земле, родичи стали подносить дары, украшать акул цветами. Но когда к воде приблизились Вакафуху и Лангитаэтаэ, Туи Тофуа отплыл подальше, — он был обижен на своих родителей и не хотел их видеть. После того как подарки были вручены, акулы ушли в море.

До сих пор жители острова Тофуа не едят акульего мяса: ведь акулы — их родичи.

Через некоторое время один из рыбьих богов, Секетоя с острова Ниуатопутапу, появился у островов Хаапан и натворил много бед. Поэтому Туи Тофуа сказал ему:

— Уходи и больше не приходи сюда делать зло!

Но Секетоя не послушался и предложил Туи Тофуа сразиться.

Туи Тофуа принял вызов, и они назначили день битвы.

И вот этот день настал, и Секетоя ринулся в бой. А Туи Тофуа собрал весь мусор с островов Тофуа, Као, Коту, Фотухаа и сам спрятался в середине огромной кучи. Секетоя налетел и проглотил весь мусор вместе с Туи Тофуа. Оказавшись в желудке врага, Туи Тофуа начал раздуваться. И когда от нестерпимой боли Секетоя запросил пощады, Туи Тофуа сказал:

— Открой рот, и я из тебя выйду.

Туи Тофуа сжался до своих обычных размеров, выбрался из внутренностей Секетоя и обратился к нему с такими словами:

— Уходи в свои владения! Помни, что я хозяин здешних островов и окружающих морей!

И Секетоя вернулся к себе на Ниуатопутапу, оставив Туи Тофуа хозяином островов Хаапан.

149. Первый Туи Тонга

Первые люди на земле были потомками червя. Из головы червя родился Ко хаи и стал первым в мире Туи Тонга²⁶.

В то время на острове Тонангакава росло железное дерево²⁷, доходившее до самого неба. Однажды по нему спустился на землю небесный вождь Тангалоа Эитаматупуа и увидел на берегу женщину, которая собирала моллюсков. Ее звали Илахева, и еще у нее было другое имя — Ваэпопуа. Небесный вождь овладел ею, а потом вернулся на небо. Несколько раз приходил он к женщине, и вот она забеременела и родила. Илахева кормила ребенка, а Эитаматупуа жил у себя на небе. Затем он еще раз спустился на землю и спросил женщину:

— Кто у нас родился — сын или дочь?

— Сын,— ответила Ваэпоуа.

И небесный вождь дал мальчику имя Ахоенту, что значит «День озарился».

И еще Тангалoa Эитаматупуа спросил женщину, какая почва на ее острове. Ваэпоуа сказала, что песчаная. Тогда вождь пообещал сбросить с неба немного глины, чтобы его сын мог слепить горку, а также семена ямса, чтобы мальчик их посадил. Небесный вождь выполнил обещание, и так появился холм Холохиуфу и ямс. И по-прежнему Тангалoa Эитаматупуа жил на небе, а Ваэпоуа с Ахоенту — на своем участке земли, который назывался Поуа.

Прошло время, и Ахоенту вырос. Однажды он спросил свою мать:

— Ваэпоуа, скажи мне, кто мой отец? Я хочу с ним повидаться.

— Твой отец живет на небе,— ответила мать,— его зовут Эитаматупуа.

— Я бы сходил на небо,— сказал Ахоенту,— но не знаю, как туда добраться.

Ваэпоуа рассказала сыну, что на небо можно забраться по железному дереву, дала ему кусок тапы²⁸, чтобы обернуть бедра, и натерла его тело кокосовым маслом²⁹.

— Но как же я найду на небе отца? — спросил Ахоенту.— Ведь я не знаю, где он там живет.

— Когда поднимешься на небо, иди по главной дороге, около нее увидишь холм, и там твой отец ловит голубей.

Ахоенту по дереву добрался до неба и пошел по главной дороге. Неподалеку, на холме, его отец расставлял силки для диких голубей. Когда небесный вождь увидел приближающегося юношу, он сел³⁰. Не зная, что это его сын, Эитаматупуа приветствовал незнакомца с глубоким уважением, как великого вождя. Ахоенту поспешил сказать:

— Ты не должен садиться, встань!

Юноша приблизился к вождю, и они потерлись носами³¹.

— Откуда ты? — спросил Эитаматупуа.

— Я с земли. Моя мать, Илахева, послала меня повидаться с моим отцом. Его зовут Эитаматупуа.

— Это я! — воскликнул небесный вождь, протянул руку к голове сына, и они снова потерлись носами. Узнав, кем они доводятся друг другу, оба заплакали.

Небесный вождь повел сына домой, предложил ему чашу

кавы и накормил его. В это время небесные сыновья Эитаматупуа играли на лужайке у дороги. Отец послал к ним Ахоеиту, сказав:

— Пойди и посмотри, как играют твои старшие братья.

И юноша отправился смотреть на игру. Те люди, которые его видели, не сводили с него глаз — так он был красив. Никто не знал, откуда он появился, но потом некоторые стали говорить:

— Мы знаем, кто он! Это — сын Эитаматупуа, он поднялся сюда с земли.

Так старшие братья Ахоеиту узнали, кто он. Заметив, что все им лобуются, они стали ему завидовать.

Небесные сыновья Эитаматупуа не могли стерпеть того, что у их отца есть еще один сын. Они набросились на Ахоеиту, разорвали его на куски и съели все, кроме головы, которую они выкинули в заросли хои. С тех пор это растение стало ядовитым, а до того было съедобным.

Тем временем Эитаматупуа собрался угостить сына и послал за ним женщину. Она пришла на лужайку, но юноши там не было. Женщина стала спрашивать:

— А где же Ахоеиту? Отец зовет его есть.

Ей отвечали:

— Он только что ушел вон туда посмотреть на игру.

Женщина обошла все места, где играют юноши, но не нашла Ахоеиту. Она вернулась и сказала об этом вождю.

Эитаматупуа, конечно, уже знал, что случилось с Ахоеиту. Вождь велел привести своих небесных сыновей и спросил их:

— Где ваш брат?

— Мы не знаем, — ответили юноши.

Тогда отец велел им принести большую деревянную чашу и срыгнуть в нее. Чаша наполнилась кровью и плотью Ахоеиту.

— А где же его голова? — спросил Эитаматупуа.

— Мы бросили ее в заросли хои, — отвечали братья.

Отец послал их за головой Ахоеиту, и они принесли ее. Голову положили в чашу, налили туда воды и насыпали листьев малайской яблони. Затем чашу поставили около дома и стали ждать. Посмотрели первый раз — мясо и кости начали сростаться. Посмотрели во второй раз — почти все уже срослось. Посмотрели третий раз — тело Ахоеиту стало совсем целым. Вскоре он поднялся, и Эитаматупуа велел привести его в дом. Ахоеиту вошел и сел перед отцом.

Затем Эитаматупуа призвал старших сыновей и обратился к ним с такими словами:

— Вы были жестоки к Ахоеиту и убили его. Поэтому я отправлю его на землю и сделаю Туи Тонга, а вы останетесь здесь.

Старшие братья уже не сердились на Ахоеиту и заплакали. А небесный вождь послал Ахоеиту на землю и сделал его Туи Тонга этого мира, первым Туи Тонга, посланным с неба. Так титул Туи Тонга был отнят у потомков червя.

Потом и старшие братья Ахоеиту сошли с неба. Это были Талафале, Матакехе, Малиепо, Туи Лолока и Туи Фолаха. Небесный вождь сказал им:

— Отправляйтесь на землю. Ты, Талафале, никогда не будешь Туи Тонга, потому что ты убийца, ты спустишься с неба и будешь зваться Туи Фалеуа. Малиепо и Матакехе, вы оба будете служить Туи Тонге. Вы, Туи Лолока и Туи Фолаха, будете править. Пусть похороны Туи Тонга будут для вас все равно что мои собственные похороны.

И они сошли на землю, исполняя веления своего отца. Потомки Ахоеиту тоже были Туи Тонга. А вот что стало с потомками его старших братьев. Потомки Талафале — это нынешние туи Пелехаке. О потомках Матакехе ничего не известно. Потомки Малиепо — это Лауаки. Туи Лолока и ныне так называются. Итак, Ахоеиту был Туи Тонга, спустившимся с неба, и верховные вожди происходят от него. Вот почему, когда кто-нибудь начинает важничать, ему говорят: «Ты что — вождь, спустившийся с неба?» Туи Тонга — это величайший из вождей. Его власть распространяется повсюду вплоть до острова Увеа³².

150. Туитатуи и черепаха Сангоне

В Пулоту жила знатная девушка по имени Хинахенги, и черепаха Сангоне была ее матерью. Однажды Хинахенги вышла к морю помыть волосы глиной. На берегу Мокутуа она стала сушить их на солнце и заснула. В это время поблизости оказался самоанец Лекапаи. Пока Хинахенги спала, он привязал ее волосы к деревьям. Потом Лекапаи крикнул:

— Девушка, встань!

Хинахенги проснулась, попыталась подняться, но не смогла. Тогда она сказала:

— Пожалуйста, отвяжи мои волосы, и я буду твоей.

Лекапаи освободил Хинахенги и стал жить с ней.

Прошло много времени. Однажды Лекапаи сказал:

— Хочется мне съездить на Самоа, повидать родителей.

— Если ты сделаешь то, что я тебя попрошу,— сказала Хинахенги,— моя мать, черепаха Сангоне, отвезет тебя.

— Я сделаю все, что ты скажешь.

— Так вот,— продолжала Хинахенги,— когда ты доберешься до Самоа, сразу же нарви кокосовых орехов, положи на циновку и дай черепахе. После этого можешь идти к своим родичам.

Но Лекапаи не выполнил обещания. На Самоа он сразу же отправился к родичам, а черепаха осталась ждать его у берега на мелководье. Утром кто-то пришел, увидел ее и сказал об этом в селении. Сбежались люди, вытащили Сангоне из воды, зажарили и съели. А потом они выкопали яму и похоронили черепаший панцирь. Во время похорон рядом с ямой стоял мальчик по имени Лафаипана, а около него оказался Лоау. В это время Лоау был на Самоа. Он искал солнце. Это был Лоау Тупутока, а не Лоау Тонгафисифонуа. Он бросил в яму орех кукуи³³. Затем он сдавил мальчику голову и сказал:

— Ох, Лафаипана, ты будешь медленно расти, медленно ты будешь расти, а в тот день, когда здесь найдут Сангоне, ты умрешь.

И Лоау отплыл на Тонга и рассказал там, что случилось с черепахой.

А потом Туи Тонга Туитатуи³⁴ послал своего старшего единокровного брата Фасиапуле на Самоа за останками Сангоне. И вот Фасиапуле приплыл на остров Савайи, к селению Сангоне. Еще на корабле он сказал своим людям:

— Никто не будет делить угощение, я сам буду делить.

Тонганцы сошли на берег. Их встретили люди из селения, и все стали пить каву. Фасиапуле сказал:

— В зарослях, ломкий, дикий, скрипучий.

Никто из самоанцев не мог понять, что это значит, и тогда послали спросить об этом у Лафаипаны. Мальчик сказал:

— Разыщите в зарослях дикий банан. Домашнего не берите! Затем возьмите молодых листьев таро и отнесите все это тонганскому вождю, чтобы он мог съесть это с кавой.

Тогда Фасиапуле сказал так:

— Пьет, хрюкает, всегда лежит.

И этого никто не мог понять, и снова послали к Лафаипане, а тот сказал:

— Найдите свинью, настолько жирную, чтобы она не могла стоять на ногах.

Разыскали такую свинью, испекли ее и подали гостям. А Фасиапуле так разделил угощение:

— И передняя нога, и задняя нога, и то, что обращено к солнцу, и то, что роется в земле,— это наша доля; все остальное — ваша доля, и ешьте ее побыстрее, а потом подойдите ко мне и послушайте, что я вам скажу.

И вот самоанцы подошли к Фасиапуле, и он спросил их:

— Вы знаете, где похоронена Сангоне?

— Нет, не знаем.

— А кто разгадал смысл моих слов?

— Мальчик по имени Лафаипана.

— Разве он еще жив?

— Да, он жив,— отвечали самоанцы.

Фасиапуле велел привести мальчика и спросил его:

— Ты — тот самый Лафаипана, которого заколдовал Лоау?

— Да, это я.

— Мы приплыли сюда по велению Туи Тонги,— сказал Фасиапуле,— чтобы найти останки Сангоне и забрать их. Ты знаешь, где ее могила?

Лафаипана ответил так:

— Мы можем хоть сейчас пойти и выкопать Сангоне, но у меня есть одна просьба. Достань сначала насест для моего голубочка, чтобы не умереть мне до этого. А потом пойдем копать.

Фасиапуле согласился.

На следующий день он поплыл на остров Ниуа и срубил там большое железное дерево. Когда Фасиапуле вернулся, мальчик спросил его:

— Что это ты привез?

— Как что? Насест для твоего голубя!

— Ну и ну! — воскликнул Лафаипана.— Да ты, оказывается, самый настоящий глупец! Разве с бревном можно переспать? Я надеялся, что ты разгадаешь мою загадку. Ведь ты озадачил всех моих друзей, и я думал, тебе понятно, что я прошу женщину.

— Прости меня, Лафаипана,— сказал Фасиапуле.— Теперь я вижу, что тебе нужно. Я старше тебя, но завтра же поплыву на Тонга и привезу кое-что, что тебя погрееет.

— Нет,— сказал мальчик.— Ты и так уже долго ездешь, и Туи Тонга может разгневаться. Пойдем и откапываем Сангоне.

И они пошли и начали раскапывать могилу. Как только в земле показался панцирь черепахи, Лафаипана умер. Тело мальчика обернули красивыми циновками и похоронили в могиле Сангоне.

А Фасиапуле забрал панцирь и отвез его Туи Тонге. Многие поколения почитали священный панцирь, и он переходил от одного Туи Тонги к другому. Когда же Туи Тонга Лауфилитонга принял христианство³⁵, он продал святыню на европейский корабль. Панцирь увезли на Фиджи и там продали. А потом король Мазакафа³⁶ разыскал на Фиджи остатки панциря и вернул их на Тонга. Они до сих пор хранятся в королевской семье³⁷.

151. Как Нганататафу привел к острову Хаано тунца

Рассказывают, что у Туи Тонги было два сына. Старшего звали Татафумеимуа, младшего — Нганататафу³⁸. Старший жил в Муа на острове Тонгатабу, младший — на острове Хаано.

И вот разнеслась весть, что на Самоа живет необыкновенная красавица по имени Хина. Татафумеимуа решил съездить и посмотреть на нее.

Вскоре он снарядился в путь и на двойной лодке³⁹ поплыл к Самоа. Когда они проходили вблизи Хаано, Татафумеимуа послал своему младшему брату приглашение сопровождать его. И Нганататафу вместе со своим слугой-фиджийцем⁴⁰ присоединился к путешественникам.

На Самоа Татафумеимуа со всеми своими людьми сошел на берег, оставив Нганататафу и фиджийца охранять лодку. Татафумеимуа опасался, что Хине может понравиться его младший брат,— Нгана⁴¹ был очень красив. Рассказывают, что у него были чудесные волосы такого цвета, какой бывает у плодов красного пандануса. Когда Нгана обнажал голову, его

развевающиеся волосы казались языками пламени. При взгляде на них женщин охватывала слабость.

Самоанцы радушно встретили гостей — предложили им каву, стали угощать тунцами, которых в те времена не было на Тонга. В первую ночь после приезда танцы не прекращались до утра. Так было и на вторую ночь и на третью. Чего только не делал Татафумеимуа, чтобы добиться благосклонности Хины! Но все было напрасно.

На четвертый или на пятый день Хина послала служанку за морской водой. Девушка пришла к тому месту, где стояла тонганская лодка. В это время Нгана и фиджиец, искупавшись, загорали на палубе. Служанка долго стояла и смотрела на Нгану, думая, бог это или человек. Затем, чтобы узнать, кто же все-таки он, девушка стала стучать своей посудинкой. Услышав стук, Нгана вскочил и поспешно обвязал бедра. Служанка совсем растерялась и, забыв про воду, бросилась бежать домой. Она немедленно рассказала Хине о случившемся.

— То, что мы слышали о Нгане, можно сказать и об этом мужчине! — воскликнула служанка.

Она говорила так потому, что весть о красоте Нганы уже дошла до островов Самоа. И Хина снова послала девушку на берег — привести незнакомца.

Тем временем Татафумеимуа, устав от долгих и бесполезных попыток завоевать Хину, спал крепким сном. Но вот пришел Нгана — и красавица сразу же отдалась ему. И когда Татафумеимуа проснулся, было уже поздно: женщиной, ради которой он сюда приехал, овладел его младший брат!

А когда тонганцы собрались домой, Хина сказала Нганатафафу:

— Если я подарю тебе красивую циновку, она через некоторое время истлеет. Какую бы вещь я тебе ни дала — рано или поздно она пропадет. Но я подарю тебе свою рыбу — тунца. Отныне раз в два-три года он будет приходить к берегам твоей земли. Я сделаю это, чтобы ты не забывал меня. А как начнешь забывать — увидишь тунца и вспомнишь снова.

Тонганская лодка отплыла от берегов Самоа. И все время за ней следовала пара тунцов. Близ острова Офоланга Татафумеимуа приказал младшему брату и его слуге-фиджийцу добираться до Хаано вплавь. Оба прыгнули за борт и поплыли, а тунцы все время держались рядом с ними. Нгана благополучно добрался до острова, но бедняга фиджиец был пло-

хим пловцом и у самого берега утонул. Вспомнив о нем, Нган вернулся к морю и увидел, что тело слуги волны вынесли на берег. С тех пор это место и называют Макуомате, что значит «Найден мертвым».

Хина сдержал обещание. И сейчас еще время от времени тунцы подходят к острову Хаано. Иногда рыбы даже выскакивают на песок. Это единственное место на всем Тонга, где тунцы подходят вплотную к суше. Но после того, как на берег выйдет Туи Хаангана — верховный вождь острова — рыба сразу же уходит в море. Вожди острова — прямые потомки Нганатафу. А тунцы приходят к Хаано только для того, чтобы напоминать им о любви красавицы Хины с островов Самоа. И берег, к которому подходят тунцы, носит самоанское название Алеипата.

152. Такалауа и его жена Улукихелупе

Родители Улукихелупе были родом из Хаапулоу. Мать звали Финемее, отца — Сивао.

Когда Финемее была беременна, ей захотелось отведать мяса птички ваке⁴². Но его не нашлось, и женщина попросила испечь ей голубя, хотя он считался их богом и поэтому был табу⁴³. И Финемее съела голубя.

Спустя некоторое время вождь Матауваву отправился на остров Вавау. В его большой лодке была и Финемее с мужем. В пути из-за неблагоприятного ветра пришлось бросить якорь у острова Ата и прождать там довольно долго.

И вот во время стоянки, ночью, у Финемее случились роды. Сразу же после этого она сказала мужу:

— Ты знаешь, я родила голубя.

— Как так голубя? — удивился Сивао.

— Это девочка, — пояснила жена, — но с голубиной головкой. Скажи, что нам делать? Утром люди увидят ее, и мне станет стыдно.

Муж сказал:

— Если ты, мать, говоришь так, то какво мне? Я ведь тоже буду стыдиться людей. Уж лучше было родить мерт-

вого! ⁴⁴ И сейчас, пока темно, давай я куда-нибудь брошу этого ребенка.

Сивао взял девочку и закопал в кучу мусора. А утром лодка вождя Матаувавау поплыла дальше, и муж с женой уехали.

Вскоре к месту стоянки подплыли на своей лодке двое местных жителей. Это были муж и жена, которых звали Ахе и Тофуэ. Услышав, что в куче мусора что-то пищит, Ахе сбросил ее и увидел ребенка, завернутого в кусок тапы.

— Посмотри-ка,— удивился Ахе,— ребенок с голубиной головкой!

— Жестокие люди, убийцы! — воскликнула Тофуэ.— Они бросили дитя потому, что оно похоже на духа!

— Давай возьмем его,— предложил муж,— и посмотрим, что из этого выйдет.

И Ахе с Тофуэ взяли брошенную девочку себе. Они ее вымыли, натерли кокосовым маслом, покрасили куркумой и накормили разжеванными жареными кокосами. Они заботились о девочке и растили ее. Прошло четырнадцать лет. За это время голубиная голова постепенно превратилась в человеческую, и девушка стала такой красавицей, что равных ей невозможно было найти.

Однажды Туи Тонга Такалауа ⁴⁵ послал лодку «Нукумеа» к рыбаку Хеле. Тот должен был к следующему утру наловить рыбы, иначе, предупредил Такалауа, Хеле и все его люди будут казнены. И Хеле со своими рыбаками отправился на ловлю к острову Ата.

Когда они подплыли к острову, приемная дочь Ахе и Тофуэ купалась. Увидев рыбаков, она побежала домой и спряталась. А Хеле распорядился:

— Кончай ловить рыбу! Лучше мы поймаем эту девушку и отвезем ее в жены Туи Тонге.

Прошло два дня, но рыбакам так и не удавалось снова увидеть ее. Тогда Хеле сказал:

— Надо ехать к Туи Тонге и сообщить ему об этой красавице.

И вот рыбаки прибыли к Туи Тонге. Такалауа, разгневанный их долгим отсутствием, собрался казнить всех рыбаков. Но Хеле сказал:

— Сначала дай нам объяснить, почему мы задержались, а потом казни.

— Хорошо, говори, да только побыстрее,— согласился Такалауа.

Хеле начал говорить:

— Повелитель, мы нашли девушку необычайной красоты. На всем Тонга нет подобных ей. Она достойна лишь самого Туи Тонга.

И рыбак рассказал все, как было. Такалауа перестал гневаться и сказал:

— Поезжайте и скажите Ахе и Тофуэ, чтоб они отдали девушку мне. Если же они откажутся, свяжите их крепкими веревками и утопите в море, а красавицу привезите.

Хеле снова поплыл на Ату и передал Ахе и Тофуэ повеление Туи Тонги.

— Хорошо, забирайте ее,— сказал Ахе,— только, прошу вас, подождите, пока она искупается и оденется.

— Ладно,— согласился Хеле,— но пусть она не мешкает!

Девушка умылась соком плода кукуи, искупалась, натерлась кокосовым маслом и надела набедренную повязку⁴⁶. Затем ее повели на лодку, а Ахе с Тофуэ, стоя на берегу, плакали и кричали:

— Прощай, наша любимая Улукихелупе, прощай!

Так Хеле узнал имя девушки.

И Улукихелупе привезли к Туи Тонге. Она была столь прекрасна, что, увидев ее, Такалауа выронил барабан⁴⁷, в который стучал. И он спросил Хеле:

— Как ее зовут?

— Улукихелупе,— ответил рыбак.— Когда родители ее провожали, они кричали: «Прощай, Улукихелупе».

Так Улукихелупе стала женой Туи Тонги. Вскоре она забеременела и родила сына, которого назвали Каулууфонуа⁴⁸.

ЗАПАДНОЕ САМОА

153. Савеасиулео

На самом западном краю Самоа, на острове Савайи в селении Фалеалупо, жили когда-то муж с женой, которых звали Мули и Мули. Их первенцем был морской угорь¹. Ему дали имя Савеасиулео. С первого же дня он, как и все угри, стал жить в море. А четверо его младших братьев родились и росли в родительском доме на самом берегу океана. Когда кто-нибудь из мальчиков заплывал в море, Савеасиулео хватал и проглатывал их. Так погибли все четыре брата. И тогда Мули и Мули решили переселиться в глубь острова, на холм Алао. Там у них родился еще один сын, которого называли Улуфануасеси. Мальчик рос сильным и смелым.

Однажды он забрался на дерево и увидел вдалеке много-много голубой воды. Улуфануасеси немедленно побежал к отцу с матерью и рассказал им о своем открытии. А те объяснили сыну, что он увидел океан. Тогда мальчик взял сосуд из скорлупы кокосового ореха и спросил:

— Можно я сбегаю и принесу воды из океана?

— Иди,— ответили ему Мули и Мули,— только будь осторожен.

И они рассказали сыну, как его брат-угорь проглотил четырех других братьев. Это было страшно, но Улуфануасеси все-

таки очень хотелось подойти к океану поближе. И вот он пришел на берег и стал наполнять сосуд соленой морской водой. В это время из пучины поднялся Савеасиулео. Угорь широко раскрыл пасть, собираясь проглотить своего младшего брата. Но тот заметил опасность и отскочил от воды. Забравшись на скалу, Улуфануасеси закричал:

— Ты уже сожрал четырех братьев, но тебе все мало! Хорошо, иди и ешь теперь самого младшего!

Савеасиулео стало стыдно, и он сказал:

— Да, я вижу, что поступал плохо. Возвращайся к нашим родителям, я тебя не трону. А я покину эти места и найду себе другие владения. Но знай, что когда-нибудь мы встретимся и соединимся через наших потомков.

Братья расстались, и Савеасиулео снова погрузился в глубины океана. Но Улуфануасеси не вернулся к родителям, а поплыл вслед за братом. Около селения Тафуа, в восточной части острова, Улуфануасеси вышел на берег, а угорь поплыл дальше.

Улуфануасеси остался в Тафуа и женился на Синалетафуа. Детей у них не было. Тогда юноша оставил жену и уплыл на остров Уполу. Там, в селении Фалелатаи, он женился на дочери верховного вождя, и новая жена родила ему двух сросшихся девочек-близнецов². Их нельзя было разделить, и поэтому они оставались безымянными.

Так как это были внучки верховного вождя, был отдан приказ, чтобы в селении соблюдалась полная тишина, пока они спят. Но вот однажды мужчины принесли из лесу вязанки хвороста и сбросили их на землю. Этот шум разбудил и напугал спящих сестер. Они вскочили, бросились бежать к океану — и оторвались друг от друга. Обе уплыли далеко-далеко и вышли на берег у селения Самамеа. Там в это время женщины готовили легу — желтый куркумовый порошок. Сестрам-близнецам тоже дали. Однако девушкам показалось, что им дали мало, и они так об этом и сказали. В ответ старшая из женщин воскликнула:

— Может быть, и мало, но ведь это куркума!³

Затем близнецы поплыли дальше на восток. В открытом океане между островами Уполу и Тутуила им попались сломанная мачта и сверток из листьев хлебного дерева. В память об этом сестры решили взять себе имена — ведь у них до сих пор еще не было имен. И они стали называться Таэме (Сло-

манная Мачта) и Тилафаинга (Сверток Из Листьев Хлебного Дерева) ⁴. Девушки достигли острова Тутуила и вышли на берег в местности Тапутапу. Там они натерлись куркумой, которую им дали в Самамеа, но желтого порошка не убавилось, а прибавилось. Тогда сестры высыпали куркуму, но ее становилось все больше и больше. И поныне земля там чисто желтого цвета. Это место все знают, оно так и называется — Лега-о-Таэме, что значит «Куркумовый порошок Таэме».

Здесь близнецы расстались. Тилафаинга стала женой Моамоаннума, сына верховного вождя Фатуталие из соседнего селения Фагалии. А Таэме одна поплыла дальше на восток.

За островом Аунуу она случайно встретила своего дядю — угря Савеасиулео и стала его женой. Увлекаемые ветрами и течениями, они вдвоем поплыли далеко-далеко на запад, в Пулоту ⁵. Так сбылось предсказание Савеасиулео.

Единственным ребенком угря и Таэме была девочка, родившаяся преждевременно. Ей дали имя Нафануа, что значит «Укрытая В Земле», и похоронили среди вождей Пулоту.

154. Дочь верховного вождя — Нафануа

На самом западном краю Самоа, на острове Савайи в селении Фалеалупо, жил когда-то вождь Таии. Он был знаменит среди воинов Леаза-Сисифо. Но вот однажды после долгой и кровавой битвы между ними и воинами Леаза-Сасаэ Таии и его воины признали себя побежденными и сдались в плен. Враги обратили их в рабство и послали на тяжелые работы.

В столь бедственном положении, страдая от невыносимых мук, пленному вождю только и оставалось, что стонать да вздыхать. Говорят, его стоны доносились до всех западных островов и тревожили обитателей далекого Пулоту. Это сразу же стало известно повсюду, и с тех пор и пошла поговорка: «Стоны вождя Таии слышны в Пулоту». Эти стоны услышала и дочь вождя — Нафануа ⁶, которая лежала в могиле на кладбище вождей в Пулоту. Не медля, она попросила у вождей Пулоту позволения выручить из беды Таии и его воинов. Правитель Пулоту согласился, и дочь вождя стала собираться

в путь. Правитель положил перед ней три палицы⁷ и предложил выбрать одну из них. У всех палиц были имена, данные им когда-то в сражениях. Вот эти имена: Фааулито, что значит «Пощады Не Будет», Улима-Сао, что значит «Она Тебя Защитит», и Тафасилафай, что значит «Будь Благороден В Бою». Дочь вождя выбрала третью палицу и выступила в поход.

В селении Фалеалупо на Савайи дочь вождя встретили два воина, которых звали Матуна и Матуна. Они предложили свои услуги, и Нафануа приняла их. Больше никого не взяла она в свой отряд. Затем дочь вождя приказала обоим воинам засесть по одну сторону главной дороги, а сама засела по другую сторону. Перед началом сражения Нафануа сказала своим воинам:

— Будьте благородны в бою. Если враг сдался, щадите его.

И еще дочь вождя сказала:

— Оставайтесь на своей стороне дороги. Не перебегайте дорогу, когда будете гнать врага.

Битва началась. Все шло хорошо, пока Матуна помнил приказания дочери вождя. Но потом в пылу боя он забыл о них и перебежал дорогу, преследуя одного из вражеских воинов. Чтобы заставить Матуну подчиниться, дочери вождя пришлось обратить свое оружие против него. С тех пор, когда хотят сказать, что послушанию надо учить, люди говорят: «Палица Нафануа бьет и по своим». В конце концов дочь вождя победила, и вождь Таии вместе со своими воинами был освобожден.

Так сбылось еще одно предсказание ее отца, угря Савеа-сиулео.

155. Акула и черепаха

На острове Савайи, в селении Салега, жила когда-то слепая старуха по имени Фонуза, и была у нее единственная дочь, которую звали Салофа. Однажды во всей округе наступил страшный голод. В Салеге тоже нечего было есть. В один из этих дней родичи Фонуза стали печь клубни ямса, которые собрали накануне в лесу. Дожидаясь, пока еда будет готова, и втягивая вкусный дымок, слепая Фонуза вместе с дочерью сидела в сторонке. Когда же дым исчез, она догадалась, что

камни уже раскалились⁸; ямс накрыли и поставили париться. Подождав некоторое время, старуха спросила дочь:

— Посмотри-ка, не несут ли нам нашу долю?

— Нет,— ответила Салофа.

Много раз Фонуэ спрашивала об этом, и каждый раз Салофа отвечала «нет». Наконец старуха поняла, что родичи бросили ее вместе с дочерью умирать голодной смертью. Отчаявшись, слепая Фонуэ велела дочери отвести ее к морю. И Салофа привела мать на морской берег. Став на край скалы, старуха крепко ухватила дочь и воскликнула:

— Прыгай со мной!

Мать с дочерью бросились в морские волны и сразу же превратились одна в акулу, а другая в черепаху. Затем они поплыли на восток, подалше от своих злых родичей.

Долго плыли они и наконец достигли селения Ваитоги на острове Тутуила. Мать и дочь вышли на берег и снова приняли человеческий облик. Возле Ваитоги им повстречался верховный вождь Летули и его люди. Вождь радушно принял женщин. В его доме для гостей Фонуэ и Салофу хорошо накормили и одели. Мать и дочь как следует отдохнули и набрались сил. Они были очень благодарны Летули за его гостеприимство, и Фонуэ сказала ему:

— Мы с дочерью вернемся в море и останемся жить под скалой у вашего селения. Когда ты захочешь, мы будем выплывать на поверхность и развлекать тебя танцами. А ты запомни песню, которой нас можно вызвать.

И Фонуэ спела вождю эту песню.

Летули поблагодарил за оказанную ему честь. Он тут же велел объявить всем жителям селения, что его гости— акула с черепахой будут жить в море под скалой. Тот, кто их убьет, обидит или хотя бы проявит неуважение к ним, совершит тягчайшее преступление.

И вот Фонуэ и Салофа снова приняли облик акулы и черепахи и поселились в море под скалой Ваитоги. Они прожили там много-много лет и всегда выплывали на поверхность, услышав песню, которую старуха спела верховному вождю Летули:

Фонуэ, Фонуэ, поднимись из морской пучины!
Видишь — люди вождя Летули пришли посмотреть на тебя,
Посмотреть на забавную вашу игру
И приветствовать вас.

Обычно, когда акула с черепахой показываются на поверхности, люди трижды кричат «Лалелеи!», что значит «Прекрасно, прекрасно!» При этом не полагается указывать пальцем ни на акулу, ни на черепаху: Фонуза и Салофа могут вспомнить о том, что они пережили в далеком Салега. Тогда они опечалятся и уплывут в глубину моря. И когда жители селения водят сюда гостей, они их об этом предупреждают.

В Ваитоги бывает много людей со всего света. Лучшие певцы и музыканты играли и пели над скалой, но до сих пор акула с черепахой выплывают на звуки только одной песни — той, что была сложена для верховного вождя Летули.

156. Любовь змея

Это история Тафитофау и его жены Онгафау. Однажды Онгафау родила змея. Змей быстро рос и становился все больше и больше. Сперва он занимал угол хижины, а потом заполнил и всю ее.

В другой деревне жила старая женщина со своими дочерьми. Они голодали. Женщины слышали про змея, и однажды старшая дочь сказала младшей:

— Дай-ка мне надеть красивую юбку⁹, я хочу стать женой змея. Тогда я смогу позаботиться о еде, и вы не будете больше голодать.

— А ты не боишься? — спросила сестра.

— Нисколько.

— Ну иди!

Сина (так звали девушку) отправилась в путь. Вот она добралась до хижины Тафитофау и Онгафау. Ее приветливо пригласили войти и спросили, чего она хочет. Девушка ответила на приветствия и сказала, что хочет стать женой их сына.

— Как? А ты не боишься? Ведь он не человек! — сказал Тафитофау.

— Пусть только он придет, и я останусь с ним.

— Ну ладно, подожди, он скоро должен вернуться.

И правда, вскоре вернулся змей. Когда он вползал в хижину, то все время смотрел на Сину, не отрывая глаз.

— Только не испугайся,— просили старики.

Змей вползал медленно-медленно, а девушка оставалась спокойна. Он сворачивался кольцами, сначала занял угол хижины, а потом в ней не осталось свободного места.

Сина вышла и нарвала листьев кокосовой пальмы. Она сплела из них корзину и, поднимая кольцо за кольцом, посадила в нее змея. Потом поставила корзину на плечи и отправилась с ней купаться. Сина шла долго и наконец добралась до реки. Она спрятала корзину в кустах и пошла искать дикие апельсины. Между тем змей высказал свое заветное желание:

— Если бы у меня было человеческое тело, чтоб я мог ответить на любовь Сины!

Не успел он произнести эти слова, как змеиная кожа исчезла и он превратился в человека.

Когда вернулась Сина, над водой на камнях сидел красивый благородный юноша. Она не заметила его и пошла купаться.

Юноша сказал ей:

— Милая девушка, будь добра, дай мне немного кокосовых волокон, я буду ими мыться.

Сина подумала, что это змей разговаривает с ней, и сказала:

— Возьми, мне не жалко. Но мне совсем не хочется мыть тебя кокосовыми волокнами.

После купания Сина вышла на берег и заглянула в корзину, которую оставила в кустах. Корзина была пуста. Сина стала плакать и искать змея в зарослях. Но его нигде не было.

Вдруг она заметила юношу:

— Скажи-ка, ты не видел змея?

— Нет. Я никого не видел.

— Это неправда!

— Да, я видел его. Он уполз в лес.

Сина снова стала искать, но юноша крикнул ей:

— Вернись, ведь это я!

Сквозь слезы Сина ответила:

— Неправда, ты совсем не похож на змея.

Тогда юноша взял ее за руку:

— Пойдем, это я. Мне очень хотелось иметь человеческое тело, чтобы ответить на твою любовь. Это я и есть, только в человеческом облике.

Они вернулись домой.

— Где змей? — спросили родители.

— Вот он, — сказала девушка и показала на юношу.

— Ты лжешь, это неправда, ты выбросила его! — кричали

Тафитофау и Онгафау.

Тогда юноша сказал:

— Сина права, это я, я пожелал принять человеческий облик, чтобы ответить на ее любовь.

Родители и все их родичи были очень рады. Через некоторое время Сина родила мальчика, и все зажили вместе в доме Тафитофау и Онгафау.

157. Нора крокодила

Это история Сафеа и Фалангауа, которые жили на Самоа. У них было десять мальчиков: Десять, Девять, Восемь, Семь, Шесть, Пять, Четыре, Три, Два и Один. После них родилась еще девочка, ее звали Сина.

Однажды все они пошли в соседнюю деревню поиграть с детьми. Они стали бросать палки. Сперва забросили они свои палки в лес, и палка Сины пролетела дальше всех. Потом они бросили палки к берегу, и снова палка Сины пролетела дальше всех и упала в нору крокодила. Сина побежала за палкой и попросила крокодила:

— Пожалуйста, верни мне палку!

— Иди сюда и сама забери ее, — ответил крокодил.

Но когда Сина спустилась в нору, вход за ней закрылся и она оказалась в плену.

Тогда Десять, ее старший брат, подошел к норе и сказал:

— Сина, что с тобой? Иди сюда, я уже собираюсь домой.

— Ах, Десять, мой любимый брат Десять! Когда ты придешь к родителям, расскажи им, что я сижу в норе у крокодила и не могу выйти!

Десять ушел. Сафеа и Фалангауа спросили его:

— Десять! Где Сина?

— Она сейчас придет, она в лодке у брата Девять, — ответил он.

Затем подошел к норе Девять и сказал:

— Сина, что с тобой? Иди сюда, я уже собираюсь домой.

— Ах, Девять, мой любимый брат Девять! Когда ты придешь к родителям, расскажи им, что я сижу в норе у крокодила и не могу выйти.

Девять ушел. Когда Сафеа и Фалангауа спросили его, где Сина, он ответил:

— Сейчас она придет, она в лодке у брата Восемь.

Так было и с другими братьями. Наконец к норе подошел самый младший брат, Один, и сказал:

— Сина, что с тобой? Иди сюда, я уже собираюсь домой.

— Ах, Один, мой любимый брат Один! Когда ты придешь к родителям, расскажи им, что я сижу в норе у крокодила и не могу выйти.

Один сразу понял, что нужно делать, и залез на панданус, что рос у норы. Он стал кричать, как летучая собака: «Люли, люли, люли!» — и бросать плоды пандануса к норе. Сина услышала стук падающих плодов и попросила:

— Дорогой крокодил, открой, пожалуйста, нору, здесь очень жарко!

Крокодил приоткрыл вход. Сина увидела перед норой множество рассыпанных плодов.

— Дорогой крокодил, там так много красивых плодов, разреши мне собрать их, я сделаю себе ожерелье.

— Гм, гм, а зачем? Ты хочешь от меня убежать?

— Нет, нет, я не собираюсь, но если ты думаешь, что я хочу убежать, то достань веревку и привяжи меня за ногу.

Крокодил привязал ее за ногу, и она вышла. Но как только она выбралась из норы, крокодил крикнул:

— Сина, ты хочешь убежать от меня?

— Нет, нет, я только соберу плоды.

Один отвязал Сину, крепко привязал конец веревки к пальме, и они убежали.

Так как Сина долго не возвращалась в нору, крокодил стал звать ее и сильно потянул за веревку.

— Я тебя втащу за ногу! — крикнул он и так дернул за веревку, что пальма свалилась. Она упала и убила крокодила.

А Сина и ее брат прибежали домой. Они рассказали, что с ними случилось. И тогда Сафеа и Фалангауа сказали остальным детям:

— Теперь ясно, что вы не любите свою сестру. Почему же мы должны начинать счет с десяти? Отныне будем считать с одного!

158. Сина

Жили как-то муж с женой. Звали их Тафитофау и Онгафау. У них было двое детей, два мальчика: Тулифаунаве и Тулауэна. Они выросли и были очень красивы.

В это же время жила одна девушка по имени Сина. Везде и всюду только и говорили о неземной красоте девушки. Многие юноши добивались ее руки. И вот оба брата тоже отправились попытать счастья. Они зажарили свинью, но не съели ее, а угостили родителей. С собой они взяли только маленькую косточку.

Они добрались до дома, где жила Сина. Там собралось много знатных юношей. Это были сыновья вождей. Каждый хотел привести красивую девушку к себе домой, и, чтоб завоевать ее сердце, каждый приготовил ей подарок.

— Я подарю тебе свинью,— говорил один.

— Я подарю тебе курицу¹⁰,— говорил другой.

В дом Сины принесли много красивых вещей.

— Я захватил с собой свиную косточку,— сказал Тулауэна.

— Прекрасно! Садись рядом,— сказала девушка,— и мы съедем твоё угощение.

Женихов очень задело то, что Сина всем подаркам предпочла жалкую кость.

Вечером, когда пришло время ложиться спать, Сина принесла каждому юноше по циновке, а свою постелила себе и Тулауэне. Когда все крепко заснуло, Сина и Тулауэна тихо поднялись и убежали.

Они стали жить вместе. Но Тулифаунаве завидовал младшему брату и задумал хитростью известить его.

Однажды он предложил брату:

— Пойдем со мной, наловим бонитов, чтоб дома была еда.

Брат согласился. Но прежде чем уйти, он сказал жене:

— Сина, подойди ко мне. Мне кажется, что я умру. Если ты увидишь, что прибор станет красным, значит я мертв. То-

гда оставь дом и иди и ищи, ищи меня всюду, пока не найдешь. Но если прибой будет, как обычно, белым, значит я жив.

Он простился с женой, и братья огправились ловить бонитов. Сина все время шла за ними на некотором расстоянии. Потом она села на берегу и стала следить за прибоем.

Лодка вышла далеко в море. Тулауэна спросил:

— Зачем нужно идти так далеко в море, ведь вокруг много рыбы.

— Гребни, нам нужно добраться туда, где водятся одноглазые бониты.

Наконец далеко-далеко в открытом море они наловили так много бонитов, что лодка чуть не утонула. Они решили вернуться.

Когда лодка плыла мимо рифов, Тулифаунаве стал резать рыбу на куски. Он бросал куски брату и кричал:

— Держи! Лови!

И Тулауэна ловил. Но один раз брат бросил нарочно плохо, и кусок пролетел мимо, прямо в море. Он крикнул:

— Эй! Быстро прыгай и достань кусок!

— Что ты! Поедем, ведь в лодке достаточно рыбы!

Но Тулифаунаве настаивал на своем. Тулауэна прыгнул в воду и схватил упавший кусок. А когда его спина показалась из воды, Тулифаунаве проткнул брата копьем¹¹.

Так умер Тулауэна. Тулифаунаве вернулся домой и радовался, что теперь Сина будет его женой¹².

Когда Сина увидела, что прибой окрасился в красный цвет, она поняла, что ее муж мертв. Она встала и пошла его искать, как он велел. Она искала его всюду, но нигде не находила. Наконец встретила она голубя и спросила его:

— Голубь, о прекрасная птица, выслушай меня и скажи, не проходил ли здесь мой возлюбленный?

Голубь зло ответил:

— Какая-то свинья разговаривала здесь со мной, потом ушла.

— За то, что так плохо говоришь о моем муже, я накажу тебя. Видишь этот тяжелый камень? Отныне ты всегда будешь носить его на носу.

Вот как у голубя появился нарост на клюве¹³.

Сина шла дальше и встретила пурпурную курочку¹⁴. Она пожаловалась ей.

— Иди этой дорогой. По ней только что прошел мужчина, — ответила курочка.

— За то, что ты так приветлива со мной, я подарю тебе перья со своей повязки и воткну их тебе под клювом.

Так она и сделала.

Она пошла дальше и встретила маленького белого голубя. Сина спросила его о муже. Белый голубь ответил:

— Он уже здесь прошел.

— За то, что ты был так добр ко мне, я подарю тебе свой белый платок, и ты будешь носить его на груди.

И она подарила голубю свой платок.

Сина отправилась дальше и пришла к сизому голубю. Она сказала ему:

— Сизый голубь, выслушай меня и скажи, не проходил ли здесь мой возлюбленный, мой муж?

— Он только что прошел здесь, — ответил сизый голубь.

— За то, что ты так приветлив со мной, я дарю тебе пучок красивых перьев: свою красную повязку — для твоего клюва и свою белую повязку — тебе на грудь.

И она подарила ему свои повязки.

Сина пошла дальше и встретила попугая. Она пожаловалась ему на судьбу.

— О красавец попугай, — обратилась она к нему, — выслушай меня и скажи, не проходил ли здесь мой возлюбленный, мой муж?

— Иди все время вперед, пока не дойдешь до почтенной Матамолали. Держись там твердо и ударь ее по лицу листом кокосовой пальмы.

— Ты так добр, что я дарю пучок красных перьев тебе на грудь, ожерелье — тебе на клюв, а свою коричневую повязку — на хвост. Я разрешаю тебе также есть кокосовые орехи и сладкие лесные плоды.

Сина отправилась дальше и пришла к почтенной Матамолали. Сина держалась твердо и ударила ее по лицу листом пальмы.

— Кто это такой невоспитанный в Самоа, что бьет меня по лицу?

Сина ответила:

— Я хочу только спросить, знаешь ли ты, где мой возлюбленный?

Женщина спросила:

— Кто это — твой возлюбленный?

— Мой умерший муж.

— Иди в дом, а я отопру и поищу.

Матамолали ушла и открыла живую воду, а мертвую воду закрыла. Перед ней вереницей прошли красивые и знатные юноши и девушки, а в конце — юный Тулауэна. Матамолали подошла к нему и сказала:

— Дай мне свое ожерелье.

Когда Тулауэна протянул руку, женщина крепко схватилась за нее. Затем она ударила юношу и окунула его в живую воду. Тулауэна воскликнул:

— Дай мне жизнь!

Женщина сказала:

— Ты будешь жить!

— А куда пойдут другие?

— На запад!

— А другие?

— На восток!

— А другие?

— На землю!

— А другие?

— В море!

— А другие?

— Вверх!

— А другие?

— Вниз! А ты пойдешь со мной!

Они пошли к дому Матамолали. Когда Сина услышала, что они приближаются, она вскочила и спряталась.

Матамолали сказала:

— Девушка, принеси-ка тапы ¹⁵ на платье для вождя: его одежда совсем промокла.

Сина сорвала с себя юбку и бросила женщине.

Когда Тулауэна увидел ее, он щелкнул языком.

Матамолали спросила:

— Что это значит? Почему ты щелкаешь языком?

— Мне нравится эта тапа. Она очень похожа на ту, что носит моя жена Сина.

Матамолали ответила:

— Правда? Но это моя тапа! — И она снова обратилась к Сине:

— Дай мне гребень расчесать волосы вождя.

Когда Тулауэна увидел гребень, он снова шелкнул языком.

— Что это значит? Почему ты шелкаешь языком?

— Он очень похож на гребень моей жены Сины!

— Правда? Но это мой гребень!

Тулауэна замолчал и не говорил больше ни слова. Он был опечален тем, что все вещи были похожи на вещи Сины.

— Сина! Иди сюда, покажись своему мужу, который заболел от любви.

Сина выскочила из своего укрытия и обняла мужа. Они плакали и радовались встрече.

С тех пор они стали жить у Матамолали. У Сины было много детей, Матамолали относилась к ним как к своим. Она была добра к Сине, Тулауэне и их детям.

Вот и вся история о Сине.

159. Крыса и летучая собака

Жила однажды крыса. Ей очень хотелось иметь крылья, такие, как у летучей собаки. Но это легко пожелать, а исполнить трудно.

Каждый день собака летала. А крыса, такая мудрая, должна была ползать по земле. Крыса думала, как обмануть собаку, и все поглядывала на дерево, плоды которого та очень любила. Она заметила, что летучая собака предпочитает плоды одного дерева всем остальным. Их называют нгатаэ или ало ало. Крыса целыми днями смотрела, как собака лакомилась этими плодами.

И крыса решила: «Поднимусь-ка туда, где сидит летучая собака».

Ей удалось подняться на дерево. Но как только она заговорила, собака тотчас улетела прочь и устроилась на другом дереве. Его плоды она тоже любила. Крыса спустилась вниз и вскарабкалась на другое дерево. Собака заметила ее и хотела улететь.

Но крыса крикнула ей:

— Не улетай! Ничего, что это не твое, а мое дерево. Подожди, мне хочется с тобой поговорить.

— Ладно, я подожду, но что это у тебя за дело? О чем ты хочешь поговорить?

— Скажи, пожалуйста, почему ты без моего разрешения ешь плоды моего дерева? Только я могу есть их.

— Ты права, крыса, извини меня.

А крыса продолжала:

— Я не сержусь на тебя, напротив, я предлагаю дружбу. Я не буду тебя прогонять, прилетай сюда, пожалуйста, и ешь сколько хочешь.

— Ладно,— отвечала собака,— будем друзьями.

Вскоре крыса сказала:

— А тебе не страшно, когда ты летаешь высоко в небе? Когда я смотрю вверх, мне очень хочется туда, где ты летаешь.

— Нет, крыса, мне не страшно.

— Это правда?

— Я не из робких.

— Если б мне когда-нибудь это удалось! Будь добра, одолжи мне твои крылья. Мне хочется научиться летать. А заодно я проверю, настоящий ли ты мне друг.

— Я охотно одолжу тебе крылья, и ты увидишь, как хорошо летать! Но не летай далеко!

— Нет, я только долечу до дерева и вернусь обратно. А ты тем временем угощайся плодами.

Летучая собака сняла с себя крылья и надела их на крысу.

— Возьми мои вещи на сохранение, они мне будут мешать,— сказала крыса и отдала собаке хвост и четыре ноги.

Собака еще раз напомнила:

— Возвращайся скорее, крыса!

— Ладно, я скоро вернусь, оставайся здесь и ешь досыта.

Крыса улетела, а собака ела плоды и видела, как крыса летела все дальше и дальше. Собака поняла, что крыса не собирается возвращаться, заплакала и стала жаловаться:

— Ауэ, ауэ! Крыса меня обманула. Она улетела с моими крыльями.

Такова история летучей собаки, у которой украли крылья и которая поэтому теперь живет на земле. А крыса с тех пор называется летучей собакой. Об этом есть даже поговорка, которую вспоминают, когда один вождь проведет другого: «Разве ты не знаешь, как дружили крыса с летучей собакой?»

160. Саналала

На северной стороне острова Савайи, в местности Сафоту, в маленьком, удаленном от берега селении Паиа, жил вместе со своей семьей человек по имени Самаусаутеле. Родом он был с одного из островов, лежащих к западу от Самоа. Его лодку принесло течениями к острову Савайи, и Самаусаутеле поселился среди самоанцев. Он женился на дочери одного из вождей из селения Паиа, и вскоре у него родился сын, которому дали имя Тауматаму.

Когда Тауматаму подрос и стал юношей, он совершил путешествие в маленькое селение Ваиваи, которое находится в местности Туфу, в южной части острова. Там он встретил Муалепусо, дочь Мапуса. Девушка понравилась ему, и Тауматаму на ней женился. Пока не родился первенец, Тауматаму жил у родичей Муалепусо, а потом вместе с женой и сыном отправился на родину.

Путникам пришлось заночевать в прибрежном селении Фонгапоа. Как раз в это время там оказалась Фитимаупалонга, женщина-вождь с острова Тонга. Она приплыла на Савайи, чтобы найти себе мужа среди самоанских вождей¹⁶. Большая лодка Фитимаупалонги стояла на якоре, а паруса были разложены на берегу для просушки. Тонганцы заняли все дома в селении, и Тауматаму с его спутниками пришлось провести ночь под открытым небом¹⁷. Они спали на плетеных парусах тонганской лодки, которые сушились на берегу. Рано утром путники отправились дальше, но в спешке забыли ребенка. Завернутый в циновки, он крепко спал. Муалепусо со своими слугами и служанками, которые несли все вещи, намного опередила мужа и его людей. Тауматаму шел налегке, сопровождаемый толпой красивых юношей. Ими любовались жители всех селений, которые они проходили. Наконец и муж, и жена, и все их люди остановились в селении Амоа, где решили заночевать. Только тут отец и мать хватились, что ребенка с ними нет. До этого Тауматаму был уверен, что мальчик с матерью, а Муалепусо думала, что его несет отец. Обнаружив, что сына нет, Тауматаму поспешил обратно в Фонгапоа.

Там он увидел, что тонганцы уже подняли паруса и вот-вот отплывут. Тауматаму почтительно обратился к Фитимаупалонге.

— Хотя я и не посмел бы кричать вслед твоему священному кораблю,— сказал он,— но позволь мне спросить: не взяли ли вы мое горячо любимое дитя? Мать оставила его завернутым на ваших парусах.

— Кто ты? — спросила в ответ женщина-вождь.

— Меня зовут Тауматаму, и это мой сын у тебя в лодке.

— Ступай домой! — воскликнула Фитимаупалонга. — Мальш теперь мой. Я усыновлю его и дам ему имя Самоанангало, что значит «Самоанец, Которого Потеряли».

И Фитимаупалонга велела отплывать. Быстрая лодка двинулась по спокойной лагуне и вышла в открытое море. Вскоре берега Самоа скрылись вдали.

В океане путешественники встретили необитаемый плавучий остров Апе¹⁸, причалили к нему и высадились на ночевку. Утром они сели в лодку и поплыли дальше. А мальчик опять был забыт на берегу!

Правда, на этот раз все было гораздо хуже: ребенок остался один на безлюдном плавучем острове посреди океана. А ведь мальчик был еще совсем маленький и совершенно беспомощный. Он лежал на песке возле небольшого ручейка, а рядом росло апельсиновое дерево. Среди его корней жила в норке ящерица по имени Са. О мальчике стал заботиться бог семьи Фитимаупалонги. По его повелению ящерица следила за ребенком. Каждый день она прибегала к нему и грелась рядышком на солнце. Мальчик привязался к ящерице, он видел в ней своего доброго покровителя. Поэтому он сам дал себе имя Саналала, что значит «Воспитанный Ящерицей Са».

Саналала жил в хижине из листьев у самого устья ручья. Он много раз видел, как спелые апельсины падают в ручей и крутятся в его струях. Так Саналала придумал известную с тех пор игру в крутящиеся апельсины. Кроме того, он часто с любопытством смотрел, как скачет бекас, оставляя на песке следы своих маленьких лапок. Так Саналала придумал игру в прыжки бекаса.

Между тем Фитимаупалонга жила у себя на Тонга. Однажды она посмотрела на восток и увидела маленький остров. Женщина сразу же вспомнила о ребенке, которого забыла посреди океана. Фитимаупалонга послала к острову лодку и велела привезти Самоанангало, если он там окажется. Через четыре дня лодка достигла острова Апе, и самоанца нашли. Он ходил совершенно голым, все его тело было

темно-красным от солнца. Юношу привезли к Фитимаупалонге, он ей понравился, и она сделала его своим мужем.

Когда у них родился сын, Фитимаупалонга спросила своего мужа, Самоанангало:

— Какое имя дать ребенку?

— Саналала, что значит «Воспитанный Ящерицей Са»,— ответил муж. Он решил сделать так в память о ящерице Са, которая была его добрым хранителем на плавучем острове.

Потом родился еще один сын, и Фитимаупалонга спросила мужа, какое имя дать ему. Самоанангало вспомнил, как он жил на пустынном острове, как ветви апельсинового дерева нависали над водой и отражались в ней. И он сказал жене:

— Назовем его Латуиваи, что значит «Ветви, Отраженные В Воде».

Третьим ребенком была девочка, и ее называли Вае-о-тама-соалии. Затем родилась еще одна дочь, и ей дали имя Ато-нга'ау-Туи Тонга, что значит «Корзинка Туи Тонги»¹⁹.

Оба мальчика, Саналала и Латуиваи, очень любили кататься на лодках по лагуне. Паруса лодки Латуиваи были сделаны из тапы, а у Саналалы — из циновок. Однажды, когда они катались на лодках по лагуне, налетел ураган и обе лодки опрокинулись. Лодка Латуиваи из-за тяжелых парусов утонула, а лодка Саналалы со своими легкими парусами выправилась и поплыла по волнам в открытый океан. Дул сильный западный ветер, и лодку относило все дальше и дальше на восток. Разворачиваться при таком ветре было невозможно — лодка могла перевернуться. И Саналале оставалось только плыть по ветру.

По счастливой случайности его принесло к берегам Самоа, к острову Уполу. Когда лодка оказалась у побережья, в местности Сиуму, ураган прекратился и лодка перестала двигаться. В память об этом то место и называется Анганоа, что значит «Неподвижная Лодка». Затем лодку вынесло на песчаный берег, и она стояла там, пока прилив не снял ее с мели. Это место так и называется Палалауа, что значит «Сидящая На Мели». Здесь Саналала показал людям игру в прыжки бекаса, которую придумал его отец Самоанангало, когда жил на плавучем острове Апе. Затем от Сиуму лодка доплыла до местности Сафата и здесь опять стала неподвижно. Поэтому то место и называется Маниноа, что значит «Спокойное». Когда подул ветер, Саналала двинулся дальше и добрался до

Тафитоала, в западной части местности Сафата. Здесь жил вождь по имени Але. Саналала сошел на берег, представился местным жителям и показал им игру в крутящиеся апельсины. Дальше Саналала продолжал свое путешествие пешком, а лодка сама плыла за ним по морю.

Наконец Саналала встретил Ману'а. Эта старая женщина, добрая, как горлица, была верховным вождем. Юноша приблизился к ней, обнял ее за плечи и заплакал. Ману'а напомнила ему его мать, оставшуюся на Тонга. Как дождь сквозь узорчатые листья, текли слезы Саналалы.

— Кто ты такой и почему ты заплакал, увидев меня? — спросила Ману'а.

Юноша ответил:

— Я плачу потому, что ты, благородная женщина, так похожа на мою мать, которая осталась на Тонга. А меня зовут Саналала...

Вскоре во все концы земли Сафата были посланы глашатаи. Они возвестили, что Ману'а усыновила Саналалу. Затем созвали всех людей — и Сафата, и Алатауа, и Туну, и Фоно. Когда они сошлись все вместе, им огласили призыв старой Ману'а:

— О Алатауа, слушайте меня! Довольно всем вам быть самим по себе. Пусть этот вождь, усыновленный Ману'а, будет верховным над вами. Вам надо объединиться ²⁰.

ОСТРОВА КУКА

ОСТРОВ АИТУТАКИ

161. Путешествие Раты

В чудесной стране Куполу жил знаменитый вождь Рата. Он решил построить огромную двойную лодку¹ и отправиться в ней открывать новые земли. Рата взвалил на плечи каменный топор и отправился в далекую долину, где рос прекрасный строевой лес.

Возле горной речки стояло благоухающее дерево, и там происходил смертельный поединок между белой цаплей и пятнистым морским змеем. Прекрасная птица была жива, но очень сильно истощена борьбою. Ее беспощадный противник, уверенный в победе, готовился уже к последней схватке, но тут Рата своим топором изрубил змея на куски и спас жизнь белой цапле.

Целый день наблюдала цапля за трудом Раты с ветки отдаленного дерева. Вечером, как только вождь удалился, благодарная птица стала скликать всех птиц страны Куполу, чтобы долбить лодку для Раты. Птицы с готовностью повиновались приказу своей повелительницы и долбили дерево своими клювами до тех пор, пока огромная лодка не была готова.

Перед самой зарей работа была окончена. Напоследок птицы решили перенести лодку поближе к берегу, к жилищу вождя Раты. Птицы окружили лодку, встав вдоль ее бортов.

По сигналу все птицы распростерли крылья: одно крыло, чтобы держать лодку, другое — чтобы лететь. Они понесли лодку по воздуху, и все птицы пели — каждая на свой лад.

Птицы достигли песчаного берега перед жилищем вождя Раты. Затем они осторожно опустили лодку и быстро удалились в лесную чащу.

Рата быстро снарядил построенную птицами лодку мачтами и парусом. Затем он созвал друзей и положил в нее пищу и воду для задуманного путешествия. А когда все было готово, вождь поднялся на борт.

Премудрый Нганаоа увидел, что лодка отплывает без него. Он сбегал за пустой калебасой², сбил ее верхушку и втиснулся внутрь сосуда. Потом он поплыл по океану, пока не оказался немного впереди лодки. Тут он крикнул из калебасы:

— О Рата, возьми меня с собой!

— Куда ты держишь путь? — спросил Рата.

— Я направляюсь, — отвечал Нганаоа, сидящий в калебасе, — в Уму-те-Мараме, страну Лунного Света, искать моих родителей.

Тогда Рата спросил:

— А что ты для меня сделаешь, если я возьму тебя?

Нганаоа обещал уничтожить всех чудовищ океана, которые могут напасть по дороге.

Быстро и легко, с попутным ветром, двигались они по глади океана в поисках новых земель. Вдруг Нганаоа закричал:

— О Рата, смотри, ужасный змей плывет к нам!

То было огромное морское чудовище. Оно могло уничтожить всех — стоило ему только открыть свою пасть. Но Нганаоа был начеку. Он схватил длинное копьё³ и быстро вонзил его в чудовище.

И вновь плаванье продолжалось спокойно. Однако мореплавателей подстерегали еще большие опасности. Однажды храбрый Нганаоа закричал:

— О Рата, вон огромный кашалот!

Гигантская пасть кашалота была широко открыта: нижняя челюсть была под лодкой, а верхняя — нависла над ней. Кашалот, очевидно, собирался проглотить мореплавателей. Нганаоа, истребитель морских чудовищ, переломил свое длинное копьё надвое. В последний момент, когда кашалот едва-едва не проглотил мореплавателей, он ловко вставил оба обломка в пасть врага, так что кашалот не мог сомкнуть челюсти.

Нганаоа живо прыгнул в пасть чудовища. Он заглянул в его чрево, и — о! — там, внутри, сидел его давно пропавший отец, Таири-Токерау (Таири-Ветер), и мать, Ваиа-Роа (Ваиа-Большая), которые были проглочены живьем этим чудовищем во время рыбной ловли. Кашалот поплыл к ближайшей земле. Там на обширном песчаном берегу отец и мать Нганаоа вышли на берег через раскрытую пасть кашалота.

Остров, где кашалот выбросился на берег, назывался Умуте-Марама — Остров Лунного Света. Здесь лодку Раты вытащили на сушу, и некоторое время все мореплаватели жили в полном благополучии. Они каждый день ели плоды и рыбу, украшали себя цветами. Вновь отправившись в путь, они достигли земли своих предков, Гавайки⁴, а затем решили возвратиться домой.

Лодка была подготовлена и спущена на воду. Был поставлен большой плетеный парус, и наконец храбрый мореход Рата вместе со спасенными родителями Нганаоа и со всеми своими спутниками вновь пустился в путь.

После многих дней плаванья мореплаватели в конце концов достигли своего родного дома в стране, где садится солнце.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИНЕЗИЯ

Острова Общества

ОСТРОВ ТАИТИ

162. *Пипири Ма*

Два рыбака, которые были мужем и женой, собрались на ночную рыбную ловлю. Они набрали сухих листьев кокосовых пальм и сделали из них факелы. Затем, дождавшись наступления ночи, начали лов¹. Поймав много рыбы, они вернулись к себе домой и сварили ее. Перед тем как начать есть, жена сказала мужу:

— Пойди и разбуди наших детей, пусть и они придут поесть.

Но муж ответил:

— Не надо; пускай они спят, давай поедем сами.

Дети не спали и услышали слова своих родителей. Они были огорчены тем, что сказал отец, и решили тут же покинуть отчий кров. Родители спокойно ели рыбу и не подозревали, что дети их убежали.

Наконец родители поели и вернулись в свою хижину. И тогда они увидели, что детей нет, что они улетают к небу. Родители погнались за детьми, но не смогли догнать их. Дети все время были впереди.

Тщетно кричали им родители:

— Эй, Пипири, вернитесь к нам!

Дети отвечали на это:

— Мы к вам ни за что не вернемся. Вы заставляете нас голодать. Уж лучше мы укроемся на небесах.

Так образовались звезды Матарии — наверху и под ними — звезды Пипири Ма.

163. Путешествие Хоно и Ту с Таити на Ниау

Родители Хоно и Ту умерли. Перед тем как начать плавание, Хоно и Ту запели песнь воодушевления. Они отправились в путь каждый на своей лодке: лодка Ту называлась Тохора-Нуи, лодка Хоно — Мани. Они продвигались вперед, и горы Таити должны были уже исчезнуть из виду, как вдруг Хоно запел песнь своей родины.

Уже вдали должен был появиться Ниау, когда Хоно случайно упал в воду. Лодки остановились. Ту бросил Хоно калекбасу², и тот влез в нее. Калекбаса приблизилась к лодкам — и вот наконец они достигли Ниау.

Женщина Те Кури Таукиа удивилась, услышав пение Хоно. Но напрасно он умолял ее стать его женой — она оставалась глуха к его мольбам. Тщетны были все просьбы, Хоно не смог овладеть ею, и тогда он покинул Ниау, оставив там своего брата Ту.

Но перед этим он оставил следы своего пребывания — отпечатки двух ног и дыру, пробитую копьем³.

Когда Хоно отплыл, его лодка попала в затишье, и тогда, потеряв терпение, Хоно попросил своего брата Ту послать ему северный ветер. Подул ветер и погнал лодку Хоно по имени Мани. Он достиг Напуиа и оставил там свое копье, которое называлось Руа Нанго. Из Напуиа Хоно отправился на Такуме, где позволил себя обрезать человеку по имени Тауру Ранги.

Это произошло в местности Те Котинга. Из Такуме он отправился на Маро кау, где оставил пращу⁴. А после этого Хоно вернулся на Таити.

164. Красавица Тиайтау с острова Раиатеа

Вот рассказ о девушке по имени Тиайтау, которая в давние времена жила на острове Раиатеа, в местности Тевайтэа, в селении Эрео.

Эта девушка ни за что не хотела выходить замуж и не раз отвергала предложения молодых мужчин. Но о красоте Тиайтау прослышал таитянин⁵ по имени Паэа. И вот однажды он решил отправиться на остров Раиатеа, чтобы посмотреть на знаменитую красавицу, любви которой никто не мог добиться. Паэа приплыл на остров Раиатеа и стал спрашивать, где живет Тиайтау. Ему ответили, что живет она в местности Тевайтэа, в селении Эрео, и прибавили, что Тиайтау такая красавица, каких на всем свете не сыщешь. Паэа пришел в селение Эрео и снова спросил, где живет девушка по имени Тиайтау. Один из тех, кого он спрашивал, взялся проводить его. Увидел Паэа красавицу Тиайтау и обомлел. Он поздоровался с Тиайтау, и девушка ответила юноше почтительным взглядом. Сердце Паэа наполнилось радостью. Он набрался смелости и попросил Тиайтау стать его женой. Девушка ответила:

— Я рада видеть тебя, и ты нравишься мне. Чтобы просить меня стать твоей женой, ты проделал далекий путь! И я согласна выйти за тебя.

Паэа и Тиайтау сразу же сыграли свадьбу, и молодые супруги стали жить вместе и были очень счастливы.

Прошло некоторое время, и до Паэа дошел слух, что на одном из соседних островов живет девушка такая же красивая, как Тиайтау, и такого же доброго нрава. И захотелось Паэа увидеть эту девушку. Он решил отправиться на остров, где жила та девушка, но чтобы жена ни о чем не догадалась, ему нужно было как-то ее обмануть. Он долго думал, как это сделать, и однажды вечером сказал жене:

— Мы с тобой уже давно не ели рыбы, и сегодня ночью я поеду на рыбную ловлю.

Жена согласилась, и Паэа отправился на остров, где жила девушка, о красоте которой он так много слышал. Паэа и не собирался ловить рыбу, он думал только об одном: как бы поскорее увидеть красавицу.

Девушка сидела на земле возле своего дома. При виде незнакомого мужчины она смутилась. А Паэа уверенно подошел

к ней и поздоровался. Она ответила ему приветственным жестом и спросила, зачем он приехал на их остров. Паэа ответил:

— Я приехал увидеть тебя и просить тебя стать моей женой.

Девушка не стала противиться желанию молодого мужчины. Паэа и девушка провели вместе ночь, а на рассвете Паэа вернулся на свой остров к Тиайтау. Никакой рыбы он, конечно, не привез. А когда Тиайтау спросила, хороший ли был улов, Паэа сказал:

— Мне не повезло. Всю ночь пытался хоть что-нибудь поймать, но так ничего и не поймал.

Тиайтау поверила ему. И Паэа стал часто ездить к той девушке, а когда возвращался, говорил жене, что ему опять не повезло и он ничего не поймал. Но однажды, когда Паэа снова сказал жене, что отправляется ловить рыбу, и Тиайтау осталась одна, она вдруг почувствовала, что муж ее обманывает. Значит, муж ее больше не любит, а если это так, подумала она, то зачем ей тогда жить на свете? Она вышла из дому, взобралась на скалу, бросилась с нее в горный поток и погибла. А Паэа провел ночь с девушкой на соседнем острове и, как обычно, под утро вернулся домой. Он хотел было сказать, что с рыбой ему опять не повезло, но жены дома не было. Паэа пошел ее искать и вскоре на берегу горной реки нашел тело своей жены Тиайтау. Паэа обезумел от горя и с этой минуты даже и думать не мог о красавице с соседнего острова. И потянуло его в родные края, на Таити. Он сел в лодку и поплыл. Когда остров Раиатеа скрылся из виду, Паэа услышал пение птички. Она пела где-то совсем рядом. И слова ее песенки были такие:

Плачет, плачет Урири, плачет по супругу.

А потом птичка запела:

Урири на берегу по тебе вздыхает.

Паэа продолжал грести. Он догадался, что поющая птичка — это дух его умершей жены Тиайтау.

Достигнув Таити, Паэа вновь поселился там, и дух его жены Тиайтау всегда был с ним рядом.

Через некоторое время Паэа снова задумал жениться, хотя своей погибшей жены он никак не мог забыть. Паэа посва-

тался к одной молодой женщине. Свадьбы долго ждать не пришлось, но в тот же день дух умершей жены Паэа превратился в живую Тиайтау, и она в праздничном одеянии пришла на свадьбу к Паэа. Во время свадебного пиршества Паэа узнал свою прекрасную Тиайтау и уже не мог ни есть, ни пить и думал только о ней. Он поднялся со своего места и попросил собравшихся задержать Тиайтау. Гости бросились к женщине, но ее уже не было. Тиайтау возвратилась на остров Раиатеа, в свое тело, лежавшее на берегу горной реки. Если бы Паэа вновь не женился, ожившая Тиайтау осталась бы жить и была бы такой же красивой, как прежде.

Через некоторое время Тиайтау снова ожила и решила поселиться на горе Ваоара. Она отправилась на эту гору и, когда забралась высоко, увидела море. Она продолжала свой путь и наконец пришла в Тиараафаре. Там Тиайтау построила себе хижину. Потом она перебралась в Фахиарии и стала там повелительницей. Тиайтау часто ходила в Ваитото-Ваитото и любовалась там цветком Темекани. И далеко шла молва о красоте Тиайтау. Но однажды Тиайтау велела разрушить каменную стену в Раухоту. Стена ограждала скалу, под которой текла бурная горная река. Тиайтау бросилась с этой скалы в реку и погибла.

ОСТРОВ БОРАБОРА

165. Акулы-оборотни

Вот необычайное приключение, случившееся с четырьмя акулами-оборотнями, которые жили в море.

Звали этих акул Теаумоана, Теаута и Технута, у четвертой акулы имени не было.

Однажды несколько мужчин пошли на прогулку. А затеяла эту прогулку одна девушка. Эта девушка доводилась сестрой той самой акуле, у которой не было имени. Мужчины и девушка ушли далеко от своего селения и очутились на берегу глубокого залива. Чтобы обогнуть залив, потребовалось

бы идти слишком долго, и они решили переправиться через него вплавь. Девушка, правда, испугалась, но потом подумала, что если появится акула-оборотень Теаута, то, пожалуй, сожрет не ее, а мужчин. И пустились все они вплавь через залив. И когда появилась Теаута, девушка сказала:

— Теаута, сожри этих людей, а меня не тронь!

Теаута и не собиралась есть их и поэтому, услышав такую просьбу, рассердилась. Она кинулась на девушку и проглотила ее. Мужчины это видели, но ничего не могли поделать. Но после того, как случилось такое несчастье, они сразу же повернули назад и возвратились в свое селение. Мужчины дрожали от страха, так они боялись отца погибшей девушки.

Когда отец и брат девушки встретили возвращавшихся мужчин, они спросили:

— Ну, как прогулка?

И мужчины ответили, что прогулка была неудачной. Им пришлось сказать, что девушку проглотила акула, когда они переплывали залив.

Брат погибшей девушки заплакал: он очень любил сестру. И он так сильно сокрушался, что вскоре умер от горя. Перед смертью он просил своих родичей не хоронить его тело в земле, а опустить в реку, впадающую в залив, где погибла сестра. Через некоторое время дух умершего юноши вселился в акулу. Эта акула разыскала других акул и подговорила их умертвить ту акулу, которая проглотила девушку. Так акула, в которую вселился дух юноши, решила отомстить акуле, проглотившей его сестру. Другие акулы согласились и пустились на поиски акулы-убийцы. Акула-юноша плыл позади. Долго искали они акулу-убийцу и наконец увидели ее. Акула-убийца заметила их и сообразила, что дело неладно, так как те акулы никогда не заплывали в места, где она жила, и акула-убийца забралась в свою подводную пещеру, и другие акулы не смогли отыскать ее.

Вход в пещеру акулы-убийцы охраняли два стража — один слева, другой справа. Они усердно несли свою службу, беспощадно убивая врагов своей повелительницы. Это были огромные страшные рыбы.

Акулы напрасно старались найти акулу-убийцу, а тем временем стражи готовились к бою. Ждать им пришлось недолго. Когда акулы-преследователи проплывали между ними, разъяренные стражи кинулись на пришельцев и растерзали

их. Уцелел только акула-юноша, потому что с самого начала плыл позади. Как только он увидел, что страшные рыбы набросились на его спутниц, то тут же пустился наутек. И повстречалась ему акула, которая когда-то уже была мертвой, а потом ожила. Звали ее Техиута. Вот что с ней произошло. Однажды какие-то люди поймали ее удочкой, вытащили на берег и изжарили на костре. Все туловище ее обуглилось, но хвоста огонь не коснулся. Подошла собака⁶, схватила зубами уцелевший акулый хвост, побежала вдоль берега, наскочила на что-то и выпустила свою добычу. Акулый хвост упал в воду. И так как этот хвост не сгорел в огне, жизнь акулы спряталась в нем. А потом акулый хвост разросся до целой акулы. И вот акула-юноша и акула Техиута повстречались и подружились. Акула-юноша сказал акуле Техиута:

— Убьем акулу Теауту!

Техиута спросила:

— Зачем?

И акула-юноша ответил:

— Она убила мою сестру!

А Техиута сказала:

— Для этого нужна Теаумоана, самая крупная, самая сильная из всех акул на свете. Пусть она нам поможет!

Они стали искать Теаумоану и нашли ее. Когда акула-юноша увидел Теаумоану, он сказал Техиуте:

— Пожалуй, и в самом деле ни одна из акул на свете не сравнится с этой по величине и силе.

Теаумоана увидела непрошенных гостей и раскрыла пасть, а пасть ее была такой огромной, что невозможно было разглядеть зубы, так далеко одна от другой разошлись челюсти Теаумоаны. Чтобы подплыть к ней и при этом не привлечь ее внимания, акулам пришлось превратиться в морскую пену. Их понесло волною, и они очутились на верхней челюсти акулы Теаумоаны.

— Кто это там копошится? — воскликнула Теаумоана.

— Это я, Техиута.

— Что тебе, Техиута, надо?

— Мне и моему другу нужна твоя помощь.

— Какая помощь?

— Помогите нам убить Теауту, проглотившую мою сестру.

— Ну, что ж, давайте убьем ее, скажите мне только, где эта Теаута живет.

— Мы тебе покажем, где живет Теаута.

И они поплыли. Теаута жила в подводной пещере у одного из островов в заливе, и, когда ее преследователи подплывали к этому острову, они увидели пролив, через который можно было попасть в пещеру Теауты. Пришлось, однако, расширить этот пролив, чтобы Теаумоана могла пройти через него. Но Теаумоана сказала, что будет ждать, пока Теаута сама выйдет из пролива. А как выйдет, тут-то Теаумоана ее и проглотит.

— А мы,— сказала Техиута,— заберемся внутрь и попробуем выманить ее оттуда.

И Техиута вместе с акулой-юношей вошли в пролив и поплыли к пещере Теауты. Еще издали они увидели двух страшных рыб, охранявших Теауту. Техиута спросила своего спутника, знает ли он, что это за рыбы, и тот ответил, что знает. Тогда Техиута сказала:

— Я поплыву впереди, а ты плыви за мной. Смотри не отставай, эти рыбы наши лютые враги, и, когда мы приблизимся к ним, они нападут на нас.

И в самом деле, когда они плыли к пещере, страшные рыбы заметили их. Техиута сказала своему спутнику:

— Наши враги нас заметили, теперь берегись, сейчас они кинутся на нас.

И рыбы кинулись на них. Но в этот момент Техиута и акула-юноша вновь превратились в морскую пену и уцелели. А страшные рыбы с разгона вонзились зубами друг в друга, и обе умерли. А потом Техиута и акула-юноша из пены снова превратились в акул. Теаута увидела их и не вышла из своей пещеры. Тогда Техиута превратилась в морскую черепаху и панцирем закрыла отверстие, через которое могла выйти Теаута. Теаута же превратилась в краба, пробила клешнями панцирь Техиуты и выбралась из пещеры. Техиута поняла, что это за краб, и погналась за ним. Но едва Техиута догнала Теауту, та из краба превратилась в ракушку. Тем временем Техиута вновь превратилась в морскую пену, и Теаута решила, что ее преследовательница убежала.

Тогда Теаута вновь приняла обличье акулы и, так как ее мучил голод, поплыла в открытое море, где она могла найти себе пищу.

Но едва она тронулась с места, как Техиута тоже обернулась акулой. И тут она заметила, что ее спутник исчез. Не

найдя его поблизости, она повернула назад к проливу. Куда же мог деться акула-юноша? Техиута торопилась. А приятель ее и не думал о ней, он покинул ее, слишком опасной показалась ему вся эта затея. Долго плавала Техиута в поисках акулы-юноши, и вдруг вдали показались акулы. Первая была акулой-юношей, вторая — Теаутой. Теаута гналась за акулой-юношей, и акула-юноша удирает от Теауты. Техиута поняла, какая опасность грозит ее другу, набралась смелости и поплыла быстрее. Она попыталась перегнать Теауту и очутиться между Теаутой и акулой-юношей. Когда Техиута оказалась между первой и второй акулой, первая акула, акула-юноша, как раз выходила из пролива в море. А у выхода из пролива ждала в засаде большая акула Теаумоана. Эта огромная рыба увидела, как из залива вышла акула, за которой гонятся две других. Она решила, что удирает та самая акула-убийца, о которой ей рассказывали. Теаумоана насколько не сомневалась в этом и даже не попыталась убедиться, права ли она. Она тотчас же набросилась на первую акулу и проглотила ее. И только когда Техиута закричала истошным криком, Теаумоана поняла, что ошиблась. В тот же миг она услышала насмешливый голос:

— Ну вот и спасибо вам, помогли. Наконец-то брат нашел свою любимую сестру.

Это был голос Теауты. А потом Теауте захотелось полакомиться мелкой рыбешкой, и она вошла в пролив. Теперь Теаута была в полной безопасности.

Острова Туамоту

166. Сотворение мира богом Тане

Когда Тане-те-Ваи-Оро, Тане, Проливающий Воды, сотворил наш мир, мир появился в водах Те-Ваи-Пуне-Арики, Пуне — Владыки Вод. Не было больше ничего в мире — ни песка, ни горных хребтов, ни океана, ни неба. И глубокая тьма была над пеной волн перед ликом бездны. Тане, Проливающий Воды, воскликнул в глубокой тьме:

— Пусть будет свет!

И возник свет. Тане посмотрел на свет и увидел, что он хорош. И нарек он свет Днем, а глубокую тьму — Ночью.

В глубокой тьме Тане, Проливающий Воды, начал творить этот мир. Когда небесное пространство было создано, и воды вниз, и пена волн, и когда были они помещены на места свои — тогда появились черные пески, белые пески, красные пески, зыбучие пески, слоистые пески и вязкие пески. Также появились тогда горные пласты: черные скалы, белые скалы, восставшие скалы, главные скалы и обломки скал.

Затем появились земли.

Была сотворена основа земли, зыбкая часть земли, выступающая часть земли, расколотая земля, холод земли, пределы земли, природа земли, распростертость земли, твердость земли, опора земли, тепло земли, малость земли, устойчивость земли, мудрость земли.

Когда сотворение нашего мира было окончено богом Тане, тогда Тане позвал Атеа, Пространство, чтобы он помог поддерживать небо. И Атеа погрузил свой лик вниз, в своды небес Тане.

167. Рассказ о предках жителей атолла Хао

Вот рассказ о предках жителей атолла Хао. Сначала было три бога: Ватеа Нуку, Тане и Тангароа. Ватеа создал землю, и небо, и все, что находится на них. Ватеа создал плоскую

землю, Тане поднял ее, а Тангароа ее держал. Имя этой земли было Гаваики⁷.

Когда земля была создана, Тангароа создал человека по имени Тики и жену его по имени Хина. Хина была сотворена из бока Тики. Они жили вместе, и у них родились дети.

Люди стали творить зло на этой земле — и Ватеа был разгневан их делами. Ватеа повелел человеку по имени Рата построить лодку, которая бы послужила ему укрытием. Эта лодка была названа Папапапа-и-Хенуа («Плоская Земля») — она должна была укрыть Рату и его жену, которую звали Те Пупура-и-Те Таи, а также их трех детей с женами.

С верхнего пространства, с неба, полился дождь, и земля наша была залита водой. Гнев Ватеа сломал двери неба, ветер был спущен с цепей, дождь полился потоками — и земля была разрушена и залита морем. Рата, жена его и трое детей с женами укрылись в лодке и через шестьсот эпох, когда вода спала, вышли из нее. Они были спасены, как спасены были звери и птицы, животные, что ползают по земле и летают в пространстве над нею.

Прошло время — и земля наполнилась людьми: Ата Меа был предком Те Тухура, Ата Руру — предком Те Тини о Кокоре, от которого происходит Муту, Ата Иа был предком Туа Уки. А затем изменились языки, их образовалось три: язык Те Тухура, язык Те Тини о Кокоре и язык его потомка, Муту. Когда строили ограды в Марангаи, что на земле Гаваики, у нас был один язык. Но наши предки решили построить ограду, чтоб взобраться наверх, на небо, и увидеть лик Ватеа. Тогда Ватеа в гневе разбил ограду, разогнал всех, кто ее строил, и изменил их язык: у одних стал один, у других второй, а у третьих — отличный от двух первых. Те Тухура, те Тини о Кокоре и его потомок Муту стали говорить на разных языках, и потому не могли закончить ограду. Таков был гнев Ватеа⁸.

168. *Четырехглазый властитель*

Правитель южной части атолла Хао родился по прошествии долгого времени после смерти Мунануи, повелителя этого атолла. Но родился правитель юга на севере. Имя его отца упоминается в рассказах о предках жителей Хао.

Он появился на свет четырехглазым, и это очень испугало родителей. Они отвезли четырехглазого младенца на юг и оставили там на произвол судьбы. Подобрали его злые духи, вырастили и воспитали. Когда четырехглазый вырос, он стал убивать и съедать всякого, кто отваживался посетить юг. И подвластны ему были Большая земля и два небольших острова — Опокара и Оникау. По этим островам и бродил он в поисках пищи. И единственной одеждой его были дождь, море, ветер и солнце.

Был он толстым и рослым, и другие духи покорялись его воле. Но того, что было табу⁹, он не ел: боялся смертельной кары за святотатство. Никому не удалось побывать в его владениях и остаться в живых. Всех приплывших к нему он убивал и съедал. Вот почему в те давние времена никто не решался отправиться на юг атолла Хао.

И все-таки однажды во владения людоеда решили проникнуть его братья и сестра. Они знали, что людоед доводится им старшим братом, знали об этом от родителей. И отправились братья с сестрой на юг, а родителям сказали, что поехали ловить рыбу.

Они плыли на юг, останавливались для ловли рыбы и плыли дальше. И приплыли они к острову Оникау. Тут братья сказали сестре:

— Ступай на сушу и разыщи нашего брата Туохеа. Если он, завидев тебя, не подберет, обольсти его. Скажи ему так: «Туохеа, не хочешь ли ты женщину? Возьми меня, если хочешь!» Смотри не испугайся, надо же его как-то усмирить.

Сестра взяла наловленной рыбы и сошла на берег. На острове она повстречалась с Туохеа, и четырехглазый обнял ее. Женщина сначала крикнула:

— Не обнимай меня так крепко!

Но потом сказала:

— Ты мужчина красивый и сильный, и я давно о тебе мечтаю. Потому-то и пришла я сюда. А те, что в лодке, покинули меня и поплыли назад.

Тут она зарыдала, и Туохеа пожалел ее. Он поцеловал ее, взял у нее рыбу и повел ее в свою пещеру.

Потом четырехглазому захотелось пойти погулять, но женщина стала отговаривать его:

— Не оставляй меня здесь одну, мне страшно!

При этих словах она залилась слезами. Туохеа не пошел гулять, он остался в пещере, а женщина вышла оттуда и разожгла огонь, чтобы приготовить пищу.

Потом она накрыла пищу листьями, вошла в пещеру к Туохеа и сказала:

— Расскажи мне, кто ты и как ты здесь живешь.

Туохеа ответил ей так:

— Я правитель юга атолла Хао, мои подданные — злые духи, мои владения — острова Оникау и Опокара. Живу я в пещере и сплю прямо на камнях. И никогда ничем не болею. И не страшна мне никакая опасность: когда два мои глаза спят, два другие смотрят. Из еды я больше всего люблю человеческое мясо. Это отменная пища! Рыб я ем всех, кроме краснорыбок и тунцов. Им я поклоняюсь, они мои священные рыбы.

Тогда женщина поняла, как можно сладить с Туохеа, и сказала ему так:

— Иди теперь поспи, а я сварю еду.

Она вышла из пещеры, пробралась за ограду, за которой хранились кости священных рыб, и взяла эти кости. Затем она разбудила Туохеа и сказала:

— Иди есть, я приготовила рыбу.

Туохеа вышел из пещеры. Она подала ему еду. Но он не догадался, что она сварила ему рыбу, которой он поклонялся. Людоед и женщина стали есть, а когда наелись, людоеда одолела сонливость, и он улегся спать в своей пещере. Тогда женщина побежала на берег и стала звать братьев, которые ждали ее в лодке. Братья пристали к берегу, забрали сестру и поплыли.

Тем временем Туохеа проснулся. Все его тело сводили судороги. Это случилось потому, что как раз в это время сестра отдала братьям кости священных рыб, которые она утащила у Туохеа, а эти кости обладали такой силой, что всякий завладевший ими мог наслать смерть на людоеда. Братья взяли в руки кости священных рыб и стали произносить заклинания.

Братья и сестра людоеда видели, как Туохеа ковылял вдоль берега, словно одурманенный каким-то зельем, и как он добрался до острова Опокара. Тут он упал на землю, и братья подплыли на лодке поближе. А когда они убедились, что Туохеа и в самом деле умирает и что он уж больше не встанет,

тогда они подошли к нему. Они подняли Туохеа и уложили его в лодку. Он еще не умер, но уже потерял всю свою силу.

Он лежал в лодке недвижно и говорил:

— Я Туохеа, повелитель юга, где нет деревьев, где есть только подводные рифы. Моя одежда — дождь, ветер и солнце. И вверх и вниз глядят мои четыре глаза, и вот я вижу, как все вокруг меня дрожит. Я умираю, умираю здесь, на Опокаре. Опокара — последнее место, куда ступила моя нога, но остаться навсегда я хотел бы на Оникау. Нет больше сил у меня держать в зубах человеческое мясо! Что теперь будет с моими островами!

Он лежал на спине и без конца повторял эти слова, пока наконец лодка не доплыла до Оникау. Там он и умер. Там и зарыли его тело в землю братья его и сестра.

А потом братья и сестра Туохеа вернулись к себе на север.

Похоронен Туохеа на Оникау, а на Опокаре остались окруженные изгородью места, где четырехглазый хранил кости священных рыб. И только после смерти Туохеа люди севера стали бывать на юге.

Вот и вся история о властителе Туохеа.

169. Корабль духов

Бродили по морю два злых духа, и направились они однажды на остров Опахоа, один из островов атолла Хао. Приближаются они к Опахоа и видят: плывет к берегу женщина.

Женщину звали Такуа. Она плыла на Опахоа за плодами пандануса, чтобы накормить ими своего мужа и поесть самой. Духи проникли в тело женщины. И когда она вернулась домой, в ту местность, где жила со своим мужем, злые духи заговорили ее устами. Их звали Панихау и Тахоротакарари. Женщина сказала мужу, что Тахоротакарари и Панихау ищут ее ребенка, а ребенок в ее чреве. И сказал Тахоротакарари устами женщины, что они с Панихуа хотят увести ребенка, чтобы он, возмужав, стал героем людей Хао.

Злые духи забрали ребенка из чрева женщины. Они унесли ребенка в открытое море, а когда он вырос, дали ему имя злого духа Тахоротакарари. Потом они построили корабль

и называли его Махина. Когда кто-нибудь на Хао умирает, корабль Махина терпит крушение и раздается громкий треск. Корабль можно увидеть ночью, но наутро он уплывает в открытое море и тонет. К ночи он снова появляется у прибрежных рифов.

Когда на Хао в кого-нибудь вселяется дух смерти, женщина по имени Такуа зовет на помощь своего сына Тахоротака-рари. Тот приходит и проникает в тело больного, в которого вошел дух смерти. Тахоротака-рари велит духу смерти выйти и поискать себе другое местелище. И дух смерти выходит и исчезает. Тахоротака-рари исцелил немало людей Хао, которые страдали от вселившегося в них духа смерти.

Как-то раз одна жительница Хао увидела корабль духов, побывала на нем и вернулась на сушу. Муж этой женщины заметил, что черты ее лица изменились и ведет она себя странно. Взор ее помутнел, она не хотела ни есть, ни пить, ни спать со своим мужем и стала избегать людей. Муж решил, что в нее вселились злые духи.

Тогда он попытался насильно овладеть ею. Вместе со своими родичами он подкрался к ней, но тут женщина взлетела на небо. А потом она упала на землю и почувствовала себя плохо. Она лежала у пылающего костра, а вокруг стояли муж и родственники. Вдруг женщина почувствовала жар костра, повернулась к огню и выжгла себе глаз. И тогда злые духи покинули ее.

Когда через несколько дней ее спросили, что с ней было, она ничего не ответила и только сказала, что хотела бы побывать на корабле Махина. Это красивый корабль. Там, в открытом море, она увидела духов тех, с кем когда-то встречалась. На корабле она пробыла три дня и три ночи. Это — огромный корабль, и на нем можно увидеть дух любого умершего. Если ты хочешь увидеть дух умершего человека, которого когда-то знал, обратись к Тахоротака-рари. Ему понадобится для этого лишь войти в останки умершего.

Старики на Хао говорят, что корабль духов и в самом деле существовал. Они уверяют, что та женщина с выжженным глазом жива до сих пор.

Кое-кто утверждает, что корабль духов существует и ныне и что его можно увидеть. Говорят, этот корабль часто появляется у берегов других островов Туамоту и это бывает всякий раз, когда кто-нибудь из людей Хао умирает.

Маркизские острова

ОСТРОВ ХИВА-ОА

170. Кае

Кае родился в долине Тааоа. Однажды он попал в Ваиноа. В то время в стране Ваиноа не было ни одного мужчины. Никого, кроме женщин, не было в этой долине. Их мужьями были корни пандануса! Когда женщина беременела и подходило время родов, приходили тухунги¹⁰ и разрезали матери живот. Мать умирала. Так было всегда. Когда женщины рожали детей, их всегда разрезали жрицы.

И вот в долину пришел Кае. Он увидел цветущую землю, где единственными людьми были женщины. И не было среди них ни одного мужчины. Кае спрятался рядом с тем местом, куда женщины приходили купаться. А женщины делали так: приходили и лежали с корнями пандануса. На этот раз туда пришло несколько женщин. Они позвали свою предводительницу по имени Хина из Ваиноа. Они окликнули ее:

— Эй, Хина из Ваиноа! Спускайся к морю, присоединяйся к нам!

Предводительница ответила:

— Ладно!

Потом пришли и остальные женщины. И все они до одной легли с корнями пандануса. Так у этих женщин было всегда. Кончив игру с корнями пандануса, они купались. И на этот раз женщины искупались и поднялись в долину. Осталась купаться одна предводительница. Тогда Кае вышел из укрытия.

Хина из Ваиноа увидела мужчину и очень обрадовалась. Она спросила:

— Скажи, человек, кто ты?

— Это мое право, право незнакомца, задавать вопросы. Тебе отвечать, ты живешь здесь.

— Я — Хина из Ваиноа.

Тогда Кае ответил:

— Я — Кае.

- Ты мой муж.
- Ты моя жена.

Предводительница была очень рада мужу: ведь это был первый мужчина в долине! Они ушли в дом Хины. И она стала скрывать его от других женщин. Кае никуда не выходил из дому.

Каждый день женщины ходили играть с корнями пандануса. Они кричали своей предводительнице:

- Хина из Ваинои, идем купаться с нами!

После трехкратного приглашения предводительница выходила и говорила:

- Я не пойду, я нездорова. Идите сами.

Женщины уходили. Они ложились с корнями пандануса, потом купались и возвращались в свои дома. Так было три дня подряд. Женщины каждый раз звали Хину. Но она всякий раз отвечала:

- Я больна.

Это заставило некоторых женщин задуматься. Они стали говорить:

- Может быть, у нашей предводительницы есть мужчина? Другие возражали:

- Откуда может появиться здесь, среди нас, мужчина?

Но те говорили:

- Щеки предводительницы расцарапаны.

Тогда несколько женщин отправились к дому Хины из Ваинои и сказали ей:

— Скажи нам, о предводительница, у тебя есть мужчина, который спит с тобой?

- Нет,— отвечала Хина.

Тогда женщины сказали:

- Кто же тебя тогда расцарапал?

- Я наскочила на колючки пандануса.

Но женщины возразили:

— Нет, следы колючек пандануса не такие. Это следы ногтей.

Хина из Ваинои упорствовала. Но женщины все равно продолжали думать, что у нее есть мужчина.

Однажды к Хине пришла посланница и сказала:

— Послезавтра приходи к такой-то. Через три дня ей разрежут живот.

Хина ответила:

— Я приду.

Когда женщина ушла, Кае спросил:

— Зачем вы разрезаете женщине живот?

Хина из Ваинои ответила:

— Чтобы достать ребенка.

Кае спросил:

— А когда вы достаете ребенка, что случается с матерью?

Хина ответила:

— Она умирает. Так всегда ведется у нас, с древних времен.

Кае сказал:

— Жена, ты должна избавить всех от этого. У нас живот женщине не разрезают, она рождает.

И Кае стал учить свою жену:

— Когда пойдешь завтра в долину, вели нарвать листьев нони¹¹. Обвяжите тремя пучками этих листьев живот женщины. Две из вас должны ухватиться за колени этой женщины, а одна стоять сзади. Потом привяжи веревку к передней дощечке хижины. У женщины начнутся родовые схватки. Когда отойдут воды, выйдет ребенок. Отрежьте ему пуповину, потом надавите женщине на живот, чтобы вышел послед. После этого возьмите несколько креветок, растолките их и смешайте с молоком кокосового ореха. Этой смесью покормите ребенка, пусть его пронесет. Затем замесите тесто из плодов хлебного дерева, подогрейте на горячих камнях и дайте женщине как лекарство.

Хина из Ваинои выслушала слова Кае и сказала:

— Хорошо.

И вот появились две тухунги. Их звали По Хихиа и По Хахаа. На следующее утро они должны были разрезать женщину. Остальные женщины причитали. Но тут пришла Хина из Ваинои и сказала:

— Идите и принесите три пучка листьев нони.

Женщины приготовили такие пучки и спросили:

— Зачем тебе эти листья?

Хина из Ваинои ответила:

— Завтра утром все узнаете.

На рассвете пришли тухунги с ножами из зубов акулы. Ими они собирались разрезать живот женщине. Хина из Ваинои сказала:

— Я не дам вам резать женщину.

И распорядилась:

— Две из вас пусть станут рядом с женщиной, одна сзади и положите пучки листьев нони под задний проход. Привяжите веревку к дощечке хижины.

И Хина сказала беременной женщине:

— Теперь ухватись за веревку.

Женщина схватила веревку. Предводительница сказала:

— После родовых схваток отойдут воды и родится ребенок.

Хина сказала двум тухунгам:

— Вы очень злые люди, вы обе!

Тухунгам стало стыдно. Они убежали. А Хина из Ваинои рассказала всем, что нужно делать при родах. Все, чему научил ее муж.

Потом одна из женщин очистила от скорлупы кокосовый орех и принесла креветку. Креветку растолкли, смешали с молотком кокосового ореха и испекли. Когда еда была готова, ею накормили новорожденного. Сделали и горячее тесто из плодов хлебного дерева. Получилось лекарство для матери. Затем Хина из Ваинои сказала:

— Когда перережете пуповину, не давайте больше ребенку креветок.

Женщины сказали:

— Мы все сделаем так, как ты велишь!

Хина вернулась к своему мужу. Она сказала ему:

— Если бы не ты, мой муж, женщина умерла бы. По Хихиа и По Хахаа разрезали бы ее.

Теперь, забеременев, женщины никогда не звали этих двух тухунг — По Хихиа и По Хахаа.

*

Однажды Хина попросила мужа:

— Поищи вшей в моих волосах.

Кае стал искать вшей в волосах своей жены и увидел седые волосы. Он сказал:

— Твои волосы седеют, женщина!

— Не обращай внимания, — ответила Хина. — Когда я состарюсь, я знаю, как снова стать юной. Давай-ка я тоже посмотрю твои волосы, о муж мой.

Она увидела много седых волос в голове Кае.

— Ты уже стареешь, мой муж,— сказала Хина.— Завтра же пойдем кататься на волнах.

Кае ответил:

— Хорошо.

Утром Кае и Хина отправились кататься. Кае сказал:

— Ты иди первой.

— Это ты иди первый, а я посмотрю, как у тебя получится.

Кае пошел первым. Он прокатился три раза. И остался таким же, как и прежде.

— А теперь смотри на меня, мой муж,— сказала Хина.

Она прокатилась на вершине волны три раза. И когда вышла на берег, была свежей, как раскрытая креветка.

— Видишь меня? Выгляжу ли я как раньше? — спросила Хина.

— Нет, моя жена,— ответил Кае.

Он был посрамлен.

*

Но вот Хина забеременела. Через шесть месяцев Кае сказал жене:

— Теперь я уйду. Мне нужно приготовить все необходимое для первенца. Если ты родишь мальчика, назови его Те-Хина-ту-о-Кае.

— Хорошо,— сказала женщина.— Только не уходи сразу, мой муж. Через три дня мой брат отвезет тебя. Ты поплывешь на ките Тунуа-Нуи, Большом Тунуа.

Хина из Ваинои позвала своего брата — кита. Когда Большой Тунуа приплыл, она сказала ему:

— Отвезешь своего зятя в его страну.

Кит ответил:

— Ладно, я отвезу его.

Потом Хина сказала мужу:

— Когда ты будешь возле Мата-Фенуа, оттолкнись. Когда будешь возле Моту-Тапу, Моту-Томото, Мата-Укааеа, Папа-о-Тониохо, Моту-о-Фио, Какена-те-Тупуна — толкни ногой каждый из этих островков. И тогда голова твоего зятя повернется в сторону Ваинои.

Кае уселся на огромного кита. И Большой Тунуа повез своего зятя в Тааоа. Но когда они подплыли к Мата-Фенуа, Кае не толкнул ногой каждый из островов.

Хина из Ваинои заплакала:

— Ты плохой, мой муж! Ты не толкнул ногой островки. Теперь твой шурин умрет на твоих глазах.

Большой Тунуа доплыл до Тааоа. Он не мог повернуться, чтобы вернуться назад, в Ваинои. Его выбросило на песок. Пришли люди и зарезали огромную рыбу¹². И когда люди стали резать кита, сердце его сестры облилось кровью. Хина из Ваинои горько заплакала. Она сказала:

— Ты очень плохой человек, мой муж. Я ведь предупреждала тебя, а ты меня не послушал!

*

Кае велел своим сородичам:

— Сделайте водоем для купания моего ребенка.

Мужчины сделали водоем.

Потом Кае сказал:

— Откормите и вырастите поросят для моего ребенка.

И еще он сказал:

— Посадите бананы, сахарный тростник, срежьте старые кокосовые орехи, откормите цыплят, посадите шелковицу¹³.

Люди принялись за работу и сделали все, что велел им Кае.

И вот жена Кае, Хина из Ваинои, родила ребенка. Родился мальчик, и она дала ему имя Те-Хина-ту-о-Кае. Ребенок рос очень быстро. Все свое время он проводил в играх с другими детьми. Однажды он поссорился с одним из мальчиков. Этот мальчик посмеялся над Те-Хина-ту-о-Кае. Да и другие дети дразнили его:

— Кто ты такой, чтобы ругать нас? Твой отец чужак.

Тогда мальчик заплакал и пошел к своей матери. Он сказал Хине:

— Они смеются надо мной. Они говорят, что мой отец чужак. Скажи же мне, моя мать, где мой отец. Как зовут моего отца?

Мать ответила:

— У тебя нет отца, дитя мое. Я твоя мать, и это все.

— Не скрывай от меня ничего, моя мать. Мальчики говорят, что у меня есть отец. Ты скрываешь это от меня, моя мать.

Ребенок заплакал. Он ничего не хотел есть. Тогда Хина сказала:

— Перестань плакать, мое дитя. Твоего отца зовут Кае. Он на Тохути. Тохути — так называется страна твоего отца. Теперь поешь. А завтра отправишься к своему отцу.

Когда ребенок поел, мать сказала:

— Завтра утром, мое дитя, кит Тунуа-Ити, Малый Тунуа, повезет тебя туда.

Утром Хина из Вайнои позвала своего брата:

— Эй, Малый Тунуа!

И появился кит Малый Тунуа. Сестра сказала своему брату:

— Я позвала тебя, чтобы ты отвез своего племянника на Тохути.

Рыба ответила:

— Ладно, я отвезу его.

Хина сказала ребенку:

— Ну вот, мое дитя. Теперь, когда доберешься до Мата-Фенуа, пни по пути ногой каждый из островков. Когда-то Большой Тунуа перевозил твоего отца. Ему не удалось пнуть эти островки, и Большой Тунуа погиб.

Ребенок ответил:

— Я пну все островки, моя мать.

Мать обняла сына и заплакала. Мальчик сел на Малого Тунуа. Кит поплыл. Рыба и ребенок скрылись из глаз.

Когда они доплыли до Мата-Фенуа, мальчик толкнул ногой все островки, как велела ему мать. Хина из Вайнои заплакала от радости. Звук толчка достиг ее ушей! Голова рыбы повернулась в сторону Мата-Фенуа, а хвост — к Тааоа.

Так рыба и приплыла из Тохути хвостом вперед. Когда хвост рыбы навис над берегом Тохути, племянник встал. Он потерялся носом о нос рыбы¹⁴ и спустился на берег. Народ Тохути увидел хвост рыбы, лежащий высоко и одиноко на берегу. Они подумали, что рыба мертвая, и ухватились за хвост рыбы. И тогда Малый Тунуа затащил всех этих людей в море. Так он отомстил за смерть Большого Тунуа, своего старшего брата.

*

А мальчик Те-Хина-ту-о-Кае пришел в долину. Там он увидел водоем для купания и стал купаться в нем. Он сделал поко — оглушительный шум руками. Люди рассердились. Они сказали:

— Кто это делает поко в водоеме, построенном для Те-Хина-ту-о-Кае?

Они подошли к водоему. А тем временем мальчик вышел из воды и увидел спелые бананы. Он стал срывать эти бананы. Когда люди пришли, все бананы были сорваны. А мальчик тем временем дошел до сахарного тростника и стал ломать его. Увидев все это, люди пришли в ярость.

— Этот мальчик разорил все! — кричали они.

Мужчины схватили мальчика и отвели его на расправу к старым тухунам. Старики втолкнули мальчика в яму. Через три дня они решили его повесить.

Прошло три дня. Старики приготовились вешать ребенка. Все люди пришли посмотреть на казнь. Старики накинули петлю на шею ребенка. И тогда мальчик запел:

Ое, ое, ое, ое, ое, ое,
Говорила моя мать,
Хина из Ваинон,
Что мой отец —
Кае из Тохути.
Вы хотите погубить
Те-Хина-ту-о-Кае?

Три раза он пропел так. И тогда тухуны послали вестника к Кае. Вестник прибыл в дом отца и сказал:

— Иди в Тохути.

— Зачем?

— Там мальчик в яме у двух тухун. Сегодня утром его должны были повесить. Но когда ему на шею накинули петлю, малыш пропел заклинание.

Кае сказал:

--- Послушаем заклинание.

Тогда вестник повторил по памяти:

Ое, ое, ое, ое, ое, ое,
Говорила моя мать,
Хина из Ваинон,
Что мой отец —
Кае из Тохути.
Вы хотите погубить
Те-Хина-ту-о-Кае?

Тут Кае понял, что это его сын. Кае спросил вестника:

— Он умер?

Вестник ответил:

— Нет, мы ждем тебя, прежде чем его повесить.

Тогда Кае вскочил на ноги, схватил палицу¹⁵ и сказал:

— Вставай, мы пойдем туда!

Кае пришел в долину. Все увидели слезы на его глазах и палицу в руках. Мужчины Тохути испугались. Они поняли, что мальчик — первенец Кае.

Тут Кае увидел ребенка с петлей на шее, Он приказал тухунам:

— Выньте мальчика из петли!

Потом Кае спросил ребенка:

— Как тебя зовут?

— Я — Те-Хина-ту-о-Кае,— ответил мальчик.

Тогда Кае подошел к нему и возложил ему на голову тапу¹⁶.

Тухуны взяли ребенка. Они сказали Кае:

— Теперь, наш вождь, мы совершим обряд посвящения.

Кае ответил:

— Хорошо. И несите сюда все, что мы приготовили для моего первенца.

Когда тухуны совершили обряд, были приготовлены поросята и сахарный тростник, сорваны бананы, собраны кокосовые орехи, срезана шелковица. И мастера тапы сделали мальчику набедренную повязку. После обряда посвящения ребенок стал жить со своим отцом.

171. Оно

Куа-иана-неи была женой Тана-оа-Кау-хаэ, а вторым ее мужем был Аио. Однажды, когда Куа-иана-неи была на третьем месяце беременности, ей захотелось поесть рыбы тезиао, и она послала Тана-оа-Кау-хаэ поймать несколько штук. Аио отправился вместе с ним, убил его и принес Куа-иана-неи кусочек его мяса. От горя у женщины из чрева вывалился плод. Это и был Оно¹⁷, рожденный в виде яйца.

Вскоре яйцо исчезло из дому и само добралось до священного дерева теману¹⁸. Это дерево росло у дома богов Иипо и Ииао. В конце концов Оно родился из яйца, и боги узнали об

этом во сне. Они совершили над младенцем подобающие обряды и взяли его себе на воспитание. Так вырос Оно, один из богов неба.

Несколько лет спустя Аио и Куа-иана-неи послали одного из братьев Куа-иана-неи отнести в дар Оно священную рыбу ууа. Но по дороге юноша выел у рыбы глаза¹⁹, и поэтому, когда он пришел к Оно, тот вырвал ему глаза и убил его. Куа-иана-неи послала своего второго брата отнести священную рыбу, но тот тоже съел рыбы глаза и был убит разгневанным богом. Наконец, третьего брата послали отнести рыбу, и он принес дар в целости и вручил его богу Оно с подобающими почестями. Оно разрешил юноше вернуться домой, и тот рассказал Аио и Куа-иана-неи, что видел мертвые тела своих братьев, у которых бог вырвал глаза. Тогда третьего брата отправили обратно, сказав:

— Попроси Оно быть милосердным и оживить твоих старших братьев.

Юноша передал просьбу богу Оно, и тот согласился — вставил убитым глаза и оживил их самих.

На следующий год из долины Пуамао пришли танцоры²⁰. Они обходили остров, танцуя хоки²¹ во всех селениях. Оно вместе с танцорами переходил из одной местности в другую. Когда они были в Ханапааоа, Оно заметил в море стаю тунцов и сказал юношам-танцорам:

— Принесите-ка мне бамбук для удочек!

Но те только посмеялись в ответ: они думали, что Оно — обыкновенный человек. Тогда Оно сам сделал удилище и леску, привязал крючок, который он носил в своей набедренной повязке²², и наловил несметное количество тунцов. С этого времени Оно и стал носить такую набедренную повязку, как у людей Ати-апо-апо из долины Пуамао, откуда были танцоры.

Затем по пути в долину Атуона они зашли в долину Тааоа. Там Оно сразился с На-махи-а-Тано-оа и убил его. Потом танцоры выступали в Атуоне. На пиру Оно в первый раз увидел Пеау-Тона, дочь вождя Ту-Фити. С того дня она стала женой Оно. На состязаниях борцов Оно победил и убил ее брата, На-Махи-о-Ту-Фити.

Когда танцоры собрались возвращаться в Пуамао, они предложили Оно идти с ними, но он отказался и остался со своими стариками, Иипо и Ииао. Танцоры отправились в путь, а Оно следил за ними. Когда они проходили у подножия горы,

Оно толкнул гору, она сползла на этих людей и завалила их всех.

Затем Оно навестил своих сестер, мать и отца Аио²³. Все они были рады ему, за исключением Аио, который говорил:

— Этот Оно — ужасный хвастун!

Мать советовала Оно не возвращаться к своей жене в Атуону и говорила:

— Они тебя убьют, чтобы отомстить за смерть На-Махи-о-Ту-Фити.

Не слушая матери, Оно вернулся к жене и провел с ней ночь. Утром люди увидели его и хотели убить, чтобы отомстить за смерть сородича. Но как они могли это сделать — ведь Оно был женат на сестре убитого!

Однажды тесть Оно, вождь Ту-Фити, попросил его вытащить из глубокой ямы большую каменную глыбу. Ту-Фити сам положил туда эту глыбу, задумав вероломно убить Оно. Но когда на следующий день Ту-Фити пришел к яме, то увидел, что зять и без его помощи уже вытащил глыбу. Все дивились необыкновенной силе Оно. В другой раз Ту-Фити пошел и срубил большое дерево для лодки. Он опять просил передать Оно, что нуждается в его помощи. И снова Оно обещал прийти на следующий день. Рано утром Оно поднялся, один взял срубленное дерево и притащил его к дому вождя. Когда Ту-Фити проснулся, он хотел открыть дверь, но не мог: дерево загородило ее. Отшвырнув дерево в сторону, Оно посмеялся над своим тестем:

— Я ведь знаю, что ты дважды собирался убить меня!

И еще он сказал вождю:

— Ты не знаешь, как погубить меня, но я сам скажу тебе об этом. Сделай новую лодку и рыболовную сеть. Ночью в полнолуние мы поедем на рыбную ловлю, и я умру.

В назначенную ночь они отправились рыбачить у Мата-Фенуа. Оно нырнул глубоко в море и сам забрался в сеть. Рыбаки подумали, что поймалась большая рыба, втащили сеть в лодку и отрубили Оно голову, чтобы преподнести ее вождю. И тогда голова Оно сказала рыбакам:

— Бросьте в море мое туловище и сеть тоже!

Рыбаки так и сделали, и тело Оно превратилось в большой куст коралла, который можно видеть и сейчас. Затем голова Оно сказала рыбакам:

— Гребите!

Рыбаки взялись за весла, но тут голова Оно прыгнула за борт и исчезла.

Через некоторое время сестры Эи-нуа и Эи-туа пошли ловить рыбу у скал и выудили человеческую голову. Увидев ее, сестры в страхе бросились бежать, но голова крикнула им:

— Вернитесь, возьмите меня и положите в корзину. Отнесите и покажите меня Аио: пусть он думает, что Оно мертв. Затем возьмите меня к себе домой.

Сестры построили новую хижину и поселились там с головой Оно. Вскоре обе забеременели. Каждая сестра беременела и рожала шесть раз подряд, и все двенадцать раз рождалась какая-нибудь часть тела Оно. Так по частям родилось новое тело Оно. Наконец о том, что Оно жив, узнали Аио и Куа-иана-неи, узнали старики Иипо и Ииао. Старики пришли к Оно и плакали от радости, но Аио, его жена и все их родичи разбежались.

Оно некоторое время жил со стариками, а потом заснул и спал очень долго, и от этого вся земля покрылась мраком. Старики испугались и посадили на голове спящего Оно хлебное дерево, думая, что его корни будут крепко держать могущественного и опасного внука. А потом Иипо и Ииао сбежали в Хатихеу на остров Нукухива, где жил знаменитый колдун Тохе-тика.

Хлебное дерево успело вырасти большим до того, как Оно проснулся. Поднялся Оно и сбросил корни дерева с головы. Встал он прямо и достал головой неба, и сразу вся земля осветилась. Увидели Оно все его родичи и разбежались. А Оно опять стал ростом с обыкновенного человека. С тех пор он взял себе новое имя: Оно Воскресший.

Затем Оно надел новую набедренную повязку, украсился ожерельем из цветов, умастился душистым маслом и отправился на Нукухиву разыскивать своих стариков, Иипо и Ииао. Нашел он их в Хатихеу, и старики, дрожа от страха, признались:

— Мы убежали, испугавшись, что ты опять можешь воскреснуть!

Оно взял в руки веер, велел своим старикам петь заклинания и отправился к знаменитому колдуну Тохе-тика. Тот сидел в своем доме и тоже держал в руке веер. Оно со своим веером сел напротив. Все люди решили, что сейчас Оно будет принесен в жертву могучим Тохе-тика,

Оно велел старейшинам готовить капище для человеческого жертвоприношения. Перед хозяином дома он положил пальмовый лист, а другой такой же лист положил перед собой. Затем Оно, обратившись к Тохе-тика, сказал:

— Покажи свое могущество.

Тохе-тика произнес заклинания, но его мана²⁴ не подействовала, и ничего не произошло. Тогда Оно сказал свое заклинание, распрямылся и достал головой неба. Все подивились силе его колдовства. А Оно снова сократился до обычного человеческого роста. Вращая свой веер, Оно опять запел заклинание, а Тохе-тика внимательно следил за ним. Вдруг тело Оно распалось на мелкие кусочки, лишь голова осталась лежать на пальмовом листе. И так же внезапно тело Оно опять стало целым. Затем Оно начал вертеть веером у самого лица Тохе-тика, и голова колдуна упала на циновку. Перепугались люди, увидев такое превосходство пришельца над их колдуном. Так мана, а вместе с ней и имя Тохе-тики перешло к его победителю Оно. Отныне Тохе-тика стало третьим именем Оно.

Затем вместе со своими стариками Оно отплыл с Нукухивы на острова Туамоту. У кораллового рифа они встретили Тана-оа-Тухи-Мате и начали с ним сражаться. Старики Иипо и Ииао погибли в бою, но Оно в конце концов одержал победу над Тана-оа-Тухи-Мате.

Вернувшись с Туамоту, Оно отправился на остров Мохотани. Вождем там был Мата-оа. Оно искал-искал и наконец нашел тайник, где хранились черепа предков Мата-оа. Там лежало два черепа. Тогда Оно пошел к Мата-оа и очень его удивил, сказав:

— Это моя земля!²⁵ Принадлежащий мне череп древней, чем твой, потому что он зарыт глубже.

— Докажи это! — потребовал Мата-оа, и оба в сопровождении всех жителей острова отправились к хранилищу черепов. Мата-оа указал на единственный череп, который был виден, и воскликнул:

— Под ним ничего нет — сплошная скала!

В ответ Оно с торжеством отодвинул скалу и показал на дне ямы череп своего предка.

Так Оно получил во владение остров Мохотани и остался на нем жить.

172. Тахиа-нохо-уу

Мужа звали Туапу. Жену звали Хина-те-ии. Уже три месяца зрел в ее чреве плод, когда муж ушел от нее и взял себе другую жену. Хина-те-ии родила дочь, которую назвали Тахиа-нохо-уу. Девочка росла. Все ее тело благоухало, даже моча ее была благовонна, даже ее испражнения благоухали. Когда Тахиа-нохо-уу подросла, ее благосклонности добивались многие юноши. Они донесли весть об этой девушке до других мест. Туапу не знал, что это его дочь, и, когда он услышал разговоры о Тахиа-нохо-уу, им овладело желание.

И вот он отправился взглянуть на необыкновенную девушку. В это время везде был страшный голод, и все мужчины разбрелись по горам, пытаясь найти хоть какие-нибудь плоды. Старики собирали в долинах съедобные листья. Люди должны были вернуться в селение через три дня. Хина-те-ии, мать девушки, тоже была в горах вместе со своими братьями. Проведав об этом, Туапу направился к дому, где жила девушка. Не зная, что этот мужчина — ее отец, Тахиа-нохо-уу отдалась ему. Она и не думала, что делает нечто предосудительное.

Но вот Хина-те-ии вернулась в селение и узнала, что к ее дочери приходил мужчина. Люди рассказали, каков он собой, и Хина-те-ии поняла, что это был Туапу²⁶.

Она стала бранить свою дочь:

— Ах ты, спальная циновка! Ах ты, набедренная повязка! Несчастлива твоя голова!

Потом Хина-те-ии собрала свои наряды и пошла купаться. Искупавшись, она оделась, повесила на шею ожерелье из душистых цветов, надела венец из черепашьих пластинок, украшения из седых человеческих волос, взяла жезл и веер. И женщина пошла к своему бывшему мужу. Когда Туапу увидел ее, он вспылал к ней желанием и пошел за нею. Хина-те-ии осыпала его оскорблениями: .

— Вонючая подстилка! Грязная тряпка! О чем ты думал, когда блудил с нашей дочерью?!

Туапу что-то бормотал в ответ, а женщина продолжала кричать:

— Молчи! Не смей говорить со мной!

Она погнала своего бывшего мужа перед собой и привела его в свой дом. Когда они вошли, Тахиа-нохо-уу испугалась: она увидела, что это тот самый мужчина, который овладел ею.

— Это твой отец,— сказала ей мать, и девушке стало стыдно.

Так Хина-те-ии и Туапу снова стали жить вместе. Туапу никуда не выходил. Известно, что делает мужчина в доме — спит с женой да валяется целыми днями. Тахиа-нохо-уу тоже никуда не выходила.

Одну половину дома занимали муж с женой, а другую — их дочь и братья жены.

Тахиа-нохо-уу нечего было есть. Ведь когда ее мать узнала, что дочь отдалась отцу, она запретила всем мужчинам ходить к ней.

Тем временем вождь Ту-Тона готовился к плаванию на остров Нукухива. Оба дяди Тахиа-нохо-уу, которых звали Наму и Тикауэ, искали для племянницы красивого мужа. Они никого не нашли, и тогда Тахиа-нохо-уу сказала им:

— Надо бы вам поехать на Нукухиву.

Дяди ответили:

— Хорошо, хорошо.

Племянница сказала своим дядям:

— Принесите мне дикого имбиря²⁷, гардении, зерен красного пандануса и другие благовония. Сорвите два кокосовых ореха, выскоблите один из них и наполните его благовониями.

Наму с Тикауэ так и сделали. Тогда девушка сказала Тикауэ:

— Вели Наму принести целый орех.

Наму принес орех, и Тахиа-нохо-уу сказала ему:

— Разбей орех об голову Тикауэ!

Взял Наму кокос, два раза ударил им по голове брата, но орех не раскололся, только у Тикауэ загудела голова. Тогда Тикауэ сказал:

— Лучше я разобью кокосовый орех о твою голову!

И он расколол кокос о голову Наму. А Тахиа-нохо-уу взяла половину ореха, приложила ее к своему телу, и стало видно, что ее кожа такая же светлая, как ядро кокоса. И девушка сказала:

— Мой муж должен быть таким же светлым.

Дяди ответили:

— Ладно, ладно.

Все было готово. Наму с Тикауэ пошли к вождю Ту-Тоне и сказали:

— Было бы хорошо, если бы ты взял нас с собой на Нукухиву.

Ту-Тона ответил:

— Ладно, готовьте ваши вещи.

— Они уже готовы. Когда мы отплываем?

— В ночь Хоту-нуи²⁸.

Наму с Тикауэ пошли домой и сказали племяннице:

— Вождь берет нас с собой.

Тахиа-нохо-уу была очень довольна.

Наступила ночь Хоту-нуи, и Наму с Тикауэ отправились к вождю. В доме Ту-Тоны собралось семь раз по двадцать мужчин, все они должны были плыть с ним на Нукухиву. Вождь и его люди сели в большую лодку и подняли парус. Море было спокойным, но Тахиа-нохо-уу своей маной подняла сильный ветер, и лодка за одну ночь доплыла до Нукухивы.

И вот вождю Нукухивы доложили:

— Пришла очень большая лодка — в ней семь раз по двадцать человек!

И еще сказали вождю Нукухивы:

— Это лодка вождя Ту-Тоны с острова Хива-Оа.

Вождь Нукухивы и его люди обрадовались. Они начали жарить свиней, готовить поке, попой²⁹ и все, что нужно для пиршества. Ту-Тоне и его людям было послано приглашение. Все они прибыли к вождю Нукухивы, и начался пир.

А Тикауэ и Наму думали о своем: ведь им надо было найти юношу со светлой кожей. Пока они не видели ни одного. После пира Ту-Тона и его люди пошли спать, лишь некоторые из них задержались и продолжали есть. Это был великолепный пир, и угощение было отменным!

А мужчины с Нукухивы стали рассматривать друг у друга татуировку³⁰. Ведь это была ночь Туа, когда каждый хвалится своей татуировкой. После третьего крика петуха люди с Нукухивы пошли купаться, а Наму и Тикауэ все время следили за ними. И вдруг что-то сверкнуло, как молния. Наму и Тикауэ взгляделись и увидели красивого юношу с очень светлой кожей. Тикауэ сказал брату:

— Ну-ка, тэци сюда наш орех!

Наму принес орех, и братья направились к юноше. Тот спросил:

— Кто вы такие?

— Мы оба с Хива-Оа.

— Что вам от меня надо?

— Мы подошли взглянуть на тебя и увидели, как ты красив.

Тут Наму подошел к Тикауэ, стукнул его по голове кокосом, потом еще раз, но орех все же не раскололся. «Проще было бы разбить орех камнем,— подумал юноша,— а эти двое, видимо, просто дураки». Действительно, Тикауэ морщился от боли, и юноша рассмеялся. Тогда Тикауэ сказал брату:

— Лучше я расколю кокос о твою голову.

И он так стукнул по голове Наму, что орех сразу раскололся. Братья вытащили ядро ореха, приложили его к телу юноши, и стало видно, что у него кожа такая же светлая.

— Ну и что из этого? — продолжал удивляться юноша.

— Такого же цвета и девушка, предназначенная тебе,— ответили ему Наму и Тикауэ.

Юноша подумал, что девушка должна быть очень красивой, и воскликнул:

— Ну, что ж, друзья, пусть она будет моей!

Тогда Наму и Тикауэ открыли кокос, наполненный благовониями, и аромат разнесся по всему острову. Семена высыпались из ореха на почву, и так на Нукухиве появились благовонные растения. А до этого их там не было.

Наму и Тикауэ вручили скорлупу с благовониями светлокожему юноше. Люди с Хива-Оа тоже услышали аромат, и вождь Ту-Тона спросил Наму и Тикауэ:

— Наверное, этих вещей касалась Тахиа-нохо-уу?

— Да, да,— отвечали братья.

Утром гости надели набедренные повязки и пошли на площадку для танцев. Там гремели барабаны³¹, люди пели и танцевали. Последними подошли Тикауэ, Наму и светлокожий юноша. Он был подобен молнии, ослепительный, в благоухающем наряде. Наму и Тикауэ стали прохаживаться туда-сюда, а юноша вышел на самую середину площадки. Барабаны замолкли, люди замерли, любуясь необычайной красотой юноши. Все женщины страстно его желали. И сразу же увлекли его танцевать.

Через некоторое время Наму и Тикауэ сказали юноше:

— Пора собираться.

Когда он покинул площадку, люди начали расходиться, говоря:

— Красавец ушел, на кого же теперь смотреть?

А Наму с Тикауэ своей сильной маной подняли западный ветер, и вождь Ту-Тона сказал:

— Этот ветер — самый благоприятный для возвращения — ведь нам плыть на восток.

Люди с Хива-Оа стали говорить своему вождю:

— Давай собираться.

— Хорошо, — отвечал Ту-Тона, — утром и поедем.

И вот все было готово для отплытия. Поздно вечером Наму вышел из дому и запел голосом птицы комао. Услышав это, люди с Хива-Оа сказали своему вождю:

— Наступил рассвет, пора идти!

Ту-Тона возразил:

— Нет, еще только вечер.

Некоторые стали спорить:

— Но мы слышали пение комао!

Тогда Наму вернулся в дом, а Тикауэ вышел и запел голосом петуха. Это был самый настоящий петушиный крик! И люди сказали:

— Ну конечно, уже утро, идем!

А Наму с Тикауэ шепнули красавцу юноше:

— Пойдем, мы спрячем тебя в лодке.

И они втроем отправились на берег.

Потом пришел вождь Ту-Тона со всеми остальными. Люди с Хива-Оа погрузились в лодку и подняли парус. Отплыв с Нукухивы в середине ночи, они на рассвете уже были у Аихоа, на северном берегу Хива-Оа. Тут ветер стих, и все стали вычерпывать воду, которая набралась в лодку. Заметив на воде желтое пятно, вождь сказал:

— Наму и Тикауэ, что это на воде? Может быть, вы взяли с собой того юношу?

— Да, да, — ответили братья.

Ту-Тона рассердился и воскликнул:

— Зачем же вы его прячете?

Наму и Тикауэ ничего не ответили, но показали, где они спрятали юношу. Все люди очень удивились.

Когда лодка стала подходить к берегу долины Атуона, вождь сказал юноше:

— Видишь, что-то светится на берегу?

Юноша поднялся, сверкая как молния. И так же светилась девушка на берегу. Наконец юноша соскочил на песок, а за ним Наму и Тикауэ. Они выкрикивали:

— Это жених! Это жених! Красавец юноша с Нукухивы для Тахиа-нохо-уу!

И так они кричали всю дорогу до своего дома.

Когда все они подошли к дому, юноша увидел двух женщин: обе красавицы, обе светлые, очень похожие друг на друга. Юноша не знал, какая из них предназначена ему. Тогда одна из женщин обратилась к нему:

— Пойди сюда, мой зять!

А невеста поднялась, обняла его, и они потерлись носами. Затем все вошли в дом. Тахиа-нохо-уу взяла половинку кокоса и приложила к телу юноши. Его кожа оказалась точно такого же цвета, как ядро ореха.

А на Нукухиве отец юноши стал его разыскивать. Люди говорили:

— Твоего сына украли.

А юноша уже шесть лун прожил со своей женой на Хива-Оа. Соскучился он по отцу с матерью и сказал жене:

— Надо бы мне съездить на Нукухиву повидать родителей.

Тахиа-нохо-уу ответила:

— Хорошо, поезжай, но вернись через месяц. Если задержишься хоть на один день, я умру.

— Ладно, ладно,— сказал муж.

И он уехал на Нукухиву. Родичи обрадовались, увидев его снова, и спрашивали:

— Ну, что там на Хива-Оа?

— У меня там жена,— отвечал юноша.— Она прекрасна, подобных ей нет на Нукухиве!

Тахиа-нохо-уу считала дни. Но вот прошел назначенный срок, а муж не вернулся. Стала она плакать и причитать:

— Муж мой не вернулся!

И сказала Тахиа-нохо-уу своим дядям:

— Нарвите мне кокосов. Я сделаю себе пани и хохо³².

Наму с Тикауэ принесли орехи, Тахиа-нохо-уу сделала масло и умастила тело и волосы. Затем она сказала дядям:

— Мне очень хочется крабов³³.

А на самом деле она сказала так потому, что ей надо было отослать дядей из дому. Тахиа-нохо-уу решила повеситься.

По дороге за крабами Тикауэ ушиб ногу и сказал брату:

— Давай вернемся! С племянницей плохо!

Но когда они вошли в дом, Тахиа-нохо-уу была уже мертва. Увидев это, Наму и Тикауэ забрались на верхушки кокосовых пальм и бросились оттуда вниз головой: они хотели разбиться насмерть. Но они не разбились. Еще раз забрались они на пальмы и бросились вниз — и опять остались живы!

Через три дня после смерти Тахиа-нохо-уу ее душа явилась на Нукухиву к мужу. Он все это время тосковал по жене. И вот ее душа сказала:

— Ты очень горюешь обо мне, муж мой!

Муж обрадовался, обнял жену, и они потерялись носами. Муж спросил:

— Как ты сюда добралась?

— Я умерла, муж мой.

Тот очень испугался и воскликнул:

— Как так умерла? Ведь я чувствую твое тело — оно крепкое!

— И все-таки я умерла, — ответила жена. — А теперь, муж мой, скажи своим родичам, чтоб они собрали кокосов, дикого имбиря и цветов каире. Пусть они сложат все это вместе, а сок отожмут в корыто.

Когда родичи ушли, душа жены сказала:

— Возьми кусок тапы и отгороди мне уголок в доме. Скажи своим родичам, чтоб три дня они туда не входили, а потом пусть входят.

Миновало три ночи, муж убрал занавеску и увидел, что жена стала совсем живой. И все его родичи увидели, что она жива. Ведь когда она появилась, они подумали: «Откуда здесь эта женщина?» А ее муж сказал тогда: «Не ваше дело. Три дня видеть ее будет для всех табу». И вот теперь его родичи дивились красоте Тахиа-нохо-уу и были очень довольны. Они убедились, что она в самом деле необыкновенно красива.

И душа Тахиа-нохо-уу стала жить со своим мужем. Вскоре в ее чреве появился плод, и через девять лун родился мальчик. Мать назвала его Туапу. Он рос, а в чреве матери появился другой плод, и родилась девочка. Тахиа-нохо-уу дала ей имя своей матери — Хина-те-ии. Потом родился мальчик, названный Тэ-поза-Хива-Оа (Краса Хива-Оа). И еще родилась девочка. Назвали ее, как и мать, — Тахиа-нохо-уу.

Спустя пять лет Наму и Тикауэ отправились в море за черепахами для жертвоприношений. Они строили паепае, боль-

шую каменную гробницу, чтобы похоронить тело своей давно умершей племянницы³⁴. А ее душа увидела с Нукухивы, что делают Наму с Тикауэ, и сказала мужу:

— Приближается время моей смерти³⁵.

— Почему ты так думаешь? — спросил тот.

— Я посмотрела, муж мой, и увидела: Наму и Тикауэ ловят черепах, строят гробницу, чтобы избавиться от моего мертвого тела.

Когда гробница на Хива-Оа была построена, а черепаха поймана, душа Тахиа-нохо-уу сказала мужу:

— Пройдет три дня, и я окончательно умру. Тогда ты пошли к моей гробнице нашего первенца и дай ему корень кавы³⁶ и поросенка. А нашим девочкам дай по куску тапы — пусть они вытирают слезы, которые будут проливать по своей матери.

Муж видел — тело Тахиа-нохо-уу совершенно здоровое, и все удивлялся, почему она говорит о смерти. И он плакал, потому что знал — жена его зря говорить не будет.

Через два дня вечером душа Тахиа-нохо-уу сказала мужу:

— Собери всю семью. Пусть двое детей сядут с одной стороны, двое — с другой, а ты, муж мой, сядь у меня в головах.

И вот женщина легла, а муж и дети сели вокруг нее и стали ее оплакивать. С первым криком петуха исчезли ступни Тахиа-нохо-уу. И она сказала мужу:

— Теперь смерть уже рядом. Тронь мои ноги.

Муж потянулся к ногам жены, но они уже исчезли. Со вторым криком петуха исчезла половина ее туловища. На расвете от Тахиа-нохо-уу осталась только голова. И голова сказала:

— Вот и все. Давайте прощаемся.

И сначала дети, а потом муж потерялись носами с головой. Тогда муж схватил голову жены за волосы, силясь ее удержать, но голова сказала:

— Я умираю, не надо меня держать.

Она умерла и превратилась в маленькую зеленую птичку. Взлетев на потолочную балку, птичка закричала:

— Ое, ое, ое, ое, ое, ое, ое! Все ближе подбираются Наму и Тикауэ к душе своей племянницы Тахиа-нохо-уу. Сейчас они совершают надо мной погребальный обряд, несут мое тело и хоронят его... Привет вам, муж мой и дети мои!

Птичка перелетела на самый край крыши и крикнула всем:
— Прощайте!

Муж и дети плакали и причитали. Очень горько им было — ведь не осталось от Тахиа-нохо-уу даже мертвого тела.

Через три дня после смерти Тахиа-нохо-уу ее дети покинули Нукухиву. Они уехали на рассвете и в то же утро были на Хива-Оа. Там никто не знал, откуда они. Дети сразу же пошли к гробнице матери. Старшая девочка стала плакать и повторять:

— О моя мама Тахиа-нохо-уу, ооооо... о моя мама...

А Наму и Тикауэ были в доме возле гробницы и увидели девочку. Женщинам нельзя влезать на паепае, она для них табу! Наму и Тикауэ рассердились, схватили девочку и сбросили вниз. Но дети не угодили. Три раза сталкивали их Наму и Тикауэ, а потом старший мальчик сказал:

— Почему вы гоните нас? Меня зовут Туапу, а это моя сестра Хина-те-ии. Вот корень кавы и поросенок — это приношения нашей матери, Тахиа-нохо-уу. А вот у нас тапа вытирать слезы.

И они заплакали.

Тогда Наму и Тикауэ подняли детей себе на голову и оплакали их³⁷. И они отнесли детей к их бабушке, Хина-те-ии.

Вот и все.

173. Хуути и Те-моо-ниэве

В долине Тааоа юноши-каиои³⁸ частенько состязались в метании копья, стараясь бросить его как можно дальше. Однажды они метали копья, стоя на краю площадки для танцев. Один юноша по имени Хуути сказал:

— В Отуа живет вехине-хае³⁹ по имени Те-моо-ниэве. Я попаду копьем прямо ей в ухо.

Товарищи стали над ним смеяться:

— Что? Ты попадешь в ухо Те-моо-ниэве? Да ты и до нас-то не докинешь! Попади сначала себе в ухо.

Тогда Хуути пропел заклинание и метнул копье. Оно долетело до горного хребта Фатуэки, разделяющего долины Тааоа и Атуона, и проткнуло его насквозь. Затем копье уда-

рилось об островок Анакее, отлетело от него и проделало в горах узкое ущелье Те-ава-на-тэ-куаа. И наконец, оно попало Те-моо-ниэве прямо в ухо. Вехине-хае встала и тряхнула головой.

— Кто бросил копьё? — спросила она. — Кена?

Копьё осталось неподвижным. Было ясно, что не Кена метнул это копьё.

— Может быть, его бросил Ихи-мэи?

Копьё не двинулось.

— Может быть, Попо-ама?

Копьё по-прежнему было неподвижным. Так вехине-хае перебрала имена почти всех юношей и наконец воскликнула:

— Это Хуути!

И копьё сразу же задрожало. Вытащив его из уха, Те-моо-ниэве проворчала:

— Да, хороший бросок! Но погоди, погоди!

И она пошла в свою пещеру.

Вскоре жители Тааоа собрались делать мачты для лодок и разбрелись по лесу в поисках подходящих деревьев. Хуути зашел далеко в горы и оказался чуть пониже пещеры, где жила Те-моо-ниэве. Здесь он увидел хорошее прямое дерево и свалил его. При этом макушка дерева попала прямо в пещеру Те-моо-ниэве. Вехине-хае крепко ухватила за макушку. Три раза дергал дерево Хуути, но не мог сдвинуть его с места. «За что это оно зацепилось?» — удивился юноша и полез по стволу. Добравшись до макушки, он увидел прямо перед собой красивую женщину; это была Те-моо-ниэве, и Хуути очень испугался.

А вехине-хае сказала:

— Вот теперь я тебя убью! Дважды тебе удалось причинить мне зло: сначала ты метнул мне в ухо копьё, а потом сломал мою дверь.

— Ой, как ты рассердилась! — ответил Хуути. — Ну ничего, ты будешь моей женой.

— Ни за что! — воскликнула Те-моо-ниэве.

Но Хуути продолжал:

— Почему ты сердишься, жена моя?

Так они и стояли, глядя друг на друга. Вдруг Те-моо-ниэве выпучила глаза и облизнулась. Ее язык был похож на огромную мохнатую сороконожку. Но Хуути только засмеялся:

— К чему это представление, жена моя? Или ты надеешься меня испугать?

Те-моо-ниэве снова приняла вид обычной женщины и сказала:

— Садись. Я приготовлю поесть.

— Ну, что ж, давай,— согласился Хуути.

Вехине-хае принесла крыс и ящериц, которыми обычно питалась. Она приготовила еду и сказала:

— Садись поближе. Давай поедим.

Взглянув на крыс и ящериц, Хуути спросил:

— И ты это ешь?

— Да.

— Дрянная пища, должен сказать! — воскликнул юноша.

— Мы всегда едим это,— удивилась Те-моо-ниэве, но Хуути все-таки не стал есть и сказал:

— У нас люди едят лучше. Хочешь, я схожу и принесу тебе нашей пищи?

— Так ведь ты убежишь от меня, муж мой!

— Нет, нет, не убегу!

Те-моо-ниэве согласилась, и Хуути сказал ей:

— Один вечер я буду делать поке, другой вечер я буду делать попои, третий вечер я буду жарить свинину и делать кокосовое масло для поке. Через три дня я вернусь.

— Хорошо,— сказала Те-моо-ниэве,— только не вздумай обмануть меня, муж мой!

И они легли спать: Хуути — на пустой желудок, а Те-моо-ниэве, наевшись крыс и ящериц.

Утром Хуути отправился за едой. Вехине-хае дала ему факел из кокосового волокна — разжигать земляные печи⁴⁰. В первом попавшемся месте Хуути набрал кучу хвороста и разжег костер. Из своей пещеры Те-моо-ниэве увидела дым и подумала: «Хорошо, муж мой! Ты не обманываешь меня, ты сделал земляную печь для поке!» А Хуути перешел в другое место и разжег второй костер. Его жена увидела дым и решила, что это печь для попои. Затем она увидела, как загорелся третий костер, и была очень довольна. А Хуути тем временем вернулся к себе в Тааоа.

Люди в Тааоа уже хватились Хуути и говорили друг другу: «Хуути нет! Куда он делся? Кто его видел? Его нигде нет!» И вот Хуути появился в долине.

— Где ты был? — спросили его.

— Плохи мои дела, — отвечал юноша. — Только три дня могу я побыть дома. Я в опасности.

— Что случилось? — удивились люди, и Хуути стал рассказывать:

— В местности Ваиахи я свалил дерево для мачты. Его макушка угодила прямо в пещеру Те-моо-ниэве. Три раза я пытался вытянуть дерево, но не мог. Тогда я полез по стволу и — говорю вам правду! — попал к Те-моо-ниэве. Оказывается, это она держала дерево.

— И что же было дальше? — спросили люди.

— А дальше были страшные вещи! — воскликнул Хуути. — Она выпучила глаза и высунула свой мерзкий язык.

— И ты остался у нее?

— Она меня оставила! А потом я увидел, чем питаются вехине-хае: крысами да ящерицами. Разве это еда? Вот я и обманул Те-моо-ниэве: сказал, что схожу за настоящей едой. Но она меня предупредила, что, если я не вернусь, она найдет меня и убьет.

Тем временем Те-моо-ниэве отправилась взглянуть, что там готовит Хуути в земляных печах. Подошла она к первому костру и не увидела ни еды, ни печи — только пылающий хвост. Подбежала ко второму, к третьему костру — то же самое. Те-моо-ниэве рассвирепела и говорит:

— Ну погоди же, милый, будет тебе за твои костры!

И она помчалась в долину Тааоа. Пока она туда добралась, настала ночь.

А Хуути, как обычно, лег спать вместе с другими юношами. Тех очень позабавил рассказ приятеля, и они его все спрашивали:

— Неужели у нее язык похож на сороконожку?

— Да-да, — отвечал Хуути, — язык у нее мерзкий. Никогда не видел такого страшилища!

Товарищи громко смеялись над его словами, и Хуути натянул на голову циновку.

А Те-моо-ниэве подкралась к дому и подслушала весь этот разговор. Она догадалась, что юноши смеются над ней. И вехине-хае пропела такое заклинание:

Это я, это я, Те-моо-ниэве!
Люди в доме пусть уснут крепким сном!

От этого заклинания все юноши сразу же крепко уснули. А Те-моо-ниэве забралась в дом, схватила Хуути и притащила его обратно в свою пещеру. Хуути не просыпался. Наконец Те-моо-ниэве надоело ждать, и она стала тормозить юношу. А тому чудилось, что он спит у себя в Тааоа.

— Да-да,— бормотал он, кутая голову циновкой,— выпучила свои страшные глаза.

— Пора вставать, уже день! — крикнула вехине-хае, но Хуути не узнал ее голоса.

Он открыл глаза, отбросил циновку и понял, что снова находится в пещере Те-моо-ниэве!

Хуути перепугался ужасно. А Те-моо-ниэве воскликнула:

— Как ты, так и я, муж мой! Говорить нам не о чем. Сейчас я тебя убую и съем!

И она выпучила глаза и высунула язык, похожий на громадную мохнатую сороконожку.

— Не сердись, жена моя, успокойся,— сказал Хуути.

— Нет, муж мой,— ответила людоедка,— ты плохо говорил обо мне товарищам, ты смеялся надо мной, но теперь все это кончено.

— Нет, нет! — воскликнул Хуути.— Не сердись, женушка! Я не сказал о тебе ни одного плохого слова.

— Все ты врешь! — закричала Те-моо-ниэве.— Ты сказал мне, что пойдешь готовить еду в земляных печах. Я пошла взглянуть на них и увидела обыкновенные костры. Нет-нет, сейчас я тебя съем!

— Не ешь меня, жена моя! Я тебе все объясню. Костры я зажег тебе в знак приветия. Только я лег спать, как ты меня утщила. Ну что я мог сделать за это время? Вот если бы я остался там подольше, я бы приготовил еды для нас обоих.

Слушая эти слова, людоедка постепенно успокоилась. И Хуути сказал ей:

— Собирайся и пойдём жить в моей земле.

— Хорошо,— ответила Те-моо-ниэве. Она изменила свой облик и опять стала красивой женщиной. Вдвоем они спустились в долину Тааоа и прожили там долго-долго. У них родились дети: сначала сын, которого назвали Фифа, потом второй сын, Паоэ. Когда Те-моо-ниэве была беременна третьим ребенком, Хуути умер. Вскоре после его смерти Те-моо-ниэве родила дочь, которой дали имя Хина.

174. Туапуу и ее дети

Туапуу⁴¹ жила с мужем и родила троих детей — двух мальчиков и девочку. Старшего сына звали Фифа, младшего — Паоэ, а дочку — Хина. Туапуу сама растила всех их⁴². И вот дети подросли. Однажды мать сказала им:

— Пойдите и наберите устриц.

Дети взяли корзинки, сделанные из листьев кокосовой пальмы, и отправились на берег моря. Там они набрали самых разных устриц. Вернувшись к матери, они разбудили ее и сказали:

— Вставай! Вот тебе еда — и устрицы и крабы.

— Поставьте корзинки на полку для припасов, — ответила Туапуу.

Дети поставили туда корзинки и легли спать.

Когда мать услышала, что дети захрапели, она подкралась к полке и сняла все три корзинки с едой. Затем она пропела такое заклинание:

Туапуу, Туапуу,
Фазга, фазга⁴³,
Откройся шире, моя спина!

И вот ее спина открылась, и Туапуу запихнула туда все три корзинки. Затем она снова закрыла спину и улеглась спать.

Утром дети не нашли принесенных ими корзинок и спросили мать:

— Где корзинки, которые стояли на полке для припасов?

— Не знаю, — ответила Туапуу. И пришлось детям в тот день есть одно попои.

А вечером мать снова послала их к морю. И опять дети набрали три полные корзинки. Они пришли домой и сказали матери:

— Иди сюда, смотри, сколько еды — и крабы, и устрицы, и улитки!

— Поставьте все на то же место, — ответила Туапуу.

И опять, не съев ни кусочка, дети легли спать.

А мать дождалась, пока они уснули, стащила всю еду и спрятала ее к себе в спину.

Так повторялось десять раз. Дети приносили домой полные корзинки еды, а Туапуу потихоньку прятала ее себе в

спину. Наконец дети начали догадываться, в чем дело, и младшая, Хина, сказала:

— Наверное, наша мать — вехине-хае!

А братья сказали:

— Мы сделаем верши и пойдем рыбачить. Наловим полные корзинки морских угрей.

Хина согласилась.

В тот же вечер братья сделали верши. А когда, как обычно, Туапуу стала посылать их за едой, дети сказали:

— Нам это надоело, мать! Каждый день мы приносим полные корзинки, а толку никакого — все равно их крадут.

— Что вы говорите, дети мои! — воскликнула Туапуу. — Да кто может их украсть?

— Ну, ладно, — согласились дети, — мы сходим еще раз.

Они взяли корзинки, снасти и пошли на рыбную ловлю. Завернули в кусок тапы тухлое яйцо, привязали его к палке и опустили в воду. Морской угорь шел на эту приманку. Так дети наловили три корзинки отличных крупных угрей. Затем они вернулись домой и сказали матери:

— Смотри, сколько рыбы!

Туапуу велела им поставить корзинки на место. А потом дети легли спать и вскоре громко захрапели.

Но на самом деле они не спали, а только притворялись. Между тем Туапуу встала и схватила корзинки с рыбой. Детям было слышно, как она произносит заклинание:

Туапуу, Туапуу,
Фазта, фазта.
Откройся шире, моя спина!

«Так вот что делает наша мать», — подумали дети. Туапуу запихнула полные корзинки себе в спину. А угри начали извиваться и кусать ее изнутри. Завопила Туапуу, позвала детей и стала им жаловаться:

— Ах, как я больна! Что это может быть, скажите мне, что это может быть у меня внутри?

Дети отвечали:

— Не смерть ли это у тебя внутри, мать?

И Туапуу сказала:

— Теперь моя смерть близка. Но до того, как я умру, отнесите меня в Понопена.

— Ладно, ладно, — обещали ей дети.

Утром они взяли мать и отнесли ее в ту местность. Через день Туапуу умерла. Перед смертью она дала дочери какое-то семечко и попросила:

— Когда я умру, посади это семечко над моей головой.

— Хорошо,— ответила Хина.

Когда мать умерла, дети выкопали яму и зарыли ее тело⁴⁴. Затем над головой Туапуу они посадили семечко.

Прошел месяц, и из семечка выросло дерево кехиа⁴⁵. Оно росло, на нем появились плоды. Дети Туапуу пришли взглянуть на него и удивились: «Посмотри, какое хорошее дерево!» Братья залезли на это дерево, нарвали плодов, попробовали их и нашли, что они очень вкусные. А сестра, стоя внизу, попросила старшего брата:

— Фифа, вон там висит хороший плод, сорви его и брось мне!

Фифа сорвал плод, но съел его сам, а сестре бросил семечко. Хина рассердилась, спрятала семечко в свою набедренную повязку и окликнула второго брата:

— Паоэ, сорви вон тот плод и кинь его мне!

Паоэ сорвал плод и бросил сестре. Тогда Хина сказала:

— Ну, слезайте и пойдем отсюда!

Едва братья спустились на землю, как дерево упало, Туапуу ожила и бросилась в погоню за своими детьми. Она кричала:

— Ну, теперь я всех вас убью и съем!

Дети бежали изо всех сил — впереди братья, за ними сестра. Возле Пекиа вехине-хае стала их нагонять.

— Скорее! — крикнула Хина своим братьям.

Когда люди в Пекиа увидели Туапуу, они испугались, хотя их было много. Все бросились бежать, крича:

— Здесь людоедка Туапуу! Спасайтесь!

Дети добежали до Тахауку, и вехине-хае почти настигла их. В долине Хананапа она их чуть не схватила. Но вот дети оказались на морском берегу. Дальше бежать было некуда. Тогда дети бросились в воду, доплыли до скалы Фатутуэ и вскарабкались на нее. Там они были в безопасности. Туапуу тоже пыталась влезть на скалу, но не смогла — камень был скользкий.

Но на вершине скалы детям нечего было есть. Тогда Хина вспомнила про семечко кехиа, спрятанное у нее в набедренной повязке. Она посадила семечко, и выросло дерево и при-

несло плоды, и плоды созрели. Теперь на всех троих была еда.

Хина сказала старшему брату:

— Фифа, а Фифа! Не будь семечка, мы бы умерли с голоду. Ведь оно из того плода, который ты пожалел тогда мне дать.

А снизу Туапуу окликнула дочь:

— Хина, протяни мне ногу!

Хина протянула ногу, но вехине-хае не смогла до нее достать — так было высоко.

— Хина, дай мне твою руку! — стала тогда просить Туапуу. Дочь протянула руку, но и ее не смогла достать людоедка. Туапуу пыталась забраться на скалу по струе, когда Хина мочилась, и по ее испражнениям, но тоже не смогла.

Хина сказала братьям:

— Найдите острый камень, которым можно резать волосы.

Братья нашли такой камень. Вехине-хае попросила снизу:

— Хина, спусти сюда свои волосы!

Дочь спустила волосы, и людоедка схватилась за них. А братьев Хина предупредила:

— Обрежьте мои волосы, но не сразу, а когда она поднимется повыше.

И Туапуу стала подниматься, держась за волосы дочери. Когда она была у верха скалы, братья перерезали прядь, и вехине-хае свалилась с большой высоты. Она разбилась насмерть и отправилась в Гавайки, страну мертвых.

А Хина сказала братьям:

— Теперь мы в безопасности, вехине-хае мертва.

Все трое спустились со скалы, и Хина сказала:

— Идите в долину Ханайапа и скажите людям, чтобы они набрали топлива и разожгли костер.

Когда все было приготовлено, дети Туапуу сели в лодку и поехали за телом матери. Им надо было прокоптить его. Но Хина не поехала обратно, а осталась у скалы Фатутуэ. Братья звали сестру с собой, но она отвечала:

— Нет, я не поеду, а останусь здесь, потому что скоро я умру.

Братья заплакали. А Хина сказала старшему:

— Фифа, когда ты найдешь себе побратима, веди себя достойно, как подобает, делись с ним всем, что имеешь, не

жадничай. А то ведь я тебя знаю — ты ешь слишком много и готов сожрать даже камни, на которых готовят пищу⁴⁶.

Затем Хина обратилась к другому брату:

— Паоэ, ты должен будешь делать то же, что и твой старший брат.

— Но что же я должен буду делать? — спросил Паоэ.

— Когда вы будете есть, — сказала Хина обоим братьям, — оставляйте немножко и мне.

— Но как же мы тебя найдем, если ты говоришь, что собираешься умереть?

— Не беспокойтесь об этом. Приносите еду сюда, и я ее буду брать.

Фифа и Паоэ оплакали сестру, попрощались с ней, и Хина отправилась в Гаванки, страну мертвых. А братья вернулись на остров. Фифа стал искать себе друга и нашел его. Паоэ тоже стал искать себе друга и тоже нашел. Это был Туа-и-Кайе, вождь из долины Хананапа.

Друзья зарезали свиней и устроили пир для Фифы и Паоэ. Фифа наелся до отвала, не оставив ни крошки для своей сестры. Он съел и мясо, и камни, на которых оно пеклось, и листья, в которые оно было завернуто, и все остальное. Ничего не осталось. Когда же кончил есть Паоэ, он оставил для Хины свиной окорок, связку бананов, чашку попои и чашку поке.

Вождь Туа-и-Кайе спросил своего друга:

— Зачем ты отложил так много еды?

— Я отвезу ее в море своей сестре, — ответил Паоэ.

Вождь очень удивился, узнав, что у его друга есть сестра в море. А Паоэ пошел к брату и сказал:

— Фифа, давай отнесем нашей сестре поесть.

— Да у меня не осталось ни крошки, — ответил старший брат.

— Ничего, зато у меня много, — сказал Паоэ.

Они взяли еду, припасенную младшим братом, отвезли в море, сложили на камни у скалы Фатутуэ и вернулись обратно.

Когда они отъехали от скалы, из моря поднялась Хина. Она увидела один окорок, одну связку бананов, одну чашку попои и одну чашку поке. Хина заплакала, — она сразу же догадалась, что старший брат ничего ей не принес. Так было каждый день.

Однажды Паоэ взглянул на небо, увидел полную луну и тихо сказал:

— Вот такая же красивая, такая же светлая и моя сестра!

— Что, что? — спросил его друг, вождь Туа-и-Кайе.

— Луна такая же светлая, как моя сестра.

И тогда вождь сказал:

— Ты не хотел бы, чтобы твоя сестра пришла в мой дом и стала моей женой?

— Я был бы рад этому, — ответил Паоэ. — Погоди, я поговорю с ней.

Утром он взял калемасу с кокосовым маслом⁴⁷ и отправился говорить с сестрой. Подъехав к скале Фатутуэ, он вылил масло на воду. Стало видно Гавайки, и Паоэ увидел свою сестру. Хина поднялась к брату, и Паоэ сказал:

— Мой друг, вождь Туа-и-Кайе из Ханайапы, хочет, чтобы я забрал тебя отсюда и привез ему в жены.

— Я согласна, — ответила сестра.

Паоэ вернулся в дом своего друга и сказал:

— Моя сестра будет рада стать твоей женой.

Вождь был счастлив.

Тем временем Фифа съедал все, что находил в долине, — и пищу, и даже кухонную утварь. Как-то раз он стал рвать кокосовые орехи. А из них собирались сделать пани, душистое масло, для волос дочери вождя. Вождь застал Фифу на пальме, стряхнул его вниз и убил. Когда Фифа умер, Хина сразу же почувствовала это и воскликнула:

— Что такое смерть Фифы? Не более чем смерть жадного обжоры!

Вождь Туа-и-Кайе сказал своему другу Паоэ:

— Поторопи свою сестру. Пусть она быстрее придет ко мне.

Паоэ отправился повидать Хину и сказал ей:

— Завтра утром приходи в дом своего мужа.

— Утром не приду, — ответила сестра, — приду вечером.

Паоэ вернулся, и вождь его спросил:

— Когда моя жена будет здесь?

— Завтра вечером, — ответил Паоэ.

В назначенное время Хина пришла к вождю Туа-и-Кайе и стала его женой.

Наутро Туа-и-Кайе велел зарезать свинью и готовить пир

в честь своей жены. Верховный вождь долины Хананапа стал спрашивать:

— По какому поводу собрался пировать Туа-и-Кайе?

Люди отвечали:

— У него теперь красавица жена, сестра Паоэ и Фифы.

Узнав, что у Туа-и-Кайе, младшего вождя, есть красивая жена, верховный вождь стал ему завидовать. На следующий день верховный вождь велел своим людям устроить великолепный пир и пригласил на него Туа-и-Кайе и его жену. Ему хотелось посмотреть на красавицу.

Но Туа-и-Кайе не явился на пир, и верховный вождь разгневался. Он решил во что бы то ни стало забрать Хину себе.

Туа-и-Кайе был искусный рыбак. И вот верховный вождь приказал нарезать много коры. Люди нарезали коры, три дня вымачивали ее в ручье, а затем высушили. Из волокон свили веревки и сплели рыболовную сеть. Затем ее забросили в море со скал Мата-Фенуа. Сеть достигла морского дна и захватила много подводных скал. Рыбаки пытались вытянуть сеть, но не смогли. Верховный вождь знал, что в сети нет рыбы, а только скалы. И он послал за Туа-и-Кайе, чтобы тот пришел и помог вытащить сеть.

Получив повеление верховного вождя, Туа-и-Кайе сказал жене:

— Меня собираются убить. Если у нас родится сын, назови его Те-поза-хеи-о-Тонга.

— Хорошо,— ответила Хина.

На следующее утро Туа-и-Кайе отправился в путь. Лодки он не взял, а пошел пешком. В долине Атуона он переночевал. Рыбаки из Атуоны стали его спрашивать:

— Куда ты собрался?

— Вытаскивать сеть, которая застряла у скал Мата-Фенуа.

— Ты погибнешь,— предупредили его рыбаки.

— А что там такое? — спросил вождь.

Рыбаки сказали:

— В сеть попало много подводных скал — Матау-каза, Моту-Фио, Какена-те-Тупуна, Папа-о-Тониохо, Моту-Томото. Если освободишь сеть от этих скал — возвратишься.

Туа-и-Кайе бросился в море и поплыл. В заливе Атуоны он нырнул, но сети не нашел. Во всех заливах по пути к Мата-Фенуа вождь нырнул, но сети не было. Наконец он нырнул

у Мата-Фенуа — и увидел сеть. Большие подводные скалы удерживали ее. Туа-и-Кайе выбросил наверх одну скалу — и так появился островок Моту-о-Фио. Выбросил вторую скалу — из моря поднялся островок Какена-те-тупуна. Третья скала, которую он поднял, — это островок Папа-о-Тониохо. Так же появился островок Моту-Томото. Все они были подняты с морского дна вождем Туа-и-Кайе.

Совершив все это, Туа-и-Кайе выплыл на поверхность у Мата-Фенуа.

Верховный вождь разгневался — ведь он надеялся, что Туа-и-Кайе утонет. И тогда со своей лодки верховный вождь метнул в него копье и убил. Захватив сеть, верховный вождь со своими людьми вернулся на остров. Затем они пришли в долину Ханайапа, и верховный вождь забрал себе красавицу Хину, жену Туа-и-Кайе.

175. Те-поза-хеи-о-Тонга

Когда Туа-и-Кайе погиб, в чреве его жены Хины уже три месяца зрел плод. И вот у нее родился сын. Хина и назвала его, как хотел муж: Те-поза-хеи-о-Тонга, что значит «Красив, как ожерелье Тонги».

Мальчик рос, проводя время в играх с другими детьми. Они любили делать лодочки и пускать их по ручью. Делали лодочки из песка — они рассыпались. Делали из листьев — они не плавали. Тогда Те-поза-хеи-о-Тонга сделал лодочку из кокосовых черешков — и она поплыла!

Когда мальчики стали юношами, они захотели украсить татуировкой. Все покрылись узорами, и Те-поза-хеи-о-Тонга тоже. Но у всех был один рисунок, а у него — другой, очень красивый. Когда татуировки были закончены, устроили пир, чтобы юноши могли показать их.

Окончился пир, и вскоре по всему Хива-Оа разнеслась весть: женщина-вождь Хина-таумиха из долины Тааоа устраивает празднество. Во всех селениях люди стали готовить в подарок ей ожерелья из цветов. Те-поза-хеи-о-Тонга тоже сделал ожерелье и положил его в свою лодку. Она сама поплыла по морю, а юноша пошел сушей. Лодка была еще у

скал Мата-Фенуа, а Хина-таумиха у себя в Тааоа уже почувствовала запах цветов. И она пропела:

Кто мне прислал благоуханье цветов?
Наверное, Кена?

Лодка сразу же остановилась. Хина-таумиха перебрала имена всех красивых юношей, но лодка не двигалась. Но вот Хина-таумиха пропела:

Может быть, это лодка
Те-поза-хеи-о-Тонга?

И лодка немедленно поплыла! Когда она вошла в полосу прибоя у берега Тааоа, сам Те-поза-хеи-о-Тонга тоже добрался до этой долины. Затем он пошел купаться в пресной воде, а лодка причалила к берегу.

Хина-таумиха взяла лодку и отвела ее в грот Таико. В лодке она нашла красивые ожерелья из цветов. Хина-таумиха надела их и подошла к соседнему водоему, чтобы полюбоваться своим отражением. И вдруг она увидела в воде красавца юношу! Женщина разделась и бросилась в воду, но там никого не оказалось. Она вышла на берег — и опять увидела в воде красивого юношу. Хина-таумиха нырнула во второй и в третий раз, и все без толку. Тогда она догадалась: «Не в воде этот мужчина!» Хина-таумиха обернулась и увидела, что незнакомец сидит на дереве.

— Нехорошо ты делаешь, — воскликнула Хина-таумиха, — подсматриваешь, как я купаюсь!

Спустившись с дерева, юноша обнял ее, и они тут же легли вдвоем.

Затем женщина сказала:

— Теперь, муж мой, мы будем жить вместе.

Тот ответил:

— Да, но не сразу. Сначала мы устроим праздник.

И вот в доме Хины-таумихи был назначен пир для всех жителей Хива-Оа. Он должен был начаться в ночь Хоту-нуи⁴⁸.

А пока Те-поза-хеи-о-Тонга вернулся в долину Ханайапа. Все готовились к празднику. Наступила ночь Хоту-нуи, народ собрался на пир, начались танцы. Те-поза-хеи-о-Тонга тоже отправился в путь. Когда он проходил Тахауку, зашло солнце. Тем временем в Тааоа пирующие гости посматривали на

Хину-таумиху и удивлялись — где же ее красавец муж? Женщина и сама спрашивала прибывших гостей:

— Где же мой муж Те-поза-хеи-о-Тонга?

— Он идет, — отвечали ей.

— Когда же он придет? — спрашивала жена. — Уже темнеет!

А с Те-поза-хеи-о-Тонга случилось вот что. Он шел из Тахауку в Атуону и в местности Хопупу встретил двух очень красивых женщин. Они пели песню-комуму ⁴⁹.

Как флейта и раковина ⁵⁰, звучит приветственная песнь. 4
Ты встретила бога благоухающей листвы.
Он так пылок в любовных ласках,
В любовных ласках!

Когда юноша увидел красавиц, им овладело желание, и он их окликнул:

— Эй, женушки!

Женщины — а это были вехине-хае — ответили:

— Ну, что тебе?

— Давайте приляжем втроем!

— Хорошо, но лучше нам отойти немного вверх, а то здесь проходит тропа и нас могут увидеть.

И они пошли вверх по долине. Всю дорогу женщины напевали комуму. Ах, как сладко звучала песня! Обоих этих женщин звали На-опуту ⁵¹. И пока они шли, Те-поза-хеи-о-Тонга все твердил: «Ну, давайте ляжем!», а На-опуту отвечали: «Пройдем еще немного». Когда они достигли Пекиа, юноша воскликнул:

— Женушки мои, мы должны здесь лечь!

Он хотел позабавиться с красавицами и пойти дальше своей дорогой. Но те говорили:

— Нет, нам надо дойти до Хикокуа.

С первым криком петуха они дошли до Фаээпу, и Те-поза-хеи-о-Тонга сказал:

— Давайте ляжем здесь! Петух уже прокричал!

На-опуту ответили:

— Мы остановимся в Хикокуа.

И они продолжали путь. Наконец они достигли Хикокуа, и юноша сказал:

— Вот мы и в Хикокуа. Давайте ляжем. В третий раз пропел петух, скоро рассвет.

— Нам надо дойти до Фаэ-о-Поху,— сказали женщины. Туда они пришли уже на рассвете.

Когда самые поздние гости из Ханаяапы шли на пир в Тааоа, они видели в Тахауке, что Те-поза-хеи-о-Тонга идет впереди. Когда же они пришли на пир, Хина-таумиха стала их спрашивать:

— Вы не видели моего мужа?

— Он шел немного впереди нас,— отвечали гости.— Мы — самые последние.

— Но его еще нет! — воскликнула Хина-таумиха и обратилась ко всем гостям:

— Идемте искать моего мужа! Его увели вехине-хае.

(Хина-таумиха сразу догадалась, в чем дело.)

Хина-таумиха и ее гости отправились в сторону Атуоны и стали спрашивать всех встречных:

— Не видели ли вы Те-поза-хеи-о-Тонга?

Люди отвечали:

— Мы видели его поздно вечером. Он был с двумя очень красивыми женщинами.

— Это опуту! — воскликнула Хина-таумиха.— Они похитили моего мужа.

Было уже светло, когда Хина-таумиха и ее спутники добрались до Хикокуа. Оттуда Хина-таумиха глянула в сторону Фаэ-о-Поху, увидела своего мужа с двумя вехине-хае и поспешила вверх по долине.

— Вернись, муж мой! — крикнула Хина-таумиха.— Эти женщины — людоедки!

А те вели Те-поза-хеи-о-Тонга перед собой, приговаривая: «Иди, иди». Они были у Фатунохо, когда Хина-таумиха достигла Фаэ-о-Поху. Она крикнула еще раз:

— Вернись!

Юноша отвечал:

— Не могу! Я перед ними бессилен!

И они шли — впереди Те-поза-хеи-о-Тонга, за ним вехине-хае, а Хина-таумиха пыталась их догнать.

В местности Накету вехине-хае и юноша остановились. Тем временем его жена была в Фатунохо. Там, у места, которое называется Реехау, росло большое цветущее дерево. Хина-таумиха подошла к нему и позвала:

— О Те-поза-хеи-о-Тонга, вернись, взгляни на меня!

— Не смей смотреть! — сказали юноше вехине-хае. — Та женщина собирается повеситься, а мы твои жены!

Хина-таумиха сунула голову в петлю и крикнула в последний раз:

— О муж мой! Взгляни на меня! Прощай, муж мой!

Она прыгнула и повисла. Взглянул Те-поэа-хеи-о-Тонга и увидел, что его жена мертва.

Когда соплеменники Хины-таумихи увидели, что она повесилась, они бросились к дереву, но опоздали. Хина-таумиха была уже в Гаваики. Люди взяли ее тело и отнесли в Тааоа.

Вехине-хае увидели, что жена Те-поэа-хеи-о-Тонга повесилась, и одна из них сказала другой:

— Милая, давай-ка съедим этого человека!

Но та ответила:

— Нет, не будем есть нашего мужа!

— Ну, ладно, — согласилась ее подруга.

А добрая вехине-хае сказала:

— Если мы его съедим, от него не будет никакого толку.

Те-поэа-хеи-о-Тонга слышал весь этот разговор. Разве тут можно было не испугаться? А вехине-хае сказали ему:

— Пойдем в нашу страну!

И они пошли — юноша впереди, а вехине-хае за ним. Они пришли сначала в Тэахикаха, а затем в долину Хануи. Там не было ни одного мужчины. Те-поэа-хеи-о-Тонга загрузил и заплакал.

— О чем ты печалишься? — спросила его злая На-опуту.

Юноша заплакал еще громче, и тогда она закричала:

— Брось плакать, а не то я тебя съем!

И вдруг ее глаза вылезли, как гусеницы, до самой земли. А потом она облизнулась и языком тоже достала до земли. Ох, как испугался Те-поэа-хеи-о-Тонга! Но добрая На-опуту сказала своей подруге:

— Не делай так! Не надо пугать нашего мужа!

Злая вехине-хае втянула обратно глаза и язык и стала опять очень красивой. А добрая На-опуту сказала:

— Пойдем-ка искупаемся вместе с нашим мужем!

Они втроем искупались, а затем вернулись домой.

И добрая вехине-хае сказала:

— Милая, ложись первая с нашим мужем.

— Нет, ты первая, — возразила ее подруга.

Но добрая настаивала на своем:

— Ложись, ложись с ним, а я тем временем приготовлю всем нам поесть. Вы встанете, мы поедем, а затем и я с ним лягу.

Злая На-опуту согласилась, и ее добрая подруга вышла из дому. Те-поэа-хеи-о-Тонга лег со злой вехине-хае. Потом они вышли из дому и все трое принялись за еду. Насытившись, злая На-опуту сказала:

— Я пойду ловить рыбу, а вы ложитесь.

Те-поэа-хеи-о-Тонга лег с доброй На-опуту, и она ему сказала:

— Я не стану тебя убивать, муж мой, но моя подруга хочет тебя съесть.

— Что же мне делать? — спросил Те-поэа-хеи-о-Тонга. — Как мне спастись от смерти?

Злая вехине-хае вернулась с рыбной ловли и позвала мужа и подругу:

— Идите есть рыбу!

И все трое наелись до отвала.

Затем злая На-опуту ушла ночевать в другой дом, а добрая легла спать с мужем. И когда Те-поэа-хеи-о-Тонга еще раз спросил, как ему быть, его добрая жена ответила:

— Больше ничего не бойся. Теперь мы уже не людоедки, потому что ты пришел жить с нами. Оставайся здесь, мы будем беречь тебя. Ты ведь очень красивый, красивее всех других, поэтому мы тебя и похитили.

176. Тонга-хеи-эе

Еще до того, как Те-поэа-хеи-о-Тонга побывал в долине Атуона и встретил там Хину-таумиху, у себя в долине Ханаапа он жил с одной женщиной. У них родился сын, которого называли Тонга-хеи-эе. Мальчику было три месяца, когда его отца похитили вехине-хае. И вот как-то раз Те-поэа-хеи-о-Тонга спросил одну из своих жен, добрую На-опуту.

— Вы похитили меня. Не могли бы вы утащить и моего сына?

— Хорошо, — ответила жена, — если ты захочешь, мы это сделаем.

Спустя месяц добрая На-опуту забеременела. Потом она родила сына, и ему дали имя Хака-хуа-хеи. Когда он подрос, Те-поэа-хеи-о-Тонга сказал жене:

— Наш мальчик вырос, теперь самое время утащить из Ханайапы моего старшего сына.

Обе На-опуту отправились в Ханайапу, похитили мальчика и привели в Ханауи, где они жили с его отцом. Вот почему с тех пор люди ни в коем случае не оставляют спящего ребенка одного в доме. Те-поэа-хеи-о-Тонга был счастлив, и его женам мальчик тоже понравился.

Братья все время играли друг с другом. Но злая вехине-хае вскоре невзлюбила похищенного мальчика, Тонга-хеи-эе. Он был старше и сильнее своего брата и во всех играх одерживал верх. Однажды они начали строить игрушечные домики, и Тонга-хеи-эе закончил первым. Младший брат, Хака-хуа-хеи, заплакал и побежал к матерям⁵².

— Почему ты плачешь? — спросили его обе На-опуту.

— Брат раньше меня построил домик, вот я и плачу!

— А вы не подрались?

— Нет, нет! — ответил Хака-хуа-хеи, но злая вехине-хае пробормотала:

— Погоди, погоди, мы еще посмотрим!

Те-поэа-хеи-о-Тонга подслушал весь этот разговор и понял, что означали слова его злой жены. «Погоди, мы схватим и съедем тебя и твоего отца!» — вот что она хотела сказать! В это время подошел Тонга-хеи-эе, и отец спросил его:

— Твой младший брат плачет. Уж не побил ли ты его?

— Нет, нет! Мы строили домики, и я его обогнал. Поэтому брат и заплакал. Я его не бил.

А вехине-хае говорила младшему сыну:

— Наверное, он тебя побил! Хотя ты и не говоришь, но мы в этом уверены!

Те-поэа-хеи-о-Тонга подслушал этот разговор и подумал: «Дело плохо!» Он позвал старшего сына и сказал ему:

— Дитя мое, нам нужно бежать отсюда, иначе нас с тобой съедят. Если тебя позовут играть в зонтики, не бери лист хлебного дерева, а бери пальмовый лист⁵³.

— Хорошо, — сказал Тонга-хеи-эе.

— Когда прыгнешь, — продолжал отец, — лети к морю, развернись над скалой Фатуука и жди меня на берегу.

Вехине-хае вместе с Хака-хуа-хеи вернулись в дом, и все стали ужинать. Утром На-опуту позвала мальчиков:

— Тонга-хеи-эе, Хака-хуа-хеи, идите сюда.

Братья подошли. Злая вехине-хае протянула старшему брату лист хлебного дерева, а добрая — пальмовый лист. Тонга-хеи-эе выбрал пальмовый лист, и Хака-хуа-хеи пришлось взять лист хлебного дерева. Затем На-опуту сказали мальчикам:

— Пойдемте на гору Тэ-хаа-Тани-напу.

А отец шепнул старшему сыну:

— Помни, что я тебе говорил.

На вершине горы вехине-хае сказали братьям:

— Прыгайте и летите. А как опуститесь возле Вахуна — возвращайтесь обратно.

Держась за листья, братья прыгнули с горы и полетели. Очень быстро они летели, очень красиво! Когда они скрылись из глаз, вехине-хае решили, что оба брата наверняка погибнут. Пролетая над скалой Фатуука, Тонга-хеи-эе ударил ногой своего младшего брата, и тот упал в море. Хака-хуа-хеи взмолился:

— Брат, протяни мне руку, я тону!

Но старший брат отвечал:

— Мой лист не удержит двоих, и я тоже утону.

Тем временем На-опуту вернулись домой, но мужа там не было. Вехине-хае решили, что он где-нибудь работает. А на самом деле Те-поза-хеи-о-Тонга бежал к тому месту, где опустился его сын. Увидев Тонга-хеи-эе, отец воскликнул:

— Ну, а теперь бежим, дитя мое!

И они благополучно добрались до долины Атуона.

В это время женщина-вождь из Ханайапы собиралась устроить праздник песен. Она велела всем людям сочинить в ее честь хвалебные песни, а также принести благовония. Мужчины и женщины всех селений и даже птицы стали собирать благовония, но песен никто не мог найти.

Наконец вверх по долине отправились две птицы, Котаэ и Копэа⁵⁴. Среди ветвей цветущего дерева они увидели Тонга-хеи-эе, и Котаэ подозвала Копэа:

— Взгляни, какой красивый юноша!

Тонга-хеи-эе услышал эти слова и подумал: «Странное дело — птицы говорят человеческим голосом!» И он спросил их:

— Котаэ, Копэа, что вы здесь делаете?

— Мы ищем хвалебную песнь для женщины-вождя из Ханайапы.

Тогда Тонга-хеи-эе сказал:

— Здесь вы ее и найдете.

— Копэа, он говорит, что здесь мы найдем песню! — обрадовалась Котаэ.

И птицы стали просить юношу:

— Отдай же нам песню.

— Хорошо, — ответил Тонга-хеи-эе, — только слушайте внимательно.

И он запел:

Котаэ, иуа,
Куда же ты сядешь, иуа?
Я сяду на зонтик, иуа,
На зонтик красивого юноши, иуа.
Тонга-хеи-эе, иуа.
Имя его, иуа.

— А теперь повтори, — сказал юноша птице, и Котаэ спела эту песню так, как поют песни ии⁵⁵. Затем Тонга-хеи-эе запел песню для Копэа:

Копэа, иуа,
Куда же ты сядешь, иуа?
Я сяду на зонтик, иуа,
На зонтик красивого юноши, иуа,
Тонга-хеи-эе, иуа,
Имя его, иуа.

Птицы были в восторге. А юноша сказал им:

— Идите на праздник, но не говорите хозяйке, как вы узнали эти песни.

Когда Копэа и Котаэ пришли на пир, они из птиц превратились в женщин. Женщина-вождь спросила их:

— Котаэ, Копэа, что за песни вы принесли?

— Мы принесли тебе песни ии.

— Слушайте все! — воскликнула хозяйка пира, обращаясь к гостям. — Слушайте песню ии, которую поет Котаэ.

Котаэ вышла вперед и запела песню.

Затем хозяйка велела всем гостям тоже петь. Послушав, женщина-вождь воскликнула:

— Превосходная песня!

Потом выступила Копэа и спела свою песню. И хозяйка и гости были очень довольны, и все ей подпевали.

Тем временем на пиру появился Тонга-хеи-эе. Люди распевали его песни. А хозяйка пира подозвала к себе Копэа и

Котаэ. Вслед за ними подошли и другие гости. Женщина-вождь спросила:

— Откуда вы узнали эти песни?

Она уже догадалась, что Копэа и Котаэ не могли сочинить их сами.

— Так кто же вас научил? Это была какая-нибудь птица?

— Нет, это был очень красивый юноша,— отвечали Копэа и Котаэ.

— А на кого он похож?

— Подобных ему нет в Атуоне!

— Почему же он не пришел на праздник?

— Он нам не говорил, придет или нет.

Тонга-хеи-эе не пропустил ни слова из этого разговора. И вот он предстал перед всеми. Копэа и Котаэ бросились к нему, но хозяйка пира их остановила:

— Нет, нет, нет! Не трогайте его! Он будет моим мужем!

А люди, пораженные красотой юноши, говорили:

— Вот это песня, достойная нашего вождя!

Наконец наступила полночь, и праздник окончился. Женщина-вождь пошла спать со своим мужем.

Утром, когда она проснулась, мужа рядом с ней не было. Ночью он исчез.

Вот и всё⁵⁶.

ОСТРОВ ПАСХИ

177. Возникновение острова Пасхи

Юноша Теа Вака сказал:

— Наша земля была раньше большой страной, очень большой страной.

Куукуу спросил его:

— Почему же страна стала маленькой?

— На нее опустил свой посох Увоке¹,— ответил Теа Вака.— Он опустил свой посох на местность Охиро. Поднялись волны, и страна стала маленькой. Она стала зваться Те-Пито-о-те-Хенуа — Пуп Земли. Посох Увоке сломался о гору Пуку-Пухипухи.

Теа Вака и Куукуу разговаривали в местности Ко-те-Томонга-о-Теа-Вака («Место Высадки Теа Ваки»). Затем на берег высадился арики² Хоту Матуа (Хоту Отец) и поселился на острове³.

Куукуу сказал ему:

— Раньше эта земля была большой.

Друг Теа Вака сказал:

— Земля затонула.

Потом Теа Вака сказал:

— Место это называется Ко-те-Томонга-о-Теа-Вака.

Арики Хоту Матуа спросил:

— Почему же земля затонула?

— Это сделал Увоке: он опустил землю,— ответил Теа Вака.— Страна стала зваться Те-Пито-о-те-Хенуа, Пуп Земли. Когда посох Увоке был большим, земля проваливалась в бездну. Пуку-Пухипухи — вот где сломался посох Увоке.

Арики Хоту Матуа сказал Теа Ваке:

— Друг, это сделал не посох Увоке. Это сделала молния бога Макемаке.

Арики Хоту Матуа стал жить на острове.

178. Макемаке

Макемаке⁴ совокупился с водою. Он породил рыбу ава⁵ и рыбу пареко реко.

Макемаке совокупился с камнем и породил красную рыбу ихоико.

Макемаке совокупился с землею и породил аку-аку⁶ Ко Тиве, Рараи-а-Хои и старуху Ко Унгу-а-Ранги Котекоте (Унгу — Облачное Небо).

179. Макемаке и Хауа⁷

В бухте Тонгарики, напротив аху⁸ Тонгарики, колдунья охраняла лежащий на скале череп. И дух аху Пуна всегда смотрел на старую колдунью. Но однажды в бухту Тонгарики, где посередине скалы лежал череп, пришла большая волна. Она обрушилась на череп со всех сторон и унесла его. Глаза колдуньи заметили уплывающий череп. Она прыгнула за ним в воду. Но череп плыл все дальше и дальше. Колдунья поплыла за ним в открытое море, достигла острова Мотеро-Хива⁹ и, усталая, вышла на берег. Хауа увидел ее и спросил:

— Кто ты и откуда?

— Я гналась за моим черепом.

Хауа ответил:

— Это не череп, это бог Макемаке.

Колдунья осталась на острове. Хауа наловил ей рыбы махоре. Старуха осталась там навсегда.

Однажды Макемаке сказал Хауа:

— А что, если нам погнать птиц в ту страну, откуда я прибыл? Я ведь приплыл сюда для этого.

Хауа ответил:

— Хорошо, только объясни колдунье, что мы отправимся все втроем, и пусть она назовет людям наши имена и скажет им, чтобы они, принося приготовленную еду в хижины, произносили наши имена: «Это Хауа, это Макемаке». Скажи это старухе, и пусть она предупредит людей по всему острову.

Макемаке передал старухе слова Хауа. Потом он вернулся к Хауа и сказал:

— Пойдем погоним птиц к острову.

Хауа ответил:

— Пойдем.

Они пошли и погнали птиц. Старуха была с ними. И птицы полетели и прилетели на остров. Макемаке заметил прекрасное место. Они остановили птиц в этом месте, называемом Кауханга. Они оставались там три года. Мужчины, женщины и дети ели птиц. Затем Макемаке и Хауа вернулись назад. Они снова погнали птиц и оставили их на Ваитаре. Снова они ждали три года. И они увидели, что люди едят яйца птиц. Тогда они снова погнали птиц на остров Мотунуи. Здесь все было хорошо для птиц, потому что они попали в такое место, где не было людей.

Теперь расскажем о старухе. Она осталась в хижине в местности под названием Ваимахо. Она научила людей, вынимая еду из печи и неся корзины с бататом в хижину, говорить: «Это Хауа, это Макемаке». За сахарный тростник, рыбу, угрей, птиц и всякую другую еду люди должны были благодарить Хауа и Макемаке.

Но вернемся к птицам, что остались на острове. Однажды мужчины попали на остров и увидели много-много птиц и много яиц птицы манутара¹⁰. Когда они вернулись и вышли на берег, они рассказали об этом мужчинам, женщинам и детям. Все племена собрались, отправились в Оронго¹¹ и построили там хижины. Они остались в Оронго и отпраздновали праздник хижины, праздник построенной хижины; они прославляли Хауа и Макемаке. Прошло время. Настала пора сбора яиц манутара. Мужчины поднялись к Оронго и остались

там. Слуги поплыли на остров, а хозяева остались на Матавери. Манутара отложили яйца. Один из слуг нашел первое яйцо, взял его и поплыл, поддерживая это яйцо одной рукой. Так он вернулся с острова. И с тех пор всегда празднуется праздник яиц, день, когда Хауа и Макемаке пригоняют птиц.

180. Тангароа и его сын

Тангароа совокупился с девушкой по имени Ора Нгарау. Девушка забеременела. Тангароа забрал эту девушку из пещеры Ана-Ваеро. Он доставил ее в местность Хангануи (Большой Залив) и там убил. Тангароа разрезал девушке живот и стал собирать внутренности в корзину. Собрав их, он вернулся к себе домой, в Пурева-Нунуи. Там он остановился.

Старуха спустилась к морю и увидела в корзине ребенка. Она взяла корзинку, вынула ребенка и вернулась к себе домой. Старуха стала растить и воспитывать мальчика. Прошло много времени. Ребенок вырос большим. Однажды он спросил старуху:

— Где мой отец?

Она ответила:

— У тебя нет отца.

Мальчик стал арики. Он спросил у старухи:

— Где мой отец?

Старуха ответила:

— В той местности, где темное небо.

Тогда арики отправился в Пурева-Нунуи. Он пришел в дом Тангароа, к своему отцу и дяде, арики Туки Хакахе Вари Иа Тоху, брату Тангароа.

181. Тангароа в образе тюленя

Арики Тангароа Меа сказал:

— Я хочу, подобно тюленю, войти в воду и отправиться в страну, где стану верховным вождем.

Его брат, тоже арики, ответил:

— Ты умрешь, ведь это дальняя страна и ты не сможешь добраться туда быстро. А я могу отправиться туда и вернуться в тот же день.

Братья поспорили. Победил в споре Тангароа, и он отправился на Те-Пито-о-те-Хенуа. Его мана ¹² повелевала морем, в котором он плавал, подобно тюленю. Мана его брата повелевала сушей. Тангароа подплыл к Тонгарики, и там его увидели люди ¹³. Раздались крики:

— Люди земли, на Тонгарики на сушу выбрался тюлень! Люди удивленно говорили:

— У него тюлений хвост, тюленьи ласты, но лицо человека! Они хотели зарезать его. Но Тангароа сказал:

— Я — вождь, арики Тангароа, а не тюлень.

Но люди ответили:

— Нет, ты — тюлень с лицом человека.

Люди забросали его камнями. Они кричали:

— Давайте вытащим его на берег.

Они притащили его на Пито-Кура. Вырыв земляную печь ¹⁴, люди положили туда Тангароа и накрыли его камнями.

Позже они открыли свою печь, но мясо тюленя было еще сырым. Тогда люди снова закрыли печь и остались ждать возле нее. Но когда они вновь раскрыли печь, мясо так и не зажарилось. Люди сказали:

— Значит, это была правда, это арики Тангароа, а не тюлень. Поэтому он наполовину сырой.

Брат Тангароа, Теко Большие Ступни, увидел, что его брат не возвращается вот уже целый месяц. И тогда он заплакал по своему брату. Он отправился разыскивать его. Он высадился на Те-Пито-о-те-Хенуа ¹⁵. Сначала он направился к Рету, что около Ваимеа. Он поднял свою ступню и поставил ее на полуостров Поике, но не увидел своего брата.

— Где Тангароа, арики? — спрашивал он возле вулкана Ранокао, в местности Рету и в местности Пуи.

Жители острова испугались. Он поднял стопу и поставил ее на Пуку-Пухипухи, место, где Теко посадил свою палку-копалку ¹⁶. Он поднял другую стопу и поставил ее на другую сторону полуострова Поике. При этом он спрашивал:

— Где арики Тангароа?

Его ступни попирали землю, а голова доставала небо. Он всюду спрашивал об арики Тангароа.

182. Битва островов

Четыре острова — Маротири, Моту-Нуи, Моту-Ити и Моту-Каокао — находились возле селения Оронго. Моту-Нуи, Моту-Ити и Моту-Каокао сражались с островом Маротири и заставили его отступить.

Это была жестокая битва, и Маротири бежал. Он обосновался в отдалении от своих врагов, неподалеку от местности Пуи.

Моту-Нуи, Моту-Ити и Моту-Каокао не стали преследовать беглеца и вернулись туда, где они находятся и поныне, — возле селения Оронго.

183. Хоту Матуа (заселение острова Пасхи)

Хоту Матуа¹⁷ послал шесть человек на лодке Ораора-миро, чтобы они отыскиали местность, где должен жить арики. Хоту Матуа сказал им:

— Найдите прекрасную страну с песчаным берегом, такую, чтобы там мог жить арики.

Шестеро юношей отправились на лодке Ораора-миро и прибыли на остров Стоящих В Воде Сыновей Тоанги¹⁸. Сначала юноши остановились в местности Те Пу. Затем поднялись по склону вулкана и достигли Оронго. Они остановились в местности Ана-Марикуру и нанесли туда почву для посадки ямса.

Закончив посадку, шестеро юношей продолжали осматривать страну, в которую прибыли.

Они увидели кратер вулкана, узнали его и сказали:

— Это и есть Черная Яма Хау Мака¹⁹.

Затем они пришли в Те-Мана-Вай, потом — в Ханга-Вакао-Туапои. Они побывали в Орои, в Ана-Ваеро, осмотрели Рунга-Вае и Ханга-Тетенга. Юноши посетили Ханга-Икири, Вай-Моаи, Ханга-Маи-Хику, Атама. Осмотрев Атама, они сказали:

— Здесь водятся акулы, как у острого мыса на острове Мотеро-Хива.

Затем шестеро юношей дошли до Ооне-Теа.

— Здесь хорошее место для арики,— решили было они, но один из юношей сказал:

— Нет, это плохая местность, нам нужно идти дальше.

Они побывали в Ана-Хавеа, Тонга-Рики, Ханга-Нуи, Потуте-Ранги-те-Хукинга-Хиру, Ана-те-Ава-Нуи, аху Рикирики, Кавакава-Кие, Кири-Роа, Те-Хака-о-те-Кауае, Таунга-Парехе, Ваи-махакки, Кохау-хати, Маха-Туа. Но им нигде не понравилось.

Когда же они увидели пески Таха-Роа, один из юношей сказал:

— Вот хорошее место для арики.

Но остальные решили:

— Нет, эта местность не хороша.

Тогда они посетили Мауку-Роа, Нга-Пау-Хива, Ваи-Мангео, Хату-о-Пуна, Ханга-о-Мити, Ханга-о-Хону, Ханга-коури, Пуна-Пау, Пуна-Пере-Такеа, Пунга-Ахоа, Ханга-Кихикихи. Они увидели пески Овахе и решили было остановиться там.

Но один из юношей снова сказал:

— Нет.

Тогда юноши вернулись к мысу и увидели там бухту Анакене. И только тут решили:

— Здесь будет жить арики, это прекрасное место.

Там, в Анакене, они увидели спящую на песке черепаху. Юноши приблизились к ней и схватили ее. Черепаха сильно дернула ногой, и один из юношей был ранен. А черепаха убежала, и пришлось пятерым юношам нести вместо черепахи раненого товарища.

Они пришли в пещеру под названием Иху-Ареро. Там они положили раненого. Целых три дня и три ночи бодрствовали юноши. Больной не поправлялся. Тогда юноши сложили у входа в пещеру пирамиды из камней. Затем юноши сказали пяти пирамидам:

— Если раненый окликнет нас, ответьте ему.

После этого пятеро юношей покинули раненого и ушли.

Они посетили Рапанга-Реи, эти пятеро юношей по имени Ира, Рапаренга, Куукуу, Рингиринги, Таватава-а-Хуатава. Когда они прибыли в Тата-Мата-Веру, им встретился незнакомый юноша. Он присоединился к идущим — и снова разведчиков стало шестеро.

Поднявшись на вулкан, они заглянули на свои посадки ямса. Вокруг посадок росло очень много сорняков. Увидев это, юноши сказали:

— Плохая страна, она покрыта сорной травой.

Потом юноши отправились в Оронго. С высоты вулкана они увидели лодку Хоту Матуа. Рядом шла вторая лодка, которой управлял Туу-ко-иху.

— Как вам понравилась эта страна? — спросил Хоту Матуа.

— Страна плохая — на ней очень много сорной травы!

— И у нас тоже плохая страна, — воскликнул Хоту Матуа, — при большом приливе ее заливают.

— Зачем вы сообщили Хоту Матуа дурные вести? За это он может замыслить против нас что-нибудь дурное, — сказал один из юношей.

Лодка Хоту Матуа пошла влево, а лодка Туу-ко-иху — направо.

Хоту Матуа подъехал к мысу Ваи-Махаки и увидел там лодку Туу-ко-иху. Она подплывала к Веронга-те-Торемо, что в заливе Анакена. До Туу-ко-иху донесся голос Хоту Матуа:

— Остановите ваши весла! Остановите ваши весла!

Лодка Хоту Матуа прибыла в Хирамоко первой. Когда она причалила к берегу, у арики родился ребенок Туума Хеке²⁰. Лодка Туу-ко-иху также причалила к берегу, в Ханга-о-Хио.

Там родилась девочка Ава Реи Пуа. Посланец Хоту Матуа пошел звать Туу-ко-иху, чтобы тот перекусил пуповину наследнику арики, Туума Хеке.

Туу-ко-иху пришел и совершил обряд. Он перевязал, а потом перекусил пуповину новорожденному. Ореол арики увенчал чело Туума Хеке. Затем Туу-ко-иху возвратился к себе и перевязал пуповину девочке-арики Ава Реи Пуа.

Люди Хоту Матуа также высадились и поселились возле Хира-Моко.

После этого на остров прибыли на лодках другие люди. Они привезли с собой кур, кошек, черепах, собак²¹, стебли банана, деревья гибиска, торо-моро, марикуру, макоя, тыквы, ямс и бананы разных сортов — пукапука, коротеа, хихи, онахоа, наху.

Сотни и сотни людей махинго²² прибыли на остров.

184. Моко-Аранги-Роа и помогающий аку-аку

Отец взял с собой своих сыновей, жену, саженцы батата, ямс, побеги банана, побеги сахарного тростника, своих кур, петухов, одежду, калebasы²³ и отправился в Матавери. Там его дети вспомнили о самом младшем мальчике и сказали:

— Мы забыли ребенка!

Отец ответил:

— Оставим его там. Ведь это его страна.

Они остановились в Матавери. Отец выпустил кур и петухов, посадил бананы, батат, сахарный тростник и ямс.

Младший сын по имени Моко-Аранги-Роа (Ящерца С Длинным Лицом) остался в Анакене. Он посадил свои бананы, батат, свой сахарный тростник и свой ямс. Он взял два яйца и зарыл их в куче земли. Он добыл огонь и стал согревать эту кучку, как наседка согревает яйца своим теплом. Ведь ни одной курицы не осталось в Анакене — и лишь эти два яйца были забыты.

Вскоре из них вылупились два цыпленка, петушок и курочка, которые потом произвели других цыплят. Так Моко и аку-аку, который был с ним, развели великое множество цыплят. Моко не мог видеть лица аку-аку, который помогал ему. Он только слышал его голос. Через некоторое время в Анакене в изобилии выросли бананы, батат, ямс, сахарный тростник.

Спустя несколько лет две сестры Моко решили пойти к заливу Анакена, чтобы наловить рыбу патуки, щетинистых крабов, черных крабов и рыб туаминго. Достигнув Анакены, сестры начали рыбачить. Они увидели бананы, сахарный тростник, ямс, кур, батат и прочие вещи. Они сорвали несколько бананов, а затем у берега поймали рыбу туаминго. Чтобы согреться, сестры разожгли костер и приготовили бананы. Моко увидел огонь костра и пришел с копьем²⁴. Он хотел убить пришельцев.

Моко спросил:

— Кто вы?

Сестры сказали, что первую из них зовут Атуруту и вторую — Атуруту.

Все трое заплакали.

Моко приказал:

— Погасите огоны!

Сестры спросили:

— А кто ты?

— Я — Моко-Аранги-Роа, Ящерица С Длинным Лицом.

И сестры увидели изображение ящерицы на его лице. Они погасили огонь.

Моко сказал:

— Если придет аку-аку, он убьет вас. Но вы не погибнете, потому что я здесь.

Моко наломал сахарного тростника и бананов и дал своим сестрам. Они погрузили все это на спину и отправились в дом своих родителей в Матавери. Когда они вернулись домой, отец спросил:

— Кто дал вам сахарный тростник и бананы?

Они сказали:

— Моко-Аранги-Роа.

— Вы действительно встретили своего брата?

— Да, мы встретили его.

Аку-аку сказал Моко:

— Нарви бананов и положи их на землю.

Он закопал бананы в большой ров, где они дозрели. Аку-аку и Моко выкопали ямс и батат, наломали сахарного тростника и связали петухов. Они отправили посланца пригласить отца Моко на праздник коро²⁵. Посланец вернулся с отцом Моко-Аранги-Роа. Моко взял бананы, ямс, сахарный тростник и кур и отдал их своим братьям. Вернувшись в Матавери, все они славили Моко.

185. Как ребенок превратился в рыбку нануе

Две женщины отправились как-то ночью ловить рыбу туа-минго. У одной из них был маленький сын по имени Ахина Оиои, и она взяла его с собой. Мать уложила ребенка спать, а сама пошла ловить туаминго и крабов. Тут пришел аку-аку по имени Хити Капура и схватил ребенка. Он бросил его в заводь. Ребенок заплакал:

О мать, пришел мой конец,
Я в руках аку-аку Хити Капура,
Отражения месяца.

Женщины услышали плач и прибежали к ребенку. Мать взяла его на руки, но он не двигался. Мать испугалась и снова положила его в воду. Ребенок ожил.

Тут начался прилив и затопил то место, где кричали женщины. Волна подхватила ребенка и унесла его прочь. Потом ребенок превратился в красную рыбку. Он поплыл к островку Маротири. Женщины последовали за ним вдоль берега. Так они пришли в Оронго, а рыбка — к островку Моту-Каокао. Она стала плавать вокруг скалы. Женщины плакали, а рыбка плавала неподалеку от них. Наконец рыбка исчезла в глубине возле Моту-Каокао. Имя этой очень вкусной рыбки — нануе-ахи-наоио²⁶.

186. Происхождение обсидиановых наконечников

У трех братьев, Пукупуку, Ниванива и Итиити-а-Коро-Уа-Ронга, умер отец, и мальчиков воспитывала мать. Когда они подросли, мать умерла. У мальчиков был дядя, брат их отца, но он почти не обращал на них внимания: у него самого было двадцать сыновей.

Пукупуку, Ниванива и их младший брат спустились с вулкана, чтобы покататься на волнах²⁷. С ними катались их двоюродные братья. Покатавшись, все они вышли на берег и стали греться на солнце. Потом двоюродные братья предложили Пукупуку сыграть в битву на копьях с тыквенными наконечниками. На одной стороне были три брата, а на другой — двадцать их двоюродных братьев. Во время игры двадцать двоюродных братьев стали швыряться камнями; три брата убежали на Манаваи и ночью вернулись домой. На следующий день произошло то же самое. На третий день Итиити-а-Коро-Уа-Ронга споткнулся, когда убегал, и порезал ногу обсидиановым осколком²⁸. Пукупуку подобрал кусок обсидиана и порезал о его острый край руку.

— Завтра, — сказал он, — мы убьем их.

Он взял куски обсидиана и пошел домой. Там он обточил двадцать кусков и привязал к копьям. На следующее утро Пукупуку взял копья и спрятал их возле того места, где они сражались каждый день. Три брата и их двоюродные братья ка-

тались на волнах, а потом начали играть в битву на копьях. Три брата стали медленно отступать, преследуемые двадцатью двоюродными братьями. Когда они дошли до места, где было спрятано первое копьё с обсидиановым наконечником, они бросили его в первого мальчика, и тот умер. Так они убили всех своих двоюродных братьев, кроме одного.

Отец похоронил девятнадцать своих детей, потом взял жену, последнего ребенка, всех своих цыплят и отправился к Хотуити, так как испугался своих племянников. Но братья нашли его; Пукупуку вошел в дом и убил своего дядю. Потом он сказал маленькому мальчику:

— Теперь о тебе некому заботиться. Твой отец умер. А мы твои братья. Ты будешь жить с нами.

187. Происхождение костяного рыболовного крючка

Прежде люди ловили рыбу каменными крючками. Но хорошая рыба не клевала, и они не могли поймать ни тунца, ни рыбы пей и никакой другой вкусной рыбы. Люди возвращались на берег ни с чем и давали детям рыбу атуре, которую ловили сетями.

Однажды ночью Уре приснилось, что его дух отправился к дому Тиракока. Он вошел и увидел висящий там сложный костяной крючок. Дух Уре внимательно осмотрел крючок. Еще он увидел висящий в хижине очень маленький крючок и обычный каменный крючок. Потом дух вернулся в тело. На рассвете Уре взял человеческие кости и вырезал из них красивый крючок. Потом он попросил у другого мужчины каменный крючок. Уре сказал:

— Пойдем завтра ловить рыбу, и я поймаю тунца, если пойду с тобой.

Люди сказали:

— Было бы очень хорошо, если б ты поймал тунца.

Уре закончил крючок и на следующий день отправился на берег моря с веревкой в корзине. Он пошел к бухте Хангапико. Там он набрал камней для линя и обмотал лить вокруг камня. Затем Уре и другой мужчина добрались до места, называе-

мого Хака-Нохонга. Потом он отгреб лодку к месту, называемому Хака-Кайнга. Там он и его помощник наловили сетью рыб атуре. Когда лодка наполнилась рыбой, они вернулись на Хака-Нохонга. Уре забросил свой крючок, а хозяин лодки удерживал ее веслом на месте. Тунец клюнул, и Уре вытащил его.

Мужчина, который был с ним, спросил:

— Чем ты поймал эту рыбу?

Уре ответил:

— Каменным крючком.

Мужчина промолчал. Подошли другие лодки, чтобы посмотреть, как Уре ловит тунца. Они приплыли, чтобы спросить, чем же он ловит рыбу?

— Каменным крючком,— отвечал Уре.

Через некоторое время тунец снова клюнул, и Уре вытащил его. Рыбаки увидели это и вернулись, чтобы снова спросить, что он привязал к концу линия. Уре соврал в третий раз:

— Каменный крючок.

А на самом деле он ловил рыбу своим костяным крючком. Некоторое время спустя тунец снова клюнул. Теперь подошли все лодки. Люди схватили веревку Уре и вытащили ее. Затем они сняли крючок Уре и осмотрели его: это был крючок из человеческой кости. Одна лодка подошла близко к лодке Уре, и люди веслом проломали Уре голову.

188. Происхождение ямса Онаку-о-те-Такаторе

Жил когда-то недалеко от аху²⁹ Рикирики человек, и звали этого человека Итуа Орунга Кавакава Киое. Однажды он посадил батат и насыпал кучи земли, чтобы посадить ямс. И еще он посадил бананы и сахарный тростник.

На следующий год Итуа Орунга выкопал ямс. В то время, когда он работал в поле, мимо пролетела птица Хаа-Ронго. Мужчина спросил птицу:

— Ты ли та птица, которая сможет мне принести ямс. Онаку-о-те-Такаторе?

И он продолжал работать со своим ямсом. Он насыпал кучи земли для него и посадил ростки. Закончив работу, Итуа Орунга стал ждать следующего месяца.

А птица Хаа-Ронго увидела, как мужчина из Тахаи выкапывает ямс Онаку-о-те-Такаторе. Она улучила момент, когда мужчина зазевался, спустилась и клювом схватила ямс. Хозяин услышал шум крыльев. Он повернулся и увидел, что птица улетает с его ямсом. Он закричал:

— Вернись!

Но птица улетела прочь и прилетела на Поике прямо к дому Итуа Орунга Кавакава Киое. Там она бросила ямс и вернулась в свою страну.

Ямс пророс, пустил стебли и дал клубни. И тут хозяин заметил на ямсе пятнышки — следы клюва птицы. Он обрадовался и сказал:

— Этот ямс принесла мне птица Хаа-Ронго.

189. Туу-ко-иху и два аку-аку

Арики Туу-ко-иху решил сходить в дом, называемый Харе-Кока, в Ханга-Хахаве. Сам Туу-ко-иху жил в местности Ахуте-Пеу. Рано утром он отправился в путь и посетил Ваитака-Тики, Пуку-Такауре, Аху-Ава-а-Теа, Хенуа-Кава. Он поднялся вверх и взобрался на вулкан Пуна-Пау. Случайно он увидел впереди двух аку-аку, которые спали вблизи скалы из красного камня. У них не было тел — одни только ребра. Этих аку-аку звали Хитирау и Нуку-те-Манго. Туу-ко-иху отправился дальше.

Третий аку-аку по имени Хауриури крикнул спящим: -

— Проснитесь, арики видел ваши ребра!

Аку-аку проснулись и заметили человека. Они вскочили, взобрались на гору и преградили Туу-ко-иху путь.

— Что ты знаешь о нас? — спросили аку-аку.

— Ничего, — отвечал арики.

— Может, ты что-нибудь заметил? — вновь спросили аку-аку.

— Нет, — отвечал арики.

Аку-аку исчезли.

Туу-ко-иху продолжил свой путь, но аку-аку снова встретили его, в местности Матаенго, и вновь спросили:

— Что ты знаешь о нас, о арики?

Туу-ко-иху отвечал:

— Ничего!

Туу-ко-иху отправился дальше, но вновь встретился с аку-аку в Пуку-Раутеа. Они опять спросили его:

— Что ты знаешь о нас, о арики?

Если бы Туу-ко-иху признался, что видел их ребра, аку-аку убили бы его.

Но арики ответил:

— Ничего!

И аку-аку исчезли.

Туу-ко-иху спустился вниз и прибыл в дом Харе-Кока. Когда он пришел туда, там были люди, бравшие камни из печи. Они выбрасывали головешки. Туу-ко-иху взял две головешки и принес их в дом. Из первой головешки он вырезал одну моаи³⁰, а из второй — другую. Он сделал две моаи, изображавшие аку-аку Хитирау и Нуку-те-Манго.

Потом Туу-ко-иху лег спать и во сне увидел двух женщин по имени Паапо Ахиро и Паапо Аки Ранги. Эти женщины прикрывали свои комари³¹ руками. Туу-ко-иху внезапно проснулся. Он встал и, когда наступил день, выбрал дерево и вырезал из него две гладкие моаи, изображавшие женщин. Потом он вскинул их себе на спину и ушел в Аху-те-Пеу. Там Туу-ко-иху поставил свои моаи в доме, где он жил.

190. Туу-ко-иху и его моаи-миро

В Рио-о-Хату жил юноша. Однажды он собрался устроить праздник коро в честь своего отца. Для этого юноша вырастил цыплят и построил хижину. Все люди помогали ему. Когда все для праздника было готово, юноша оставил своих земляков и отправился в Аху-те-Пеу, чтобы пригласить арики Туу-ко-иху и попросить у него моаи. Он взошел на площадку Туу-ко-иху и попросил его:

— О арики, одолжи мне одну моаи на праздник в честь моего отца.

Арики ответил:

— Хорошо.

Туу-ко-иху дал моаи. Юноша взял ее и вернулся домой. Он принес стебли сахарного тростника, вырыл клубни ямса и батата, а также положил в яму бананы. Он разжег земляную печь и положил в нее петухов, ямс и батат. Одни гости пели песни риу, другие пели песни еу, третьи — песни а те атуа. Они взяли всю еду и отнесли ее в хижину для праздника коро. Моаи установили в дверях хижины, и люди ходили поклоняться ей. Так провели они три дня в хижине коро. Хижина была хорошая. Люди ели много сахарного тростника и бананов. Когда праздник закончился, юноша остался в хижине. На третий день хижина загорелась. Мужчины, женщины и дети кричали:

— Дом коро горит, дом коро горит!

Этот крик был слышен в Хангароа, на Моту-Таутара, на Аху-те-Пеу. Туу-ко-иху услышал крик и приказал своей моаи:

— О Прыгающая Птичка, прыгай!

Туу-ко-иху послал слугу в Рио-о-Хату. Когда юноша увидел его, он сказал:

— Ваша моаи сгорела.

Слуга сказал:

— Нет, она не могла сгореть.

Он осмотрелся и нашел моаи лежащей в стороне от сгоревшей хижины.

Слуга позвал хозяина хижины коро и сказал ему:

— Вот моаи.

Потом он вернул ее Туу-ко-иху.

191. Туу-ко-иху и плащ из тапы

Военный отряд тупахоту, марама и хотуити выступил против миру с Аху-те-Пеу и Ваи-Мата. Они подошли к Кахуреа, и там началась битва. Человек из отряда Ханга-Тетенга появился в плаще из окрашенной тапы³². Воины миру заметили плащ и захотели получить его: ведь это было великолепное одеяние. Ночью тупахоту вернулись к себе, а миру вернулись

на Аху-те-Пеу. Они провели вечер, говоря о прекрасном плаще из тапы. Среди них был слуга Туу-ко-иху, который рассказал хозяину об этом разговоре. Туу-ко-иху сказал:

— Эта вещь сама придет ко мне.

Когда рассвело, воины миру выступили против тупахоту и уреохей. Снова разгорелась битва. Хозяин выкрашенного куркумой плаща тоже сражался там. Вдруг плащ сорвался с его плеч и полетел над головой. Он крикнул:

— Плащ, вернись!

Воины увидели летящий плащ и закричали:

— Плащ летит по воздуху, он движется!

Хозяин продолжал кричать:

— Плащ, вернись!

Плащ долетел до Аху-те-Пеу. Он остановился между маленьким и длинным аху вблизи дома Туу-ко-иху. Туу-ко-иху крикнул из хижины своему слуге:

— Пойди принеси мой плащ, он зацепился за маленькое и длинное аху.

Слуга нашел плащ и принес его Туу-ко-иху.

192. Уре

Уре ушел из хижины своего отца, пришел на берег моря и взобрался на дерево миро³³. Он остался на дереве и заснул. Отец Уре по имени Ваи-а-Нухе стал искать его. Когда он его нашел, то принес ему еды и вернулся. Уре провел всю ночь, распевая:

О Уре, сын Ваи-а-Нухе,
Они видят твои губы, твои руки,
Твои ногти, твои красные ногти,
О Уре, о юноша.

Две женщины аку-аку пришли ночью, чтобы похитить Уре. Они отломили две ветки, на которых лежал Уре, сын Ваи-а-Нухе. Он взобрался выше и продолжал петь свою песню.

Всего было восемь веток, на которых Уре мог спать. Каждую ночь аку-аку отламывали одну ветку. Люди слышали пес-

ню Уре. Когда осталось только две ветки, они пошли к Ваи-а-Нухе и сказали ему:

— Иди к берегу, пока аку-аку не украли твоего сына. Осталось всего две ветки. Аку-аку украдут его.

Ваи-а-Нухе отправился в путь и пришел к ветвистому дереву. Уре, сын Ваи-а-Нухе, все еще пел. Отец забрал его домой, где аку-аку не могли его убить.

Уре пожил с отцом некоторое время, но потом снова исчез. Он спрятался в пещере на Ханга-Пико. Там он запел:

Капля дождя первая —
Девушка Акоа.
Капля дождя вторая —
Девушка Акоа.
Капля дождя третья —
Девушка Акоа.

Он распевал так целыми днями. Люди сказали отцу:

— Уре наделал страшно много шума.

Отец ответил:

— Мой сын обезумел.

Потом Уре ушел из пещеры и пошел к Ваи-Рапе. Позже он поднялся на вулкан. Оглядевшись, он увидел банановые посадки. Уре сорвал гроздь бананов. Хозяин бананов увидел, что кто-то похитил гроздь, и спросил у банана:

— Кто тебя сломал?

Банан ответил:

— Меня сломал какой-то красивый маленький человечек.

Хозяин стал искать Уре и нашел его. Он запер его в своей хижине. Сирота, возвращенный этим мужчиной, заметил, что хозяин готовит земляную печь. В ней он хотел зажарить Уре. Сирота сказал Уре:

— Ты сейчас умрешь, для тебя готовят земляную печь.

Уре ответил:

— Он не убьет меня, если хочет, чтобы в его озере рос камыш.

Сирота пошел к хозяину бананов и рассказал ему об этом разговоре.

Мужчина сказал:

— Хорошо, дай мне белого петуха.

Сирота принес петуха, зарезал его, выпотрошил и зажарил. Он принес Уре петуха и батат. Уре отправился спать, но в се-

редине ночи проснулся и пошел на Анакену. Там он взял стебли камыша и разрезал их на три части. Верхние части он посадил на Рано-Орой, средние — на Рано-Рараку, а нижние — на Рано-Као. Глубокой ночью он посадил камыш на всех озерах в кратерах вулканов. Хозяин озера услышал ночью шум камыша. Он сказал:

— Наконец-то шумит озеро.

Утром он увидел камыш и очень удивился.

А Уре пошел на Ваи-Ро. Там он остался в воде, превратившись в крючок. Старуха, которая пришла, чтобы набрать воды, увидела этот крючок. Она принесла его домой своему мужу. Вместе они полюбовались крючком и положили его в калебасу. Когда женщина ушла готовить земляную печь, Уре вышел из калебасы. Мужчина и женщина вернулись и увидели Уре. Мужчина спросил:

— Откуда взялся этот юноша?

Уре ушел. Он пришел на Пака-а-Таи. Там Уре превратился в высокое и прекрасное растение куркуму. Все восхищались им. Люди говорили:

— Смотрите, Уре снова сделал чудо.

Однажды несколько мужчин стали выкапывать куркуму. Растение закричало:

— Ау, ау!

Мужчины раскопали глубже и отрезали корень. Люди сказали:

— Это Уре, делающий чудеса.

Потом Уре ушел в хижину своего отца на Пака-а-Таи.

193. Девушка Ухо и черепаха

Однажды девушка по имени Ухо пошла на берег постирать одежду. Она развязала свой крашенный поясок и положила его в стороне. Потом она вернулась домой с калебасой, полной верхней одежды. И тут же вспомнила про свой поясок. Девушка вернулась, чтобы забрать поясок, но черепаха утащила его и поплыла с ним в море. Ухо закричала ей вслед:

— Оставь мой крашенный поясок!

Черепаха ответила:

— Ладно, я его здесь оставлю.

Ухо вошла в воду и поплыла за черепахой. Она кричала:

— **Оставь** мой поясок, маленькая черепаха с красным урем³⁴!

Черепаха снова ответила ей:

— Я оставлю твой поясок здесь.

Ухо все плыла за черепахой, пока не доплыла до чужой страны. Черепаха вышла на берег, и Ухо тоже. Там она вышла замуж за мужчину по имени Махуна те Раа³⁵ и родила девочку.

Ухо часто жаловалась:

Ваша страна мрачная,
О Махуна Солнечный, мой муж,
Она не похожа на нашу страну,
На веселую страну.
Увы, моя мать, увы, мой отец,
Увы, мои братья!

Махуна Солнечный спросил:

— Почему ты плачешь? Твои глаза опухли.

— Мои глаза болят оттого, что старуха постоянно дымит. Вот почему они опухли.

Муж сказал своей матери:

— Не дыми так часто своей земляной печью, от этого болят глаза у твоей невестки.

Ухо учила свою дочь:

О дочь, когда камни наверху,
Ты спускаешься вниз,
Когда камни внизу,
Ты поднимаешься наверх.
Ты опираешься на крылья и летишь,
Ты опираешься на перья и летишь,
Ты опираешься на клюв и летишь,
Ты опираешься на ноги и летишь.

На рассвете Ухо отправилась на берег и попросила птицу, пролетающую мимо:

— Спустись и возьми меня на спину.

Птица ответила:

— Ты очень тяжелая.

Тогда она попросила черепаху:

— **Маленькая черепаха с красным урем**, перевези меня на своей спине.

— **А чем ты отплатишь мне?**

— Моей комари,— ответила Ухо.

— Хорошо,— сказала черепаха.

Черепаха с красным уре подошла к Ухо и сказала:

— Если я нырну, держись крепче, если я всплыву, тоже всплывай и, если я снова нырну, тоже ныряй.

Они отправились в страну, где прежде жила Ухо. Отец Ухо заметил ее. Он закричал:

— Женщина, не подходи сюда, здесь табу³⁶¹!

Ухо прокричала:

— Я — Ухо!

Отец сошел вниз и спросил:

— Кто ты?

— Я — Ухо.

Отец заплакал и повел ее в хижину, где были ее мать и братья. Все они заплакали от радости. Ухо осталась жить с ними.

Много дней спустя в Винапу отмечался праздник. Ухо с родителями отправились туда. Дочь Ухо прилетела из страны Махуны Солнечного, мужа Ухо. Она прилетела в Винапу, где была ее мать. Люди закричали:

— Птица, птица! Может, ты — дочь Ухо?

Они стали бросать в птицу камни. Когда камни летели высоко, птица спускалась, когда камни пролетали низко, птица поднималась вверх. Мужчины и женщины закричали Ухо:

— Окликни птицу, может быть, она твоя!

Ухо крикнула птице:

— Сюда, сюда!

Птица спустилась. Она сбросила свои перья и оказалась человеком, дочерью Ухо. Все мужчины и женщины закричали:

— Она и вправду дочь Ухо!

Все мужчины, женщины и дети весело смеялись.

194. Уре, сын Охо-Вехи, и два аку-аку

Уре, сын Охо-Вехи, жил на Апинануи со своей женой и сыном. Уре был красивым молодым мужчиной. Однажды из Поике к дому Уре на Апинануи пришли две женщины аку-аку по

имени Кавакава-Аро и Кавакава-Туа. Аку-аку вошли в дом и приветствовали молодого мужчину. Он поздоровался с ними. Аку-аку сказали:

— Мы пришли, чтобы поискать у тебя в голове.

Юноша ответил:

— Хорошо, ищите.

Аку-аку стали искать у него вшей, и Уре уснул. Тогда аку-аку вышли и стали громко шуметь, чтобы узнать, крепко ли он спит. Затем одна из них снова вернулась в дом, покрыла Уре тапой и завернула в циновку, на которой тот спал. После этого они полетели с ним на вершину горы Переха и там положили его в пещеру. Уре все еще спал и не просыпался.

Когда аку-аку ушли в чужую страну искать ядовитое вещество иоиоранги, Черный краб вскарабкался на вершину и разбудил Уре.

— Проснись, ты в чужой стране. Тебя украли аку-аку Кавакава-Аро и Кавакава-Туа. Они принесли тебя сюда. Они ушли за ядом иоиоранги, чтобы накормить им тебя. Ты не должен его есть, иначе ты умрешь. Когда они дадут тебе этот яд, бросай его мне. Я пришел за ним. Оставайся здесь, я принесу тебе цыпленка из печи.

Черный краб ушел. Это была колдунья Пикеа-Ури.

Пикеа-Ури вернулась к себе домой и разожгла земляную печь. Она поймала цыпленка, ошипала и выпотрошила его. Она приготовила его в земляной печи вместе с бататом. Потом колдунья поспешила с едой в пещеру, чтобы успеть до возвращения аку-аку. Она вошла в пещеру с корзинкой и сказала:

— Ешь эту еду. Будь сыт, когда они придут. Сохрани немного цыплячьего мяса к тому времени, когда они дадут тебе яд. Когда эти твари отведут глаза, бросай яд вниз, я там спрячусь.

Затем старуха вернулась домой. Аку-аку, пролетая мимо нее, закричали:

— Эй, скверная старуха, Черный краб, ты трогала нашу циновку?

Аку-аку вошли в пещеру и развязали циновку. Они дали Уре яд. Но он съел мясо цыпленка.

Как только они отвернулись, Уре взял яд и бросил его старухе. Но аку-аку увидели, что он не умирает, и сказали:

— Старуха была здесь. Вот почему Уре не умирает.

И аку-аку закричали старухе:

— Сейчас мы тебя зарежем.

Они пошли вниз, чтобы убить старуху. Но она убежала в щель под камнем. Аку-аку стали тыкать в нее копьём и спросили:

— Больно тебе?

Старуха отвечала:

— Не очень.

Аку-аку снова спросили:

— Отрезали мы тебе ноги?

Старуха ответила:

— Нет, мои ноги целы.

Аку-аку снова спросили:

— Отрезали мы тебе голову?

Старуха ответила:

— Нет, моя голова цела.

Наконец аку-аку устали и вернулись к себе домой, бросив Уре в пещере.

Старуха осталась заботиться об Уре.

Однажды вышла лодка за рыбой атуре, которую используют для приманки тунца. Уре увидел лодку и запел:

Ветер, подуй! Ветер, подуй!

Ветер, спой!

Волнистые волосы аку-аку Кавакава-Аро, Кавакава-Туа.

Уре пел все время, пока лодка шла в море. Люди в лодке услышали его.

Отец Уре наложил табу на землю. На Апинануи не разжигалась ни одна земляная печь, не зажигался ни один огонь, не играл ни один ребенок, не веселились ни женщины, ни мужчины.

Как-то те, кто слышали пение Уре, пошли на Рано-Као и спустились в кратер вулкана за мхом, чтобы конопатить лодки. На обратном пути они проходили через Апинануи. Жена сказала отцу Уре:

— Посмотри, оттуда идут двое мужчин.

Он ответил:

— Пусть придут.

Женщина возразила:

— Но ведь это место — табу.

Отец сказал:

— Не беда. Пусть придут.

Двое мужчин подошли и приветствовали отца Уре. Отец Уре собрал дров для земляной печи и приготовил цыплят и батат. Потом он пригласил мужчин в хижину. Мужчины сказали:

— Мы пришли сказать тебе, что слышим каждый день одну песню в своих лодках.

И они повторили песню Уре. Отец Уре вскрикнул. Мужчины сказали:

— Завтра мы отправляемся в Махатуа, так что ты сможешь сам убедиться.

Трое мужчин прибыли в Махатуа и остановились там собирать морские водоросли. Потом они отправились спать. На следующий день они ушли оттуда и стали грести на место, называемое Хака-Каинга.

Уре увидел лодку. Он запел свою обычную песню.

Лодка вернулась на берег, и отец Уре простился с мужчинами. Он вернулся на Апинануи, собрал рыбу, угрей и осьминогов. Он подготовился к большому празднику и пригласил на него много людей. После праздника люди решили помочь отцу Уре. Они принесли к горе Пареха пищу и рыболовные сети. Там отец Уре наделил каждого рыбой, раками и осьминогами.

Уродливая девушка по имени Анга Иху Море Апу, дочь Пуакатики, тоже получила свою долю рыбы, угрей и раков. Уродливая девушка сказала:

— Это нехорошо, мы пришли сюда не затем, чтобы есть, а чтобы помочь Уре.

Тогда люди связали вместе все сети. Дочь Пуакатики вошла в сеть, и они опустили ее в пещеру, где был Уре. Люди крикнули Уре:

— Скатай свою подстилку и одежду, положи их в сеть и сам войди туда же, тогда мы сможем тебя поднять.

Уре скатал свою подстилку и тапу, положил их в сеть, а потом сам забрался в нее.

Дочь Пуакатики крикнула:

— Поднимайте!

Люди на вершине стали поднимать их наверх. Наконец они вытянули их. Отец был очень рад, что вернулся его сын. Потом все вместе отправились на Апинануи.

195. Аку-аку — похититель

Злой аку-аку из Хоту-ити возненавидел одного воина из Ханга-о-Хону³⁷. Он похитил душу воина и положил на аху Ханга-те-Тенга, чтобы убить ее. Но аку-аку по имени Меху из Бухты Черпахи узнал об этом и закричал другим аку-аку:

— Эй, что вы там сидите?

И позвал Ахива-Карарере, Мата-Варавара, Аху-Рахи и Паепае³⁸ из Тари Вера. Эти три аку-аку отправились в Пуи. Начался ливень. Паепае спустился вниз и открыл широко двери своего дома. Злой аку-аку, стороживший душу воина, заметил, что приближается ливень. И он побежал так быстро, что даже дождь не догнал его. Он вошел в дом Паепае. Ни одного аку-аку не осталось на Ханга-те-Тенга. Тогда Ахива-Карарере пошел на аху и оживил душу воина. Душа села на птицу, которая пролетала в это время мимо. Мата-Варавара увидел, что душа воина спаслась и вернулась в Ханга-о-Хону. Аку-аку возвратили душу в тело воина. Затем Паепае и остальные аку-аку вернулись в свою страну.

196. Рараку, победитель духов

Как-то все люди отправились на берег моря ловить осьминогов. Рараку схватил осьминога и откусил ему голову. После этого Рараку сразу же сошел с ума. Он схватил зубами крысу. А затем начал бегать вокруг острова с деревянной ящерицей в руках.

Аку-аку Хуки-Аверо Великий хотел убить его, но Рараку ударил аку-аку деревянной ящерицей и убил. Потом Рараку прибежал в Кео. Аку-аку по имени Кео тоже хотел убить его, но Рараку и его ударил деревянной ящерицей, и Кео умер. Аку-аку Тетеве тоже выступил против Рараку, и тоже был убит точно так же. Моко и трое других духов пытались напасть на Рараку и тоже были убиты. Аку-аку Ареро вышел, чтобы убить Рараку; он напряг свой язык, но тоже был повержен деревянной ящерицей. Еще один аку-аку, Ему³⁹, поднялся на Рараку и тоже был убит деревянной ящерицей Ра-

раку. Все аку-аку в этой местности были убиты. Посторонний аку-аку сказал:

— Эта местность свободна от аку-аку.

Рараку продолжал бежать и попал в Пепенгу, потом в Аху-Ативе. Наконец он достиг Нга-Хева-Нуи, Нга-Хева Большого. Нга-Хева Большой, огромный аку-аку, расставил свои ноги так, чтобы Рараку мог пройти между ними. Рараку не испугался; он прошел между ног аку-аку и ушел от него. Аку-аку пытался задушить Рараку ногами, но упал с его шеи. Он скатился с шеи Рараку и был убит деревянной ящерицей. Та же судьба постигла аку-аку Нга-Хева-Ити, Нга-Хева Малого.

Так и бегал и кружился сумасшедший Рараку. Наконец он добрался до хижины своей матери. Он остался в ее хижине и перестал держать крысу в зубах.

Раньше никто не ходил в места, занятые аку-аку. Но теперь, когда Рараку убил их, люди получили возможность ходить туда. Для этого Рараку и сошел с ума. Люди больше не боялись аку-аку, они знали, что Рараку убил их.

197. Раерае-Хоу, злой аку-аку, и Матамата-Пеа, добрый аку-аку

Жили два аку-аку: Раерае-Хоу и Матамата-Пеа. Матамата-Пеа отправился на остров Маротири и остановился там. Раерае-Хоу отправился к заливу Ханга-Пико, где на берег были выброшены тунцы.

Возвращаясь назад, Раерае-Хоу встретил девушку по имени Тои. Девушка попросила аку-аку дать ей рыбы. Он сказал:

— Я дам тебе рыбы, если ты пойдешь со мной в другое место.

Девушка думала, что он человек, а не аку-аку, и пошла с ним к месту, где он обещал дать ей рыбу. Тои снова сказала:

— Дай мне рыбы.

Аку-аку отвечал:

— Я иду, чтобы дать тебе рыбы, но она не здесь.

Они пошли дальше. В местности Винапу Тои потребовала:

— Эй, человек, дай же мне рыбы!

— Нет, это не здесь. Когда мы придем на место, ты получишь свою рыбу.

Они останавливались у заливов Ханга-Хахаве, Ханга-Паукура, Ханга-Тее, в местностях Хуарева, Акаханга, Рунгавае, у заливов Ханга-Тетенга, Ханга-Маихику, Ханга-Туухата, в местности Мата-Ури. Всякий раз девушка Тои просила рыбы. Но получала тот же ответ.

Когда они достигли Тонга-Рики, аку-аку сказал:

— Место, где я дам тебе рыбы, уже близко. Ты получишь ее на острове Маротири.

Они миновали местности Отуу, Рау-Пу, Папа-Тамахахине, Воро, Пу. Затем они поплыли вместе к Маротири и взобрались на вершину острова.

Раерае-Хоу сказал:

— Войди в дом, а я пока разожгу земляную печь для рыбы.

Девушка вошла в дом. Аку-аку Матамата-Пеа увидел ее и спросил:

— Кто тебя сюда привел?

— Человек, — сказала девушка Тои.

Матамата-Пеа сказал:

— Он не человек, он аку-аку, как и я.

Матамата-Пеа увидел земляную печь, зажженную для девушки. Он сказал:

— Если будет подниматься черный дым, не уходи отсюда. А если будет подниматься белый дым — уходи. Я помогу тебе. На вулкане Рано-Рараку есть убежище. Когда достигнешь его, ложись на живот и заползи туда. Но только так, чтобы тебя не заметили. Иначе будешь убита.

Девушка увидела белый дым, поднимавшийся от земляной печи. Аку-аку сказал:

— Выходи и беги.

Девушка покинула дом и достигла вулкана Рано-Рараку. Она спряталась в пещере, называемой Пумакари. Ее заметила старуха и спросила:

— Кто ты? У тебя есть еда?

— Нет.

— А пояс есть?

— Есть, — сказала девушка.

— Брось один конец пояса мне, — приказала старуха, — так, чтобы я могла привязать батат.

Девушка развязала пояс. Старуха привязала к нему батат. Девушка подняла пояс и увидела калекасу, полную бата-

та. Тои съела его и вернула старухе калebasу. Затем она уснула. На следующий день старуха снова позвала ее и вновь дала девушке батат.

Злой аку-аку Раерае-Хоу разыскивал девушку от Матавери до Ханга-Пико, Винапу и Ваиху. В конце концов поиски надоели ему. Тем временем девушка Тои оставалась в своем убежище. Ее кормила старуха.

Затем Тои покинула Пумакари и вернулась к себе. Она остановилась в Матавери, в доме для праздника коро. Аку-аку Раерае-Хоу подошел к этому же дому. Девушка сказала людям:

— Когда он войдет, проткните его своими копалками.

Когда аку-аку Раерае-Хоу вошел внутрь дома, люди вонзили в его тело копалки. Раерае-Хоу кинулся к другому входу, но вновь был пронзен копалками. Он умер, и его кровь потекла струей, побежав вдоль скалы под названием Ханга-Ван-Рапа. Кровь превратилась в раковину. А тело аку-аку люди сожгли, и оно обратилось в угли и пепел.

Вскоре девушка забыла об этом приключении. Но аку-аку ничего не забывают. На следующий год Тои ловила крабов и моллюсков. Море было спокойным. На берегу Тои увидела большую раковину. Она взяла палку и подняла эту раковину. Неожиданная волна унесла девушку прочь от берега. Она погибла в море, и никто никогда ее больше не видел.

198. Женщина с длинной рукой

Когда-то давно жила женщина с длинной рукой. У нее был усыновленный мальчик, которого ей отдал его отец. Эта женщина хватала своей длинной рукой детей и поедала их. Так она съела вокруг всех детей, кроме одного. Приемный сын женщины с длинной рукой сказал этому мальчику:

— Завтра старуха тебя убьет. Ты остался последний.

Мальчик ответил:

— Зачем ей убивать меня? Я ловлю для нее тунцов.

Усыновленный ребенок сказал женщине с длинной рукой:

— Оставь этого мальчика. Он ведь ловит тебе тунцов.

Старуха ответила:

— Конечно, он не хочет, чтобы его убивали.

Ночью мальчик, ловивший тунцов, сказал приемному сыну старухи:

— Утром мы уходим за рыбой. Набросай повсюду груды камней.

На рассвете мальчик положил в лодку корзину и веревки. Старуха с длинной рукой пришла на берег моря, они столкнули лодку в воду и прыгнули в нее. В это время усыновленный мальчик соорудил на берегу десять маленьких пирамид. Когда лодка была против места, называемого Хака-Нохонга, мальчик, ловивший тунцов, посмотрел на берег и увидел каменные пирамиды. Он сказал старухе:

— Посмотри, у твоего дома много людей. Ты можешь дотянуться до них?

Старуха с длинной рукой ответила:

— С носа лодки я смогу их достать.

— А ну, попробуй.

Старуха вытянула руку. Мальчик отрезал ее и выбросил в море. И тут же сам выпрыгнул на берег. А старуха умерла.

199. Говорящие грозди

Девушка по имени Ренга-Роити жила с матерью, но в отдельном доме. Мать Ренги умывала ее, расчесывала ей волосы и каждый день мазала лицо порошком из куркумы. Однажды из местности Матавери пришел юноша по имени Репа-а-Пунга. Он увидел Ренга-Роити, которая была очень красива, вошел в ее дом и заговорил с ней. Оба полюбили друг друга и решили пожениться.

Ренга-Роити пригласила юношу в свой дом. Репа-а-Пунга принял приглашение. Мать ушла в поле копать бататы. Молодые люди легли спать вместе. Когда мать вернулась, она разожгла земляную печь и испекла еду для дочери. Затем она крикнула девушке:

— Иди причесываться.

— Я уже причесалась.

— Иди, я разомну твою комари.

— Моя комари уже размята.

Мать достала батат из земляной печи и положила его у входа в дом Ренги. Затем она отправилась спать.

Ночью Репа-а-Пунга сказал девушке:

— Уйдем отсюда в мой дом.

Девушка ответила:

— Прежде чем мы уйдем, принеси мне семь гроздьев банана.

Репа-а-Пунга сорвал бананы. Девушка повесила их на стену, противоположную двери. Она сказала им:

— Если моя мать скажет вам: «Иди мыться», ответьте ей за меня: «Я уже умылась». Если она скажет: «Иди, я натру твоё лицо красной глиной», скажите: «Мое лицо уже натерто красной глиной». Если она скажет: «О Ренга-Роити, иди, я разомну твою комари», скажите: «Моя комари уже размята».

И Ренга-Роити ушла со своим мужем в его дом, где они стали жить.

Тем временем мать сказала:

— Ренга, иди мыться.

— Я уже умылась,— ответила банановая гроздь.

Мать сказала:

— Иди, я натру тебя красной глиной.

— Я уже натерлась красной глиной,— ответила гроздь.

— Иди, я разомну твою комари.

— Она уже размята,— ответила гроздь банана.

На следующий день мать растопила земляную печь и положила туда батат. Когда еда была готова, мать положила ее в корзинку и поставила возле двери. Она сказала дочери те же самые слова, что и предыдущей ночью, и получила те же ответы.

На седьмой день мать позвала:

— Ренга-Роити!

Тогда последняя гроздь банана крикнула ей в ответ:

— Ренга-Роити давным-давно ушла, ее здесь нет!

Мать вошла в дом и увидела только висящие на стенке банановые грозди. Она схватила каменный пест и швырнула его в них.

Долго оплакивала мать бегство дочери.

Тем временем Ренга-Роити забеременела. На третий месяц беременности она и ее муж сделали первую земляную печь для своего ребенка. Она приготовила цыплят, ямс и батат. Другая маленькая земляная печь, называемая такапу,

была растоплена для беременной женщины. Еду, которую вынули из печи, положили в корзинку. Затем Репа-а-Пунга сказал слугам:

— Возьмите корзинку и отправляйтесь к матери этой девушки. Скажите ей, что это еда из первой такапу в честь ребенка Репа-а-Пунги и Ренга-Роити. Скажите это матери.

Слуги взяли еду и отправились в дом матери Ренга-Роити. Они повторили слова, сказанные Репа-а-Пунгой.

Старая женщина сказала:

— Я думала, о дочь моя, что твой муж плохой человек. Почему же ты не сказала мне сразу, что он хороший?

Потом Репа-а-Пунга, Ренга-Роити и ее мать съели цыпленка и батат. Все были очень довольны.

200. Юноши Аамаи

Однажды шесть юношей Аамаи и их дальний родственник Тока-Нгуту отправились в Ханга-Маи-Хики, чтобы сделать себе маски. Потом они надели маски и ушли оттуда. Ночью они пришли в Ханга-о-Хону и вошли в хижины со словами:

— Мы боги, мы Макемаке.

Они вели себя подобно богам, и их голоса были подобны голосам богов. Они говорили:

— Нам нужна еда, деревянные моаи, танцевальные палыцы — все, что у вас есть.

Так Аамаи ходили из хижины в хижину и забирали еду и всякие вещи у людей. Взвалив на спины изваяния богов, они ушли из Ханга-о-Хону и вернулись в Ханга-Маи-Хики. Там они провели несколько дней. По ночам они меняли свой голоса, чтобы говорить подобно богам. Мужчины, женщины и дети пугались их и верили, что они — настоящие боги. Люди отдавали им еду, цыплят, деревянные моаи и много других вещей.

Юные Аамаи и их родственник ходили и в другие места: в Ханга-Роа, Винапу, Аху-Акапу, Тахаи, Ваи-Мату и Аху-те-Пеу. Они всегда приходили ночью и забирали рыбу, раков, угрей, тунцов. И все люди пугались их и думали, что они и в самом деле боги.

Однажды Аамаи пришли к хижине Хипы и получили там еду. Мужчины, что принесли им еду, дошли с ними до местности Ваи-Хоата. Аамаи сказали им:

— Теперь возвращайтесь к своим хижинам.

Мужчины сделали вид, что уходят, а сами спрятались. Аамаи стали купаться в озере и заговорили своими обычными голосами. Потом они взвалили на спины изваяния богов и подошли ближе. Мужчины, наблюдавшие за ними, сказали:

— Никакие они не боги, а обыкновенные люди!

А когда Аамаи ушли, посыльные вернулись домой и рассказали обо всем, что видели. И тогда люди сказали:

— Идите назад и убейте этих юношей.

Вскоре об обмане узнали повсюду. Аамаи этой ночью не пошли в деревню, но Тока-Нгуту надел свою маску и пошел один. Мужчины уже ждали его. И когда он вошел в хижину, они схватили его и убили. А все остальные юноши Аамаи убежали от них и скрылись⁴⁰.

201. Война ханау-еепе и ханау-момоко

Ханау-еепе сказали ханау-момоко⁴¹:

— Идите и тащите камни к побережью.

Ханау-момоко ответили им:

— Мы не хотим таскать камни, что лежат на земле. Ведь из-за этого погибнут наши батат, бананы и сахарный тростник. Нет, мы не хотим оставить их чахнуть и дичать.

Ханау-момоко ушли. Они не стали таскать камни. Ханау-еепе разгневались: ханау-момоко не помогли им в строительстве аху. Ханау-еепе стали работать одни. Они воздвигали аху и таили злобу на ханау-момоко.

Ханау-еепе жили на полуострове Поике. Там они вырыли длинный ров от местности Поту-те-Ранги до местности Махатуа. Когда ров был вырыт, ханау-еепе принесли дрова и сбросили их в канаву.

Они разбросали дрова от начала до конца рва.

У одной женщины ханау-момоко был дом в Поту-те-Ранги. Ханау-момоко не знали о том, что ханау-еепе вырыли ров и

бросили туда дрова. Женщина ханау-момоко, жившая в Потуге-Ранги, была замужем за одним из ханау-еепе. Он сказал ей:

— Мы вырыли ров. Он приготовлен для вас, для ханау-момоко.

Так женщина все узнала. Она дождалась ночи и пришла к людям ханау-момоко. Женщина сказала им:

— Посмотрите на мой дом. Только здесь вы сможете пройти. Завтра ханау-еепе разожгут печь для ваших тел. Когда вы придете туда, постройтесь цепью так, чтобы она замкнулась вокруг горы на Поике. А когда начнется сражение, сбрасывайте ханау-еепе в ров. Пользуйтесь их печью, пусть ханау-еепе зажарятся сами!

Той же ночью женщина должна была вернуться к себе домой. Она сказала воинам ханау-момоко:

— Поторопитесь!

Затем женщина вернулась к себе домой и осталась там. Она взяла прутья и стала плести корзинку. А взгляд ее был устремлен на мужчин ханау-момоко.

Мужчины поднялись с заходом солнца, когда стало темно. Собрались все ханау-момоко. Сначала они остановились в доме женщины, которая плела корзинку. Потом воины построились цепочкой и двинулись в путь. Они обошли вокруг Кикироа и горы Маунга-Театеа. Цепочкою они спустились вниз, к местности Махатуа. Затем они остановились, затаились и легли спать.

С утренней зарей ханау-момоко поднялись и напали на ханау-еепе.

Они погнали ханау-еепе в ров, который те сами вырыли⁴². Ханау-еепе, мужчины, женщины, дети, выбегали из своих домов. Они бежали до тех пор, пока не достигли рва. Здесь ханау-еепе остановились — дальше бежать было нельзя: дрова, заполнявшие ров, горели. Но воины ханау-момоко надвигались. Как могли ханау-еепе избежать пламени, если они не умели летать?

Воины ханау-момоко подошли вплотную. Ханау-еепе прыгали в горящий ров, прыгали прямо в пламя. Гибли мужчины, женщины, дети ханау-еепе. Никто не остался в живых. И только двое ханау-еепе перепрыгнули через мертвые тела и сумели спастись. Ханау-момоко погнались за ними. Беглецы достигли залива Анакена, а затем спустились в пещеру Анаван. Ханау-момоко взяли дротики⁴³ и начали колоть ими по-

следних ханау-еепе. Когда они наносили удары, ханау-еепе кричали:

— Оро-ро-ине! ⁴⁴

Наконец один из ханау-еепе умер. Последний оставшийся в живых сказал:

— Великие люди, пощадите человека, который остался теперь один. Зачем вам убивать меня? Оставьте меня в живых!

Воины ханау-момоко вернулись и посмотрели, не остался ли в живых кто-нибудь еще. Но никто из ханау-еепе не остался в живых. Тогда ханау-момоко засыпали тела убитых землей. После этого ханау-момоко вернулись к пещере. Оставшийся в живых ханау-еепе присоединился к ханау-момоко и поселился у залива Ханга-о-Хону. Он женился на женщине ханау-момоко, тот мужчина из пещеры. Его оставили в живых, потому что из ханау-еепе больше никого не осталось ⁴⁵.

202. Битва между Хетереки и Таерекой

Тридцать братьев и тридцать других мужчин племени миру ⁴⁶ каждый день упражнялись в битве на копьях с тыквенными наконечниками. Их противниками были 60 мужчин племени тупахоту под предводительством Таереки. Учителями в этих битвах-играх, с одной стороны, был Таерека, а с другой — Хетереки, сын Рау-Нуи. Однажды Таерека преследовал Хетереки и его воинов. Они добрались до горы Маунга-Пуи. Но уйти от преследователей им не удалось.

Хетереки достиг Омохи и со своими двоюродными братьями поплыл на остров Моту-Тау-Тара. Они остались там, потому что их противники заняли противоположный берег. Таерека приказал своим воинам разбросать банановую кожуру по берегу так, чтобы противники приняли ее за ямс. Таерека рассчитывал, что люди племени миру соблазнятся ямсом, покинут остров и приплывут к берегу.

Люди миру поплыли к берегу. Среди них был Рау-Нуи, отец Хетереки. Хетереки спрыгнул в воду в месте, называемом Пора, и вышел на островок Моту-Тау-Тара. Его стали преследовать трое воинов Таереки. Вслед за ними — четверо,

затем еще трое. Немного погодя к преследователям стали присоединяться новые люди. Мужчины на островке закричали ему:

— Поторопись! Воины, что гонятся за тобой, уже взбираются на скалу.

Хетереки снял свой намокший пояс и стал выжимать его. Пока он его выжимал, преследователи уже добрались до острова. У Хетереки хватило времени лишь для того, чтобы быстро завязать пояс.

Он напал на первых трех мужчин и убил их. Четверо других, которые вскарабкались на скалу, были тоже убиты. Такая же участь постигла и всех преследователей. Хетереки сошел со скалы и продолжал убивать людей тупахоту. Затем он вернулся на морской берег.

Там Хетереки увидел, что Рау-Нуи, его отец, еще жив. Шестьдесят воинов Таереки были заколоты. Однако и тридцать воинов Хетереки тоже лежали мертвыми. Хетереки покинул местность Ана-о-Хока, вблизи Аху-те-Пеу, и вернулся к скале.

Тем временем воины миру пошли повидать Рау-Нуи, своего отца.

Рау-Нуи спросил их:

— Кто вы?

— Мы — твои сыновья.

Тогда старик спросил:

— А где Хетереки?

Воины ответили:

— Почему ты спрашиваешь о нем, ведь мы здесь.

— Я хочу видеть своего первенца, я хочу прикоснуться к его ноге.

Один из юношей выставил ногу. Рау-Нуи обхватил ее руками и заметил, что она слишком мала. Потом он снова спросил:

— Где Хетереки?

Хетереки в это время подходил к пещере Ана-о-Нахо. И его братья сказали Рау-Нуи, что его первенец близко. Братья Хетереки сказали отцу:

— Прислушайся к шуму от шагов Хетереки.

Рау-Нуи спросил:

— Кто ты?

— Я Хетереки, сын Рау-Нуи.

Рау-Нуи попробовал обхватить ногу Хетереки, но его руки оказались недостаточно длинны.

И сказал Рау-Нуи своему первенцу:

— Ты никогда не должен участвовать в битвах, ни в одной войне, ты, Хетереки-ко-те-Нгату-е-Иху⁴⁷, о Хетереки, сын Рау-Нуи!

Сказав это, Рау-Нуи умер.

Хетереки оплакал смерть своего отца. Потом сказал братьям:

— Пойдем и сообщим Таереке: пусть возьмет шестьдесят своих мертвых воинов и похоронит. А вы похороните тридцать наших воинов, павших в битве.

Юноши пошли и сказали Таереке:

— Возьми своих людей, похорони их. А мы сделаем то же самое с нашими.

Люди Таереки забрали мертвые тела и захоронили их в аху. А люди Хетереки похоронили воинов, убитых Таерекой.

ГАВАЙИ (ГАВАЙСКИЕ ОСТРОВА)

203. Пуниа

Мальчик Пуниа жил на острове Гавайи в округе Кохала. Отец его умер. Пуниа остался вдвоем с матерью, которую звали Хина. Они выращивали батат и им кормились. Не было у них ни рыбы, ни мяса.

Однажды Пуниа сказал матери:

— Позволь мне спуститься в пещеру, куда обычно ходил отец, и наловить хотя бы немного омаров¹.

— Нет,— ответила Хина,— эта пещера — дурное, опасное место. Тебя там съедят акулы.

Каиалеале (Бурное море) — так называли громадную акулу, вождя всех акул, живших вблизи пещеры омаров. Десять акул было под его властью, он был одиннадцатым.

Но Пуниа все же отправился вниз и добрался до пещеры. Там он увидел Каиалеале в окружении акул. Все они спали. Тогда Пуниа громко сказал:

— Хотел бы я знать, крепко ли спит эта огромная акула, Каиалеале. Если да, то я смогу нырнуть и выплыть вон на то место. Там я поймаю парочку омаров, и у нас с матерью будет мясо к батату.

Пока Пуниа говорил это, проснулись все акулы. Каиалеале сказал им:

— Давайте подстережем Пуниа и, когда он нырнет, нырнем за ним.

Пуниа нашел камень и бросил его далеко в сторону от пещеры омаров. Когда камень ударился о воду, акулы ринулись к тому месту. Они оставили пещеру без охраны. Тогда Пуниа быстро нырнул и поймал двух омаров, а потом закрычал акулам:

— Вот теперь у Пуниа есть два омара, и он их съест. Это поддержит мою мать и меня. А это ведь меня научила не первая, не вторая, не третья, не четвертая, не пятая, не шестая, не седьмая, не восьмая, не девятая, не десятая: это однанадцатая акула, та, что с тонким хвостом, научила меня, что мне делать!

Когда Каиалеале услышал это, он приказал всем акулам собраться и выстроиться в ряд. Он посчитал их и, убедившись, что их десять, стал искать акулу с тонким хвостом. Наконец он нашел ее и сказал:

— Так это ты научила Пуниа. Ты умрешь!

И он убил акулу. Тогда Пуниа крикнул радостно:

— Ага, вы сами убили одну из ваших,— и отправился домой к матери.

Вскоре они съели этих двух омаров. И снова у них не стало еды, и снова Пуниа попросил мать:

— Позволь мне пойти и наловить еще омаров из той пещеры.

— Хорошо еще, что ты в прошлый раз вернулся домой. Не смей ходить! Ты хочешь, чтобы тебя съели акулы?!

Однако Пуниа снова отправился к пещере. Он подошел к тому же месту и сказал те же слова, что и в прошлый раз. Каиалеале и все акулы проснулись. Тогда он кинул камень в сторону от пещеры. Когда камень ударился о воду, акулы ринулись к нему. Пуниа быстро нырнул и опять поймал двух омаров. Потом он благополучно вернулся на берег и сказал акулам то же самое, что и в прошлый раз. Потом пересчитал акул от первой до десятой и сказал, что это десятая научила его, что нужно делать. «Та, у которой самый большой живот»,— добавил Пуниа.

Каиалеале пересчитал всех акул. А когда обнаружил акулу с большим животом, убил ее. И снова Пуниа посмеялся над акулами.

Пуниа продолжал обманывать акул до тех пор, пока не остался один Каиалеале. Тогда Пуниа заготовил две длинные палки. Потом достал две палки для добывания огня — твердую и мягкую² и немного древесного угля и дров. Затем Пуниа приготовил немного еды, соли, кожу опихи³, положил все это в мешок и отправился на берег. Пуниа подошел к пещере, где спал Каиалеале, и сказал громко:

— Если я нырну и Каиалеале схватит меня зубами, я умру. Но моя кровь всплывет наверх, ее увидит моя мать, и я оживу снова. Если же я нырну и Каиалеале проглотит меня целиком, тогда я умру и никогда не смогу снова жить.

Каиалеале услышал все это и подумал: «Я не стану хватать тебя зубами, потому что ты сможешь ожить. Я открою рот и проглочу тебя целиком. Настало время расправиться с тобой. Да, ты умрешь, и ничто теперь не спасет тебя».

И Каиалеале широко открыл пасть. Тогда Пуниа нырнул и вместе с сумкой забрался в пасть акулы. Тут Каиалеале хотел захлопнуть челюсти. Но Пуниа взял палки, которые заготовил, и вставил их поперек пасти. Потом потер две другие палки друг о друга и, когда загорелся огонь, выложил уголь и дрова. Затем Пуниа взял кожу опихи и стал скоблить ею внутренности акулы. Оторвав кусок мяса, он принялся жарить его. Когда мясо было готово, Пуниа съел его с бататом. И все это время Каиалеале метался по океану. Ему было так больно, что он не мог найти себе места.

Так Пуниа плавал в брюхе акулы десять дней. Наконец Каиалеале начал уставать. Он повернул к берегу и достиг местности Алула, по другую сторону океана Кона, прямо против Хинакапохолае. Пуниа же, сидя в брюхе акулы, стал лысым, как все хитрецы.

Когда Пуниа услышал шум бурунов на мелководье, он сказал громко:

— Если это буруны и я останусь здесь, я спасен. Но если я окажусь у берега этого глубокого моря, я погибну.

Каиалеале услышал это и сказал:

— Я оттащу тебя туда, где ты погибнешь. Ты умрешь, и ничто не спасет тебя,— и поплыл к берегу.

Когда они доплыли, Пуниа снова сказал:

— Если здесь разбивается бурун, я спасен, но, если я окажусь на сухом песке, у берега моря, где растет трава, я не смогу спастись.

Услышав об этом, Каиалеале поплыл дальше, пока не добрался до травы. Когда же он попытался вернуться назад, то застрял в сухом песке.

Люди увидели какой-то огромный предмет и прищли посмотреть, что это такое. Пуниа услышал голоса людей и закричал:

— Осторожнее, не то вы убьете меня.

Тогда люди достали свои ножи пахоа⁴ и распоролы акуле брюхо. Пуниа вышел. Он был совершенно лыс, без единого волоска.

Алула была единственным местом, где жили люди. Повсюду в других местах вокруг Кеаукаха жили злые духи. Пуниа вышел из брюха акулы и пошел своей дорогой. Вскоре он увидел злых духов. Недалеко от берега они привязывали к сетям⁵ камни-грузила. При виде духов Пуниа заложил руки за спину и стал произносить заклинания и называть в них те места, куда ходил ловить рыбу со своим отцом. Так он хотел обмануть злых духов и спасти себя:

Увы, мой отец, на этих берегах
Мы были единственными рыбаками!
Я и ты, мой отец,
Здесь мы забирали в сети рыбу:
Калу, уху, палани⁶.
Здесь она ловится, в этих местах,
Мы бродили по всем заливам,
Всем пещерам, водоворотам.
А теперь, отец, ты умер, и я
Остался один.

При звуках этого заклинания один из духов сказал:

— Я, кажется, слышу голос, он перечисляет места, где бывал со своим отцом.

Другой дух ответил:

— Это, наверное, кричит ветер или сова.

Третий дух сказал:

— Давайте еще послушаем.

Пуниа услышал это и запел снова:

Увы, мой отец, на этих берегах
Мы были единственными рыбаками!
Я и ты, мой отец,
Здесь мы забирали в сети рыбу:
Калу, уху, палани.
Здесь она ловится, в этих местах,

Мы бродили по всем заливам,
Всем пещерам, водоворотам.
А теперь, отец, ты умер, и я
Остался один.

Когда Пуниа умолк, один из духов сказал другому:

— Сюда идет человек. Он знает эти места. Теперь нам не придется вынимать пустые сети.

И он закричал:

— Иди сюда.

Пуниа подошел, и они спросили его:

— О чем ты пел?

Пуниа ответил:

— Я плачу об отце. Здесь мы с ним обычно ловили рыбу. Мне напомнили о нем эти лавовые утесы.

Тогда злые духи сказали:

— Покажи нам, как и где закидывать сети. Мы будем делать все, что ты скажешь.

— Хорошо,— ответил Пуниа.— Если вы будете делать все, как я говорю, мы поймаем любую рыбу, какую захотите. Вот что вы должны делать: двое из вас поплывут со мной, а остальные останутся на берегу. Когда я позову кого-либо из оставшихся, вы должны плыть к нам. Если я покажу два пальца,— это значит, что ко мне должны плыть двое, если один палец,— это значит, я хочу, чтобы приплыл один. Так ловится в этих местах рыба. Дно здесь открытое, и только в нескольких местах можно забрасывать сети.

Злые духи выслушали Пуниа, и он поплыл с двумя из них. Через некоторое время Пуниа позвал еще двоих и сказал:

— Когда я прикажу вам нырять, ныряйте и не выплывайте до тех пор, пока я не поташу сети.

Когда духи нырнули, Пуниа тоже нырнул, опутал их сетями и убил. Потом он вынырнул и позвал тех, кто остался на берегу, показав два пальца. Еще двое духов приплыли к Пуниа. Он также убил их. Потом он позвал еще одного и этого тоже убил. Пуниа обманывал злых духов, пока их осталось совсем немного. Духи увидели, что в море один Пуниа. Они заподозрили неладное и крикнули ему:

— Где все наши?

— Они здесь,— ответил Пуниа.— Они загоняют в сети калу, нунуэ⁷, палани и других рыб, что проплывают здесь.

Тогда остальные успокоились:

— Нет, они не убиты.

Пуниа вновь показал один палец. И еще один из духов приплыл к нему. Потом Пуниа позвал еще двоих.

Пуниа продолжал делать так, пока не убил всех злых духов.

204. Пуэо

Возле горы Пуу-о-ваи-на жил человек по имени Капои. Его хижина обветшала, крыша стала разваливаться, и тогда Капои отправился на болото Кавело, где росла высокая трава пили. Капои хотел набрать травы и починить крышу. На болоте Капои нашел гнездо с совиными яйцами. Набрав травы, Капои прихватил гнездо и вернулся домой.

Вечером Капои собрался испечь яйца. Он взял палочки и развел огонь. В это время к дому подлетела сова и села на стене возле двери. Когда Капои завернул яйца в листья ти и собирался положить их на горячие камни⁸, сова взмолилась:

— О Капои! Отдай мне мои яйца!

— А сколько их у тебя было?

— Семь.

— Я испеку их и съем, потому что у меня нет рыбы.

Но сова продолжала просить:

— О Капои! Отдай мне мои яйца!

— Нет, я уже завернул их в листья, чтобы испечь.

— Ах, Капои, какой ты безжалостный! Тебе нет дела до моего горя!

— Ну, ладно,— сказал наконец Капои,— забирай свои яйца!

В благодарность за доброту Капои сова стала покровителем его семьи⁹. Она велела Капои построить святилище¹⁰, и Капои построил его.

Весть об этом дошла до Какухикевы, верховного вождя из Ваикики. Верховный вождь построил святилище Капалаха, почитать которое обязаны были жители всей округи. Никто — ни вождь, ни простой человек — не имел права строить другие святилища. Какухикева был добрым человеком, но он счел сердилым на Капои — ведь тот нарушил закон! Верхов-

ный вождь послал за Капои своих слуг. Они схватили преступника, доставили в Вайкики и поместили в святилище верховного вождя. Капои должны были убить и принести в жертву оскорбленному им богу¹¹.

Но сова, которая была покровителем семьи Капои, решила спасти его. И она обратилась за помощью к Пуэо, вождю сов. Пуэо жил в долине Маноа, на Пуу-пуэо, Холме Сов, И Пуэо стал созывать свой народ на войну с Какухикевой. Пуэо застучал в барабан¹², и все совы на всех островах услышали его. В течение одного дня все совы с островов Гавайи, Ланаи, Мауи и Молокаи собрались в местности Калапуэо. Совы из Коолау и Хахикику с острова Оаху собрались в долине Нууану, в местности Канониакапуэо. А совы из Кауаи и Нийхау собрались в местности Пуэохулунуи возле Моаналуа.

Какухикева назначил для жертвоприношения день Кане¹³. Утром этого дня в присутствии вождя и воинов жрецы должны были принести Капои в жертву своему богу.

Но когда в день Кане взошло солнце, его свет внезапно померк. Это совы, как тучи, покрыли небо. Вожди и воины пытались отогнать птиц, но не могли. Совы бросались вниз, рвали когтями лица людей, швыряли в них грязью и пометом. Люди Какухикевы обратились в бегство.

Капои был освобожден, и верховный вождь сказал ему:

— У твоего бога мана¹⁴ сильнее, чем у моего. Твой бог — настоящий бог!

Так был спасен Капои. После этого сову стали почитать как божество. А то место, где произошла битва с совами, называется Кукаеунахио-ка-пуэо, что значит «Победный Крик Сов, Поднявшихся Тучей».

205. Пи, у которого были родственники среди менехуне

В местности Хулаиа на острове Кауаи жил человек по имени Пи, у которого были родственники среди менехуне¹⁵.

Однажды местный вождь задумал возделывать в долине большой участок и засадить его таро. Но сначала нужно было построить каменную запруду, чтобы отвести воды реки.

Люди начали таскать камни. Они старались изо всех сил, но до конца работы было еще далеко. Вождь щедро вознаграждал своих людей рыбой, тапой, набедренными повязками¹⁶. Так у них было договорено.

Один только Пи не работал вместе с другими, а почти все время спал. Это было его любимое занятие, все знали, что Пи необычайно ленив. Каждый вечер мужчины возвращались с работы и приносили домой рыбу. Дети Пи видели, как другие едят ее, и, громко плача, просили рыбы у своей матери. Жене Пи было стыдно перед детьми, она их жалела и наконец сказала мужу:

— Почему ты все время спишь? Тебе не стыдно, что твои дети плачут и просят у других рыбы? Иди работать, чтобы накормить детей!

На следующее утро Пи проснулся и отправился вверх по долине. Там он стал жарить таро и приготовил его столько, чтобы хватило на всех менехуне, которых он собирался пригласить. И еще одну связку таро он приготовил для себя самого. Это был первый случай, когда Пи что-то сделал. Затем он вытащил из земли дерево кукуи¹⁷, развесил на его ветвях связки таро и отправился обратно. Ночью Пи отнес дерево вместе с угощением к тому месту, где днем работали люди вождя. Все это он приготовил для своих родственников-менехуне.

И вот менехуне пришли и начали работать. Они делали так, как сооружают запруду на ручье, когда ловят рыбу оопу. Менехуне образовали цепочку и стали передавать камни от одного к другому. За одну ночь запруда была готова.

Окончив работу, менехуне съели пой¹⁸, которое заготовил Пи. Правда, у них не было рыбы, но они набрали в ручьях моллюсков.

Утром вождь и его люди увидели, что запруда готова. Все сразу подумали, что это работа менехуне, и вождь, чтобы удостовериться, послал к Пи одного из своих слуг. Тот вернулся и доложил, что так оно и есть. Тогда вождь послал к Пи нескольких человек отнести ему много-много рыбы и много-много тапы.

Другие мужчины завидовали Пи,— ведь он так много получил от вождя. Но Пи ни с кем не стал делиться, потому что раньше никто не делился с ним.

О том, что Пи за одну ночь сумел построить запруду, услышал Оло, верховный вождь долины Ваимеа. Он велел Пи прийти в местность Кикиала. В реке Ваимеа ожидалась высокая вода, и люди копали канал, чтобы отвести ее. Однако они не поспевали с работой — вода быстро прибывала.

Но вот пришел Пи, и все было сделано, как и в прошлый раз, за одну ночь. Таков был обычай менехуне — если уж они брались за что-нибудь, то заканчивали все за одну ночь. Говорят, это были маленькие человечки, которые всегда работали сообща. Если кто-нибудь из вас попадет на остров Кауаи, он сможет увидеть канал, вырытый менехуне.

Вот и все.

206. *Людоед Каупе, человеко-пес*

На острове Оаху жил вождь по имени Ка-ханай-акеа-кеа, что значит «Усыновленный Богами». Когда он подрос, он задумал построить святилище, чтобы поклоняться своим богам. Вождь был дружен с менехуне, и поэтому они решили помочь ему.

Как только стемнело, Луна, предводитель менехуне, собрал свой народец. Менехуне выбрали нужные для постройки камни. Для возвышений пошли камни с ровными краями, для пола — гладкая морская галька; стволы бамбука и дерева охиа менехуне заготовили для жертвенной площадки. Менехуне распределили между собой все части постройки, в том числе и крытые циновками хижины для жрецов¹⁹ и вождей. Работа была закончена в одну ночь. Затем менехуне устроили пир и ушли в лес.

Усыновленный Богами получил святилище в свое владение. Были совершены подобающие обряды — и святилище назвали Ка-хе-ики. Жрецом в нем вождь сделал своего старого учителя и воспитателя по имени Кахилона.

А потом у вождя Ка-ханай-акеа-кеа власть в этих краях отнял Каупе. Это был колдун, он мог появляться либо в облике человека, либо в облике пса. Каупе стал править землями между долиной Нууаму и морем. Его собственный дом

и святилище были в Лихуа. Каупе был людоедом, он убил и съел многих людей, только на верховного вождя острова он никогда не нападал. С острова Оаху человеко-пес перебрался на Мауи и там тоже убивал и ел людей. Потом он появился на острове Гавайи. Там Каупе схватил сына одного знатного вождя и утащил к себе на Оаху. Колдун поместил мальчика в своем святилище в Лихуа и ждал, когда настанет время для человеческого жертвоприношения, чтобы принести пленника в жертву своим богам.

Тем временем отец мальчика приплыл на Оаху. Он хотел освободить сына, а если это не удастся, то хотя бы умереть вместе с ним. Вождь благополучно высадился на острове и стал искать, кто бы мог ему помочь. Вскоре он встретил Кахилону, жреца из храма Ка-хе-ики, и поведал ему о своей беде.

Жрец научил вождя заклинанию, которое должно было помочь ему вызволить сына из плена, преодолеть ману человеко-пса. И еще одному заклинанию научил жрец вождя — на тот случай, если Каупе заметит исчезновение своей жертвы и бросится в погоню.

Ночью вождь подошел к святилищу Каупе в Лихуа. Он твердил заклинание, которому его научил Кахилона. Вождь в точности следовал советам жреца и нашел то место, где томился его сын. Непрерывно повторяя заклинание, вождь проник в святилище и увидел мальчика. Он лежал связанный, а рядом спал, охраняя его, громадный пес. Отец освободил сына от веревок, и они вдвоем осторожно прокрались мимо чудовища.

Вот заклинание, которое их охраняло:

О Ку! О Лоно! О Кане! О Каналоа!
Спасите нас обоих! Спасите нас обоих!

Отец с сыном выбрались из логова Каупе и побежали к святилищу Ка-хе-ики.

Человеко-пес услышал шум шагов и проснулся. Увидев, что пленник исчез, он выскочил из святилища, обежал вокруг него, нашел след беглецов и бросился в погоню. Отец и сын бежали быстро, но уйти от пса было невозможно. Тогда вождь произнес второе заклинание, которому научил его Кахилона. У них прибавилось сил, они побежали быстрее, но

все равно громадный пес нагонял их. Тогда вождь произнес третье заклинание:

О Ку! О Лоно! О Кане! О Каналоа!
Своей божественной властью,
Силой этого заклинания
Спасите нас обоих! Спасите нас обоих!

Тут же беглецы увидели подходящую скалу и спрятались за ней. Это было в местности Маналуа.

А пес думал, что отец с сыном с помощью своих богов спешат на Гавайи. Поэтому он добежал до берега океана, поднялся в воздух и полетел на тот остров.

Тем временем беглецы добрались до храма Ка-хе-ики, где их радушно встретил жрец Кахилона. Он научил гостей заклинаниям, с помощью которых они могли одолеть и убить человеко-пса.

Затем оба вождя, отец и сын, вернулись к себе на остров Гавайи и стали готовиться к битве со своим врагом. В конце концов они победили Каупе и убили его.

Но дух колдуна не был уничтожен и поселился в верхней части долины Нууану. И теперь еще его тень появляется иногда среди облаков, которые собираются у горных вершин и нависают над долиной. Иногда он является в виде облака, имеющего вид огромного, а иной раз и маленького, пса. И тогда дух Каупе смотрит сверху на те земли, на которые он когда-то наводил ужас.

А Кахилона стал основателем величайшего жреческого рода Му-кахуна. Этим жрецам ведомы знамена моря, неба и земли.

207. Лодка му

На острове Оаху возле Коу²⁰ жил вождь по имени Ка-ханай-аке-Акуа, что значит «Тот, О Ком Заботятся Боги». Однажды он послал жрецов в горы за деревом для постройки лодки. Жрецы поднялись по Нууану к тому месту, где с этой широкой долиной соединяется другая, узкая, покрытая лесом. Здесь росли огромные деревья коа²¹, из которых делают лодки. Но этой частью долины владели ээна²². Кроме

них там обитали кровожадные му²³, которые часто убивали путников. Иногда му появлялись в облике людей, но всегда могли снова обернуться му.

И вот один из этих му, по имени Куна, спустился к тому месту, где жрецы рубили дерево. Он посмотрел на обряд, послушал заклинания и начал мешать людям. Сначала му поднял в долине сильный ветер. Затем он собрал темные тучи, и из них пошел проливной дождь. Му подстраивал опасные предзнаменования, но жрецы не сдавались.

Наконец они свалили дерево. Обрубили у него ветви, слегка обтесали его и частично выдолбили. Затем бревно обвязали веревками из косовых волокон и лианами и поволокли вниз по долине к заливу Коу.

Когда люди стали перетаскивать бревно через застывший поток лавы, оно вдруг дернулось и поползло обратно. Это Куна схватился за веревку и потянул вверх. Люди напряглись, и бревно вместе с уцепившимся му заскользило вниз по камням. Му упирался, чтобы людям было тяжелей тащить. Но совсем удержать бревно он не мог, и оно медленно продвигалось вниз. Было очень трудно волочить бревно по зарослям, и люди подтянули его к руслу маленькой речки Нууану. Они рассчитывали, что его ствол будет легче сплавить по воде, а скользкие камни помешают му удерживать бревно. Так они и тащили лодку, вырывая ее из рук злого духа.

Наконец му понял, что так он ничего не добьется, и решил действовать иначе. Он отпустил веревку и поспешил вверх по руслу. У истоков речки он перекрыл все ключи и отвел в сторону ручейки. Вода иссякла, и речка высохла. Тогда Куна опять сбежал вниз, схватился за веревку и стал тянуть бревно обратно.

Трудно было тягаться с му, и люди очень устали. Уже стемнело, а до моря было еще далеко. Кое-как они добрались до места, которое называется Ка-хо-о-кане и где речка делала крутой поворот. Между высокими берегами здесь нагромождены крупные камни. Му напряг все силы и крепко всадил лодку между камнями.

Сделать что-либо было очень трудно, и старший жрец распустил людей. Так они и оставили недоконченную лодку злому духу.

Лодка окаменела и поныне лежит между камней. Ее так и называют — Лодка му.

208. Танец аумакуа в кратере вулкана

Когда-то на острове Оаху жил знатный и могущественный вождь по имени Какеи, ловкий и бесстрашный воитель. Он в совершенстве владел палицей, копьем и пращей²⁴. Вокруг себя Какеи собрал молодых вождей из подвластных ему мест. Это были дерзкие воины, привыкшие наносить и получать удары, побеждать и проигрывать. Сегодня они были богаты, завтра бедны. Такая жизнь была им привычна.

Однажды Какеи собрал этих молодых вождей. Он велел им разойтись по домам и готовиться к походу и битве.

— Нужно построить много новых боевых лодок,— сказал Какеи,— а лучшие из старых починить и заново отделать. Вы должны собрать самых умелых и самых храбрых из своих воинов. Проверьте их оружие и снаряжение. Возможно, поход будет долгим, надо заготовить крепкие плетеные паруса для лодок и побольше припасов.

С великой радостью разошлись по домам молодые вожди выполнять повеление своего предводителя. Конечно же, они не могли удержаться от разговоров о предстоящем походе. А болтливые женщины разнесли эту весть по всем долинам. Шумные сборы были слышны по всему острову.

Но куда же будет совершен поход? Над кем нависла угроза? Этого никто не знал. Целыми днями воины спорили о том, на кого из многочисленных врагов своего вождя они пойдут. Одни говорили, что Какеи присоединит к своим владениям остров Молокаи, другие думали, что они совершат налет на побережье острова Гавайи. Все надеялись на великие победы и богатую добычу.

Прошло несколько месяцев, и приготовления были закончены. Множество воинов собрались вокруг Какеи. Боевые лодки спустили на воду, поставили паруса, на вершинах мачт укрепили цветные флажки. Молодые вожди были великолепны. Они украсили головы желтыми и красными военными уборами, надели устрашающие боевые маски²⁵. Воины стали рассаживаться в лодки и кричали друзьям, оставшимся на берегу: «Прощайте!»

Как только они вышли в море, Какеи повернул лодки на север, а не на юг, как думали воины. Они шли и на веслах и под парусами. Морские волны и сильные руки гребцов быстро

гнали лодки к острову Кауаи. Настала ночь, но светили звезды, и морская тропа была такой же прямой, как днем.

На рассвете Какей и его воины высадились на берег и напали на жителей селения Ваимеа. Вождь селения схватил палицу и копье и с боевым кличем выбежал из дому. Его воины, не совсем проснувшиеся, растерянные, застигнутые врасплох, пытались помочь вождю отразить натиск врага. Битва была недолгой и жестокой, за короткое время полегло много жителей Ваимеа. Нападающие разорили селение и подожгли хижины.

Какей велел своим воинам собрать на берегу добычу — лодки, женщин с детьми и все захваченное добро — калебасы²⁶, циновки, куски тапы, каменные орудия²⁷, плащи из перьев²⁸. Победители доверху нагроулили все лодки — и свои, и захваченные — и благополучно отплыли обратно, к острову Оаху. Под парусами они прошли вдоль побережья к заливу Коу.

Весь берег был занят захваченным добром и пленными женщинами и детьми. По велению вождя на склоне горы Пуу-о-ваина начали приготовления к пиру. Люди наловили множество рыбы, зарезали много свиней и кур, наполнили земляные печи²⁹ докрасна раскаленными камнями, приготовили огромные чаши с кавой³⁰.

Какей и его воины сели вокруг чаш, наполненных пой, а девушки начали танцевать хулу³¹.

И вдруг земля под ними затряслась, чаши покатались, вся площадка, где шел пир, зашевелилась как живая. Каменистые склоны горы стали трескаться, и громадные камни покатались вниз. Люди бросились бежать в разные стороны, многих задавили падающие камни. Затем земля снова задрожала, склон горы открылся, потекла лава, поднялись клубы пара и удушливого дыма. Лава двинулась вниз к устланной циновками площадке, где пировали, и все это место стало добычей огня.

А потом над раскаленной лавой, среди облаков, вырывавшихся из кратера, представилось необыкновенное зрелище. Несколько аумакуа³² с острова Кауаи двигалось в торжественном, величавом танце. Качались облака испарений, и вместе с ними раскачивались духи. Это были духи предков тех людей, которых разорили воины Какей. Они пришли защитить пленных женщин и детей. Наказав обидчиков, духи тан-

цевали священный танец. Увидев это страшное зрелище, Какеи и его воины решили умиловить духов.

Они собрали на берегу пленных женщин и детей и всю захваченную добычу отдали им в руки. На склон вулкана вождь послал жрецов. Жрецы должны были сообщить духам, что пленных отпустят и вернут им все захваченное добро. Затем воины посадили пленных, погрузили все их добро в лодки и снова отплыли на Кауаи. Как только лодки скрылись из виду, землетрясение утихло. Ядовитые пары больше не вырывались наружу, огни погасли, поток лавы застыл. Духи принялись раскаяние Какеи и его воинов.

Говорят, что больше никогда огонь не возвращался в этот кратер и на остров Оаху.

209. *Заколдованное хлебное дерево*

Нашими предками были Папа и ее муж Вакеа³³. Из Кахики³⁴ они приплыли на остров Оаху и поселились в горах над ущельем Килохана. Здесь, на Оаху, они нашли плодородную землю, на которой в изобилии росли бананы, сахарный тростник и таро. Папа и Вакеа построили себе дом, где стали укрываться от дождя и зноя.

Каждый день Папа выходила на северный берег острова. Из длинных листьев дерева хада она сплела легкую корзинку и спускалась с ней к морю. Папа набирала вкусных водорослей и крабов и относила их домой.

Однажды Папа набрала еды и стала подниматься в гору. Она дошла до Хикалоа, где был источник с чистой холодной водой. Здесь Папа собиралась помыть водоросли и крабов. Но тут она взглянула на противоположный склон долины и увидела, что какие-то люди схватили ее мужа Вакеа и куда-то ведут. Немедля Папа побежала к своему дому, бросив и водоросли и крабов. Водоросли здесь же, в источнике, пустили корни и прижились, а крабы вернулись обратно в море.

Люди, схватившие Вакеа, были слугами вождя Леле-хоо-мао. Издавна в этих краях жили люди, которые приносили богам человеческие жертвы. Эти люди построили крепость

Пакака. Поселившись неподалеку, Папа и Вакеа топтали посевы, принадлежавшие вождю Леле-хоо-мао. И вот слуги вождя, совершая обход земель, заметили Вакеа и схватили его. Они потащили Вакеа в крепость Пакака, собираясь принести его в жертву. По дороге слуги вождя кричали:

— Мы поймали того, кто топтал посевы! Мы связали его!

Папа обвила бедра лианой и побежала по гребню горы над долиной Нууану. Далеко внизу было видно, как слуги вождя ведут ее мужа. Папа поспешила вниз. У ручья Пуахуаху ей встретился какой-то мужчина и сказал:

— Вон там повели человека. Его изжарят. Внизу, в долине, уже разожгли печь.

— Дай мне напиться,— попросила Папа.

— У меня нет воды,— ответил мужчина.

Тогда Папа взяла камень и ударила им о землю. Открылся подземный водоем, женщина напилась и побежала дальше.

В местности Нини возле большого хлебного дерева она догнала тех людей, которые вели ее мужа. Руки Вакеа были связаны за спиной, одежда сорвана. Папа с плачем кинулась к нему.

— Я хочу обнять своего мужа! — кричала она.

Между тем Папа подталкивала связанного Вакеа к большому хлебному дереву. И вдруг дерево раскрылось, и муж с женой вбежали внутрь ствола. А дерево сразу же опять закрылось. Затем силою своей маны Папа раскрыла дерево с другой стороны. Папа и Вакеа выскочили из дерева и бросились бежать к своему дому. На берегу Папа сбросила свою юбку из лианы. Лиана пустила корни, и так появился вьюнок. Он очень красиво цветет и известен своими целебными свойствами.

А слуги вождя Леле-хоо-мао тщетно искали, куда девался их пленник. Они осмотрели всю крону, но никого не нашли. И они решили, что беглецы скрываются в заколдованном дереве. Обо всем случившемся они сообщили своему вождю Леле-хоо-мао. Вожди посоветовались между собой и послали несколько человек с топорами — срубить это дерево. И вот один из них ударил топором по дереву. Отлетела щепка, ударила этого человека, и он упал мертвым. То же случилось и со следующим. Тогда остальные бросились на дерево с топорами, но каждая отлетающая щепка убивала одного из них, и каждая капля древесного сока тоже убивала человека. При

этом гибли не только те, что рубили, но даже и те, что стояли рядом.

Испугались люди и призвали на помощь жреца. И вот пришел жрец Уохи. Он склонился перед деревом и долго молча размышлял. Затем он поднял голову и сказал так:

— Не обыкновенная женщина вошла внутрь ствола. Это богиня Папа из Кахики. У нее не одно тело, а множество. Если мы хорошо с ней обойдемся, она не причинит нам зла.

Жрец велел совершить жертвоприношение. С молитвами и заклинаниями люди принесли в жертву Папе черную свинью, черную рыбу и красную рыбу. Затем Уохи сказал тем, кто рубил:

— Натритесь кокосовым маслом³⁵ и без страха продолжайте работу.

И действительно, в людей летели щепки, на них брызгал сок, но это не причиняло им никакого вреда. Наконец громадное дерево упало. Из этого дерева сделали огромное изображение богини. Папа дала ему одно из своих имен — Ка-меха-и-кана — и наделила сильной маной. Эта деревянная богиня была известна повсюду — от острова Кауаи до острова Гавайи, а на острове Оаху она стала одной из самых почитаемых святынь.

Впоследствии Камехамеха забрал ее на остров Мауи, чтобы с ее помощью утвердить свою власть над всеми островами. Тем, кто ей поклонялся, святыня помогала отвоевывать земли и власть у других людей, помогала мудро и твердо управлять, защищала и охраняла страну.

210—212. Сказания о Мауи

210. Похищение огня

Раньше люди ели сырую пищу — плоды, овощи — то, что давала им земля. Тогда не было огня, чтобы варить еду, и люди не умели готовить таро, ямс, корни ти и другие дары Акаланы.

Однажды Мауи спросил Хину³⁶:

— Что нужно сделать, чтобы приготовить пищу?

— Надо добыть огонь.

— А у кого есть огонь?

— Огонь есть у кур.

Тогда Мауи сказал:

— Я пойду и принесу огонь.

— Чтобы добыть огонь, надо быть очень сильным и ловким. Тебе надо идти к самым маленьким, самым слабым курам. Только тогда ты сумеешь сделать это.

И Мауи отправился за огнем. Он шел к Ваианае на Оаху. Когда Мауи пришел туда, огонь горел, но вокруг были только большие куры.

— Вот пришел быстроногий сын Хины. Он свернет нам шею,— заволновались они.

Мауи и впрямь не раз преследовал их, и они знали, каким проворным он был.

Мауи попытался схватить огонь, но куры быстро собрали огонь, золу и бананы, которые пеклись на огне, и улетели. Мауи остался ни с чем. И так повторялось много раз, пока Мауи наконец не увидел очень маленькую курочку. Она разжигала огонь, чтобы печь бананы. Тут Мауи схватил бананы и птицу и зажал их в руках. Он уже хотел свернуть курочке шею, потому что он был очень сердит на кур,— ведь они так и не дали ему огня.

Но тут курочка сказала:

— Послушай, не убивай меня. Ты же не сумеешь без меня добыть огонь.

— Тогда дай мне немного,— ответил Мауи.

— Иди и потри стебель таро,— сказала курица.

Он стал тереть стебель таро, но искры не было. А стебель покрылся бороздками и остался таким до сих пор.

Рассерженный Мауи вернулся, чтобы убить курочку, но она снова попросила не убивать ее и сказала:

— Иди и потри воду.

Это было иносказание. Курица говорила не про обычную воду, а про дерево, которое называлось «красная вода»³⁷. Мауи не разгадал загадку и пошел тереть обычную воду. Конечно, он не получил огня. Тогда он избил птицу, а она сказала ему:

— Иди в лес и найди там дерево «красная вода».

Мауи начал тереть это дерево, и огонь загорелся.

211. Как Мауи поймал Солнце

Когда Мауи похитил огонь, он рассказал об этом матери. Но Хина все равно была недовольна.

— Ты, наверное, думаешь, что мне легко справляться с работой,— ворчала она.— С раннего утра я выколачиваю тапу, но не успеваю свалить лыко в большое полотно, как Солнце уже садится. Проходят недели и месяцы, пока тапа становится такой, как нужно. Да и вымоченное лыко не успевает просохнуть до захода Солнца. Только и спасаемся огнем — он помогает сушить тапу.

— А не будет ли лучше, если я отсеку Солнцу ноги? — спросил Мауи.— Тогда оно не сможет так быстро бежать по небу.

— Да хватит ли у тебя сил? — сказала Хина.

— Я достаточно силен для этого.

— А у тебя есть что-нибудь, чтобы победить его? — снова спросила Хина.

— Я надеюсь на свои силы.

— Ну, что ж, попробуйся,— согласилась Хина.— Я дам тебе с собой кое-что, и ты легко поймаешь Солнце.

Мать дала Мауи пятнадцать связок веревки и сказала:

— Но это еще не все. Остальное тебе даст твоя прародительница. Кроме того, она скажет, что ты должен делать, чтобы победить Солнце. Ведь она одна из тех, кто кормит Солнце в Халекала³⁸.

— Твою прародительницу,— продолжала Хина,— зовут Вили-вили-пуха³⁹. Ты найдешь ее у большого развесистого вили-вили. Там ты и дожидайся старуху, только смотри не загни. Ты услышишь, как запоет петух — сначала один раз, потом второй и третий, а затем выйдет старуха. Это и будет твоя прародительница. Она разожжет огонь и станет печь бананы. Тут ты тихонько подкрадись к огню и схвати бананы. Тогда старуха спросит: «Ты чей, озорник?» А ты ответь: «Твой».—

«А кто твоя мать?» — снова спросит она. Тогда ты отвечай: «Хина».

После того как мать рассказала Мауи, что он должен делать, он вышел из дому и пошёл к Каупо. А от Ну'у он поднялся прямо к месту, которое указала ему Хина. Он уселся под деревом вили-вили и стал ждать. Вскоре он услышал, как закричал петух, — сначала один раз, потом другой. Этого петуха звали Ка'аухелемоа. Когда он запел в третий раз, Мауи вгляделся и увидел старуху, которая еле волочила ноги. Она шла готовить бананы для Солнца. Старуха разожгла огонь и положила на него горсть бананов.

Мауи незаметно подкрался к огню и схватил бананы. Когда старуха потянулась за бананами, она не нашла их.

— Гм, куда это запропастились бананы? — проворчала старуха.

Она была слепа и поэтому не могла ничего понять.

Старуха принесла другие бананы и положила их на огонь. Но Мауи снова схватил бананы, и старухе опять пришлось принести новые. Так было несколько раз подряд. Наконец старуха подумала: «Должно быть, какой-нибудь озорник таскает у меня из-под рук бананы».

Она потянула носом воздух и спросила:

- Ты чей, озорник?
- Твой, — ответил Мауи.
- А кто твоя мать?
- Хина.

Тут Мауи уселся на колени к старухе, и она спросила его:

— Что привело тебя сюда?

— Я пришел отсечь Солнцу ноги. Оно ходит слишком быстро, и моя мать не успевает просушить тапу.

Тогда старуха дала Мауи камень и моток веревки. Вместе с теми, что дала ему Хина, у него получилось шестнадцать мотков. Семнадцатым предметом был камень, который предназначался для того, чтобы бить Солнце.

После этого старуха сказала:

— Солнцу уже пора подниматься на небо, и сейчас ему захочется бананов. Спрячься у подножия этого дерева и жди, пока не покажется первая нога-луч. Тогда лови ее в петлю из веревки и привязывай к дереву. Потом лови вторую ногу и третью. Вяжи ноги Солнцу, пока у тебя не кончатся все мотки. А потом бей Солнце камнем.

Когда старуха закончила свои наставления, Мауи вырыл яму под деревом и спрятался в ней. Прошло немного времени, и Мауи увидел первую ногу Солнца. Он быстро набросил на нее петлю и затянул ее. То же самое он проделал со второй и третьей ногами. По мере того как Солнце шагало, поднимая ноги, пятнадцать его ног оказались в ловушке. Только последнюю, шестнадцатую, ногу Мауи долго не мог поймать — ведь она была ниже всех. Наконец, изловчившись, Мауи накинуд петлю и на нее.

Когда Солнце увидело, что Мауи связал его ноги, оно попыталось повернуть обратно, но Мауи быстро прикрутил веревки к стволу, и Солнце уже не могло двинуться с места. Тут Мауи схватил камень и угрожающе поднял его над головой.

— Пощади меня! — взмолилось Солнце.

— За что же тебя щадить? Ведь ты злое! Нет, от меня пощады не жди.

— Пожалей меня, — снова попросило Солнце.

В конце концов Мауи сжалился над Солнцем, и вот, как они порешили. Шесть месяцев в году Солнце будет садиться быстро, а остальные шесть — медленно. Так что и Солнце и Мауи — оба остались довольны.

Вот как получилось, что зимой Солнце бывает очень короткое время на небе, зато летом остается так долго, и люди спешат воспользоваться этим.

212. Смерть Мауи

Мауи утратил любовь богов. Друзей у него тоже не было. Кто станет дружить с таким хитрецом и ловкачом! Поэтому он жил один в долине Алахахи, вдали от других. Он без труда находил себе пищу в долине — оопу⁴⁰, креветок в реке и дикие бананы, которые росли вокруг в изобилии.

Пока Мауи сам заботился о своем пропитании, боги не беспокоили его. Но вскоре ему надоело самому добывать себе пищу. Страсть к приключениям и безрассудство толкнули его на то, что он стал красть еду у богов. За это он и поплатился жизнью.

В Алакахи в окружении множества низших богов жили великие боги Кане и Каналоа⁴¹. Кане был светлокожим. Лицо его было бело и прекрасно. Каналоа же был черным, как уголь, и толстогубым. Волосы у него вились. Каналоа и Кане всегда ходили вместе и были вполне довольны жизнью, собирая и приготавливая свою пищу.

Однажды, когда Кане и Каналоа пекли бананы на восточном берегу Алакахи, Мауи проходил мимо по противоположному берегу. Увидев бананы, он вонзил длинную острогу в один из плодов и выхватил его из огня. Потом он перетащил острогу на свою сторону и съел банан.

Когда Мауи попробовал проделать это снова, на него обрушился Каналоа. Схватив Мауи за волосы, он поволок его по скалам в заросли кустарника и бросил в хеиау⁴². Потом Каналоа схватил камень и размозжил Мауи голову. Кровь Мауи разлилась по скалам Алакахи и окрасила их в красный цвет, что мы видим и ныне. Вода в реке тоже покраснела от крови, и с тех пор креветки в Алакахи стали красными. Даже сейчас иногда попадаются красные креветки.

А часть крови Мауи стала радугой на небесах, где он когда-то одержал великую победу над Солнцем.

213. Женщина из подводной страны

В очень давние времена жил на Гавайи вождь по имени Кони-кониа. Однажды он послал своих рыбаков наловить ему рыбы из глубины моря. А рыбаки, сами того не зная, бросили снасть в том месте, где в последнее время происходило что-то непонятное.

И когда они вытащили из моря свои лесы, на них не оказалось крючков. Рыбаки осмотрели снасть и удивились — такие крючки рыба не могла сорвать. Тогда рыбаки вернулись к вождю и сказали ему:

— Когда мы вытащили из моря снасть, не оказалось ни одного крючка. Так не бывает, если приманку берет рыба. Лесы не дергало, а все крючки сорваны, как будто их кто-то срезал ножом.

Вождь и раньше слышал, что в этом месте моря случаются непонятные вещи. И он послал за своим жрецом.

Жрец пришел, и рыбаки рассказали ему, что случилось в море. И жрец сказал вождю:

— В том месте, где твои рыбаки забросили снасть, находится подводная страна Лало-хана. Там, на дне моря, живет женщина. Она очень красивая, зовут ее Хина. Сейчас она там одна. Ее братья, которые о ней заботятся, надолго отлучились из дому.

Когда вождь услышал о прекрасной морской женщине, он сразу же захотел увидеть ее и сделать своей женой.

Жрец научил вождя, как выманить женщину из моря. Он сказал:

— Надо изготовить деревянного мужчину с глазами из перламутра, с темными волосами, в набедренной повязке из тапы. Таких изображений, каждое ростом с человека, надо сделать много. Несколько из них нужно вынести в море, несколько — поставить на берегу вдоль тропы к дому вождя, а один деревянный человек должен стоять у самых дверей дома.

Как сказал жрец, так и сделали.

И вот жрец вместе с людьми, которые везли деревянных мужчин, выплыл в море. На том месте, где под водой была расположена страна Лало-хана, жрец велел остановить лодки. Затем на дно спустили одного деревянного человека. Второго опустили не до самого дна, а оставили немного выше. Так на веревках спустили несколько изображений мужчины, и они расположились один над другим до самой поверхности моря. Затем от того места до берега поставили ряд лодок, и в каждой тоже был деревянный человек. А на берегу эти изображения выстроили вдоль тропы, ведущей к дому вождя.

Когда все было готово, громко протрубили в раковину⁴³. Услышав звук, Хина вышла из своего подводного дома. Ее дом был построен из красного и белого коралла. Когда Хина вышла из дома, она прямо перед собой увидела смуглого мужчину с темными волосами и перламутровыми глазами. Хина обрадовалась — она не видела никаких мужчин с тех пор, как отлучились ее братья. Она приблизилась к этому мужчине и прикоснулась к нему. И только она это сделала, как увидела над собой еще одного. Хина приблизилась и к этому мужчине и тоже прикоснулась к нему. До самой по-

верхности моря тянулась цепочка мужчин, и Хина поднималась все выше и выше, потому что хотела прикоснуться к каждому из них.

Когда она вышла на поверхность, то увидела лодки, в которых стояли такие же мужчины, один красивее другого. Хина поплыла вдоль лодок. Ей очень нравились эти мужчины, и она притрагивалась к каждому.

Так морская женщина доплыла до берега, а там тоже стояли мужчины. Она подходила к ним и прикасалась к каждому. Наконец Хина прошла кокосовую рощу и очутилась перед домом вождя. Около дома стоял высокий мужской мужчина с очень большими перламутровыми глазами, в красной набедренной повязке. Хина подошла к нему. Венок из морских цветов у нее на голове начал вянуть на солнце. Хина очень устала, она упала на землю около деревянного мужчины и заснула.

Когда она проснулась, то увидела рядом с собой совсем другого мужчину. Это был вождь. Он задвигал руками, и Хина испугалась. После спокойствия подводной страны ей были непривычны здешние звуки и движения. Мужчина поцеловал ее, и они вместе вошли в дом.

Так женщина из Лало-ханы, подводной страны, стала женой вождя Кони-кони.

Прошло время, и Хина научилась разговаривать. Она сказала мужу, что в ее подводном доме остались драгоценности. Она попросила вождя послать за ними ныряльщика.

— Драгоценности находятся в калебасе,— сказала Хина мужу,— пусть ныряльщик ее не открывает.

Кони-кони послал своего лучшего ныряльщика в Лало-хану за драгоценностями. Тот нырнул на дно моря, нашел дом из красного и белого коралла, проник внутрь и взял калебасу. Ныряльщик вернулся и отдал ее Хине. Он не открывал калебасу.

Прошло еще несколько дней, и Хина открыла калебасу. В ней хранилась луна. Луна взлетела в небо и осветила оттуда землю и море чистым и ярким светом. Хина увидела луну в море, испугалась и сказала вождю:

— Мои братья скоро начнут искать меня.

И еще через день она сказала ему:

— Мои братья нашьют на остров высокую воду, когда будут меня искать.

И еще через день она сказала:

— Мои братья будут искать меня, обернувшись рыбами па-о'о, и море поднимет их так высоко, что они увидят меня на берегу.

Вождь ответил:

— Мы покинем нашу страну и найдем убежище на вершинах гор.

И вождь с Хиной и со всеми своими людьми ушел в горы. Уходя, они видели, как подымается море. Братья Хины в облике рыб па-о'о качались на его волнах. Когда море подняло их высоко, они заметили свою сестру.

Море вышло из берегов и пошло по всей стране к горам. На своей спине оно несло рыб па-о'о. Кони-кониа и его люди взобрались на вершины гор. Море с рыбами па-о'о на спине двинулось к вершинам. Кони-кониа, Хина и все люди влезли на верхушки деревьев. И тогда море не пошло дальше и отступило. Оно отступило и унесло на себе рыб па-о'о, которые были братьями Хины.

Так произошел на Гавайях Великий Потоп⁴⁴.

После того как море вернулось на свое место, вождь Кони-кониа с Хиной и со своими людьми возвратились туда, где раньше стояли их дома. Все унесло водой, и на месте домов и полей остались грязь и песок. Но скоро солнце высушило мокрую землю, вновь начали расти деревья и травы, а люди заново построили дома и стали обрабатывать землю. И вождь Кони-кониа с Хиной и со своими людьми снова жили в широкой долине у берега моря.

214. Рассказ о По-о

Вождь Мо-е Мо-е пошел на свое поле и день и ночь работал там так долго, что даже По-по-ло-ау, брат его жены, и По-о, ее слуга, очень удивились.

Вернувшись домой, Мо-е Мо-е уснул. Он спал десять дней и еще десять. Его жена, ее брат и ее слуга пытались разбудить Мо-е Мо-е, но не могли. Тогда жена стала трясти мужа, кричать, брызгать ему в лицо водой. Мо-е Мо-е продолжал спать. Тогда жена сказала:

— Он больше не проснется. Он умер.

Она позвала брата и слугу и сказала им:

— Вождь умер. Оберните его тапой, отнесите на берег и бросьте в море. Это все, что живые могут сделать для мертвого.

Ее брат По-по-ло-ау и слуга По-о сделали, как она велела. Они завернули Мо-е Мо-е в кусок тапы, отнесли на берег и бросили в море.

А после этого с ними случилось вот что. Оставив в море то, что они считали мертвым телом вождя, По-по-ло-ау и По-о отправились в горы. Им нужны были толстые ветви для починки крыши. По-по-ло-ау и По-о были уже далеко от дома, когда наступила ночь, темная и дождливая. По-о хотел идти домой, но По-по-ло-ау побоялся возвращаться в такую темень и непогоду. И пришлось обоим заночевать в пещере.

Никто из них никогда не был здесь прежде. По-по-ло-ау решил разжечь костер — он боялся, что будет холодно. Они разожгли костер и уснули. Они не знали, что в пещере есть еще кто-то.

И вот среди ночи По-по-ло-ау показалось, будто что-то неладно. Он проснулся и увидел, что к спящему По-о подбирается огонь. По-по-ло-ау окликнул слугу, но тот не слышал. По-по-ло-ау подбежал к По-о и стал его поднимать, но слуга продолжал спать. Огонь все выше поднимался по телу По-о. По-по-ло-ау поставил спящего на ноги и стал трясти, но тот все равно не просыпался. А когда огонь добрался до шеи По-о, По-по-ло-ау оставил его, а сам бросился бежать из пещеры.

По-по-ло-ау взбежал на холм и, когда добрался до его вершины, услышал сзади голос:

— Подожди меня, пойдем домой вместе!

По-по-ло-ау обернулся и увидел, что за ним катится горящая голова. Это она звала его.

По-по-ло-ау сбежал в долину, а голова покатилась следом за ним. Когда По-по-ло-ау оглядывался, он видел языки пламени, вылетающие из головы. По-по-ло-ау испугался и побежал быстрее. Он пробежал уже несколько долин, а голова не отставала. Наконец По-по-ло-ау добрался до равнины. От страха и усталости он еле переставлял ноги.

А в это время там проходил жрец со своими друзьями. Жрец сказал им:

— Вы видите, к нам приближается человек? Если он успеет добежать до нас — он спасется, если же голова достигнет его раньше — его уже ничем не спасти.

Едва он это сказал, как По-по-ло-ау подбежал к ним. А голова сразу же остановилась.

По-по-ло-ау рассказал жрецу, что с ним было. Потом он пошел к своей сестре.

— Где По-о? — спросила она.

И брат рассказал ей о случившемся.

Затем в дом пришел жрец. Он сказал жене Мо-е Мо-е:

— Я пришел потому, что боюсь за тебя. Голова гонится за тем человеком, который у тебя в доме. Голова захочет войти и остаться здесь, но ты не разрешай, иначе подпадешь под ее силу. Она попросит тебя выйти — не выходи. Попросит выслать к ней твоего сына — не отпускай.

И еще жрец сказал:

— Когда услышишь свист, знай, что голова близко. Спрячься в углу и не шевелись. Если снаружи все озарится светом — значит, голова у самого дома. Когда же все внутри озарится светом, знай, что голова проникла в дом.

Жрец ушел, а женщина осталась. Около полуночи она услышала свист. Потом снаружи стало светло и послышался голос По-о. Он сказал:

— Выйди из дома.

— Не выйду — идет дождь, — ответила женщина.

— Дождя нет, — сказал голос.

Он затих, а потом снова заговорил:

— Вышли ко мне своего сына. Я принес ему спелые бананы, он их очень любит. Пусть выйдет и возьмет их.

— Я не вышлю его из дому, он спит, — сказала женщина.

После этого голова вкатилась в дом, но женщина спряталась, и ее нельзя было найти.

А потом в дом пробрался жрец. Он потихоньку вывел женщину из дому, а дверь запер.

Голова закричала:

— Не запирайте дверь! Я хочу выйти!

Но люди снаружи подперли дверь бревном. Они догадались, что внутри заперт злой дух пещеры, который обернулся горящей головой.

Через некоторое время в доме вспыхнул пожар и послышался громкий треск. Он повторился двенадцать раз. Голова разлетелась на куски, и от нее ничего не осталось.

Вот что случилось с По-о.

215. Каулу — самый сильный человек в мире

Каулу отправился искать своего доброго брата Ка-еха, который пропал давно, еще до того, как Каулу родился. Сначала Каулу спустился к морскому берегу и увидел высокий и длинный Прибой.

— Прибой, ты сильный? — спросил Каулу.

— Да, сильный, — ответил Прибой.

— Какая же у тебя сила?

— А вот какая! — воскликнул Прибой и восемью волнами ударил Каулу. Но они не смогли сбить его с ног.

Каулу спросил:

— Скажи мне, Хакау-кахи, моя правая рука, и скажи мне, Лимапаи-хала, моя левая рука, вы можете помериться силой с Прибоем?

— Я могу, — отвечает правая рука.

— И я могу, — отвечает левая рука.

Каулу протянул руки к Прибою, схватил его и поднял кверху. И правой и левой руками Каулу разорвал Прибой на мелкие части. Вот почему Прибой теперь такой маленький.

После этого Каулу сказал Большим Волнам:

— Волны, вы не сильные! Вы ходите только на то, чтобы вспенивать море.

— Нет, мы сильные и храбрые, — ответили Волны.

Они набросились на Каулу, но он схватил их руками и разорвал на части. И волны стали такими, какими мы их видим сегодня.

А Каулу пошел дальше искать своего брата.

Ка-еха был унесен в небесную страну Лева-ну'у, или Левалани. И когда Каулу бродил и искал эту страну, он пришел туда, где стоял Лоно-ка-ехо. У Лоно-ка-ехо было восемь лбов, один над другим, и самый верхний лоб касался неба.

— Это кто там такой лобастый? — крикнул Каулу.

— Лоно-ка-ехо, Лоно-ка-ехо, — сказали великану его слуги, — там кто-то спрашивает, как тебя зовут.

Лоно-ка-ехо крикнул сверху:

— Хватит ли у тебя силы, чтобы заставить меня нагнуться к тебе?

— У меня есть сила, но ее немного, — ответил Каулу.

И тогда лбы Лоно-ка-ехо начали опускаться на Каулу. А руки Каулу спрашивают:

— Что нам делать?

Каулу сказал:

— Ты, Хакау-кахи, моя правая рука, и ты, Лимапаи-хала, моя левая рука, пригните его вниз.

И вот когда Лоно-ка-ехо ударил Каулу своими лбами, Хакау-кахи и Лимапаи-хала — руки Каулу — прижали лбы великана к земле и держали их так, пока они не заросли травой и кустами охиа. Так Лоно-ка-ехо навеки остался на земле на холме Оло-мана.

А Каулу продолжал свой путь. Он хотел достичь неба, где был его брат Ка-еха. Каулу шел и шел, пока не встретил колдуна Мо-ко-ли'и. Колдун сидел у дороги и пожирал всех мужчин и женщин, проходящих мимо.

— Куда ты идешь? — спросил Мо-ко-ли'и.

— Я хочу подняться на небо, — ответил Каулу. — Ты не поднимешь меня, Мо-ко-ли'и?

Колдун сказал:

— Ладно, я помогу тебе, но потом я тебя съем.

— Можешь съесть меня, если ты сильный! — согласился Каулу.

Колдун взял его в зубы и поднял на небо. Тут же Каулу велел обеим своим рукам схватить Мо-ко-ли'и и сбросить его на землю. Руки так и сделали. Мо-ко-ли'и упал на землю и переломал все кости. Там, где он упал, он и лежит до сих пор.

Так Каулу оказался на небе и пошел по небесной стране Лева-ну'у, или Лева-лани, искать своего брата. Жители страны Лева-ну'у узнали, что Каулу, самый сильный человек в мире, появился на небе и ищет брата. Они подумали, что, если Каулу и Ка-еха встретятся, они станут властителями всей небесной страны. И они уговорили Ка-еху покататься с ними на волнах⁴⁵. Перед этим они спустились к берегу моря и сказали Ка-ла-ке'е-нуи, вождю акул, чтобы он сожрал Ка-еху.

И когда Ка-еха стал кататься на волнах, Ка-ла-ке'е-нуи поднялся и проглотил его. Это случилось как раз тогда, когда Каулу пришел в небесную страну. И никто из жителей не сказал Каулу, где его брат.

Каулу пришел к Мака-ли'и, вождю страны Лева-ну'у. Мака-ли'и спал лицом кверху. Он был очень старый. Он был самый старый и самый хитрый из всех жителей небесной стра-

ны. Брат Мака-ли'и, охранявший его сон, схватил большую скалу и замахнулся ею на Каулу.

Но Каулу одним пальцем задержал скалу у него в руках и сказал:

— Смотри, я одним пальцем удержал скалу в руках такого силача, как ты.

Брат Мака-ли'и испугался и убежал. А Каулу ущипнул Мака-ли'и, и тот проснулся.

— Где мой старший брат? — спросил Каулу.

Мака-ли'и ответил:

— Твой старший брат в животе вождя акул.

— А как мне найти вождя акул?

— Ищи в море большой коралловый риф, у которого сверху есть отверстие. Люди думают, что это риф, но это не риф, а вождь акул.

Каулу нашел Ка-ла-ке'е-нуи, вождя акул, и спросил:

— Где мой брат?

Вождь акул ответил:

— Я его проглотил.

— А ты сильный? — спросил Каулу.

— Да, сила у меня есть, — ответил вождь акул.

— Какова же она?

— Когда я разеваю пасть, моя верхняя челюсть упирается в небо, а нижняя скребет по морскому дну.

Каулу спросил у своих рук:

— Скажите мне, Хакау-кахи и Лимапаи-хала, он и вправду сильный?

— Нет, нет, — отвечали руки, — в нем нет настоящей силы.

Тогда Каулу подошел поближе к огромной акуле. Ка-ла-ке'е-нуи разинул пасть, и Каулу вошел в нее. Он схватил челюсти руками и держал их так, чтоб они не закрывались; и крикнул своему брату:

— Выходи!

И Кае-ха вышел из акулы.

Так братья впервые встретились.

Они убили вождя акул и забросили его тело на небо, а сами возвратились домой.

Теперь взгляни: вон на небе тело Ка-ла-ке'е-нуи, вождя акул. Одни называют его Созвездием Рыб, другие — Млечным Путем.

216. Ива, чудесный вор

Это произошло в округе Пуна, в Кеаау, в той части страны, где когда-то жил человек по имени Кеаау. У Кеаау были две раковины лехо⁴⁶ по названию Калокуна. Стоило хозяину этих раковин выйти в море и спустить их, как каракатицы сами подплывали и забирались в лодку. Так Кеаау рыбачил каждый день.

Но вот об этих чудесных раковинах узнал король Уми из округа Кона. Он послал своих людей в Кеаау и приказал им отобрать раковины. Пришлось Кеаау отдать раковины людям короля.

Лишившись раковин, Кеаау стал думать, как бы вернуть их обратно. И вот однажды он приготовил лодку, взял поросенка, каву, оухоловаи и слеули, капы⁴⁷ из Олаа.

Капы он положил в сосуд из тыквы и все это — поросенка, каву и тыквенный сосуд — положил в лодку, сел в нее и отправился в путь вокруг острова Гавайи. Он искал человека, который смог бы выкрасть раковины у короля Уми.

Однако во всем округе Пуна ему не удалось сыскать умного вора. Кеаау побывал также в округах Кау и Кона, но и там не мог найти нужного человека. Он заехал в округ Кохала, после Кохалы посетил округа Хамакуа и Хило. Но и в этих округах ему тоже не повезло.

Кеаау покинул остров Гавайи и направился к Мауи и обогнул остров, но и тут его постигла неудача. Тогда он отправился к острову Молокаи и стал плавать вокруг него. И здесь, за Калаеокалаау, он увидел какого-то человека, который ловил рыбу. Тот увидел его и спросил:

— Куда ты плывешь?

— Я ишу человека, который выкрал бы назад мои раковины у короля Уми. У меня есть в ладье кое-что ценное, и я отдам это в подарок тому, кто сумеет вернуть мне мои раковины, — ответил Кеаау.

Тогда человек сказал:

— Считаю, что ты нашел его. Плыви до тех пор, пока не доплывешь до Макапуу. Как только проплывешь это место, направь свою лодку между Птичьим островом и Макапуу. Потом найди утес, похожий на крышу дома. Прямо под ним ты увидишь рощу деревьев, она принадлежит Кукуи. Там ты найдешь вора по имени Ива, сына Кукуи. Как только сойдешь

на землю, ищи на берегу маленького мальчика, голого до пояса. Это и есть Ива. Возьми поросенка и другие подарки и положи их перед ним. Не забудь об этом, иначе Ива сам украдет твои вещи.

Выслушав эти слова, Кеаау отправился в путь. Он проплыл мимо всех указанных человеком мест и высадился на берег у дома Ивы. Едва ступив на землю, он огляделся и увидел маленького, голого до пояса мальчика. Мальчик бегал вдоль берега. Кеаау спросил его:

— Ты Ива?

Мальчик ответил:

— Нет, Ива в доме.

Кеаау вошел в дом и увидел там Кукуи, отца Ивы. Кеаау спросил его:

— Где Ива?

Кукуи ответил:

— Разве ты не встретил маленького мальчика на берегу, голого по поясу?

— Да, там был такой мальчик.

— Вернись и подари ему поросенка.

Услышав это, Кеаау вернулся и сказал мальчику:

— Все же ты Ива: ты обманул меня.

Потом Кеаау взял поросенка и подарил его Иве.

Он сказал:

— Это я дарю Иве, ворующему сыну Кукуи, вместе с ценными вещами в моей лодке. Дарю тебе и свою лодку.

Тогда Ива сказал:

— Пойдем в дом.

Они вошли в дом, зарезали поросенка, положили его в печь и приготовили каву. Покончив с едой, Ива повернулся и спросил Кеаау:

— Какая нужда привела тебя сюда?

Кеаау сказал:

— У меня были две чудесные раковины, но их у меня забрали по приказу короля Уми, и сейчас они у него. Они для меня дороже всего. Я в горе, и поэтому я здесь.

— Подождем завтрашнего утра,— сказал Ива.

Они легли спать. Утром следующего дня Кеаау и Ива сели в лодку и отплыли в море. Ива сел на корму со своим веслом Капахи. Кеаау сел на носу. Только они уселись в лодку, Ива крикнул:

— Весло Капахи, выведи меня в море! — и опустил весло в воду.

От одного взмаха весла они проплыли между островами Ниихау и Кауаи. Тут Ива спросил:

— Мы уже прибыли?

— Нет, это не остров Гавайи, это Кауаи и Ниихау.

Тогда Ива развернул лодку и снова сказал своему веслу:

— Капахи, выведи меня в море.

Когда Ива вынул весло из воды, они уже проплыли мимо Каванхоа. Тут он спросил у Кеаау:

— Это уже остров Гавайи?

— Нет, — ответил Кеаау.

Снова Ива взялся за весло и взмахнул им — и остались позади острова Молокаи и Ланаи, а они плыли уже между Молокаи и Похокуеаеа, прямо к острову Гавайи. Ива спросил:

— Мы добрались?

— Да, — ответил Кеаау, — но нам нужно вон туда, где над горой висит облако. Это к западу от места, где живет Уми.

Тогда Ива снова взял весло Капахи и взмахнул им еще раз, и они приплыли к Калаеакеахале, напротив селения Каилуа, где жил король Уми.

Оглядевшись, они заметили в лодке человека, ростом чуть ниже их. Ива сказал Кеаау:

— Это Уми с раковинами в своей лодке. Давай отплывем назад так, чтобы Уми нас не мог увидеть.

Они отплыли. Ива сказал:

— Слушай, Кеаау, ты должен быть на этом месте, пока я не вернусь с раковинами.

Кеаау остался в лодке, а Ива нырнул и поплыл вглубь, пока не достиг дна. Потом он прошел по дну к лодке Уми и стал подниматься наверх. Когда Уми опустил раковины сбоку лодки, Ива схватил их, поплыл вниз к большому кораллу и привязал к нему лесу, на которой держались раковины. Затем Ива забрал раковины и поплыл под водой, пока не доплыл до своей лодки и взобрался в нее. Тут Ива и Кеаау повернули лодку и высадились на Лелеиви, в округе Хило. Они построили себе там дом. Кеаау снова занялся своим любимым занятием — ловлей каракатиц с помощью раковин Калокуна. Каракатицы, увидев раковины, сами забирались в лодку. Когда лодка заполнялась доверху, Кеаау возвращался на берег.

А тем временем Уми потянул лесу. К его удивлению, леса не поддавалась. Тогда Уми решил, что она запуталась в коралле, и не стал дергать, чтоб не потерять раковин. Из-за раковин он не мог вернуться домой. Ночь он спал в море со своими людьми. Так он прожил в лодке несколько дней. Его люди ныряли, чтобы распутать лесу и спасти драгоценные раковины. Уми послал за знаменитыми ныряльщиками, которые могли пробыть под водой долгое время. Но даже они не смогли опуститься до дна. Так продолжалось семь дней. Тогда Уми приказал гонцам обежать Гавайи и найти человека, который смог бы спасти раковины. На мысе Лелеиви, по соседству с Кукуахи, между округом Пуна и округом Хило, они увидели Иву. Когда Ива услышал от гонца желание короля, он сказал ему:

— На конце лесу нет раковин, она просто привязана к кораллу на дне океана. Раковины снова у Кеаау.

Тогда гонец взял Иву с собой и возвратился к Уми. Он рассказал королю то, что услышал от Ивы. Уми спросил Иву о раковинах, и тот повторил ему сказанное гонцом. Тогда Уми спросил Иву:

— Сможешь ли ты достать раковины, если пойдешь за ними?

Ива ответил:

— Да,— и пошел к дому Кеаау, на Лелеиви.

Обычно Кеаау прятал эти раковины под крышей, за стропилами. Все остальные раковины, которые он не ценил, были развешаны у него в доме на веревке.

В сумерках Ива появился у дома. Он знал, где спрятаны раковины, залез на крышу и забрал их. Потом он вернулся в Кону и отдал их Уми. Увидев раковины, король Уми очень обрадовался. Он сказал Иве:

— Ты отличный вор. Но хвалить тебя я не стану до тех пор, пока ты не сумеешь украсть священный топор. Он хранится в Ваипио, в храме Пакаалана. Имя топора — Ваипу.

Ива ответил:

— Не знаю, смогу ли я его украсть или нет. Но постараюсь.

Священный топор Ваипу охранялся двумя старухами. Он был обвязан веревкой, концы которой были привязаны к шеям старух, так что топор висел между ними.

На этот топор было наложено очень строгое табу⁴⁸: ни один человек не мог показаться вблизи топора. И когда табу было в силе, даже свиньи не могли бегать вокруг, собаки не смели лаять, а петухи — кукарекать. Табу распространялось от Ваипио до холма Пууепа, между Ваимеа и Қазаихае.

Вечером, незадолго до темноты, пробежал глашатай. Он бежал от холма Пууепа к утесу Пуаахуку, что возвышался над Ваипио. Он держал в правой руке кусок красной капы и выкрикивал:

— Спите, спите! Из-за топора Ваипу людям нельзя ходить! Табу на лай собак, табу на крик петухов. Спите!

От заката до рассвета глашатай пробежал так пять раз от Пууепа до Ваипио.

Уми сказал Иве о своем желании, когда солнце уже склонилось за полдень. Однако Ива не стал ждать дальнейших разъяснений и сразу отправился в Ваипио. Незадолго до сумерек он добрался до Пууепа и тут же побежал с флагом в руке, выкрикивая те же слова, что и королевский глашатай. Он продолжал бежать, пока не добрался до утеса Пуаахуку, возвышающемуся над Ваипио. Крикнув: «Спите, спите!» — глашатай тоже должен был лечь спать, как и все остальные люди. Ведь ходить вблизи топора запрещалось под страхом смерти. Поэтому Ива оказался один. Все люди поверили, что это был настоящий глашатай. А настоящий глашатай подумал, что король назначил на его место кого-то другого. Люди даже не смогли заметить какой-либо разницы: рост пробежавшего был таким же, капа выглядела так же, голос звучал так же и бежал он как обычно.

А Ива сбежал с вершины утеса вниз, к храму Пакаалана и спросил там:

— Вы уже спите?

Старухи ответили:

— Нет, мы еще не спим, мы бодрствуем.

Тогда Ива тихо сказал:

— Где топор? Дайте мне дотронуться до него.

— Вот он, — ответили старухи.

— Подойдите поближе, так, чтобы я мог коснуться его рукой. Я пришел, чтобы потрогать его.

Когда старухи подошли поближе к Иве, он протянул руку, схватил топор и убежал.

Старухи закричали:

— Это вор! Украден топор короля! Нас убьют! Мы думаем, это хороший человек!

Люди услышали крик, вскочили и ринулись в погоню. Но Ива с топором был уже далеко — на вершине Пуаахуку. Когда люди прибежали туда, Ива был уже на Махики. Погоня продолжалась до Пууепы. Когда преследователи добрались туда, Ива был уже в Пуако. Но туда люди за ним не побежали, потому что на эту местность было наложено табу. А Ива продолжал свой путь, пока не добрался до Коны. Там он лег спать и спал до утра. Когда подошло время утренней трапезы короля Уми, Ива пошел к нему. Король увидел Иву и сказал:

— Не думаю, чтобы ты сумел достать мой топор.

Ива ответил:

— Может быть, и нет. Но взгляни на этот топор и скажи, твой ли он.

Когда Уми увидел топор, он сказал:

— Странно! Я думал, что ты никогда не сумеешь достать его. Но ты достал. Ты умен.

Затем король сказал Иве:

— Вот что я думаю. Ты потягайся с моими шестью лучшими ворами. У меня есть два дома, и их нужно заполнить в одну ночь. Один заполнишь ты, другой — они. Если они заполнят свой дом раньше тебя, ты будешь убит. Если же ты опередишь моих воров — убьют их.

Ива ответил:

— Конечно, те заполнят свой дом первыми, ведь их шестеро, а я один.

На острове Гавайи шесть округов. У короля Уми было шесть опытных воров. Еще днем они вышли посмотреть, что можно будет украсть. А когда стемнело, они принялись воровать и тащить все, что попадет под руку, к себе в дом. Так они воровали, пока не прокричал первый петух. К этому времени у них в доме осталось уже совсем мало свободного места. Примерно в то же время проснулся Ива. И как только шестеро воров уснули, он начал перетаскивать к себе все, что они успели украсть у людей Уми: лодки, животных и всякие другие вещи. Вскоре в его доме совершенно не осталось свободного места. Пришлось оставить кое-что и ворами. Насту-

пил день. Все увидели, что дом шести воров почти пуст, а дом Ивы битком набит разными вещами. Шестеро воров были объявлены побежденными и затем убиты.

217. Живая вода Кане

В очень давние времена жил один знатный вождь. Как-то раз он тяжело заболел, и все думали, что он умрет. Вокруг вождя собрались родичи, и три его сына уже горько оплакивали отца.

Но тут к дому подошел какой-то старик чужеземец и спросил, что происходит. Один из сыновей ответил:

— В этом доме лежит наш отец. Он умирает.

— Я знаю, что ему поможет,— сказал старик.— Ваш отец должен испить живой воды Кане. Но ее очень трудно разыскать и добыть.

Старик исчез, а старший сын вождя подумал: «Я непременно добуду эту живую воду. Ведь тогда я стану любимцем отца и он передаст мне власть».

Старший сын пошел к отцу и попросил разрешения отправиться за живой водой.

— Нет, нет,— сказал отец,— на этом пути ты подвергнешься многим опасностям и, может быть, даже погибнешь. Уж лучше я умру.

Но сын настаивал на своем и в конце концов получил разрешение. Он взял калебасу и отправился за живой водой.

Долго он шел, но живой воды не видел нигде. Как-то юноша проходил по лесной тропе, и ему встретился безобразный маленький человечек, который спросил его:

— Куда это ты так торопишься?

— А тебе что! — ответил сын вождя.— Я не желаю с тобой разговаривать!

Он оттолкнул человека и пошел дальше.

Юноша не знал, что он находится в стране менехуне и что этот человечек — их вождь.

Между тем вождь менехуне рассердился и решил проучить грубияна. И он стал изгибать тропу, запутывать ее и сушить. Чем дальше продвигался сын вождя, тем уже делалась

тропа, тем гуще становились заросли. В конце концов юноше пришлось лечь на землю и ползком пробираться сквозь чащу под нависающими лианами. Но вот лианы связали его, и он остался лежать неподвижно, как мертвый.

Долго ждали родители старшего сына, пока не решили, что с ним что-то случилось. Тогда в путь отправился средний сын вождя. Он думал только о том, что теперь, когда старший брат потерпел неудачу, он сможет унаследовать отцовскую власть.

Юноша оказался на той же тропе, по которой проходил его брат. Он встретил того же менехуне, и тот спросил его:

— Куда это ты так торопишься?

Средний брат тоже нагрубил маленькому человечку, столкнул его с тропы и прошел дальше. А через некоторое время его, так же как и старшего брата, крепко связали лианы.

И вот третий, младший брат взял свою калебасу и пустился в дорогу. Он думал о том, что надо спасти пропавших братьев и добыть живую воду для отца. Младшему брату тоже встретился вождь менехуне и спросил его:

— Куда это ты так торопишься?

Юноша рассказал ему о болезни своего отца, о том, что только живая вода Кане может его спасти, и попросил помощи.

— Ты говорил со мной приветливо,— сказал в ответ менехуне,— и не был груб, как твои братья. Поэтому я помогу тебе и укажу дорогу. Я дам тебе волшебную палочку, и она откроет перед тобой тропу. По этой тропе ты выйдешь к дому бога Кане. Там ты найдешь источник живой воды. И еще я дам тебе три связки таро. Входи в дом, держа в одной руке эти связки, а в другой — волшебную палочку. Три раза постучи палочкой в стену, и перед тобой откроется проход. Внутри ты увидишь двух чудовищ. Они разинут пасти, чтобы тебя сожрать, но ты брось им еду, и они успокоятся. Тогда побыстрей наполняй калебасу живой водой и спеши обратно, а то в полночь проход закроется и ты не сможешь выйти.

Сын вождя поблагодарил маленького человечка, принял его дары и продолжал путь. Он шел очень долго и наконец оказался в удивительной земле перед домом бога Кане. Трижды он ударил волшебной палочкой, и перед ним открылся проход. Сын вождя вошел в дом и увидел двух чудовищ. Они разинули пасти, готовые сожрать его, но юноша бросил им в

пасти еду, и чудовища успокоились. Затем он прошел дальше и увидел нескольких молодых вождей. Они подарили пришельцу боевую палицу и связку таро. Юноша прошел в другое помещение и увидел там прекрасную девушку, которую сразу же полюбил. А красавица взглянула на него и сказала:

— Пройдет время, мы встретимся снова и станем мужем и женой.

Она указала юноше источник живой воды и велела торопиться. Сын вождя наполнил свою калебасу и успел выскочить из дома как раз в полночь.

С великой радостью пустился он в обратный путь. По дороге юноша смотрел, не встретится ли ему тот самый человек. И, словно угадав его желание, вождь менехуне появился перед ним. Сын вождя рассказал маленькому человечку обо всем, что случилось, и спросил, чем он может отплатить ему за помощь. Но вождь менехуне отказался от награды. Тогда юноша набрался смелости и сказал:

— Могу ли я просить тебя еще об одной услуге?

— Ты был благоразумен и с уважением отнесся ко мне,— ответил менехуне.— Поэтому скажи, что тебе надо, и, может быть, я смогу тебе помочь.

— Я не хочу возвращаться домой без моих братьев,— сказал сын вождя.— Можешь ли ты помочь мне найти их?

— Они лежат мертвые в лесу,— ответил вождь менехуне.— Если ты их разыщешь, тебе будет от этого одно горе. Они злые люди. Пусть уж лучше они остаются на своем ложе из папоротников и лиан.

Но добрый юноша продолжал просить, и менехуне показал ему запутанную тропу через лес. При помощи волшебной палочки сын вождя разыскал правильную дорогу и нашел братьев. Он брызнул на них живой водой, и они ожили. Младший брат рассказал им, как раздобыл живую воду и как встретил красавицу, которая обещала стать его женой. И старшим братьям стало завидно.

По пути домой три брата очутились в незнакомой земле. Тамошний верховный вождь в это время боролся с мятежниками. Страна была разорена, и жители голодали. Младший брат пожалел людей и отдал им часть припасов из дома бога Кане. Люди поели и стали очень сильными. А вождю младший брат дал на время свою палицу. Вскоре мятежники были разбиты, и в этой земле снова установился мир и порядок.

Потом младший брат выручил из беды еще двух других вождей. Наконец три брата вышли на морской берег у своей родной земли. Здесь они легли поспать, но завистливые старшие братья не заснули. Они решили, что больше им нечего опасаться и что помощь младшего брата им больше не нужна. Сначала они задумали убить его, но побоялись волшебной палицы, которая, наверное, охраняла своего хозяина. Тогда они перелили живую воду в свои калebasы, а калebasу младшего брата наполнили обычной морской водой, от которой только слабит. Утром все трое двинулись дальше и в тот же день добрались до родного дома.

Младший брат выступил вперед и вручил отцу свою калebasу. Больной вождь глотнул морской воды, и ему стало так плохо, что он чуть не умер. Тогда старшие братья обвинили младшего в том, что он пытался отравить отца. И они протянули отцу свои калebasы. Тот выпил настоящей живой воды и сразу же стал сильным, как в дни своей молодости.

Вождь очень разгневался на младшего сына и прогнал его от себя. Он велел одному из своих приближенных отвести юношу далеко в лес. Но этот человек был дружен с младшим сыном вождя и теперь помог юноше укрыться в безопасном месте.

Прошло много времени, и вот из отдаленных земель прибыли с богатыми дарами три знатных вождя, которым юноша помог во время своего путешествия. Они рассказали старому вождю, какой у него замечательный сын, и хотели выразить юноше свою благодарность. Отец велел привести воина, с которым он отослал сына, и тот сказал, что юноша жив. Не медля отец послал за ним гонцов.

В это же время одна из самых знатных и красивых девушек в мире объявила повсюду, что молодой вождь, который придет к ней точно вдоль черты, проведенной по воздуху ее колдунами, и не собьется при этом ни в какую сторону, станет ее мужем. И красавица назначила день испытания.

Все это уже знали гонцы, которых старый вождь послал на поиски своего младшего сына. Как только они разыскали юношу в его тайном убежище, они рассказали ему об этом. Юноша сразу же направился в ту землю, где жила красавица. Его старшие братья тоже пошли, но скоро сбились с дороги. А младшего брата вела любовь, и он вышел прямо к дому красавицы. Юноша приблизился к двери, и она сама откры-

лась. Из дому выбежала девушка, которую младший брат видел на земле бога Кане. Она обняла его и велела объявить повсюду, что ее возлюбленный нашелся.

Старшие братья забрели в далекие чужие земли и не вернулись оттуда. А младший брат и его красавица жена стали мирно жить и справедливо править всей землей. Их подданные были довольны и восхваляли вождя и его жену за благородство и мудрость.

218. Вождь и его чудесные слуги

В очень давние времена жил на острове Оаху вождь по имени Икаика-лоа, что значит Сильнейший. Как-то раз он решил обойти и осмотреть свои земли. В пути он встретил незнакомого человека и рассказал ему, куда идет и зачем.

— А я могу увидеть все земли Папы и Уакеа,— сказал в ответ незнакомец.— Они и обширнее и прекраснее твоих.

И они пошли вдвоем искать чудесные земли богов. Идут они и видят — стоит какой-то человек.

— Кто ты,— спросили они его,— и что ты делаешь?

— Меня зовут Мама-лоа, Быстрый,— ответил этот человек.— Я жду, когда взойдет солнце, хочу догнать его и поймать.

Они стали ждать все вместе. Когда солнце взошло, Быстрый погнался за ним, догнал, схватил и подержал некоторое время как пленника.

Дальше они пошли втроем: вождь Икаика-лоа и двое его новых слуг — Зоркий и Быстрый.

Вскоре они увидели: спят на дороге два человека, один из них трясется от холода, второй горит как в огне. Их так и звали — Канаке-маке-ану, что значит Замерзающий, и Канаке-маке-вела, что значит Сгорающий. Спутники согрели одного, охладили другого и взяли их с собой.

Затем на поле они встретили охотника, который очень метко стрелял из лука⁴⁹ в крыс. Его звали Пана-пололеи, Меткий. Позвали и его идти в земли Папы и Уакеа, и Меткий согласился. После этого они увидели человека, который лежал, приложив ухо к земле.

— Что ты делаешь? — спросили его.

— Слушаю, как бранятся Папа и Уакеа, — ответил незнакомец. — Наши предки сильно поссорились.

Звали его Хулохе-лоа, что значит Чуткий.

Все вместе они продолжали путь, пока не достигли земли, прекрасней которой никто из них никогда не видел.

Дозорные этой земли увидели: приближаются шестеро статных, красивых мужчин, а с ними седьмой; по всему видно, — знатный человек. Вождем в той земле Папы и Уакеа была женщина. Ей немедленно доложили о появлении семерых чужеземцев. Женщина-вождь велела предводителю своих воинов доставить всех семерых к ее дому. Повеление было исполнено: незнакомцев привели в дом вождя, хорошо покормили и предложили отдохнуть. Тем временем вокруг дома собрались люди.

Утром вождь Икаика-лоа сказал хозяйке:

— Слышал я, что ты любишь предлагать гостям трудные загадки. Если я их разгадаю, ты станешь моей женой?

— Я согласна, — ответила женщина.

Они вместе вышли из дому, и хозяйка обратилась к гостю:

— Мой нынешний муж стоит у двери в дом Папы и Уакеа.

Где эта дверь?

Вождь повернулся к Зоркому и потихоньку спросил его:

— Ты видишь дверь в дом Папы?

Слуга осмотрелся и ответил:

— Вон то громадное дерево и есть дверь в дом Папы. Если ты ломаешь ствол дерева, то в одном из корней увидишь дверь.

Вождь подошел к дереву, скрутил ствол, сломал его, отбросил в сторону и нашел дверь.

Тогда хозяйка сказала:

— Из этой двери выйдут три собаки. Одна из них принадлежит Уакеа, нашему верховному вождю, одна — его жене Папе и одна — мне. Сможешь ли ты сказать, у кого какая собака?

Вождь шепнул своему слуге Чуткому:

— Послушай и узнай, какая собака чья.

Чуткий приложил ухо к земле и услышал, как Папа говорит своим слугам:

— Моя черная собака выйдет первой, за ней — рыжая собака Уакеа, а потом — белая собака женщины-вождя.

Чуткий передал эти слова вождю, и, когда из двери вышла черная собака, Икаика-лоа сказал:

— Черная принадлежит Папе.

Когда же следом вышла рыжая собака, вождь сказал:

— Рыжая принадлежит Уакеа.

А когда появилась белая собака, он воскликнул:

— Хозяйка, а это наша собака!

После этого женщина-вождь велела готовиться к пиршеству. А гостю она сказала:

— Для пира нужна сладкая вода, но ее источник очень далеко отсюда. Пошли одного из твоих людей, а я пошлю свою служанку. Каждому из них мы дадим калебасу. Если твой человек вернется первым, я стану твоей женой.

Вождь дал калебасу Быстрому, и тот приготовился к бегу. Рядом с ним уже стояла женщина со своей калебасой.

Подали знак, и гонка началась. Никто никогда не мог обогнать Быстрого, но эта женщина обогнала и оставила далеко позади. Теперь вождь подозвал Меткого и сказал ему:

— Теперь ты должен помочь.

Слуга взял лук и стрелы и выстрелил. Стрела полетела далеко-далеко и просвистела над ухом у бегущей женщины. От неожиданности та упала, и Быстрый вырвался вперед.

Затем вождь спросил Зоркого:

— Как они там бегут?

— Женщина опять обгоняет,— ответил слуга.

Вождь снова обратился к Меткому:

— У тебя найдется еще одна стрела?

Меткий спустил тетиву, стрела полетела и задела спину женщины. Служанка упала, Быстрый опять обогнал ее, добежал до источника, наполнил калебасу и повернул назад. Но женщина была очень проворна. Она быстро добежала до источника, набрала воды и снова обогнала Быстрого. Тут еще одна стрела задела ей голову. Женщина упала ничком, калебаса разбилась, и вода разлилась. Но служанка поднялась и с остатком воды бросилась вперед. Она бежала так быстро, как в самом начале гонки, и скоро обогнала своего соперника.

Вождь воскликнул:

— О Меткий! Еще одна стрела у тебя найдется?

— Найдется,— ответил слуга.

Он пустил тупую стрелу, и она ударила женщину в грудь. Служанка упала и разлила остатки воды из разбитой кале-

басы. А Быстрый закончил бег и отдал свою калебасу вождю. Икаика-лоа налил сладкой воды в чашу из кокосовой скорлупы и подал хозяйке. Когда же подошла служанка, женщина-вождь спросила ее:

— Почему ты отстала?

— Я обогнала его,— ответила женщина,— но меня что-то ударило, и я упала. Потом меня еще и еще чем-то ударяло, и я падала снова. Моя калебаса разбилась, и вода разлилась.

Другие слуги вождя стали смеяться над Быстрым, а тот спрашивал:

— Почему вы надо мной смеетесь? Разве вы не видели, что победил я?

Те засмеялись еще громче и сказали:

— Ха! Если бы не наша помощь, ты бы проиграл!

И они рассказали ему, как Зоркий следил за бегом и как Меткий пускал стрелы.

А хозяйка предложила Икаика-лоа еще одно испытание.

— В нашей земле,— сказала она,— есть два места: одно очень холодное, одно очень жаркое. Если ты найдешь среди своих людей таких, что смогли бы жить там, я стану твоей.

Тогда вождь обратился к Замерзающему:

— Ты все время дрожишь от холода. Так не пойди ли тебе жить в этом жарком месте?

А Сгорающему вождь предложил отправиться в холодное место. Они оба согласились и сказали:

— Хорошо, мы пойдем, но никогда уж не вернемся. Ведь в тех местах мы обычно и живем.

Так Икаика-лоа с помощью своих слуг выдержал все испытания. Женщина-вождь стала его женой, и с тех пор они вместе правили прекрасной землей богов.

219—222. Уми, король Гавайев

219. Как Уми стал королем острова Гавайи

Когда умер король Хакау, его оплакивали. Но таких людей было немного. Ведь Хакау был очень жестоким правителем. Он без всякой причины убивал своих подданных.

Если мужчина славился статностью, а женщина — красотой, их за это убивали. Если у человека была плоская голова, ее отрубали. Если люди хвалили чье-либо тело, его разрубали на части; если глаза — их выкалывали. Однажды жрец короля Хакау увидел маленького мальчика и сказал его родителям:

— У этого ребенка прекраснейшее тело. В нем нет ни одного изъяна.

Когда Хакау услышал об этом, он немедленно отправил посланца — доставить ребенка к нему. А когда ребенка принесли, король приказал разрубить мальчика надвое. Об этом жестоком убийстве узнали родители мальчика. И отец ребенка сказал:

— Хакау разрубил моего сына на куски. Его королевство будет также разрезано на части. Случится это в день, объявленный табу для его бога. Хакау в этот день умрет.

Пророчество это сбылось. После смерти Хакау властителем всего острова Гавайи стал Уми. Его верховным жрецом стал Каолеиоку, а жрецы короля Хакау стали подчиняться жрецам Каолеиоку, Нуну, Какохе и Уми, королю⁵⁰.

Когда Уми стал королем острова Гавайи, он разделил все земли между своими вождями. Округ Кау он отдал вождю Омао Камау. Округ Пуна он отдал своему другу из Лаупахоэхоэ, округ Хило — жрецу Каолеиоку, округ Хамакуа — вождю Пии Май Ваа, округ Кохала — вождю Кои и округ Кона — вождю Еху.

220. Жрец Каолеиоку и король Уми

После того как Уми разделил земли среди своих вождей, к нему прибыл жрец Каолеиоку и сказал:

О король, выслушай меня!
Я стою перед тобою
И перед твоими людьми.
Ты можешь, о король,
Сделать меня твоим жрецом в этот день.
Ты слушал в прошлом
Мои предсказания, что ныне исполнились.

Я доказал тебе,
Что бог — твой помощник.
Ты победил свою бедность.
И теперь ты — великий король Гавайев,
Повелитель людей.
Если ты будешь править мудро,
Твое правление будет вечно.
Но если ты будешь поступать, как твой старший брат,
Ты будешь покрыт позором.
Не послушаешь моих слов — умрешь.
Послушаешь мои слова — будешь жить!

Окончив эту песнь, Каолеиоку снова обратился к королю Уми:

— Встань, о король!

После того как Уми поднялся, жрец сказал:

— Встань, Омао Камау!

Вождь встал. Каолеиоку решил проверить, будет ли Уми крепко держать в руках королевскую власть или нет. Он дал Омао Камау копье, называемое Кани-Ау-Пии-Калани. Вождь взял его в правую руку. Копье это употребляли только для того, чтобы узнать, как долго будет править король.

Каолеиоку, верховный жрец, сказал Омао Калани:

— Послушай, Омао Калани! Приложи всю свою силу и брось копье в короля.

Каолеиоку хорошо знал, что Омао Калани был великий копьеметатель и имел огромную силу. Омао Калани поднял копье, уравновесил его и затем изо всей силы метнул в Уми. Когда наконец копья приблизился к Уми, король увернулся, схватил в полете копье за древко и удержал его, не дав упасть на землю.

В этой ловле копья Каолеиоку испытывал не только ловкость Уми. Он смотрел также, как прочно схватил Уми копье и как держал его в руке. Жрец остался очень доволен, когда увидел, что король проделал все очень быстро. Он сказал:

— О король, я вижу ты поступаешь мудро. Ты ведешь себя, следуя моим указаниям. Тебе, король, и твоим подданным я должен сказать такие слова: «Я увидел, как ты будешь править своим королевством. Ныне я припадаю к твоим ногам и даю тебе мое верное слово, о король, что твое королевство никогда не выпадет из твоих рук!»

Затем Каолеиоку подробно объяснил народу и свои слова. Он сказал:

— Вот что говорят боги о смысле испытания, которое вы видели только что. Ты успешно увернулся от копья, и твое королевство также избежит бед вплоть до твоей смерти. Ты поймал копье и удержал его за хвост — и твое королевство также перейдет к твоему сыну, твоему внуку, твоим потомкам, твоим отпрыскам — пока не иссякнет последняя капля твоей крови.

Верховный жрец закончил свою речь. Тогда Уми спросил:

— А где два старика — Нуну и Какохе?

Ему ответили:

— Они здесь.

Тогда Уми сказал:

— Велите им войти сюда.

Когда старики вошли, Уми спросил:

— Вы явились?

— Да,— ответили старики.

221. Как Уми наделил землей стариков Нуну и Какохе

Теперь мы расскажем о мудрости Уми и о том, как он наделил землею двух стариков.

Когда Нуну и Какохе явились перед Уми, король встал. Затем, не говоря ни слова, они отправились в путь. Омао Камау, Кои, Пии Май Ваа и многие другие сопровождали их. Путь лежал по дороге, ведущей вверх, в гору. Они достигли высот Као-Пеа — земли, граничащей с долиной Ваи-Пио. Тут Уми сказал Нуну, одному из стариков:

— Беги отсюда к Хамакуа. Если упадешь, вставай и продолжай бег. Если устанешь и сядешь, я убью тебя.

Услышав слова Уми, старик очень испугался. Но все же он встал и побежал в направлении, указанном королем. Вслед за Нуну отправился и Омао Камау, удивляясь королевскому приказу. Вскоре ноги старика стали заплетаться. Он упал, но затем поднялся и продолжал бег. И снова споткнулся и упал, лицом вниз, тяжело дыша. Уми и второй старик, Какохе, подошли к нему. Уми сказал:

— Послушай, ты выдохся?

— Ху! — вот и все, что мог произнести старик.

Уми подождал, пока Нуну придет в себя, а потом сказал ему:

— От места, где ты начал бег, до места, где мы сейчас стоим, земля твоя. Здесь два ахупуаа⁵¹.

Какохе услышал эти слова и сказал про себя:

— Вот как король наделяет землей своих подданных! Они должны бежать, пока не упадут. Мы служим ему даже тогда, когда делаем работу для самих себя.

Уми повернулся к Какохе и сказал:

— Теперь беги ты.

Какохе побежал. Его сопровождал Пии Май Ваа. Они пробежали один ахупуаа. Тут Какохе упал наземь и не смог от усталости продолжать бег. Уми подошел к старику и спросил:

— Ты выдохся?

Какохе ответил:

— Ху!

Вместо слова «ху!» он хотел сказать «у!» («да!»). Но Какохе так устал, что «у!» превратилось у него в «ху!».

Тогда Уми сказал Какохе:

— Это твоя земля, один ахупуаа. У Нуну два ахупуаа. Оба вы можете распоряжаться ею с пользой для себя.

Повернувшись к обоим старикам, Уми продолжал:

— Все, что растет на этой земле,— ваше. И вы можете делать с землей все, что пожелаете, не обращаясь ко мне. И можете оставить ее своим наследникам после своей смерти.

После этих слов все вернулись в долину Ваи-Пио, где они жили.

Люди часто видели, как Уми со своими последователями Кои, Омао Камау и Пии Май Ваа упражнялся в искусстве метать копье. Эти трое были храбрейшими из людей Уми. Поэтому он сделал их военачальниками. Пии Май Ваа был сильнейшим и искуснейшим из этой тройки: он владел левою рукою так же хорошо, как и правой. Кои лучше владел левою рукою, так же как и Омао Камау.

Когда Уми вернулся в долину Ваи-Пио, верховный жрец Каолемоку сказал ему:

— О король! Я думаю, что сейчас самое лучшее для тебя— отправиться в путешествие вокруг острова Гавайи.

Уми был очень доволен таким советом. Он велел Пии Май Ваа отправиться вперед и известить богатых землевладель-

цев о предстоящем путешествии. Они должны были приготовить еду и мясо⁵². Пии Маи Ваа отправился в путь и объявил королевскую волю землевладельцам шести округов острова Гавайи: округа Хило, Пуна, Кау, Кона, Кохала и Хамакуа.

222. *Рассказ о путешествии короля Уми и его вождей вокруг острова Гавайи*

Все приготовления к путешествию короля были закончены. Уми высказал пожелание сначала посетить Кавайае, так как он очень хотел повидать эту местность. Когда верховный жрец Каолеиоку услышал о желании Уми, он сказал:

— Не начинай путешествия в сторону запада! Правильным для тебя будет путь на восток. Ведь это твое первое путешествие вокруг своих владений. Если бы твои законы были дурными, тогда правильным было бы путешествие в сторону запада.

Уми послушался этого совета верховного жреца. Вместе с Каолеиоку, вождями округов и многими другими сопровождающими Уми двинулся в путь в сторону Хамакуа. По этому округу они путешествовали двадцать дней и посетили различные места. Наконец они достигли Лаупахоэхоэ.

Тут нужно рассказать о состязании в катании на волнах, которое когда-то произошло между Паиеа и Уми в местности Лаупахоэхоэ. Уми не был тогда королем. Он жил в бедности в Ваи-Пуалеи округа Хило. Однажды он и Кои гуляли по берегу Лаупахоэхоэ, известном месте для купания. Они увидели Паиеа и нескольких мужчин, катающихся на волнах. Люди расхваливали Паиеа, его великое искусство кататься на волнах.

Уми обратился к одному из людей на берегу и шепнул ему:

— Лучшее, что Паиеа может сделать, — это подняться на волне и снова опуститься. Разве так надо кататься? В нашей стране полагается прокатиться на волне до самого берега.

Услышав это, человек отправился к Паиеа и повторил ему слова Уми. Паиеа, узнав о сомнении Уми в его искусстве, велел позвать Уми к нему. Когда Уми пришел, Паиеа спросил:

— Правда ли, что ты говорил слова, которые мне передали?

Уми ответил:

— Я сказал это просто так. Не думаю, чтобы ты принял мои слова всерьез.

Тогда Паиеа сказал Уми:

— Мы отправляемся кататься на волнах. Если ты победишь меня, я буду твоим слугой. Если я одержу победу над тобой — ты будешь моим.

Уми принял вызов. Но Паиеа было этого мало. Он поставил две двойные⁵³ и одну простую лодку против ожерелья Уми из китовых зубов. А затем предложил поставить четыре двойные лодки против костей Уми. Но тут юноша из Лаупахоэхоэ пришел Уми на помощь. Он поставил свои четыре двойные лодки против четырех лодок Паиеа. Этот юноша был очень богат, а богатства Паиеа были уже исчерпаны. Паиеа увидел, что Уми получил помощь от юноши, и сказал ему:

— Если твои слова — заговор против меня, я буду убит.

Паиеа был мелким вождем, а юноша — верховным вождем, потомком правителей округов Хило и Хамакуа.

Уми и Паиеа поплыли к месту, где поднимались волны. Там они стали плавать, ожидая подходящей волны. Паиеа увидел первую большую волну и крикнул Уми:

— Идем на эту!

Но Уми сказал:

— Нет!

Появилась вторая волна. Снова Паиеа крикнул:

— Идем на эту!

И снова Уми отказался. Когда появилась третья волна, Уми крикнул:

— Идем на эту!

— Да,— сказал Паиеа.

Они вскочили в нужный момент на гребень волны, и она помчала их к берегу. Уми увидел, что их несет на скалу, вставшую на пути. Уми сделал поворот, прошел стороной коралловую скалу и проехал на гребне волны до берега. Паиеа был побежден. Когда Уми вышел на берег, Кои увидел на его плече синяк. Он шепнул Уми:

— Когда ты станешь королем, я убью Паиеа.

Паиеа потерпел поражение и потерял все свое имущество. Оно досталось юноше, который поддержал Уми. Только лодки, которые были поставлены против ожерелья из китовых зубов, перешли к Уми. Юноша, который помогал Уми, и

был тем самым другом, который получил во владение округ Пуна, когда Уми стал королем Гавайев.

Но вернемся к путешествию Уми вокруг острова Гавайи.

После того как Уми побывал в округе Хамакуа, он продолжал свой путь. Он посетил Ваи-Пуналеи, землю, отделяющую округ Хило от Хамакуа. Ваи-Пуналеи принадлежала верховному жрецу Каолеиоку. Здесь он воздвиг большое святилище. Но это святилище еще не было освящено человеческой жертвой. Когда Уми и его спутники появились в той местности, король сказал Кои:

— Иди и исполни свое обещание. Убей Паиеа и тех, кто был против меня.

Кои согласился и выполнил волю короля. Он убил Паиеа и всех тех, кто в этой части страны плохо относился к Уми. Закончив свое дело, Кои вернулся с телом Паиеа. Оно было принесено как жертва в святилище, воздвигнутое Каолеиоку в Ваи-Пуналеи. Во время пребывания короля Уми и Каолеиоку в местности Ваи-Пуналеи Уми правил твердо. И верховный жрец утверждал, что до конца своих дней Уми будет непрекаемым королем острова.

Прежде чем двинуться в путь после долгой остановки, совершались особые обряды. А затем путешествие вокруг острова продолжалось вновь. Наконец, обогнув весь остров, Уми и его спутники вернулись в Ваи-Пио, где находился двор короля.

Путешествие продолжалось два лета и две зимы. Два года понадобилось на то, чтобы обогнуть весь остров Гавайи. Простые люди, так же как и вожди, приветствовали короля Уми.

Король возвратился в Ваи-Пио. Каолеиоку вернулся в свои владения, в округ Хило. А Пии Маи Ваа, Кои и другие подданные остались с королем Уми.

223. Человек-птица из долины Нууану

Знаменитый Намака жил во времена короля Каланиопуу. Намака родился на Кауаи, но покинул родной остров — он искал повелителя, которому мог бы служить.

Намака был умелым распорядителем, оратором, знатоком родословных и звездочетом⁵⁴. Он метко бросал копье, хорошо боролся и бился на кулаках. И еще Намака очень ловко умел прыгать с гор⁵⁵. Всему этому он выучился на Кауаи.

С родного острова Намака сначала поехал на остров Оаху. Здесь, в долине Нууану, он встретил Пакуануи. Это был очень сведущий человек, тоже прекрасный оратор и хороший кулачный боец. Его сыном был знаменитый Ка-эле-о-ваипио, живший во времена Камехамехи⁵⁶.

В верхней части долины Нууану есть местность Ка-хау-комо, где по обеим сторонам дороги растут деревья хау. Здесь и встретились для состязания Намака и Пакуануи. Приготовившись к борьбе и кулачному бою, соперники сошлись, чтобы показать друг другу свою ловкость и силу. В бою Намака был подобен радуге, перекинувшейся через деревья хау. Как радуга в пронизанном солнцем дожде или в туманной дымке огибает ущелье, так Намака со всех сторон нападал на противника. Намака был подобен кучевым облакам над Ланихули или же ветру, дующему вдоль ущелья Пали. А его руки были подобны потокам дождя, падающим сквозь листву кустарника в Малаилуа. Намака был настолько силен и проворен, что мог поразить Пакуануи с любой стороны. А тот не мог ни одолеть, ни сдержать Намаку. Увертливый Намака ускользал от рук противника подобно угрю, которого трудно схватить.

Сам же Намака мог сделать с Пакуануи что угодно. И Намака нанес противнику удар в лоб. Он не собирался его убивать, а лишь хотел показать свое превосходство.

Посрамленный Пакуануи разгневался и задумал убить Намаку, когда они пойдут после состязания вдоль ущелья. И когда они пришли в Капили, местность у самого верхнего конца ущелья, Пакуануи сказал:

— Иди впереди меня.

Намака стал обходить Пакуануи, а тот ударил его и столкнул с тропы. Пакуануи надеялся, что Намака упадет и разобьется об острые скалы на дне ущелья. Но Намака не упал, а полетел. Люди, которые видели это, говорили:

— Он полетел над Пали, как птица ио. Он прыгнул в воздух, распростерши руки как крылья. Когда сильный ветер закружил его, Намака поднялся вверх, как летающий змей.

На западном склоне ущелья есть небольшой водопад. Там берет свое начало ручеек, впадающий в море. Неподалеку отсюда находится роща деревьев кукуи. Когда ветер переменялся и подул вверх по ущелью, Намака полетел вместе с ветром и благополучно опустился у водопада на ветви деревьев кукуи.

Затем Намака покинул Оаху и перебрался на Мауи. Там, в горах Пахакулоа, он прыгал и летал в нескольких ущельях.

Потом Намака приехал на остров Гавайи. В это время королем был Каланиопуу. Он очень понравился Намаке, и тот решил служить королю. Но у Каланиопуу любимцем был другой человек, как и Намака, родом с Кауаи. Он боялся, что король отдаст его, если узнает о необыкновенных способностях Намаки. Поэтому любимец короля плохо встретил Намаку и выгнал его.

Тогда Намака отправился в долину Ваимеа. Там он встретил Хинаи, верховного вождя этой местности и близкого родственника короля. Намака рассказал верховному вождю о своем умении, и тот приблизил его к себе. И Намака научил Хинаи всему, что умел делать сам, в особенности прыжкам через пропасти. Намака надеялся, что об умении Хинаи станет известно в других землях и король пригласит его, Намаку, к себе. Вскоре Хинаи стал необычайно искусным в прыжках. Он становился на край пропасти и благополучно прыгал вниз. Эти места юношам показывают их родители.

Обо всем этом узнал любимец короля. И он сказал своему господину:

— В долине Ваимеа живет один враждебный тебе человек с острова Кауаи. Он научил Хинаи прыгать через глубокие ущелья. Теперь Хинаи ничего не боится.

Король слушал своего любимца, а тот говорил:

— Этот человек, Намака, может благополучно перелетать через горы и реки, через долины и ущелья. Он бунтовщик!

И тогда король Каланиопуу приказал своим воинам пойти и убить Намаку. И еще король сказал:

— Если Хинаи станет сопротивляться и откажется выдать своего приближенного, начните против Хинаи войну.

Но Намака был готов к нападению. В своем доме он выкопал яму, а из ямы прорыл подземный ход, который выходил на поверхность далеко от дома.

Воины короля окружили дом, думая, что Намака засел

внутри. Они посоветовались между собой, как лучше убить Намаку, и решили его сжечь. Воины подожгли дом, и он сгорел дотла. Воины думали, что Намака погиб, а он легко ускользнул от них через подземный ход и бежал с острова Гавайи на Мауи. Некоторое время он пробыл там, но не нашел господина, которому мог бы служить. Намака переехал на Оаху, но в конце концов вернулся на свой родной Кауаи.

Там он стал прорицателем. Известно его пророчество о королях — правителях острова Гавайи. Намака считал их верховными владыками островов Оаху и Мауи, но не считал их равными вождям Кауаи. Намака сказал:

— Нет такого правителя острова Гавайи, который мог бы ступить на священный песок Кахамалуихи (Кауаи). К берегу Кауаи не подойдет военная лодка и не высадится на острове никакой король, пока не заключит договор с вождями Кауаи.

Пророчество Намаки сбылось. Камехамеха, объединивший под своей властью все острова, никогда не завоевывал Кауаи. Вожди острова добровольно уступили его королю.

224. Пупукеа

Пупукеа был младшим братом прославленного короля Гавайев Лоно-и-Ка-Махаики⁵⁷. Оба они были королевского рода, и потому Пупукеа по праву занимал пост верховного вождя Гавайев. Он был тучен, но зато мускулист и подвижен. Пупукеа был великим воином: слава о его храбрости и силе разнеслась от острова Гавайи до острова Ниихау. Вот почему король Лоно-и-Ка-Махаики передал всю власть над всем островом Гавайи в руки Пупукеа. Пупукеа мог лишать прав владения или восстанавливать в этих правах всех вождей и делать с ними все, что пожелает. А Лоно лишь выполнял королевские церемонии — и только.

Однажды Лоно и Пупукеа поплыли к острову Мауи, в местность Леле, что ныне зовется Лахаина. Там, в Леле, в Кеаваики, находился великий король острова Мауи по имени Кама Лала Валу вместе со своим младшим братом Мака-Ку-и-Калани.

Мака-Ку-и-Калани был не только младшим братом Кама, знаменитого короля Мауи. Он правил всем островом Мауи. Мака был храбрым солдатом, знаменитым воином. И, доверяя его неустрашимому духу и силе, король Кама отдал весь остров во власть младшего брата. Правом Маки было миловать и карать кого он пожелает. А Кама только считался королем Мауи.

Прибыв на остров Мауи, гости с Гавайев заснули. Наутро король Кама сказал королю Лоно:

— Давай покатаемся на волнах.

Лоно согласился. Они поплыли и, достигнув другой стороны Кеаваики, стали кататься на волнах. Когда солнце поднялось прямо над головой, в полдень, король Лоно и король Кама вернулись на берег, омылись в пресной воде. Затем они развесили сушиться свою одежду, ушли в дом и там уединились.

Тем временем слуги Камы приготовили еду, каву и чашу с водой. Тут Лоно и спросил у Пупукеа:

— Где наша еда и наша кава?

Пупукеа ответил:

— Они здесь. Но цыпленок еще не зажарен, а кава еще не разжевана.

Лоно рассердился, вскочил на ноги и ударил Пупукеа по щеке. Тогда Пупукеа взял корень кавы и стал жевать его. Лоно снова ударил Пупукеа по щеке. Тут Пупукеа сказал королю Лоно:

— Как же так? Зачем сразу бить? Почему бы сперва не обругать? Когда обвинение достигнет ушей — справедливо и ударить!

Жуя корень кавы, Пупукеа взял цыпленка. Он оторвал ему ногу, посолил и положил на костер из древесного угля. Точно так же он поступил и со второй ногой и затем положил на огонь и цыплячью тушку. Цыпленок пекся неоципаным, но перья сгорели в огне. И пока Пупукеа разжевал четыре корня кавы, цыпленок был готов. Пупукеа выдавил сок кавы в чашу и поставил напиток перед Лоно. Король Лоно выпил чашу до дна и закусил цыпленком, чтобы заест горечь напитка. После этого Лоно опьянел и уснул.

Удивительное умение и быстрота в приготовлении еды породили в душе короля Камы сильную зависть. И он стал упрашивать короля Гавайев:

— О Калани, король Гавайев. Пупукеа лучше нашего слуги.

Лоно ответил:

— Я не могу отдать его тебе. Ведь Пупукеа — мой правитель острова Гавайи. В его власти лишать права владения, поддерживать и покровительствовать — или отказывать в поддержке вождям и простым людям. В его власти сражаться или не начинать сражения. Я просто царствую на Гавайях. Пупукеа управляет моей страной.

После этого ответа Лоно Мака-Ку-и-Калани сказал о Пупукеа:

— Низкая полка доступна и крысе⁵⁸.

Пупукеа ответил ему:

— Шар мал, да катается по полю; белый тростник Кохалы высок, да попадает в рот⁵⁹.

После этих слов Лоно спросил у короля Камы:

— Кто управляет твоей страной?

Кама ответил:

— Мака-Ку-и-Калани, человек, что сейчас говорил.

Пупукеа сказал с усмешкой:

— Паук, принесенный ветром Коны, гибнет. Банановая гроздь, отломанная ветром, сохнет.

На эти слова Мака хвастливо ответил:

— Высохший банан Каеа не созреет и в десять дней.

Этот спор привел к сражению Лоно и Камы на острове Гавайи, в Ваимеа. Но прежде чем говорить о нем, скажем о Кау Хиа Каме, сыне короля Камы. Он был послан отцом на остров Гавайи как лазутчик.

*

Когда Лоно и Пупукеа отбыли с острова Мауи на Гавайи, король Кама сказал своему сыну:

— Плыви на остров Гавайи и разузнай, сколько там земли, людей, округов.

После этого разговора Кау Хиа Кама поставил парус на своей лодке и тайно отплыл на Каваихае.

Прежде чем высадиться на берег, Кау Хиа Кама заходил в Пуако, в Капалаоа, Каники, Кихоло, Махаиула, Каилуа, Холуалоа, Кахалуу, Кеаухоу и Каавалоа. В Каавалоа он заблудился: перед ним предстали крутые обрывы и скалы. Кау Хиа Кама повернул назад и наконец достиг Каваихае.

Плавание длилось недолго. Путь от острова Мауи до Каваихае на острове Гавайи и обратно занял день. Пробыв двое суток в Каваихае, Кау Хиа Кама вернулся на Мауи, в Кеавайки, в Леле, что ныне зовется Лахаина. Там были король Кама и Мака-Ку-и-Калани. Едва Кау Хиа Кама сошел на родной берег, Кама спросил его:

— Каков остров Гавайи?

Кау Хиа Кама ответил:

На Гавайях нет настоящих мужчин,
Я проплыл от Каваихае
До Каавалоа, в округе Кона.
Нет там мужчин. Дома стоят пустыми.

Поверив этим словам, Кама стал готовиться к походу на Гавайи, чтобы сразиться с Лоно.

А между тем Кау Хиа Кама ошибся. Он плыл мимо Гавайев рано утром, когда все жители ушли — кто вглубь острова вскапывать землю, а кто на рыбную ловлю. Только в округе Кохала он увидел много людей. Кау Хиа Кама решил, что на всем острове Гавайи только в Кохале живут люди.

*

В походе короля Камы с острова Мауи участвовало много людей. Говорят, что пролив Аленуихаха был запружен ими сплошь, от Мауи до округов Кохалы и Каваихае на Гавайи. Когда люди Камы высадились на Каваихае, лодки покрыли берег от мыса Канамее, Уполу до Кохалы и далее, до Каеле-Хулухулу, в округе Кона.

Вождем в Ваимеа и Каваихае в то время был Каналоа Уа. Он дал бой королю Каме, но был побежден. Кама взял в плен Каналоа Уа и решил убить его.

Тогда двое мужчин по имени Кума Аикеау и Кума Каиа, родственники Лоно и Каналоа Уа, обратились к Каме. Они хитро предложили ему:

— Каналоа Уа и так побежден. Зачем убивать его? Это неразумно. Лучше накрыть его лицо покрывалом.

По приказу короля Камы на лицо Каналоа Уа положили покрывало. Он был совершенно спрятан покрывалом. А потом его освободили.

Кума Аикеау и Кума Каиа были очень ловкими и хитрыми людьми. Они нарочно поддерживали план похода Камы — ведь этот план должен был привести короля Каму и всех воинов острова Мауи к поражению. Когда Каналоа Уа был взят в плен, они пришли к Каме и стали горестно стонать:

О! Наконец-то можно сомкнуть глаза!
Лишь теперь желанна еда,
Потому что схвачен притеснитель!
С твоим приходом, о Кама Лала Валу,
Мы будем спать в доме с женой.
Будут приятны еда и рыба,
Одежда будет согревать нас.
Ты — наш избавитель!

Затем хитрецы обратились к королю Каме:

О Калани! Мы побеждены!
Ты не сможешь спасти нас. Мы побеждены!
О Калани! Уничтожь все свои лодки!
Перережь веревки и снасти на лодках,
Разруби поперечины и уключины,
Сломай корму и укороти нос у лодок,
Чтобы после сражения,
Когда Лоно и его люди будут разбиты,
Они не смогли бы уплыть в море.
Вида, что наши лодки на плаву,
Зайдя в них, уплыв в океан,
Высадившись на острова Кахулави и Мауи,
Они смогут спастись от нас!

Слова эти понравились королю Каме — он думал, что они правдивы, но это было совсем не так! Затем хитрецы сказали Каме:

— Лоно — твоя верная жертва. Мы знаем место, где ты сможешь убить его: это холм над Ваимеа. Он называется Хокуула. Если ты станешь там со своими воинами, вы сможете просто-напросто скатывать глыбы сверху.

Холм Хокуула расположен в Ваимеа, в южной части Северной Кохалы. Это очень известное место — ведь там дали сражение Каме и его знаменитому воину Мака-Ку-и-Калани. На этом холме нет ни камней, ни деревьев — только трава и земля. А Кума Аикеау и Кума Каиа нарочно говорили, что на вершине холма есть камни. Они сказали Каме, что это место, где он будет в безопасности и одержит победу.

Когда Кама прибыл на холм, он увидел, что там нет ни

камней, ни деревьев — одна грязь. А в то время, когда шел разговор Камы с Кума Аикеау и Кума Каиа, были отправлены посланцы — вызвать на бой Лоно и Пупукеа. Лоно жил в Кеалакекуа, в округе Кана. Посланец появился перед Лоно и сказал ему:

— Кама Лала Валу и Мака-Ку-и-Калани прибыли, чтобы сразиться с вами. Они победили Каналоа Уа, и теперь он пленник Кама Лала Валу.

Услышав это, Лоно спросил посланца:

— Где будет битва?

— В местности Ваимеа, на вершине холма Хокуула. Там расположились Кама Лала Валу и все воины острова Мауи, — ответил посланец.

Услышав это, Лоно тотчас же послал гонцов, чтобы собрать всех мужчин округа Кона. Говорят, в Конe в то время было тридцать две тысячи мужчин. А посланец отправился в Капалалу, в округе Кау, где жил Пупукеа. Пупукеа собрал всех мужчин Кау и прошел с ними между вулканом Мауна-Кеа и Хуалалаи. Впереди шел глашатай. Он останавливался в округах Пуне, Хило и Хамакуа, чтобы собрать людей идти в Кохалу. Услышав призыв глашатая, люди шли туда. Очень много мужчин отправилось в путь. Все тропы были заняты ими. Пыль клубилась от шагов воинов.

*

В первом отряде было тридцать две тысячи воинов. Они пришли из Канику в округе Кона. Второй отряд пришел из Охаикеа, что между Мауна-Кеа и Хуалалаи. Всего в нем было сто двенадцать тысяч воинов из округа Кау. Третий отряд шел из Махики, в нем было сто шестьдесят тысяч человек, собравшихся из трех округов — Пуны, Хило и Хамакуа. Четвертый отряд шел из Кахоленваи, и его ряды протянулись до Момоуалоа. Всего в нем было девяносто шесть тысяч воинов — только из округа Кохала.

Король Кама в это время был на вершине холма Хокуула, в Ваимеа. Он заметил, как над камнями Канику поднялась пыль. Черные камни постепенно становились красными от пыли — так много людей двигалось там. Увидев это, король Мауи спросил своего сына Кау Хиа Каму:

— Плавая на Гавайи, ты хорошо сосчитал жителей?

Кау Хиа Кама отвечал:

— Я посетил местности от Кавайхае до Каваалоа, в округе Кона. Но я не увидел там ни одного человека.

Король Кама спросил:

— И ты не видел там жилых домов?

— Нет, дома были. Но без людей. Только вокруг бегали свиньи и кудахтали куры.

Тут Кума Аикеау и Кума Каиа заметили:

— Да ты и не мог видеть обитателей домов. Ведь одни рано утром ушли на поля, а другие ловили рыбу в море. Если бы ты прибыл туда после полудня, то непременно увидел бы в этих домах людей.

Услышав это, Кама сказал своему сыну:

— Мы погибли! Ничто не спасет нас. Я думал, ты сообщил верные сведения. Но это не так. Кто тебе сказал, что если дом пуст, то в нем нет жителей? Раз дом построен, в нем живут люди. Горе нам! Теперь мы погибнем из-за тебя. Никогда не увидят нас жены и дети. И мы никогда уже не увидим их!

В это время появился Лоно со своими воинами из округа Кона. От южной части Пуако до верхней части Ваимеа воины шли так тесно, что нельзя было различить ни земли, ни камней, ни деревьев. Все было заполнено людьми! А Пупукеа с людьми из Кау, Махики и Кохалы плотно преградил нижнюю часть Ваимеа и нигде не оставил свободного места.

Король Мауи Кама и король Гавайев Лоно встретились и решили, что битву начнут Мака-Ку-и-Калани и Пупукеа. Если Пупукеа будет побежден Макой, то люди Гавайев признают себя побежденными. Если же Пупукеа одержит верх над Мака-Ку-и-Калани, люди Мауи подчинятся людям Гавайев.

*

С радостью услышав это, Мака и Пупукеа тотчас же вышли вперед. В руках они держали длинные копья. Наставник Пупукеа крикнул:

— Бей вниз!

— Кончились твои советы! — ответил Пупукеа.

Он взмахнул своим длинным копьем и поверг наставника на землю. Потом наставник поднялся и сказал Пупукеа:

— Ты спасен! Если бы я был убит, мы погибли бы. Но это-

го не произошло. Я дал совет, чтобы спасти тебя. Бросай же свое копьё так низко, чтобы оно подняло пыль!

В то время как Пупукеа говорил с наставником, Мака-Ку-и-Калани нанес удар. Он ударил своим длинным копьём прямо в шею Пупукеа. Пупукеа повалился наземь и остался без движения.

— Твой противник не умер. Ударь его еще раз,— сказали Мака-Ку-и-Калани.

Но тот ответил:

— Он убит. Удар был достаточно сильным для этого.

И Мака-Ку-и-Калани попросил короля Каму:

— Дай мне поесть, у меня подвело живот от голода.

Мака-Ку-и-Калани стал есть, пока не насытился. Он съел полную калебасу таро. Потом он перевернул ее и надел себе на голову.

Тут Пупукеа вскочил на ноги и схватил свое длинное копьё. Он сильно ударил им Мака-Ку-и-Калани. От этого удара Мака-Ку-и-Калани рухнул наземь.

Наставник сказал Пупукеа:

— Еще раз опусти копьё на противника, чтобы убить его.

Пупукеа ответил:

— Одного удара достаточно. Он мертв.

После смерти Мака-Ку-и-Калани люди Гавайев набросились на людей Мауи и начали убивать их. Люди Мауи отступили к берегу. Но у них не было лодок, чтобы вернуться на свой остров. Они пытались спастись на ке-пой-ма-лау, неоснащенных лодках, крытых листьями кокосовой пальмы. Люди Гавайев топили их или захватывали в плен.

Так продолжалось до тех пор, пока все воины острова Мауи не были истреблены. В этой битве Кама Лала Валу и Мака-Ку-и-Калани были убиты Лоно-и-Ка-Макахикой и Пупукеа. Люди Гавайев одержали победу над людьми Мауи.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

225. Дети Неба и Земли¹

Все люди произошли от общих предков — от беспредельного Неба, простирающегося над нами, и от лежащей под нами Земли.

Предками всего, что существует, были Ранги (Небо) и Папа (Земля).

Сначала Ранги и Папа еще не были разделены и лежали, прильнув друг к другу. Поэтому на земле и на небе была тьма.

Так было и одну часть времени, и другую, и десять частей, и сто, и тысячу. Эти части времени воплощались в ночах, называемых По. И пока длились По, не было света, а была только тьма.

А дети Ранги и Папы вырастали, но никогда не видели света, потому что везде была одна тьма. И дети Неба и Земли думали, что, наверное, есть разница между тьмой и светом.

Наконец дети Ранги и Папы, истомленные вечным мраком, стали говорить друг другу:

— Давайте решим, что нам делать с Ранги и Папой. Убить ли их или отделить друг от друга?

Ту-матауенга, самый свирепый из детей Неба и Земли, сказал:

— Давайте убьем их.

Ему возразил Тане-махута, отец лесов, лесных существ и всех вещей, которые делаются из растений:

— Нет, лучше их разделить. Пусть Небо поднимается высоко над нами, а Земля ляжет у нас под ногами. Пусть Небо отдалится от нас, но Земля останется близкой нам, как наша заботливая мать.

С Тане-махута согласились все братья, за исключением Тафири-ма-теа, отца ветров и бурь. Он не хотел, чтобы Ранги и Папу разлучали.

И тогда встал Ронго-ма-тане, бог и отец возделываемых плодов, и попытался отделить Небо от Земли. Он напряг все силы, но не смог этого сделать.

Затем поднялся Тангароа, бог и отец рыб и гадов, но и он не смог оторвать Небо от Земли.

За ним встал Хаумиа-тикитики, бог и отец дикорастущих плодов, но и ему оказалось не под силу оторвать Ранги от Папы.

Потом это попытался сделать Ту-матауенга, бог и отец воинственных людей, но тоже безуспешно.

И наконец медленно поднялся Тане-махута, бог и отец лесов, птиц и насекомых. Сначала он попробовал оторвать Небо от Земли руками, но это ему не удалось. Помедлив, Тане-махута твердо уперся головой в Землю, а ногами в Небо и мощным усилием оторвал Ранги от Папы. Застонали Небо и Земля, заплакали и сказали в великой скорби:

— За что ты казнишь нас, своих родителей? Ведь разлучить нас так же жестоко, как и убить.

Но Тане-махута не отвечал им. Все глубже и глубже вдавливал он под себя Землю, все выше и выше поднимал Небо. И когда разделились Ранги и Папа, ослабла тьма и возник свет. Лишь после этого появилось множество людей, которых породили Ранги и Папа и которые до сих пор лежали между их телами.

А Тафири-ма-теа, бог и отец ветров и бурь, разгневался и решил начать войну со своими братьями. Бог ветров и бурь страшился того, что мир станет светлым и прекрасным. И Тафири-ма-теа последовал за своим отцом, Ранги, и укрылся в пустотах беспредельного неба. Верный своему отцу, он долго прятался у него и советовался с ним. Ранги слушал сына, и наконец Тафири-ма-теа понял, что ему надо делать.

Тафири-ма-теа и Ранги породили многочисленное потом-

ство — могучие ветры. Бог ветров и бурь разослал их в разные стороны: одного на запад, другого на юг, третьего на восток и четвертого на север. Следом за ними он послал неистовые шквалы, смерчи, густые облака, плотные облака, темные тучи, мрачные тучи, огненные тучи, облака — предвестники урагана, зловещие огненно-черные тучи, облака с багровым отблеском, обложные тучи, дождевые тучи, грозовые тучи и несущиеся облака. А среди всех их мчался сам Тафири-ма-теа.

Тане-махута и его высокие леса стояли, ничего не подозревая, когда на них налетели ураганы, когда их коснулось огненное дыхание Тафири-ма-теа. Затрещали громадные деревья, и вот они рушатся на землю, сучья и ветви ломаются и отлетают в стороны. И вот уже земля усыпана поваленными деревьями, ветвями и сучьями, и все это достается насекомым и червям, все обречено на гниение.

Затем Тафири-ма-теа повернул к морю и обрушил свой гнев на него. По морю заходили огромные волны, закружились водовороты и смерчи. Испугался Тангароа, бог моря и отец его обитателей, и укрылся в пучине. А потомству Тангароа тоже надо было спастись. Морской бог породил Пунгу, а Пунга породил двоих детей. Это были Ика-тере, отец рыб, и Ту-те-вехивехи, он же Ту-те-ванавана, отец гадов. И когда Тангароа погрузился в морскую глубину и спрятался там, его потомки начали спорить. Ика-тере крикнул:

— Давайте укроемся в море!

А Ту-те-вехивехи сказал:

— Нет, нет, лучше спрячемся на суше!

— На суше тебя и твой народ, — предупредил его Ика-тере, — будут ловить и перед тем, как приготовить, с вас будут счищать чешую пучком сушеного папоротника.

В ответ Ту-те-вехивехи сказал:

— Остерегайся, живя здесь, в море. Когда перед гостем будут ставить корзинку с приготовленными овощами, вас будут класть сверху как самую лакомую приправу².

И они разошлись. Рыбы укрылись в глубине моря, а гады сбежали на сушу и попрятались по лесам и кустарникам.

Разгневался Тангароа, что часть потомков покинула его и укрылась у лесного бога. И с тех пор Тангароа начал воевать с Тане.

И лесной бог тоже воюет с Тангароа. Тане дает людям, потомкам своего брата Ту-матауенга, лодки, копья³ и рыбо-

ловные крючки. Все это делается из дерева. Из других растений люди делают сети и ловят детей морского бога.

В свою очередь Тангароа губит детей Тане: переворачивает лодки в сильном прибое, смывает деревья и дома и опустошает жадными волнами сжимающие его берега. Тангароа сметает с земли и уносит в беспредельный океан насекомых, птенцов и даже могучие деревья.

Потом Тафири-ма-теа напал на своих братьев Ронго-матане, бога и отца возделываемых плодов, и Хаумиа-тикитики, бога и отца дикорастущих плодов. Но Папа, Земля, укрыла того и другого, чтобы сберечь их потомство для своих детей. И так хорошо она спрятала Ронго-матане и Хаумиа-тикитики, что бог ветров и бурь не смог их найти.

И наконец Тафири-ма-теа набросился на своего последнего брата — Ту-матауенга. Бог ветров и бурь обрушил на него всю свою ярость, но Ту-матауенга, отец воинственных людей, не испугался. Ведь это он один из всех детей Ранги и Папы предлагал их убить. Он показал себя храбрым и свирепым в битвах. Все его братья отступили перед Тафири-ма-теа: Тане со своим потомством был повержен, Тангароа и его дети спрятались в море и на суше, Ронго-матане и Хаумиа-тикитики укрылись в земле. Лишь один Ту-матауенга, человек, не дрогнув, стоял на груди Матери-Земли. И ярость Неба и бога ветров и бурь утихла, Ранги и Тафири-ма-теа успокоились.

А Ту-матауенга, отразив натиск бога ветров и бурь, стал думать о том, что ему надо начать войну и перебить своих братьев. Ведь они трусили и не помогли ему в борьбе с Тафири-ма-теа, они оставили его одного сражаться с богом ветров и бурь.

Сначала Ту-матауенга решил расправиться с Тане-махута: тот не помог ему в битве, и, кроме того, Ту-матауенга тревожило то, что у Тане выросло многочисленное потомство, которое быстро размножилось и могло сделаться опасным для человека. Ту-матауенга набрал листьев дерева фанаке, скрутил их в петли, сделал силки и расставил в лесу. Хо! хо! — дети Тане попались в силки, и отныне никто из них уже не мог летать и бегать без опаски.

Затем Ту-матауенга начал мстить своему брату Тангароа. Ту-матауенга стал искать его потомков и увидел, что они ныряют и плавают в воде. Из льна-харакеке⁴ Ту-матауенга

сплел сеть, забросил ее в море и вытащил детей Тангароа на сушу.

Потом Ту-матауенга стал искать своих братьев Ронго-матане и Хаумиа-тикитики, спрятавшихся в земле, и узнал их по листьям. Ту-матауенга сделал деревянную палку-копалку⁵, сплел корзину, выкопал из земли своих братьев, и они завяли на солнце.

Так Ту-матауенга расправился со всеми своими братьями в отместку за то, что они не помогли ему, когда он один сражался с Небом и богом ветров и бурь. И когда Ту поверг своих братьев, он взял себе несколько имен: Ту-ка-рири, Ту-ка-нгуха, Ту-ка-тауа, Ту-фака-хеке тангата, Ту-мата-фа-ити и Ту-матауенга. Каждое имя соответствовало одному из его качеств, проявленных в победах над братьями.

Четырех братьев покори́л Ту-матауенга, человек, и сделал их своей пищей. Для этих четырех братьев у Ту-матауенги есть четыре заклания, чтобы пища всегда была в изобилии. Но одного брата, Тафири-ма-теа, он не смог покорить и сделать своей пищей. И Тафири-ма-теа, младший сын Неба и Земли, остался врагом человека. Он и поныне с яростью, равной человеческой, пытается бурями и ураганами одолеть своего старшего брата, как одолел море и сушу.

Из-за неистовой ярости Тафири-ма-теа во время его войны с братьями исчезла большая часть суши — она была затоплена. Это сделали Ужасный Ливень, Затяжной Дождь, Бешеный Град и их потомки — Туман, Слабая Роса и Сильная Роса. Все вместе они затопили так много земли, что теперь лишь малая ее часть возвышается над морем.

С того времени как Ранги оторвали от Папы, над землей стало светло. А многочисленное потомство Ранги и Папы, которое до того было спрятано между их телами, плодится на земле.

Первые существа, порожденные Ранги и Папой, не были похожи на людей. Но Ту-матауенга уже был подобен человеку, как и все его братья, а также По, Ао, Коре, Те Кумиханга и Рунуку; так продолжалось до времен Нгаимуи и его поколения, Фиро-те-тупуа и его поколения, Тики-тафито-арики и его поколения, и так продолжается и по сей день.

Дети Ту-матауенги родились на этой земле, они росли на ней и плодились. Можно проследить все поколения вплоть до

поколения Мауи-тахи и его братьев Мауи-рото, Мауи-вахо, Мауи-пае и Мауи-тикитики-о-Таранга. —

И сейчас беспредельное Небо отделено от своей супруги Земли. Но их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы.

226—229. Мауи

226. Рождение Мауи и его приход в семью.

Поход в подземное царство

Однажды ночью, когда братья Мауи танцевали вместе со всеми в общем доме⁶, туда пробрался Мауи и притаился за одним из братьев. Тут мать стала пересчитывать сыновей, чтобы подготовиться к танцу.

— Первый — Мауи-таха. Второй — Мауи-рото, — приговаривала она. — Третий — Мауи-пае. Четвертый — Мауи-вахо.

Тут она увидела Мауи и спросила:

— А откуда же взялся пятый?

Мауи сказал:

— А я тоже твой сын.

Тогда женщина снова пересчитала детей и ответила:

— Нет, здесь моих только четверо. А тебя я вижу сейчас впервые.

Маленький Мауи и его мать долго препирались в самой гуще танцующих. Наконец женщина рассердилась и закрычала:

— А ну-ка убирайся! Сейчас же уходи отсюда! Ты не мой сын.

Тогда Мауи ответил:

— Ну, что ж, раз ты не считаешь меня своим сыном, я уйду. Но знай, что я все-таки твой ребенок. Ты родила меня

на берегу моря и бросила в пену прибоя, обернув прядью своих волос. Опутанный водорослями, я перекатывался на волнах. Наконец ветры прибили меня к берегу. На длинной песчаной отмели медуза прикрыла меня своим телом. Мухи с жужжанием опустились на меня, и стаи птиц кружились вокруг, готовые растерзать меня на куски.

Но тут на берегу появился мой великий прародитель Тама-нуи-те-Ранги. Он заметил птиц и насекомых, что кружились над медузой, и побежал так быстро, как только мог. Он поднял медузу и увидел, что под ней лежит ребенок. Тама-нуи-те-Ранги принес меня в свою хижину и обогрел у очага. Так я был спасен.

Я вырос и вот, услышав о танцах в общем доме, пришел сюда.

С тех пор как ты, мать, носила меня в своем чреве, и до этой ночи я не слышал имен твоих старших сыновей. И все-таки я помню их. Вот этот — Мауи-таха, этот — Мауи-ро-то. Этот — Мауи-пае, а этот — Мауи-вахо. Меня же зовут Мауи-потики.

Услышав все это, Таранга, мать Мауи, воскликнула:

— Ты действительно мой младший сын, мой последыш! Поэтому я назову тебя Мауи-тикитики-о-Таранга⁷. А теперь, мой мальчик, идем домой, чтобы я могла вдоволь на тебя наглядеться.

Когда мальчик и Таранга ушли, старшие братья Мауи стали недовольно перешептываться:

— Нас-то мать никогда не звала с собой, хотя мы и ее дети,— уж в нашем-то рождении сомневаться не приходится. Когда мы были маленькими, она кормила нас грудью и осторожно укладывала на мягкие циновки. Так почему же сейчас она не позвала нас с собою? Она любила нас прежде, а теперь, когда мы стали старше, никогда не приласкает. А этот маленький недоносок! Кто может знать, вскормлен ли он морскими водорослями или еще чем-то? Может, он вовсе и не ее ребенок? Можно ли поверить, что, брошенный в волны моря, он вернулся живым. Теперь этот маленький хитрец имеет дерзость называть себя нашим братом!

Но тут два старших брата перебили младших:

— Ничего, пусть он тоже будет нашим братом. Пока еще не поздно, вспомним пословицу: «Спор с другом решай миром, а с врагом — войной». Давайте постараемся, чтобы между

нами не было вражды. Пусть черные мысли оставят нас, иначе мы уподобимся детям Ранги-нуи и Папа-ту-а-нуку⁸.

И младшие братья согласились:

— Да-да, братья, вы правы. Оставим наше недовольство здесь.

Этот разговор происходил ночью. А рано утром Таранга в одно мгновение покинула дом, где спали мальчики. Напрасно, проснувшись, они обыскали все вокруг — их мать исчезла. Старшие братья уже привыкли к тому, что она покидала их, но маленький Мауи очень огорчился. «Может, она только вышла приготовить еду?» — думал он. Но — увы! — она была уже далеко.

Поздно вечером мать, как обычно, вернулась к ним. Они пели и танцевали все вместе, а потом мать позвала Мауи:

— Идем спать, малыш.

Они спали вместе, а рано утром Таранга снова скрылась.

Мауи никак не мог понять, куда исчезает мать каждое утро. На следующую ночь они снова спали вместе. На этот раз с ними был и старший сын Таранги. В темноте Мауи потихоньку подкрался к матери, схватил ее юбку и поясок и спрятал. Затем он заткнул тряпьем каждую щель в хижине, чтобы свет утренней зари не разбудил мать. Но беспокойство не оставляло его — он боялся, что мать вскочит до рассвета и его замысел сорвется. Ночь тянулась медленно, и его мать не просыпалась. Наконец забрезжил рассвет, и с одного конца длинной хижины стали видны ноги спящих в другом ее конце. Вот уже и солнце взошло. Тут Таранга поднялась и подумала: «Отчего это ночь такая длинная?» Затем она заснула опять. Через некоторое время женщина снова открыла глаза, но в хижине по-прежнему было темно. Наконец Таранга вскочила и тут увидела, что совершенно раздета. Она искала свою юбку и поясок, но не могла найти. Тогда она оторвала кусок от льняной накидки⁹, которой Мауи завесил дверь, и накинула на себя. Когда она выбежала из хижины, солнце уже стояло высоко в небе. С криком помчалась женщина прочь от дома.

Между тем Мауи став на четвереньки, подглядывал за нею. Он увидел, как Таранга вырвала из земли пучок тростника и прыгнула в яму, открывшуюся под ним. Затем она воткнула тростник на прежнее место и скрылась под землей.

Тогда Мауи вскочил и пустился бежать к тому месту. Вы-

дернув тот же пучок тростника, он увидел дыру, ведущую под землю. Мауи снова прикрыл дыру тростником и вернулся домой. Братья еще спали.

— Эй, вставайте. Вы и так все проспали. Наша мать снова перехитрила нас! — крикнул Мауи.

Братья торопливо вскочили. Солнце уже светило вовсю.

Между тем маленький Мауи стал спрашивать братьев:

— Как вы думаете, где живут наши родители?

— Да откуда же нам знать, живут ли они на земле или под землей, близко или далеко отсюда. Ни Мауи-таха, ни Мауи-рото, ни Мауи-пае, ни Мауи-вахо — никто из нас не видел этого места. Уж не думаешь ли ты, что сумеешь разыскать наших родителей? Да и как ты найдешь их? Ведь ты самый младший из нас. Даже мы, твои старшие братья, не знаем, где наши родители. Из ночи в ночь наша мать приходит к нам и каждый раз исчезает с наступлением дня. Смотри, никого нет, мы одни в доме. Откуда же нам знать, куда она уходит и где живет.

— Ну, что ж, оставайтесь здесь, скоро вы услышите новости от меня.

Уже много раз Мауи доводилось принимать облик самых разных птиц. В первый раз он проделал это, чтобы проникнуть в общий дом, где собирались его мать и братья. Потом он не раз принимал тот или иной облик, удивляя братьев. Но когда он однажды принял вид голубя, братья были просто поражены.

— Ох, брат, ты просто настоящий голубь! В этот раз тебе удалось гораздо лучше прикинуться птицей, чем раньше.

Теперь, собираясь на поиски родителей, Мауи снова обернулся голубем. Он был великолепен — и все благодаря юбке и пояску матери, которые он утащил у нее. Широкий поясок Таранги стал белоснежной грудкой. Мауи накинул на себя и ее маленькую юбку, отполированную до блеска волосками из собачьих хвостов. Завязки от юбки превратились в сверкающие черные перышки на горле голубя. Он неподвижно сидел на суку и ворковал. Глядя на него, нельзя было не вспомнить пословицы: «Глупый голубь не прыгает с ветки на ветку, а сидит на одном месте».

На следующее утро Мауи сказал братьям:

— Только моя любовь к родителям заставляет меня отправиться на их поиски.

— Ты говоришь так, будто идешь на встречу с врагом. А ведь на самом деле ты только отправляешься на поиски отца и матери, которых мы все так хотим увидеть. Если ты найдешь их, наша печаль пройдет. Мы станем ходить друг к другу в гости и заживем очень весело.

— Да, я действительно иду искать родителей. И там, где я найду их, меня, возможно, ожидает только хорошее. Но я могу столкнуться и с чем-нибудь дурным, и тогда мне придется защищаться.

Братья простились с Мауи и направились к лесу, но вскоре вернулись, чтобы еще раз взглянуть на чудесного голубя.

Но вот голубь вспорхнул и полетел. Он летел до тех пор, пока не достиг ямы, в которой скрылась Таранга. Выдернув пучок тростника, он спустился в дыру. Но вскоре он вылетел обратно. Яма была так темна, и Мауи было так страшно! Затем он снова влетел в дыру и осторожно полетел вперед, опуская то одно, то другое крыло, чтобы не задевать стен. Вот он достиг дна ямы и полетел над ним, но тут пещера расширилась, и Мауи-голубь ринулся напрямик.

Наконец он заметил людей. Они шли вдоль рощи манау¹⁰. Мауи полетел за ними и вскоре опустился на дерево, под которым расположились люди. И тут он увидел Тарангу: она лежала на траве рядом со своим мужем. Мауи сразу узнал ее. Вскоре он услышал и имена матери и отца — к ним обращались те, что сидели рядом. Тогда Мауи-голубь перепрыгнул на другую ветку, немного пониже. Он сорвал клювом один плод с дерева и бросил его вниз. Плод попал прямо в лоб отца.

— Это птица сбросила плод? — спросили люди.

— Нет, он сам упал, — отвечал отец.

Тогда Мауи снова сорвал несколько плодов и с силой бросил их вниз. Плоды попали в обоих, в отца и мать, и больно ударили их. Тут все, кто сидел под деревом, вскочили и стали смотреть вверх. Их крики сначала заглушили воркование голубя, но вскоре они услышали его и различили птицу среди листвы. Тогда люди схватили камни и принялись бросать их в голубя. Но ни один из них не попал в него. Наконец отец Мауи бросил камень. Раз! — и он попал, но только потому, что Мауи сам подстроил это. Удар пришелся точно в левую лапку голубя, и он упал с дерева. Он лежал на земле и бился, и люди уже хотели схватить птицу, как вдруг голубь на гла-

зах у всех превратился в человека. Сердитые глаза человека были ярко-красными, словно их выкрасили охрой.

— Теперь понятно, почему он так долго сидел на дереве,— сказали люди.— Будь он просто птицей, только бы его и видели, но ведь он человек.

— Нет, скорее бог,— возразили другие.— Вы только взгляните на него — с тех пор как были разлучены Ранги и Папату-а-Нуку, мы не видели ничего подобного.

Тогда заговорила Таранга:

— Я встречала человека, похожего на этого, когда навещала по ночам своих детей. Только тот был лучше. А теперь послушайте, что я вам расскажу. Однажды на берегу моря я преждевременно родила одного из моих детей. Я вырвала у себя длинную прядь волос, обернула ребенка и бросила в пену прибоя. Потом ребенка нашел его прародитель Тама-нуи-те-Ранги.— И Таранга рассказала всю историю Мауи приблизительно так же, как рассказал ее братьям сам Мауи.

Затем женщина спросила у Мауи, который сидел возле нее:

— Откуда ты пришел, с запада?

— Нет.

— С северо-востока?

— Нет.

— Может, с юго-востока?

— Нет.

— С юга?

— Нет.

— Уж не ветер ли донес на меня и привел тебя сюда, ко мне?!

И тут Мауи ответил:

— Да.

«Это, наверное, мой сын!» — подумала она и спросила:

— Ты Мауи-таха?

— Нет,— ответил он.

— Может, ты Мауи-тикитики-о-Таранга?

— Да.

— Так это действительно мой сын! — воскликнула она.— Морские ветры и вздымавшиеся волны вырастили его. Добро пожаловать, сын мой! Но знай, что, как только ты переступишь порог дома твоего прародителя великого Хине-нуи-те-ро, ты утратишь свое могущество и умрешь.

Затем отец окунул Мауи в воду и окрестил его ¹¹. После этого все приступили к обряду очищения. Но когда все было кончено, отец Мауи, *Макеа-ту-тара*, очень разволновался: он вспомнил, что второпях обошел часть участников священного обряда. Он знал, что боги не простят этого и в отместку сделают Мауи смертным.

С наступлением ночи все отправились к *Макеа-ту-таре*.

Вскоре Мауи вернулся к своим братьям и рассказал им, где живут их отец и мать.

227. Как Мауи выловил остров

После своих походов *Мауи-тикитики-о-Таранга* и его братья долго оставались дома. Лишь много времени спустя братья отправились как-то на рыбную ловлю. Мауи не пошел с ними. Он сидел дома и ничего не делал. Его жены и дети сердито ворчали на него за то, что он поленился ловить рыбу с братьями. Мауи наконец рассердился и крикнул женщинам:

— Эй, матери и дети! Вам все равно не о чем беспокоиться. Разве я не сделал уже достаточно много! Или вы думаете, что мне не по силам прокормить вас? Да если я пойду и поймаю для вас рыбу, она будет такой большой, что вы не сможете съесть ее всю. Она сгниет на солнце, прежде чем вы ее съедите.

Мауи взял свой чудесный крючок, который был отточен куском челюсти *Мауи-Ранга-Фенуа* ¹². Затем он сплел для крючка прочную леску.

Тем временем его братья снаряжали и оснащали лодку, чтобы вернуться с хорошим уловом. Когда все было готово, они спустили лодку на воду. И тут в лодку прыгнул Мауи. Братья, боявшиеся колдовской силы Мауи, закричали:

— А ну-ка вылезай! Мы не возьмем тебя с собой. Твои чары навлекут на нас беду! — И Мауи пришлось остаться на берегу.

Братья легли на весла и гребли до тех пор, пока не достигли места, где водилась рыба. Здесь братья стали ловить рыбу, а потом с богатым уловом поплыли назад, к берегу.

Когда наступила ночь, Мауи спустился к берегу, влез в лодку братьев и спрятался под досками, устилавшими дно лодки. Когда наступило утро, на берег пришли братья Мауи. Ни один из них не заметил Мауи, притаившегося под настилом.

Братья снова спустили лодку на воду и поплыли на рыбную ловлю. Когда они были уже достаточно далеко от берега, Мауи потихоньку выбрался из своего убежища. Как только братья увидели Мауи, они заволновались и решили:

— Нам лучше поскорее вернуться на берег, раз он здесь.

Но Мауи своими чарами тотчас растянул море так, что берег оказался очень далеко от них и удалялся все больше и больше.

— Будет лучше, если вы возьмете меня с собой,— сказал Мауи братьям.— Я смогу помочь вам, вычерпывая из лодки воду.

Братья уступили и снова стали грести. Вскоре они достигли места, где всегда ловили рыбу.

— Бросим здесь якорь и начнем лов, — сказали они.

— Нет, нет! — воскликнул Мауи.— Лучше поплывем дальше.

Они снова легли на весла и гребли очень долго. Наконец братья сказали:

— Здесь мы остановимся и будем ловить рыбу.

Но Мауи снова возразил:

— Наверное, здесь рыба очень мелкая. Лучше поплывем прямо в открытое море и бросим якорь там, где я скажу. В том месте очень много рыбы; прежде чем ваш крючок погрузится в воду, рыба сама погонится за ним. Не успеете вы моргнуть, как наша лодка наполнится рыбой.

Услышав это, братья снова поплыли дальше и плыли до тех пор, пока не оказались очень далеко. Наконец они сказали:

— Теперь давай бросим якорь.

— Нет, нет, отправимся дальше. Мы еще не достигли этого места. Чтобы попасть туда, надо идти далеко в открытое море.

Наконец они вышли в открытое море и начали лов. Не успели братья забросить свои крючки в море, как каждый из них вытащил по большой рыбе. Только дважды они закидывали свои крючки, а лодка уже до краев наполнилась рыбой.

— Теперь мы можем вернуться,— решили братья, но Мауи сказал:

— Нет, подождите. Я тоже хочу забросить свой крючок в море.

— Где же ты возьмешь крючок? — удивились братья.

— Не беспокойтесь, он у меня найдется,— ответил Мауи.

— Ну что ж, тогда поторопись,— сказали братья.

Когда Мауи вынул свой крючок, все кругом озарилось блеском. Крючок был сделан из прекрасной перламутровой раковины и украшен резьбой и пучком волос из собачьего хвоста. Он был поистине великолепен!

Потом Мауи попросил у братьев немного наживки, чтобы насадить на свой крючок. Но братья ответили:

— Нет, мы не дадим тебе нашей наживки.

Тогда Мауи сжал кулак и с размаху ударил себя по носу. Потекла кровь, и Мауи смочил крючок своей собственной кровью. Потом он забросил крючок в море.

Крючок опускался все ниже и ниже, пока не достиг крыши какого-то дома на дне. Крючок скользнул по крыше и вдоль крайнего резного стропила опустился к дверному проему. И тут крючок Мауи-тикитики-о-Таранги подцепил ступеньку порога дома.

Когда Мауи понял, что на его крючок что-то попало, он начал тянуть леску. И вот со дна моря стал подниматься дом, дом старого Тонга-нуи¹³. Он поднимался и поднимался, а когда был уже достаточно высоко, леска чуть не лопнула под его тяжестью. С каким трудом Мауи вытаскивал свой груз! Все это время он пел заклинания, и вода кругом пенилась и бурлила, как будто из моря поднимался остров.

Братья Мауи разинули рты от удивления и стали громко причитать:

— Мы хотели помешать Мауи, и за это он бросит нас сейчас в море на съедение рыбам.

Среди ропота и воплей братьев Мауи возвысил свой голос и повторил свое заклинание Хики, которое делало тяжелые грузы легкими:

— Почему, о Тонга-нуи, ты сделал мой крючок таким упрямым, непослушным? — пел Мауи.

Но вот Мауи кончил петь свои заклинания, и на поверхность всплыла его добыча — рыба Мауи. Это был кусок земли Папа-ту-а-Нуку — кусок их родной земли¹⁴.

Лодка братьев оказалась на мели. Тогда Мауи решил пойти за помощью в деревню. Перед уходом он сказал братьям:

— Вы оставайтесь здесь и ничего не бойтесь. Имейте терпение и не ешьте до моего возвращения. А рыбу, которую мы поймали, не режьте. Мы сделаем это тогда, когда я принесу жертву богам за наш улов. А сейчас я разыщу жреца, чтобы он сделал нашу жертву угодной богу. Тогда мы получим очищение и, ничего не опасаясь, сможем по справедливости разделить нашу добычу. Когда я вернусь, каждый из вас получит свою часть рыбы и вернется домой довольным.

Сказав это, Мауи быстро побежал к деревне. А его глупые, беспечные братья тут же забыли наказ Мауи и принялись потрошить рыбу. Мауи еще не успел добежать до священного места, где жил бог. Беги он немного быстрее, и бог был бы умиротворен приношением рыбы, и все божества получили бы свою долю. Но увы! — глупые братья Мауи разрезали рыбу, а жертвоприношение не было совершено. И тогда боги пришли в ярость. Тангароа своею силой сделал так, что рыба Мауи начала вскидывать голову, бить хвостом и шевелить плавниками. И хотя она лежала на суше, она вертелась и прыгала так же проворно, как в воде. Вот почему поверхность острова теперь такая неровная — здесь возвышается гора, там расстилается равнина, здесь — скала, там — дол. Если бы братья послушались Мауи, огромная рыба лежала бы спокойно, распластавшись во всю длину.

Вот как Мауи выловил остров, скрытый под водой океана Ранги и Тафири-ма-теа¹⁵.

228. Похищение подземного огня

Однажды Мауи решил навсегда погасить огонь у своей прародительницы Махуики. Для этого он проделал вот что. Ночью, когда все спали, Мауи утащил из всех домов в деревне тлеющие головешки, которыми поутру в каждой семье разжигали огонь, чтобы готовить пищу. Ранним утром Мауи громко закричал:

— Я голоден, я голоден! Приготовьте мне поесть.

Тут же один из рабов¹⁶ бросился со всех ног к очагу, чтобы приготовить пищу, но не увидел и следа огня. Тогда он стал бегать из дома в дом в поисках огня, но, обегав всю деревню, не нашел ни одной головешки.

Когда мать Мауи узнала об этом, она крикнула рабов и сказала им:

— Отправляйтесь к моей великой прародительнице Махуике. Расскажите ей, что на земле не осталось огня, и попросите дать его людям снова.

Но рабы испугались и упорно отказывались исполнить поручение, хотя даже старшие, всеми уважаемые жители деревни повторяли им приказание. Наконец Мауи сказал матери:

— Хорошо, я сам схожу в подземный мир за огнем. Но как мне туда добраться?

Родители Мауи хорошо знали подземный мир и рассказали ему, как туда попасть:

— Иди вот этой широкой дорогой, что лежит перед тобой, и дойдешь до жилища твоей прародительницы. Если она спросит, кто ты, назови ей свое имя. Тогда она поймет, что ты ее потомок. Мы знаем, что твои великие подвиги не похожи на дела обычных людей, но ты любишь обманывать и обижать других. Ты и теперь, наверное, собрался подшутить над своей прародительницей. Так будь осторожен и не делай этого. Не вздумай обмануть ее.

— Нет, я только добуду огонь для людей и сразу вернусь,— ответил Мауи.

Он вышел из дому и пошел по дороге, которую ему показала мать. Наконец он достиг жилища богини огня. Все то, что он там увидел, так удивило Мауи, что он долго не мог сказать ни слова. Но вот он опомнился и обратился к богине:

— Скажи мне, где у тебя хранится огонь. Я пришел попросить немного огня.

Тут старая богиня поднялась и сказала:

— О, это еще что за смертный?

— Это я,— ответил Мауи.

— А откуда ты пришел?

— Да я здешний,— солгал Мауи.

— Нет, ты не отсюда. Ты совсем не похож на тех, кто живет здесь. Ты пришел с северо-востока?

— Нет.

— Тогда с юго-востока?

— Нет.

— С юга?

— Нет.

— С запада?

— Нет.

— Уж не ветер ли указал тебе дорогу ко мне?

— Да.

— А, значит, ты мой внук! — воскликнула богиня. — Что же ты хочешь?

— Я пришел попросить у тебя огня.

— Добро пожаловать, огонь для тебя найдется.

С этими словами Махуика выдернула из своего пальца ноготь. И как только она сделала это, из ногтя вырвалось пламя. Затем Махуика отдала свой факел Мауи. Увидев, как его прародительница вырвала у себя ноготь, чтобы дать ему огонь, Мауи тут же решил, как ему быть дальше. Он отошел недалеко от Махуики и отбросил в сторону свой пылающий факел. Затем он снова вернулся к богине и сказал ей:

— Твой факел погас, дай мне другой.

Махуика тотчас вырвала у себя еще один ноготь, и он сразу же воспламенился. Затем она снова отдала огонь Мауи.

Мауи отошел немного в сторону и опять выбросил факел. Потом он вновь возвратился к богине.

— Дай мне еще огня, потому что факел опять погас.

И так он проделывал до тех пор, пока Махуика не вырвала все ногти на пальцах рук. Затем она принялась за ногти на ногах и выдергивала их один за другим. Наконец, когда у нее остался только один ноготь на большом пальце ноги, старая женщина сказала себе:

— Этот хитрец, конечно, обманывает меня.

Тут она вырвала свой последний ноготь и бросила его на землю. В тот же миг все это место охватило пламя.

— Ну вот, теперь весь огонь — твой! — крикнула Махуика Мауи.

Мауи попытался ускользнуть от пламени, он быстро побежал прочь, но огонь стремительно гнался за ним по пятам. Тогда Мауи обернулся ястребом и быстро полетел подальше от огня, но и тут пламя едва не настигло его. Он ринулся в пруд, но вода была так горяча, что он чуть не сварился. Лес тоже горел, и Мауи негде было скрыться от огня. И зем-

ля и море — все было объято пламенем, и Мауи был близок к смерти.

Тогда в отчаянии он стал призывать своих прародителей — Тафири-ма-теа и Фатитири-матакатаку¹⁷ ниспослать на землю воду, потоки воды.

— О, пусть будет ниспослана мне вода, чтобы я мог погасить этот огонь, преследующий меня по пятам! — восклицал он.

И великие прародители услышали его. Поднялся сильный ветер, началась буря, и на землю обрушился ливень. Махуика бросилась к своему жилищу, но ее смыло водой, прежде чем она достигла его. Погибая от воды, она кричала так же громко, как Мауи, когда его преследовал огонь.

Тафири-ма-теа погасил бушевавшее пламя, и огонь Махуики был теперь полностью уничтожен. Но еще раньше она успела спасти пять искр, схоронив их в дереве каикомоко¹⁸ и других четырех деревьях. Там они хранятся до сих пор. И поныне люди, когда им нужен огонь, берут древесину этих деревьев.

229. Как Мауи сделал собаку

У Мауи была сестра. Звали ее Хинаури. Она была очень хороша собой. Мужа Хинаури звали Иравару.

Однажды Мауи и Иравару отправились на лодке, чтобы наловить рыбы. Крючок Мауи был без единого зубца, и он не мог ничего поймать на него. Между тем Иравару вытаскивал одну рыбку за другой.

«Как же так? — подумал Мауи.— Почему он наловил так много, а у меня нет ни одной рыбешки?»

Тем временем у Иравару снова клюнуло, и он поспешно дернул леску. Но второпях он зацепил свою леску за леску Мауи и натянул ее. Мауи подумал, что рыба попалась на его крючок, и стал тянуть свою леску. Он еще сильнее запутал леску, но продолжал упорно тянуть. И так один из них тянул леску к корме, а другой к носу лодки, пока наконец Мауи не понял, в чем дело.

Уже достаточно злой из-за своих неудач и успеха Иравару, Мауи сердито крикнул:

— Стой. Не тяни! Рыба попалась на мой крючок!

— Нет, на мой,— возразил Иравару.

Но Мауи снова закричал:

— Да не тяни же ты! Говорят тебе, рыба на моем крючке!

Тогда Иравару ослабил свою леску, и Мауи смог вытащить рыбу. Бросив ее в лодку, он увидел, что Иравару был прав — рыба попалась на его крючок.

— Ну что, убедился теперь? — сказал Иравару.— Не трогай мою леску!

— Ты что, не можешь подождать, пока я сниму рыбу с крючка? — еще больше разозлился Мауи.

Вытаскивая изо рта рыбы крючок Иравару, Мауи увидел, что он с зубцами. Тут Мауи понял, что не сможет поймать столько рыбы, сколько поймал Иравару,— ведь его крючок не имел ни одного зубца. Поэтому он сказал:

— Может, нам возвратиться теперь на берег?

— Что ж, давай вернемся,— согласился Иравару, и они стали грести к берегу.

Они достигли берега, вышли на отмель и вытащили лодку. Тут Мауи сказал Иравару:

— Подлезь под балансир¹⁹ и приподними лодку спиной.

Как только Иравару сделал это, Мауи прыгнул на него и прижал к земле, обрушив на Иравару всю тяжесть лодки. Чуть не убив Иравару, Мауи стал топтать его ногами, словно хотел вдавить тело в землю, и от этого спинной хребет Иравару расплющивался и вытягивался, пока не стал похож на собачий хвост. Своими чарами Мауи превратил Иравару в собаку и накормил его пометом.

После этого Мауи как ни в чем не бывало отправился домой. Когда он пришел, Хинаури, ожидавшая возвращения мужа, подбежала к нему и спросила:

— А где же Иравару?

— Он остался у лодки,— отвечал Мауи.

— Разве вы вернулись не вместе? — удивилась Хинаури.

— Нет. Он просил тебя спуститься к берегу. Ему надо помочь нести рыбу. Так что лучше беги. Если ты не увидишь его, то позови. А если он не ответит тебе, тогда покричи ему так: «Мо-и, мо-и, мо-и».

Запомнив все, что сказал ей Мауи, Хинаури понеслась к берегу так быстро, как только могла. Не найдя мужа, она стала звать его по имени, но он не отвечал. Тогда она позвала так, как научил ее Мауи: «Мо-и, мо-и, мо-и».

Тут Иравару, который в обличье собаки бегал в зарослях кустарника недалеко от этого места, узнал голос Хинаури и завыл: «А-о! А-о! Ао-ао-о!» Он побежал за Хинаури обратно в деревню. Всю дорогу он прыгал и махал хвостом от радости, что видит ее снова.

А Хинаури, увидев, что ее муж превратился в собаку, обезумела от горя и горько плакала всю дорогу.

Как только Хинаури вошла в дом, она схватила свой пояс, который обладал колдовской силой, и побежала обратно к морю. Хинаури решила покончить с собой, бросившись в море, где бы чудовища глубин сожрали ее. Женщина прибежала на берег и взобралась на рифы. Там она села и стала плакать, сетуя на жестокую судьбу. А потом она принялась повторять заклинания и бросилась в море. Волны отнесли ее прочь от берега.

А Иравару, превратившись в собаку, положил начало роду собак. Поэтому он считается их прародителем. Маорийцы до сих пор созывают своих собак криком: «Мо-и, мо-и, мо-и».

230. Восхождение Рупе на небо

Красавица Хинаури была женой Иравару, а ее старшим братом был Мауи. Однажды он рассердился на Иравару и превратил его в пса. Узнав об этом, Хинаури горько заплакала и решила себя убить. И Хинаури бросилась в море — она хотела, чтоб ее сожрали морские чудовища. Отлив подхватил женщину и унес в открытое море.

Много месяцев носило ее по морю. Наконец волны выбросили почти мертвую Хинаури на берег в местности Ваирава. Там ее нашли два брата, Ихуатамаи и Ихуфарефаре. Тело женщины во многих местах покрывали морские водоросли и ракушки, но все же было видно, что она очень красива. Братья сжалились над ней и на руках отнесли к себе в дом. Они осторожно положили женщину у огня, счистили с нее

водоросли и ракушки и постепенно выходили ее. Когда Хинаури совсем окрепла, Ихуатамай и Ихуфарефаре взяли ее себе в жены. Они спросили, как ее зовут. Хинаури скрыла свое прежнее имя и назвалась Ихунгарупаза, что значит «Дерево, Выброшенное На Берег».

Долго они так жили. Однажды Ихуфарефаре посетил верховного вождя Тинирау и рассказал ему о женщине. Тогда Тинирау пошел и забрал красавицу себе. В это время Ихунгарупаза была беременна от Ихуатамай; скоро должны были быть роды.

Тинирау привез новую жену в свой дом на острове Мотутапу. У него уже были две жены, дочери Мангаманга-и-атуа. Их звали Харатаунга и Хоротата. Общим не понравилось, что муж взял еще одну жену, и они возненавидели Хинаури. Они дурно с нею обращались, оскорбляли и даже пытались ее убить. Доведенная до отчаяния, Хинаури пустила в ход колдовство. Она произнесла такие сильные заклинания, что обе ее соперницы упали мертвыми. И муж достался ей одной.

Все это время родичи Хинаури ничего не знали о ней. Ее брат, юный Мауи-муа, впоследствии прозванный Рупе, очень любил сестру и сильно по ней скучал. Наконец он сказал, что больше не может выносить разлуки, и отправился искать Хинаури.

Рупе обошел все места, о которых знал, не пропустив ни одного, но его сестры нигде не было. Тогда Рупе решил подняться на небо и спросить о Хинаури у своего великого предка Рехуа. Тот жил на небе, в месте, которое называется Те Пу-тахи-нуи-о-Рехуа.

И Рупе начал восхождение. Он добрался до обитаемой части неба и стал искать своего предка Рехуа. Его нигде не было, и Рупе спросил местных жителей:

— А на том небе, которое еще выше, кто-нибудь живет?

— Да.

— Смогу ли я добраться туда?

— Нет,— отвечали люди,— ты не сможешь туда добраться, потому что там проходит граница, установленная Тане.

Но Рупе все-таки поднялся на второе небо и дошел до его населенной части, но и там не нашел своего предка. Тогда Рупе спросил местных жителей:

— А на том небе, которое еще выше, кто-нибудь живет?

— Да.

— Смогу ли я добраться туда?

— Нет, — отвечали люди, — ты не сможешь туда добраться, потому что то небо установлено самим Тане.

И все-таки Рупе поднялся и туда. Так он достиг десятого неба и нашел там жилище Рехуа. Когда Рехуа увидел пришельца, он подошел и приветствовал его. Рехуа не знал, кто этот человек, но Рупе в своем приветствии употребил такие слова, что предок догадался, кто перед ним.

Затем Рехуа велел слугам разжечь огонь. Рабы принесли калebasы²⁰ и поставили их у огня. Можно было начинать готовить еду, но калebasы были пустые. Рупе удивился и подумал: «Чем же их наполняют?»

Тут он увидел, что Рехуа осторожно размотал повязку, которой была обмотана его голова до самой макушки. Затем Рехуа тряхнул своими длинными густыми волосами, и оттуда вылетела целая стая птиц туи. Эти птицы жили в волосах Рехуа, питаясь насекомыми. Рабы стали ловить птиц, убивать их и наполнять ими калebasы. Потом рабы приготовили тушеное птичье мясо и поставили его перед гостем. Рехуа предложил ему поесть мяса, но Рупе сказал:

— Я не могу его есть. Ведь я видел, как эти птицы вылетели из твоих волос. Кто же посмеет есть птиц, вскормленных насекомыми на твоей священной голове?

Конечно, Рупе оробел перед человеком давно прошедших дней и не притронулся к угощению. Наконец он осмелился спросить своего предка:

— О Рехуа, не доносил ли до тебя презренный шум мира, лежащего внизу, вести о той, которую я ищу?

И Рехуа ответил:

— Да, отдаленный шум голосов доносился до меня из нижнего мира, с острова Мотутапу.

Как только Рупе услышал это, он превратился в голубя²¹ и полетел вниз, к острову Мотутапу. Все ниже и ниже летел Рупе; он достиг острова, нашел жилище Тинирау и уселся на оконной перекладине.

Люди Тинирау увидели его и закричали:

— Хо! хо! птица, птица! Скорей, скорей, бейте ее копьём!

Один из них метнул копьё, но Рупе клювом отклонил его. Копьё ударилось в деревяшку и сломалось. Тогда люди сделали петлю и попытались осторожно набросить ее на шею птице. Но голубь повернул голову, и людям опять не удалось

его поймать. Сестре Рупе все это показалось странным, и она крикнула:

— Пойдите! Дайте мне сначала взглянуть на птицу!

Она подошла и сразу же узнала, что это ее брат.

Сестра позвала Тинирау и сказала:

— Муж, посмотри, это мой брат!

— А как его зовут? — спросил Тинирау.

— Это мой брат Рупе, — ответила сестра.

Как раз в этот день Хинаури родила ребенка, и Рупе сказал ей приветствие, которое называется Тоетоету. Вот оно:

Хинаури,
Хинаури — это сестра,
А Рупе — это ее брат.
Но как он попал сюда?
Пришел ли он по земле
Или же прилетел?
Пусть же по воздуху пройдет твоя тропа.

Рупе кончил говорить, и сестра сказала в ответ:

Рупе — это брат,
А Хинаури — его сестра.
Но как он попал сюда?
Пришел ли он по земле
Или же прилетел?
И пусть теперь твоя тропа
Пройдет по воздуху к Рехуа.

Едва Хинаури кончила приветствие, как брат схватил ее вместе с новорожденным и поднялся в воздух. Рупе взял также послед — его нужно было похоронить, как это полагается по обычаю. Но когда они пролетали над морем, послед случайно упал в воду и его проглотила акула. С тех пор внутри акулы люди всегда находят множество крупных яиц.

Наконец брат и сестра поднялись к Те Путахи-нуи-о-Рехуа — тому месту на небе, где жил их предок Рехуа. Старик уже не мог содержать в порядке свой двор, а его люди были очень ленивы, и двор оставался неубранным. Рупе увидел это и очень огорчился.

Однажды он сказал своему предку:

— О Рехуа, твои люди совсем не прибирают двор!

И еще он сказал:

— Все твои люди — лентяи. Если бы каждый кусок грязи был ящерицей и достаточно было бы дотронуться до ее хвоста, чтобы она убежала, они бы и этого не сделали!

С тех пор эти слова стали всем известной поговоркой.

Из уважения к предку Рупе решил убрать его двор. Он сделал из прутьев две метлы и дал им названия — Тахитахиа и Ракеракеа. Рупе расчистил и прибрал двор. Потом он сделал пристройку к дому Рехуа, но плохо закрепил одну балку. И вот однажды сын Рехуа, которого звали Каитангата, налетел на эту балку. Она качнулась вперед, потом отскочила назад, ударила Каитангату и тот умер²². Его кровь пролилась на небо. И с тех пор, когда люди видят в небе багровый цвет, они говорят: «Это кровь Каитангаты!»

Сначала Рупе звали Мауи-муа. А Рупе он стал называться после того, как превратился в птицу.

231. Тафаки

Отца Тафаки звали Хема, мать — Урутонга. У Тафаки был младший брат Карихи. Жену Тафаки звали Хинепирипири.

Однажды Тафаки отправился ловить рыбу на риф, выступающий далеко в море. Вместе с ним были четыре брата его жены. Двое из них утомились и пошли домой. К ним присоединился и Тафаки. Когда они уже подходили к селению, оба шурина набросились на Тафаки, убили его и закопали. Но они не заметили, что на самом деле Тафаки не убит, а только ранен.

Когда два брата вернулись в селение, сестра спросила их:

— А где ваш зять?

— Он еще рыбачит, — отвечали братья.

Хинепирипири дождалась возвращения остальных двух братьев и спросила их:

— А где же ваш зять?

— Он давно уже ушел домой с двумя братьями, — отвечали эти двое.

Женщина заподозрила недоброе и побежала искать мужа. Вскоре она его нашла и выкопала из земли. С большим тру-

дом женщина перенесла мужа домой, осторожно обмыла его раны и остановила кровотечение. Когда Тафаки немного пришел в себя, он сказал жене:

— Принеси топлива и разожги огонь.

Жена собралась за дровами, и Тафаки сказал:

— Если увидишь поблизости высокое дерево, свали его и принеси целиком.

Хинепирипири вышла из дому и сразу же увидела высокое дерево. Она срубила его, взвалила на плечо, принесла домой и положила в огонь целое бревно, не рубя его на поленья.

В память об этом случае Хинепирипири назвала своего первенца Вахие-роа, что значит «Длинное Бревно Для Огня». Тафаки умышленно послал жену за бревном и велел назвать сына Вахие-роа. Он хотел, чтобы даже имя напоминало сыну о том, что он должен отомстить за отца. А когда Тафаки окончательно поправился, он ушел из этого селения, где жили его вероломные родичи. Тафаки взял с собой всех своих воинов с их семьями. Они построили па²³ — укрепленное селение на вершине очень высокого холма, где можно было легко защититься от врагов, и стали жить там.

А потом Тафаки попросил своих предков отомстить за него. Предки обрушили с неба потоки воды, затопили всю землю, и все люди погибли.

Затем Тафаки и его брат Карихи задумали отомстить за смерть своего отца, которого убили понатури. Это был совсем другой народ, не такой, как мы. Целые дни они проводили в своей земле под водой, а по ночам выходили на сушу и шли спать в свой большой дом, который назывался Манава-тане.

Понатури убили Хему, отца Тафаки, и захватили его тело, но жену его, Урутонгу, они не убили, и она жила у них как пленница.

Тафаки и его брат отправились в дорогу и достигли того места, откуда был виден дом Манава-тане. В это время никого из понатури там не было — все племя находилось под водой. Лишь у входа в дом сидела старая Урутонга да под крышей висели кости ее убитого мужа, отца Тафаки.

Еще на большом расстоянии от дома Тафаки и Карихи начали повторять заклинания. И сразу же кости их отца почувствовали это и громко застучали. Они услышали заклинания и поняли, что отмщение близко. Когда же братья подошли поближе, старая Урутонга услышала голоса своих сыно-

вей и заплакала от радости. Тафаки и Карихи подошли к дому и обняли мать. А затем Урутонга сказала:

— Дети мои, поскорей уходите отсюда или вы неминуемо погибнете. Люди, которые здесь живут,— это свирепое, дикое племя.

— Где будет солнце, когда они возвратятся в дом? — спросил Карихи.

— Они вернутся тогда, когда солнце скроется в море,— ответила Урутонга.

И еще Карихи спросил ее:

— Почему они пощадили тебя?

— Они оставили меня в живых для того,— ответила Урутонга,— чтобы я следила за восходом солнца и предупреждала их. Они заставляют меня сидеть у двери и даже называют Татау, то есть Дверь. Всю ночь они меня спрашивают: «Эй, Татау, как там, еще не рассветает?» А я в ответ говорю: «Нет, нет, еще ночь, спите».

Тогда Карихи спросил:

— Где мы можем спрятаться?

— Лучше вам уйти обратно,— ответила мать.— Спрятаться здесь негде, и они найдут вас по запаху.

— Но мы можем спрятаться на крыше! — воскликнул Карихи.

— Нет,— сказала Урутонга,— там вы не спрячетесь.

Все это время Тафаки сидел молча. А Карихи сказал:

— Мы спрячемся, потому что знаем заклинание, которое делает нас невидимыми.

Тогда мать согласилась, чтобы они остались и попытались отомстить за смерть своего отца. Братья залезли на крышу и спрятались между толстыми связками сухого тростника, которым она была покрыта.

А мать им сказала:

— Когда приблизится рассвет, спуститесь вниз и заделайте в доме все щелки, чтобы ни один луч света не проник внутрь.

Но вот день прошел, солнце село, и понатури вышли из воды на сушу. Согласно древнему обычаю, они послали вперед одного из своих. Он должен был проверить, не спрятались ли враги на дороге или в доме. Едва посланный вошел в дом, как сразу же учуял запах Тафаки и Карихи. Понатури начал обнюхивать в доме все подряд и чуть-чуть не нашел то место,

где спрятались пришельцы. Но племя понатури было беспечным, потому что давно жило в полной безопасности. И, не дождавшись посланного, они поспешили войти в дом. Их набилось столько, что дом до отказа наполнился их телами. Запах чужаков сразу же потерялся. Наконец понатури кое-как улеглись и крепко уснули.

В полночь Тафаки и Карихи осторожно слезли с крыши и подкрались ко входу в дом. А из дома тихо-тихо вышла Урутонга.

Карихи спросил ее шепотом:

— Как нам лучше всего расправиться с этими людьми?

— Лучше всего, если их убьет солнце. Его лучи смертельны для понатури,— ответила мать и осторожно пролезла обратно в дом.

Сразу же один старик понатури окликнул ее:

— Эй, Татау, еще не светает?

— Нет, нет,— ответила пленница,— еще ночь, еще глубокая ночь, еще совсем рано, спи спокойно, спи!

Перед самым рассветом Урутонга шепнула своим сыновьям, которые притаились за дверью:

— Смотрите, чтоб каждая щелка в двери и в окнах была заделана! Ни один луч света не должен пройти внутрь.

Тут другой старик понатури окликнул ее:

— Татау, эй, Татау, еще не светает?

— Нет, нет,— ответила Урутонга,— еще ночь, еще глубокая ночь, еще совсем рано, спи спокойно, спи!

Наконец наступил рассвет, солнце взошло над землей и поднялось высоко в небо. Старик понатури снова окликнул пленницу:

— Эй, Татау, еще не рассвело?

— Да, рассвело! — воскликнула Урутонга. И она крикнула сыновьям:

— Скорей, скорей, открывайте двери и окна!

Тафаки и Карихи распахнули двери и окна, и в дом хлынули яркие лучи солнца. И сразу же все понатури погибли. Они были убиты не рукой воина, а лучами солнца.

Тафаки и Карихи осторожно сняли висевшие под крышей кости своего отца. Затем они подожгли дом, и он сгорел вместе с телами убитых понатури. Братья взяли отцовские кости и со своей матерью вернулись в родную землю²⁴.

232. Рата

У Тафаки от первой жены родился сын Вахие-роа. Когда он вырос, его женой стала Кура, и она родила сына, которому дали имя Рата. Вскоре после этого вождь по имени Матуко-такотако предательски убил Вахие-роа. Рата должен был отомстить за смерть отца.

И вот Рата стал взрослым. Однажды он сказал своим родичам:

— Я хочу разыскать человека, который убил моего отца.

Рата пустился в путь и через некоторое время оказался у того места, где жил Матуко-такотако. Там он увидел какого-то человека и спросил его:

— Где тот, кто убил моего отца?

Незнакомец ответил:

— Он живет под землей. А здесь он оставил меня, чтобы я давал ему знать, когда обновляется луна. В новолуние я громким криком оповещаю его, он выходит из-под земли и пожирает людей.

И тогда Рата спросил:

— А когда это будет?

— Через две ночи,— сказал вестник.— Пока ты можешь вернуться в свое селение, а послезавтра утром приходи снова.

Рата послушался его, вернулся домой и пробыл там два дня.

В назначенный день, утром, Рата снова пришел туда и увидел вестника. Рата обратился к нему с такими словами:

— Ты можешь указать мне место, где бы я мог спрятаться и выждать, пока не появится мой враг Матуко-такотако, с которым я хочу сразиться?

— Пойдем со мной,— предложил вестник,— и я покажу тебе два водоема с чистой водой.

Они пошли и увидели два водоема. Вестник сказал:

— Мы стоим на том месте, где Матуко поднимается из-под земли. Вон в том водоеме он моет и расчесывает свои спутанные волосы. Потом он переходит к этому водоему и смотрит на свое отражение. Здесь тебе не удастся убить его,— ведь ты тоже отразишься в гладкой поверхности и он заметит тебя. А у того водоема, где он моет волосы, ты можешь напасть на Матуко и убить его.

Им не пришлось долго ждать. Наступил вечер, взошла луна, и вестник сказал Рате:

— А теперь иди и спрячься у края того водоема, где он моет волосы.

Рата так и сделал, а вестник стал громко кричать:

— Ого-го! Взошла новая луна! Взошла двухдневная луна!

Матуко-такотакo услышал клич, схватил свой двуручный меч²⁵ и поднялся из-под земли. Он сразу же направился к водоемам. Положив оружие, Матуко стал на колени, развязал бечевки, которыми были связаны его длинные волосы, встряхнул своими спутанными космами и погрузил голову в прохладную чистую воду.

Рата подобрался к нему поближе и стал сзади. Когда Матуко-такотакo поднял голову из воды, Рата одной рукой схватил его за волосы, а другой нанес ему смертельный удар. Так отомстил Рата за смерть своего отца Вахие-роа.

Затем Рата спросил:

— Как мне найти кости своего отца?

— Здесь их нет,— ответил вестник.— Их забрали люди, живущие далеко отсюда.

Тогда Рата вернулся в свое селение и долго раздумывал над тем, как ему разыскать кости Вахие-роа. Наконец он придумал, что надо делать.

Рата отправился в лес, выбрал высокое прямое дерево, свалил его и обрубил макушку с ветками. Из ствола Рата собирался сделать лодку. Но все птицы и насекомые, жившие в этом лесу, все духи леса²⁶ очень рассердились на Рату. И когда тот пошел в селение, все они собрались вокруг срубленного дерева. Они взяли за ствол и снова поставили его прямо. Собралось огромное множество птиц, насекомых и духов, тех, что называют «потомками Хакутури». Они подобрали каждую щепочку и приделали к дереву. При этом они на разные голоса распевали такое заклинание:

Слетайтесь, щепки и стружки,
Скрепляйтесь, щепки и стружки,
Срастайтесь, щепки и стружки,
Снова стань прямо, дерево!

На следующий день рано утром Рата вновь пришел в лес, чтобы вытесывать лодку. Но то самое дерево, которое он накануне свалил, стояло на месте как ни в чем не бывало! Рата

еще раз свалил дерево и обрубил макушку с ветками. Затем он взял тесло и начал вытесывать лодку. Рата закруглил ствол там, где должны быть нос и корма. Целый день он усердно трудился, успел сделать очень много. А когда стемнело и работать стало невозможно, Рата отправился домой.

Как только он ушел, снова собралось великое множество птиц, насекомых и духов, потомков Хакутури. Все вместе они опять подняли дерево и приделали к нему все щепки и стружки. Как и в прошлый раз, они распевали свою колдовскую песню. Вскоре совершенно целое дерево стояло на своем месте.

На следующее утро Рата опять отправился в лес продолжать работу. Но, придя на место, он с изумлением обнаружил, что дерево снова растет и на вид совершенно нетронуто! Тогда Рата сделал вот что. В третий раз он свалил это дерево и притворился, что уходит из лесу. На самом же деле Рата спрятался в кустах неподалеку оттуда. Вскоре он услышал, что множество детей Тане, распевая колдовскую песню, собираются со всех сторон. И вот они подошли к срубленному дереву. Хо! — Рата выскочил из укрытия. Ха! — он схватил нескольких из них и воскликнул:

— О-хо, так это вы колдуете над моим деревом?

Дети Тане зашумели:

— А ты? Как ты посмел повалить лесного бога? Тебе нельзя было так делать!

Когда Рата услышал это, ему стало стыдно. Вот, оказывается, что он наделал! А дети Тане кричали:

— Возвращайся в свое селение, о Рата! Мы сами сделаем тебе лодку!

Рата послушался жителей леса и ушел. А те немедленно принялись за работу. Их было так много, и они работали так дружно, что вскоре лодка была готова. Рата и его люди, не теряя времени, перетащили ее из лесу к берегу моря и столкнули на воду. Лодке дали имя Ривару²⁷.

И вот Рата и отряд воинов разместились в лодке и отплыли к земле своих врагов понатури. В сумерках они уже были возле вражеского селения. Рата высадился на сушу один, оставив всех воинов в лодке. Пробираясь вдоль берега, Рата заметил огонь костра. Это было святилище людей понатури. Там они обращались к своим богам и приносили им жертвы. Рата подполз близко к костру и спрятался за кустами хара-

кеке. С другой стороны этих кустов жрецы понатури совершали обряд. Они повторяли свое тайное и очень сильное заклинание, которое называлось титикура, В руках жрецы держали человеческие кости и стучали ими. Это и были кости Вахие-роа, отца Раты.

Рата внимательно слушал заклинание, пока не запомнил его. Только тогда, когда он понял, что выучил заклинание наизусть, Рата выскочил из засады и бросился на жрецов. Застигнутые врасплох, они не могли сообразить, откуда враги и сколько их, и почти не сопротивлялись. В один миг Рата перебил всех жрецов понатури. Затем он схватил кости своего отца Вахие-роа и поспешил к лодке. И вот Рата вскочил в лодку, а воины налегли на весла, торопясь как можно скорее достигнуть своего укрепленного селения²⁸.

Утром несколько человек из племени понатури подошли к святилищу и увидели, что все их жрецы убиты. Понатури немедленно бросились в погоню за Ратой. Их было много — тысяча воинов. Вскоре они подступили к селению Раты. Завязался бой, и понатури начали побеждать. Уже шестьдесят воинов Раты было убито. Тут Рата вспомнил то, что он подслушал у святилища понатури. И он произнес заклинание титикура. Это было очень сильное заклинание, такое сильное, что убитые соплеменники Раты сразу ожили и снова ринулись в бой. Рата и его воины перебили всех нападающих понатури, всю тысячу воинов.

233. Два колдуна

В одном селении на берегу реки Ваикато жил знаменитый колдун Кики. У жителей этой долины до сих пор есть поговорка: «Колдовство Кики иссушает деревья». Так говорят вот почему. Кики обладал очень большой колдовской силой²⁹. Он никогда не выходил из дому при солнечном свете. Если его тень падала на то место, которое не было защищено от его колдовства, оно сразу же становилось табу³⁰ и все растения там засыхали.

Да, Кики был могучим колдуном. Иногда в селение приглашали каких-нибудь людей, которые проплывали мимо по

реке. Кики оставался дома, ему не нужно было беспокоиться и выходить. Он лишь открывал дверь своего дома, и пришельцы каменели и умирали. Если же лодка проплывала не оставаясь, Кики открывал ставни своего дома — и сидящие в лодке люди умирали.

Со временем слава этого колдуна разнеслась по всей стране. Наконец о нем услышал Тамуре, вождь из Каухиа. Он задумал отправиться к Кики и потягаться с ним, кто из них сильнее в колдовстве. Тамуре стал выбирать для этого самое подходящее время.

И вот это время наступило. В сопровождении двух воинов и своей юной дочери Тамуре отправился в путь. Они вышли из Каухиа, перевалили горный хребет и спустились в долину реки Ваипа, которая впадает в Ваикато. Там они сели в лодку и по реке спустились к селению, где жил Кики. Они так осторожно подошли к самому селению, что никто их не заметил. Тамуре был не только искусным колдуном, но и очень хитрым человеком. Поэтому, пока они еще плыли в лодке, Тамуре произносил заклинания мата-тафито, чтобы на него не действовало никакое колдовство. Он также повторял и другие заклинания, чтобы отвести заклинания врага, защититься от колдовства, собрать вокруг себя добрых духов и отогнать злых. Когда Тамуре закончил все эти приготовления, путники причалили лодку и вытащили ее на берег.

Вскоре Кики послал им приглашение быть гостями в селении. Тамуре и его спутники поднялись в селение, пришли на мараэ³¹ и сели на землю. Местные жители развели огонь в заколдованной печи и стали готовить для них угощение. Кики сидел в своем доме, а Тамуре — на земле, как раз перед его дверью. Тамуре воспользовался случаем и произнес заклинания, чтобы заколдовать порог дома. Если бы Кики переступил порог, он был бы околдован. Но вот еда была готова и ее разложили на чистых циновках. Старый колдун вышел из своего дома и предложил Тамуре разделить с ним трапезу. Он хотел, чтобы гость съел заколдованную пищу и погиб. Но Тамуре сказал, что его дочь очень голодна и пусть ест она. Девушка начала есть, а отец в это время повторял заклинания мата-тафито, вакангунгу и перепаре против заколдованной пищи. И девушка тоже произносила про себя эти заклинания. Когда же она протягивала руку и брала кумару³² или еще что-

нибуть, она бóльшую часть куска роняла и прикрывала одеждой, а съедала совсем немного. Старый колдун решил, что сейчас Тамуре начнет есть заколдованную пищу и погибнет. И Кики пошел к себе в дом. Тамуре по-прежнему сидел напротив его двери. Раньше он уже заколдовал порог, а сейчас он наслал заклинания на дверь дома Кики. И теперь старый колдун уж никак не смог бы благополучно выйти из дома. Наконец дочь Тамуре кончила есть, но ни ее отец, ни остальные двое есть не стали.

Затем Тамуре велел своим людям спустить лодку на воду, все они сели в нее и поплыли. Как только они покинули селение, Кики стало плохо. А Тамуре и его спутники гребли изо всех сил. Вскоре показалось другое селение, и на берегу возле него было много людей. Тамуре обратился к ним с просьбой:

— Если следом за нами придет лодка и люди в этой лодке спросят вас: «Вы не видели лодки, проходившей вверх по течению?» — отвечайте: «Да, видели». А если они спросят вас: «Как далеко она ушла?» — будьте добры, ответьте: «О, она уже очень далеко!»

И Тамуре со своими спутниками поспешили дальше.

Тем временем старому колдуну стало совсем плохо. И он и его люди поняли, что его заколдовал Тамуре. Тогда несколько воинов вскочили в лодку и бросились вдогонку за Тамуре. Они добрались до селения, возле которого на берегу было много людей, и стали спрашивать:

— Далеко ли ушла лодка, проходившая вверх по течению? Им отвечали:

— О, она ушла очень далеко.

Услышав это, воины прекратили погоню и повернули обратно. А вскоре Кики умер.

Потомки Кики дожили до наших дней. Один из них, по имени Моахи, умер недавно³³ в Тау-ранга-а-рури. Другой, Те Маиоха, и сейчас живет в долине реки Ваипа. Да, еще живы потомки Кики, чья тень иссушала деревья. Это был действительно великий колдун. Он одолевал всех других колдунов, пока наконец не встретил Тамуре и не был им побежден.

Живы еще и потомки Тамуре. Среди них — Маху и Киаке из племени нгати-мариу. Оба они сильные колдуны. Ведь если кто-нибудь, искусный в колдовстве, умирает, он передает свои заклинания детям, и они тоже становятся хорошими колдунами.

234. Как Те Канева встретил духов

В долине Ваикато жил вождь по имени Те Канева. Однажды ему довелось встретиться с целой толпой духов.

В тот день Те Канева отправился охотиться с собаками на киви. Ночь застала его на вершине холма Пуки-море, и спутники вождя разожгли костер. Они расположились на ночевку под громадным деревом. Там было очень удобно — из земли выступали толстые корни, и люди улеглись между ними. Рядом горел костер.

Вдруг из темноты слышались голоса; казалось, что идут люди. Можно было разобрать голоса мужчин, женщин и детей — как будто шла целая толпа. Охотники долго вглядывались в темноту, но ничего не увидели. Наконец Те Канева догадался, что это духи. Его люди сильно испугались и хотели бежать, но бежать было некуда: кругом ночь, темень, а они находились на вершине холма в самой середине леса.

А голоса звучали все громче и явственней, как будто духи подходили все ближе и ближе. Наконец они подошли совсем близко к костру. Вождь и его люди были еле живы от страха. А духи хотели посмотреть на Те Каневу, который, надо сказать, был очень красив. Духи с любопытством смотрели на него из-за корней дерева, между которыми лежали охотники. Когда огонь разгорался, духи отступали и прятались, выглядывая из-за пней и древесных стволов, когда же огонь слабел, они подходили поближе. При этом духи весело распевали песню:

Ты взбираешься на гору Тиранги,
Ты идешь в гости к красивому вождю
Племени нгапухи⁴⁴.

Перепуганный Те Канева подумал, что, если он отдаст духам свои драгоценности, они пощадят его и уйдут. На шее у вождя висел маленький нефрит с превосходной резьбой. Он снял его и вынул из уха резную нефритовую серьгу. Затем Те Канева снял с себя бусы, нефритовую подвеску, украшение из акульих зубов и протянул все это духам. Множество духов сидело вокруг, и, думая, что так будет лучше, вождь взял палку, повесил на нее украшения и воткнул палку в землю.

Но духи и не собирались бросаться на людей, им хотелось лишь посмотреть на них. Когда духи кончили петь, они взяли тени драгоценностей и стали передавать их друг другу. Внезапно все они исчезли, не оставив никакого следа. Духи забрали с собой тени всех украшений, а самих вещей не тронули. Видно, духам было вполне достаточно одних теней. Кроме того, они увидели, что Те Канева — доброжелательный человек. Правда, как только рассвело, вождь поспешил как можно скорее уйти с этого места и даже забыл про охоту на киви.

Духи — многочисленный народ. Они веселые, говорливые, любят петь. На вид они такие же, как люди, очень похожи на пакеха³⁵. У духов белокурые волосы, очень светлая кожа. На маори они не похожи.

Те Канева умер задолго до того, как пакеха появились на земле Аотеароа³⁶.

235. Как Кае похитил кита

Когда Хинаури, жена Тинирау, родила Тухурухуру, Тинирау понадобилось найти искусного колдуна. Нужно было произнести над мальчиком заклинания, чтобы со временем он стал непобедимым воином. И вот колдун, которого звали Кае, прибыл в селение, где жил Тинирау. Као совершил над мальчиком подобающие обряды и произнес заклинания.

Когда с этим было покончено, Тинирау подозвал к берегу своего любимца, ручного кита по имени Тутунуи. На зов хозяина кит выплыл из моря, и Тинирау отрезал от него кусок мяса. Мясо приготовили и угостили старого колдуна. Китовое мясо очень понравилось Кае, и он наелся до отвала.

Затем Кае сказал, что ему пора возвращаться в свое селение Те Тихи-о-Маноно. Тинирау распорядился подать для него лодку, но колдун извинился, сказав, что не хочет плыть в лодке, и не стал в нее садиться. На самом деле Кае хотел получить от Тинирау разрешение поехать на его ките. Колдун знал теперь, как вкусно китовое мясо.

В конце концов Тинирау согласился дать гостю на время своего кита. При этом Тинирау предупредил колдуна:

— Когда вы подплывете близко к берегу и кит станет за-

девать за дно, он даст знать об этом — начнет трястись. Тогда ты сразу же должен соскочить с него, притом вправо.

Тинирау попрощался с Кае, и колдун уплыл на ките.

Когда они подплыли к берегу возле селения, где жил Кае, кит начал задевать за дно и затрясся, давая знак, что пора слезать. Но старый колдун ударил кита и со всей силой стал прижимать его ко дну. Тутунуи пытался вырваться, но тщетно — Кае крепко держал его. В конце концов в дыхала кита попал песок, и он погиб.

Кае и подоспевшие люди его племени вытащили тушу кита на берег. Они разрезали громадную рыбу³⁷, завернули куски мяса в хрупкие листья коромико и положили в земляные печи³⁸. В тот день листья коромико насквозь пропитались китовым жиром. И до сих пор у этого растения жирные листья. Это легко увидеть — стоит только подержать ветку над огнем. Поэтому и говорят, что у листьев коромико привкус Тутунуи.

А Тинирау с тревогой ожидал возвращения Тутунуи. Время шло, а Тинирау все повторял:

— Удивляюсь, где это мог задержаться мой кит!

Но когда Кае и его соплеменники стали готовить китовое мясо, вкусный запах перелетел через море и его почувствовали Тинирау и Хинаури. Они поняли, что колдун пожирает кита, которого они приручили для маленького Тухурухуру.

Не мешкая люди Тинирау столкнули на воду большую лодку одной из его жен. В лодку село сорок женщин. В лодку сели одни женщины, чтобы Кае ничего не заподозрил. В этой лодке были Хине-и-те-иваива, Раукатаури, Раукатамеа, Ити-ити, Рекарека, Ра-хау-о-Тангарои и другие знатные женщины, имена которых не сохранились. Перед отплытием самая младшая сестра Тинирау спросила его:

— По каким приметам можно узнать Кае?

— Его узнать легко, — ответил Тинирау, — у него кривые зубы, они заходят один за другой.

Женщины отплыли и добрались до селения, где жил Кае. Все его племя собралось посмотреть на гостей. Вечером, когда стемнело, в доме колдуна разожгли яркий огонь, и все собрались там. С одной стороны сели гости, с другой — соплеменники Кае. Сам колдун сидел у большого столба в середине дома. Рядом лежали циновки, на которых колдун спал.

Но гости еще не знали, кто здесь Кае. Чтобы узнать это, они стали потешать хозяев всякими шутками: ведь люди нач-

нут смеяться, и тогда можно будет увидеть их зубы. Женщины старались вовсю, они затеяли песни, игры и танцы. Но тот мужчина, про которого они думали, что это Кае, ни разу не засмеялся.

Еще когда женщины плыли по морю, они обдумывали, как им рассмешить колдуна, и решили спеть очень забавную песенку. И вот теперь они ее запели, а сами при этом стали корчить рожи и потешно размахивать руками.

Когда они кончили, старый колдун не мог удержаться от смеха. И женщины сразу поняли, что это — Кае: в зубах у него еще торчали остатки мяса Тутунуи, а зубы были кривые и заходили один за другой.

С тех пор, когда один человек засмеется, услышав рассказ другого, кто-нибудь обязательно скажет: «Вот так смеялся Кае».

Как только женщины из племени Тинирау заметили в зубах Кае остатки мяса Тутунуи, они попросили притушить огонь, говоря, что хотят лечь спать. На самом же деле они собрались колдовать, но так, чтобы никто не заметил. Однако старый колдун что-то заподозрил. Поэтому он положил себе на веки кусочки блестящей раковины — при слабом свете гостям должно было казаться, что это блестят белки его глаз и, значит, Кае не спит.

Но все-таки женщины начали колдовать, и вскоре все люди из племени Кае погрузились в глубокий сон. Женщины задумали похитить старого колдуна. И вот они выстроились по две в ряд, который протянулся от дома до их лодки. Две женщины осторожно подняли Кае, закутанного в плащ, и передали его тем, что находились у двери. Те передали его следующим, и так Кае донесли до лодки, где две женщины стояли наготове. Это были Хине-и-те-иваива и Раукатаури. Они осторожно уложили спящего колдуна в лодку.

Затем женщины отплыли от берега, достигли своего селения и перенесли Кае в дом Тинирау. Там они уложили колдуна возле большого столба, поддерживающего среднюю балку. На таком же точно месте Кае спал у себя дома. Только его дом был круглый, без средней балки, а от столба, стоящего в середине дома, отходили стропила к боковым стойкам в стенах. А дом Тинирау был вытянутый. Во всю его длину протягивалась средняя балка, которая опиралась на столб, стоящий в середине дома.

Когда Тинирау сообщили, что колдуна привезли, он сказал своим соплеменникам:

— Утром я подойду к дому, а вы все громко кричите: «Сюда идет Тинирау! Сюда идет Тинирау!» Пусть Кае думает, что он у себя дома, а я пришел в его селение.

И вот наступило утро и стало совсем светло. Тинирау направился к своему дому, и люди стали громко кричать: «Сюда идет Тинирау! Сюда идет Тинирау!» Кае услышал крики и стал просыпаться, а Тинирау подошел и сел у входа в дом. Увидев колдуна, Тинирау сказал:

— Привет тебе, Кае!

И еще он спросил:

— Как ты попал сюда?

— Нет, как это ты попал сюда? — удивился старый колдун.

Тогда Тинирау сказал:

— Посмотри, что это за дом. Узнаешь ли ты его?

Но Кае со сна еще плохо соображал и видел только, что он лежит, как всегда, у большого столба. Поэтому он воскликнул:

— Это мой дом!

— А где в твоём доме окно? — спросил Тинирау.

Кае вздрогнул и осмотрелся — весь вид дома переменился. Колдун увидел, что он в доме Тинирау, понял, что это конец, и низко опустил голову. Люди ворвались в дом, вытащили Кае и убили его.

236. Как был убит и отомщен Туфакараро

У Хинаури, сестры Рупе, был сын Тухурухуру. Когда он вырос, его женой стала Апакура. У них родился сын, которого называли Туфакараро, а потом дочь Маиратеа. Затем Апакура родила еще нескольких детей. Последними у нее были Факатау-потики и Реи-матуа.

Когда Маиратеа выросла, она вышла замуж за сына Попорокева, вождя из племени ати-хапай, и ушла жить к мужу. Туфакараро очень скучал по сестре и наконец решил ее проведать. Он отправился в путь и пришел в землю племени

ати-хапаи. Маиратеа вместе со всей семьей своего свекра Попорокева и его слугами жила в большом доме, который назывался Уру-о-Маноно. Там и остановился Туфакараро. Случилось так, что ему понравилась юная Мауреа, сестра Попорокева. Девушке пришелец тоже понравился, хотя до этого она оказывала внимание одному юноше из своего племени.

Однажды юноши ати-хапаи предложили Туфакараро бороться, и тот согласился. Состязаться с ним вышел тот самый юноша, который был возлюбленным Мауреа. Началась борьба. Туфакараро схватил противника и кинул его на землю. Тот вскочил, и они снова начали бороться. Наконец Туфакараро поднял соперника и с силой швырнул его на землю. Когда побежденный поднялся и сел, у него был такой смешной вид, что все его товарищи стали смеяться. Посрамленный юноша страшно рассердился.

А Туфакараро решил, что борьба окончена, и начал одеваться. Пока он просовывал голову в разрез плаща, побежденный юноша вскочил на ноги. А когда голова Туфакараро показалась из складок одежды, противник швырнул ему в глаза горсть песка. Туфакараро стал протирать глаза, а в это время соперник ударил его по голове и убил.

Прибежали люди ати-хапаи и разрезали на куски тело Туфакараро. Потом они его съели, а кости подвесили под крышу своего дома Уру-о-Маноно.

Кости висели под крышей и стукались одна об другую, а сестре убитого слышалось: «Таупароро, Таупароро». И она взглянула на кости и сказала:

— Вы напрасно стучите, кости того, кто был съеден людьми ати-хапаи! Здесь нет никого, кто мог бы оплакать этого человека и отомстить за него.

А потом недобрая весть об убийстве Туфакараро дошла до Факатау-потики и других его братьев. Все они очень сильно горевали, и Факатау-потики твердо решил отомстить людям ати-хапаи. Соплеменники одобрили его намерение и немедленно начали строить лодки.

Они назвали лодки Тапатапахукарере, Тороа-и-таипакихи, Хакирере, Махуну-аватеа. И всем другим лодкам они тоже дали названия. Когда братья кончили связывать верхние настилы на лодках, пришла Апакура со своими служанками. Женщины стали готовить припасы воинам на дорогу. И пока женщины толкли корни арухе, съедобного папоротника, они

неустанно повторяли плач по Туфакараро, чтобы воодушевить мстителей на бой.

И вот Факатау-потики и все остальные воины сели в лодки. Тысяча лодок вышла в открытое море. Затем воины высадились на берегу по пути к земле племени ати-хапай. Им надо было осмотреться и подготовиться к бою. Сначала Факатау разделил их на отряды. После военной пляски³⁹ один из отрядов бросился на воображаемого противника. Пока они изображали сражение, воины другого отряда с боевым кличем ринулись им на подмогу. Первый отряд отступил, чтобы перестроиться, а второй отряд продолжал бой с воображаемым врагом.

Потом воины одного отряда подбежали к ручью и попытались перепрыгнуть через него, но не смогли. А те воины, во главе которых стоял сам Факатау, смотрели на них. Затем воины Факатау поднялись, подбежали к ручью и, как один, с легкостью перепрыгнули через него.

Когда подготовка к бою была закончена, Факатау обратился к воинам с такими словами:

— Воины, слушайте меня! Нам нельзя выступать, пока не стемнеет, иначе враг нас заметит и нам не удастся напасть на него врасплох.

Как только стемнело, Факатау приказал воинам своего отряда потихоньку продырявить все лодки, кроме тех, на которых приплыли они сами. Воины сделали так, как он велел.

Затем Факатау обратился ко всем отрядам.

— Воины! Уже стемнело, пора садиться в лодки!

Воины поспешили столкнуть лодки на воду и стали в них садиться. Вскоре все лодки были уже на плаву. Но вдруг одна за другой они начали тонуть. Почти все воины вынуждены были вернуться на берег и чинить лодки, лишь отборный отряд во главе с Факатау продолжал путь. И вот мстители подплыли близко к тому месту, где стоял Уру-о-Маноно, дом их врагов. Воины высадились и бесшумно окружили дом. У каждой из его восьми дверей они оставили в засаде по несколько человек. Неподалеку от дома Факатау схватил одного из людей ати-хапай. Этого человека звали Хиои. Факатау спросил его:

— Где сейчас моя сестра?

— В доме,— ответил Хиои.
— В каком месте спит Попорокева?
— У большого столба, который поддерживает среднюю балку.

— Какие приметы у Попорокевы?
— У него сломан один зуб.
— А в каком месте дома спит моя сестра?
— Возле вот этой двери,— ответил Хиои.

Факатау не стал ничего больше спрашивать и отрезал пленнику язык. Затем Факатау заставил его говорить, и оказалось, что речь Хиои еще можно разобрать, хотя большая часть его языка была отрезана. Тогда Факатау отрезал ему весь язык до самого конца. Теперь Хиои мог издавать только нечленораздельные звуки. Факатау послал его в дом и велел вывести свою сестру.

Хиои вошел в дом. Люди ати-хапаи заговорили с ним, но Хиои не мог произнести ни одного слова. Обитатели Уру-о-Маноно очень удивились и стали думать, отчего бы это могло быть.

Но сестра Факатау сразу же догадалась, в чем дело. Она немедленно выскочила из дому и увидела Факатау. Брат и сестра заплакали — и оттого, что обрадовались встрече, и оттого, что вспомнили убитого Туфакарао.

Затем Факатау спросил сестру:

— В каком месте спит Попорокева?
— У большого столба, который поддерживает среднюю балку,— ответила сестра. И затем добавила:
— Брат, многие из людей ати-хапаи видели тебя раньше. Они сразу узнают тебя.

— Что же ты посоветуешь мне сделать?

— Обрежь коротко волосы, и ты станешь неузнаваем.

Факатау согласился, и сестра коротко обрезала ему волосы. Кроме того, она натерла лицо брата углем. Затем Факатау вместе с сестрой вошел в дом.

В это время огонь горел слабо, и люди ати-хапаи стали говорить:

— Подбавьте огня — здесь чужой!

Огонь сделали ярким, все посмотрели на Факатау-потики и стали смеяться:

— Ну и черномазый!

Даже вождь Попорокева рассмеялся, и Факатау сразу же узнал его по сломанному зубу.

Факатау взял с собой в дом прочную веревку с петлей на конце. И как только Факатау узнал, кто здесь Попорокева, он набросил ему на шею петлю и затянул ее. А затем Факатау и его сестра бросились прочь из дома. Факатау влез на крышу, не выпуская из рук веревки, и там привязал ее. При этом Факатау произнес сильное заклинание.

А воины Факатау выскочили из засады и подожгли дом сразу со всех сторон. Тех, кто пытался выбежать наружу, они убивали. Так они сожгли Уру-о-Маноно со всеми его обитателями.

А затем воины отправились в обратный путь и принесли добрую весть Апакуре, матери Туфакаро.

237. Такаранги и Рау-махора

Несколько поколений назад жил Ранги-те-рунги, вождь племени таранаки. Его селение называлось Вакарева. Это было большое, хорошо укрепленное па. У вождя была дочь, красавица Рау-махора. Весть о ее красоте разнеслась по всей стране. Дошла она и до Те-Ранги-апити-руа, вождя племени нгати-ава. Он жил в селении Пуке-арики, и был у него сын Такаранги, отважный и прославленный воин. Такаранги тоже прослышал о красоте Рау-махоры и часто думал о ней.

И вот между племенами таранаки и нгати-ава началась война. Воины нгати-ава подступили к Вакарева и окружили селение. Взять его силой не удалось, и началась долгая осада. Через некоторое время осажденные начали страдать от голода и от жажды. Многие из них были уже близки к смерти.

Однажды вождь Ранги-те-рунги поднялся на земляной вал, окружающий селение, и крикнул врагам:

— Умоляю вас — дайте хоть глоток воды!

Некоторые воины нгати-ава пожалели старика. Один из них сбегал к источнику и наполнил калебасу водой. Но остальные воины — а их было большинство! — не позволили своему товарищу передать воду и разбили калебасу у него в руках. Старый вождь не получил ни капли воды. Так повторилось

несколько раз. Осаждавшие спорили между собой, давать или не давать воду старику вождю. А тот стоял на земляном валу и ждал. Наконец он заметил предводителя вражеских воинов. Его отличали длинные белые перья голубя в волосах, а также длинный белый гребень из китовой кости.

— Скажи, кто ты? — крикнул ему Ранги-те-рунги.

— Это Такаранги, — ответили за своего предводителя воины нгати-ава.

Тогда старый вождь обратился к Такаранги с такими словами:

— Скажи, юный воин, можешь ли ты успокоить могучие волны, которые бушуют над подводными скалами О-ронго-май-та-Купе?

Это значило: «Хоть ты и вождь, но сможешь ли ты сдержать своих свирепых воинов?»

Такаранги ответил заносчиво:

— Бурные волны смирятся, ни одна собака не осмелится укусить меня за руку!

Это значило, что простые воины не посмеют перечить ему, вождю.

А про себя Такаранги думал так: «Этот умирающий старик — отец красавицы Рау-махора. Ох, как будет жалко, если она погибнет от жажды!»

Такаранги поднялся и медленно пошел к источнику. У родника Оринги он наполнил калобасу чистой холодной водой. Суровые воины опустили оружие, никто из них не сказал ни слова, никто из них не двинулся. С удивлением смотрели они на своего вождя. Бурное море успокоилось. Такаранги передал калобасу старому вождю и сказал:

— Я ведь говорил, что ни одна собака не осмелится укусить мою руку. Вот вода — тебе и твоей юной дочери.

Ранги-те-рунги и Рау-махора стали пить воду, а Такаранги с восхищением смотрел на девушку. И она тоже не могла отвести глаз от молодого вождя. Долго они стояли и смотрели друг на друга. И все воины нгати-ава смотрели на них.

Вдруг Такаранги взобрался на вал и сел рядом с красавицей. А его воины стали говорить:

— Смотри-ка, нашему вождю нравится война, но Рау-махора, кажется, еще больше!

И тут внезапная мысль пришла в голову старому вождю, и он спросил свою дочь:

— Дитя мое, а ты бы хотела, чтобы этот юный вождь стал твоим мужем?

— Он мне нравится,— ответила Рау-махора.

Ранги-те-рунги немедленно объявил, что отдает свою дочь в жены Такаранги. Война сразу же окончилась, и воины нгати-ава разошлись по домам. С тех пор племена таранаки и нгати-ава никогда больше не воевали друг с другом.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОСНОВНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

МЕЛАНЕЗИЯ

Западный Ириан

¹ Справочный материал о приводимых в тексте географических объектах см. в Словаре географических названий, помещенном на стр. 642—653.

² Маринд-аним — группа папуасоязычных племен в южной части Западного Ириана. Все племена этой группы говорят на диалектах одного и того же языка (маринд) и имеют сходную культуру. По уровню хозяйственного и культурного развития это одна из самых отсталых групп папуасов.

³ Дема — понятие, весьма часто встречающееся в мифологических сюжетах маринд-аним. В более широком смысле означает все необычное, сверхъестественное. В более узком значении — это зоо-антропоморфные тотемические предки, от которых, в частности, ведут свое происхождение люди. Маринд-аним приписывают демам создание всех животных, растений, предметов материальной культуры. Считается, что демо могут оборачиваться людьми, животными и т. д.

⁴ Коленца бамбуковых стеблей отделены друг от друга перегородками и представляют собой герметические камеры, внутри которых заключен воздух. При нагревании бамбука воздух расширяется и каждое коленце раскалывается с сильным треском.

⁵ В этой части сказания в мифологической форме отражена подлинная этническая история маринд-аним, которые, очевидно, пришли с востока. Прежняя территория расселения маринд-аним находилась, вероятно, в районе залива Папуа.

⁶ Здесь сказание сильно искажает истинную картину заселения южной части Западного Ириана. Судя по данным научных исследований, все перечисленные племена обитали на юге Западного Ириана задолго до прихода маринд-аним. Канум живут сейчас к юго-востоку от Мерауке, и их этническая территория вплотную примыкает к району расселения маринд-аним. Граничат с маринд-аним и йе-нан, заселяющие верхнюю часть междуречья Маро и Кумбе. Куркари живут несколько поодаль от маринд-аним, на границе с Папуа.

⁷ По мнению Г. Невермана, подозрение в занятиях колдовством, падающее на куркари, связано с тем, что самоназвание этого племени созвучно с местным названием цикасовой пальмы (кукари), обладающей, как думают маринд-аним, волшебной силой.

⁸ Правобережье р. Дигул представляет собой сильно заболоченный район, густо заросший мангровыми лесами и совершенно лишенный населения. Возможно, что отсутствие населения на столь значительной территории и породило у маринд-аним представление о том, что эта страна является обиталищем душ умерших.

⁹ Как указывает Г. Неверман, с этим поверьем связан обычай, запрещающий в течение одного года после смерти человека брать что-либо с его огорода.

¹⁰ В а т и — местное название перечного растения *Piper methysticum*, идущего на изготовление опьяняющего напитка. При приготовлении этого напитка (также называемого вати) стебли и листья растения разжевывают и сплевывают в какой-нибудь сосуд. У многих народов Океании это растение и приготовляемый из него напиток известны под названием кава.

¹¹ Барабан маринд-аним напоминает по своей форме песочные часы.

¹² Подробности о приводимых в тексте животных и растениях см. в Словаре зоологических и ботанических названий, помещенном в конце сборника.

¹³ Нанесение мелких ран и кровопускание — один из способов врачевания, применяемый маринд-аним.

¹⁴ Постройки термитов достигают иногда 2 м и более и отличаются большой прочностью.

¹⁵ П а л и ц а — оружие рукопашного боя, широко распространенное в Меланезии. Чаще всего изготавливается из твердой пальмовой древесины. Нередко имеет каменное навершие.

¹⁶ Б у т и — местный несладкий сорт банана, употребляемый в пищу в вареном виде.

¹⁷ Речь идет о половых извращениях, распространенных среди части молодых людей маринд-аним и связанных, очевидно, с практикуемой у этой группы племен строгой изоляцией юношей, воспитываемых в мужских домах и не допускаемых к девушкам.

¹⁸ Настил для крыши в Меланезии, и в частности на Новой Гвинее, обычно делается из пальмовых или других листьев.

¹⁹ А х э — приветственное обращение на языке маринд-аним.

²⁰ В Меланезии расчистка участка от леса выполняется мужчинами, обработка земли — как мужчинами, так и женщинами, а посадка, пропалывание и сбор урожая — только женщинами.

²¹ И м о — не существующая в настоящее время деревня, название которой часто встречается в сказаниях маринд-аним. На языках племен ябга и маклеуга, живущих к северо-западу от маринд-аним, «имо» — это лодка-однодеревка. Наименование этой легендарной деревни можно также сопоставить с названием западной части этнической территории маринд-аним — Има.

²² Как в первом случае (утренняя звезда), так и во втором (вечерняя звезда) речь идет о планете Венере (папуасы, конечно, не отличали планет от звезд). Как известно, Венера при удалении к западу (западная элонгация) бывает видна утром, при удалении к востоку (восточная элонгация) — вечером.

²³ Очевидно, имеют в виду кометы.

²⁴ Возможно, что йе-аним — второй вариант названия для йе-нан (см. прим. 6 к данному разделу).

²⁵ Речь идет о юношах, принадлежащих к возрастному классу эвати,

который образуют неженатые молодые люди. Наряд этого возрастного класса очень сложен и содержит большое количество разнообразных украшений. С достижением следующего возрастного класса наряд несколько упрощается (наибольшее внимание уделяется теперь прическе).

²⁶ Население этих трех деревень представляет собой особую локальную группу маринд-аним, отличающуюся некоторыми диалектными и культурными особенностями.

²⁷ Свиньи, собаки, а также куры — единственные домашние животные папуасов.

²⁸ У маринд-аним имеются лишь два термина, специально обозначающие числа — «один» и «два». Правда, употребляются еще условные обозначения для пяти («рука») и двадцати («человек»). Все остальные числа образуются повторением указанных терминов.

²⁹ Бурик-аним (может быть, буники?) — племя, которое, по представлениям маринд-аним, живет в Папуа, в районе прежнего расселения маринд-анимских племен.

³⁰ Здесь подразумевается не р. Маро, протекающая в юго-восточной части этнической территории маринд-аним, а теперешняя река Флай в Папуа.

³¹ Орех бетеля — плод арековой пальмы, одна из составных частей бетелевой жвачки (см. прим. 16 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея).

³² Имбасум — копьетапка маринд-аним, имеющая форму топора с крючком. (Копьетапкой называется особое приспособление, увеличивающее размах руки при метании копья. Копьетапка увеличивает в несколько раз длину полета брошенного с ее помощью копья.)

³³ Копье — главное оружие дальнего боя в Меланезии. Лук и стрелы играют в вооружении жителей Меланезии более скромную роль.

³⁴ Култ, практикуемый в союзе Имо и характерный для локальной группы маринд-аним, расселенной в деревнях Сангасе, Алаку и Меву.

³⁵ Яб (самоназвание ябга) — племя, живущее по соседству с маринд-аним, к востоку от протоки Мули. Яб весьма близки к маринд-аним по культуре и имеют сходную с ними мифологию.

³⁶ Вероятно, под именем «болотных людей» подразумеваются пуэраха, живущие в северо-восточной части о-ва Фредерик-Хендрик.

³⁷ Лодка-однодеревка — лодка, сделанная из одного цельного ствола дерева (путем выдалбливания или выжигания середины ствола). Однодеревки — наиболее распространенный тип лодок у папуасов.

³⁸ Бамбуковая трубка — приспособление, часто используемое папуасами при нырянии. Трубка дает ныряльщику возможность в течение длительного времени находиться под водой.

³⁹ По свидетельству Г. Невермана, в связи с неблагоприятными природными условиями на Комоломе казуары на нем не водятся.

⁴⁰ Единственная одежда маринд-анимских женщин — небольшой передник. Передник состоит из узкого пояса, с которого свешиваются волокна из луба, пропускаемые между ног и сзади закрепляемые на поясе.

⁴¹ Аке — местное название растения, принадлежащего к роду *Endiandra* семейства лавровых. Плоды аке маринд-аним используют в качестве жвачки (иногда вместе с бетелем).

⁴² «Водяными яблоками» названы здесь плоды *Eugenia malaccensis* (се-

мейство миртовых), достигающие величины яблока и имеющие водянистую консистенцию. Плоды эти съедобны.

⁴³ Речь идет о корзине, которой пользуются папуасские женщины. В таких корзинах папуаски обычно приносят продукты с огорода.

⁴⁴ Имеются в виду окрашенные в яркие цвета кожные утолщения на шее у казуара.

⁴⁵ Небольшой лук со стрелами — одна из любимейших детских игрушек в Меланезии.

⁴⁶ Дигульцы действительно строят в целях безопасности свои хижины на высоких деревьях и столбах. Следует отметить, что способ постройки домов на столбах или деревьях распространен и среди некоторых других народов мира и вовсе не свидетельствует о примитивности материальной культуры.

⁴⁷ Маринд-аним считают, что имя является частью души. Зная имя, можно победить того, кто это имя носит.

⁴⁸ Как свидетельствует Г. Неверман, маринд-аним внутренних районов употребляют вместо соли золу, получаемую при сжигании молодых листьев саговой пальмы (на побережье в этих же целях используют морскую воду).

Папуа

¹ Киваи — группа папуасоязычных племен, обитающих на острове того же названия, соседних островах и также в районе эстуария р. Флай к югу от него.

² Оборо (или манакаи) — душа умершего человека.

³ Адирри — по поверьям киваи, страна, где обитают души умерших.

⁴ В этом месте р. Флай действительно очень широка, фактически это уже эстуарий реки.

⁵ По представлениям киваи, порядки в стране мертвых сходны с укладом жизни людей.

⁶ Мужской дом — дом, в котором живут у папуасов и меланезийцев молодые неженатые мужчины. Там же собираются и прочие мужчины деревни.

⁷ Согласно Г. Лэндтмену, среди киваи распространено убеждение, что, спасаясь от врагов, человек или животное может сильно уменьшиться в своих размерах и таким образом укрыться от преследователей. Когда опасность минует, прежние размеры восстанавливаются.

⁸ В отличие от маринд-анимских женщин, поясная одежда которых прикрывает только половые органы (см. прим. 40 к разделу Западный Ириан), женщины киваи носят юбки из растительных волокон.

⁹ Манабаба, хирувара — местные названия трав, используемых киваи в разжеванном виде как магические средства.

¹⁰ Лодки папуасов имеют лишь одно весло.

¹¹ Неженатые мужчины — один из возрастных классов киваи.

¹² Хохоме, или варакара, — местное название небольшого дерева, листья которого используются во время церемоний.

¹³ Упоминание о выстрелах ружья является, по-видимому, поздним добавлением к рассказу.

¹⁴ Имеются в виду углубления, которые киваи роют на своих огородах. Между канавами делаются грядки, куда высаживают рассаду.

¹⁵ **Коне** — местное название одного из видов съедобных личинок.

¹⁶ **Уро** — юго-восточный ветер.

¹⁷ **Хурама** — северо-западный ветер.

¹⁸ В английском оригинале — «опоссумы», что неверно, так как на Новой Гвинее водятся не опоссумы, а несколько напоминающие их кукусы.

¹⁹ В английской записи вместо «крокодил» дается «аллигатор», что является ошибкой, так как аллигаторы на Новой Гвинее не водятся.

²⁰ Обычай, связанный, очевидно, с верой в то, что душа умершего человека находится некоторое время поблизости от места, где умер этот человек (ср. с близким обычаем, распространенным среди маринд-аним, о котором говорится в рассказе «Посещение страны мертвых», стр. 50).

²¹ **Таэра** — театрализованный религиозный обряд, практикуемый киваи. Сопровождается танцами.

²² Раковины используют в Меланезии в качестве духового инструмента.

²³ Общество киваи расслоено сравнительно слабо. Правда, у киван имеются вожди, однако власть их невелика.

²⁴ **Пари** — распространенная среди киваи спортивная игра, несколько напоминающая травяной хоккей.

²⁵ **Балансир** (ау тригер) — поплавок из бревна, расположенный параллельно корпусу лодки и скрепленный с ней. Придает лодке большую устойчивость на воде.

²⁶ **Эбихаре** (другое произношение — **бихаре**) — мифическое существо, обитающее, по представлениям киваи, в море и причиняющее вред мореплавателям.

²⁷ См. прим. 2 к данному разделу.

²⁸ **Этерари** (другой вариант произношения — **атераро**) — мифическое животное, имеющее вид крупной ящерицы яркой окраски.

²⁹ **Гамода** — то же, что вати у маринд-аним (см. прим. 10 к разделу Западный Ириан).

³⁰ **Кавеа** — магический обряд, совершаемый киваи. Цель его — достижение успеха в охоте или каком-либо другом предприятии. Обряд заключается в разбрызгивании гамоды или воды и произнесении магических заклинаний.

³¹ Г. Лэндтмен приводит еще две версии этого рассказа.

Версия А. В Анатоги, на другой стороне Мазингары (деревня западнее реки Флай), жили два брата — Саи и Гуни. Однажды ночью, когда Саи, старший брат, охотился в зарослях, он увидел этерари на дереве дани. Он заметил место, воткнув в землю стрелу. На следующий день братья убили этерари. Они разрубили тушу и, вернувшись домой, легли спать, сложив возле себя куски мяса. Во сне братьям явился этерари и сказал, чтобы они оставили свой дом и поселились в Арипаре. Так они и сделали. Мясо они захватили с собой, и ночью им снова явился этерари и обучил их маумо — колдовству с человеческой костью, при помощи которого они смогут убивать людей.

Версия Б. Люди куру, живущие в Джибу, однажды заметили на дереве этерари и убили его. Тушу зверя принесли в дом и разрубили, а потом юноши заснули возле кусков мяса, сваленных в груды. Ночью им явился этерари и каждого из них обучил особому колдовству, чтобы убивать людей. Одного он обучил колдовству при помощи растения сириваре, других — колдовству с костью казуара, или с клыком кабана, или с пером райской птицы.

²³ Мифы об исчезнувших островах, возможно, отражают реально происходившие события, когда в результате движений земной коры отдельные острова погружались в воду.

³³ Речь идет о Торресовом проливе, отделяющем Новую Гвинею от Австралии.

³⁴ Собачьи клыки используются в Меланезии как украшение и как мерило ценности (всеобщий эквивалент).

³⁵ Саговую муку изготавливают из крахмалистой массы, извлекаемой из сердцевины саговой пальмы.

³⁶ Речь идет о сооружении лодки-однодеревки.

³⁷ П а л к а - к о п а л к а — простейшее сельскохозяйственное орудие, представляющее собой заостренную, а иногда и обожженную у острия палку.

Подопечная территория Новая Гвинея

¹ П а п а р а т а в а — меланезийское племя, живущее в северо-восточной части о-ва Новая Британия.

² Имена братьев То Кабинана и То Пурго (или у группы куануа — То Карвуу) можно встретить во многих мифах, бытующих среди разных племен Новой Британии. Иногда То Кабинана и То Пурго выступают в роли демиургов, иногда в качестве культурных героев, иногда как олицетворение солнца и луны. Следует отметить, что широко распространенный миф о братьях-близнецах — создателях или прародителях людей отражает, по мнению ряда ученых, существовавшую в далеком прошлом дуальную организацию общества.

³ Имеется аналогичный миф и про То Кабинану.

⁴ Жители Меланезии широко практикуют как активные, так и пассивные способы охоты (под пассивными способами охоты подразумевается охота с помощью различных ловушек, капканов, силков и т. п.).

⁵ Т о М о р о — второе имя То Пурго.

⁶ Черточки в нижней части кокосового ореха отдаленно напоминают черты лица человека.

⁷ К о к о с о в о е м о л о к о — густая эмульсия сладковатого вкуса, находящаяся внутри кокосового ореха. По внешнему виду напоминает коровье молоко.

⁸ Социальное расслоение среди меланезийцев значительнее, чем среди папуасов.

⁹ Возможно, что под светлокожими людьми подразумеваются полинезийцы, спорадически проникавшие на Новую Британию. Цвет кожи у полинезийцев значительно светлее, чем у меланезийцев.

¹⁰ Среди меланезийцев широко распространены губные и носовые флейты.

¹¹ Т и л а т и л о — местное название тонкостенного вида бамбука.

¹² М а л и п о — местное название одного из видов шеткоязычного попугая (*Loxius goratus*), имеющего красивое оперение. Меланезийцы используют перья этого попугая для изготовления обрядовых головных уборов.

¹³ У меланезийцев и у многих других народов существует обычай хоронить людей в праздничных нарядах.

¹⁴ После этой фразы опущен небольшой кусок текста, где приводятся подробности о половом общении между встретившимися мужчиной и женщиной.

¹⁵ И р и м а — местное название одного из деревьев.

¹⁶ Б е т е л ь — жвачка, широко распространенная в Юго-Восточной Азии и прилегающих районах Океании. Состоит из листа бетеля (см. Словарь зоологических и ботанических названий), в который завернуты кусочек плода арековой пальмы и немного извести (для нейтрализации кислот, содержащихся в бетелевом листе). Как отмечает Клейнтитшен, жевание бетеля является вступительным актом ко всем праздникам меланезийцев. Угощение бетелем служит знаком гостеприимства.

¹⁷ Одним из способов получения извести в Меланезии является выжиг ее из кораллов. Эту работу должны выполнять женщины.

¹⁸ В оригинале сказано более определенно. Там также сообщается о телесных повреждениях, полученных во время общения.

¹⁹ Снизки шлифованных раковин небольшого размера — наиболее распространенный всеобщий эквивалент на островах Меланезии.

²⁰ Большинство меланезийцев, в том числе и живущие на Новой Британии, добывают огонь способом выпаживания (добывающий огонь водит заостренной палочкой вдоль дощечки). Распространены, хотя и менее широко, и другие способы добывания огня.

²¹ Имеется в виду деление на две экзогамные фратрии, т. е. две ячеек племени, внутри которых браки воспрещены.

²² Половые связи с родичами по материнской линии считаются у народов с матрилинейным счетом родства (т. е. счетом родства по линии матери) преступлением.

²³ См. прим. 18 к данному разделу.

²⁴ Близкие по сюжету мифы распространены у многих народов мира. Цель подобных мифов — объяснить деление племени на две экзогамные фратрии.

²⁵ Имеется в виду охрана дома от воров, которая обычно осуществляется стариками или детьми.

²⁶ Понятие «табаран» употребляется жителями Новой Британии в двух значениях. В более широком смысле табараны — это все сверхъестественные существа. Чаще слово «табаран» понимается в своем узком значении, а именно в значении злого духа. Этими злыми духами становится подавляющее большинство людей после своей смерти. Злые духи причиняют, по представлениям островитян, большой вред живым людям. Табараны телесны, они питаются, их можно убить. Обычно они невидимы, но иногда приобретают человеческий облик.

²⁷ Большие камни вулканического происхождения являются, по мнению местных жителей, обиталищем табаранов.

²⁸ Среди жителей Меланезии распространены барабаны двух типов. Барабаны первого типа — это большие стоячие барабаны из ствола дерева с выжженной серединой и продольной щелью (о таком барабане как раз и идет речь в рассказе). Ко второму типу относятся ручные барабаны, имеющие форму песочных часов и обтянутые по концам кожей ящерицы. Барабаны обоих типов являются популярными музыкальными инструментами, причем барабан первого типа служит также средством сигнализации.

²⁹ Речь идет о буре — съедобной траве, которой обычно приправляют мясные блюда.

³⁰ В листья (чаще всего банановые) островитяне заворачивают куски мяса или плоды, предназначенные для печения.

³¹ Камни — неперенный элемент кулинарного дела меланезийцев. Их нагревают докрасна и кладут в земляные печи вокруг завернутых в листья кусков мяса и плодов. Сверху все покрывается листьями и землей. Иногда раскаленные камни заворачивают в листья вместе с кусками мяса и пекут еду без помощи земляной печи.

³² Меланезиец обычно имеет одну жену, однако допускается и многоженство.

³³ Кокосовые орехи наскабливают, чтобы получить размельченную массу, из которой отжимают сок. Сок этот используется для варки пищи.

³⁴ Хижина островитян Новой Британии делится на несколько частей: пожную (т. е. ту, куда направлены ноги при спанье), расположенную слева от входа, головную, расположенную справа, и заднюю, находящуюся как раз напротив входа.

³⁵ Женщины взяли все наиболее ценное, чем владеют меланезийцы: оружие, на изготовление которого уходит много времени, корзины, требующие определенного искусства в их плетении, и перья, служащие одним из основных украшений. Перья обычно подвешиваются в хижине у потолка, поэтому и потребовалось их срезать.

³⁶ М а л ь — местное название брусонции бумажной (см. Словарь).

³⁷ В меланезийских хижинах не бывает дверей в настоящем смысле этого слова. Роль «двери» выполняет свешивающаяся циновка.

³⁸ См. прим. 4 к разделу Западный Ириан.

³⁹ Согласно П. А. Клейнтитшену, То Нгрангаралоко — каяя (могущественный дух), живущий в р. Карават и покровительствующий, как и все каяя, своим родичам.

⁴⁰ Выкуп за убийство широко практиковался среди меланезийцев и спасал виновного от кровной мести со стороны сородичей убитого. Цена выкупа зависела от социального положения убитого. Так, у папаратавы выкуп за убийство знатного человека достигал двухсот снизок раковин.

⁴¹ Обычай усыновления широко распространен среди меланезийцев. Усыновить можно только ребенка, принадлежащего к той же фратрии, что и приемные родители.

⁴² Имеется в виду платок из луба, в котором женщины носят своих маленьких детей.

⁴³ Уже через несколько недель после рождения ребенка меланезийские женщины начинают прикармливать его разжеванной пищей.

⁴⁴ И р о т о — местное название одного из видов деревьев.

⁴⁵ И н г е т (Ингниет) — один из мужских союзов на архипелаге Бисмарка. Мужские тайные союзы, довольно широко распространенные в Меланезии, представляют собой объединения мужчин, ставящие своей целью укрепление позиций своих членов в обществе. Члены союзов делятся на ранги, причем для получения каждого следующего ранга требуется (как и при вступлении в союз) крупный взнос. Союз осуществляет карательные функции в своем районе, его члены занимаются вымогательством имущества у лиц, не состоящих в союзе. Особенно обогащаются вожди союзов, в руки которых попадает большая часть вступительных взносов и других поступлений союза. Генезис мужских союзов не вполне ясен, но некоторые советские исследователи считают, что эти организации возникают в разлагающихся магнархальных обществах как средство ограничения роли жен-

щия. Эти союзы также рассматривают как зародыши государственной власти.

⁴⁶ Помимо жарения пищи на открытом огне и печения в земляных печах меланезийцы иногда также варят пищу в сосудах с водой. Вода доводится в сосуде до кипения путем погружения в нее раскаленных камней.

⁴⁷ Б у т а м ц ы — жители деревни Бутам. Как отмечает П. А. Клейнтитшен, у меланезийцев Новой Британии иногда практикуется продажа на корню части урожая своего огорода. Однако в этом рассказе имеет место не сбор закупленного на корню урожая с чужого поля, а грабительский налет на огород враждебного племени.

⁴⁸ Имеются в виду флейты (см. прим. 10 к этому же разделу).

⁴⁹ Т у т а н а в у р а к и т ы (букв.: вечные люди) — добрые духи, обладающие значительно большим могуществом, чем злые духи — табараны. Хотя эти духи обычно живут вечно, их все же можно убить. Как говорилось в прим. 26 к данному разделу, большинство душ умерших людей превращается, по мнению островитян, в табаранов. В тутанавуракитов же превращаются лишь очень немногие из умерших людей. В отличие от табаранов тутанавуракиты помогают человеку, их колдовские действия часто приносят пользу людям. Папаратава считают, что песни, танцы и колдовство созданы тутанавуракитами.

⁵⁰ Согласно П. А. Клейнтитшену, здесь подразумеваются четыре вида флейт, сделанных из четырех разных пород бамбука.

⁵¹ См. прим. 45 к данному разделу.

⁵² Союз Тубуан (так же, как и союз Иниет) является влиятельным мужским союзом на архипелаге Бисмарка.

⁵³ К а б а н г к е а к е — колдовство, которое, как считают островитяне, дает человеку способность становиться невидимым и незаметно похищать днем чужие вещи.

⁵⁴ К и н а к и н а у — вид колдовства, с помощью которого люди, по мнению меланезийцев, приобретают способность незаметно прокрадываться и воровать чужое имущество в ночное время.

⁵⁵ Речь идет о магическом обряде вызывания дождя.

⁵⁶ Среди островитян Новой Британии распространен обычай одаривать человека, показавшего людям что-то новое.

⁵⁷ В оригинале о каждой из этих новинок говорится отдельно, как и о предыдущих вещах. В русском переводе эти абзацы объединены из чисто стилистических соображений.

⁵⁸ В оригинале говорится о голубе буна. Таково местное название одной из разновидностей оранжевобрюхого плодового голубя (*Ptilinopus iozonus insolitus*).

⁵⁹ Подразумевается, что человек узнал о свечении табаранов во время сна.

⁶⁰ Боясь, что созревшие бананы будут немедленно склеваны птицами, островитяне срывают гроздь недозрелыми и закапывают их в землю, предварительно завернув в банановые же листья.

⁶¹ Словами «Эй, как вас там» переведено меланезийское обращение «То Леи», которое употребляют, когда не могут или не хотят назвать настоящего имени.

⁶² По мнению П. А. Клейнтитшена, тутанавуракит этим намекает на старую дружбу, которая якобы связывает их с хозяином бананов.

⁶³ Совместная трапеза с тутанавуракимом — большая честь для человека, так как она, по воззрениям островитян, дает этому человеку возможность превратиться после смерти в тутанавуракита.

⁶⁴ В отличие от табаранов, питающихся всякой гадостью, тутанавуракиты, по представлениям меланезийцев, едят ту же пищу, что и люди, однако употребляют ее в очень малом количестве.

⁶⁵ К а й и — согласно представлениям островитян, самые могущественные из всех духов, стоящие выше не только табаранов (см. прим. 26 к данному разделу), но и тутанавуракитов (см. прим. 49 к данному разделу); чаще всего появляются перед людьми в облике змеи вальвавир. Обладая большой сверхъестественной силой, кайи представляют опасность для людей, так как в гневе могут наслать различные стихийные бедствия.

⁶⁶ Омут был входом в жилище То Нгарангаралоко — хозяина р. Карават.

⁶⁷ В а л ь в а в и р — местное название аметистового питона.

⁶⁸ Как отмечает П. А. Клейнтитшен, люди, отправляясь на борьбу с кайей, наряжаются так же, как на обрядовые танцы, и раскрашивают свои лица кокосовым маслом, сваренным особым образом.

⁶⁹ П. А. Клейнтитшен указывает, что этот миф отражает некогда реально происшедшее событие — наводнение в долине р. Карават.

⁷⁰ Меланезийцы нередко хоронят своих родичей поблизости от того места, где живут.

⁷¹ См. прим. 61 к данному разделу.

⁷² Имеется в виду расчистка подготовливаемого для огорода участка от растущих на нем деревьев, кустарников, трав. Эту работу могут выполнять только мужчины. Прежде рубка деревьев производилась каменными топорами.

⁷³ Б а м б у к о в ы й т е с а к — широко распространенное среди меланезийцев рубящее орудие.

⁷⁴ Как свидетельствует П. А. Клейнтитшен, такой вопрос задан в связи с тем, что доставка на участок черенков таро считается женской работой, которую никогда не согласится выполнять мужчина.

⁷⁵ Как указывает П. А. Клейнтитшен, Титиморо — это кайя, живущий в пропасти Вунадирир.

⁷⁶ Меланезийские мужчины уделяют достаточно большое внимание своей внешности, во всяком случае значительно большее, чем женщины.

⁷⁷ По П. А. Клейнтитшену, То Лангулангу — великий кайя, властвующий на горе Варцин (северо-восток о-ва Новая Британия); То Линголин-горо — другой, менее могущественный кайя, живущий в местности Кадарок и являющийся людям в образе змеи.

⁷⁸ То Миримир — согласно П. А. Клейнтитшену, кайя, живущий на вулканическом острове, расположенном вблизи Каравиа.

⁷⁹ Воздушные корни некоторых видов пандануса используются для плетения веревок.

⁸⁰ Как отмечает П. А. Клейнтитшен, речь идет здесь о водяном кайе.

⁸¹ Танцы кайя, по представлениям островитян, вызывают землетрясения.

⁸² Как указывает П. А. Клейнтитшен, островитяне причисляют к людям не только обыкновенных людей, но и тутанавуракитов и кайев.

⁸³ У островитян принято дарить на прощание курицу.

Британские Соломоновы острова

¹ Буготу (богота) — этническая и языковая группа на о-ве Санта-Исабель. В настоящее время язык буготу постепенно вытесняет другие языки острова. Лишь на крайнем севере Санта-Исабель сильные позиции продолжает сохранять язык киа.

² Обсидиан (вулканическое стекло) — горная порода, широко распространенная в Меланезии. При раскалывании дает острые края, поэтому употребляется как материал для изготовления режущих орудий.

³ Деревянный или плетеный щит был единственным оборонительным оружием жителей Меланезии.

⁴ Комбили в буквальном переводе означает «вождь-рыба». Возможно, речь идет о ките.

⁵ Табу — запрет совершать какое-либо действие или брать какой-либо предмет, нарушение которого (запрета) должно якобы привести к тяжелому наказанию сверхъестественными силами. Институт табу был очень широко распространен среди океанийских народов.

⁶ Пау — местное название одного из видов растений. Из пау островитяне извлекают краситель.

⁷ Настоящая треска (*Gadus morhua*) в водах тропической зоны Тихого океана не водится. Речь, вероятно, идет об одном из видов отряда трескообразных (*Gadiformes*).

⁸ См. прим. 28 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

⁹ Известь служит в Меланезии составной частью бетелевой жвачки (см. прим. 16 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея).

¹⁰ Тамбуран — по представлениям островитян, злой дух, причиняющий людям всякие несчастья. Однако считается, что тамбуран опасен для человека только когда темно, с рассветом же его чары прекращают свое действие.

¹¹ В немецком тексте ошибка. Лангусты (*Palinurus*) в водах Тихого океана не встречаются. Вероятно, имеются в виду какие-то другие ракообразные.

¹² Дингарин — местное название одного из видов деревьев.

Новые Гебриды

¹ Гена — местное название одного из растений. Это растение обладает свойством собирать влагу.

² Локко — блюдо из растертых бататов.

³ Гамал — новогембридское название мужского дома. См. также прим. 6 к разделу Папуа.

⁴ В оригинале — «индийской смоковницы». Это неточно, так как индийская смоковница (*Ficus bengalensis*) в Океании не встречается. Вероятно, имеется в виду другой вид рода *Ficus*.

⁵ В оригинале — «с мотыгой». Это не совсем верно, так как земледельческим орудием в Меланезии была не мотыга, а палка-копалка.

⁶ Некоторые виды пандануса служат прекрасным материалом для плетения циновок.

⁷ Угорь — частый персонаж океанийской мифологии. По мнению островитян, угорь обладает большой маной и способен оборачиваться человеком.

⁸ С у к в е — могущественный мужской союз на Новых Гебридах и о-вах Банкс. (О мужских союзах см. прим. 45 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.)

⁹ Буквальный перевод имени Дейтари означает: Кровь Тари.

¹⁰ К а в а — опьяняющий напиток, изготавливаемый жителями Полинезии и некоторых островов Меланезии и Микронезии из корней перечного растения *Piper methysticum*. Процесс приготовления кавы заключается в растирании (иногда разжевывании) корня и смачивании измельченной массы (нередко слюной).

¹¹ Некоторые группы меланезийцев практикуют с помощью различных средств искусственное отбеливание своих волос.

¹² На многих из островов архипелага Новых Гебрид наблюдается заметное имущественное расслоение.

¹³ Можно предпологать, что в этой части рассказа сказалось влияние миссионерской деятельности.

¹⁴ См. прим. 2 к данному разделу.

¹⁵ В хижинах меланезийцев нет дверных засовов, и, чтобы плотно припереть дверь, ее нужно привязать.

¹⁶ Г а в и г а — местное наименование «малайской яблони».

¹⁷ См. прим. 22 к разделу Папуа.

¹⁸ Речь идет, вероятно, о сталактите.

¹⁹ Жители островов Меланезии используют для питья воду источников, так как вода в низовьях рек сильно засолена.

²⁰ Кабаны клыки и раковинные украшения весьма ценятся меланезийцами и часто служат мерилом ценности.

²¹ Ароматические масла, добываемые из некоторых растений, используются меланезийцами для натирания тела.

²² Кват — наиболее популярный герой мифов на о-вах Банкс. Как правило, выступает в роли культурного героя, а также веселого и добродушного проказника, обладающего большой чудесной силой (маной). Тем не менее Кват — не бог и не является объектом почитания.

²³ В переводе имена этих братьев Квата означают: Тангаро Лист Крапивы, Тангаро Лист Хлебного Дерева, Тангаро Лист Бамбука и т. п.

²⁴ Вава — устаревшее, ныне не употребляемое название одного из островов Торрес.

²⁵ См. прим. 2 к разделу Британские Соломоновы острова.

²⁶ Имеется в виду о-в Вануа-Лава, на котором, согласно поверьям островитян, жил Кват.

²⁷ В у и — сверхъестественные существа, в которых верят или верили жители о-вов Банкс, а также северной части Новых Гебрид. К в у и относят как бесплотных духов, обитающих обычно в камнях и исчезающих сразу же, если на них посмотреть, так и телесных существ, подобных людям, но обладающих гораздо более сильной маной. Среди телесных вуи, в большинстве своем весьма примитивных существ, выделяются несколько могущественных фигур — культурных героев и демиургов.

²⁸ Имеются в виду сосуды из бамбука.

²⁹ Речь идет о земляной печи, широко распространенной в Океании и отличающейся простотой своего устройства. В земле выкапывают неглубокую яму, стороны которой устилают крупными листьями. В яму опускают мясо или какие-нибудь другие продукты, которые собираются испечь, а во-

круг них кладут раскаленные камни. Все это покрывают листьями и засыпают землей. По истечении определенного времени жаркое готово.

³⁰ Как отмечает Р. Г. Кодрингтон, в другом варианте легенды говорится, что, когда Квасавара падал с неба, женщины от страха закрыли головы руками, а мужчины сложили руки на груди. Поэтому мужчины теперь лысеют, а у женщин выступают груди.

³¹ Имеется в виду лодки-однодеревки (см. прим. 37 к разделу Западный Ириан).

³² Раковинные топоры, т. е. топоры с лопастью из крупной обточенной раковины, широко распространены у меланезийцев.

³³ Судя по всему, имеется в виду краб-разбойник, или пальмовый вор (*Bigus latro*), встречающийся на островах Тихого океана. Питается этот краб кокосовыми орехами.

³⁴ Имеется в виду так называемый таитянский каштан, так как настоящая каштан (*Castanea*) в Океании не растет.

³⁵ В английском источнике допущена неточность. В Океании распространены не летучие лисицы (*Pteropus medius*), а другие виды подотряда крыланов (*Megachiroptera*).

³⁶ Имеется в виду, вероятно, охра.

³⁷ Речь идет о магическом приеме.

³⁸ Очевидно, в английском тексте ошибка, так как в диком состоянии батат неизвестен. Вероятно, здесь речь идет не о батате, а об одном из его сородичей — каком-то другом виде рода *Ipomoea*.

³⁹ Тамате (натмат, нетмет) — по представлениям жителей о-вов Банкс, душа умершего человека.

⁴⁰ В матриархальных обществах дядя по матери обычно помогает племяннику в выборе невесты.

⁴¹ Тамато — местное название одного из видов растений.

⁴² Члены союза Сукве делятся на 18 рангов, причем для получения каждого следующего ранга требуется внести определенную сумму денег.

⁴³ Кворокворолава (кворкворолава, поропоролава) — один из высших рангов (14-й из 18) в союзе Сукве.

⁴⁴ Концовка рассказа дана Р. Г. Кодрингтоном в примечаниях, так как она не была им записана и ее приблизительное содержание воспроизведено по памяти: «Когда муж вернулся, он нашел ребенка плачущим по матери и никак не мог его утешить. Он призвал на помощь всех птиц и других животных, но ничего не смог узнать о своей жене. Тогда он пошел к пауку Мараве, и тот охотно согласился доставить ребенка к матери. Он протянул от земли до неба паутину, посадил мужчину с ребенком к себе на спину и вскоре доставил их живыми и невредимыми на небо. Там в это время был праздник, и паук с отцом ребенка устроились среди зрителей. Мужчины танцевали, двигаясь по кругу под стук барабана, а женщины притоптывали в такт, тоже двигаясь по кругу, только попарно. Каждый раз, когда мать оказывалась рядом, ребенок кричал: «Мама!» Наконец женщина остановилась и спросила: «Кому это кричат „Мама“? Мне?» Тут она увидела своего ребенка и мужа и согласилась вернуться обратно на землю. И паук благополучно доставил всех троих вниз».

⁴⁵ Ро Сом — имя сверхъестественного мифического существа, выступающего в образе женщины и дающего людям богатство. В переводе с языка мота «ро сом» означает «деньги», «богатство».

⁴⁶ По обычаю жителей о-вов Банкс, как и многих других меланезийских народов, живущих матриархальным строем, дядя по матери является наставником и покровителем своего племянника (особенно если у него умерли родители). В частности, дядя по матери должен заботиться о вступлении юноши в мужской союз и продвижении его в этом союзе.

⁴⁷ Авлава (рурвон) — начальная, самая низшая ступень в союзе Сукве. Эта ступень присваивается юношам, только вступающим в союз. При вступлении в Сукве требуется иметь покровителя, который бы оказывал помощь вступающему, вносил бы за него в союз требуемые подарки и взносы. Обычно в этой роли выступает дядя по матери.

⁴⁸ Имеются в виду раковинные деньги.

⁴⁹ В Сукве, как и во многих других мужских союзах, при вступлении в союз, а также при получении каждого следующего ранга нужно устраивать угощение.

⁵⁰ Палако — местное название дерева с белой корой. Палки из палако употребляются для разных магических целей. Плоды палако съедобны.

⁵¹ В источнике, очевидно, ошибка, так как миндаль (*Amygdalus*) на островах Океании не встречается.

⁵² Авирик (аврик, авриг) и кватагиав (кват тагиав) — ранги в союзе Сукве, следующие за авлава.

⁵³ Раве — местное название породы свиней с длинными, закрученными спиралью клыками. Клыки раве весьма ценятся меланезийцами.

⁵⁴ Автагатага (ав-тагатага) и луваиав (луваи-ав) — 4-й и 5-й ранги в союзе Сукве.

⁵⁵ Тамасуриа и таваи-сукве (тавасукве) — 6-й и 7-й ранги в союзе Сукве.

⁵⁶ Тавасуквелав и керепуэ — 8-й и 9-й ранги в союзе Сукве.

⁵⁷ Веметелоа (вометелоа) — весьма высокий ранг (15-й из 18) в союзе Сукве.

⁵⁸ Таквесара — обрядовый танец, практикуемый в союзе Сукве.

⁵⁹ Саваэ — праздник, сопровождающийся песнями.

⁶⁰ Колеколе — праздник, устраиваемый на Новых Гебридах и о-вах Банкс в честь какого-нибудь события, чаще всего в ознаменование получения нового ранга в Сукве. Организуя колеколе, член Сукве повышает свое положение или свой авторитет (если он уже достиг самого высшего ранга) в союзе.

⁶¹ Раздача окружающим материальных ценностей в целях повышения своего общественного положения — распространенный обычай в обществах, стоящих на стадии разложения родового строя. Особенно широко практикуется раздача ценностей у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, где этот обычай носит название потлач. Как правило, подобное щедрое одаривание сородичей или соседей затем с лихвой покрывается обязательными подношениями, которые делаются «щедрому» дарителю.

⁶² Тапанану и нонгпитпит — местные названия двух видов рыб.

⁶³ В английском оригинале допущена ошибка: виноград (*Vitis*) на архипелагах Меланезии не растет.

⁶⁴ Вовоза и весвес — местные сорта таро.

⁶⁵ См. прим. 42 к данному разделу.

⁶⁶ См. прим. 52 к данному разделу.

⁶⁷ См. прим. 54 к данному разделу.

⁶⁸ См. прим. 54 к данному разделу.

⁶⁹ См. прим. 55 к данному разделу.

⁷⁰ См. прим. 55 к данному разделу.

⁷¹ См. прим. 56 к данному разделу.

⁷² Меле, тетуг, лано — 10-й, 11-й и 12-й ранги в союзе Сукве.

⁷³ См. прим. 43 к данному разделу.

⁷⁴ Уэру — местное название птицы рода *Culabeornis*.

⁷⁵ Р. Г. Кодрингтон отмечает, что согласно другому варианту сказки как вычерпывал воду из лодки.

⁷⁶ Тасис и тетере — местные названия двух видов птиц.

⁷⁷ Куатман — местное название вида птиц.

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду малый лори Эдварда, имеющий зеленое оперение.

⁷⁹ Татагорас — местное название одного из видов птиц.

⁸⁰ См. прим. 7 к данному разделу.

⁸¹ Имеется в виду вызывание дождя посредством магических приемов.

⁸² В переводе Молгон означает «Будь хватким», а Молвор — «Будь чистым (пустым)».

⁸³ Р. Г. Кодрингтон утверждает, что сюжет об отъезде Квата, напоминающий библейский рассказ о Ноевом ковчеге, возник на о-вах Банкс самостоятельно, задолго до начала миссионерской деятельности. Он свидетельствует, что еще в конце XIX в. некоторые островитяне верили, что Кват должен вернуться.

⁸⁴ Дилингаув — один из вун (см. прим. 27 к данному разделу) на о-вах Торрес.

⁸⁵ Стрелы в Меланезии чаще всего бывают без наконечников. Однако встречаются также стрелы с деревянными, костяными или обсидиановыми наконечниками.

⁸⁶ Имеются в виду так называемые таитянские каштаны, произрастающие на островах Океании.

⁸⁷ См. прим. 37 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

⁸⁸ См. прим. 4 к данному разделу.

Новая Каледония

¹ См. прим. 37 к разделу Папуа.

² Новокаледонцам, как и аборигенам ряда других островов Меланезии, было известно гончарство.

³ На Новой Каледонии до прихода европейцев была распространена сложная система религиозных верований, одним из элементов которой был культ предков.

⁴ См. прим. 33 к разделу Западный Ириан.

⁵ Дротик — короткое копье.

⁶ Эта сказка построена по образцу классических новокаледонских рассказов о ящерице, только в ней вместо ящерицы фигурирует вождь Тендо. По мнению Ламбера, записавшего данный текст, в нем отражен дух противоборства колонизаторам. Жители побережья, которых олицетворяет вождь Тендо, сотрудничали с французами. Интересно отметить, что как вождь Туо, так и вождь Тендо — исторические личности.

⁷ Речь идет о подпорках, с помощью которых поддерживаются стебли ямса. Отсутствие подпорок на поле вызывает у островитян презрительное отношение к его хозяину, так как свидетельствует о его лени.

⁸ Как отмечает М. Леенхардт, сказка эта рассказывается детям с назидательными целями.

⁹ Па же и вавиви — комические зоо-антропоморфные персонажи новокаледонского фольклора. Па же олицетворяет жадность, чревоугодие, вавиви — воплощение наивности.

¹⁰ Упоминание о динамите является, конечно, поздним нововведением.

¹¹ В более ранних сказках па же погибает, лопааясь от обжорства.

¹² М. Леенхардт указывает, что это один из самых древних мифов Новой Каледонии.

Ф и д ж и

¹ Сь е т у р а (букв.: бегство вождей) — легендарное племя. По преданию, начало этому племени было положено группой вождей, бежавших с крупнейшего фиджийского острова Вити-Леву и обосновавшихся на западе Вануа-Леву.

² На-Улу-Матуа в переводе означает «Старая Голова», «Старейший».

³ Ди Моала (Госпожа Моалы) — знатная женщина с о-ва Моала.

⁴ «Доле ни сала» — приветствие, произносимое при встрече с лицом другого пола.

⁵ У фиджийцев существует обычай обмена подарками при встрече.

⁶ Ди Сере-Тонга (Госпожа Песня Тонги) — первая жена На-Улу-Матуа.

⁷ Между Фиджи, с одной стороны, и западнополинезийскими архипелагами (Тонга, Самоа и др.) — с другой, издавна существовали тесные связи. Например, тонганцы обычно приезжали на Фиджи для сооружения лодок.

⁸ В примечании к рассказу Б. Г. Квейн указывает, что Ди Моала стала второй женой На-Улу-Матуа.

⁹ Кау — рядовой общинник из Ндрекети — является на о-ве Вануа-Леву любимым персонажем юмористических рассказов. Он считается покровителем местности Ндрекети.

¹⁰ Фиджийцы употребляют в пищу главным образом растительные продукты и в связи с этим называют растительную пищу едой, а рыбу, свиное мясо и т. д. — приправой.

¹¹ Т е в о р о — злые духи, сверхъестественные существа, причиняющие человеку, по представлениям фиджийцев, всякие неприятности.

¹² Как отмечает Б. Г. Квейн, его информатор оборвал здесь свое повествование, сказав, что дальше следует неприличное слово.

¹³ Скаты почти несъедобны. Океанийцы едят их только в голодные периоды. По мнению Б. Г. Квейна, Кау лишь из вежливости делает вид, что рад подарку.

¹⁴ См. прим. 10 к разделу Новые Гебриды.

¹⁵ Вусо-ни-Лаве (букв.: Верхушка Пера) — по Б. Г. Квейну, легендарный вождь племени съетура, прославившийся своей доблестью. Сын На-Улу-Матуа и Ди Сере-Тонги.

¹⁶ В фиджийских деревнях перед домом вождя обычно находится небольшая площадь.

¹⁷ Преподнесение даров не Вусо-ни-Лаве, а вождю Валили связано, по мнению Б. Г. Квейна, с тем, что Вусо-ни-Лаве подарил убитую черепаху вождю в благодарность за каву, преподнесенную последним Вусо-ни-Лаве.

¹⁸ Рассказ интересен тем, что выставляет вождя в роли типичного фольклорного дурачка, несмотря на то что особа вождя считалась на Фиджи священной.

¹⁹ Сказанная вождем фраза показывает, что он совершенно ничего не понимает в огородничестве. Фиджийцы, собирая таро, вырывают его целиком вместе со стеблевыми побегами. При сушке таро его плоды не очищаются.

²⁰ Как свидетельствует Б. Г. Квейн, такая форма ответа объясняется обычаем, согласно которому рядовой общинник не должен говорить о чем-либо в утвердительной форме, пока об этом не высказался вождь.

²¹ Иногда фиджийские женщины (особенно знатные) имеют отдельную от семьи хижину, где проводят свой досуг.

²² Доставка созревших клубнеплодов с огорода в дом является на Фиджи обязанностью женщины. Поэтому близость огорода от хижины, по мнению Б. Г. Квейна, является для любой девушки весьма важным обстоятельством при выборе жениха.

²³ Да в а — местное название съедобных плодов, несколько похожих на сливу.

²⁴ Рыбой-попугаем называют один из видов рыб, внешне несколько напоминающих попугаев.

²⁵ По-видимому, имеется в виду дикая утка, так как домашних уток в Океании до прихода европейцев не было.

²⁶ Как свидетельствует Б. Г. Квейн, о-в Вануа-Леву славится своими многочисленными способами приготовления таро.

²⁷ Фиджийцы, как и многие другие народы, принимают гостей в отдельном, специально отведенном для этих целей помещении.

²⁸ Ра Ингоинго-а-Вануа (букв.: Господин, Озирающий Землю, или Господин, Стережущий Землю) — по Б. Г. Квейну, легендарный прародитель племени съетура.

²⁹ См. прим. 15 к данному разделу.

³⁰ Ватулака (букв.: Скала-парус) — легендарная укрепленная деревня, расположенная, по преданию, на небольшом островке близ о-ва Вануа-Леву.

³¹ На-Вуни-Вануа (букв.: Источник или Предок Земли) — деревня, где, согласно преданию, обитал прародитель племени съетура — Ра Ингоинго-а-Вануа.

³² «Воротами» в фиджийской крепости нередко служил большой камень, закрывавший вход в нее. Идеальными считались крепости, со всех сторон огороженные каменной стеной и имевшие лишь один вход.

³³ У фиджийцев существовал обычай, согласно которому вождь, собираясь в гости к другому вождю, должен был заранее предупредить его.

³⁴ А-Кело-ни-Табуа (букв.: Изгиб Зуба Кашалота), согласно преданию, происходил из На-Вуни-Вануа и был самым сильным мужчиной в этой деревне.

³⁵ Ра Лива-ни-Вула (букв.: Господин Лунный Свет) — один из храбрейших воинов в племени съетура.

³⁶ Племяник Моалы, или Кали-ни-Вутунава (букв.: Подушка из Лавра), — один из воинов племени съетура, родившийся на о-ве Моала. Сын На-Улу-Матуа и Ди Моалы.

³⁷ «Туи» на фиджийском языке означает вождь. Термин этот заимствован из тонганского языка.

³⁸ Фиджийцы резко выделяются среди других народов Меланезии своими хорошими мореходными навыками.

³⁹ Хождение по огню весьма распространено на архипелаге Фиджи. Церемония хождения выполняется обычно на различных празднествах.

⁴⁰ Моливаи — небольшое озеро на о-ве Мбенгга. Туи-на-Моливаи — хояин этого озера.

⁴¹ М а с а в е — местное название одного из видов лазящих растений. Стебли масаве содержат сахар, и из них готовят сладкое блюдо.

⁴² По представлению ротуманцев, Тонга является подземной страной, где живут различные сверхъестественные существа и совершаются всякие чудесные явления.

⁴³ От братьев Моеа Моту и Моеа Лангон, а также их младшего брата, Моеа Тиктик, произошли, согласно поверьям ротуманцев, три звезды созвездия Орион, которые островитяне называют «три человека».

⁴⁴ В е а — местное название одного вида перепелов.

⁴⁵ Х а х и а — местное название «малайской яблони».

⁴⁶ Имеется в виду земляная печь (см. прим. 29 к разделу Новые Гебриды).

⁴⁷ По убеждению меланезийцев, знание имени дает знающему определенную власть над тем, кто это имя носит (ср. с прим. 47 к разделу Западный Ириан).

⁴⁸ К у р а — местное название одного из видов птиц с ярким оперением.

⁴⁹ Ж е л е з н о е д е р е в о — название ряда различных видов деревьев с очень твердой древесиной.

⁵⁰ С а у — верховный вождь о-ва Ротума, избираемый из числа вождей сроком на шесть месяцев.

⁵¹ А т ф а р а — небольшая корзинка, которую обычно надевают на руку.

⁵² А п е и — циновка белого цвета.

⁵³ Е п а — обычная циновка грубого плетения.

⁵⁴ Т а п г у е н и — местное название одной тяжелой горной породы.

МИКРОНЕЗИЯ

Подопечная территория Тихоокеанские острова

¹ С а с а л а г у а н — подземный мир, в существование которого верили чаморро.

² Жители Марианских островов до прихода европейцев не знали металла, поэтому упоминание о ковке душ свидетельствует о сравнительно позднем происхождении если не всего мифа в целом, то по крайней мере данного мотива.

³ Раскаленные камни широко использовались микронезийцами в приготовлении пищи.

⁴ В этом мифе явственно чувствуется библейское влияние. На Марианские острова христианство проникло еще в XVII в., т. е. раньше, чем на любой другой архипелаг Океании. Не удивительно, что мифология чаморро пополнилась мотивами новой религии.

⁵ Жители Микронезии — искусные рыболовы и знают много разнообразных рыболовных снастей. Важное место среди них занимали прежде верши, изготовленные из прутьев.

⁶ Лагуна — участок моря, расположенный внутри атолла.

⁷ Гадепсунгель — местное название одного из видов деревьев (род *Grataeva*); имеет легкую и в то же время прочную древесину.

⁸ В Микронезии в качестве денег были распространены весьма разные вещи: раковины, куски черепашого панциря, свертки циновки, каменные диски и т. д.

⁹ Согласно П. Хамбруху, на Нгардмау вплоть до настоящего времени сохранились некоторые обычаи, связанные с вышеприведенным мифом. Так, когда на острове случается какое-нибудь стихийное бедствие, жители его запускают в воздух специально сооружаемый змей довольно крупных размеров. Пока змей парит в воздухе, островитяне устраивают пиршество в честь птицы Клубуд Сингала.

¹⁰ Проказа была весьма распространена на островах Микронезии.

¹¹ Имеется в виду сок кокосовой пальмы — один из любимых напитков жителей Микронезии.

¹² Жителям о-вов Палау и Яп знакомо гончарное производство.

¹³ Один из злых духов. Другие варианты имени — Калит, Калид.

¹⁴ Речь идет не о собственно липе (*Tilia*), которая не растет на островах Микронезии, а о каком-то другом виде семейства липовых (*Tiliaceae*).

¹⁵ «Аудогул ма геунд!» — одно из заклинаний.

¹⁶ См. прим. 16 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

¹⁷ См. прим. 51 к разделу Новые Гебриды.

¹⁸ В Микронезии, где сохраняются некоторые элементы матриархальных порядков, женщины занимают в обществе довольно высокое положение. На своих собраниях они решают многие хозяйственные дела общины.

¹⁹ В Микронезии сооружаются специальные общественные дома, где происходят собрания.

²⁰ Из домашних животных в Микронезии разводят только кур, свиней и собак.

²¹ Имеется в виду о-в Яп.

²² См. прим. 25 к разделу Папуа.

²³ Копье — главное боевое и охотничье оружие микронезийцев. Микронезийское копье обычно имело костяной наконечник.

²⁴ Кан — по воззрениям япцев, злой дух, приносящий людям несчастье. Отличается тупостью.

²⁵ Гумор — местное название одной из пород деревьев.

²⁶ Улитянцы различают небесных и земных духов. Небесные духи (главные из них — Иалулеп, Лугеиланг, Йолофат) мало интересуются всем земным, обычно безвредны для человека и фактически не являются объектами религиозного культа.

²⁷ «Пун» — одно из движений танца «хамаф», имитирующего борьбу и носящего в определенной степени эротический характер.

²⁸ Записавший этот миф У. Лесса считает, что слово «умерла» употреблено здесь в значении «потеряла сознание» (микронезийцы нечетко разделяют эти два состояния).

²⁹ Кокосовым волокном названы здесь волокна ствола кокосовой пальмы, которые образуются из отмерших черенков и влагалищ листьев. Отличаются большой прочностью и идут на изготовление канатов.

³⁰ Х а л и ф о и — улирианское название одного из видов гибиска.

³¹ См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова.

³² Жителям Каролинских островов известно ткачество, которое, по-видимому, было занесено сюда из Индонезии. В другие районы Океании ткачество не проникло.

³³ Х а р а ф а т — вероятно, местное название малайской яблони.

³⁴ Как отмечает У. Лесса, речь идет здесь не о настоящем таро, а о растении «буолок» (*Cyrtosperma chamissonis*), внешне напоминающем таро.

³⁵ Извинительная формула, с которой обращаются к лицам, стоящим на более высоких ступенях социальной лестницы.

³⁶ Т у с — местное название еж-рыбы.

³⁷ С у к п а — местное название одного вида рыб из семейства свистулек (*Fistulariidae*). Эта рыба выделяется своим длинным трубкообразным рылом.

³⁸ Л о х — местное название *Sphoeroides maculatus*, одного из видов иглобрюхих.

³⁹ Ф а л а — местное название *Nyporhamphus univasciatus*, одного из видов полурыловых.

⁴⁰ И а б в у ш — местное название растения *Allophylus* из семейства сапидовых.

⁴¹ Для Микронезии (как, впрочем, и для некоторых других районов Океании) весьма характерны ранние браки. Однако заключение таких браков носит чисто формальный характер и не ведет к совместной жизни супругов. Фактический же брак начинается лишь с достижением половой зрелости.

⁴² В Микронезии, как и в Меланезии, существуют мужские дома — своего рода клубы, в которых собираются (а временами и живут) мужчины.

⁴³ Развод в Микронезии, как и в других областях Океании, весьма прост. Его могут в любое время потребовать как муж, так и жена.

⁴⁴ Упоминание в мифе о ружье — одно из следствий контактов с европейцами, которые установились еще в XVI в.

⁴⁵ В а о — единственный танец, исполняемый совместно мужчинами и женщинами.

⁴⁶ Х а п а н г а х — медленный ритмический танец, в котором участвуют одни мужчины.

⁴⁷ Х а с е л е у — танец, исполняемый либо мужчинами, либо женщинами (но не совместно). Содержит элементы эротического характера.

⁴⁸ В Микронезии совершенно исключены браки не только между братом и сестрой, но и между более отдаленными родственниками.

⁴⁹ И у ф — местное название древесного растения *Guettarda speciosa* из семейства мареновых.

⁵⁰ В данном мифе речь идет главным образом о земных духах, или иалусах (не счисляя лже-Палулопа и его жены, которых можно отнести к небесным духам). В отличие от небесных духов иалусы принимают активное участие в земной жизни и могут оказать помощь или, наоборот, навредить человеку. Среди земных духов можно выделить духов добрых, злых и нейтральных. В зависимости от выполняемой функции иалусы могут жить в разных местах: домах, рощах, лодках, море и т. д. Некоторые из духов имеют свои имена, другие безымянны.

⁵¹ Палулоп в буквальном переводе означает «Великий мореход». На

Улити Палулоп является небесным духом — покровителем мореплавания. Эту же функцию он выполняет и на некоторых других островах Каролинского архипелага. Однако на о-ве Намолук Палулоп уже выступает как бог радуги.

⁶² Чукпель — лодка старинного типа, используемая для ловли летучих рыб.

⁶³ Хавел — вышедший из употребления тип лодки с парусом и балансиром.

⁶⁴ Попо — тип парусной лодки, широко распространенный вплоть до настоящего времени. Представляет собой долбленку с нашитыми на борта досками.

⁶⁵ Маленькие хижины, о которых идет речь, имеют разное назначение. Первая из них — хамвемвел паронг — посвящена духам, вторая — хамвемвел нгис — сооружается в честь предков (основными элементами религии микронезийцев являются вера в души, духов и культ предков). Помимо культовых целей эти сооружения употребляются и для других надобностей: хранения грузов, припасов и т. д.

⁶⁶ Здесь приведены местные названия ряда рыб и других морских животных: лангуи — ставрида (*Sağanx*), фак — один из родов сарганов (*Tylosurus*), хакек — вероятно, один из видов голохвостых угрей (*Murichthys colubrinus*), икфалфал — *Naso*, иур — какое-то ракообразное животное, хамачувок — *Hepatus*, рел — *Cyphosus*, ликх — какая-то рыба, похожая на рел, бупх — один из видов спинорога (*Balistidae*), уллу — какой-то другой вид спинорога. Согласно У. Лесса, некоторые из этих рыб являются на Улити табу для всех, кроме вождей, некоторые — для лиц, занимающихся магией.

⁶⁷ Фотои — местное название дерева *Calophyllum inophyllum* из семейства зверобойных.

⁶⁸ У. Лесса отмечает, что Лигафас была удалена из лодки за то, что она обрекла на гибель людей, оставшись в лодке после начала менструаций (что является табу).

⁶⁹ Влезать в лодку с подветренной стороны запрещается. Это табу имеет рациональное содержание, так как человек, забирающийся таким образом в лодку, может ее опрокинуть.

⁶⁰ Лал — местное название древесного растения *Morinda citrifolia* из семейства мареновых.

⁶¹ Хулио — местное название каролинского фикуса (*Ficus carolinensis*).

⁶² Рыболовные крючки из скорлупы кокосовой пальмы намного уступают по своему качеству крючкам из панциря черепахи.

⁶³ В водах Тихого океана, омывающих атоллы Микронезии, водится много дельфинов. Как и в других районах мира, с дельфинами здесь связаны многие мифы и легенды. На ряде Каролинских островов имеются роды, почитающие дельфина как своего тотемического предка.

⁶⁴ Микронезийцы считали дельфинов рыбами, не придавая значения анатомическим особенностям этого животного.

⁶⁵ Об иалусах см. прим. 50 к данному разделу.

⁶⁶ В Микронезии существует обычай оставлять за пользование лодкой часть улова ее хозяину.

⁶⁷ Об иалусах см. прим. 50 к данному разделу.

⁶⁸ Легаселепы — по поверьям улирианцев, духи-людоеды. Отличаются тупостью, а нередко бывают и трусливы.

⁶⁹ Микронезийские мужчины часто украшали свое тело татуировкой.

⁷⁰ Поступок легаселепа объясняется тем, что жители Микронезии, как и многие другие народы, верят в возможность заколдовать человека и даже сверхъестественное существо с помощью определенных манипуляций над какими-либо частями его тела.

⁷¹ В Микронезии, как и в Меланезии, раковины используются в качестве духовых музыкальных инструментов.

⁷² Лов рыбы с факелами широко распространен по всей Океании.

⁷³ Молодые листья кокосовых пальм являются, по поверьям островитян, сильнодействующим магическим средством.

⁷⁴ Хурувел — местное название древесного растения *Melochia odorata* из семейства стеркулиевых.

⁷⁵ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

⁷⁶ Как отмечает У. Лесса, смысл этой песни ему не известен.

⁷⁷ Буквальный перевод имен означает: Иетельсуфанг — Цветок Камани, Иетелиуф — Цветок Марены, Иетельхочоль — Цветок Куркумы, Иетельваронг — Цветок Базилика, Иетельхоп — Цветок Пандануса.

⁷⁸ Как отмечает У. Лесса, Иол и Иаф — традиционные имена родителей в легендах Улити.

⁷⁹ Как отмечает У. Лесса, здесь и далее словами «погулять», «забавляться» переведено слово «пи» (любовная игра), которое не тождественно слову «феи» (половое сношение). «Любовная игра» допускается микронезийскими обычаями, однако требуется, чтобы молодой человек приходил к девушке и уходил от нее под покровом темноты.

⁸⁰ Каролинские острова лежат в зоне тропических циклонов, и сильные ураганы — частое явление на архипелаге.

⁸¹ Черепахи панцири высоко ценятся микронезийцами, которые изготавливают из них разные орудия и украшения.

⁸² Иар — местное название дерева *Premna interifolia* (семейство вербеновых), используемого на Улити в народной медицине, а также в колдовстве.

⁸³ В соответствии с обычаями о-ва Улити инициатива в любовных делах должна принадлежать молодому человеку.

⁸⁴ При заключении брака на атолле Улити (как и на других островах Микронезии), как правило, совершается обмен подарками. Выкупа за невесту не требуется.

⁸⁵ Имеется в виду второй цикл обмена подарками между семьями мужа и жены, который называется «хафарак». Здесь обмен совершается уже после женитьбы.

⁸⁶ Здесь идет речь о третьем цикле обмена подарками между двумя породнившимися семьями, который имеет место после рождения ребенка и именуется «хафибуол». Хафибуол как бы подчеркивает, что ребенок принадлежит как отцу, так и матери.

⁸⁷ Фоле — местное название одного вида деревьев с крупными листьями.

⁸⁸ Эпизод с кошкой является, очевидно, поздним добавлением к сказке, так как это животное до прихода европейцев микронезийцам известно не было.

⁸⁹ Хатаф, вовул, хорельфон, сепал, хархар, хангау,

хихи, липупульфач, хорои, моли — местные названия разных видов птиц, встречающихся на Улити.

⁹⁰ Эта песня поется во время выполнения различных трудовых операций.

⁹¹ Савеи — даннические отношения, существующие между жителями Япа и Улити. В этих отношениях япы выступают «покровителями», «родителями», улирианцы — «данниками», «детьми». Каждый род Улити является данником какого-нибудь рода с Япа.

⁹² Положение Халенглон, как отмечает У. Лесса, было тяжелым в связи с тем, что он принадлежал к низшей касте. Следует отметить, что своеобразное сословно-кастовое деление было распространено на многих островах Микронезии и в Полинезии.

⁹³ Представителям низших каст запрещалось есть рыбу лих.

⁹⁴ Сар — местное название раковины моллюска *Pinctada*. Раковины эти служат япцам мерилем ценностей.

⁹⁵ Хатаф — местное название фрегата.

⁹⁶ Остров, найденный Халенглон, стал собственностью не его, а человека, которого он считал «приемным отцом» (одно из проявлений даннических отношений).

⁹⁷ В прежние времена обычай татуировки был весьма распространен на о-ве Ифалик. Мужчины покрывали татуировкой большую часть своего тела. Женщины также татуировались, однако они наносили рисунок только на нижнюю часть корпуса, прикрытую юбкой. Интересно отметить, что основной рисунок татуировки канонизирован и при этом совершенно одинаков на всем Ифалике и соседних с ним островах.

⁹⁸ По другому варианту мифа, искусству татуировки обучает не Уолфат, а Лугвейланг.

⁹⁹ Речь идет, конечно, не о подлинной морской карте, а о мореходной схеме, которую рисовали микронезийцы.

¹⁰⁰ Палуелап — букв.: «Большой мореход».

¹⁰¹ Тунга — по представлениям аборигенов Ифалика, сверхъестественное существо, сочетающее в себе черты человека и духа.

¹⁰² О-в Понапе в отличие от большинства островов Восточной Микронезии довольно высок. Его высшая точка — гора Тотолом — достигает почти 800 м над уровнем океана.

¹⁰³ При печении пищи океанийцы обычно заворачивают ее в крупные листья.

¹⁰⁴ В Микронезии раковины используются как режущие орудия.

¹⁰⁵ В немецком источнике, вероятно, ошибка. Сомнительно, чтобы такая рыба, как форель, могла обитать в зарослях мангровника.

Острова Гилберта

¹ Имеется в виду «гигантское таро» (*Cyrtosperma chamissionis*). Этот клубнеплод является одним из основных продуктов питания гилбертцев.

² Годди — алкогольный напиток, получаемый из перебродившего пальмового сока.

³ Мтеа — местное название травянистого растения самоанский портулак (*Portulaca samoensis*).

⁴ Дом собраний — общественное здание на о-вах Гилберта, где островитяне собираются для обсуждения своих дел и устройства торжеств.

⁵ Общественное распределение пищи на о-вах Гилберта — пережиток прежнего уравнительного распределения между членами общины всех произведенных продуктов.

Остров Науру

¹ Эгигу — имя единственного эвкалипта, растущего на Науру. Дерево сохранилось вплоть до настоящего времени.

² Женский дом — в Микронезии место собрания женщин. В нем же молодые женщины нередко живут во время беременности.

³ Как отмечает П. Хамбрух, тридцать детей в этом мифе символизируют тридцать лунных фаз.

⁴ По свидетельству П. Хамбруха, местные жители верят, что во время лунного затмения луну проглатывает чудовище.

ПОЛИНЕЗИЯ

Тонга

¹ Копье — один из наиболее распространенных видов оружия полинезийцев. Обычно изготавливается из пород деревьев, имеющих плотную тяжелую древесину. Нередко снабжается наконечником из камня, раковины или кости.

² По свидетельству Кайо, значение этого имени можно трактовать двояко: и как субъект, который оберегает свой хвост, и как хвост, оберегающий своего обладателя.

³ В обычной жизни брак и половые связи между братом и сестрой считаются, по представлениям полинезийцев, недопустимыми.

⁴ Тонга в переводе означает «юг». В данном случае под названием Тонга подразумевается некая мифическая земля.

⁵ Как указывает Кайо, небо, по представлениям тонганцев, подразделялось на девять отдельных небес, на которых обитали добрые духи, подвластные Тангалое.

⁶ Лолофсуа в тонганской мифологии называется расположенный на большой глубине подземный мир, где находятся все мифические земли.

⁷ Представления островитян о Пулоте довольно противоречивы. Иногда под ней подразумевают невидимый мир, иногда это синоним По (мира ночи) и т. д. Тонганцы считают Пулоту областью, откуда происходят их предки и куда возвращаются души умерших. Характерно, что Пулоту — в известной мере слепок с земного мира и порядки, существующие на земле, во многом сохраняются и в этом невидимом мире.

⁸ Как свидетельствует Кайо, такое сдерживание Хикулео потребовалось ввиду его злого нрава и стремления истребить человеческий род.

⁹ Аутолониголонго — прорицатель, вестник событий.

¹⁰ Пористые горные породы часто встречаются на океанических островах вулканического происхождения.

¹¹ Между Тонга и Самоа исстари поддерживались самые тесные связи.

¹² Под названием Ниуа подразумеваются о-ва Ниуатоупатау и Ниуа-фооу, лежащие к северу от основной части архипелага Тонга.

¹³ Феванга — букв.: желать, Фефафа — носить на спине, Каванауа — их борода или их кава.

¹⁴ В одном из вариантов легенды Лоау назван Туи Тонга (властителем Тонга), в других — вождем. Верен второй вариант.

¹⁵ Капе — местное название ребристого арума.

¹⁶ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

¹⁷ Как свидетельствует Э. Гиффорд, на о-ве Эуэики и сейчас еще показывают то место, где была похоронена Каванауа.

¹⁸ См. прим. 10 к разделу Новые Гебриды.

¹⁹ См. прим. 29 к разделу Подопечная территория Тихоокеанские острова.

²⁰ См. прим. 7 к разделу Новые Гебриды.

²¹ О-ва Тонга окаймлены коралловыми рифами.

²² Для тонганской мифологии довольно характерны сюжеты о божествах-рыбах. По данным Э. Гиффорда, таких божеств несколько: Туи Тофуа, Секетоа, Факатапу, Тауфатахи.

²³ Представители высшей сословно-кастовой группы населения Тонга (так называемые эги, или «благородные») нередко имели кроме жен также и наложниц.

²⁴ См. прим. 1 к данному разделу.

²⁵ В другом варианте мифа говорится, что Вакафуху схватил дубину и хотел убить Туи Тофуа, несмотря на его заверения в своей невиновности. А в третьем варианте мотивировка ухода Туи Тофуа совершенно иная: когда наложницы схватили его копье и расшумелись, в то время как вождь спал, Туи Тофуа был настолько возмущен их поведением (ведь они могли разбудить вождя!), что решил навсегда покинуть остров.

²⁶ Туи Тонга — титул сакрального правителя Тонга, пользовавшегося к началу XIX в. лишь номинальной властью (реальная же власть была сосредоточена в руках светского правителя — гоу). В 1865 г. должность духовного правителя была упразднена.

²⁷ Под железным деревом здесь подразумевается казуарина.

²⁸ Тапа — материя, вырабатываемая из луба разных видов фикуса (*Ficus*) или брусонечи бумажной (*Broussonetia papyrifera*). Из тапы изготовлялись одежда, спальное белье, ковры и т. д.

²⁹ Кокосовое масло — растительное масло, извлекаемое из кокосовых орехов. Употребляется в качестве пищевого продукта и для других целей.

³⁰ У тонганцев принято садиться при приветствии людей, старших по возрасту или социальному положению.

³¹ Среди полинезийцев была широко распространена весьма своеобразная форма приветствия: встречающиеся терлись носами.

³² В оригинале в конце рассказа перечислены 13 Туи Тонга — от Ахоэити до Нуи (Тама Тоу).

³³ Кукуи — местное название растения *Aleurites moluccana*.

³⁴ Туитатуи — 11-й Туи Тонга. В буквальном переводе Туитатуи означает: «вождь, ударяющий по коленям». Этимология этого имени, согласно Э. Гиффорду, такова. Прежде на церемонии распития кавы в центре круга сидел изготовитель напитка, вокруг него — вожди, а за их спинами — прочие. Это давало возможность легко убить вождя. Одиннадцатый Туи Тонга

брал длинную палку и бил ею по коленям тех, кто норовил сесть к нему поближе. После этого церемония изменилась и от властителя стали держаться на почтительном расстоянии.

³⁵ Христианство начало распространяться на Тонга с 20-х годов XIX в., после того как веслеяские (методистские) проповедники были поддержаны вождем Тупоу (см. след. прим. к данному разделу).

³⁶ Имеется в виду вождь Тупоу, ставший в 1845 г. королем всего Тонга под именем Георга I.

³⁷ По свидетельству Э. Гиффорда, у мужа королевы Салоте (умерла в 1967 г.) был рыболовный крючок, сделанный якобы из панциря черепахи Сангоне.

³⁸ Татафумеимуа — сокращенная форма имени Татафуэнимеимуа, впоследствии 20-го Туи Тонга. В переводе полная форма означает: «вождь из Муа, высекающий огонь». Нганататафу в буквальном переводе означает: «прославленный (человек), высекающий огонь».

³⁹ Двойная лодка, или катамаран, — очень характерное для Полинезии судно. Состоит из двух неподвижно соединенных лодок.

⁴⁰ Фиджийцы часто посещали о-ва Тонга, так же как тонганцы — Фиджи.

⁴¹ Нгана — сокращенная форма имени Нганататафу.

⁴² Ваке — местное название водяного пастушка.

⁴³ См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова, стр. 617.

⁴⁴ Э. Гиффорд отмечает, что это выражение является тонганской поговоркой.

⁴⁵ Такалауа был 23-м по счету Туи Тонга и жил в середине XV в.

⁴⁶ Набедренная повязка — наиболее распространенная одежда в Полинезии. Изготавливается из тапы.

⁴⁷ В Полинезии распространено несколько типов барабанов. Наиболее часто встречается деревянный цилиндрический барабан, обтянутый с одной стороны кожей акулы.

⁴⁸ Каулууфонуа (полная форма — Каулууфонуафекаи) стал в дальнейшем 27-м Туи Тонга.

Западное Самоа

¹ См. прим. 7 к разделу Новые Гебриды.

² Как отмечает К. Суапаиа, образы сросшихся близнецов очень популярны в самоанском фольклоре.

³ По свидетельству К. Суапаиа, это выражение является самоанской поговоркой.

⁴ К. Суапаиа отмечает, что Таэме, Тилафаинга, а также Сина — наиболее часто встречающиеся в самоанских легендах женские имена.

⁵ См. прим. 7 к разделу Тонга.

⁶ Как отмечает К. Суапаиа, Нафануа очень популярна в самоанском фольклоре. В некоторых легендах она выступает в качестве божества.

⁷ Палица — важнейшее оружие полинезийцев, изготавлиющееся из тяжелых сортов древесины. Различают два основных вида полинезийских палиц: метательные и ударные.

⁸ См. прим. 31 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

⁹ Юбки из растительных волокон полинезийские женщины носили обычно днем. По вечерам же они надевали передники из тапы.

¹⁰ Кур разводят во всей Полинезии, кроме Новой Зеландии и архипелага Туамоту. Полинезийцы высоко ценят куриное мясо, но прежде совершенно не употребляли в пищу куриных яиц.

¹¹ См. прим. 1 к разделу Тонга.

¹² На Самоа существует обычай левирата, согласно которому брат умершего имеет право взять в жены его вдову.

¹³ На Самоа водится крючкоклювый голубь. Самоанское название — манумеа. Надклювье этого голубя загнуто в виде крючка, подклювье имеет зубчатые выемки.

¹⁴ Речь идет о красной кустарниковой курице.

¹⁵ См. прим. 28 к разделу Тонга.

¹⁶ Браки между представителями тонганской и самоанской знати были довольно частым явлением.

¹⁷ В соответствии с самоанскими обычаями две группы путников не могут ночевать в одном и том же месте.

¹⁸ Автор записи считает, что, возможно, это не вымысел. Речь, по его мнению, может идти о появляющихся и исчезающих вулканических островах.

¹⁹ Туи Тонга имели особые корзинки, в которые они собирали все свои объедки. На эти корзинки, как и на сами объедки, накладывалось самое строгое табу, и никто не смел к ним прикасаться.

²⁰ Согласно преданию, правнук Саналалы стал первым верховным правителем (тафа'ифа) западной части Самоа. Как известно, на Самоа еще не возникло государство, хотя первые шаги к объединению страны уже делались.

Острова Кука

¹ См. прим. 39 к разделу Тонга.

² К а л е б а с а — используемая в качестве сосуда твердая оболочка плодов различных тропических растений.

³ См. прим. 1 к разделу Тонга.

⁴ Гавайки — мифическая прародина полинезийцев. Иногда Гавайки отождествлялась с загробным миром.

Французская Полинезия

¹ См. прим. 72 к разделу Подопечная территория Тихоокеанские острова.

² См. прим. 2 к разделу Острова Кука.

³ См. прим. 1 к разделу Тонга.

⁴ Праща, сплетенная из кокосовых волокон, является одним из распространенных видов оружия в Полинезии.

⁵ О-в Таити издавна имел тесные связи с Риаатеа.

⁶ Собаки встречаются на всех островах Полинезии, за исключением о-ва Пасхи и Маркизских о-вов. Полинезийские собаки отличаются малорослостью и не лают.

⁷ См. прим. 4 к разделу Острова Кука.

⁸ Миф, очевидно, позднего происхождения. В его сюжете чувствуется влияние Библии.

• См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова.

¹⁰ Т у х у н г а (т у х у н а) — местное название жрецов.

¹¹ Н о н и — местное название растения *Moringa citrifolia*.

¹² Полинезийцы считали кита рыбой.

¹³ Обычай, существующий на Маркизских островах, предписывает отцу перед рождением первого ребенка соорудить водоем для его купания, а также посадить фруктовые деревья, вырастить порослят и цыплят.

¹⁴ См. прим. 31 к разделу Тонга.

¹⁵ См. прим. 8 к разделу Западное Самоа.

¹⁶ См. прим. 28 к разделу Тонга.

¹⁷ В центральной части Полинезии божеством, соответствующим Оно, является Ронго. Однако если на центральных архипелагах Ронго выступает как бог мира и земледелия, то на Маркизских островах облик Оно несколько иной.

¹⁸ Т е м а н у — местное название дерева *Calophyllum inophyllum* из семейства зверобойных.

¹⁹ У у а — жертвенная рыба, а глаза у таких рыб, по свидетельству Э. Хэнди, ценятся особенно высоко.

²⁰ Вероятно, здесь имеются в виду ареои — объединенные в специальную организацию взрослые мужчины, переезжающие с острова на остров и дающие театральные представления, а попутно вымогающие у местного населения различные материальные ценности.

²¹ Х о к и — местный танец, исполняемый мужчинами.

²² См. прим. 46 к разделу Тонга.

²³ Поскольку Оно родился, когда единственным мужем его матери был Аю, последний стал считаться отцом Оно.

²⁴ М а н а — некая безликая сила, вера в которую широко распространена в Полинезии и других частях Океании. Полинезийцы верили, что обладание маной приносит человеку успех в его деятельности. Наибольшей маной островитяне, конечно, наделяли вождей и жрецов.

²⁵ Как отмечает Э. Хэнди, могила с черепами предков подтверждает право на владение землей.

²⁶ Абзац дается в изложении Э. Хэнди.

²⁷ Здесь, очевидно, имеется в виду не настоящий имбирь (*Zingiber officinale*), а один из дикорастущих видов рода *Zingiber*.

²⁸ Х о т у - н у и — полнолуние, 15-я ночь лунного месяца. В Восточной Полинезии все дни месяца имеют особые названия.

²⁹ П о к е и п о п о и — блюда, приготовляемые островитянами из различных растений.

³⁰ Обычай татуировки тел был широко распространен в Полинезии. Татуировка служила не только украшением, но и показателем социального ранга человека. На некоторых островах (в том числе Маркизских) представители знати покрывали татуировкой все тело, рядовые же общинники — лишь какую-нибудь его часть.

³¹ См. прим. 47 к разделу Тонга.

³² П а н и — специальное масло для умягчения волос, х о х о — масло для тела.

³³ Среди островитян существует представление, что крабы полезны беременным женщинам.

³⁴ Полинезийцы Маркизских островов окончательно хоронили тела

умерших лишь через несколько лет после смерти. До этого же труп мумифицировали и клали на особую платформу.

³⁵ По представлениям островитян, настоящая, полная смерть наступает по прошествии определенного времени после фактической смерти.

³⁶ См. прим. 10 к разделу Новые Гебриды.

³⁷ Оплакивание детей входит в состав посвятельного обряда.

³⁸ К а и о и — возрастная группа неженатых юношей.

³⁹ В е х и н е - х а е — по представлениям островитян, духи-людоеды в образе женщин.

⁴⁰ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

⁴¹ В предыдущем рассказе та же вехине-хае выступает под именем Те-моо-ниэве (см. рассказ «Хуути и Те-моо-ниэве», стр. 442).

⁴² Здесь особо подчеркивается, что мать вырастила всех детей, в связи с тем, что в Полинезии был распространен обычай отдачи детей на воспитание в чужие семьи.

⁴³ Записавший легенду Э. Хэнди не в состоянии разъяснить это слово.

⁴⁴ Дети зарыли тело вехине-хае для того, чтобы она не могла вредить людям. Обычно же труп захоронялся далеко не сразу (см. прим. 34 к данному разделу).

⁴⁵ К е х и а — местное название растения *Eugenia malaccensis* (семейство миртовых).

⁴⁶ См. прим. 31 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

⁴⁷ См. прим. 29 к разделу Тонга.

⁴⁸ См. прим. 28 к данному разделу.

⁴⁹ К о м у м у — особый песенный жанр, при котором исполнение песни сопровождается стуком палочек. Хэнди отмечает, что, по словам рассказчика-островитянина, в легенде описано происхождение этого жанра.

⁵⁰ Популярными музыкальными инструментами полинезийцев являются носовая флейта, флейта Пана, а также труба из раковины.

⁵¹ Само по себе слово «опуту» в переводе означает название одной из птиц.

⁵² По существующей у полинезийцев терминологии родства сестра матери также называется матерью.

⁵³ Имеется в виду лист кокосовой пальмы.

⁵⁴ К о п э а — местное название ласточки; к о т а э — одна из тропических птиц.

⁵⁵ И и — один из песенных жанров.

⁵⁶ Как свидетельствует Хэнди, легенда в этом месте не оборвана, а полностью закончена. Его информатор ничего не знал о дальнейшей судьбе действующих лиц. Один из присутствовавших во время рассказа островитян высказал предположение, что Тонга-хеи-эе похитили вехине-хае.

Остров Пасхи

¹ Великан Увоке (Уоке), по всей вероятности, соответствует Воке, который упоминается в связи с созданием островов в космогонической части генеалогии Маркизских островов.

² А р и к и (а р и и, а л и и и т. д.) — высшая сословно-кастовая группировка, занимавшая на о-ве Пасхи и других островах Полинезии господствующее положение.

³ Хоту Матуа, прибывший с Маркизских островов, считается первым верховным вождем о-ва Пасхи; Куукуу был посланцем этого вождя, направленным для разведки.

⁴ Макемаке — главное божество о-ва Пасхи. Имя этого бога неизвестно на других островах Полинезии. Впрочем, существует мнение, что Макемаке — паскуанский аналог бога Тане, одного из основных полинезийских божеств. Так, на о-ве Пасхи воплощением Макемаке считалась морская ласточка, тогда как в других районах Полинезии эта птица была воплощением бога Тане. Макемаке приписывается создание человека.

⁵ А в а — местное название белого лосося.

⁶ А к у - а к у — по верованиям рапануцев, духи, способные принести человеку всевозможные несчастья, а также духи-покровители.

⁷ Бог Хауа, как и Макемаке, неизвестен на других островах Полинезии. По мнению советской исследовательницы фольклора о-ва Пасхи Н. К. Федоровой, «возможно, что имена Хауа и Макемаке восходят к существовавшему некогда слову *хауамакемаке* (ср. маркизанское *хауамакемаке*, «антропофаг»). На многих островах Полинезии слово «антропофаг» было некогда эпитетом главных божеств, требовавших зачастую человеческих жертв. Людей, особенно детей, приносили в жертву и Макемаке на о-ве Пасхи. По-видимому, в древности бог Тане имел эпитет «хауамакемаке». Позднее, с появлением новых переселенцев, имя бога было забыто, а эпитет, этимология которого была утрачена, распался на две части. В фольклоре появились мифы о Хауа и Макемаке».

⁸ А х у — огромные каменные погребальные платформы, сооруженные вдоль побережья о-ва Пасхи.

⁹ Некий бесплодный остров, упоминания о котором встречаются в рапануцкой мифологии. Возможно, имеется в виду Сала-и-Гомес.

¹⁰ М а н у т а р а — местное название черной морской ласточки, которая рассматривается как воплощение бога Макемаке.

¹¹ О р о н г о — древний религиозно-политический центр о-ва Пасхи.

¹² См. прим. 24 к разделу Французская Полинезия.

¹³ А. Метро отмечает, что, по словам рассказчиков-островитян, Тангароа Меа приплыл на о-в Пасхи с Мангаревы. Тюлень считался у островитян воплощением бога Тангароа.

¹⁴ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

¹⁵ Те-Пито-о-те-Хенуа — местное название о-ва Пасхи. В переводе: «Пуп Земли».

¹⁶ См. прим. 37 к разделу Папуа.

¹⁷ См. прим. 3 к данному разделу.

¹⁸ «Стоящие В Воде Сыновья Тоанги» — название трех островов (Мотунуи, Мотуити, Мотукаокао). Согласно одной из версий легенды, островки эти названы так в честь Тоанги — сына островитянина Хау Мака, якобы увидевшего во сне о-в Пасхи незадолго до его открытия.

¹⁹ «Черная Яма Хау Мака» — одно из названий вулкана Ранокао.

²⁰ Туума Хеке — имя легендарного вождя, который правил о-вом Пасхи после смерти Хоту Матуа, однако по прошествии некоторого времени вернулся на Маркизские острова.

²¹ Упоминание о кошках и собаках является, по-видимому, сравнительно поздней вставкой, так как до прихода европейцев их на острове не было.

²² Значение слова «махинго» автору записи неизвестно.

²³ См. прим. 2 к разделу Острова Кука.

²⁴ См. прим. 1 к разделу Тонга.

²⁵ К о р о (букв.: отец) — очень популярный на о-ве Пасхи праздник.

²⁶ Н а н у е - а х и н а - о и о и — местное название красивой коралловой рыбки.

²⁷ Катание на волнах (при помощи специальных досок) — один из любимейших полинезийских видов спорта.

²⁸ См. прим. 2 к разделу Британские Соломоновы острова.

²⁹ См. прим. 8 к данному разделу.

³⁰ М о а и — статуи и статуэтки, имевшие культовое значение. Делались из камня (моаи-маза) и дерева (моаи-миро). Статуи из дерева изготавливались разных видов. Легенда объясняет происхождение одного из видов деревянных статуэток — так называемых моаи-кавакава («статуй с ребрами»).

³¹ К о м а р и — на рапануйском языке *vulva f.*

³² См. прим. 28 к разделу Тонга.

³³ М и р о (т о р о м и р о) — местное название дерева *Sophora toromiro*, не превышающего 2 м и имеющего твердую древесину красноватого цвета.

³⁴ У р е — на рапануйском языке *repis.*

³⁵ Т е Р а а — букв.: солнечный.

³⁶ См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова.

³⁷ Хонга-о-хону — букв.: Бухта Черепахи.

³⁸ Ахива-Карарере — название одной из птиц, Мата-Варавара — букв.: капля дождя, Паепае — название дома. На одном из аху на о-ве Пасхи высечены изображения аку-аку в виде птицы. Аку-аку Паепае — покровитель домашнего очага.

³⁹ Е му — букв.: оползень.

⁴⁰ А. Метро считает, что эта легенда свидетельствует о существовании тайных обществ (мужских союзов) на о-ве Пасхи.

⁴¹ Обычно местные названия этих двух групп, живших на о-ве Пасхи, переводят соответственно как «длинноухие» и «короткоухие». Однако этот перевод не точен. Некоторые исследователи считают, что правильное переводить эти названия как «каста тучных» и «каста тощих».

⁴² Рапануйцы — аборигены о-ва Пасхи — называют этот ров «уму о те ханау-еепе», что в переводе на русский язык означает: «ров ханау-еепе».

⁴³ См. прим. 5 к разделу Новая Каледония.

⁴⁴ Наиболее вероятный перевод этой фразы: «Оро повержен» (существует гипотеза, что ханау-еепе были потомками ареоев, почитателей бога Оро).

⁴⁵ Описанные в легенде события имеют реальную основу. Как свидетельствуют исследования, несколько столетий назад (вероятнее всего, в XVIII в.) имела место битва между двумя группами населения о-ва Пасхи.

⁴⁶ М и р у жили в северо-западной части о-ва Пасхи и находились в состоянии постоянной вражды с тупахоту, обитавшими на северо-востоке.

⁴⁷ Хетереки-ко-те-Нгату-е-Иху — букв.: Хетереки Сплющенный Нос.

Г а в а й и

¹ В переводе неточность. Омары (*Notagus*) в водах Тихого океана не водятся. По-видимому, речь идет о других ракообразных.

² Гавайцы добывали огонь способом трения с помощью двух палочек: мягкой и твердой, причем твердую палочку грут о мягкую.

⁸ О п и х а — местное название рыбы прилипалы.

⁴ П а х о а — нож, изготовленный из твердого дерева или камня.

⁵ С е т ь — одно из важнейших орудий рыбной ловли в Полинезии. Некоторые полинезийские сети достигали в длину 150 м и более.

⁶ К а л а и п а л а н и — гавайские названия двух видов меч-рыбы у х у — местное название рыбы губана (*Zabrus*).

⁷ Н е н у э — местное название рыбы лоцмана (*Naucrates ductor*).

⁸ См. прим. 31 к разделу Подопечная территория Новая Гвинея.

⁹ Гавайцы могли избирать покровителем своей семьи любое существо.

¹⁰ Святилище (хенау) обычно ограждалось с четырех сторон камнями. Внутри его стоял жертвенник.

¹¹ На Гавайях, как и на некоторых других островах Полинезии, практиковались человеческие жертвоприношения.

¹² См. прим. 47 к разделу Тонга.

¹³ День Кане — 27-й день лунного месяца.

¹⁴ См. прим. 24 к разделу Французская Полинезия.

¹⁵ М е н е х у н е — полумифический народ, населявший Гавайские острова до появления полинезийцев. Менехуне постепенно вымерли. В мифологии менехуне нередко изображают карликами, приписывают им сверхъестественные свойства.

¹⁶ О т а п е см. прим. 28, о набедренных повязках — прим. 46 к разделу Тонга.

¹⁷ См. прим. 33 к разделу Тонга.

¹⁸ П о и — любимое блюдо гавайцев, приготовляемое из растертого таро.

¹⁹ Жрецы играли очень большую роль в Полинезии. На некоторых архипелагах они представляли собой замкнутую наследственную касту.

²⁰ Коу — старое наименование Гонолулу.

²¹ К о а — местное название деревьев *Acacia koa*.

²² Э э п а — сверхъестественные существа в виде карликов.

²³ М у — злой дух.

²⁴ О полинезийской палице см. прим. 7 к разделу Западное Самоа, о копье — прим. 1 к разделу Тонга и о праще — прим. 4 к разделу Французская Полинезия.

²⁵ Устрашающие маски широко использовались полинезийцами при выполнении различных обрядов и на войне.

²⁶ См. прим. 2 к разделу Острова Кука.

²⁷ Каменные орудия играли важнейшую роль в хозяйстве полинезийцев, так как металл не был им известен.

²⁸ В Полинезии были распространены плащи из перьев (точнее, из птичьих шкурок). Наряд этот отличался большой красотой.

²⁹ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

³⁰ См. прим. 10 к разделу Новые Гебриды.

³¹ Х у л а — красочный танец, исполняемый гавайцами во время торжеств.

³² А у м а к у а — духи.

³³ Папа и Вакеа (*Уакеа*) — Пространство — почитались как предки гавайцев.

³⁴ Под Кахики в легендах подразумевается любая далеко расположенная земля.

³⁵ См. прим. 29 к разделу Тонга.

³⁶ Х и н а — мать Мауи.

³⁷ В а и м е а (букв.: красная вода) — название одного из кустарников (*Perrottetia sandwicensis*). Такое название этот кустарник имеет только на о-ве Мауи, на других же островах архипелага он называется оломеа.

³⁸ Х а л е к а л а — букв.: дом Солнца.

³⁹ В и л и - в и л и - п у х а — букв.: развесистое дерево вили-вили (вили-вили — местное название дерева *Erithrina sandwicensis*).

⁴⁰ О о п у — местное название *Bathygobius fuscus*.

⁴¹ К а н е и К а н а л о а — особо почитаемые на Гавайях божества. На других островах Полинезии соответствующие божества выступают под названиями Тане и Тангалоа (или Тагалоа, Тангароа и т. д.).

⁴² Х е и а у — святилище (см. прим. 11 к данному разделу).

⁴³ См. прим. 50 к разделу Французская Полинезия.

⁴⁴ Термин этот, по-видимому, заимствован из библейских мотивов.

⁴⁵ См. прим. 27 к разделу Острова Пасхи.

⁴⁶ Л е х о — местное название раковин каури.

⁴⁷ К а п а — местное название тапы. Оухолова и елеули — два сорта гавайской тапы. Первая изготовлялась из луба мамаки (*Pipturus albidus*), причем обе ее стороны раскрашивались по-разному, вторая отличалась приятным запахом.

⁴⁸ См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова.

⁴⁹ Лук и стрелы были известны полинезийцам, однако использовались не как боевое оружие, а как оружие охотничье или спортивное.

⁵⁰ Далее выпущен небольшой кусок текста, значение которого не вполне ясно.

⁵¹ А х у п у а а — подразделение округа. Один ахупуаа обычно занимал долину и управлялся мелким вождем.

⁵² Полинезийцы считают овощи основной едой, мясо же и рыбу — приправой.

⁵³ См. прим. 39 к разделу Тонга.

⁵⁴ Знатоки генеалогий и лица, сведущие в астрономии, пользовались в Полинезии большим уважением.

⁵⁵ Как указывает В. Д. Вестервельт, в гавайских легендах искусные вожди часто наделяются чудесной способностью прыгать с большой высоты не разбиваясь.

⁵⁶ Камехамеха (Камеамеа) — имя нескольких гавайских королей.

⁵⁷ Лоно-и-Ка-Макахики — внук Уми (см. «Уми, король Гавайев», стр. 543), учредил осенний праздник плодородия макахики. Во время этого праздника проводились состязания, посвященные богу Лоно.

⁵⁸ Пословица, указывающая на незначительность того или другого явления.

⁵⁹ Здесь Пупукеа сравнивает себя с круглым плодом хлебного дерева, который полинезийцы использовали для игры в шары, а Калани — с тростником.

Новая Зеландия

¹ Миф приводится с небольшими сокращениями.

² Приправой у маори считаются не овощи, а рыба и мясо.

³ См. прим. 1 к разделу Тонга.

⁴ Ха р а к е к е — местное название новозеландского льна.

⁵ См. прим. 37 к разделу Папуа.

⁶ Под общим домом, вероятно, подразумевается дом, в котором жила семейная община.

⁷ Мауи-тикитики-о-Таранга — букв.: Мауи, получившийся из пучка волос Таранги.

⁸ Выражение «уподобиться детям Ранги и Папы» означает «поссориться».

⁹ Речь идет о накидке из новозеландского льна — харакеке.

¹⁰ Как утверждает К. Луомала, м а н а п а у — дерево, происходящее из страны, откуда пришли люди. По словам жрецов, оно было известно там под этим же названием.

¹¹ Очевидно, это позднее добавление к мифу, возникшее под влиянием христианской религии.

¹² Мауи-Ранга-Фенуа — прародительница Мауи.

¹³ Тонга-нуи — внук морского бога Тангароа.

¹⁴ Папа-ту-а-нуку — одна из частей земли (земля, согласно полинезийской мифологии, разделяется на девять частей).

¹⁵ Тафири-ма-теа — хозяин бурь.

¹⁶ Рабство было распространено на многих архипелагах Полинезии. В рабов обычно обращали военнопленных.

¹⁷ Фатитири-матакатака — бог грома.

¹⁸ К а и к о м а к о — местное название дерева *Pennantia cornubosa*.

¹⁹ См. прим. 25 к разделу Папуа.

²⁰ См. прим. 2 к разделу Острова Кука.

²¹ В полинезийской мифологии голубь нередко выступает в качестве «божественной птицы» — посланца неба.

²² В источнике указывается, что рассказ о смерти Каитангаты значительно сокращен.

²³ Па — укрепленное селение, строившееся маори на холме и окружавшееся рвом, валом и частоколом. В таком селении скрывались во время осады.

²⁴ Миф о Тафаки на этом не кончается. В записи Дж. Грея рассказывается еще о том, как Тафаки женился на небесной девушке Танготанго. У них родилась дочь. Однако небесная жена поссорилась с Тафаки и, забрав с собой дочь, возвратилась на небо. Тафаки последовал за ней и тоже остался на небе.

²⁵ Речь идет о длинном деревянном мече с большой рукояткой, за которую его держали двумя руками. Подобные мечи были довольно широко распространены в Полинезии.

²⁶ Возможно, имеются в виду существа, подобные менехуне (см. прим. 15 к разделу Гавайи).

²⁷ Полинезийцы давали имена лодкам и даже их отдельным частям.

²⁸ Имеется в виду па (см. прим. 23 к данному разделу).

²⁹ Речь, очевидно, идет о мане (см. прим. 24 к разделу Французская Полинезия).

³⁰ См. прим. 5 к разделу Британские Соломоновы острова.

³¹ М а р а э — центральная площадь в селении.

³² К у м а р а — местное название батата.

³³ Речь идет о середине XIX в.

³⁴ Информатор запомнил только начало песни

³⁵ П а к е х а — маорийское название европейцев.

³⁶ А о т е р о а — местное название Новой Зеландии.

³⁷ См. прим. 12 к разделу Французская Полинезия.

³⁸ См. прим. 29 к разделу Новые Гебриды.

³⁹ Военная пляска обычно устраивалась перед боем. Цель ее — воодушевление воинов на ратные подвиги.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А о б а — см. Опа.

А и т у т а к и — один из островов основной группы архипелага Кука. Площадь 18 кв. км, население, по данным переписи 1961 г., 2,6 тыс. человек.

А и у о (А и в б) — округ в западной части о-ва Науру.

А л е н у и х а х а — пролив, отделяющий о-в Гавайи от о-ва Мауи.

А т а — небольшой необитаемый остров, расположенный на крайнем юго-западе архипелага Тонга. Площадь 2 кв. км.

А у н у у — небольшой остров, расположенный к востоку от о-ва Тутуила. Площадь 2,5 кв. км, население 0,4 тыс. (1960 г.). Входит в состав Восточного Самоа.

Б а д у — один из островов Торресова пролива.

Б а и — населенный пункт в Новой Каледонии.

Б а н к с, острова — группа островов, расположенная к северу от Новых Гебрид. Население 3,2 тыс. жителей (1964 г.). Еще недавно население о-вов Банкс было весьма неоднородным по своему этническому и языковому составу, однако в последние десятилетия в связи с вытеснением языком мота других языков, распространенных прежде среди населения островной группы, начался быстрый процесс языковой и этнической консолидации островитян.

Б и а н — река в Западном Ириане, делящая этническую территорию маринд-аним на две области: западную — Имас и восточную — Гавир.

Б и н а т у р и — небольшая река, протекающая западнее р. Ориому (территория Папуа).

Б о и г у — остров у южного побережья Папуа, напротив устья р. Маи-Каса. Не входит в состав Папуа и относится к Квинсленду.

Б о р а б о р а — один из Подветренных островов (архипелаг Общества). Площадь 30 кв. км, население 1,7 тыс. человек (1962 г.).

Б у л а к и — река, протекающая в западной части области расселения маринд-аним (Западный Ириан).

В а в а у — группа островов на севере архипелага Тонга. Состоит из сравнительно крупного острова Вавуа и большого числа мелких островов. Общая площадь 91 кв. км.

В а г а п — населенный пункт на Новой Каледонии.

В а и н у н у — округ на о-ве Вануа-Леву, расположенный у залива того же названия.

В а л и л и — гористая местность в центральной части о-ва Вануа-Леву. Принадлежала племени сетура.

В а н у а - Л а в а — один из островов группы Банкс. Площадь 220 кв. км. Население 0,5 тыс. человек.

Вануа-Леву — второй по величине остров архипелага Фиджи. Площадь 5,5 тыс. кв. км. На острове живет 18% всего населения колонии. В северной части острова преобладают индийцы, в южной и восточной — фиджийцы.

Вано — маленький островок у восточного побережья Малекулы (Новые Гебриды). Населен так называемыми морскими людьми, обитающими также на соседних островах Урипив, Рано, Вала, Атчин.

Вира-Ро-Тури — небольшая река, протекающая в местности Вира-ро (территория Пауа).

Вити-Леву — самый крупный (площадь 10,4 тыс. кв. км) и самый населенный остров архипелага Фиджи (на острове сосредоточено 72% всего населения колонии). Более половины населения Вити-Леву в настоящее время составляют индийцы, сосредоточенные главным образом в северо-западной части острова (в районе плантаций сахарного тростника) и вблизи административного центра Фиджи — Сувы.

Волеаи — атолл в Каролинском архипелаге. Площадь 4 кв. км, население 0,6 тыс. человек (1967 г.). Жители Волеаи близки в этническом отношении населению атолла Улити.

Вуйя — округ провинции Мбуа, расположен на крайнем юге о-ва Вануа-Леву.

Гавайи (правильнее: **Гавани**) — крупнейший по площади (10,4 тыс. кв. км) остров Гавайского архипелага. Население 58,5 тыс. человек.

Гавайские острова — архипелаг в восточной части Полинезии. Из островов архипелага наиболее значительны Гавайи, Мауи, Ланаи, Молокаи, Оаху, Кауаи. Общая площадь Гавайских островов 16,7 тыс. кв. км, население 750 тыс. человек (1967 г.). Коренные жители — гавайцы составляют в настоящее время вместе с метисами лишь 115 тыс., причем подавляющая часть этого числа приходится на метисов, «чистых» гавайцев осталось лишь 10 тыс. человек. Основную часть населения составляют в настоящее время американцы и другие группы европейского происхождения (285 тыс.) и японцы (208 тыс.). Гавайские острова были захвачены США в конце XIX в. и в настоящее время образуют один из штатов этой страны под названием Гавайи, или Алоха.

Гавир — область в восточной части территории расселения маринданим (Западный Ириан). Расположена к востоку от устья р. Биан.

Гавил — округ в восточной части о-ва Яп. В доколониационный период вождь этой местности добился большого могущества и подчинил своему влиянию многие атоллы: Улити, Фаис, Сорол, Заурипик, Волеаи, Пулусук, Пулап, Намонуито и др.

Газель — полуостров на северо-востоке Новой Британии.

Гайма — крупная деревня на левом берегу р. Флай.

Гандин — травянистая равнина в низовьях р. Марб.

Гауа — один из островов группы Банкс. Население 0,3 тыс. человек (1964 г.).

Гилберта, острова — архипелаг на востоке Микронезии. Площадь около 260 кв. км, население 46 тыс. человек (по данным на середину 1968 г.). Архипелаг входит в состав британской колонии «острова Гилберта и Эллис» (площадь 932 кв. км, население 57 тыс. человек в 1968 г.) Гилберты говорят на одном из микронезийских языков (кирибати) и в этническом отношении составляют одно целое. Из всех микронезийцев аборигены о-вов Гилберта испытали на себе наибольшее полинезийское влияние.

Гоикул — населенный пункт в юго-восточной части о-ва Бабелтуап (архипелаг Палау).

Даване (Дауан) — остров у южного побережья Папуа. Не входит в состав территории Папуа и подчинен австралийскому штату Квинсленд.

Дару — небольшой остров у побережья Папуа, к югу от устья р. Флай.

Дигул — крупная река в Западном Ириане, впадающая в Арафурское море. Протекает к северу от этнической территории маринд-аним.

Домори (Домори) — остров в эстуарии р. Флай.

Дуди — район, расположенный на правом берегу р. Флай, напротив о-ва Киваи (территория Папуа).

Западное Самоа — независимое полинезийское государство, занимающее западную часть архипелага Самоа (о-ва Уполу, Савайи и ряд более мелких). Площадь 2,8 тыс. кв. км, население 130 тыс. (1966 г.). Подавляющее большинство населения — самоанцы.

Западный Ириан — западная часть острова Новая Гвинея (Ириан), входящая в состав Индонезии. Площадь 413 тыс. кв. км, население 896 тыс. человек. Территория Западного Ириана была аннексирована в 1828 г. Нидерландами и оставалась голландским владением вплоть до 1962 г. Этнический состав Западного Ириана очень сложен. Наряду с разными папуасоязычными группами, составляющими большинство населения, там живут также народы, говорящие на меланезийских и индонезийских языках.

Имаса (точнее Има) — область в западной части этнической территории маринд-аним (Западный Ириан). Население Имаса отличается от остальных маринд-аним рядом диалектных особенностей.

Ифалик (Ифалук) — один из атоллов Каролинского архипелага. Площадь 2 кв. км, население 0,3 тыс. человек. Жители Ифалика относятся к той же этнической группе, что и аборигены Улити и Волеаи.

Канала — населенный пункт на восточном побережье Новой Каледонии.

Карават (Керават) — небольшая река на о-ве Новая Британия. Во время обильных дождей река сильно разливается и течение ее становится очень быстрым.

Каролинские острова — крупнейший архипелаг Микронезии. Состоит из большого числа островов, островных групп и атоллов. Важнейшие среди них: о-ва Палау, Яп, атоллы Улити, Волеаи, Ифалик, Пулуват, Намонуито, о-ва Трук, Номои, Понапе, Кусаие. Общая площадь архипелага 1195 кв. км, население 62 тыс. человек (1967 г.). Этнический состав населения Каролинских островов довольно разнороден. Кроме наиболее крупной этнической общности — трукцев здесь имеется и ряд других, меньших по численности (палауанцы, япцы, улитяны и волеаианцы, поналеанцы, кусаиеанцы, полинезийцы — нукуоро и капингамаранги). Каролинский архипелаг входит в состав управляемой США подопечной территории Тихоокеанские острова.

Кау — округ на о-ве Гавайи.

Кауаи — один из Гавайских островов. Площадь 1,4 тыс. кв. км, население 26 тыс. человек.

Кахулави — небольшой необитаемый остров в Гавайском архипелаге. Площадь 117 кв. км.

Киваи — остров, расположенный в эстуарии р. Флай. Заселен группой киваи.

Комолом — сильно заболоченный остров, расположенный несколько южнее о-ва Фредерик-Хендрик, от которого отделяется протокой. Короткая протока отделяет Комолом и от основной части Западного Ириана.

Кона — округ в западной части о-ва Гавайи.

Кондо-Мирав — местность в Западном Ириане, расположенная недалеко от границы с Папуа. Представляет собой небольшой анклав мариинд-аним среди иноязычного населения (племен канум-иребе).

Коро — остров, расположенный во внутреннем фиджийском море — море Коро. Площадь 104 кв. км.

Кохала — округ на севере о-ва Гавайи.

Кубира — остров в эстуарии р. Флай.

Кука, острова — архипелаг в восточной части Полинезии. Делится на две группы: Северную (о-ва Пенрин, или Тонгарева, Манхики, Ракаханга, Пукапука, Нассау, Суворова, Палмерстон) и собственно о-ва Кука (о-ва Раротонга, Мангаиа, Мауке, Митиаро, Атиу, Такутеа, Мануаэ, Аитутаки). Географически к архипелагу Кука принадлежит также о-в Ниуэ, в административном отношении образующий отдельную «островную территорию» Новой Зеландии. Площадь о-вов Кука (без Ниуэ) 234 кв. км, население, по данным на 1968 г., 20 тыс. человек. Этнический состав населения несколько сложнее, чем на остальных архипелагах Полинезии. Фактически аборигены о-вов Кука еще не сложились в единый народ и образуют несколько самостоятельных этнических групп. Из этих групп следует выделить пукапуканцев, которые стоят ближе к населению Западной Полинезии, чем к остальным аборигенам архипелага. Наконец, совершенно особенное положение занимают палмерстонцы — небольшая группа англо-полинезийских метисов. В настоящее время о-ва Кука считаются «присоединившимся (к Новой Зеландии) государством».

Кумбулау — полуостров между заливами Савусаву и Ваинуну (о-в Вануа-Леву).

Кура — пересыхающая река (крик), правый приток р. Бинатури.

Ламотрек — атолл в Каролинском архипелаге. Площадь 1 кв. км, население 200 человек. Обитатели Ламотрека почти не отличаются в этническом отношении от жителей атолла Ифалик.

Ланаи — один из Гавайских островов. Площадь 365 кв. км, население 2,3 тыс. человек.

Лау — группа островов, расположенных в восточной части архипелага Фиджи. Площадь 462 кв. км. Лауанцы несколько отличаются от остальных фиджийцев как по своей культуре, так и по антропологическому типу. На о-вах Лау очень заметно полинезийское влияние.

Лосалава — один из островов группы Банкс.

Мааламоа — населенный пункт в Новой Каледонии.

Мабуга — один из островов Торресова пролива.

Малекула — второй по площади (2 тыс. кв. км) остров Новых Гебрид. Население Малекулы, по данным на 1964 г., 9,5 тыс. человек. На острове живет ряд различных этнических групп: «большие намба», «малые намба», ламбумбу, мевун, ламангкау и т. д.

Марианские острова — архипелаг в западной части Микронезии. Площадь 952 кв. км, население 105 тыс. (1967 г.). В политическом от-

ношении наиболее крупный остров Гуам (площадь 549 кв. км, население 94 тыс.) является колонией США, остальная часть архипелага (площадь 403 кв. км, население 11 тыс.) входит в состав подопечной территории Тихоокеанские острова, также находящейся под американским управлением. Жители Маррианских островов — чаморро раньше всех океанийцев столкнулись с колонизаторами. В ходе войны, развязанной испанскими завоевателями, практически все взрослые чаморро были истреблены. Современные обитатели архипелага, также называемые чаморро, в антропологическом отношении сильно смешаны. Однако они стойко сохраняют язык финохайя, на котором говорили их далекие предки в период испанской колонизации. Язык этот относится к малайско-полинезийской семье.

Маркизские острова (местное название *Хива*) — архипелаг в восточной части Полинезии. Входит в состав «заморской территории» Французская Полинезия. Площадь 1,3 тыс. кв. км, население, по данным переписи 1962 г., 5 тыс. человек.

Маро — река, протекающая на крайнем юго-востоке этнической территории маринд-аним.

Марокау — атолл юго-восточной группы архипелага Туамоту. Площадь 22 кв. км, население 0,1 тыс. человек (1962 г.).

Мата-Фенуа — один из островов Маркизского архипелага.

Мауи — остров в Гавайском архипелаге. Площадь 1,9 тыс. кв. км, население 38 тыс. человек.

Мауна-Кеа — потухший вулкан на о-ве Гавайи. Является высшей точкой архипелага (4210 м над уровнем океана).

Мауна-Лоа — действующий вулкан на о-ве Гавайи. Высота вулкана достигает 4170 м.

Маэво (Аврора) — один из островов северо-восточной части архипелага Новые Гебриды. Площадь острова 280 кв. км, население, по данным на 1964 г., 1,1 тыс. человек. Население Маэво подразделяется на две основные группы: 1) северную и центральную (лотора, маэво, танорики, арата, бангоро), 2) южную, которую образуют выходцы с соседнего острова Пентекост (ламаланга).

Мбенгга — небольшой остров (площадь 36 кв. км), расположенный к югу от Вити-Леву (Фиджи).

Мерауке — самый значительный населенный пункт на южном побережье Западного Ириана. Правильное наименование поселения Эрмасук (что значит «излучина реки»).

Моа — один из островов Торресова пролива.

Моала — важнейший остров в островной группе того же наименования, расположенной в море Коро. Площадь острова 62 кв. км.

Молокаи — один из островов Гавайского архипелага. Площадь 673 кв. км, население 4 тыс. человек.

Мота — один из островов в группе Банкс. Население острова 0,3 тыс. человек.

Моталава (Мото-Лава) — остров группы Банкс. Население 0,9 тыс. (1964 г.).

Мотутапу (Ваирарава) — небольшой остров у берегов Новой Зеландии.

Мохогани (Мотане) — небольшой необитаемый остров в группе Маркизских островов. Расположен к юго-востоку от о-ва Хива-Оа.

Муа — поселение в восточной части о-ва Тонгатапу (архипелаг Тонга).

Мули — широкая протока, отделяющая о-в Фредерик-Хендрик от остальной части Западного Ириана.

Мури (Море) — один из островов группы Марри в Торресовом проливе.

Нагири (Нагир) — один из островов Торресова пролива.

Наивака — полуостров в северо-западной части о-ва Вануа-Леву (Фиджи).

Напука — один из островов архипелага Туамоту. Вместе с примыкающим островом Тепото образует группу Дезаппуантман (Дисаппойнтмент), площадь которой 16 кв. км, население 0,3 тыс. человек. Напукацы по своему языку значительно отличаются от остальных аборигенов архипелага Туамоту.

Науру — изолированный остров в Южной Микронезии. Площадь 21 кв. км, население 6 тыс. человек (1968 г.), из них половина — науруанцы, остальные — другие океанийцы (гилбертцы и эллисцы), китайцы и европейцы. Аборигены — науруанцы говорят на одном из микронезийских языков. В 1888 г. Науру был аннексирован Германией, после первой мировой войны стал мандатной территорией Австралии, Новой Зеландии и Великобритании, а по окончании второй мировой войны был преобразован в подопечную территорию под управлением тех же стран. Управляющие державы нещадно эксплуатировали важнейшее природное богатство Науру — залежи фосфоритов, что привело к уничтожению большей части почвенного покрова острова. Народ Науру вел мужественную борьбу со своими поработителями и добился в 1968 г. независимости.

Нгардмау — остров и поселение возле северо-западной части о-ва Бабелтуап (архипелаг Палау).

Нгарекекляу — один из островов архипелага Палау.

Нгулу — группа островов Каролинского архипелага. Площадь 0,5 кв. км, население всего 18 человек (1967 г.). Жители Нгулу в этническом отношении тесно связаны как с обитателями о-вов Яп, так и с населением атолла Улити и являются двуязычными — знают как японский, так и улитянский языки.

Ндрекети — деревня и округ в западной части провинции Матуата, расположенной на севере о-ва Вануа-Леву.

Ниау — атолл в центральной группе архипелага Туамоту. Площадь 24 кв. км, население 0,2 тыс. человек (1962 г.).

Ниихау — небольшой остров в составе Гавайского архипелага. Площадь 186 кв. км, население 0,3 тыс. человек.

Ниуагопугапу — остров, расположенный к северу от основной части архипелага Тонга. Площадь 15 кв. км.

Новая Британия — крупнейший остров архипелага Бисмарка. Площадь вместе с примыкающими мелкими островами 38 тыс. кв. км, население 126 тыс. человек (1965 г.). На острове живут как меланезийцы, так и папуасы.

Новая Гвинея как подопечная территория включает в свой состав северо-восток о-ва Новая Гвинея, а также архипелаг Бисмарка и о-ва Бугенвиль и Бука. Площадь подопечной территории 239 тыс. кв. км, население, по оценке на середину 1968 г., 1678 тыс. Основной компонент населения — папуасы, кроме них имеется также довольно значительное число меланезийцев. Неаборигены — англо-австралийцы и другие европейцы, китайцы и т. д. — образуют лишь несколько более 1% населения страны. Об-

ласти, ныне составляющие подопечную территорию, были аннексированы Германией в 1884 г. После первой мировой войны бывшие германские владения стали мандатной территорией, управляемой Австралией, после второй мировой войны мандатная территория была преобразована в подопечную территорию, также управляемую Австралией.

Новая Зеландия — название двух больших и нескольких малых островов на крайнем юго-западе Полинезии. Площадь 269 кв. км, население 2751 тыс. человек (1968 г.). До середины XIX в. практически все население Новой Зеландии составляли маори — один из полинезийских народов. Европейская колонизация привела к быстрому сокращению численности маори, однако к началу XX в. вымирание маори прекратилось. В 1968 г. маори (вместе с метисами) насчитывалось 214 тыс. человек.

Новая Каледония — один из островов Меланезии. Площадь 17 тыс. кв. км. Вместе с соседними островами, а также архипелагом Луайоте образует «заморскую территорию» Франции, также называемую Новой Каледонией. Площадь «заморской территории» 19 тыс. кв. км, население, по оценке на середину 1968 г., 96 тыс. человек. Этнический состав населения весьма разнообразен. Несколько более половины жителей составляют разные аборигенные народы. Это меланезийцы Новой Каледонии (32 тыс.; подразделяются на ряд этнических общностей, важнейшими из которых являются уаилу, пати, анесю), меланезийцы о-вов Луайоте (13 тыс.; три группы), полинезийцы — западные увеа (1,5 тыс.; живут на о-ве Увеа архипелага Луайоте). Остальную часть населения образуют иммигранты и их потомки: французы (точнее, франко-новокаледонцы; 33 тыс. человек), яванцы (свыше 4 тыс.), вьетнамцы (более 1 тыс.), выходцы с о-вов Уоллис и Футуна (более 5 тыс.), таитяне (3 тыс.) и др.

Новые Гебриды — архипелаг в Центральной Меланезии. Вместе с соседними островами Банкс и о-вами Торрес Новые Гебриды образуют кондоминиум Великобритании и Франции. Площадь кондоминиума 15 тыс. кв. км, население, по оценке на середину 1968 г., 78 тыс. Этнический состав населения таков: разные группы меланезийцев — 73 тыс., полинезийцы-«outliers» — более 1 тыс., таитяне, увеанцы, футунанцы, ввезенные в качестве законтрактованных рабочих, — 1 тыс., французы — около 2 тыс., англичане и др.

Нукуалофа — столица королевства Тонга. Расположена на северном побережье о-ва Тонгатапу. Население 16 тыс. человек.

Нукути — маленький остров у северного побережья Вануа-Леву.

Нукуива — один из Маркизских островов. Расположен в северо-западной части архипелага. Площадь 161 кв. км, население 1,2 тыс. человек (1962 г.).

Оаху — наиболее населенный и важнейший по экономическому значению остров Гавайского архипелага. Площадь 1,6 тыс. кв. км, население 621 тыс. человек.

Общества, острова — самый важный из архипелагов, входящих в состав Французской Полинезии. Площадь 1,6 тыс. кв. км. Архипелаг образует две группы островов: Наветренные и Подветренные (население соответственно 52 тыс. и 16 тыс. человек в 1962 г.). Все аборигенное население о-вов Общества называют сейчас таитянами.

Опа (точнее **Аоба**, другие варианты — **Омба**, остров **Прокаженных**) — остров в архипелаге Новых Гебрид. Площадь 388 кв. км, на-

селение 4,7 тыс. (1964 г.). Все население о-ва Аоба к настоящему времени фактически слилось в единую языковую и этническую группу.

Орибому (Ориомо) — небольшая река, протекающая южнее р. Флай.

Офоланга — небольшой остров в архипелаге Тонга. Находится на крайнем севере группы Хапаи.

Палау — архипелаг в западной части Микронезии. Площадь 494 кв. км, население 11 тыс. (по оценке на 1967 г.). Главный остров архипелага Бабелтуап. Палауанцы говорят на малайско-полинезийском (австронезийском) языке. О-ва Палау обычно включают в состав Каролинского архипелага.

Папаратава — местность в северо-восточной части о-ва Новая Британия, где расселено племя того же названия.

Папуа — юго-восточная часть Новой Гвинеи, принадлежащая с 1905 г. Австралии. Площадь 223 тыс. кв. км, население, по данным на середину 1968 г., 599 тыс. человек. Среди населения преобладают папуасы, имеются также меланезийцы. Пришельцы (главным образом англо-австралийцы) составляют около 3% населения страны.

Пасхи, остров — изолированный остров на крайнем юго-востоке Полинезии. Площадь 165 кв. км, население более 1 тыс. человек. В настоящее время принадлежит Чили. Аборигенное население острова — рапануицы — один из полинезийских народов, имеющий весьма своеобразную историю и создавший оригинальную культуру.

Пелелиу — значительный остров в группе Палау.

Пентекост — см. Рага.

Поике — полуостров, расположенный в восточной части о-ва Пасхи

Понапе — один из островов Каролинского архипелага. Площадь 334 кв. км. Население 13 тыс. человек (1967 г.). Понапеанцы говорят на особом микронезийском языке.

Поот — небольшой остров, расположенный поблизости от Новой Каледонии.

Пуананду — небольшая река, протекающая по Новой Каледонии.

Пукупухипухи — гора, возвышающаяся на востоке о-ва Пасхи.

Пулуват — атолл в Каролинском архипелаге. Площадь 3 кв. км, население 0,4 тыс. человек (1966 г.). Жители Пулувата в этническом отношении занимают промежуточное положение между улитианцами, с одной стороны, и трукцами — с другой, хотя все же ближе стоят к первым.

Пуна — округ на юго-востоке о-ва Гавайи.

Рага (в настоящее время чаще употребляется другое название — Пентекост) — остров в группе Новых Гебрид. Площадь 440 кв. км, население 5,3 тыс. (1964 г.). По этническому составу население подразделяется на две основные группировки: 1) северного Пентекоста (ламаланга и близкие к ней группы), 2) центрального и южного Пентекоста (долтонг, бвагнапи, мелсиси, понорес).

Ранатеа — наиболее крупный из Подветренных островов архипелага Общества. Площадь 194 кв. км, население 6 тыс. человек (1962 г.).

Ранокано — вулкан на о-ве Пасхи.

Ротума — остров, расположенный к северу от архипелага Фиджи. Площадь всего 47 кв. км. Население острова — ротуманцы в расовом и языковом отношении занимают промежуточное положение между меланезийцами и полинезийцами. Административно остров подчинен Фиджи.

Савайи (правильнее **Саваяи**) — крупнейший остров архипелага Самоа. Площадь 1,7 тыс. кв. км, население, по данным переписи 1966 г., 36 тыс. человек.

Сайбаи — остров у южного побережья Папуа. Подчинен австралийскому штату Квинсленд.

Самоа — архипелаг в Западной Полинезии. Занимает площадь 3,0 тыс. кв. км. Большая, западная, часть архипелага образует независимое государство Самоа, меньшая — владение США Восточное Самоа. См. также **Западное Самоа**.

Санта-Исабель (или просто **Исабель**) — один из крупнейших островов в группе Соломоновых островов. Площадь 4,7 тыс. кв. км, население 8,4 тыс. (1963 г.).

Сатаван — атолл в группе Номои Каролинских островов. Площадь 5 кв. км, население 0,6 тыс. человек (1966 г.). Жители Сатавана близки аборигенам Трука.

Соломоновы острова — архипелаг в центральной части Меланезии. Площадь 41 тыс. кв. км, население 217 тыс. Архипелаг состоит из большого числа островов, из которых наиболее крупные — Бугенвиль (площадь 10,6 тыс. кв. км), Гуадалканал (6,5 тыс. кв. км), Санта-Исабель (4,7 тыс. кв. км), Сан-Кристоваль (4,7 тыс. кв. км), Малаита (3,9 тыс. кв. км), Шуазель (2,5 тыс. кв. км). Большая часть Соломоновых островов принадлежит Великобритании (так называемый протекторат Британские Соломоновы острова; площадь 30 тыс. кв. км, население, по данным на середину 1968 г., 147 тыс.), и лишь крайний север архипелага (крупный остров Бугенвиль и небольшой остров Бука; площадь свыше 11 тыс. кв. км, население 70 тыс.) входит в состав подопечной территории Австралии «Новая Гвинея». Среди населения Британских Соломоновых островов преобладают различные группы меланезийцев (129 тыс.); кроме того, в протекторате живут папуасы (9 тыс.), полинезийцы (так называемые «outliers», 5 тыс.), микронезийцы о-вов Гилберта (2 тыс.), англо-австралийцы и т. д. Большинство населения Бугенвиля и Буки составляют папуасы, но имеются также и меланезийцы.

Соук — небольшой остров в Каролинском архипелаге.

Сьетура — местность в исторической области Мбуа, где было расселено племя того же наименования.

Табитеуэа — крупнейший атолл в архипелаге Гилберта. Площадь 49 кв. км, население 4 тыс. человек (1962 г.).

Тавеуни — остров в архипелаге Фиджи, к юго-востоку от о-ва Вануа-Леву. Площадь Тавеуни 435 кв. км.

Таити — самый крупный из о-вов Общества. Площадь 1 тыс. кв. км, население, по данным переписи 1962 г., 45 тыс. человек. Расположенный на Таити город Папезте (с пригородами — 37 тыс. жителей) является административным центром всей Французской Океании.

Такуме — небольшой атолл, расположенный в центральной группе архипелага Туамоту, поблизости от атолла Рарона.

Танорики — название деревни, района и этнической группы на крайнем севере о-ва Маэво.

Тарава — атолл в архипелаге Гилберта. Площадь 23 кв. км, население 8 тыс. человек (1962 г.). На Тарава в настоящее время расположен административный центр английской колонии «острова Гилберта и Эллис».

Таранакки — название исторической области (и племени) на Северном острове Новой Зеландии.

«Тихоокеанские острова» — подопечная территория США, включающая в свой состав Марианские (без Гуама), Каролинские и Маршалловы острова. Площадь 1779 тыс. кв. км, население 94 тыс. человек (1968 г.). На островах, входящих в состав подопечной территории, живут народы малайско-полинезийской (австронезийской) семьи: палауанцы (о-ва Палау в группе Каролинских островов; 11 тыс.), чаморро (Марианские острова; 11 тыс.), япцы (о-ва Яп в группе Каролинских островов; 4 тыс.), улитианцы и близкие к ним этнические группы (атоллы Улити, Волеаи и некоторые другие острова в Каролинском архипелаге; 4 тыс.), трукцы (о-ва Трук, Номон и другие из группы Каролинских островов; 25 тыс.), понапеланцы (о-в Понапе в группе Каролинских островов; 14 тыс.), кусанецы (о-в Кусаие в Каролинском архипелаге; 5 тыс.) и маршаллыцы (Маршалловы острова; 19 тыс.); полинезийцы — нукуоро и капингамаранги (населяют одноименные атоллы в южной части Каролинского архипелага; общая численность свыше 1 тыс. человек).

Токелау — архипелаг в западной части Полинезии. Состоит из трех атоллов — Атафу, Нукуноно и Факаофо, принадлежащих Новой Зеландии (новозеландская «островная территория» Токелау занимает площадь 10 кв. км и имеет население, по оценке на 1968 г., 2 тыс. человек), и о-ва Суэйнс (о-в Суэйнс относительнося к американскому владению Восточное Самоа (площадь Суэйнса 2,5 кв. км, население 0,1 тыс. человек). Две трети населения Токелау составляют токелауанцы (один из полинезийских народов), одну треть — потомки от смешанных браков между токелауанцами и самоанцами.

Тонга — архипелаг в Западной Полинезии, королевство под протекторатом Великобритании. Площадь 699 кв. км, население, по оценке на 1968 г., 81 тыс. Подавляющее большинство (свыше 98%) населения Тонга образует один из западнополинезийских народов — тонганцы.

Тонгатапу — самый крупный по площади и наиболее важный в политическом и экономическом отношении остров архипелага Тонга. Расположен в южной части архипелага. По происхождению представляет собой приподнятый коралловый остров.

Торрес, острова — небольшая островная группа, расположенная к северу от Новых Гебрид. Площадь 132 кв. км, население 0,3 тыс. человек. Жители о-вов Торрес по языку и культуре сравнительно близки к жителям соседних островов Банкс.

Тофуа — наиболее крупный по площади (54 кв. км) остров группы Хаапай (архипелага Тонга).

Трук — крупный атолл Каролинского архипелага. Площадь 101 кв. км, население 18 тыс. человек (по оценке на 1967 г.). Аборигены группы Трук и некоторых смежных островов представляют собой отдельную этническую общность.

Туамоту — один из архипелагов, входящих в состав Французской Полинезии. Состоит из нескольких десятков коралловых атоллов. Общая площадь 880 кв. км, население, по данным переписи 1962 г., 7 тыс. человек. Аборигены Туамоту постепенно сливаются в этническом отношении с таитянами.

Тудо (также **Туду**, **Туту**) — остров в Торресовом проливе.

Тунгуа — островок в центральной части группы Хаапай (архипелаг Тонга).

Тутуила — важнейший остров Восточного («Американского») Самоа. Площадь 135 кв. км, население, по данным переписи 1960 г., 17 тыс. человек.

Увеа — основной остров группы Уоллис. Увеанцы близки по культуре к тонганцам.

Улити — атолл в группе Каролинских островов. Площадь 5 кв. км. Население 0,5 тыс. человек (1967 г.). Жители Улити говорят на одном из микронезийских языков, который распространен также на ряде других Каролинских островов (Волеан, Ифалик, Ламотрек, Сонсорол, Тоби и др.).

Умал (Мал) — остров, расположенный недалеко от о-ва Понапе.

Уполу — второй по площади (1,1 тыс. кв. км) и первый по населению (95 тыс. человек, по данным переписи 1966 г.) остров архипелага Самоа.

Файс — остров в Каролинском архипелаге. Площадь 3 кв. км, население 0,2 тыс. человек (1967 г.). Островитяне относятся к той же этнической группе, что и население соседних атоллов — Улити, Волеан и др.

Фараулеп — атолл в группе Каролинских островов. Площадь 0,4 кв. км, население 0,1 тыс. человек (1967 г.). Обитатели атолла говорят на диалекте, близком к диалектам Улити и Волеан.

Фиджи — один из архипелагов Меланезии, лежащий на стыке этой историко-культурной области с Полинезией. Площадь Фиджи 18 тыс. кв. км, население, по оценке на 1968 г., 505 тыс. Аборигенное население архипелага — фиджийцы по языку и культуре занимают промежуточное положение между меланезийцами и полинезийцами (все же ближе стоя к меланезийцам). Среди всех меланезийцев фиджийцы достигли наиболее высокого уровня социального и экономического развития. В настоящее время население Фиджи отличается сложностью, так как в него вошел значительный неаборигенный компонент. По оценке на середину 1968 г., этнический состав населения Фиджи был следующим: фиджийцы вместе с метисами — 220 тыс. (44% населения), разные группы индийцев — 252 тыс. (50%), англо-австралийцы, англо-новозеландцы и англичане — 13 тыс. (3%), китайцы — 6 тыс. (1%), ротуманцы — 6 тыс. (1%) и т. д. Фиджи являются колонией Великобритании.

Флорида (Нггела, Гела) — один из Соломоновых островов. Население (вместе с маленьким островом Тулаги) 4,5 тыс. (по данным 1963 г.). Все население острова образует одну этническую группу и говорит на меланезийском языке нггела.

Французская Полинезия — «заморская территория» Франции в восточной части Полинезии. В нее входит ряд архипелагов: о-ва Общества, Тубуан, Туамоту, Гамбье, Маркизские. Общая площадь 4 тыс. кв. км, население, по оценке на 1968 г., 100 тыс. человек. Население Французской Полинезии может быть подразделено по своему этническому составу на аборигенов (образуют около трех четвертей всего населения, включая метисов — около седьмой части населения) и китайцев (свыше одной девятой населения). Среди аборигенов самый крупный народ — таитяне, ему заметно уступают туамотуанцы, тубуайцы, жители Маркизских островов, мангареванцы и другие мелкие этнические общности.

Ханано — один из островов группы Хаапай (архипелаг Тонга). Расположен на северо-востоке этой группы.

Хапай — группа островов в центральной части архипелага Тонга. Состоит из о-вов Хаано, Фоа, Лифука, Уолева, Уиха, Номука, Као, Тофуа и др.

Хамаква — округ на северо-востоке о-ва Гавайи.

Хангароа — важнейший населенный пункт о-ва Пасхи. Расположен на западном побережье. В настоящее время в Хангароа сосредоточена большая часть населения острова.

Хао — атолл в юго-восточной группе архипелага Туамоту. Площадь 40 кв. км, население 0,2 тыс. (1962 г.).

Хива-Оа — крупнейший из Маркизских островов. Расположен в юго-восточной части архипелага. Площадь 200 кв. км, население 1 тыс. человек (1962 г.).

Хило — округ в восточной части о-ва Гавайи.

Элато — группа атоллов в Каролинском архипелаге. Площадь 0,5 кв. км, население всего 48 человек (1967 г.). Жители Элато этнически связаны с населением Улити и Волеан

Эуа — один из островов архипелага Тонга. Площадь 88 кв. км. В отличие от остальных островов восточной ветви — низких коралловых атоллов — Эуа возвышен (высшая его точка достигает 328 м над уровнем океана).

Эуэики — островок, расположенный к северо-востоку от о-ва Тонгатапу (архипелаг Тонга).

Ям — небольшой остров в Торресовом проливе.

Яндэ — остров, расположенный вблизи Новой Каледонии.

Яп — группа островов в Каролинском архипелаге. Площадь 101 кв. км. Состоит из главного острова, называемого также Яп, и ряда мелких островков. О-ва Яп вулканического происхождения, обладают плодородными почвами. Они издавна играли важную роль в Западной Микронезии, и их вожди подчинили себе ряд соседних островов. В 1967 г. на о-вах Яп жило 4 тыс. человек. Население этих островов образует небольшую этническую общность.

Яса (Ясамуба) — важнейшая деревня на о-ве Киван. Расположена на юго-западе острова.

Ясава — группа островов, расположенная к северо-западу от о-ва Вити-Леву (Фиджи). Площадь 135 кв. км.

СЛОВАРЬ ЗООЛОГИЧЕСКИХ И БОТАНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аист (Ciconiidae) представлен в Океании рядом видов. На Новой Гвинее водится, например, черношей аист (*Xenorhynchus asiaticus*).

Апельсин (*Citrus sinensis*) довольно часто встречается на островах Полинезии.

Арековая пальма (*Areca*) — род пальм, произрастающий в тропических странах, в том числе в Океании. Плоды этого растения используются в качестве приправы к бетелю (см.)

Арум (ароник) ребристый (*Arum costatum*) — травянистое растение семейства ароидных. Корневище этого растения съедобно и имеет острый вкус.

Баклан (*Phalacrocoracidae*) — семейство птиц отряда веслоногих; живет на воде или вблизи от нее, хорошо плавает и ныряет; питается рыбой, которую истребляет в большом количестве. Распространен во всех частях света. Кое-где бакланов приручают и используют для лова рыбы.

Батат (*Ipomoea batatas*) — растение, имеющее клубни, содержащие сахар и крахмал. Важная продовольственная культура жителей Океании. Известен только в культуре.

Бетель (*Piper betle*) — перечное растение, листья которого имеют острый и пряный вкус. Входит в состав особой жвачки, весьма широко распространенной в странах Юго-Восточной Азии. Для получения жвачки (которая, кстати, тоже называется бетелем) в лист бетеля заворачивают кусочек плода арековой пальмы и немного извести (для нейтрализации кислот, содержащихся в бетелевом листе).

Бонито (*Katsuwonus pelamis*) — ценная промысловая рыба семейства тунцов.

Брусонетия бумажная (*Broussonetia papyrifera*) — дерево семейства тутовых. Растение обладает очень прочным лубом. Некоторые океанийские народы используют брусонетию в качестве материала для изготовления одежды («тапа»).

Варан полосатый (*Varanus salvator*) — крупнейшая из современных ящериц, достигающая 3 м длины. Вараны — хищные животные.

Водяной пастушок (*Rallus*) — небольшая птица отряда пастушковых; водится поблизости от воды. Пищей служат беспозвоночные животные и водяные растения.

Ворона австралийская (*Corvus coronoides*) — вид ворон, распространенный в Австралии и Океании.

Вьюнковые (*Convolvulaceae*) произрастают в ряде архипелагов Океании.

Гардения (*Gardenia*) — род кустарников семейства мареновых с крупными душистыми цветами.

Гекко (*Gekko*) — встречающийся в Океании род ящериц из семейства чешкопалых. Гекко ведет ночной образ жизни.

Гибиск (*Hibiscus*) — род растений семейства мальвовых. Широко распространен в Океании.

Голубь (*Columbiformes*) представлен в Океании многими видами. Один из них — обыкновенный венценосный голубь (*Goura cristata*), является крупнейшей формой голубей на всем земном шаре. Весьма характерен для Океании также голубь крючкоклювый (*Didunculus strigirostris*) из подсемейства плодоядных.

Драцена (*Dracaena*) — род растений семейства лилейных. Произрастает в странах тропического и субтропического пояса, в том числе и в Океании.

Еж-рыба (*Diodon Kystrix*) — распространенная в водах Тихого океана рыба отряда сростночелюстных. Имеет шарообразное тело, покрытое острыми подвижными шипами.

Журавль австралийский (*Antigone australis*, или *Mathewsia rubicunda*) — вид журавлей, встречающийся на Новой Гвинее.

Зимородок (*Alcedinidae*) представлен в Океании рядом видов. Один из них — пегий зимородок (*Ceryle lugubris*).

Игуана (*Iguanidae*), семейство ящериц; распространена в основном в Америке; один из видов встречается в Океании.

Казуар обыкновенный (*Casuarium casuarium*) — бескилевая птица, имеющая черное оперение и достигающая 1,8 м высоты. Летать казуары не могут.

Казуарина хвощевидная (*Casuarina equisetifolia*) — высокое дерево (до 50 м), произрастающее в Океании. Древесина казуарины отличается большой плотностью. В некоторых районах Меланезии казуарина считается священным деревом.

Какаду белый — название нескольких близких видов попугаев, представленных на Малайском архипелаге, островах Меланезии и в Австралии. На Новой Гвинее (так же как и в Австралии) распространен вид *Casatua galerita*, особи которого имеют хохолок зеленовато-желтого цвета.

Каладиум (*Caladium*) — род травянистых растений семейства ароидных.

Камбала (*Pleuronectidae*) широко распространена в водах Тихого океана.

Карагана (*Caragana*) — род растений семейства бобовых. Карагана вместе с куркумой и известью используется меланезийскими знахарями как снадобье для лечения больных.

Каракавица (*Sepia*) широко представлена в водах Тихого океана.

Каури (*Syrnaea moneta*) — брюхоногий моллюск с красивой пестрой раковиной. Раковины каури издавна служили во многих странах мира мелкой денежной единицей.

Кенгуру (*Marsuprodinae*) распространен главным образом в Австралии. Однако мелкие виды этого животного можно встретить и на Новой Гвинее.

Киви (*Apteryges*) — крупная бескилевая птица, встречается только в Новой Зеландии.

Коала, или сумчатый медведь (*Phascolarctus cinereus*).— животное семейства сумчатых; ведет древесный образ жизни, отличается медлительностью.

Коршун (*Milvus*) представлен на островах Океании видом *Milvus korschun* (черный коршун).

Креветка (*Natania*) в изобилии водится в водах Тихого океана.

Крокодил (*Loricata*) встречается на ряде островов Океании. В частности, на Новой Гвинее водится самый крупный в мире вид крокодилов — гребнистый крокодил (*Crocodylus porosus*), отдельные особи которого достигают 10 м длины.

Кротон (*Croton*) — род растений семейства молочайных. Многие виды кротона ядовиты.

Крылан (*Megachiroptera*) — животное отряда рукокрылых; отличается крупными размерами. Мясо крыланов съедобно.

Кузовок четырехрогий (*Ostracion quadricornis*) — рыба из отряда сростночелюстных. Все тело кузовка заключено в панцирь из костных пластинок.

Куркума (*Curcuma*) — род тропических растений семейства имбирных. Из корневища куркумы получают ярко-желтую краску. Многие народы Океании считают куркуму священным растением.

Кускус (*Phalangerinae*) — подсемейство сумчатых млекопитающих. Большую часть жизни проводит на деревьях, ведет ночной образ жизни.

Кустарниковая курица красная (*Gallus gallus*, или *Gallus bankiva*) — непосредственный предок домашних кур, распространена в Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Океании.

Ласточка (*Hirundinidae*) представлена на островах Океании рядом видов.

Летучая мышь (*Microchiroptera*) представлена на островах Океании несколькими видами.

Летучая рыба (*Exocoetidae*) — семейство рыб отряда сарганообразных. Способна выпрыгивать из воды и парить в воздухе, пролетая до 150 м. Широко распространена в тропических водах Тихого океана.

Летучая собака (название некоторых видов рода *Pteropus*) — сравнительно крупное животное отряда рукокрылых. На некоторых островах Океании — единственное млекопитающее.

Малайская яблоня широко представлена на островах Океании. Выделяется среди других растений своими красивыми пурпуровыми цветами и ярко-зеленой кроной.

Мангровы — невысокие деревья и кустарники, растущие в тропических странах в зоне затопляемого во время приливов побережья. Образуют густые, труднопроходимые заросли.

Меч-рыба (*Xiphias gladius*) — морская рыба отряда окунеобразных. Верхняя челюсть сильно выдается вперед и образует мечевидный отросток.

Морской еж (*Echinoidea*) — класс морских животных типа иглокожих. Представители этого класса широко распространены в водах Тихого океана.

Морской желудь (род *Balanus*) — мелкое морское животное отряда усоногих, класса ракообразных. Внешней оболочкой животного служит раковина. Морские желуды ведут сидячий образ жизни, прикреп-

ляясь к подводным скалам, а также к различным более крупным морским животным.

Морской язык, или косорот (*Soleidae*).— семейство рыб отряда камбалообразных. Как и камбала, имеет несимметричное сплющенное тело; оба глаза расположены на одной (правой) стороне. В отличие от камбалы рот у морского языка скошен на левую сторону. Питается мелкой рыбой и беспозвоночными.

Мускатник (*Myristica*) — род растений, широко распространенный в тропических странах. Семена этих растений называются мускатными орехами.

Новозеландский лен (*Phormium tenax*) — растение семейства лилейных. Листья новозеландского льна содержат волокно, пригодное для плетения и изготовления тканей.

Орел (*Aquila*) встречается на некоторых островах Океании.

Осьминог (*Octopus*) широко распространен в водах Тихого океана.

Панданус (*Pandanus*) — род растений семейства пандановых. Плоды некоторых видов пандануса съедобны и употребляются океанцами в пищу. Воздушные корни и листья ряда видов используются как материал для плетения.

Папоротник (*Filices*) широко распространен на островах Океании. Для Новой Зеландии характерны древовидные формы.

Пеликан австралийский (*Pelecanus conspicillatus*) — крупная птица, гнездящаяся в Австралии, но залетающая иногда в южные районы Новой Гвинеи.

Питон аметистовый (*Python amethystinus*) — крупная, достигающая 3 м длины змея, встречающаяся в Меланезии.

Прилипала (*Echeneidae*) — морская рыба с веретенообразным телом и особой присоской на верхней стороне головы. В водах Тихого океана широко распространен род *Echeneis*.

Птица-носорог (*Rhytidocerus*) — крупная птица с рогообразным наростом на надклювье; водится в тропических странах. На Новой Гвинее представлен вид *Rhytidocerus plicatus*.

Райская птица (*Paradisaeidae*) — семейство птиц отряда воробьиных; отличается исключительно красивым оперением яркой окраски. Ведет древесный образ жизни. По обилию и разнообразию этих красивых птиц Новая Гвинея занимает первое место в мире.

Рак-отшельник (*Paguridae*) — семейство десятиногих ракообразных; широко распространен в Океании. Интересен тем, что прячет свое мягкое брюшко в пустую раковину какого-нибудь моллюска и гаскает ее затем за собой. Нередко на этой раковине поселяется актиния.

Ржанка (*Charadriidae*) представлена в Океании рядом видов. На Новой Гвинее встречается крупный вид ржанок (*Charadrius leschenaultii*). Птица прилетает зимовать на Новую Гвинею из гористых районов Центральной Азии.

Ротанг (*Calamus*) — один из родов пальм. Относится к лазающим лианам. Стебли некоторых видов ротанга достигают иногда 200—300 м длины. Помимо Новой Гвинеи растение встречается в Австралии, Юго-Восточной и Южной Азии, Африке.

Саговая пальма (род *Metroxylon*) — одна из основных продовольственных культур папуасов. Из сердцевины этой пальмы извлекают крахмалистую массу и готовят «саговую муку».

Сарган (*Belonidae*) — семейство рыб; отличается длинной, сильно вытянутой формой.

Сардина (род *Sardinops* и род *Sardinella*) широко распространена в южной части Тихого океана.

Сахарный тростник (*Saccharum*) широко распространен в Океании. Некоторые ученые даже считают, что Океания является родиной сахарного тростника.

Таро (*Colocasia esculenta*) — одна из наиболее распространенных в Океании сельскохозяйственных культур. Таро — клубнеплод, отдельные клубни этого растения достигают 6 кг веса и 1 м длины.

Термит (*Isoptera*) — отряд насекомых, широко представлен в тропических странах, в том числе в Океании. Для термитов характерно сооружение огромных гнезд — так называемых термитников, достигающих нескольких метров высоты.

Тридакна (*Tridacnidae*) — самая крупная из морских раковин. Длина ее иногда превышает 1,5 м.

Тунец (*Thunnidae*) представлен в Океании рядом ценных промысловых видов. Так, в водах Тихого океана водятся альбакор (*Gerres alalunga*) и бонито (*Katsuwonus pelamis*).

Тюлень встречается у ряда южных островов Океании.

Угорь (*Anguilliformes*) широко распространен в бассейне Тихого океана. Следует отметить обыкновенного угря (*Conger conger*), относящегося к семейству морских угрей. Тело обыкновенного угря лишено чешуи и имеет змеевидную форму. Длина рыбы достигает 2—3 м, а вес иногда превышает 50 кг. Обыкновенный угорь очень прожорлив.

Устрица (*Ostrea*) довольно широко распространена в водах Тихого океана.

Фигус (*Ficus*) — род растений семейства тутовых; широко распространен в тропических странах, в том числе на многих островах Океании.

Фрегат (*Fregata*) — род птиц из отряда веслоногих. Фрегат широко представлен на островах Океании, где он гнездится. Питается рыбой и другими мелкими морскими животными.

Хлебное дерево — культурное растение (точнее — два вида растений) рода *Artocarpus*. Из свежих или заквашенных плодов хлебного дерева, содержащих много крахмала и иногда достигающих 20—25 кг, изготавливают лепешки.

Цапля представлена в Океании несколькими видами: *Demigretta sacra*, *Notorhox novaehollandiae*, *Tyrhon sumatranus* и др. Характерны для Океании и виды рода *Egretta* (белые цапли).

Цикада (*Cicadidae*) — семейство насекомых; широко распространена по всему земному шару (кроме арктических областей); издает громкие и продолжительные звуки.

Шелковица (*Morus*) — род деревьев семейства тутовых. Плоды шелковицы съедобны.

Ямс (вид *Dioscorea alata*) — одна из главных продовольственных культур океанийцев. Клубни некоторых видов ямса иногда превышает 1 м длины. Вес клубней доходит до 40 кг. Ямс хорошо растет на сухих почвах.

Ястреб (*Accipiter*) встречается на ряде островов Океании. На Новой Гвинее, в частности, распространен ястреб-перепелятник (*Accipiter circocephalus*).

СПРАВКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ, ПРИВЕДЕННЫХ В СБОРНИКЕ

А. Список условных обозначений и полные названия источников

Антропос — «Anthropos, Internationale Zeitschrift für Völker- und Sprachenkunde», X—XI, Wien, 1916.

Аттенборо — Attenborough David, People of paradise, New York, 1960.

Берроуз — Burrows E. G., Flower in my ear. Arts and ethos of Ifaluk atoll, Seattle, 1963.

Вестервельт I — Westervelt W. D., Legends of Old Honolulu, Boston — L., 1915.

Вестервельт II — Westervelt W. D., Maui the Demi-God, Honolulu, 1910.

Гиффорд — Gifford E. W., Tongan Myths and Tales, Honolulu, 1924.

Грей — Grey G., Polynesian Mythology and Ancient Traditional History of the Maori as told by their Priests and Chiefs, Christchurch, 1956.

ЖПО, LVI — «Journal of the Polynesian Society», vol. LVI, Wellington, 1947.

Кайо — Caillot Charles, Mythes polinesiens, Paris, 1914.

Квейн — The Flight of the Chiefs, Epic Poetry of Fiji by B. H. Quain, New York, 1942.

Клейнтитшен — P. A. Kleintitschen, Mythen und Erzählungen eines Melanesierstammes aus Papatava, Neupommern, Südsee, Mödling — Wien, 1924.

Кодрингтон — R. N. Codrington, The Melanesians, Oxford, 1891; Idem, New Haven, 1957.

Колум — P. Colum, Legends of Hawaii, New Haven, 1960.

Коль-Ларсен — Kohl-Larsen L., Unter roten Hibiskusblüten. Ein Südseebuch, Eisenach und Kassel, 1957.

Кремер I — Krämer August, Die Samoa-Inseln, I, Stuttgart, 1902.

Кремер II — Handschrift von Prof. Dr. A. Krämer.

Ламбер — Le Père Lambert, Moeurs et Superstitions des Néocalédoniens, Nouméa, 1900.

Леенхардт — *Leenhardt Mauries*, Documents Néo-Calédoniens.— «Université de Paris, Institut d'ethnologie, Travaux et mémoires», IX, Paris, 1932.

Лесса — *Lessa W. A.*, Tales from Ulithi atoll, A comparative study in Oceanic Folklore, Berkeley and Los Angeles, 1961.

Луомала I — *K. Luomala*, The Menehune of Polynesia and other mythical people of Oceania, Honolulu, 1951.

Луомала II — *K. Luomala*, A Dynamic in oceanic Maui myths,— «Fabula», № 4, 1961.

Луомала III — *K. Luomala*, Food-Distribution Customs in Taituea,— «Journal of American Folklore», vol. LXXVIII, jan.— march, 1965.

Лэндтмен — *Landtman G.*, The folk-tales of the Kiwai Papuans, Helsingfors, 1919 (Acta Societatis Scientiarum Fennicae, t. XLVII).

Мало — *Malo D.*, Hawaiian Antiquities, Honolulu, 1951.

Мейер — *Meyer Josef*, Mythen und Erählungen der Küstenbewohner der Gassel-Halbinsel, Münster, 1909.

Метро — *Metraux A.*, Ethnology of Ester Island, Honolulu, 1940.

Мюллер — *Müller Wilhelm*, Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908/bis 1910, Hamburg, 1917.

Неверман — *Nevermann Hans*, Söhne des tötenden Vaters, Eisenach und Kassel, 1957.

Паркинсон — *Parkinson R.*, Dreißig Jahre in der Südsee, Stuttgart, 1907.

Сирих — *O. Sierich*, Samoanische Märchen,— «Internationale Archiv für Ethnographie», Leiden, 1901—1904.

Суапана — *Kipeni Su'apaia*, Samoa. The Polynesian Paradise, New York, 1962.

Федорова — *Fedorova I. K.*, Version of myths and legends in manuscripts of Easter Island,— «Reports of Norwegian Archaeological expedition on Easter Island and East Pacific», vol. 2, Stockholm, 1965.

Фогель — Handschrift von Dr. Hans Vogel (Hamburg).

Форнандер — The Fornander Collection of Hawaiian Antiquities and Folklore, Honolulu, 1916—1920.

Фритц — *G. Fritz*, Der Chaifi. Ein Märchen von den Marianen,— «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Kgl. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin» Jg. IX, I. Abt., «Ostasiatische Studien», Berlin, 1906.

Хамбрух I — *P. Hambruch*, Südseemärchen, Jena, 1921.

Хамбрух II — *P. Hambruch*, Nauru, Hamburg, 1914.

Хэнди — *Handy E. S. C.*, Marquesan Legends, Honolulu, 1930.

Черчворд — *Churchward C. M.*, Tales of a Lonely Island, Rotuman Legends, Sydney, 1940.

Шарп — *Sharp Andrew*, Ancient voyagers in Polynesia, Berkeley and Los Angeles, 1964.

Шпайсер — *Speiser F.*, Südsee, Urwald, Kannibalen; Reiseeindrücke aus den Neu-Hebriden, Leipzig, 1913.

Эльберт — Selections from Fornanders Hawaiian Antiquities and Folklore editor S. H. Elbert, Honolulu, 1959.

*Б. Указания на источники и время записи
отдельных текстов*

- 1—15. Юг Зап. Ириана, 1933—1934 гг., Неверман*.
16—27. О-в Кивай, 1910—1912 гг., Лэндтмен.
28—42. Новая Британия, местность Папаратава, 1910-е годы, Клейн-титшен.
43—45. П-ов Газель (Новая Британия), конец XX в., Мейер (приведено по Хамбрух I).
46. П-ов Газель (Новая Британия), конец XIX в., Паркинсон (приведено по Хамбрух I).
47. О-в Санта-Исабель, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
48. О-в Флорида, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
49—50. Соломоновы острова, Фогель (приведено по Хамбрух I).
51—57. О-в Маэво, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
58—63. О-в Аоба, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
64. О-в Вао, начало XX в., Шпайзер (приведено по Хамбрух I).
65. О-в Вао, 1910-е годы, Антропос (приведено по Хамбрух I).
66—72. О-в Мота, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
73—74. О-в Вануа-Лава (о-ва Банкс), 1863—1887 гг., Кодрингтон.
75—76. О-в Гауа, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
77. О-ва Торрес, 1863—1887 гг., Кодрингтон.
78. Новая Каледония, Ламбер (приведено по Леенхардт).
79—80. Новая Каледония, Леенхардт.
81. О-в Янде, Леенхардт.
82—93. О-в Вануа-Леву (Фиджи), 1935—1936 гг., Квейн.
94. О-в Мбенгга, 1950-е годы, Аттенборо.
95—97. О-в Ротума, 1937—1939 гг., Черчворд.
98. Марианские острова, начало XX в., Фритц (приведено по Хамбрух I).
99—105. О-ва Палау, конец XIX в., Кремер II (приведено по Хамбрух I).
106—108. О-ва Яп, 1908—1910 гг., Мюллер (приведено по Коль-Ларсену).
109—127. Улти, 1947—1949 гг., Лесса.
128—131. Ифалик, 1947—1948 гг., Берроуз.
132—135. Понапе, 1910 г., Хамбрух I.
136. Тарава, начало 1900-х годов, Луомола III.
137. Табитеуеа, 1948 г., Луомола III.
138—139. Науру, Хамбрух II.
140—142. Тонга, 1912—1913 гг., Кайо.
143—152. Тонга, 1920—1921 гг., Гиффорд.
153—155. Самоа, Суапаиа.
156—157. Самоа, начало XX в., Сирих.
158—159. Самоа, конец XIX в., Кремер I.
160. Самоа, ЖПО — LVI.
161. Аитугаки, Шарп.
162—164. Гаити, 1912—1913 гг., Кайо.

* Указания на источники даны здесь в условно-сокращенном виде. Полужирным шрифтом приводится порядковый номер сказки; далее следует указание на место и время записи текста; наконец, указывается источник. Полные названия соответствующих источников и их выходные данные см. в списке условных обозначений (А), приведенном на стр. 659.

165. Борабора, 1912—1913 гг., Кайо.
166—169. Туамоту, 1912—1913 гг., Кайо.
170—176. Хива-Оа, 1920—1921 гг., Хэнди.
177, 178 и 180. Взяты из рукописи Хуана Хаоа, обнаруженной на о-ве Пасхи норвежской археологической экспедицией под руководством Тура Хейердала в 1955—1956 гг., Федорова.
179, 181—202. О-в Пасхи, 1934—1935 гг., Метро.
203. Гавайи, 1870-е годы, Форнандер (приведено по Эльберт).
204. Гавайи, Вестервельт I.
205. Гавайи, Луомала I.
206—209. Гавайи, Вестервельт I.
210—211. О-в Мауи, Вестервельт II (приведено по Луомала II).
212. О-в Гавайи, Вестервельт II (приведено по Луомала II).
213. Гавайи, 1840-е годы, Мало (приведено по Колум).
214. Гавайи, Колум (материал взят автором из «Bernice Pauahi Bishop museum of Polynesian ethnology and natural history, Memoirs», Honolulu, v. V).
215. Гавайи, 1870-е годы, Форнандер (приведено по Колум).
216, 219—222, 224. О-в Гавайи, 1870-е годы, Форнандер (приведено по Эльберт).
217—218, 223. Гавайи, Вестервельт I.
225—237. Новая Зеландия, между 1845 и 1854 гг., Грей.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителя	5
Повествовательный фольклор народов Океании. <i>Предисловие</i> Е. М. Мелетинского	8

МЕЛАНЕЗИЯ

Меланезия. <i>Этнографический очерк А. Кондратова</i>	37
---	----

Западный Ириан

Группа маринд-аним

1. Первые люди. <i>Перевод с немецкого Г. Пермякова</i>	48
2. Посещение страны мертвых	50
3. Пожар в Сендаре	51
4. Геб	52
5. Утренняя женщина и вечерняя женщина	53
6. Сын бездны	55
7. Шагающее дерево	56
8. Остров Хабе	57
9. Оружие громовника	58
10. Копье Арамемба	59
11. Деревянный крокодил	61
12. Казуар	62
13. Птицы-носороги	63
14. Рыбий вср	65
15. Змея на луке	65

Папуа

Группа киваи

16. Виобари, который побывал в стране мертвых. <i>Перевод с английского М. Ириной</i>	67
17. Странствие Хивию, Гануми и Дуо	71
18. Сонаре и шестеро его слепых братьев	73
19. Как собаки обманули кускусов	77
20. Как осы приобрели свою окраску	79
21. Игрушечная лодка	80
22. Как двое мужчин превратились в животных	83
23. О змее с двумя головами	86
24. Похищение огня у Ику	86

25. О человеке, который хотел стать светлокочим	88
26. О воре и его жене	89
27. О юноше, менявшем свою кожу	91
Подопечная территория Новая Гвинея	
Остров Новая Британия	
Племя папаратава	
28. Создание земли. <i>Перевод с немецкого Г. Пермякова</i> . . .	97
29. То Пурго — солнце	98
30. Люди из кокосовой пальмы	99
31. Мужчина у женщин, которые не знали мужчин	99
32. То Кокономлор и дети	102
33. Две женщины и табаран	104
34. Ребенок и его родители-табараны	106
35. О мужчине, проглоченном крокодилом	107
36. Как возникли союз Иниет, союз Тубуан и разные виды колдовства	108
37. Тутанавураки отводит мужчину к его умершей жене . . .	110
38. Как два тутанавураки воровали бананы	111
39. Старуха и кайя То Нгарангаралоко	113
40. Кайя и двое сирот	115
41. То Билим и кайя Титиморо	116
42. О мужчине, побывавшем в гостях у кайев	117
Полуостров Газель	
43—45. То Кабинана и То Карвуу. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	120
43. Рыба	120
44. Кожа	120
45. Плоды хлебного дерева	121
46. Почему у казуара нет крыльев	123
Британские Соломоновы острова	
Остров Санта-Исабель	
Группа буготу	
47. Камакаджак. <i>Перевод с английского М. Ирининой</i>	124
Остров Флорида	
48. Цапля и черепаха. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i> . .	126
Другие острова архипелага	
49. Близнецы. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	129
50. Рыбак и тамбуран	130
Новые Гебриды	
Остров Маэво	
51. Как Тагаро сделал море. <i>Перевод с английского М. Ирининой</i>	133
52. Уход Тагаро	134
53. Тасо	134
54. Крылатая жена	137
55. Женщина и угорь	139
56. Рассказ о Дейтари	139
57. Бази и Доваовари	140

Остров Аоба	
58. Как коротышка Тагаро нашел рыбу. <i>Перевод с английского М. Ириной</i>	142
59. О Мера-мбуто и Тагаро	144
60. Рассказ о коротышке Тагаро и его раковине	145
61. Как старуха сделала море	146
62. Акула и змея	147
63. Курица и цыплята	147
Остров Вао	
64. Отражение в воде. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	148
65. Змея	148
Острова Банкс	
Остров Мота	
66. Кват. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	151
67. Кват и Квасавара	152
68. Кват и Марава	155
69. Жена-тамате. <i>Перевод с английского М. Ириной</i>	159
70. Ганвивирис	163
71. Маленький сирота	167
72. Странствие птиц. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	175
Остров Вануа-Лав	
73. Рассказ об угре. <i>Перевод с английского М. Ириной</i>	178
74. Молгон и Молвор	180
Остров Гау	
75. Как появилась смерть. <i>Перевод с английского М. Ириной</i>	182
76. Отъезд Квата. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	182
Острова Торрес	
77. Дилингавув. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	183
Новая Каледония	
78. Вождь Туо и вождь Тендо. <i>Перевод с французского В. Куприянова</i>	186
79. Дед и внук Дере	191
80. Сова, паже и вавиви	192
Остров Янде	
81. Первая супружеская чета. <i>Перевод с французского В. Куприянова</i>	193
Фиджи	
Остров Вануа-Леву	
82. Происхождение кокосовых орехов. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	194
83. Друзья из Ндрекети	195
84. Охота на черепаху	196
85. Глупый вождь	197

86. Хитрый тевооро	198
87. Человек-змея	199
88. Кто кого?	200
89. Попугай и летучая собака	201
90. Утка и цыпленок	201
91. Как был наказан журавль	202
92. Почему на Тонга плохо готовят таро	203
93. Взятие крепости Ватулака	203

Остров Мбенгга

94. Как возник обычай ходить по огню. <i>Перевод с английского В. Новикова</i>	206
--	-----

Остров Ротума

95. Мафи и Лу. <i>Перевод с ротуманского А. Кондратова</i>	207
96. Лала и Лили, девушки-птицы	217
97. Дети и великан	219

МИКРОНЕЗИЯ

Микронезия. <i>Этнографический очерк А. Кондратова</i>	225
--	-----

Подопечная территория Тихоокеанские острова

Марианские острова

98. Хайфи. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	231
--	-----

Каролинские острова

Острова Палау

99. Клубуд Сингал. <i>Перевод с немецкого Г. Пермякова</i>	233
100. Происхождение денег. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	238
101. Чудесная птица	240
102. Сверток с горы Нгераод	242
103. Сборщица миндаля	245
104. Бедный и богатый петухи	247
105. Яйцо белой ласточки	248

Острова Яп

106. Небесный дух Елофад. <i>Перевод с немецкого В. Вишняка</i>	249
107. Еуль	253
108. Сказка о Мороле, который ел детей. <i>Перевод с немецкого Г. Пермякова</i>	254

Атслл Улити

109. Иолофат и Лугеиланг. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	256
110. Иолофат и Хиоу	261
111. Халаф и Хололуеч	263
112. Лже-Палулоп и его семья	270
113. Лороп и Мотикитик	277
114. Девушка-дельфин	280
115. Как жители Улити научились делать верши	282
116. Одинокая женщина и ее сын, перебивший легаселепов	284

117. Как легаселеп упустил добычу	283
118. Таутау и скорлупа кокосового ореха	289
119. Как сумасшедший победил иалуслепа	291
120. Как легаселеп гнался за двумя сестрами	295
121. Сикхалол и его мать	297
122. Хелваронг и пять сестер	301
123. Сисиер и черепаший панцирь	303
124. Девушка-ящерица	305
125. Краб и крыса	308
126. Птицы и угорь	310
127. Как люди заселили острова Нгулу	311

Атолл Ифалик

128. Как Уолфат научил мужчин делать татуировку. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	314
129. Лонгорик и Лонголап	315
130. Как жители острова научились мореходству	320
131. Завоевание острова Ламотрек	322

Остров Понапе

132. Толоела и его дочь. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	324
133. Тайле	326
134. Обманутая людоедка	328
135. Битва рыб и птиц	330

Острова Гилберта

Атолл Тарава

136. Рассказ о предусмотрительных женщинах Нен Таинг и Нен Териб'а. <i>Перевод с английского Г. Пермякова</i>	332
---	-----

Атолл Табитеуза

137. Проделки Тарети. <i>Перевод с английского Г. Пермякова</i>	334
---	-----

Остров Науру

138. Девушка и месяц. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	337
139. Арере и чудовище	339

ПОЛИНЕЗИЯ

Полинезия. <i>Этнографический очерк А. Кондратова</i>	343
---	-----

Тонга

140. Родословная Тангалоа. <i>Перевод с французского В. Вишняка</i>	361
141. Возникновение мира и его обитателей	363
142. Крючок бога Тонги	365
143. Тангалоа и плотники. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	368
144. Происхождение кавы и сахарного тростника	368
145. Откуда взялась скала возле острова Тунгуа	369
146. Как возникли скалы Теухие и Калоафу	370
147. осьминог и крыса	370
148. Тун Тофуа	371
149. Первый Тун Тонга	373

150. Тунтатуи и черепаха Сангоне	376
151. Как Нганататафу привел к острову Хаано тунца	379
152. Такалауа и его жена Улукихелупе	381
Западное Самоа	
153. Савеаснулео. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	384
154. Дочь верховного вождя — Нафануа	386
155. Акула и черепаха	387
156. Любовь змея. <i>Перевод с немецкого Н. Вороновой</i>	389
157. Нора крокодила	391
158. Сина	393
159. Крыса и летучая собака	397
160. Саналала. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	399
Острова Кука	
Остров Аитутаки	
161. Путешествие Раты. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	403
Французская Полинезия	
Острова Общества	
Остров Танти	
162. Пипири Ма. <i>Перевод с таитянского А. Кондратова</i>	406
163. Путешествие Хоно и Ту с Танти на Ниау	407
164. Красавица Тиантау с острова Раиатеа. <i>Перевод с французского В. Вишняка</i>	408
Остров Борабора	
165. Акулы-оборотни. <i>Перевод с французского В. Вишняка</i>	410
Острова Туамоту	
166. Сотворение мира богом Тане. <i>Перевод с туамотуанского А. Кондратова</i>	415
167. Рассказ о предках жителей атолла Хао	415
168. Четырехглазый властитель. <i>Перевод с французского В. Вишняка</i>	416
169. Корабль духов	419
Маркизские острова	
Остров Хива-Оа	
170. Кае. <i>Перевод с маркизанского А. Кондратова</i>	421
171. Оно. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	429
172. Тахиа-нохо-уу	434
173. Хуути и Те-моо-низве	442
174. Туапуу и ее дети	447
175. Те-поза-хеи-о-Тонга	454
176. Тонга-хеи-эе	459
Остров Пасхи	
177. Возникновение острова Пасхи. <i>Перевод с рапануйского А. Кондратова</i>	464
178. Макемаке	465

179.	Макемаке и Хауа. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	465
180.	Тангароа и его сын. <i>Перевод с рапануйского А. Кондратова</i>	467
181.	Тангароа в образе тюленя. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	467
182.	Битва островов	469
183.	Хоту Матуа (заселение острова Пасхи). <i>Перевод с рапануйского А. Кондратова</i>	469
184.	Моко-Аранги-Роа и помогающий аку-аку. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	472
185.	Как ребенок превратился в рыбку нануе	473
186.	Происхождение обсидиановых наконечников	474
187.	Происхождение костяного рыболовного крючка	475
188.	Происхождение ямса Онаку-о-те-Такаторе	476
189.	Туу-ко-иху и два аку-аку. <i>Перевод с рапануйского А. Кондратова</i>	477
190.	Туу-ко-иху и его моаи-миро. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	478
191.	Туу-ко-иху и плащ из тапы. <i>Перевод с английского и рапануйского А. Кондратова</i>	479
192.	Уре	480
193.	Девушка Ухо и черепаха	482
194.	Уре, сын Охо-Вехи, и два аку-аку	484
195.	Аку-аку — похититель. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	488
196.	Рараку, победитель духов	488
197.	Раерае-Хоу, злой аку-аку, и Матамата-Пеа, добрый аку-аку	489
198.	Женщина с длинной рукой	491
199.	Говорящие грозди	492
200.	Юноши Аамаи	494
201.	Война ханау-еепе и ханау-момоко. <i>Перевод с рапануйского А. Кондратова</i>	495
202.	Битва между Хетереки и Таерекей. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	497

Гавайи

(Гавайские острова)

203.	Пунна. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	500
204.	Пузо. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	505
205.	Пи, у которого были родственники среди менехуне	506
206.	Людоед Каупе, человеко-пес	508
207.	Лодка му	510
208.	Тънец аумакуа в кратере вулкана	512
209.	Заколдованное хлебное дерево	514
210—212.	Сказания о Мауи. <i>Перевод с английского М. Ирининой</i>	516
210.	Похищение огня	516
211.	Как Мауи поймал Солнце	518
212.	Смерть Мауи	520
213.	Женщина из подводной страны. <i>Перевод с английского Г. Головнева</i>	521
214.	Рассказ о По-о	524
215.	Каулу — самый сильный человек в мире	527

216. Ива, чудесный вор. <i>Перевод с английского А. Кондратова</i>	530
217. Живая вода Кане. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	536
218. Вождь и его чудесные слуги	540
219—222. Уми, король Гавайев. <i>Перевод с гавайского А. Кондратова</i>	543
219. Как Уми стал королем острова Гавайи	543
220. Жрец Каоленоку и король Уми	544
221. Как Уми наделил земель стариков Нуну и Какохе	546
222. Рассказ о путешествии короля Уми и его вождей вокруг острова Гавайи	548
223. Человек-птица из долины Нууану. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	550
224. Пупукеа. <i>Перевод с гавайского А. Кондратова</i>	553
Новая Зеландия	
225. Дети Неба и Земли. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	561
226—229. Мауи. <i>Перевод с английского М. Ирининой</i>	566
226. Рождение Мауи и его приход в семью. Поход в подземное царство	566
227. Как Мауи выловил остров	572
228. Пехищение подземного огня	575
229. Как Мауи сделал собаку	578
230. Восхождение Рупе на небо. <i>Перевод с английского Ю. Баранова</i>	580
231. Тафаки	584
232. Рата	588
233. Два колдуна	591
234. Как Те Канева встретил духов	594
235. Как Кае похитил кита	595
236. Как был убит и отшпен Туфакараро	598
237. Такаранги и Рау-махора	602
—	
ПРИМЕЧАНИЯ	
Основные примечания к текстам	607
Меланезия	607
Микронезия	624
Полинезия	630
Словарь географических названий	642
Словарь зоологических и ботанических названий	654
Справки об источниках фольклорных текстов, приведенных в сборнике	659
А. Список условных обозначений и полные названия источников	659
Б. Указания на источники и время записи отдельных текстов	661

СКАЗКИ И МИФЫ ОКЕАНИИ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*Редактор И. Л. Елевич
Художник А. П. Степанова
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор В. В. Воловик*

Сдано в набор 31/III 1970 г.
Подписано к печати 9/IX 1970 г.
Формат 60 × 84^{1/8}. Бум. № 2.
Печ. л. 42,0. Усл. п. л. 39,06. Уч.-изд. л. 37,11
Тираж 75 000 экз. Изд. № 1918
Зак. № 973. Цена 2 р. 04 к.

• Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

**Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного
Знамени Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва М-54, Валовая, 28**

**Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный
пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.
Заказ № 3953**

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В 1971 году выйдут:

АФАНАСЬЕВА В. К. *Шумерская и вавилоно-ассирийская литература* (серия «Литература Востока»). 8 л.

КОРНЕВ В. И. *Литература Таиланда* (серия «Литература Востока»). 8 л.

МУСАЭЛЯН Ж. С. *Курдское народное сказание «Замбильфрош» и его литературная параллель*. 22 л.

Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов и «Академкнигой», а также по адресу:
Москва В-463, Мичуринский просп. 12, магазин
№ 3 («Книга-почтой») «Академкнига».

